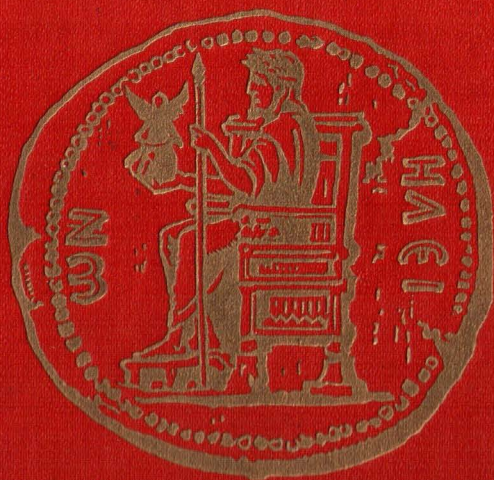

МАЛЫЕ
РИМСКИЕ ИСТОРИКИ

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ

АННЕЙ ФЛОР

ЛУЦИЙ АМПЕЛИЙ

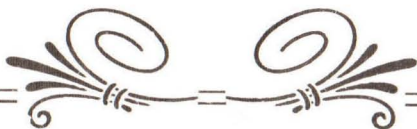

Античная
КЛАССИКА

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ
АННЕЙ ФЛОР
ЛУЦИИ АМПЕЛИЙ

VELLEILIS PATERCULUS
HISTORIA ROMANA

L.ANNAEUS FLORUS
BELLORUM ROMANORUM LIBRI DUO

L.AMPELIUS
LIBER MEMORIALIS

МАЛЫЕ РИМСКИЕ ИСТОРИКИ

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

◆
АННЕЙ ФЛОР
ДВЕ КНИГИ РИМСКИХ ВОЙН

◆
ЛУЦИИ АМПЕЛИЙ
ПАМЯТНАЯ КНИЖИЦА

Издание подготовлено
А.И. НЕМИРОВСКИМ

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»
МОСКВА
1996

Переводы с латинского
Эформление *В. Н. Белоногова*

ISBN 5-86218-125-3

- © А. И. Немировский. Переводы, статья,
- © примечания, 1996.
- © М. Ф. Дашкова. Переводы, 1996.
- © В. Н. Белоногов. Оформление, 1996.
- © Научно-издательский центр «Ладомир», 1996.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается*

От редакции

Римское историописание выросло из летописей (анналов), которые поначалу велись жрецами-понтификами и содержали запись примечательных событий каждого года. На почве этих анналов возникали исторические труды, построенные по тому же анналистическому принципу, но использовавшие наряду с древними анналами также народные предания и сведения, почерпнутые из произведений греческих историков. С увеличением возраста римского народа, главного героя римского историописания, анналы трансформируются в огромные по объему произведения из многих десятков книг (то есть больших глав).

По мере того как Рим из города-государства превращался в италийскую, а затем мировую державу, анналистическая форма изложения становилась тесной для повествования, которое по необходимости должно было касаться событий, происходящих за пределами Италии, и рассматривать явления в длительном развитии. История римской историографии с точки зрения эволюции формы исторических трудов — это история преодоления анналистики, ставшей своего рода прокрустовым ложем. Она сковывала возможности авторов, усваивавших концептуальный способ изложения; мысль тонула в обилии фактов.

В конце Республики, как бы предвещая скорые общественные и политические метаморфозы, резко изменяется ритм жизни: он становится более напряженным. Преображаются вкусы и моды. Женские одеяния становятся более короткими, а сама их материя — до неприличия прозрачной. Давно уже вышли из моды бороды, а теперь короткой делается и стрижка. Краткосрочными становятся и браки. Тогда же длинные поэмы вытесняются короткими лирическими стихотворениями (Валерий Катулл). Проходит и век «длинных и нравоучительных» сочинений римских анналистов. Под стилем Саллюстия анналы трансформируются в блестящие трактаты, посвященные событиям одного или нескольких лет, с яркими портретами исторических деятелей. На римском книжном рынке

господствуют также краткие биографии греческих и римских политических деятелей (Корнелий Непот).

И конечно же дело не в том, что стали дороже папирус и пергамент,— изменился вкус. Все пространно изложенное, хотя и продолжало вызывать уважение бездной затраченного времени, уже порождало зевоту. Кажется, тогда же пришли к выводу, что «краткость — сестра таланта», но не успели это высказать, ибо наступила эпоха реставрации старины, провозглашенной ее ревнителем Августом, возродившим староримские обычаи и снявшим паутину со стен заброшенных храмов. Именно при Августе был написан и обнародован грандиозный исторический труд Тита Ливия из 142 книг, явившийся попыткой возрождения угасшей анналистической традиции.

Но время берет свое. При преемниках Августа появляются первые краткие изложения истории. Гай Цезарь Калигула изымает из публичных библиотек корпус Тита Ливия «за длинноты и болтовню». Конечно, Калигула был не в своем уме, но, кажется, этот его акт являлся не проявлением психической ненормальности, а отражал изменившееся отношение римского общества к фолиантам, подобным истории Ливия. Эпоха Империи стала временем торжества латинских историков, которых можно в соответствии с объемом содержащейся в их трудах информации назвать «малыми». Но сама информация в этих трудах более разнообразна: наряду с фактами политической и военной истории, в них находят освещение события культурной истории, деятельность поэтов и художников, появление выдающихся архитектурных сооружений. Обычной становится форма небольшой монографии, излагающей факты по определенному плану или узкому географическому охвату. Некоторые из произведений малых историков отличаются высоким мастерством изложения, о них хочется сказать: «Мал золотник, да дорог». Историю пишут поэты. Иногда она имеет ритмическое звучание.

Первым по времени малым историком Рима был привыкший к краткости на длительной военной службе Веллей Патеркул, изложивший всеобщую историю от Троянской войны до заговора Сеяна при императоре Тибериусе. К истории Веллея Патеркула примыкало сочинение Валерия Максима, в котором история Рима излагалась по темам: «О человеколюбии и кротости», «О благодарности», «О неблагодарности», «О любви к родителям», «О любви к братьям». По-видимому, автор не просто преподавал современникам уроки морали и патриотизма, но и дал в распоряжение ораторам и учителям красноречия «примеры порока и добродетели».

Младшим современником Валерия Максима был Секст Юлий Фронтин, создавший историческую хрестоматию такого же типа,

но включившую примеры из истории военного искусства. Во времена Адриана жил Луций Анней Флор, предложивший в двух книгах оригинальную концепцию истории римских внешних и гражданских войн. Маленькой исторической монографией является сочинение автора III века Цензорина «О дне рождения», посвященное анализу временных понятий с экскурсом в историю религии, в частности этрусского религиозного учения, где эти понятия широко разрабатывались. Скорее всего, к этому же веку должно быть отнесено сочинение М. Юния Юстина, дающее краткое изложение всеобщей истории Трога Помпея, состоявшей из 44 книг. «Жанр» малой истории достигает расцвета в IV—V веках, к которым относится деятельность Солина, Аврелия Виктора, Секста Руфа, Евтропия, Орозия, Вегеция. В это время малых историков предпочитают «большим», ибо становится все уже круг читателей и почитателей латинской литературы, да и кому нужно было загромождать память деталями угасающей жизни античного мира? По этой же причине в Средние века малых историков предпочитали Ливию и Тациту. От Тацита сохранилась лишь одна рукопись со значительными лакунами, а от Флора и Евтропия — сотни. Фактически они стали учебниками, их переводили на греческий, дополняли. Они служили образцом для средневековых историков.

Из книжицы Флора узнали о томах Тита Ливия, но их искать и переписывать никто не собирался. Лишь в эпоху Возрождения, по выражению одного из страстных поклонников всего античного, поэта Петрарки, «цветущая краткость Флора подвигла к поискам Ливия». Рукописи Ливия были найдены, но большая часть его труда оказалась потерянной.

Интерес к малым историкам, несмотря на открытие «больших», не угасал в Новое время. Флора, Евтропия, Аврелия Виктора, Фронтину продолжали читать, их труды расходились сотнями печатных изданий. Петровская и послепетровская Россия начала знакомство с Древним Римом именно по малым историкам. В XVIII веке они были почти все переведены на русский, но, как правило, с французских переводов. Ныне они не «читабельны». Помимо изменения языка сама лексика перевода приводит к искажению смысла, поскольку в XVIII веке стремились подыскать латинским терминам русский эквивалент — например, слово «ростры» (ораторская трибуна) передавалось как «лобное место».

Таким образом, для удовлетворения интереса к античной истории современной читательской аудитории требуются новые научные переводы и издания. Мы попытаемся их осуществить, памятуя, что «малое» — шаг к «большому». Серия «Малые римские историки» рассчитана на шесть томов. В первый том войдут произведения

трех историков — Веллея Патеркула, Аннея Флора и Луция Ампелия. Второй том вберет «малые хрестоматии» по военному искусству Фронтинана и Вегеция. В последующих томах читатель получит в пользование сочинения Валерия Максима, Солина, Юстина, Евтропия, Орозия, безымянного автора книги «О замечательных людях» и другие произведения. Выпуск подобной серии в нашей стране не имеет precedентов. Предполагается подготовка новых переводов с латинских оригиналов или использование уже появившихся в научной печати за последние полвека, которые будут выверены и прокомментированы.

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУА
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Книга I

[Эпей]¹, отторгнутый бурей от своего предводителя Нестора², основал Метапонт³. Тевкр⁴, не принятый своим отцом Теламоном из-за того, что по нерадению он не отомстил за несправедливость по отношению к брату, и высадившись на Кипре, построил Саламин, названный по имени его родины. Пирр, сын Ахилла, занял Эпир, Фидипп⁵ — Эфиру в Феспротии. (2) Что касается царя царей Агамемнона, то, выброшенный бурей на остров Крит, он воздвиг там три города, два из них назвав по имени родины, а один — в память победы: Микены, Тегею и Пергам⁶. Вскоре он был убит, пав жертвой преступления двоюродного брата, питавшего к нему наследственную ненависть, и злодеяния жены. (3) Царской властью Эгисф пользовался в течение семи лет. Его и свою мать умертвил Орест, имевший союзницей во всех своих замыслах Электру, женщину с мужской силой духа. То, что это было сделано с одобрения богов, стало ясно из продолжительности его жизни и счастливого царствования: ибо он прожил девяносто лет, а правил семьдесят. Также и Пирру, сыну Ахилла, он отомстил благодаря своей доблести. Ведь он убил его в Дельфах за то, что тот овладел его невестой Гермियोной, дочерью Менелая и Елены⁷.

(4) В это время братья Лид и Тирфен, царствовавшие в Лидии, из-за неурожая принуждены были бросить жребий, кому из них с частью народа покинуть родину. Жребий выпал Тиррену: достигнув Италии, он дал и месту, и жителям, и морю свое имя, прославленное навсегда⁸. После смерти Ореста его сыновья Пенфил и Тисамен царствовали три года⁹.

II. Тогда, почти через восемьдесят лет после взятия Трои¹⁰ (или через сто двадцать лет после ухода Геркулеса к богам), потомство Пелопса, владевшее все это время Пелопоннесом после изгнания Гераклидов, было изгнано потомками Геркулеса. Предводителями, восстановившими былую власть, были Темен, Кресфонт, Аристомед, коим Геркулес был прадедом. Почти в то же время Афины перестали управляться царями. Последним из них был Кодр, сын Меланфа, человек, которого невозможно обойти молчанием. В самом деле,

лакедемоняне ¹¹ угрожали Аттике тяжелой войной, и пифийский бог дал совет: «Одолеет та из сторон, вождь которой будет убит врагом». Кодр, сняв царское одеяние и приняв облик пастуха, проник в лагерь врага, с преднамеренной неосторожностью затеяв ссору, и был убит ¹². Себе Кодр снискал смертью вечную славу, а афинянам добыл победу. Кто не удивится человеку, который теми же уловками добился смерти, какими малодушные обычно добиваются жизни? Сын Кодра Медон был первым архонтом в Афинах ¹³. Потомков его жители Аттики называли Медонтидами. Но Медон и следовавшие за ним архонты, вплоть до Харопса, пользовались этой должностью пожизненно ¹⁴. Пелопоннесцы, отступив от границ Аттики, основали на половине пути между Коринфом и Афинами город Мегару. (3) В то же время моряки могущественного тогда на море Тира в отдаленнейшей части Испании, у крайних пределов нашего мира, на острове, омываемом океаном и отделенном от материка очень узким проливом, основали Гадес; ¹⁵ тирийцами же через несколько лет была основана в Африке Утика ¹⁶. Дети Ореста, изгнанные Гераклидами и гонимые превратностью судьбы и яростью моря, на пятнадцатом году осели где-то неподалеку от острова Лесбоса.

III. Греция была тогда потрясена мощнейшими миграциями. Ахейцы, изгнанные из Лаконики, обосновались в местах, какими обладают поныне ¹⁷, пеласги переместились в Афины, и воинственный юноша по имени Фессал, родом феспрот, с огромной массой своих сограждан занял силой оружия ту область, которая еще и теперь по его имени называется Фессалией, а прежде именовалась страной мирмидонян ¹⁸. (2) В связи с этим именем вызывает удивление то, что составители истории Троянского времени упоминают эту область как Фессалию. Так поступают и другие, особенно же часто трагические поэты, с которыми менее всего следует соглашаться: ведь поэты никогда не высказывают свою точку зрения, а скрываются за личностями тех, кто жил в то время. Если же кто будет настаивать, что фессалийцы были названы по имени Фессала, сына Геркулеса, то он должен будет возвращен к тому доводу, что до второго Фессала народ никогда не носил этого имени. (3) Незадолго до этого Алет ¹⁹, сын Гиппота и потомок Геркулеса в шестом колене, основал на Истме Коринф, до того называвшийся Эфирой, ключ к Пелопоннесу ²⁰. Не должно нас удивлять, что мы находим имя Коринф уже у Гомера: ведь поэт этот город и некоторые другие ионийские колонии, основанные много позднее взятия Трои, называет тем именем, какое застал.

IV. Афиняне основали свои колонии Халкиду и Эретрию на Эвбее, лакедемоняне же — Магнезию в Азии ²¹. Немного времени спустя халкидяне, бывшие, как я уже заметил, выходцами из

Аттики, под предводительством Гиппокла и Мегасфена основали в Италии Кумы²². Одни передают, что их флот в пути направлялся голубкой, летевшей впереди кораблей, а другие утверждают, что ночью их вело звучание меди, подобное ее сотрясению во время священнодействий в честь Цереры. (2) Значительное время спустя часть поселенцев, отделившись от Кум, основала Неаполь. Исключительная и постоянная верность обоих этих городов римлянам стала достойной их славы и красоты природы. Но у неаполитанцев сохранилось тщательное соблюдение отцовских обычаев, тогда как куманцев изменило соседство с осками. Руины сохранившихся стен и поныне говорят о былом могуществе этих городов. (3) В последующее время по причине перенаселенности Греции огромная масса молодежи в поисках мест поселения рассеялась по Азии. Ведь и ионийцы во главе с Ионом, покинув Афины, захватили лучшую прилегающую к морю ее часть, которую называют Ионией, и основали города Эфес, Милет, Колофон, Приену, Лебед, Миус, Эритрею, Клазомены, Фокею, а также заняли множество островов в Эгейском и Икарийском морях — Самос, Хиос, Андрос, Тенос, Парос, Делос и другие менее значительные. (4) Вскоре также и эолийцы, покинув Грецию, после продолжительных блужданий обосновались в местах не менее прославленных и основали там знаменитые города Смирну, Кимы, Лариссу, Мирину, Митилены и еще некоторые другие на острове Лесбос.

V. Вслед за этим воссиял гений Гомера, не имеющий себе равных, величайший как по размерам произведений, так по блеску поэзии, единственно достойный имени поэта. (2) И самое великое в нем то, что не было до него никого, кому бы он мог подражать, и не нашлось после него никого, кто бы смог подражать ему. Нельзя найти ни одного поэта, кроме Гомера и Архилоха, которые, создав новый род поэзии, достигли бы в нем совершенства. (3) Гомер отстоял по времени от Троянской войны, которую описал, дальше, чем думают некоторые. Ведь он достиг расцвета почти девятьсот пятьдесят лет назад, а родился около тысячи лет назад. И не следует удивляться тому, что он часто употребляет выражение οἰοὶ νῦν βροτῶν εἶσιν²³ (те, которые из ныне живущих) — ведь этим он подчеркивает различие как людей, так и поколений. Тот же, кто полагает, что Гомер был рожден слепым, лишен всякого понимания.

VI. В следующее затем время — около восьмисот семидесяти лет назад — власть над Азией перешла от ассирийцев, которые обладали ею тысячу семьсот лет, к мидянам²⁴. (2) Ведь царя их Сарданапала, ослабленного изнеженностью и, на свое несчастье, слишком счастливого, тридцать третьего потомка (при постоянном переходе власти от отца к сыну) в роду Нина²⁵ и Семирамиды, которые

основали Вавилон, лишил царства и жизни мидиец Арбак. (3) В это время Ликург, лакедемонянин, славнейший из греков, человек царского происхождения, был создателем строжайших и справедливейших законов и порядка, в высшей степени подходящего мужам. Пока Спарта тщательно им следовала, она процветала в полной мере. (4) На протяжении того же времени, еще за шестьдесят пять лет до основания Рима, Элисса Тирийская, которую некоторые именуют Дидоной, основала Карфаген²⁶. (5) Примерно тогда же Каран, муж из рода царей, шестнадцатый в роду от Геркулеса, покинув Аргос, завладел царской властью в Македонии²⁷. Александр Македонский происходил от него в семнадцатом поколении и законно гордился тем, что по материнской линии он потомок Ахилла, а по отцовской — Геркулеса.

(6) Эмилий Сура²⁸ в книгах «О возрастах римского народа» пишет: «Ассирийцы первыми из всех народов обладали властью над миром, затем — мидийцы, после них — персы, позднее — македоняне. Потом, после победы над двумя царями македонского происхождения, Филиппом и Антиохом, вскоре после подчинения Карфагена, верховная власть перешла к римскому народу. Между этим временем и началом власти ассирийского царя Нина, впервые добившегося мирового господства, прошли одна тысяча девятьсот девяносто пять лет».

VII. Современник этой эпохи — Гесиод, отделенный от поколения Гомера почти ста двадцатью годами, человек весьма изысканного дарования, достойный памяти из-за сладостной нежности стиха, одержимый страстью отдохновения и спокойствия, он был наиболее близок к Гомеру не только по времени, но и по значению своего труда. Избегая ошибки, совершенной Гомером, он дал свидетельства о родине и родителях, но о родине, поскольку претерпел от нее кару, отозвался в высшей степени оскорбительно²⁹.

(2) До сих пор меня задерживали чужеземные дела; теперь же я перехожу к домашнему делу, которое вызвало среди авторов множество различных мнений. Ведь некоторые говорят, что Капуя и Нола были основаны тусками около восьмисот тридцати лет назад³⁰.

(3) С ними я мог бы согласиться. Но сколь отлично мнение Катона, который считает, что Капуя основана теми же тусками и вскоре после нее — Нола, но утверждает, что Капуя до взятия ее римлянами существовала не более двухсот шестидесяти лет. (4) Если бы это было так, то Капуя, поскольку со времени ее взятия римлянами прошло двести сорок лет, была бы не старше пятисот лет. Я же, при всем своем уважении к тщательности Катона, едва ли могу поверить, что такой большой город мог столь скоро вырасти, расцвести, погибнуть, возродиться.

VIII. Затем по инициативе Ифита из Элиды открылись Олимпийские игры, наиболее прославленное и наиболее действенное из всех состязаний в развитии физической и духовной доблести. Он учредил эти игры и торжественный сбор за восемьсот двадцать три года до твоего, М. Виниций, консульства³¹. (2) Передают, что священнодействие на том же месте установил Атрей около тысячи двухсот пятидесяти лет назад, когда проводил погребальные игры в честь отца своего Пелопса, и что на этом игрище Геркулес был победителем во всех видах состязаний³². (3) Тогда же в Афинах архонты перестали пользоваться пожизненной властью — последним из них был Алкмеон — и начали избираться на десять лет. Этот порядок удерживался семьдесят лет, после чего общественные дела были возложены на ежегодно избираемых должностных лиц. Из тех, кто управлял десять лет, первым был Харопс, последним — Эриксиас, из годовичных первым — Креон. (4) В шестую Олимпиаду, через двадцать два года после того, как была учреждена первая, Ромул, сын Марса, отомстив за несправедливость по отношению к деду, в Парилии, на Палатине, основал город Рим³³. От того времени до вашего консульства семьсот восемьдесят один год; произошло это через четыреста тридцать семь лет после взятия Трои. (5) В этом предприятии Ромул был поддержан легионами своего деда Латина. Я охотно присоединяюсь к сторонникам этой версии, поскольку иначе едва ли мог новый город укрепиться в такой близости от вейнтов и других этрусков, а также сабинян собственными силами невоинственного отряда пастухов, хотя бы и сильно возросшего благодаря священному убежищу между двумя рощами. (6) Он избрал сто человек, назвав их *patres* (таково происхождение слова «патриции»), сделав нечто вроде общественного совета. Похищение сабинских девушек...³⁴ Не менее знаменит в то время был сын Мильтиада Кимон...³⁵

IX. ... чем опасался враг, устремился. Ведь до того, на протяжении двух лет он (царь Персей) не только сражался с консулами, пользуясь переменным счастьем, но большей частью брал верх и вследствие этого привлек большую часть Греции на свою сторону. (2) И даже родосцы, до того вернейшие римлянам, заколебались в своей верности и, следя за его успехом, казались, готовы были перейти на сторону царя. Также царь Эвмен³⁶ занял в этой войне промежуточную позицию, которая не соответствовала ни принципам его брата, ни его собственному обыкновению. (3) Тогда сенат и римский народ избрали консулом Л. Эмилия Павла, еще раньше, в свою претуру и предыдущее консульство, удостоенного триумфа, человека, достойного той похвалы, какой заслуживает сама доблесть. Он был

* В рукописи лакуна.

сыном того Павла, который вступил в битву при Каннах, столь пагубную для государства, с уклончивостью, равной храбрости, с какою встретил смерть. (4) Павел разбил Персея в огромном сражении у города по имени Пидна в Македонии³⁷, захватил лагерь, уничтожил его войско и, лишив всякой надежды, вынудил покинуть Македонию. Оставив ее, он прибыл на остров Самофракию как молящий о защите, вверив себя покровительству священного храма. (5) К нему прибыл претор Октавий, командовавший флотом, и скорее разумными доводами, чем силой, убедил отдаться на милость римлян. Так Павел провел в триумфе величайшего и знаменитейшего царя. В том же году были отпразднованы пышные триумфы Октавия, претора, командовавшего флотом, и Аниция, прошедшего перед колесницей иллирийского царя Гентия³⁸. Насколько назойливой спутницей величайшего успеха является зависть, сопутствующая всему выдающемуся, можно понять из факта, что никто не препятствовал триумфу Октавия и Аниция, в то время как триумфу Павла пытались помешать³⁹. Его триумф превзошел все предшествующие и величиим царя Персея, и видом изображений, и суммою денег, — поскольку Павел внес в эрарий двести миллионов сестерциев и победил величиною этой суммы всех предшественников.

Х. В то самое время, когда Антиох Эпифан⁴⁰, тогдашний царь Сирии (тот самый, который предпринял строительство Олимпейона в Афинах), осадил в Александрии царя-мальчика Птолемея, к нему был послан легат М. Попилий Ленат, чтобы заставить его отказаться от задуманного⁴¹. (2) Попилий изложил свое поручение, и когда царь ответил, что подумает, обвел вокруг него прутиком линию и потребовал не выступать из круга на песке прежде, чем даст ответ. Таким образом римская твердость положила конец царским притязаниям и явилась причиной выполнения приказа.

(3) Что касается Луция Павла, одержавшего большую победу, то у него было четверо сыновей. Из них двух старших он дал усыновить: одного — П. Сципиону, сыну Сципиона Африканского (не сохранившему от отцовского величия ничего, кроме блеска имени и силы красноречия), другого — Фабию Максиму. Двоих младших, которые ко времени победы еще не надели мужскую тогу, оставил при себе. (4) Перед триумфом, в тот день, когда, согласно установлениям предков, полагалось дать отчет на народной сходке за городской чертой, он напомнил по порядку о своих делах и стал умолять бессмертных богов, чтобы в том случае, если он своими делами или успехом вызвал зависть у кого-либо из них, они лучше были бы безжалостны к нему, чем к государству. (5) Это заклинание, словно бы исходящее от оракула, лишило его большей части потомства. Ведь он потерял одного из не вышедших

из-под отцовской опеки сыновей незадолго до триумфа и через несколько дней после триумфа — другого. (6) Суровой была примерно в то же время цензура Фульвия Флакка и Постумия Альбина: ⁴² а именно был исключен цензорами из сената Гн. Фульвий, брат цензора Фульвия, к тому же обладавший общим с ним имуществом.

XI. После того как был побежден и взят в плен Персей, который умер через четыре года под домашним арестом в Альбе ⁴³, Лже-Филипп, названный так вследствие его лживого утверждения, что он Филипп и человек царской крови, хотя был самого низкого происхождения, силой оружия захватил Македонию и присвоил знаки царского величия, но вскоре понес наказание за свою дерзость. (2) Ведь претор Кв. Метелл, которому за доблесть было добавлено имя Македонский, одолел Лже-Филиппа и его народ достопадной победой ⁴⁴. В жестоком бою он разбил также ахейцев, начавших при нем мятеж ⁴⁵. (3) Это тот Метелл Македонский, который обнес портиками, не имевшими надписей, два храма (ныне они опоясаны Октавиевым портиком) ⁴⁶. Он также привез из Македонии отряд конных статуй, который повернут к фронту храма и до сих пор служит лучшим украшением этого места. (4) Обычно так передают историю этого конного отряда: Александр добился от Лисиппа, выдающегося в этом искусстве мастера, чтобы тот изваял портретные изображения всадников его турмы, павшей при реке Гранике, и поместил среди них его собственную статую ⁴⁷. (5) Метелл, воздвигший первый в Риме храм из мрамора рядом с этими памятниками, положил начало этому виду великолепия или роскоши. Едва ли можно отыскать в другом народе, времени или сословии человека, какой бы пользовался таким благоволением фортуны, как Метелл. (6) Ведь помимо великолепных триумфов, великого почета, какими он обладал, выдающегося места в государстве, острых и бескорыстных споров с недругами, которые он вел, защищая государство, Метелл вырастил четырех сыновей и всех их увидел взрослыми, всех оставил живыми, добившимися величайшего почета. Когда он умер, эти четыре сына поставили его погребальное ложе перед рострами. Один из них уже был консуляром и цензором, второй — консуляром, третий — консулом того года, четвертый — кандидатом в консулы, уже вступившим в свои права ⁴⁸. Это можно было скорее назвать счастливым уходом из жизни, чем смертью.

XII. Затем Ахайя, большая часть которой, как было сказано выше, была сломлена доблестью и оружием того же Метелла Македонского, полностью вовлеклась в войну; более всего к ней подстрекали коринфяне, даже наносившие римлянам тяжелые оскорбления. Вести эту войну было поручено консулу Л. Муммию.

(2) И почти в то же самое время сенат постановил разрушить Карфаген, скорее потому, что римляне готовы были верить всему, что бы ни говорилось о карфагенянах, чем потому, что сказанное заслуживало доверия. (3) Вследствие этого тогда был избран консулом П. Сципион Эмилиан, хотя он домогался эдилитета. Как было сказано, это один из сыновей Павла, усыновленный сыном Сципиона, доблестью подобный своему деду П. Африканскому и своему отцу Павлу, благодаря одаренности и образованию самый выдающийся человек своего века в вопросах войны и мира, не совершивший в своей жизни ничего, что бы не было достойно похвалы — ни в делах, ни в словах, ни в помыслах. (4) В войну против Карфагена, начатую уже за два года до него прежними консулами, он устремился с большой силой (еще раньше он получил в Испании корону, вручаемую за взятие города штурмом, в Африке он был награжден короной за освобождение римского войска от осады, и, сверх того, вызванный в Испании на поединок, будучи человеком умеренных физических сил, победил противника, обладавшего невероятной силой. (5) Он разрушил до основания этот город, ненавистный римлянам (поскольку в нем видели соперника их власти, а не из-за вреда, который он мог бы принести в это время), сделал Карфаген памятником своей доблести — его дедом он был сделан памятником милосердия. Карфаген был разрушен через шестьсот шестьдесят лет после своего основания, в консульство Гн. Корнелия Лентула и Л. Муммия, за сто семьдесят семь лет до наших дней. (6) Таков был финал Карфагена, соперника Римской империи, с которым наши предки начали воевать в консульство Клавдия и Фульвия, за двести девяносто шесть лет до того, как ты, М. Виниций, вступил в консульство. Так что сто двадцать лет между обоими народами велась война, включая приготовления к ней и непрочный мир. (7) Даже когда Рим уже смог достичь мирового господства, он не считал себя в безопасности до тех пор, пока оставалось имя Карфаген и существовал сам город. Настолько ненависть, порождаемая соперничеством, переживает страх и не прекращается по отношению к побежденным даже после исчезновения самого предмета ненависти. Так и ненависть к Карфагену исчезла лишь с его исчезновением.

XIII. М. Катон, постоянный поборник разрушения Карфагена, умер за три года до его падения, в консульство Л. Цензорина и М. Манилия. В том же году, когда погиб Карфаген, Л. Муммий разрушил до основания Коринф — через девятьсот пятьдесят два года после того, как он был основан Алетом, сыном Гиппота^{48а}. (2) Оба полководца были почтены именами побежденных народов: один был назван Африканским, другой — Ахейским. Муммий был первым

из новых людей, кто добавил к своему имени когномен, добытый воинской доблестью. (3) Различны были нравы полководцев, различны были их устремления. Ведь Сципион был настолько утонченным ревнителем и почитателем свободных искусств и всех наук, что держал при себе дома и на войне Полибия и Панетия, писателей исключительного дарования. И никто изысканнее Сципиона не перемежал занятия отдохновением, постоянно служа искусству войны или мира. Поглощенный всегда либо войной, либо учением, он укреплял тело опасностями, дух — наукой. (4) Муммий, напротив, был настолько неотесан, что при взятии Коринфа, намечая для отправки в Италию множество картин и статуй, созданных величайшими мастерами, наставлял сопровождающих: «Если с ними что случится, то вы должны будете изготовить новые». (5) Но я не думаю, Виниций, что у тебя вызовет сомнение то, что неосведомленность в ценности коринфского искусства менее полезна для государства, чем нынешняя изощренность, и что это незнание менее служит украшению государства, чем теперешнее знание⁴⁹.

XIV. Поскольку те или иные факты, собранные воедино, более доступны зрению и уму, чем разделенные временем, я решил отделить первую часть труда от второй сводкой небесполезных фактов и привести список колоний, которые были основаны по повелению сената после взятия Рима галлами, вместе с их датами;⁵⁰ что же касается военных колоний, причин их основания, основателей и их имен, то они достаточно известны. И кажется, не будет неуместным присоединить к этому сведения о происходившем одновременно расширении городов и распространении римского имени благодаря дарованию прав. (2) Через семь лет после того как галлы взяли Рим, была выведена колония Сутрий⁵¹, на следующий год — Сетия⁵², с перерывом в девять лет — Непе⁵³. Затем по прошествии тридцати двух лет гражданство было дано арицинцам⁵⁴. (3) Триста шестьдесят лет назад, в консульство Сп. Постумия и Ветурия Кальвина⁵⁵, гражданство без права голоса было дано кампанцам и части самнитов. И в этом же году была выведена колония Калес⁵⁶. Затем по прошествии трех лет, в тот же самый год, когда была основана Александрия, гражданство получили жители Фунды⁵⁷ и Формий⁵⁸. (4) При следующих сразу за этим консулах цензоры Сп. Постумий и Филон Публилий дали права гражданства ацерранцам⁵⁹. И спустя три года была выведена колония Таррацина⁶⁰. Через четыре года после нее — Луцерия⁶¹, еще через три года Суесса Аурунка⁶² и Сатикула⁶³ и двумя годами позднее Интерамна⁶⁴. (5) После того было десять пустых в этом отношении лет; потом были выведены колонии Сора⁶⁵, а также Альба⁶⁶ и через два года Карсеолы⁶⁷. (6) В пятое консульство

Квинта Фабия и четвертое Деция Муса, в том году, когда начал царствовать Пирр, колонисты были посланы в Синуессу⁶⁸ и Минтурны⁶⁹, спустя четыре года — в Венусию⁷⁰. По прошествии двух лет, в консульство Мания Курия и Руфина Корнелия, гражданство без права голоса было даровано сабинам — это произошло почти триста двадцать лет назад⁷¹. (7) В консульство Фабия Дорсона и Клавдия Канины, почти триста лет назад, колонисты были посланы в Косу⁷² и Пестум⁷³. С промежутком в пять лет, в консульство Семпрония Софона и Аппия, сына Аппия Цека, колонисты были посланы в Аримин⁷⁴ [и] Беневент⁷⁵ и право голоса было дано сабинам. (8) К началу Первой Пунической войны колонистами были заняты Фирм⁷⁶ и Каструм⁷⁷, через год Эзерния⁷⁸, семнадцать лет спустя Эфул⁷⁹ и Альсий⁸⁰ и еще спустя два года Фрегены⁸¹. Брундизий⁸² был основан в следующем году, в консульство Торквата и Семпрония, и через три года Сполетий⁸³, в том году, когда были учреждены Флоралии, и два года спустя была выведена Валентия⁸⁴, а перед прибытием в Италию Ганнибала — Кремона⁸⁵ и Плацентия⁸⁶.

XV. Далее ни в то время, пока Ганнибал пребывал в Италии, ни в ближайшие годы после его ухода у римлян не было возможностей для основания колоний, так как, пока шла война, надо было думать о наборе воинов, а не о предоставлении им отпуска, а после окончания войны — о собирании сил, а не о их рассеянии. (2) Но при консулах Гн. Манлии Вулсоне и Фульвии Нобилиоре (с тех пор прошло почти двести семнадцать лет) была выведена колония Бонония⁸⁷. Четыре года спустя были основаны Пизавр⁸⁸ и Потентия⁸⁹, еще через три года — Аквилея⁹⁰ и Грависки⁹¹, а через четыре года — Лука⁹². (3) В тот же промежуток времени, хотя у некоторых это вызывает сомнение, колонисты были посланы в Путеолы⁹³, Салерн⁹⁴ и Буксент⁹⁵, а сто восемьдесят лет назад в Ауксим⁹⁶, что в Пицене, за три года до того как цензор Кассий решил построить театр на Луперкале по направлению к Палатину. В этом ему тогда воспрепятствовала исключительная суровость государства и консула Цепиона⁹⁷, что я мог бы причислить к наиболее очевидным проявлениям народной воли. (4) В консульство Кассия Лонгина и Секстия Кальвина, нанесшего поражение саллувиям у источников, которые по его имени называются Секстиевыми, — около ста пятидесяти трех лет назад, — была основана колония Фабратерия⁹⁸. В следующем году были основаны Сколация Минервия⁹⁹ и Нептуния Тарентийская¹⁰⁰, в Африке Карфаген, как уже говорилось, — первая колония за пределами Италии^{100a}. (5) Относительно [времени основания] Дертоны¹⁰¹ спорят; что же касается Нарбона Марциев в Галлии, то он был основан в консульство Порция и Марция,

примерно сто пятьдесят три года назад. Двадцать три года спустя у багиенов была основана Эпоредия, в консульство Валерия Флакка и шестое [консульство] Мария¹⁰². Трудно припомнить основание какой-либо колонии после этого, если не считать военных.

XVI. Эта частичка моего труда в некотором отношении уже вышла за намеченные мною рамки. И хотя я понимаю, что предписанная поспешность влечет меня наподобие вращающегося колеса или стремительного потока, не позволяя останавливаться и вынуждая скорее опускать существенные факты, чем добавлять новые детали, я все же не могу удержаться, чтобы не коснуться явления, которое часто занимало мой ум, не став, однако, ясным для понимания. (2) В самом деле, разве не удивительно то, что выдающиеся таланты в каждом роде деятельности действуют вместе и достигают совершенства в один и тот же ограниченный период?! И подобно тому, как звери различных видов, запертые в зверинец и оказавшиеся в ограде, удаляются от чуждых, сближаются с себе подобными и как бы собираются воедино, так и таланты, способные создать блестящие труды, отделяются от других вместе с себе подобными, достигая одинаковых результатов в одно и то же время. (3) Один период, который насчитывал небольшое число лет, благодаря божественным гениям Эсхила, Софокла и Эврипида¹⁰³ придал блеск трагедии, другой — при Кратине, Аристофане и Эвполиде — старинной, древней комедии¹⁰⁴. И новую комедию создали на протяжении очень немногих лет Менандр и приближающиеся к нему — по времени, а не по значению творчества — Филемон и Дифил¹⁰⁵. (4) А разве талант рассмотренных нами недавно философов, порожденный красноречием Сократа, процветал много лет после смерти Платона и Аристотеля?¹⁰⁶ И кто до Исократы, его слушателей и их учеников прославился среди ораторов? В самом деле, этот промежуток времени был столь узким, что не было человека, достойного упоминания, который не мог бы видеть другого¹⁰⁷.

XVII. И это присуще римлянам не менее, чем грекам. Ведь, если не считать авторов грубых и неотделанных трудов, достойных похвалы лишь в качестве зачинателей, римская трагедия нашла себя в Акции и тех, кто были вокруг него. Милые шутки латинского остроумия опирались на современников Цецилия, Теренция и Афрания¹⁰⁸. (2) Также историки, включая Ливия и тех, кто ему предшествовал, но без Катона и некоторых других темных и архаических авторов, занимали период около восьмидесяти лет, и плодovitость поэзии не восходила к более раннему времени и не продолжалась позднее. (3) Что касается ораторского искусства, проявившегося в силе политических речей и исключительном блеске

ораторской прозы,— также исключая Катона и оставляя в стороне П. Красса, Сципиона, Лелия, Гракхов, Фанния и Сервия Гальбу,— то оно достигло совершенства при законодателе этого жанра Цицероне; нравиться могли очень немногие из его предшественников, восхищаться могли лишь те, которые застали Цицерона или которых он застал сам¹⁰⁹. (4) То, что это относится к характеристикам других периодов, можно понять на примере грамматиков, скульпторов, художников, резчиков, ибо расцвет в каждом из этих видов искусства ограничен незначительным временем.

(5) Я не прекращаю искать причины этого совпадения и соединения в каждую эпоху сходных талантов, обнаруживающих те же устремления и имеющих одинаковый успех. Я не нахожу решений, которые были бы в полной мере убедительными, но только правдоподобные, и прежде всего эти: (6) соперничество питает талант, а зависть и восхищение воспламеняют подражание¹¹⁰, и то, чего добиваются с наивысшим рвением, достигает наивысшего совершенства и, естественно, не может обратиться вспять, ибо естествен упадок того, что не двигается вперед. (7) И поскольку мы вначале воодушевляемся подражанием тем, за кем следуем как за начинателями, а затем не надеемся их обойти или, по крайней мере, с ними сравняться, рвение ослабевает вместе с надеждой. Если мы не можем догнать, перестаем гнаться и, оставив этот предмет, как бы занятый другими, ищем новый, себе по силе, проходя мимо того, в чем не можем отличиться. Из этого следует, что самым большим препятствием в достижении совершенства произведения оказывается непостоянство.

XVIII. Охватывающее нас восхищение временами распространяется и на города. Один город Аттики на протяжении многих лет прославился бóльшим числом мастеров слова и их творений, чем вся Греция, так что можно подумать, будто части тела греческого народа распределены между другими городами, дух же заперт за стенами одних Афин. (2) Не менее я удивляюсь тому, что ни один из ораторов Аргоса, Фив, Лакедемона не оказался удостоенным известности при жизни и воспоминания после смерти. (3) Эти города не произвели ничего в этом отношении. Если не считать Фив, которым дали славу уста Пиндара;¹¹¹ Алкмана¹¹² же спартанцы приписывают себе неверно.

I. Могуществу римлян открыл путь старший Сципион, их изнеженности — младший: ведь избавившись от страха перед Карфагеном¹, устранив соперника по владычеству над миром, они перешли от доблестей к порокам не постепенно, а стремительно и неудержимо; старый порядок был оставлен, внедрен новый; граждане обратились от бодрствования к дреме, от воинских упражнений — к удовольствиям, от дел — к праздности². (2) Тогда ведь воздвиг Сципион Назика³ портик на Капитолии, тогда Метелл построил то, о чем мы уже говорили, тогда же был сооружен в цирке самый красивый портик Гн. Октавия⁴, за общественным великолепием последовала частная роскошь.

(3) Затем в Испании началась прискорбная и позорная война с главарем разбойников Вириатом, которая велась с переменным успехом и даже с большими неудачами для римлян⁵. Когда же Вириат был уничтожен Сервилием Цепионом — скорее благодаря его хитрости, чем доблести, — разгорелась еще более страшная война с Нуманцией. (4) Город этот никогда не выставлял более десяти тысяч вооруженных молодых людей, но то ли из-за их природной дикости, то ли из-за неопытности наших военачальников, то ли по благосклонности фортуны он вынудил как других военачальников, так и Помпея⁶, человека с великим именем (он первым из Помпеев был консулом), к заключению позорнейших договоров и к не менее позорной выдаче консула Гостилия Манцина⁷. (5) Благожелательное отношение к Помпею сделало его безнаказанным, Манцина же чувство справедливости, — в нем ему нельзя отказать, — довело до того, что он был выдан врагам фециалами голым, со связанными за спиной руками. Враги же отказались его принять, как поступили некогда и каудинцы⁸, сказав, что публичное оскорбление верности⁹ своим обещаниям не должно быть искуплено кровью одного человека.

II. Выдача Манцина вызвала огромные беспорядки в государстве.

* В комментировании книги II принимал участие доцент Калужского пединститута Я. Ю. Межеричкий.

В самом деле, Тиб. Гракх, сын Тиб. Гракха, известнейшего и выдающегося человека (по матери внук П. Сципиона Африканского), в квестуру которого был заключен договор, то ли тяжело перенес отмену им сделанного, то ли опасаясь подобного [с Манцином] разбирательства и наказания, добился избрания народным трибуном.

(2) Человек безупречной репутации, в расцвете таланта, одним словом, украшенный такими великими достоинствами, на какие только способен смертный по природным данным или в силу стремления к ним, в консульство П. Муция Сцеволы и Л. Кальпурния¹⁰, т. е. сто шестьдесят два года назад, он отклонился от общественного блага, (3) обещав права гражданства всей Италии¹¹, и вместе с тем обнародовал аграрные законы, чем расшатал всеобщий порядок¹², перемешал все до основания и вовлек государство в смертельную опасность и двусмысленное положение. Своего коллегу Октавия, стоявшего за общественное благо, он отстранил от власти, триумвирами по распределению земель и основанию колоний назначил самого себя, консуляра Аппия и брата Гая, почти юношу.

III. Тогда П. Сципион Назика¹³, внук того, кто был провозглашен сенатом наилучшим гражданином¹⁴, сын того, кто, будучи цензором, воздвиг портик на Капитолии, и правнук Гн. Сципиона, дяди по отцу прославленного Публия Африканского, был частным лицом, облаченным в тогу. Хотя он был двоюродным братом Тиб. Гракха, интересы родины ставил выше родственных отношений, считая все, не идущее на пользу государству, враждебным интересам частных лиц — за эти достоинства он был первым из тех, кого заочно избрали великим понтификом. Он обмотал левую руку краем тоги¹⁵ и, став на верхнюю ступень лестницы, ведущей на Капитолий, призвал следовать за собою всех, кто желает блага государству.

(2) Тогда оптиматы, сенат, избранная и лучшая часть всаднического сословия вместе с плебейми, не испорченными гибельными идеями, обрушились на Гракха, который стоял на площади среди своих отрядов, призывая на помощь едва ли не всю Италию. В то время как Гракх, обратившись в бегство, сбегал по склону Капитолия, его настиг обломок скамьи. Так преждевременной смертью завершилась жизнь, которая могла бы поднять его на вершину славы.

(3) Таким было в Риме начало эпохи гражданских кровопролитий и безнаказанных убийств. С этого времени закон был подавлен силой и могущественный занимал первое место, разногласия между гражданами, ранее смягчавшиеся уступками, теперь стали разрешаться оружием и войны начинались без каких-либо основательных причин — из-за выгоды, какую они могли принести.

(4) И в этом нет ничего удивительного. Ведь если имеются образцы,

с них и начинают, и вступившие на узкую дорогу делают все, чтобы она была шире, и, когда однажды оставлена справедливость, стремительно от нее бегут, и никто не считает для себя позорным ничего, если это приносит выгоду.

IV. Тем временем, пока это происходило в Италии, умер царь Аттал¹⁶, оставивший по завещанию Азию римскому народу, как позднее Никомед оставил Вифинию; Аристоник¹⁷, выдумавший себе царское происхождение, захватил Азию силой оружия. Победенный М. Перперной, но проведенный в триумфальной процессии Манием Аквилем¹⁸, он поплатился жизнью за то, что в начале войны погубил выдающегося знатока права Красса Муциана¹⁹, когда тот покидал Азию после своего проконсульства.

(2) После всех поражений, испытанных [нами] в Нуманции, П. Сципион Эмилиан, разрушивший Карфаген, был послан в Испанию, и там его доблесть и удача были такими же, как в Африке. Через год и три месяца после своего прибытия, воздвигнув вокруг Нуманции осадные сооружения, он стер ее с лица земли. (3) Никто в мире до него не обессмертил своего имени разрушением столь значительных городов: ведь, разрушив Карфаген и Нуманцию, он в первом случае освободил нас от страха, во втором — от оскорбления. (4) Он же на вопрос трибуна Карбона²⁰, что он думает об убийстве Тиб. Гракха, ответил, что если Гракх имел намерение захватить государство, то убит по праву. И когда все собрание возмущенно закричало, он заявил: «Я не был напуган кличем вооруженных врагов, устрашить ли меня вам, кому Италия — мачеха?» (5) Вскоре, вернувшись в Рим, он в консульство Мания Аквилы и Г. Семпрония, сто пятьдесят лет назад, после двух консульств, двух триумфов, двух преодоленных опасностей для Римского государства был однажды утром найден мертвым в постели, со следами удушения на шее. (6) О причинах смерти такого человека не было произведено никакого расследования, и тело того, чьи деяния позволили Риму вознестись над всем миром, было вынесено с закрытой головой²¹. Умер ли он естественной смертью, как считает большинство, или в результате организованного нападения, согласно утверждению некоторых, ясно, что он прожил достойнейшую жизнь; никто, кроме его деда²², не затмил до сего времени его славой. (7) Умер он почти в пятьдесят шесть лет. Если кто в этом усомнится, пусть обратится к его первому консульству, на которое он был избран тридцати шести лет, и сомнения отпадут.

V. Еще до уничтожения Нуманции в Испании имела место блестящая кампания Д. Брута²³, который, обойдя все народы Испании и захватив огромное количество людей и городов, дойдя до тех, о которых едва ли кто слышал, заслужил имя Каллекийский.

(2) За несколько лет до него среди тех же народов знаменитый Кв. Македонский²⁴ так сурово командовал войском, что во время осады испанского города Контребия²⁵ приказал пяти когортам легионеров немедленно отвоевать укрепленную позицию, с которой они были выбиты. (3) Все воины, готовясь к сражению, составили завещания, считая, что отправляются на верную смерть. Но полководец со свойственной ему выдержкой не испугался предпринятого, и воины, отправленные на смерть, вернулись победителями. Таков был результат чувства чести, смешанного со страхом, и надежды, возбужденной безнадежностью. Величайшую славу этому полководцу принесли доблесть и твердость, а Фабию Эмилиану²⁶, по примеру Павла, в той же Испании — дисциплина.

VI. Затем прошло десять лет, и то же безумие, которое погубило Тиб. Гракха, охватило его брата Гая, который был подобен ему как во всех доблестях, так и в заблуждениях, но намного превосходил его умом и красноречием²⁷. (2) Сохраняя полное спокойствие духа, он мог бы стать первым человеком в государстве, но, то ли желая отомстить за смерть брата, то ли обеспечивая себе царскую власть, стал по его примеру народным трибуном²⁸ и, добиваясь значительно большего и с большей решительностью, обещал дать гражданство всем италикам, распространив его почти до Альп (3), разделил земли, запретив кому бы то ни было получить свыше пятисот югеров, что уже было предусмотрено законом Лициния²⁹, учредил новые портовые сборы, наполнил провинции новыми колониями, передал судебную власть от сенаторов всадникам, распорядился о раздаче хлеба плебеям. Он не оставил ничего нетронутым, неповрежденным, спокойным, одним словом, находящимся в прежнем состоянии, и даже продолжил свой трибунат на второй год.

(4) Консул Опимий (разрушивший Фрегеллы во время своей претуры) преследовал оружием и довел до гибели и его, и Фульвия Флакка, консуляра и триумфатора, также стремившегося к пагубным крайностям, которого Г. Гракх назначил триумвиром на место Тиберия, своего брата, и избрал союзником в достижении царской власти. (5) В одном только Опимий совершил нечестивый поступок: назначил цену за голову, — я не говорю Гракха, — римского гражданина и обещал заплатить за нее золотом. (6) Флакк был убит на Авентине вместе со старшим сыном, когда собирал готовых к битве вооруженных³⁰ сторонников, Гракх покончил с жизнью во время бегства, когда его уже настигали те, кого послал Опимий, подставив шею рабу Эвпору, который не менее решительно покончил и с собой. В тот же день исключительную верность Гракху проявил римский всадник Помпоний, который по примеру Коклеса³¹,

сдерживая врагов, пронзил себя мечом. (7) Тело Гая, как до него Тиберия, победители с поразительной жестокостью бросили в Тибр.

VII. Таким был конец жизни и смерти сыновей Тиб. Гракха, внуков П. Сципиона Африканского еще при жизни их матери, дочери последнего; они злоупотребили редчайшими дарованиями: если бы в жажде почестей они не преступили меру, дозволенную гражданину,— все то, чего они добивались мятежами, государство предоставило бы им мирным путем. (2) К этой жестокости прибавилось неслыханное преступление: Фульвий Флакк, которого отец послал для переговоров об условиях сдачи, юноша выдающейся внешности, еще не достигший восемнадцати лет, непричастный к отцовским преступлениям, был убит Опимием. Когда этрусский гаруспик, его друг, увидел, как его рыдающим вели в оковах, сказал: «Не сделать ли тебе лучше так?», тотчас же бросился головой на каменный порог тюрьмы и, разбрызгивая мозги, испустил дух. (3) Затем были предприняты жестокие судебные расследования применительно к друзьям и клиентам Гракхов. Однако, когда Опимий, в остальном человек безупречный и серьезный, был впоследствии осужден государственным судом, то из-за своей прежней жестокости он не встретил у граждан никакого снисхождения. (4) Также Рупилий и Попилий, которые, будучи консулами, свирепствовали по отношению к друзьям Тиберия Гракха, стали во время публичных процессов жертвами той же ненависти.

Добавим к этим значительным событиям относящееся к ним замечание. (5) Это тот Опимий, консульство которого дало имя знаменитому «опимианскому вину»³². Вино более не сохранилось за давностью времени: ведь от той эпохи до твоего консульства, М. Виниций, прошел сто пятьдесят один год. (6) Действия Опимия, в результате которых он отомстил своим личным врагам, менее всего выиграли во мнениях и рассматривались скорее как осуществление личной мести, чем акт государственной защиты. (7) Среди законодательных мероприятий Гракха к особенно вредоносным я отношу то, что он вывел колонии за пределы Италии³³. Ведь предки, видевшие, насколько Карфаген могущественнее Тира, Массилия — Фокеи, Сиракузы — Коринфа, Кизик и Византий — Милета, своей родины, старались этого мудро избежать, созывая римских граждан из провинций в Италию для участия в переписи. (8) Карфаген был первой колонией, основанной вне Италии³⁴, непосредственно за нею в консульство Порция и Марция была основана колония Нарбон Марциев³⁵.

VIII. Приведем пример строгости судей. Консуляр Г. Катон, внук М. Катона и по материнской линии племянник Африканского,

по возвращении из Македонии был осужден за вымогательство, хотя нанесенный им ущерб оценивался в четыре тысячи сестерциев. Но люди того времени обращали больше внимания на готовность совершить преступление, чем на его размер, судя о содеянном по намерениям и характеру преступления, а не по масштабам.

(2) Около этого времени два брата Марк и Гай Метеллы отметили свои триумфы в один и тот же день³⁶. Не менее прославлен и до нашего времени уникален случай с сыновьями (но один из них по усыновлению) Фульвия Флакка³⁷, того, что взял Капую: они были коллегами по консулату (усыновленный был из семейства Ацидина Манлия³⁸). Что касается двух Метеллов, разделивших цензуру, то они были двоюродными, а не родными братьями, и совпадение имело место лишь у Сципионов³⁹. (3) Это тогда кимвры и тевтоны перешли Рен и вскоре прославились поражениями, как теми, что они нанесли нам, так и теми, которые претерпели от нас. И в то же время Минуций, который соорудил прославленный до наших дней портик, отметил блестящий триумф над скордисками⁴⁰.

IX. В тот же самый период блистали как ораторы Сципион Эмилиан и Лелий, Сервий Гальба⁴¹, оба Гракка, Г. Фанний⁴², Папирий Карбон⁴³. Не должны быть пропущены Метелл Нумидийский, и Скавр⁴⁴, и прежде всего Л. Красс⁴⁵, и М. Антоний⁴⁶. (2) Вслед за ними проявились дарования Г. Цезаря Страбона⁴⁷ и П. Сульпиция⁴⁸. Кв. Муций, собственно говоря, был более знаменит знанием законов, нежели красноречием⁴⁹. (3) В то же самое время были и другие блестящие таланты: в римской комедии Афраний⁵⁰, в трагедии Пакувий⁵¹ и особенно Акций⁵², возвысившийся до сравнения с талантами греков, — его произведения достойны были бы занять место среди греческих: в греческих больше отделки, а в его — живости. (4) Прославленным было и имя Луцилия⁵³, который воевал как всадник под началом Публия Африканского в Нумантийскую войну. Именно в это время Югурта и Марий, тогда еще молодые, сражались под началом того же Африканского, обучаясь в одном лагере тому, что они впоследствии применили в противоположных станах. (5) В то время был еще юным Сизенна, автор истории, — труд о гражданских и сулланских войнах был им издан позднее, в более старшем возрасте⁵⁴. (6) Целий⁵⁵ был старше Сизенны, а его ровесниками были Рутилий⁵⁶, Клавдий Квадригарий⁵⁷ и Валерий Антиат⁵⁸. Не следует забывать, что в это же время жил Помпоний, знаменитый своими мыслями, грубый по стилю, но достойный похвалы за создание нового жанра⁵⁹.

X. Проследим проявления суровости цензоров Кассия Лонгина и Цециона⁶⁰, сто пятьдесят лет назад приговоривших к изгнанию Лепида за то, что он снял дом за шесть тысяч [сестерциев]. Если

кто ныне живет в подобном, его едва ли будут считать сенатором. Вот естественный переход от добродетелей к порокам, от пороков к испорченности, от испорченности к падению.

(2) На тот же период приходится знаменитая победа Домиция ⁶¹ над арвернами и Фабия над аллоброгами. Фабий, бывший внуком Павла, получил за эту победу прозвище Аллоброгский ⁶². Отметим счастье семьи Домициев, которая была особенно знаменита, хотя и малочисленна. До нашего современника Гн. Домиция, юноши прославленной простоты, имелось семь Домициев — консулов, жрецов и даже триумфаторов, единственных сыновей у своих родителей.

XI. Затем Кв. Метелл, которому в его веке не было равных, вел Югуртинскую войну. Его легатом был Г. Марий, о котором мы уже упомянули, рожденный во всадническом сословии ⁶³, грубый и суровый, безупречной жизни, наилучший на войне, наихудший в мирных условиях, безмерно честолюбивый, ненасытный, неистовый и постоянно беспокойный. (2) При помощи государственных откупщиков и других деловых людей в Африке Марий обвинил Метелла в бездеятельности, из-за которой тот растянул войну уже на третий год, приписывая ему присущую знати надменность ⁶⁴ и желание продлить свое командование. Испросив отпуск, он прибыл в Рим, был избран консулом и взял на себя войну, которую Метелл, дважды разбивший Югурту, почти закончил. Однако триумф Метелла был блистательным, и за заслуги ему был добавлен когномен Нумидийский. (3) Как немного ранее в отношении семьи Домициев, следует отметить славу Цецилиев. Ведь в это время на протяжении двенадцати лет Метеллы были цензорами, консулами и более двенадцати раз получали триумфы ⁶⁵. Из этого явствует, что не только города и империи, но и роды имеют свою славу, которая то расцветает, то старится, то исчезает.

XII. Что касается Г. Мария, то он уже тогда, в чем можно видеть предостережение судьбы ⁶⁶, связал себя с квестором Л. Суллой и через него, отправленного послом к царю Бокху ⁶⁷, сто тридцать восемь лет назад, завладел царем Югуртой. Назначенный вторично консулом, Марий вернулся в Рим и в начале своего второго консульства, в январские календы, провел Югурту в триумфальном шествии. (2) Рассеялись, как было сказано, огромные полчища германских племен, чье имя кимвры и тевтоны. Когда они в землях галлов разбили консулов Цепиона и Манлия, а до того Карбона и Силана, и уничтожили их войска, убили консуляра Скавра Аврелия и множество других известных полководцев ⁶⁸, римский народ понял, что ни один из полководцев не подходит для отражения столь могущественных врагов более, чем Марий. (3) Отсюда его

многократные консульства. Третье использовано для подготовки к войне. В том же году народный трибун Гн. Домиций⁶⁹ предложил закон, дававший народу право избрания жрецов, тогда как прежде они избирались своими коллегами. (4) В свое четвертое консульство Марий столкнулся с тевтонами за Альпами у Секстиевых Акв. Он уничтожил в первый и во второй день более ста пятидесяти тысяч врагов и истребил тевтонов. (5) В пятое консульство, по эту сторону Альп, на полях, называемых Раудинские, он сам и проконсул Кв. Лутаций Катул вступили в очень удачное сражение. Были убиты и взяты в плен более ста тысяч человек. Кажется, этой победой Марий заслужил, чтобы государство не пеняло на его происхождение, он уравновесил добром то зло, которое принес позднее. (6) Шестое консульство ему было дано как бы в награду за его заслуги. И в это консульство он не был обойден славой: государство было избавлено от неистовства Сервилия Главции и Апулея Сатурнина, которые, продлив свои полномочия, терзали государство, силой оружия и резней подавляя комиции. Консул обуздал этих опасных людей оружием и в курии Гостилия обрек их на смерть⁷⁰.

XIII. Затем, с промежутком в несколько лет, в трибунат вступил М. Ливий Друз, человек в высшей степени благородного происхождения, исключительного красноречия и редкой честности, однако при всем своем даровании и наилучших намерениях не пользовавшийся успехом. (2) Он стремился восстановить былую славу сената, вернув ему судебную власть, отнятую у всадников. Последние приобрели ее благодаря законам Гракхов и свирепствовали по отношению ко многим знаменитейшим и к тому же ни в чем не повинным людям. Так они осудили по закону о вымогательстве, несмотря на вопли граждан, П. Рутилия, человека наиболее достойного не только в своем веке, но и во все времена. Во всем том, что Друз предпринимал в интересах сената, он встречал противодействие сенаторов, не понимавших, что предложенное Друзом в пользу плебса было как бы приманкой, чтобы, соблазнив толпу меньшим, добиться большего. (3) Одним словом, судьба Друза оказалась такой, что сенат предпочитал скорее одобрить злодеяния его коллег, чем благородные замыслы его самого, пренебрегая честью, которую ему оказывал Друз, равнодушно воспринимал беззакония, которые замышлялись ими, и, завидуя его безмерной славе, терпел их посредственную⁷¹ репутацию.

XIV. Тогда, поскольку его благие намерения не осуществились, мысль Друза склонилась к дарованию прав гражданства Италии. Когда, намереваясь это осуществить, он возвращался с форума с огромной и нестройной массой сограждан, которая его всегда

сопровождала, во дворе своего дома ⁷² его сразил удар в бок ножом, который остался в ране. Через несколько часов Друз скончался. (2) Но перед тем как испустить последнее дыхание, он обратил взор на окружавшую его скорбную толпу и исторг слово, в полной мере соответствующее его внутренним убеждениям. «О родные мои и друзья!— сказал он.— Будет ли у государства гражданин, мне подобный?» (3) Таким был конец жизни этого достойнейшего юноши. Не обойдем молчанием одну черту его характера. Когда он сооружал себе на Палатине дом, на том месте, где ныне стоит дом, принадлежавший Цицерону, позднее Цензорину ⁷³, ныне Статилию Сизенне ⁷⁴, зодчий предложил построить его таким образом, чтобы он был незаметен и недосягаем для посторонних. Он ему сказал: «Если только позволяет твое искусство, расположи мой дом так, чтобы все мои действия могли бы видеть все».

XV. Смерть Друза вызвала Италийскую войну, которая уже давно назревала. В самом деле, в консульство Л. Цезаря и П. Рутилия, сто двадцать лет назад, вся Италия взялась за оружие против римлян. Зло исходило от аскуланцев,— ведь они убили претора Сервилия и легата Фонтее, — далее захватило марсов и распространилось по всем областям. (2) Испытания судьбы этих [народов] были ужасны в той же мере, в какой справедлива причина войны: ведь добивались принадлежности к государству те, на чьем оружии держалась империя. Каждый год и во всех войнах они поставляли двойное число пехотинцев и всадников и тем не менее были лишены прав в государстве, которое благодаря им поднялось так высоко и, будучи людьми той же крови, того же происхождения, третировались как варвары и чужаки.

(3) Война эта похитила у Италии более чем триста тысяч юношей. Со стороны римлян наиболее прославились полководцы: Гн. Помпей, отец Гн. Помпея Магна, Г. Марий, о коем мы уже говорили, Л. Сулла, исполнявший за год до того обязанности претора, Кв. Метелл (сын), который заслуженно получил когномен Благочестивый: когда его отец был изгнан из Рима народным трибуном Л. (Апулеем) Сатурнином за то, что единственный из всех не пожелал дать клятву верности его закону, сын своим благочестием, авторитетом в сенате, поддержкой народа обеспечил ему возвращение. Триумфы и магистратуры не принесли Метеллу Нумидийскому такой славы, как причина его изгнания, само изгнание и возвращение.

XVI. Со стороны италиков наиболее знаменитыми полководцами были Силон Попедий ⁷⁵, Герий Азиний ⁷⁶, Инстей Катон ⁷⁷, Г. Понтидий ⁷⁸, Телезин Понтий, Марий Эгнаций, Папий Мутил. (2) Со своей стороны, я, несмотря на свою скромность, не могу опустить

касающееся моей семейной славы, особенно потому, что передаю правду: ведь должна быть великой дань памяти моему прадеду Минацию Магию из Экулана, вождю кампанцев, мужу прославленной верности. Он показал в этой войне такую верность римлянам, что с легионом, который был набран им самим среди гирпинов, взял совместно с Т. Дидием Геркуланум, осадил вместе с Л. Суллой Помпей и захватил Компсу⁷⁹. (3) О его доблестях поведали многие [историки], но наиболее ярко Кв. Гортензий в своих «Анналах»⁸⁰. Римский народ в полной мере отблагодарил его за верность дарованием гражданских прав ему самому и избранием преторами двух его сыновей в то время, когда они избирались в числе шести.

(4) Ход Итальянской войны был столь непостоянным и ужасным, что в течение двух лет подряд два римских консула, сначала Рутилий, затем Катон Порций, были убиты врагами, армии римского народа были разбиты во многих местах, так что ему пришлось облачиться в сагум⁸¹ и долго оставаться в этой одежде. Италики избрали столицей своей империи Корфиний и назвали его Италика. Рим, постепенно уступая права римского гражданства тем, которые или не брались за оружие, или его сложили, мало-помалу укреплял свои силы. Помпей, Сулла и Марий восстановили клонящуюся к упадку власть римского народа.

XVII. Итальянская война была большей частью завершена, если не считать некоторых действий под Нолой. Таким образом, римляне подпочли, обессилев сами, дать права гражданства побежденным и надломленным, чем сделать то же самое, пока были сильны обе стороны. Консулами были избраны Кв. Помпей и Л. Корнелий Сулла, человек, в отношении которого до одержания победы ни одна похвала не покажется чрезмерной, равно как ни одно порицание после этой победы. (2) Он происходил из знатной семьи, будучи шестым от Корнелия Руфина, одного из выдающихся полководцев в Пиррову войну^{81a}. На этом слава его семьи была прервана, да и поведение его самого долго не давало оснований думать, что он намеревается стать консулом. (3) Но затем, после претуры, прославившись в войне с италиками и еще до нее в Галлии как легат Мария, когда он разбил самых выдающихся вражеских вождей, воспрянув духом после успеха, он домогался консульства, и граждане почти единогласно избрали его консулом. Но он достиг этой магистратуры лишь в возрасте сорока девяти лет.

XVIII. В это время Митридат, царь Понта, человек, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем без внимания, в войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в

ненависти к римлянам Ганнибал, — захватил Азию и погубил в ней всех римских граждан. (2) Разослав по всем городам письма, он дал приказ убить их в один день и час, сопровождая это обещанием огромного вознаграждения. (3) В это время никто не мог сравниться с родянами как в стойкости против Митридата, так и в верности римлянам. Эта верность была оттенена вероломством митилснцев, которые выдали Митридату закованными Мания Аквилія⁸² и других. Позднее Помпей восстановил свободу родян в благодарность за одного Теофана⁸³. И когда уже казалось, что Митридат угрожает самой Италии, Сулла получил по жребию Азию в качестве провинции.

(4) Покинув Рим, он задержался у Нолы — поскольку этот город, словно бы раскаиваясь в безупречной верности, которую он свято хранил по отношению к римлянам в Пуническую войну, весьма упорно держался за оружие и был осажден римским войском. (5) Тогда народный трибун П. Сульпиций, красноречивый, энергичный, влиятельный благодаря богатству, дружеским связям, силе таланта, а также духа, ранее стремившийся справедливыми намерениями добиться у народа наивысших почестей, как бы раскаиваясь в своем достойном поведении и решив, что хорошие поступки служат ему во зло, свернул на ложный путь и связался с Марием, который в свои семьдесят с лишним лет жаждал высшей власти и обладания всеми провинциями. Он предложил народу закон, который отнимал у Суллы его командование и передавал Марию войну против Митридата⁸⁴. Он внес также и другие опасные и гибельные, невыносимые для свободного государства законы. Более того, он зашел так далеко, что с помощью посланцев своей клики умертвил сына консула Кв. Помпея, зятя Суллы⁸⁵.

XIX. Тогда Сулла, собрав войско, вернулся в Рим, овладел им силой оружия, изгнал из города двенадцать инициаторов мятежных и пагубных предприятий, среди них Мария с сыном и П. Сульпиция, после чего оформил это законом об их изгнании⁸⁶. Всадники, преследуя Сульпиция, умертвили его в Лаурентийских болотах. Отрубленная голова Сульпиция, выставленная перед рострами напоказ, стала предвестием неминуемых проскрипций. (2) Прожив семьдесят лет, после шестого консульства, голый, вымазанный в тине, так что выделялись лишь глаза и нос, Марий был извлечен из тростниковых зарослей близ болота Марики, в которых он спрятался во время бегства от преследовавших его всадников. По приказу дуумвира⁸⁷ он с ремнем на шее был отведен в тюрьму Минтурн. (3) Для казни его был послан государственный раб с мечом, германец. Случайно оказалось, что он был взят в плен Марием, когда тот возглавлял войну против кимвров. Узнав Мария,

германец громким криком выразил свое негодование по поводу несчастья столь великого человека, отбросил меч и выбежал из тюрьмы. (4) Тогда граждане, обучившись у врага состраданию к человеку, незадолго до того первому в государстве, снабдили его деньгами на дорогу и одеждой, посадили на корабль. Что касается Мария, то, соединившись с сыном у острова Энария⁸⁸, он направился в Африку и влачил там убогое существование в хижине среди развалин Карфагена. Марий, взирающий на Карфаген, и Карфаген при виде Мария могли бы служить друг другу утешением.

XX. В этом же году руки римского воина впервые были запятнаны кровью консула; ибо Кв. Помпей⁸⁹, коллега Суллы, погиб во время мятежа войска Гн. Помпея⁹⁰, однако виновником мятежа был сам полководец. (2) Цинна⁹¹ не был умереннее, чем Марий и Сульпиций. Так как Италии были даны права гражданства, нужно было разделить новых граждан по восьми трибам, чтобы они своим могуществом и числом не умалили влияния старых граждан, чтобы получившие благодеяние не были сильнее тех, кто его предоставил. Цинна же посулил распределить их по всем трибам (3) и под этим предлогом призвал в Рим огромную массу людей со всей Италии. Изгнанный из Рима усилиями коллег и оптиматов, он направился в Кампанию, будучи решением сената лишен должности, и его заменил Л. Корнелий Мерула, фламин Юпитера. Цинна заслужил эту кару, недостойную стать образцом. (4) Затем он, сначала подкупив центурионов и трибунов, а вскоре также и воинов обещаниями щедрот, был принят войском, находившимся под Нолой. После того, как все принесли ему клятву верности, он, удержав знаки консульской власти, объявил войну своей родине; доверившись огромной массе новых граждан, он набрал из них более трехсот когорт, что приблизительно соответствовало тридцати легионам. (5) Его партия нуждалась в авторитете и влиятельности чтобы их увеличить, он призвал из изгнания Мария с сыном и тех, кого прогнали вместе с ним.

XXI. В то время, как Цинна вел войну против отечества, Гн. Помпей, отец Помпея Магна, чья выдающаяся деятельность во время войны с марсами и в особенности на Пиценском поле, как было сказано, поддержала государство, захватил Аскул, город, у которого, несмотря на рассеянность наших сил во многих других местах, в сражение вступило в один день семьдесят пять тысяч римских граждан с более чем шестьюдесятью тысячами италиков. (2) Обманутый в надежде продлить консульство, Помпей заколебался, занял позицию между обеими группировками, во всем начал следовать своему собственному интересу и, кажется, стал выжидать случая, чтобы перейти с войском на ту сторону, где была большая надежда на власть. (3) Но в конце концов он вступил в грандиозную

и жестокою битву с Цинной. Едва ли можно выразить словами, сколь гибельным и для сражавшихся, и для зрителей был исход этого сражения, развернувшегося у самых стен и алтарей римской столицы. (4) После того как оба войска, которые и так уже были достаточно опустошены войной, истощила чума, умер Гн. Помпей. Радость римского народа по случаю его гибели была почти столь же велика, как и горе, вызванное потерями граждан от меча или чумы, и гнев римского народа по отношению к живому был перенесен на тело мертвого.

(5) Было две или три семьи Помпеев. Первый консул с этим именем, Кв. Помпей, был коллегой Гн. Сервилия.

(6) Цинна и Марий захватили Рим после битвы, стоившей обоим сторонам много крови. Но Цинна, вступив первым, внес закон о возвращении Мария.

XXII. Марий тотчас же вступил в город, и его возвращение оказалось пагубным для граждан. Ничто не было бы более жестоким, чем эта победа, не последуй за ней вскоре сулланская. (2) И произвол обрушился не только на обычных граждан; самые выдающиеся и наиболее значительные граждане государства также обрели смерть разными способами. Среди них по приказу Цинны был убит консул Октавий, человек исключительно мягкого характера. Мерула, который к приходу Цинны сложил с себя консульскую власть, вскрыл себе вены и, обливая кровью алтари, стал возносить молитвы о проклятии Цинны и его приверженцев тем богам, которым, будучи фламином Юпитера, молился о благе отечества; так завершил он жизнь, полную заслуг перед государством. (3) М. Антоний, принцепс в государстве, равно как и в красноречии, по приказу Мария и Цинны был пронзен мечами воинов в тот момент, когда пытался удержать их своим красноречием⁹². (4) Кв. Катул наряду с другими доблестями был отмечен славой Кимврской войны, которую разделил с Марием⁹³. Когда он узнал, что его ищут, чтобы убить, он, торжественно одетый, заперся в только что побеленном помещении, развел огонь и, вдыхая образовавшийся обильный пар, стал сдерживать дыхание и принял смерть скорее по своей воле, чем по приговору врагов.

(5) Все в государстве пришло в беспорядок, но еще не нашлось никого, кто осмелился бы дарить имущество римского гражданина или имел бы смелость о том объявить. Впоследствии случилось и это, так что алчность стала подавать повод к жестокости, а виновность стала определяться размером имущества, и, кто был богат, тем самым был уже виновен, каждый сам оплачивал угрозу своей жизни, и ничто не казалось бесчестным, если сулило прибыль.

XXIII. Затем Цинна вступил во второе консульство, а Марий —

в седьмое — бесславное, в отличие от первых [шести]. Он умер в его начале, унесенный чумою. Этот человек, во время войны внушавший страх врагам, а во время мира — гражданам, никогда не оставался спокойным. (2) На его место был избран Валерий Флакк⁹⁴, автор позорнейшего закона, разрешавшего выплачивать кредиторам четвертую часть долга. Спустя два года его постигла за это заслуженная кара. (3) В то время как Цинна господствовал в Италии, большая часть знати бежала к Сулле в Ахайю, а затем и в Азию. Между тем Сулла одержал победы над префектами Митридата в районе Афин, Беотии и Македонии, занял Афины и после огромных усилий вблизи многочисленных укреплений порта Пирея убил более двухсот тысяч врагов и не меньше взял в плен. (4) Тот, кто вменяет в вину афинянам того времени, когда Афины осаждались Суллой, мятеж, тот, разумеется, показывает незнание истины и старины. Ведь верность афинян римлянам была настолько прочной, что всегда и во всех обстоятельствах римляне называли аттическим каждое действие, отличавшееся подлинной верностью. (5) Впрочем, тогда эти люди, подавленные оружием Митридата, находились в самом плачевном положении, поскольку город был занят врагами и осажден друзьями. Душой они были за стенами города, а телом, будучи рабами необходимости, — внутри него. (6) Затем Сулла, переправившись в Азию, нашел Митридата молящим о милосердии и готовым все принять. Обложив его данью, конфисковав часть кораблей, он заставил его покинуть Азию и все другие провинции, которые он занял силой оружия. Он освободил пленников, покарал перебежчиков и преступников и приказал, чтобы царь довольствовался владениями в границах предков, то есть Понтом⁹⁵.

XXIV. Г. Фульвий Флакк, начальник конницы, еще до прихода Суллы убил консуляра Валерия Флакка и, завладев войском, был провозглашен императором и имел возможность в ходе битвы нанести поражение Митридату. Перед прибытием Суллы этот храбрый юноша, чей дурной замысел был смело осуществлен, покончил с собой⁹⁶. (2) В том же году народный трибун П. Ленат сбросил с Тарпейской скалы Секста Лициния, народного трибуна предшествующего года, а когда его коллеги, которых он призвал на суд, бежали в страхе к Сулле, он лишил их огня и воды.

(3) Тогда Сулла, уладив заморские дела, первым из римлян принял послов парфян⁹⁷ (среди них некие маги определили по родимым пятнам на его теле, что его будущая жизнь и посмертная память достойны богов). Возвратившись в Италию, он высадился в Брундизии с не более чем тридцатью тысячами воинов против двухсот тысяч врагов. (4) Едва ли какое-либо из дел Суллы я бы счел более славным, чем следующее: когда сторонники Цинны и

Мария в течение трех лет удерживали Италию, он не скрывал, что объявит им войну, но не оставлял того, что предпринял, полагая, что, прежде чем мстить гражданам, нужно сломить врага, и, отразив внешнюю опасность, победил внутреннюю. (5) Перед прибытием Л. Суллы Цинна был убит войском при зарождении мятежа ⁹⁸, хотя такой человек был более достоин умереть по приговору врагов, чем от гнева воинов. Право, о нем можно сказать, что он дерзнул на то, на что не осмелится ни один благонамеренный, а также осуществил то, что не мог бы сделать никто, кроме самого храброго, и что он был опрометчив в решениях, но в осуществлении — настоящий мужчина. Карбон в течение года был консулом один, без коллеги суффекта.

XXV. Можно было бы подумать, что Сулла прибыл в Италию не как зачинщик войны, но как провозвестник мира,— с такой уравновешенностью он вел войско через Калабрию и Апулию, такую удивительную заботу он проявил о плодах, полях, городах Кампании. Он стремился положить конец войне, следуя справедливым законам и умеренным условиям. Но тех, кем овладела злосчастнейшая и неумеренная страсть, не мог устроить мир. (2) Между тем войско Суллы возрастало день ото дня за счет притока к нему всего благонамеренного и честного. Затем благодаря счастливому повороту событий он одолел близ Капуи консулов Сципиона и Норбана; из них Норбан был разбит на поле боя, Сципиона же, покинутого и преданного своим войском, Сулла отпустил невредимым. (3) Таково было различие между Суллой-воителем и Суллой-победителем; пока он еще побеждал, он был мягче справедливейшего ⁹⁹, но после победы — неслыханно жесток. Всадь и консула, им обезоруженного, как было сказано выше, и Квинта Сертория,— а какую страшную войну последний вскоре разжег,— и многих других, попавших в его руки, он отпустил невредимыми. Я думаю, что этот человек являл пример наивысшей двойственности и противоречивости духа. (4) После победы, которая последовала в столкновении с Г. Норбаном у горы Тифата, Сулла воздал благодарность Диане, богине, которой была посвящена эта местность. Он передал ей источники, известные благотворным влиянием на организм. О таком почтительном даре богам и поныне напоминает надпись, прибитая снаружи к храму, [и] медная доска внутри святилища ¹⁰⁰.

XXVI. Затем были консулами Карбон ¹⁰¹ — в третий раз — и Г. Марий, сын семикратного консула ¹⁰², человек двадцати шести лет от роду, унаследовавший отцовскую силу духа, но не отцовское долголетие. Он решительно брался за разнообразные дела и никогда не опускался ниже славы своего имени. После того, как Сулла разбил его у Сакрипорта, он направился с войском в Пренесте ¹⁰³

и укрепил гарнизоном этот город, созданный как крепость самой природой. (2) Не оставалось ничего, не затронутого общественным злом: в государстве, где всегда состязались в доблестях, стали состязаться в преступлениях, наилучшим себя считал тот, кто был наихудшим. Так, пока шло сражение у Сакрипорта, претор Дамасипп ¹⁰⁴ зарезал в Гостилиевой курии — якобы как сторонников Суллы — Домиция ¹⁰⁵, а также Сцеволу ¹⁰⁶, великого понтифика, прославленного во всем, что касается божественного и человеческого права, и Г. Карбона, бывшего претора, брата консула, и Антистия ¹⁰⁷, в прошлом эдила. (3) Да не забудется благородный поступок Кальпурнии, дочери Бестии ¹⁰⁸, супруги Антистия: когда ее муж был зарезан, как было сказано выше, она пронзила себя мечом. К его славе она прибавила свою собственную. Возвысившись мужеством, она заставила забыть о дурной репутации отца.

XXVII. Что касается Телезина, вождя самнитов, то этот в высшей степени мужественный, воинственный и столь же враждебный римскому имени человек, собрав около сорока тысяч юношей, выделявшихся храбростью и непоколебимых в желании не складывать оружия, в консульство Карбона и Мария, сто девять лет назад в ноябрьские календы он вступил в сражение с Суллой у Коллинских ворот ¹⁰⁹. (2) В тот день, когда, объезжая отряд за отрядом свое войско, он воскликнул, что Риму пришел конец и что он разрушит до основания город, Сулле и государству грозила едва ли меньшая опасность, чем тогда, когда в трех милях был замечен лагерь Ганнибала. Телезин добавил, что никогда не будут истреблены волки, похитители свободы Италии, пока не будет вырублен лес, в котором они имеют обыкновение скрываться. (3) И лишь после первого часа ночи римское войско воспрянуло, а вражеское пало духом. На другой день Телезин был найден полуживым, но по выражению лица он более походил на победителя, чем на побежденного. По приказу Суллы его отрубленная голова была обнесена на мече вокруг Пренесте.

(4) Тогда лишь, сочтя свое положение безнадежным, юный Г. Марий попытался выбраться через вырытые с удивительным искусством подземные ходы, которые вели в разные стороны поля ¹¹⁰. Но, высунувшись из земли через отверстие, он был убит поставленными для этого людьми. Некоторые передают, что он сам наложил на себя руки, другие — что погиб вместе с младшим братом Телезина, который также оказался в осаде и пытался бежать, но оба взаимно лишили друг друга жизни. Как бы это ни было, доньше юного Мария не затмил великий образ его отца. Легко понять мнение Суллы об этом юноше: он принял имя Счастливый лишь после того, как Марий погиб. Это имя Сулла заслужил бы в полной

мере, если бы вместе с победой закончилась его жизнь. (б) Осаду Мария в Пренесте возглавлял Офелла Лукреций¹¹¹. Прежде он был предводителем¹¹² марианской партии, затем перешел на сторону Суллы. В память о том счастливом дне, когда были разбиты самнитское войско и Телезин, Сулла учредил цирковые игры, известные под его именем как Сулланские победы.

XXVIII. Незадолго до того, как Сулла сражался под Сакрипортом, люди его партии — двое Сервилиев под Клузием, Метелл Пий под Фавенцией¹¹³, М. Лукулл близ Фиденции — в прославленных сражениях рассеяли войска неприятеля. (2) Казалось, уже завершились бедствия гражданской войны, когда они были умножены в результате жестокости Суллы. Ведь он был объявлен диктатором¹¹⁴, а эта магистратура не находила применения сто двадцать лет — последний диктатор был спустя год после удаления Ганнибала из Италии, — откуда явствует, что страх римского народа перед могуществом диктатора был большим, чем страх, заставляющий прибегнуть к диктатуре. Властью, которой его предшественники пользовались прежде для ограждения государства от величайших опасностей, он воспользовался как возможностью для неумеренной жестокости. (3) Сулла был первым (о, если бы и последним!), кто подал пример для проскрипций. И в этом государстве, где назначают судебное следствие по поводу оскорбления любого гистриона¹¹⁵, публично устанавливается вознаграждение за убийство римского гражданина, и наибольшую выгоду имеет тот, кто больше убьет; вознаграждение за убийство врага было не больше, чем за убитого гражданина, и каждый должен был сам оплачивать собственную смерть. (4) Свиристествовали не только по отношению к тем, кто взялся за оружие, но и по отношению к многим неповинным. И, более того, имущество проскрибированных продавалось, дети даже лишались права претендовать на магистратуры, и, что недостойнее всего, сыновья сенаторов несли тяготы этого сословия, теряя его права¹¹⁶.

XXIX. К прибытию Суллы в Италию, Гн. Помпей, сын того Гн. Помпея, который, как мы сказали выше, будучи консулом, совершил блистательные подвиги во время войны с марсами в двадцатитрехлетнем возрасте сто тринадцать лет назад, отважился с частными средствами на величайший замысел, который попытался осуществить. Для того чтобы отомстить за отечество и вернуть ему его величие, он собрал в Фирме войско, набранное на территории Пицены, которую сплошь занимали клиенты его отца¹¹⁷. (2) Величие этого человека потребовало бы много книг, но размеры труда позволяют сказать о нем немного. По матери Луцилии¹¹⁸ он принадлежал к сенаторской фамилии. Сам он был исключительно

красив, но не той красотой, которую придает расцвет жизни, но достоинством и твердостью, [которые] в соединении с величием его фортуны сопровождали Помпея до последнего дня жизни. (3) Исключительно незлобивый, чрезвычайно благочестивый, в меру красноречивый, он страстно жаждал власти, но полученной почетно, а не захваченной силой; на войне испытанный вождь, гражданин в годы мира, умереннейший, кроме тех случаев, когда он опасался равного себе, в дружбе стойкий, легко прощающий оскорбления, очень надежный в примирении, он никогда, или очень редко, не обращал свою власть в произвол. (4) Он был лишен почти всех пороков, если не считать одного, но величайшего: в свободном государстве, правящем народами, где все граждане равны в правах, он не мог вынести, чтобы кто-либо был равен ему по положению. (5) С того времени, как надел мужскую тогу, он принимал участие в военных кампаниях выдающегося полководца, своего отца, имея возможность усовершенствовать свой честный, восприимчивый ко всему разумному ум исключительным знанием военного дела, так что Серторий более хвалил Метелла, но сильнее боялся Помпея...¹¹⁹

XXX. Тогда М. Перпенна, бывший претор из проскрибированных, человек более славный родом, чем характером, убил Сертория во время пира в Оске¹²⁰ и этим преступлением отнял у римлян верную победу, погубил свою партию и обрек себя на позорную смерть. (2) Метелл и Помпей отметили триумф над Испаниями, но Помпей и во время этого триумфа¹²¹, за день до вступления в консульство, оставаясь еще римским всадником, въехал в Рим на триумфальной колеснице. (3) Как не удивиться, что этот человек, благодаря столь многочисленным чрезвычайным полномочиям достигший вершины почета, с таким неудовольствием отнесся к тому, что сенат и римский народ поддержали Г. Цезаря, [заочно] домогавшегося второго консулата? Настолько присуще людям все прощать себе, ничего не прощая другим, и обращать свою ненависть не на причины фактов, но на намерения и личность. (4) Во время этого консульства Помпей восстановил трибунскую власть, от которой Сулла оставил только видимость¹²².

(5) Во время Серторианской войны в Испании шестьдесят четыре раба¹²³ под руководством Спартака бежали из гладиаторской школы в Капуе, захватили в этом городе мечи и сначала устремились на гору Везувий; вскоре, поскольку день ото дня их становилось все больше, они причинили Италии множество самых различных зол. (6) Их численность настолько возросла, что в последнем данном ими сражении они выставили сорок девять тысяч¹²⁴ воинов. Слава прекращения этого досталась Крассу, вскоре [с согласия] всех признанному принцепсом государства.

XXXI. Личность Гн. Помпея привлекла к себе внимание всего мира, считалось, что он во всех отношениях значительнее, чем гражданин¹²⁵. Во время своего консульства он принес в высшей степени похвальную клятву не направляться после окончания магистратуры в какую-либо провинцию и остался ей верен. (2) Но спустя два года трибун А. Габиний внес закон: так как пираты угрожают скорее настоящей войной, чем разбойничьими нападениями, и устрашают мир больше флотом, чем грабежом, и так как уже разграблены некоторые города Италии, да будет послан для их подавления Гн. Помпей и его власть на море в пятидесяти милях от берега должна быть равна проконсульской в провинциях. (3) Этот сенатус-консульт распространил власть одного человека почти на весь мир; но хотя такое же решение было принято семью годами¹²⁶ ранее применительно к претору М. Антонию¹²⁷, — иногда личность вредит примеру, который она дает, уменьшая или увеличивая¹²⁸ зависть, — в отношении Антония это восприняли равнодушно: ведь редко завидуют славе тех, чьего могущества не боятся. Напротив, опасаются чрезвычайной власти тех людей, которые могут по своему желанию ее удержать или от нее отказаться и которые не признают ничего, кроме своего желания. Среди оптиматов не было согласия, а планы их были разрушены силой.

XXXII. В этой связи достойны быть отмеченными как авторитет, так и умеренность Кв. Катула¹²⁹. А именно, выступая против закона на народной сходке, он сказал, что Помпей определенно выдающийся человек и даже чересчур выдающийся для свободного государства, но нельзя ведь все взваливать на одного человека, и добавил: «Если что с ним случится, кого вы поставите на его место?» — «Тебя, Кв. Катул!» — провозгласило собрание в один голос. Тогда он, обезоруженный этим единодушием и столь почетным для него суждением граждан, покинул сходку. (2) Достойны восхищения скромность этого человека и справедливость народа, ведь он чрезмерно не настаивал, и плебс, несмотря на свое несогласие и свою враждебность воле Катула, не захотел лишить его своей справедливой признательности.

(3) В то же время Котта¹³⁰ разделил судейские обязанности, которые Г. Гракх отнял у сената для передачи всадникам, а Сулла передал сенату, разделив поровну между обоими сословиями; Отон Росций своим законом восстановил места всадников в театре¹³¹.

(4) Что касается Гн. Помпея, то, пользуясь помощью в этой войне многих выдающихся людей, он разместил флот почти во всех частях моря, нуждающихся в защите, и вскоре со своими непобедимыми силами освободил мир; после победы над пиратами во множестве схваток и во многих местах он обрушился на них со своим флотом

у побережья Киликии, опрокинул их и обратил в бегство. (5) И чтобы поскорее завершить столь широко распространившуюся войну, он свел остатки пиратов в отдаленные от моря города, назначив им определенные места обитания. (6) Некоторые это осуждают, но хотя у каждого по отношению к автору [закона] достаточно ума, только ум делает великим и автором: ведь дав возможность пиратам жить без грабежа, он удержал их от разбоев.

XXXIII. В то время, как пиратская война подходила к концу, Л. Лукулл, семь лет назад получивший по жребию после консульства Азию, сражался с Митридатом. Он совершил великие и достопамятные дела: часто и во многих местах разбивал Митридата, в результате выдающейся победы освободил от осады Кизик, победил в Армении Тиграна, величайшего из царей. Казалось, однако, что Лукулл скорее не хотел, чем не мог положить конец войне; во всех отношениях достойный похвалы и в бою почти непобедимый, он был поражен страстью к наживе. Когда он еще возглавлял операции, народный трибун Манилий, человек продажный, орудие чужой власти, внес закон, чтобы война с Митридатом велась Гн. Помпеем. (2) Закон был принят, и между полководцами возникла перебранка. В то время как Помпей обвинял Лукулла в позорной наживе, Лукулл обвинял Помпея в безмерной жажде власти. И ни один из обоих не мог доказать, что его обвиняют ложно. (3) На самом деле Помпей с тех пор, как впервые приступил к государственным делам, не мог видеть рядом с собою равного, и там, где ему должно было быть первым, всегда хотел быть единственным,— никто не показал более великой страсти к славе и большего безразличия ко всему остальному. Неумеренный в поисках должностей, а при исполнении их в высшей степени сдержанный, он вступал в них с тем же удовольствием, с каким равнодушием их завершал, а если к чему стремился, то брал по своему усмотрению, а отказывался — по чужому. (4) Лукулл же, во всем другом величайший человек, был первым зачинщиком расточительной роскоши в постройках, празднествах и обстановке: За возведенные в море насыпи и за скалы, которые он срыл, чтобы дать морю проникнуть в сушу, Помпей Магн не без остроумия обычно называл его «Ксерксом в тоге»¹³².

XXXIV. К этому времени под власть римского народа Кв. Метеллом¹³³ был передан остров Крит, который три года тревожил римское войско с помощью двадцати четырех тысяч воинов, проворных и быстрых, неутомимых в военных походах, прославленных в стрельбе из лука, которыми руководили Панар и Ласфен. (2) Это поприще славы не удержало Гн. Помпея, который пытался присвоить себе часть победы. Но триумф Лукулла и Помпея был

особенно сочувственно встречен лучшими людьми как из-за исключительной доблести обоих полководцев, так и из-за зависти к ним Помпея.

(3) В это время М. Цицерон, который был обязан всем самому себе, человек прославленной, хотя и недавно приобретенной знатности, знаменитый своим образом жизни, наделенный величайшим дарованием, которому мы обязаны тем, что не побеждены дарованиями тех, чье оружие победили¹³⁴, будучи консулом, благодаря своей исключительной доблести, упорству, бдительности, заботливости раскрыл заговор Сергия Катилины, Лентула, Цетега, а также других лиц обоих сословий. (4) В страхе перед властью консула Катилина покинул Рим. Лентул, в прошлом консул, тогда претор во второй раз, и другие люди по поручению сената и приказу консула были умерщвлены в тюрьме.

XXXV. Знаменитый день заседания сената, в ходе которого произошли эти события, высветил до самых глубин достоинства М. Катона, уже проявившиеся и блиставшие во многих делах. (2) Будучи правнуком М. Катона, этого принцепса фамилии Порциев, человек, подобный самой доблести и во всех своих дарованиях более близкий к богам, чем к людям, он совершал справедливые поступки не для того, чтобы казаться справедливым, а потому что не мог поступать иначе и потому что в его глазах только справедливость имела смысл. Лишенный людских пороков, он был властителем своей судьбы. (3) Он был тогда народным трибуном-десигнатом и к тому же совсем еще юношей. Когда другие¹³⁵ призывали держать Лентула и заговорщиков под стражей в муниципиях, он, о чьем мнении спросили в последнюю очередь, обрушился против заговора с такой силой духа и таланта, что жаром своего слова навлек подозрение в том, что выступающие за промедление являются соучастниками заговорщиков. (4) Он так обрисовал опасности, которые повергнут город в руины и пепел и приведут к изменению политического положения, так подчеркнул заслуги консула, что сенат единодушно присоединился к его мнению и постановил строго наказать названных выше, а большая часть сенаторского сословия проводила Цицерона домой. (5) Что касается Катилины, то он проявил не меньшую силу духа в сведении счетов с жизнью, чем в совершении преступления, потому что он испустил дух, храбро сражаясь, в то время как ему предстояло погибнуть во время казни.

XXXVI. Консульству Цицерона придало немалый блеск рождение в том году (девяносто два года назад) божественного Августа, которому предстояло затмить своим величием всех мужей всех народов. (2) Может показаться излишним указывать время жизни

выдающихся талантов. Кому, в самом деле, неизвестно, что в это время расцвели разделенные всего несколькими годами Цицерон и Гортензий, а до них Красс, Котта¹³⁶, Сульпиций¹³⁷, а вскоре после этого Брут, Калидий¹³⁸, Целий¹³⁹, Кальв¹⁴⁰ и Цезарь, наиболее близкий к Цицерону, а также те, которые были как бы их учениками, Корвин¹⁴¹ и Азиний Поллион, подражатель Фукидида Саллюстий, авторы поэтических произведений. Варрон¹⁴² и Лукреций, а также Катулл, не менее великий в своем поэтическом творчестве¹⁴³. (3) Едва ли не глупо было бы перечислять гениев, которых мы еще помним, среди них выдающегося в нашем веке принцепса поэтов Вергилия, Рабрия¹⁴⁴, сравнявшегося с Саллюстием Ливия, Тибулла и Назона¹⁴⁵, ведь насколько велико восхищение, настолько затруднительна оценка.

XXXVII. Пока эти события совершались в Италии, Гн. Помпей вел памятную всем войну против Митридата, который после отбытия Лукулла пополнил силы для своего нового войска. (2) Царь же, разбитый и обращенный в бегство, потеряв все свои войска, направляется в Армению к своему зятю Тиграну, могущественнейшему царю своего времени, не будь он сломлен оружием Лукулла. (3) Итак, преследуя одновременно обоих, Помпей вступил в Армению. Первым предстал перед Помпеем сын Тиграна, но без согласия своего отца, (4) а вскоре и сам царь собственной персоной, моля о милосердии, вверил его власти самого себя и царство, предпослав этому, что как нет другого народа, кроме римского, так и нет другого человека, кроме Помпея, союзу с которым он мог бы доверять и что поэтому он снесет любую участь, будь она бедственной или благоприятной, как определит Помпей: не позорно потерпеть поражение от того, кого незаконно было бы победить, не бесчестно подчиниться тому, кого фортуна поставила выше всех. (5) Царю был оставлен почет власти, но он был обложен огромной контрибуцией, взимание которой, по обыкновению Помпея, было передано квестору и внесено в государственные книги. Сирия и другие провинции, которые он занимал, были у него отняты и одни из них были возвращены римскому народу, а другие впервые стали платить дань¹⁴⁶. Власть царя была ограничена Арменией.

XXXVIII. Кажется, не противоречит выбранному нами плану труда кратко проследить, какие племена и народы перешли в разряд провинций, обложенных данью, и при каком это было полководце, поскольку факты, которые мы рассматривали отдельно, легче рассмотреть в совокупности. (2) Первым в Сицилию привел войско консул Клавдий, но только по прошествии пятидесяти двух лет, после захвата Сиракуз Марцеллом Клавдием, Сицилия стала провинцией¹⁴⁷. Первым в Африку [вступил] Регул, почти на девятом

году Первой Пунической войны, но только через сто девять лет, сто восемьдесят два года назад, П. Сципион Эмилиан, разрушив Карфаген, ввел Африку в разряд провинций¹⁴⁸. Между Первой и Второй Пуническими войнами, в первый раз при консуле Т. Манлии¹⁴⁹ Сардиния обрела прочное ярмо нашей империи. (3) Вот необычное свидетельство воинственности нашего государства: храм двуликого Януса был закрыт (в чем свидетельство прочного мира) первый раз при царях, второй — в консульство этого Т. Манлия, в третий — при принцессе Августе¹⁵⁰. (4) В Испанию первыми ввели войска Гней и Публий Сципионы в начале Второй Пунической войны, двести пятьдесят лет назад¹⁵¹. Затем ею владели по-разному, нередко частично теряли, вся Испания только при Августе стала платить дань. (5) Македонию подчинил Павел¹⁵², Ахайю — Муммий¹⁵³, Этолию — Фульвий Нобилиор;¹⁵⁴ Л. Сципион, брат Африканского, отобрал Азию у Антиоха¹⁵⁵, но благодаря пожалованию сената и римского народа ею вскоре завладели цари Атталы; после пленения Аристоника ее сделал данницей М. Перперна¹⁵⁶. (6) Слава победы над Кипром не досталась никому. Ведь он сделался провинцией согласно сенатскому постановлению, в результате деятельности Катона и после смерти царя Кипра, покончившего с собой. Под командованием Метелла¹⁵⁷ был наказан Крит, потерявший свободу, которой он пользовался слишком долго. Сирия и Понт являются памятниками доблести Гн. Помпея.

XXXIX. Галлии, куда впервые ввели войско Домиций и Фабий, внук Павла, получивший имя Аллоброгский, с большими потерями для нас мы часто захватывали и теряли¹⁵⁸. Но блистательнейшим по сравнению с ними выглядит подвиг Г. Цезаря: ведь благодаря его командованию и ауспiciям они были сокрушены и стали платить почти ту же унизительную¹⁵⁹ дань, что и остальной мир. Тем, кто сделал... Нумидийский¹⁶⁰. (2) Исаврийский покорил Киликию, а после войны с Антиохом Вулсон Манлий — Галлогрецию. Вифиния, как было сказано выше, досталась в наследство по завещанию от Никомеда. Божественный Август, кроме Испаний и других народов, именами которых блистает его форум, сделал провинцией, платящей дань, также и Египет и внес в казну контрибуцию, почти равную той, которую его отец извлек из Галлий. (3) Что касается Тиб. Цезаря, который вырвал у испанцев окончательное признание покорности, то он того же добился от иллирийцев и далматов. Он также присоединил к нашей империи новые провинции: Рсцию, страну винделиков¹⁶¹, нориков¹⁶², скордисков и Паннонию. Их он завоевал силой оружия, Каппадокию же сделал данницей римского народа благодаря своему авторитету. Но продолжим по порядку.

XL. Затем последовала кампания Гн. Помпея, неясно, чем более

великая — славою или трудностями. Он проник как победитель в Мидию, Албанию и Иберию; затем направил свое оружие к народам, обитающим по правую сторону Понта и вглубь от него: к колхам, гениохам¹⁶³ и ахеям¹⁶⁴. Из-за предательства своего сына Фарнака¹⁶⁵ Митридат оказался последним из полноправных царей, побежденных auspiciis Помпея, кроме царей парфян. (2) Тогда Помпей, победив все народы, против которых выступал, достигнув большего величия, чем ожидал сам и сограждане, превзойдя во всех отношениях судьбу смертного, вернулся в Италию. Его возвращение сделало мнение о нем более благоприятным. Ведь многие утверждали, что он не вернется в Рим без войска и по своему усмотрению ограничит предел общественной свободы. (3) Чем более этого опасались граждане, тем приятнее было возвращение столь великого полководца, носившее гражданский характер: ведь, распустив в Брундизии все свое войско, не оставив себе ничего, кроме титула «император», он вернулся в Рим с личной свитой, которую по своему обыкновению держал при себе, и на протяжении двух дней отпраздновал великолепнейший триумф над столькими царями и внес в эрарий, продав военную добычу, сумму более значительную, чем кто бы то ни было до него, кроме Павла.

(4) В отсутствие Гн. Помпея народные трибуны Т. Ампий и Т. Лабиев¹⁶⁶ провели закон, согласно которому во время цирковых игр он пользовался бы золотой короной и всеми украшениями триумфатора, в театре же — претекстой и золотой короной. Но Помпей воспользовался этим правом не более одного раза, — однако даже это оказалось чрезмерным. Фортуна возвысила достоинство этого человека такими деяниями: первый раз он отметил триумф над Африкой, во второй — над Европой, в третий — над Азией, и сколько есть частей света, столько было памятников его побед. (5) Но такое превосходство всегда вызывает зависть. Поэтому и Лукулл, не забывший причиненную ему обиду, и Метелл Критский, имевший основание жаловаться — ведь Помпей сделал украшением своего триумфа взятых им в плен вождей, — и вместе с ними часть оптиматов¹⁶⁷ препятствовали тому, чтобы Помпей выплатил по собственному усмотрению то, что обещал городам, и расплатился с теми, кто этого заслужил.

XLI. За этим последовало консульство Г. Цезаря, который овладевает рукою пишущего и заставляет, как бы он ни торопился, задержать внимание на своей личности. Он происходил из наизнатнейшей семьи Юлиев и, как это установлено всеми знатоками старины, вел свое происхождение от Анхиза и Венеры. Это был муж, выделявшийся среди граждан внешностью, наделенный неукротимой силой духа, неумеренный в щедротах, вознесшийся

духом выше всего человеческого, естественного и вероятного, величием помыслов, стремительностью в военных действиях, выносливостью в опасностях уподоблявшийся Великому Александру, но рассудительному, а не гневному, (2) наконец, сном и пищей всегда пользовавшийся для поддержания жизни, а не для удовольствия. Хотя он находился в близком кровном родстве с Г. Марием и одновременно был зятем Цинны, никакой страх не вынудил его разойтись с его дочерью, тогда как консуляр М. Пизон, чтобы угодить Сулле, развелся с Аннией, которая прежде была женою Цинны. Цезарю едва исполнилось восемнадцать лет, когда Сулла захватил власть. Переменив одежду и приняв облик, не соответствующий его положению, Цезарь ночью бежал из города скорее от соучастников и прислужников Суллы, разыскивавших его, чтобы убить, чем от него самого. (3) Позднее, будучи еще очень юным, он был захвачен пиратами и на протяжении всего времени, пока они его удерживали, вел себя так, что вызывал у них и страх и уважение одновременно. Никогда, ни днем, ни ночью (зачем же замалчивать то, что, пожалуй, является самым главным, но не может быть выражено многозначительными словами), он не снимал ни обуви, ни одежды, конечно, для того, чтобы изменением привычного облика не вызвать подозрения у тех, кто стерег его, не сводя с него глаз.

XLII. Долго рассказывать, на что и сколько раз он дерзал и сколько его начинаний в испуге пресек магистрат римского народа, управлявший Азией. Приведем то, что доказывает, каким человеком предстояло ему стать в ближайшем будущем: (2) едва ночь сменила день, в который он был выкуплен на общественные деньги городов (а до того он добился, чтобы пираты вернули городам заложников), как он, будучи частным лицом, повел собранный на скорую руку флот в то место, где находились пираты. Часть их флота он обратил в бегство, часть пустил ко дну, а несколько кораблей и множество людей захватил; (3) радуясь этой ночной экспедиции, он с триумфом возвратился к своим и, отдав тех, кого захватил, под стражу¹⁶⁸, направился в Вифинию к проконсулу Юнку¹⁶⁹,— ведь тот одновременно правил Азией,— чтобы Юнк распорядился о казни пленников; когда тот отказался это сделать, объяснив, что собирается продать пленников (ведь безделью сопутствует зависть), Цезарь с невероятной быстротой вернулся к морю и, прежде чем дошли какие-либо распоряжения проконсула относительно этого дела, распял на кресте всех, кого захватил.

XLIII. Едва введенный в жреческую должность,— ведь в свое отсутствие Цезарь был назначен понтификом вместо консуляра Котты¹⁷⁰ (когда он был почти мальчиком, Марий и Цинна избрали

его фламином Юпитера, но победа Суллы, объявившего все их распоряжения недействительными, отменила и это назначение), он поспешил в Италию и, чтобы его не заметили пираты, державшие тогда в своих руках все моря, а их враждебное отношение к себе он заслужил, пересек очень широкий залив Адриатического моря на четырехвесельном судне вместе с двумя друзьями и десятью рабами. (2) Заметив во время этого плавания, как ему показалось, пиратские корабли, он разделся и привязал к бедру кинжал, готовясь к любому повороту судьбы, но вскоре понял, что это обман зрения: издали он принял деревья за мачты и реи.

(3) Остальные его деяния в Городе достаточно известны и не нуждаются в искусном изложении. Знаменитое обвинение Долабеллы¹⁷¹ и благожелательность граждан во время этого процесса, к Цезарю, а не как обычно к обвиняемому, и знаменитейшие политические споры с Кв. Катулом и другими самыми выдающимися людьми, и поражение Кв. Катула, общепризнанного главы сената, еще до претуры домогавшегося должности великого понтифика¹⁷², (4) и во время пребывания в должности эдила восстановление, несмотря на сопротивление нобилитета, памятников Г. Марию, равно как возвращение гражданских прав детям проскрибированных, и удивительные по мужеству и рвению претура и квестура в Испании¹⁷³ (а он был квестором под началом Антистия Вета, деда нынешнего Вета, консуляра и понтифика, отца двух консуляров и жрецов, человека настолько достойного, насколько может быть достойной человеческая честность).

XLIV. Во время этого консульства между ним, Гн. Помпеем и М. Крассом был заключен союз ради могущества¹⁷⁴, который оказался фатальным не только для Рима и мира, но в не меньшей степени для них самих, хотя и в разное время. (2) Помпей поддерживал этот замысел, чтобы с помощью консула Цезаря наконец утвердить свои распоряжения в заморских провинциях, чему, как было сказано, многие противодействовали. А Цезарь, со своей стороны, учитывал для себя то, что, уступив славе Помпея, он приумножит свою и, перенеся на него одну ненависть народа к их общей власти, укрепит свое собственное могущество. Красс держался за авторитет Помпея и силу Цезаря, поскольку один не мог добиться первого места. (3) Связь между Цезарем и Помпеем была укреплена также браком, ведь Гн. Магн взял в жены дочь Цезаря.

(4) В это консульство Цезарь внес закон о разделении между плебеями Кампанского поля¹⁷⁵. Помпей этот закон поддержал. Вследствие этого закона туда было выведено около двадцати тысяч граждан и были восстановлены права города, которые Капуя утратила во время Пунической войны, примерно сто пятьдесят два года назад,

когда она была низведена римлянами до положения префектуры ¹⁷⁶. (5) Бибул, коллега Цезаря, который скорее стремился, чем мог помешать его мероприятиям, большую часть года отсиживался дома. Тем самым, желая вызвать ненависть к коллеге, он лишь приумножил его могущество. Тогда Цезарю были определены на пять лет Галлии ¹⁷⁷.

XLV. В это время П. Клодий, — человек знатный, красноречивый, дерзкий, ни в делах, ни в речах не знавший меры, кроме той, какую он сам себе определил, энергичный, исполнитель дурных замыслов, обесчещенный развратом со своей сестрой, обвиненный в прелюбодеянии, совершенным среди вызывающих благоговение святынь римского народа ¹⁷⁸, испытывая тяжкую неприязнь к Цицерону, — ибо какая может быть дружба между столь непохожими людьми, — перешел из патрициев в плебеи и в качестве народного трибуна внес закон: «Кто казнит римского гражданина без суда и следствия, да будет лишен огня и воды» ¹⁷⁹. Хотя в этих словах Цицерон и не был назван по имени, угроза относилась только к нему. (2) Таким образом, человек, заслуживший наивысшую награду за спасение отечества, подвергся бедствию изгнания. Цезарь и Помпей не избежали подозрения в причастности к изгнанию Цицерона. Считалось, что Цицерон навлек на себя кару тем, что не пожелал быть членом коллегии двадцати, назначенной для раздела кампанской земли. (3) Спустя два года благодаря запоздалой, но мощной защите Гн. Помпея достоинство Цицерона было восстановлено по мольбе Италии, по решению сената, благодаря доблести и энергичной поддержке народного трибуна Анния Милона. После изгнания и возвращения (Метелла) Нумидийского никто не был изгнан с большей ненавистью и возвращен с большей радостью. Насколько злобно Клодий разрушил его дом, настолько же великолепно сенат его восстановил. (4) Тот же Клодий во время своего трибуната под предлогом почетного поручения удалил из государства Марка Катона, а именно внес предложение, чтобы тот в качестве квестора с преторскими полномочиями вместе с коллегой-квестором был направлен на остров Кипр для лишения прав царствования Птолемея, заслужившего такое поругание порочностью и безнравственностью. (5) Но тот перед прибытием Катона покончил с собой. Оттуда Катон доставил в Рим гораздо больше денег, чем надеялись: такой человек не нуждается в похвале за бескорыстие, но можно высказать ему упреки будто бы в высокомерии: вместе с консулами и сенаторами весь город высыпал навстречу Катону, когда тот плыл на кораблях по Тибру, а он покинул корабли не раньше, чем прибыл на то место, где должны были выгрузить деньги.

XLVI. Затем Цезарь совершил в Галлии невероятные подвиги,

которые едва ли можно описать во многих свитках. Не удовлетворившись многочисленными счастливыми победами и бесчисленными тысячами пленных и убитых врагов, он во главе войска даже переправился в Британию как бы в поисках другого мира для нашей и своей империи. Между тем прежняя пара¹⁸⁰ — Гн. Помпей и М. Красс — вступила в свое второе консульство, которое было достигнуто нечестным путем и велось недостойным образом. (2) Согласно закону, который был предложен народу Помпеем, Цезарю был предоставлен повторный срок для управления провинциями, а Крассу, затаившему мечту о парфянской войне, была назначена Сирия¹⁸¹. Этот человек, безупречнейший во всех отношениях, равнодушный к наслаждениям, не знал меры и не признавал границ в страстной жажде славы и денег.¹ (3) Когда он отправился в Сирию, народные трибуны тщетно пытались его удержать всевозможными зловещими предзнаменованиями¹⁸². О, если бы они исполнились только по отношению к нему самому! Потеря полководца при уцелевшем войске была бы незначительным ущербом для государства. (4) Когда Красс перешел Евфрат и направлялся в Селевкию, Ород окружил его со всех сторон бесчисленной конницей и уничтожил вместе с большею частью римского войска. Гай Кассий, в недалеком будущем зачинщик отвратительнейшего преступления, а тогда квестор, спас остатки легионов (5) и удержал Сирию под властью римского народа, победоносно обратив в бегство и рассеяв парфян, вторгшихся в эту провинцию.

XLVII. В это и последующее время, о чем было сказано выше, Цезарем было перебито более четырехсот тысяч врагов и еще больше взято в плен. Приходилось сражаться то в открытом бою, то на марше, то совершая вылазки. Дважды он проникал и в Британию. Едва ли не любая из летних кампаний Цезаря в полной мере заслуживала триумфа, а под Алезией совершались такие подвиги, на которые едва ли мог решиться человек, а осуществить почти никто, разве лишь бог. (2) На седьмом году пребывания Цезаря в Галлии скончалась Юлия, жена Гн. Помпея Магна, бывшая порукой согласия между ним и Г. Цезарем, которое даже при ней было шатким из-за соперничества в борьбе за власть. Фортуна, чтобы разрушить всякую связь между полководцами, обреченными ею на такое потрясение основ, в короткое время унесла и сына Помпея, рожденного Юлией. (3) Так как предвыборная борьба, не знавшая ни меры, ни границ, дошла в своем безумии до применения оружия и резни граждан, Гн. Помпею было предоставлено третье, причем единоличное, консульство по решению даже тех, кто раньше был противником занятия им этой должности. Слава этой магистратуры,

которая, кажется, означала примирение с оптиматами, была причиной полного его отчуждения от Г. Цезаря. Однако всю мощь своего консульства Помпей употребил на борьбу с злоупотреблениями при выборах.

(4) Тогда П. Клодий при вспыхнувшей во время встречи у Бовилл ссоре был зарезан Милоном, кандидатом в консулы, — поступок, гибельный в качестве примера, но спасительный для государства. Один лишь Катон высказал во всеуслышание свое мнение в его оправдание. Случись это раньше, не было бы недостатка в людях, которые бы последовали его примеру и одобрили бы убийство человека, который более, чем кто-либо другой, был врагом государства и всех благонамеренных людей.

XLVIII. Некоторое время спустя проявились первые вспышки гражданской войны, хотя каждый справедливый человек жаждал, чтобы и Цезарь и Помпей распустили войска. Ведь Помпей во время второго консулата пожелал получить назначение в Испании и, ведя дела в Риме, управлял ими заочно через своих легатов Афрания и Петрея, в прошлом консула и претора; тех, кто требовал у Цезаря распустить войска, он одобрял; тех же, кто требовал того же от него самого, притеснял. (2) Если бы за два года до того, как взялись за оружие, по завершении строительства театра и других сооружений вокруг него, Помпей умер в Кампании от поразившей его тяжелой болезни (в то время вся Италия возносила молитвы о его выздоровлении — честь, которой не удостоился до него ни один гражданин), фортуна не смогла бы поколебать его положения, и величие, какое имел на земле, он донес бы нетронутым к подземным богам. (3) Но никто не сделал больше для разжигания войны и многочисленных бедствий, которые сопутствовали ей на протяжении следующих двадцати лет, чем народный трибун Г. Курион. Это был человек знатный, красноречивый, наглый расточитель как своего, так и чужого состояния и целомудрия, щедро одаренный беспутством, наделенный даром речи во вред государству, (4) дух которого не мог быть насыщен ни наслаждениями, ни сладострастием, ни богатством, ни честолюбием. Сначала он принял сторону Помпея, то есть, как тогда считали, государства, но вскоре, делая вид, что он против и Помпея и Цезаря, в душе был за Цезаря. Оставим под сомнением, сделал ли он это даром или, как говорят, за сто тысяч сестерциев. (5) В конце концов в высшей степени спасительные и уже одобренные условия мира, которые с самыми основательными намерениями выдвигал Цезарь и равным образом принимал Помпей, он расстроил и разрушил, и лишь Цицерон старался восстановить общественное согласие.

(6) Теперь, возвращаясь к повествованию в предложенной форме, порадуемся сначала за Кв. Катугула, обоих Лукуллов, Метелла и Гортензия, которые процветали в государстве, не знавшем вражды, возвысились, не ведая опасности, и были унесены смертью спокойной или, по крайней мере, не ускоренной роком, до начала гражданских войн.

XLIX. При консулах Лентуле и Марцелле, в 703 году от основания Рима и за семьдесят восемь лет до того, как ты, М. Виниций, вступил в консульство, вспыхнула гражданская война. Дело одного полководца казалось более справедливым, другого — более надежным; (2) здесь все блистательно, там — прочно; Помпей вооружил авторитет сената, Цезаря — доверие воинов. Консулы и сенат передали высшую власть не Помпею, а его делу. (3) Ничто не было упущено Цезарем для сохранения мира, ничто не было принято помпеянами, так как один из консулов был в самом деле более непреклонным, Лентул же не мог быть здоровым, пока здравствовало государство¹⁸³. Что касается М. Катона, он твердо заявил, что предпочитает умереть прежде, чем государство примет какое-либо условие частного лица. Почтенный человек старой закалки предпочел бы партию Помпея, благоразумный последовал бы за Цезарем, и было более почетно следовать за первым, в то время как второй внушал священный трепет. (4) В конце концов все требования Цезаря были с презрением отвергнуты, так что ему оставалось довольствоваться одним легионом, оставленным под предлогом защиты провинции, и разрешалось, коль он пожелает, домогаться консульства, вступить в Рим в качестве частного лица и обратиться к голосам римского народа. Решив воевать, Цезарь с войском перешел Рубикон. Гн. Помпей, консулы и большая часть сената, оставив Рим, а затем Италию, переправились в Диррахий.

L. Что касается Цезаря, то, захватив Домиция и легионы, которые находились вместе с ним в Корфинии¹⁸⁴, он отпустил немедленно полководца и других, которые хотели уйти к Помпею, а сам проследовал в Брундизий, показывая таким образом, что он склонен кончить войну при сложившемся положении и с помощью переговоров, а не преследовать обратившихся в бегство; когда же он узнал о переправе консулов, (2) то вернулся в Рим и объяснил сенату и народному собранию основания своих решений и печальную необходимость взяться за оружие, поскольку за него взялись другие, и затем объявил, что отправляется в Испанию.

(3) Его поспешный поход на некоторое время приостановила Массилия, проявившая больше верности, чем благоразумия, некстати взявши на себя посредничество в столкновениях между первыми людьми, которое может позволить себе тот, кто имеет силу для

обуздания непокорного. В конце концов войско, которое в Испании возглавляли консуляр Афраний и бывший претор Пстрей, перешло на сторону Цезаря, покоренное энергией и блеском его появления ¹⁸⁵. Оба легата и те — из любого сословия, — кто пожелал следовать за ними, были отпущены к Помпею ¹⁸⁶.

LI. На следующий год, когда Диррахий и прилегающая к нему область были заняты лагерем Помпея, который, вызвав из всех заморских провинций легионы, конные и пешие вспомогательные отряды, войска царей, тетрархов, равно как и династов, собрал огромное войско и стражу из кораблей, вообразив, что преградил путь легионам Цезаря, (2) Г. Цезарь, полагаясь на свою стремительность и удачу, не встречая никаких препятствий, переправился с войском на кораблях ¹⁸⁷, куда захотел, и, разбив сначала лагерь рядом с Помпеем, вскоре даже осадил его, возведя укрепления. Но осаждающие испытывали бóльшую нужду, чем осажденные. (3) Тогда Бальб Корнелий с отвагой, превосходящей человеческие возможности, проник в лагерь врагов и продолжительное время вел переговоры с консулом Лентулом, который еще не решил, сколь дорого он может себя продать; так начал совершать путь к возвышению не сын гражданина из Испании, но истинный испанец: он достиг триумфа и понтификата и из частного лица сделался консуляром ¹⁸⁸. Затем сражения велись с переменным успехом, но одно из них было особенно благоприятно для помпеянцев, а воины Цезаря были отброшены с тяжелыми потерями.

LII. Затем Цезарь направился с войском в Фессалию, которую судьба предназначила для его победы. (2) Помпею советовали прямо противоположное: многие призывали его переправиться в Италию (клянусь Геркулесом, ничего не могло быть полезнее для его партии), другие — затянуть войну, что благодаря авторитету партии становилось бы для нее с каждым днем благоприятнее, — он же по обыкновению начал стремительно преследовать врага. (3) Характер сочинения не позволяет рассказать ни о Фарсальской битве, ни о том дне, который стал самым кровавым для римского имени, ни о столкновении двух глав государства, ни о крахе одного из светочей римской державы, ни об огромном числе павших помпеянцев. (4) Отметим следующее: как только Г. Цезарь увидел, что строй помпеянцев поколеблен, для него уже не существовало ничего более первостепенного и значительного (воспользуюсь по обыкновению военным термином), чем разослать *in partis*... ¹⁸⁹ (5) О бессмертные боги, какой ценой заплатил этот мягкосердечный человек за свою благосклонность к Бруту! (6) Никогда еще не было победы более удивительной, величественной и славной, чем эта, когда родине не

пришлось оплакивать ни одного гражданина, кроме павших на поле брани. Но дар милосердия не пошел впрок из-за упрямства: побежденные принимали жизнь с меньшей охотой, чем победитель ее дарил.

LIII. Помпей бежал с двумя консулярами Лентулами, сыном Секстом и бывшим претором Фавонием, которых судьба определила ему в спутники. Одни советовали направиться к парфянам, другие — в Африку, где он имел самого верного сторонника своего дела в лице царя Юбы. Помпей предпочел Египет: он рассчитывал на такие же благодеяния, какие прежде оказал отцу этого Птолемея, царствовавшего тогда в Александрии мальчиком, в возрасте, близком к отроческому. (2) Но кто сохраняет память о благодеяниях при неблагоприятных обстоятельствах? И кто думает о долге благодарности по отношению к терпящим бедствия? И бывает ли, чтобы со счастьем не менялась верность? (3) По совету Феодота и Ахиллы царь послал людей, чтобы встретить прибывшего Помпея (а он еще в Митилене взял на корабль в спутницы по бегству жену Корнелию); его убедили пересесть с грузового судна на их корабль, вышедший навстречу; сделав это, первый из римлян был зарезан по решению и прихоти египетского раба в консульство Г. Цезаря и П. Сервилия. Так в самый канун дня рождения, на пятьдесят восьмом году жизни был умерщвлен после трех консульств и стольких триумфов и покорения мира благочестивейший и превосходнейший человек, вознесенный до недостижимого предела; и настолько враждебна была к этому мужу фортуна, что если прежде ему не хватало земли для побед, то теперь не хватило места для погребения.

(4) Чем иным, как не чрезмерной поспешностью можно объяснить, что в определении возраста столь значительного человека и почти нашего современника ошибаются на пять лет? Исчисление лет так просто, если начинать от консульства Г. Атилия и Кв. Сервилия. Добавил я это не для того, чтобы порицать, но чтобы не быть порицаемым.

LIV. Царь и его приближенные, под влиянием которых он находился, проявили к Цезарю не больше верности, чем к Помпею: сразу по прибытии Цезаря против него начались козни, а затем они осмелились вступить с ним в войну. Но оба великих полководца — один при жизни, другой посмертно¹⁹⁰ — покарали их по заслугам. (2) Телом Помпей был мертв, но повсюду жило его имя. Огромная приверженность к помпеянской партии возбудила Африканскую войну, которую разжигали Юба и Сципион, в прошлом консул, за два года до смерти Помпея ставший его тестем. (3) Их боевые силы увеличил Катон, приведший к ним легионы, несмотря

на трудности из-за отсутствия дорог и населенных пунктов ¹⁹¹. Этот человек, хотя войны и передали ему высшую военную власть, предпочел подчиниться тем, кто занимал более почетную должность.

LV. Верность обещанной краткости вынуждает бегло вести обо всем рассказ. Следуя своей фортуне, Цезарь отправился в Африку, которую после гибели Куриона, тогдашнего главы юлианской партии, удерживало помпеянское войско. Там он сражался сначала при несременной фортуне, потом при своей обычной и обратил врага в бегство. (2) Милосердие Цезаря к побежденным в Африке было не меньшим, чем прежде. После победы в Африканской войне Цезарю предстояла более тяжелая Испанская война (ведь победа над Фарнаком едва ли сколько-нибудь прибавила ему славы). Гн. Помпей, сын Магна, юноша, наделенный необычайно воинственным духом, разжег огромную и ужасную войну, и отовсюду к нему, все еще следуя за великим отцовским именем, со всех концов мира стекались союзники.

(3) Цезарю в Испании сопутствовала его фортуна, но никогда он не вступал в столь ожесточенную и опасную битву ¹⁹², исход которой был бы таким сомнительным, когда он соскочил с коня перед отступавшим строем воинов и, сначала упрекнув судьбу, что она сберегла его для этой развязки, объявил воинам, что не сделает ни шагу назад: пусть видят, какого полководца и в каком месте они собираются покинуть. (4) Больше благодаря стыду, чем доблести, был восстановлен строй, и скорее вождем, чем воинами. Гн. Помпей, найденный тяжело раненным в стороне от дорог, был умерщвлен; Лабие и Вар пали в бою.

LVI. Цезарь, вернувшись в Рим победителем, простил — во что трудно поверить — всех, кто поднял против него оружие, и наполнил город великолепными гладиаторскими играми, зрелищами морского боя, пеших и конных сражений, а также боя слонов и многодневным всенародным пиршеством. (2) Он провел пять триумфов: убранство галльского было из лимонного дерева, понтийского — из аканфа, александрийского — из панциря черепахи, африканского — из слоновой кости, испанского — из отполированного серебра. Деньги из военной добычи несколько превысили сумму в шестьсот миллионов сестерциев.

(3) Но столь великий муж, так милостиво воспользовавшийся плодами своих побед, в мирной обстановке пробыл у власти не более пяти месяцев. Он вернулся в Рим в октябре, а в мартовские иды был убит в результате заговора, зачинщиками которого были Брут и Кассий, одного из которых он не привлек к себе обещанием консулата, Кассия же, напротив, оскорбил его отсрочкой; ¹⁹³ среди же присоединившихся к заговорщикам были все самые близкие

друзья, вознесенные судьбою партии Цезаря на самые высокие должности: Д. Брут, Г. Требоний и другие знаменитые мужи. (4) М. Антоний, его коллега по консулату, человек, готовый на любую дерзость, возбудил к нему сильную ненависть, возложив во время Луперкалий¹⁹⁴ на голову Цезаря, сидевшего перед рострами, царскую корону, которую тот хотя и отверг, но так, что не показал себя оскорбленным.

LVII. События подтвердили правоту советов Пансы и Гирция, постоянно предупреждавших Цезаря, что принципат, приобретенный оружием, нужно и удерживать оружием. Повторяя, что он предпочитает умереть, нежели внушать страх, Цезарь ожидал милосердия, которое проявлял сам. Из-за собственной опрометчивости он был захвачен врасплох неблагодарными гражданами, хотя бессмертные боги и ниспослали множество предзнаменований грядущей опасности: (2) ведь и гаруспики предупреждали, чтобы он с максимальной осторожностью отнесся к дню мартовских ид, и жена его Кальпурния, напуганная ночным сновидением, умоляла, чтобы в тот день он остался дома. И были получены записки с известием о заговоре, которые он не прочитал сразу. Но поистине неотвратимая сила рока лишает рассудка тех, чью судьбу она решила изменить.

LVIII. В том году, когда Брут и Кассий совершили это злодеяние, они были преторами, а Брут — консулом-десигнатом. (2) Вместе с шайкой заговорщиков, сопровождаемые отрядом гладиаторов Д. Брута, они заняли Капитолий. Тогда консул Антоний созвал сенат (Кассий до того решил убить Антония и одновременно уничтожить завещание Цезаря, но Брут воспротивился, утверждая, что гражданам не нужно больше ничьей крови, кроме крови тирана, — так ему было угодно называть Цезаря, чтобы оправдать свои действия). (3) Тогда же Долабелла, которого Цезарь намеревался назначить консулом вместо себя, захватил фасции и консульские инсигнии¹⁹⁵ и, словно поборник мира, послал своих детей заложниками в Капитолий, внушив всем убийцам Цезаря, что они могут в безопасности спуститься. (4) И по примеру того знаменитого афинского постановления, о котором поведал Цицерон, декретом отцов сенаторов было одобрено забвение прежних деяний¹⁹⁶.

LIX. Затем было вскрыто завещание Цезаря, в котором он усыновлял Г. Октавия, внука своей сестры Юлии. Следует немного сказать о его происхождении, хотя он и упредил нас в этом¹⁹⁷. (2) Отец его Г. Октавий происходил хотя и не из патрицианской, но достаточно видной всаднической фамилии, — человек основательный, безупречный, честный, богатый. Он был избран претором наряду со знатнейшими людьми, занимая в списке первое место. Благодаря

своему положению он женился на Атии, рожденной Юлией¹⁹⁸. После этой магистратуры получил по жребию Македонию и был провозглашен там императором, оттуда направился в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру в консулы, но умер, оставив сына, еще носящего претексту¹⁹⁹. (3) Его воспитал отчим Филипп, а Г. Цезарь полюбил Октавия как собственного сына и, когда ему исполнилось восемнадцать лет, взял его с собой на войну в Испанию и впоследствии также держал при себе и никогда не давал ему ни пользоваться другим гостеприимством, кроме своего, ни передвигаться в другой повозке и почтил его, еще мальчика, должностью понтифика. (4) И после окончания гражданских войн послал его обучаться в Аполлонию, чтобы свободными науками и искусствами развить исключительное дарование юноши, а вскоре, замыслив войну с гетами и парфянами, вознамерился сделать его своим соратником. (5) Когда Октавию сообщили об убийстве двоюродного деда, центурионы ближайших легионов обещали ему военную помощь, равно как и своих подчиненных, а Сальвидиен и Агриппа²⁰⁰ убеждали не отвергать ее. Он же, спеша возвратиться в Рим, узнал в Брундизии о положении дел, убийстве и завещании. (6) Когда он приближался к Риму, ему навстречу выбежало множество друзей, а когда вступил в город, солнце над его головой засияло радугой, и создалось впечатление, что оно само возложило корону на голову великого мужа.

LX. Отчиму Филиппу и матери Атии не нравилось приобщение Октавия к вызывающей ненависть судьбе Цезаря, но спасительный для государства и всего круга земель рок признал его учредителем и хранителем римского имени. (2) Поэтому его божественная душа презрела человеческие советы и решила, что лучше с риском добиваться возвышенного, чем в безопасности — низкого, а относительно самой себя предпочла верить деду Цезарю, а не отчиму, полагая, что непозволительно считать себя недостойным того имени, достойным которого он казался Цезарю. (3) Консул Антоний сначала принял Октавия высокомерно (но это было не презрение, а страх); допустив его в Помпеевы сады, он едва нашел время для беседы, а вскоре даже начал преступно возводить на Октавия обвинения, будто тот хотел его убить, что было постыдной ложью. (4) В конце концов обнаружилась неистовая страсть консулов Антония и Долабеллы к незаконному владычеству. Антоний захватил семьсот миллионов сестерциев, оставленных Цезарем на хранение в храме Опы²⁰¹, записки Цезаря были искажены вымыслом и уступками прав гражданства²⁰² — всему была назначена цена, ибо консул продавал государство. Он же принял решение занять Галлию, предназначенную консулу-десигнату Д. Бруту в качестве провинции;

Долабелла определил себе заморские провинции. Между столь несхожими по природе и стремящимися к разному людьми росла ненависть, и юный Г. Цезарь (Октавий) ежедневно подвергался козням со стороны Антония.

LXI. Государство, подавленное владычеством Антония, замерло от ужаса: у всех — негодование и горе, и ни у кого нет силы к сопротивлению. Тогда-то Г. Цезарь, вступивший в девятнадцатый год жизни, по личному почину²⁰³ решительно осуществил достойные восхищения великие замыслы, проявив по отношению к государству больше рвения, чем сенат. (2) Прежде всего он вызвал из Калатии, а затем из Казилина отцовских ветеранов;²⁰⁴ их примеру последовали другие, так что вскоре собралось некое подобие настоящего войска. Немного спустя, когда Антоний поспешил навстречу своему войску, которому он приказал прибыть из заморских провинций в Брундизий, Марсов и четвертый легионы, узнавшие и о решении сената, и о столь великом даровании юноши, подняв боевые знамена, соединились с Цезарем. (3) Сенат почтил его конной статуей, а надпись, помещенная на рострах, и по сей день свидетельствует о его возрасте (на протяжении трехсот лет такая почесть не была оказана никому, кроме Л. Суллы, Гн. Помпея и Г. Цезаря). Сенат приказал Октавию, назначенному пропретором, совместно с консулами-десигнатами Гирцием и Пансой вести войну с Антонием. (4) Наиболее решительно он провел военные действия около Мутины — тогда ему шел двадцатый год, — освободил из окружения Д. Брута и принудил Антония позорно и в одиночку бежать из Италии. Что касается консулов, один из них погиб в бою, а другой через несколько дней умер от раны²⁰⁵.

LXII. Еще до того как Антоний был обращен в бегство, все почести, определенные сенатом по отношению к Цезарю, были приняты главным образом по предложению Цицерона. Но стоило отступить опасности, как симпатии переменялись и помпеянская партия воспрянула духом. (2) Бруту и Кассию были определены провинции, которые они уже заняли сами, без какого-либо имеющего законную силу постановления сената; одобрение заслужили лишь те войска, которые перешли на его сторону²⁰⁶. Все обладающие властью в заморских провинциях были отданы под контроль Брута и Кассия. (3) Действительно, М. Брут и Г. Кассий, то ли опасаясь оружия Антония, то ли притворяясь, что боятся, заверили в эдикте, что добровольно будут находиться в изгнании до тех пор, пока в государстве не наступит мир, и что им достаточно понимания правильности их поступков. Они покинули Рим и Италию в согласии друг с другом, без официального одобрения незамедлительно вступили в управление провинциями и в командование войском и

даже — под тем предлогом, будто где они, там и республика, — с согласия квесторов приняли деньги, которые те переправляли из заморских провинций в Рим. (4) Все это было скреплено и одобрено постановлениями сената (в том числе триумф Брута — за то, что тот остался в живых благодаря чужому благодеянию). Что же касается останков Пансы и Гирция, то они были почтены погребением за счет государства. (5) О Цезаре (Октавиане) не было никакого упоминания до такой степени, что послы, отправленные к его войску, получили приказание обращаться к воинам лишь после того, как он будет удален. Войско не было столь неблагодарно, как сенат, и, хотя Цезарь перенес эту несправедливость, не подав виду, воины отказались выслушивать какие бы то ни было распоряжения в отсутствие своего полководца. (6) Это было еще в то время, когда Цицерон, верный помпеянской партии, полагал, что Цезарь (Октавиан) достоин похвалы и вознесения²⁰⁷, говоря одно, но желая, чтобы подразумевалось другое.

LXIII. Тем временем М. Антоний, как беглец, переправившись через Альпы, сперва потерпел поражение в переговорах с М. Лепидом, который обманным путем был избран великим понтификом вместо Г. Юлия Цезаря, и, хотя ему была назначена провинция Испания, сще задерживался в Галлии. Но, более того, часто находясь на виду у воинов, — ведь любой полководец был лучше Лепида, а Антоний, пока был трезв, лучше многих, — он был пропущен воинами через скрытый вал в тыльной части лагеря и принят ими. Он уступил Лепиду титул императора, но имел в своих руках всю полноту власти. (2) В момент вступления Антония в лагерь Ювенций Латеренс²⁰⁸, человек, чья жизнь была опозорена смертью, настоящим образом советовал Лепиду не связываться с Антонием, который был уже объявлен врагом, но, видя безуспешность своих советов, пронзил себя мечом. (3) Затем передали свои войска Антонию Планк²⁰⁹ и Азиний Поллион²¹⁰. Планк, неустойчивый по характеру, долго боролся с самим собой, мучаясь сомнениями, к какой партии примкнуть: то был пособником консула-десигната Д. Брута, своего коллеги, то писал письма, пытаясь продаться сенату, а потом предал и его, Азиний Поллион, напротив, был тверд в намерениях, верен юлианцам и враждебен помпеянкам.

LXIV. Д. Брут, сначала покинутый Планком, а затем преследуемый его интригами, постепенно терял свое войско, бежал и в доме своего приятеля, знатного человека по имени Камел²¹¹, был зарезан теми, кого послал Антоний: ²¹² это было справедливейшее наказание, которое он заслужил за действия против Г. Цезаря. (2) Будучи первым из всех его друзей, он стал его погубителем и на благодеяния, из которых извлекал выгоду, ответил ненавистью,

полагая, что справедливо удержать то, что он получил от Цезаря, самого же Цезаря погубить. (3) Это было в то время, когда М. Туллий рядом обвинительных речей выжигал вечное клеймо на памяти об Антонии; но он делал это с помощью блистательного и божественного красноречия, в то время как трибун Каннуций терзал Антония с яростью пса²¹³. (4) Обоим защита свободы стоила жизни. Но кровью трибуна проскрипции начались, кровью же Цицерона, поскольку Антоний как бы насытился, почти завершились. Впоследствии Лепида, как до него Антония, сенат объявил врагом.

LXV. Тогда между Лепидом, Цезарем и Антонием возникла переписка, и умы склонились к соглашению. Антоний то и дело напоминал Цезарю, насколько ему была враждебна помпеянская партия, какого высокого положения она достигла и с какой страстью Цицерон восхвалял Брута и Кассия. Он уведомил, что соединит свои силы с Брутом и Кассием, во власти которых уже находились семнадцать легионов, если Цезарь откажется от соглашения с ним, и говорил, что Цезарь больше должен мстить за своего отца, чем он сам за друга. (2) Так начался союз во имя власти²¹⁴. По просьбе войск Антоний и Цезарь даже установили родственные отношения, — за Цезаря была просватана падчерица Антония. Цезарь вступил в консульство вместе с коллегой Кв. Педием накануне своего двадцатилетия, в десятый день до сентябрьских календ, в семьсот девятом году от основания Рима, за семьдесят два года до того, как ты, М. Виниций, вступил в консульство. (3) В этот год Вентидий соединил претуру с консульством. Некогда он был проведен по Риму во время триумфа среди пиценских пленников. Впоследствии он стал также триумфатором²¹⁵.

LXVI. Затем вспыхнуло неистовство Антония, равно как и Лепида, объявленных, как было сказано выше, врагами. Они оба предпочитали возглашать о том, что претерпели, чем о том, чего удостоились. Несмотря на тщетное противодействие Цезаря, — одного против двоих, — возобновилось зло, пример которому дал Сулла, — проскрипции. (2) Ничто в это время не было недостойнее того, что и Цезарь был вынужден кое-кого проскрибировать и кем-то был проскрибирован Цицерон. Преступление Антония заставило умолкнуть народный глас: никто не защитил жизнь того, кто на протяжении стольких лет защищал в общественной сфере — государство, а в частной — граждан. (3) Но все это напрасно, Марк Антоний, — негодование, вырывающееся из глубины души и сердца, вынуждает меня выйти за установленные мною рамки труда: напрасно, — говорю я, — и то, что ты назначил плату за божественные уста, и то, что ты отсек голову знаменитейшему человеку, и то, что подстрекал к убийству того, кто спас государство и был столь

всликим консулом. (4) Ты лишь похитил у Цицерона дни, которые он провел бы в беспокойстве, старость и жизнь более печальную при тебе, принцепсе, чем смерть при тебе, триумвире. Ведь честь и славу его дел и слов ты не только не отнял, но, напротив, приумножил. (5) Он живет и будет жить вечно в памяти всех веков, пока пребудет нетронутым это мироздание, возникшее то ли случайно, то ли по провидению, то ли каким-то иным путем; мироздание, которое он, чуть ли не единственный из всех римлян, объял умом, охватил гением, осветил красноречием. И станет слава Цицерона спутницей своего века, и потомство будет восхищаться тем, что он написал против тебя, и возмущаться тем, что ты совершил против него, и скорее исчезнет в мире род человеческий, чем [его имя].

LXVII. Участь всего этого времени никто не смог достойно оплакать, тем более никто не смог выразить словами. Однако примечательно следующее: наивысшей по отношению к проскрибированным была верность у жен, средняя — у отпущенников, кое-какая — у рабов, никакой — у сыновей. Настолько трудно людям медлить с осуществлением надежд! (2) Чтобы ни у кого не оставалось ничего святого, словно подстрекая к преступлению, Антоний проскрибировал своего дядю Л. Цезаря, а Лепид — брата Павла. И у Планка не было недостатка в дружеских связях, чтобы выпросить включение в проскрипционный список собственно брата Планка Плоция. Вот почему среди других насмешливых песен воинов, сопровождавших триумфальную колесницу Лепида и Планка, среди выкриков сограждан распевался и такой стишок: «Над германцами, не над галлами триумф двух консулов»²¹⁶.

LXVIII. Следует вернуться к детали, в свое время опущенной; ведь сама личность не позволяет оставить в тени совершенное ею²¹⁷. В то время как Цезарь бился за верховную власть в жарком и жестоком Фарсальском сражении, Целий Руф, человек, очень напоминающий по красноречию и энергии Куриона, но в том и другом его превзошедший, и не менее изощренный негодяй, будучи к тому же не в состоянии довольствоваться своим умеренным [положением] — ведь его имущество уступало уму, — (2) во время претуры выступил инициатором отмены долгов, и ни сенат, ни авторитет консулов²¹⁸ его не остановили. Призвав даже изгнанника Анния Милона, который был враждебен юлианской партии, поскольку не добился от нее своего возвращения на родину, он возбудил в городе мятеж, а в сельской местности — открытые военные столкновения; сначала он был отстранен от государственных дел, а затем по предложению сената разбит у Фурий консульской армией²¹⁹. (3) При аналогичном предприятии сходной оказалась

судьба Милона: он был сражен камнем во время осады Компсы²²⁰ в земле гирпинов. Так этот неумный и храбрый до безрассудства человек понес наказание и за П. Клодия, и за отечество, куда стремился вернуться при помощи оружия.

(4) Поскольку я стремлюсь восполнить кое-что из пропущенного, следует отметить, что народные трибуны Эпидий Марулл и Цезеций Флав проявили по отношению к Г. Цезарю неумеренную и неуместную вольность: избличая его в стремлении к царской власти, они сами едва не применили силу единовластия. (5) Ответом на это был гнев раздраженного главы государства. Но он все-таки предпочел прибегнуть к цензорскому замечанию²²¹, чем отстранить их от дел диктаторским распоряжением. Цезарь утверждал, что его характер — несчастье, из-за которого следовало бы или отойти от власти, или уменьшить ее²²². Но следует вернуться к предшествующему.

LXIX. Уже тогда Долабелла убил в Азии своего предшественника консуляра Требония, обманом захватив его в Смирне. Требоний возвысился до консульства благодаря Цезарю, он оплатил за благодеяния высшей степенью неблагодарности, приняв участие в его убийстве. (2) Со своей стороны, Г. Кассий, получив от бывших преторов и полководцев Стация Мурка и Криспа Марция боеспособные легионы, окружил Долабеллу, прибывшего в Сирию после захвата Азии, занял город Лаодикею и там лишил его жизни — Долабелла сам, без промедления, подставил своему рабу шею для удара. Под командованием Кассия в это время было десять легионов. М. Брут добился семи легионов, которые добровольно перешли к нему от Г. Антония, брата М. Антония, в Македонии и от Ватиния около Диррахия. Но над Антонием он одержал верх в войне, а Ватиния подавил авторитетом. Создавалось впечатление, что никого из полководцев нельзя поставить выше Брута и никого — ниже Ватиния: (4) внешнее уродство до такой степени состязалось в нем с непристойностью нрава, будто его душа была заключена в самое подходящее вместилище²²³. (5) Тем временем по закону Педия, который предложил консул Педий, коллега Цезаря, все убийцы Цезаря-отца приговаривались к лишению огня и воды. В это время Капитон, мой дядя по отцу, принадлежавший к сенаторскому сословию, подписал обвинение Агриппы против Г. Кассия. (6) Пока все это происходило в Италии, Г. Кассий в результате жестокой, но вполне успешной войны занял Родос — предприятие исключительной трудности, а Брут победил ликийцев, и затем оба переправили свои войска в Македонию. Тогда в противовес собственной натуре Кассий превзошел даже милосердие Брута. И трудно разобраться, кому больше, чем им, сопутствовала фортуна

и кого она, как бы утомившись, покинула быстрее, чем Брута и Кассия.

LXX. Тогда Цезарь и Антоний перебросили свои войска в Македонию и у города Филиппы встретились в открытом бою с М. Брутом и Кассием. Фланг, которым командовал Брут, отбив врагов, занял лагерь Цезаря (ведь сам Цезарь, хотя и был очень слаб после болезни, взял на себя командование; покинуть лагерь сго умолял даже врач Арторий²²⁴, напуганный грозным сновидением). Фланг же, возглавлявшийся Кассием, был обращен в бегство, рассеян и отступил на возвышенное место. (2) Тогда Кассий, судя по своей участи, решил, что таков же исход и у товарища. Он приказал ветерану разведать, какова численность и сила войска, устремившегося ему навстречу. Ветеран запоздал, и, когда войско приблизилось (а из-за пыли нельзя было рассмотреть ни лиц, ни знамен), Кассий решил, что это прорвались враги, закутал голову плащом и бестрепетно подставил ее вольноотпущеннику. (3) Голова Кассия упала, и тут появился ветеран с известием о победе Брута²²⁵. Увидев распростертого полководца, воин сказал: «Я последую за тем, кого убила моя задержка» — и налег на меч. (4) Спустя несколько дней Брут столкнулся с врагами и, потерпев поражение, в ночь после бегства поднялся на холм и обратился с мольбой к своему другу Стратону из Эг, чтобы тот помог идущему на смерть. Закинув за голову левую руку, он правой придвинул острие его меча к груди, к тому месту, где бьется сердце, толкнул его и тут же, пронзив себя одним ударом, испустил дух.

LXXI. Блистательный юноша (Корвин) Мессала²²⁶ пользовался в упомянутом лагере Брута и Кассия почти тем же авторитетом, что и они. И хотя не было недостатка в людях, которые бы выдвинули его на роль главнокомандующего (с целью продолжения войны), он предпочел обрести спасение по милости Цезаря и больше не испытывать судьбу в сомнительной надежде на оружие. В самом деле, как среди побед Цезаря не было более радостной, чем спасение Корвина, так не было и более выдающегося примера человеческой благодарности, верности и почтительности, чем тот, который явил Корвин по отношению к Цезарю. Ни в одну из войн не пролилось столько крови знаменитых людей, как в эту. Тогда пал сын Катона. (2) Та же участь постигла Лукулла и Гортензия, сыновей выдающихся граждан. А Варрон²²⁷ перед смертью в насмешку над Антонием с огромным бесстрашием верно предсказал ему достойный его конец. Друз Ливий, отец Юлии Августы²²⁸, и Квинтилий Вар не стали испытывать милосердие врага. Один из них покончил с собой в лагерной палатке, Вар же при всех знаках отличия принял смерть от руки вольноотпущенника, которого сам к этому принудил.

LXXII. Судьба пожелала, чтобы таким был конец Брута на тридцать седьмом году его жизни, безупречного духом до того дня, когда единственный опрометчивый поступок лишил его всех доблестей. (2) Касий был лучше как военачальник, Брут — как человек, из чего следует, что Брута предпочтительнее было иметь среди друзей, Кассия — бояться как врага. В одном было больше силы, в другом доблести. Если бы они победили, бóльшим благом для государства был бы Брут, нежели Кассий, равно как главою государства лучше иметь Цезаря, а не Антония. (3) Гн. Домиций (отец Л. Домиция, человека благородной, возвышенной чести, которого совсем недавно мы еще могли лицезреть, и дед нашего знаменитого молодого Гн. Домиция)²²⁹ вместе с большим числом последователей, раздсаявших его планы, оставшись единственным предводителем, захватил корабли и стал искать спасения в бегстве. (4) Стаций Мурк²³⁰, который благодаря своему флоту и морским постам господствовал на море, вместе со всей доверенной ему частью войска и кораблями направился к Сексту Помпею, сыну Гн. Магна, который, возвращаясь из Испании, захватил Сицилию. К нему из лагеря Брута, Италии и других стран стекались проскрибированные, которых судьба оградила от опасности, им угрожавшей. Обездолненным подходил любой предводитель, ведь судьба не предоставила выбора, но указала убежище, а тем, кто бежит от бури, и якорная стоянка кажется гаванью.

LXXIII. Юноша этот — в науках невежда, варвар в спорах, в натиске скорый, в решеньях поспешный, в дружбе неверный, — в этом пропасть между отцом и сыном, — либертин своих либертинов, раб своих рабов, завидуя высшим, угождал низшим. (2) Снат, который тогда почти весь состоял из помпеянцев (после того как Антоний бежал из-под Мутины, а Кассию и Бруту были поручены заморские провинции), отозвал его из Испании, где Азиний Поллион после претуры вел против него успешные военные действия, восстановил его права на отцовское имущество и поставил во главе морского побережья. (3) Тогда он, как было сказано, захватил Сицилию и, приняв в число своих воинов рабов и перебежчиков, набрал значительное число легионов. С помощью отцовских либертинов Мены²³¹ и Менекрата²³², командующих флотилиями, он навел страх морскими грабежами и разбоями и стал пользоваться награбленным для содержания себя и своего войска. И он не стеснялся пиратскими злодеяниями нарушать спокойствие на море, которое было освобождено от них оружием и военным искусством отца!

LXXIV. После того как была сломлена партия Брута и Кассия, оставался некоторое время Антоний, перед тем как отправиться в заморские провинции. Цезарь вернулся в Италию, найдя ее более

мятежной, чем предполагал. (2) Ибо консул Л. Антоний, наделенный пороками своего брата, но лишенный доблестей, которые подчас проявлялись в Марке, набрал большое войско, обвинив Цезаря перед ветеранами и призвав к оружию тех, кто лишился земли при распределении участков после основания колоний. С другой стороны, жена Антония Фульвия, в которой не было ничего женского, кроме тела, добавила ко всему этому вооруженный мятеж²³³. (3) Она избрала местом для войны Пренесте. Антоний, повсеместно разбитый силами Цезаря, ушел в Перузию. Планк, пособник Антония, более внушал Антонию надежду на помощь, чем ее оказывал. Перузия была захвачена благодаря доблести и воинской удаче Цезаря. Антония он отпустил, не наказав. Жестокость по отношению к перузинцам объясняется скорее гневом воинов, чем волей полководца²³⁴. Город был подожжен, но поджигателем оказался первый из жителей этого места по имени Македоник, который поджег свой дом и свое добро, пронзил себя мечом и бросился в огонь²³⁵.

LXXV. В то же самое время вспыхнула война в Кампании. Ее разжег Тиберий Клавдий Нерон (понтифик, в прошлом претор, отец Тиберия Цезаря, человек великого благородства и учености), обещавший свое покровительство тем, кто потерял землю²³⁶. С прибытием Цезаря и эта война была погребена и рассеяна.

(2) Кого может удивить переменчивость фортуны и превратность дел человеческих? Кто не надеется на обладание противоположным тому, что он имеет? Кто не боится обратного тому, что он ожидает? (3) Ливия, дочь в высшей степени знатного и мужественного человека Друза Клавдиана, по происхождению, честности и красоте первая из римлянок (ее мы впоследствии увидели супругою Августа, а после причисления Августа к богам — его жрицей и дочерью²³⁷, бежала тогда от оружия Цезаря, своего будущего супруга, с будущим сыном Цезаря Тиберием Цезарем на руках, двух лет от роду, будущей опорой империи, и, спасаясь от солдатских мечей, с единственным спутником, чтобы надежнее скрыть бегство, по бездорожью достигла моря и была переправлена в Сицилию²³⁸.

LXXVI. Свидетельство, которое я привел бы о чужом, не утаю в отношении своего деда. Гай Веллей был поставлен Гн. Помпеем на почетнейшее место среди знаменитых трехсот шестидесяти судей²³⁹. Он же был поставлен префектом вспомогательного отряда ремесленников у М. Брута и Тиб. Нерона и вообще был человеком, никому не уступавшим по своему положению. Когда в Кампании Нерон, к числу сторонников которого он принадлежал благодаря исключительной дружбе, покинул Неаполь, мой дед, не имея возможности его сопровождать, пронзил себя мечом. (2) Без каких-либо препятствий со стороны Цезаря Фульвия покинула

Италию. Спутником бежавшей женщины был Планк. Азиний Поллион, удерживавший во власти Антония область венетов и совершивший много замечательных дел близ Альтина и других городов этой области, перешел с семьей легионами к Антонию. Он вовлек в свои планы и, дав гарантии верности, соединил с Антонием все еще колеблющегося Домиция²⁴⁰, который, как было сказано выше, после смерти Брута покинул его лагерь, взяв на себя командование флотом. (3) Кто справедливо об этом рассудит, поймет, что услуга Антония Поллиону была не больше той, которую Поллион оказал Антонию. Последовавшая за этим высадка Антония в Италии, приготовления Цезаря против него — все это вызвало опасность новой войны; но близ Брундизия был заключен мир. (4) В это время были раскрыты преступные планы Сальвидиена Руфа. Этот человек, начавший с малого из-за темного происхождения, достиг высшего: сделался первым во всадническом сословии после Гн. Помпея и самого Цезаря, был избран консулом, но настолько вознесся, что смотрел свысока на Цезаря и государство²⁴¹.

LXXVII. Затем по единодушному и настоятельному требованию народа, которому стала невыносима высокая цена на хлеб вследствие пиратских нападений, близ Мизен был заключен мир с Секстом Помпеем²⁴². Помпей пригласил на свой корабль Цезаря и Антония и очень кстати заметил, что дает обед «на киле», намекая этим на название места, где стоял дом его отца, которым завладел Антоний.

(2) Согласно этому мирному договору, Помпею уступались Сицилия и Ахайя, чем, однако, его беспокойный дух не мог удовлетвориться. Единственная польза, которую принес приход Помпея, состояла в том, что отечеству были возвращены и получили личную безопасность все проскрибированные и прочие, бежавшие к нему по разным причинам. (3) Тем самым государству были возвращены, наряду с другими прославленными мужами, Нерон Клавдий, М. Силан²⁴³, Сентий Сатурнин²⁴⁴, Аррунций²⁴⁵ и Титий²⁴⁶. Стаций же Мурк, который прибыл к Помпею с многочисленными кораблями и этим удвоил его силы, стал жертвою ложных обвинений, поскольку Мена и Менекрат испытывали отвращение к такому товарищу по командованию. Он был убит Помпеем в Сицилии²⁴⁷.

LXXVIII. На протяжении этого времени М. Антоний женился на сестре Цезаря Октавии. Помпей возвратился на Сицилию, а Антоний — в заморские провинции. Там возбудил серьезные беспорядки Лабиев: он бежал из лагеря Брута к парфянам, привел их войско в Сирию и убил легата Антония. Благодаря мужеству и военному искусству Вентидия мятеж Лабиев был подавлен, а

вместе с ним побеждено войско парфян и знаменитый царский сын юный Пакор. (2) Между тем Цезарь, опасаясь, как бы бездеятельность — состояние, опасное для дисциплины, — не испортила воинов, в Иллирии и Далмации готовил армию к тяготам войны, закалял ее частыми походами и учениями. (3) Тогда же и Кальвин Домиций, управлявший после своего консульства Испанией, показал пример строгости, сопоставимой с древними образцами: он забил палками центуриона примипилов по имени Вибилей за позорное бегство в бою.

LXXIX. Поскольку день ото дня росла репутация и увеличивался флот Помпея, Цезарь решил взять на себя бремя войны. Постройка кораблей, набор воинов и гребцов, морские маневры и учение были поручены М. Агриппе, человеку благороднейшей доблести, энергичному, непревзойденному в трудах и опасностях, умевшему повиноваться, но только одному, остальными же страстно желавшему повелевать; он ни в чем не терпел отсрочек, и дела его не расходились с решениями. (2) На Авернском²⁴⁸ и Лукринском озерах он построил замечательный флот, а затем в результате ежедневных упражнений добился от воинов и гребцов самой высокой степени владения военным искусством и морским делом. Обладая таким флотом, Цезарь объявил войну Помпею и Сицилии. Но сначала он при благоприятных предзнаменованиях для государства женился на Ливии, которую ему уступил Нерон, ее прежний муж. (3) Но фортуна нанесла тяжчайший удар тому, кого не могли победить человеческие силы: около Велии и мыса Палинура большая часть флота потерпела крушение и была рассеяна африканским ураганом. Из-за этого возник перерыв в войне, которая впоследствии велась с малым, а иногда и с переменным успехом. (4) Флот был вторично разбросан бурей в том же самом месте; и насколько благоприятным было первое морское сражение у Мил под командованием Агриппы, настолько же тяжким оказалось поражение у Тавромения. Оно произошло на глазах у самого Цезаря в результате непредвиденного появления флота Помпея. Сам Цезарь был недалеко от опасности. Легионы под командованием Корнифиция, легата Цезаря, высадились на сушу и были почти разгромлены Помпеем. (5) Но исход критического момента был вовремя исправлен доблестью. Между сторонами завязалось морское сражение: Помпей лишился почти всех кораблей и бежал в Азию. В смятении он добивался помощи М. Антония, то проявляя достоинство полководца, то как проситель умоляя о спасении жизни. По приказу Антония он был задушен Титием. (6) Этим преступлением последний вызвал к себе такую ненависть народа, что был проклят и изгнан из театра Помпея, когда устраивал там зрелище.

LXXX. Ведя войну против Помпея, Цезарь вызвал из Африки Лепида с двенадцатью легионами половинного состава. Это был человек в высшей степени тщеславный, лишенный мужества, но незаслуженно долго пользовавшийся милостью фортуны²⁴⁹. Находясь ближе к Помпею, он присоединил к себе его войско, хотя оно предпочитало власть и покровительство Цезаря. (2) Раздув число своих легионов более, чем до двадцати, он долгое время был всего лишь попутчиком чужой победы. Он неистово противодействовал планам Цезаря, постоянно говорил то, что не нравилось другим, приписывал себе победу и даже осмеливался требовать от Цезаря, чтобы тот оставил Сицилию. (3) Ни Сципионы, ни другие римские полководцы не совершали столь дерзновенных поступков, как тогда Цезарь. Безоружный, в плаще, не имея ничего, кроме имени, Цезарь вошел в лагерь Лепида, избежав дротиков, брошенных в него по приказу этого негодяя,— а его плащ был даже продырявлен копьем, и отважно схватил легионного орла. (4) Да будет известна разница между полководцами: вооруженные последовали за безоружным. После десяти лет недостойной власти Лепид, покинутый воинами и фортуной, скрывшись в толпе людей, под конец хлынувших к Цезарю, в черном плаще бросился к его коленам. Ему была оставлена жизнь и право на имущество, но он лишился должности, которую не сумел сберечь.

LXXXI. Затем внезапно возник мятеж в войске. Обычно увеличиваясь численно, оно теряет воинскую дисциплину, поскольку осознает, что, становясь многочисленнее, может достичь силой того, чего не могло добиться просьбами. Мятеж был подавлен отчасти суровыми мерами, отчасти щедростью принцепса. (2) В это же время внушительный прирост получили земли кампанской колонии... которые оставались государственными²⁵⁰. Вместо этого на острове Крите ей дали очень плодородную землю, доход от которой составлял двенадцать миллионов сестерциев, и обещано²⁵¹ пользование водой, которая и до нынешнего дня исключительным образом способствует благотворности [климата колонии] и представляет собой элемент привлекательности.

(3) Во время этой войны Агриппа за особую доблесть был награжден корабельным венком, которого еще не получал ни один из римлян²⁵². Затем Цезарь вернулся в Рим как победитель и объявил, что он предназначает для общественных нужд многочисленные дома, приобретенные через прокураторов, и обещает соорудить в честь Аполлона храм с портиками вокруг него, что и было им осуществлено с беспримечной роскошью.

LXXXII. В то время как Цезарь действовал с таким успехом в Сицилии, фортуна на стороне Цезаря и государства воевала на

Востоке ²⁵³. Ведь Антоний с тринадцатью легионами двинулся в Армению, а затем в Мидию, направляясь через эти земли на парфян, навстречу их царю. (2) Сначала он потерял два легиона вместе с обозом, осадными орудиями и легатом Статианом; ²⁵⁴ при этом с великой опасностью для войска он часто попадал в такое критическое положение, что терял надежду на спасение, и, когда он лишился не менее четверти воинов, его спас советом и верностью простой воин-пленник (однако римлянин родом). Этот человек попал в плен [к парфянам] во время поражения войска Красса, но с изменением его положения не изменился его дух: он пробрался ночью к римскому караулу и предупредил, чтобы вместо намеченного пути римляне пробирались другим, через лес. (3) Это оказалось спасением для Антония и стольких его легионов. Но, как мы сказали выше, была потеряна четвертая часть воинов, третья часть обозных служителей, а от обозов едва ли что осталось. Но поскольку Антоний ушел живым, он назвал свое бегство победой. Вернувшись через два года в Армению, он хитростью захватил царя Артавазда, но, чтобы не лишать его почестей, заковал его в золото ²⁵⁵.

(4) Между тем в Антонии продолжал разгораться пожар любви к Клеопатре и вместе с ним все те пороки, которые обычно питаются возможностями произвола, лестью, могуществом; он принял решение начать войну с родиной. А до этого приказывал называть себя новым Отцом Либером и разъезжал по Александрии, подобно Отцу Либеру, обвитый плющом, в золотой короне, с тирсом в руках, обутый в котурны.

LXXXIII. Во время подготовки к этой войне к Цезарю перебежал Планк. Не в результате правильного выбора, не из-за любви к Риму или к Цезарю — с ними он постоянно боролся,— а словно по болезненному влечению к предательству. Он был то самым низким льстецом царицы и прислужником ниже ее рабов, то переписчиком у Антония, то его вдохновителем и сподручным в непристойнейших делах, (2) продажный во всем и по отношению ко всем. Во время пиров он изображал Главка: ²⁵⁶ красился в синий цвет, обнажался, увенчивал голову тростником, волочил хвост и прыгал на коленях. Когда Антоний к нему охладел, уличив его в откровенном грабеже, он перебежал к Цезарю и впоследствии объяснил милость победителя своим мужеством, уверяя, будто Цезарь одобрил то, что на самом деле простил. Вскоре примеру дяди последовал Титий ²⁵⁷. Когда новый перебежчик Планк через некоторое время стал за глаза обвинять в сенате Антония во многих нечестных делах, тесть П. Силия Копоний ²⁵⁸, самый влиятельный из бывших преторов, удачно заметил: «Много же, клянусь Геркулесом, натворил Антоний до того, как ты его покинул!»

LXXXIV. Затем в консульство Цезаря и Мессалы Корвина война завершилась при Акции ²⁵⁹. Но победа цезарианцев была предрешена задолго до сражения. На их стороне и воины и полководец были полны энергии, на другой же — все обессилено. Здесь гребцы надежные, там — ослабленные лишениями; здесь корабли умеренных размеров, способные маневрировать, там — ужасающие по самому виду. Оттуда ежедневно кто-нибудь перебежал к Цезарю, отсюда же к Антонию — никто. (2) Царь Аминта ²⁶⁰ устремился к большей пользе и выгоде; верный своему обыкновению Деиллий ²⁶¹ переметнулся от Антония к Цезарю, подобно тому как от Долабеллы к Кассию, от Кассия к Антонию. Даже прославленный Гн. Домиций ²⁶², единственный из окружения Антония, кто обращался к царице только по имени, несмотря на великий риск, перешел к Цезарю. И наконец, на виду у флота Антония М. Агриппа завоевал Левкаду, захватив Петры, взял Коринф. Вражеский флот был дважды побежден еще до того, как произошло последнее сражение.

LXXXV. Наконец наступил величайший решительный день, когда Цезарь и Антоний, выставив корабли, сражались, один — ради спасения мира, другой — ради его погибели. (2) Правый фланг цезарианского флота был поручен М. Лурию ²⁶³, левый — Аррунтию ²⁶⁴, общее руководство морским боем — Агриппе. Цезарю предназначалось быть на том участке, куда призовет фортуна, и он появлялся везде. Командование флотом Антония было поручено Публиколе ²⁶⁵ и Сосию ²⁶⁶. Что касается сухопутных войск, у Цезаря ими командовал Тавр ²⁶⁷, у Антония — Канидий ²⁶⁸. (3) Когда началось сражение, на одной стороне было все: военачальник, гребцы, воины, на другой — никого, кроме воинов. Сначала обратилась в бегство Клеопатра. Антоний предпочел быть спутником бежавшей царицы, чем оставаться со сражавшимися воинами; и военачальник, долгом которого было карать беглецов, сам оказался беглецом собственного войска. (4) Даже оставшись без руководства, воины Антония надолго сохранили стойкость и способность сражаться: отчаявшись в победе, они бились насмерть. Цезарь, пытаясь унять тех, кого мог уничтожить оружием, взывал, уговаривал, спрашивая: «Антоний бежал? За кого и против кого сражаетесь?» (5) И те, кто долго сражался в отсутствие военачальника, с болью сложили оружие и уступили победу; Цезарь обещал им жизнь и прощение прежде, чем они убедились в необходимости об этом умолять. Несомненно, что воины выполнили долг, как наилучший военачальник, а военачальник уподобился самому трусливому воину. Кто усомнится, по своей ли воле Антоний стремился к победе или под влиянием Клеопатры, если он обратился в бегство по ее примеру?

Так же поступило войско, находившееся на суше, когда Канидий стремительно бежал, предпочтя соединиться с Антонием.

LXXXVI. Кто бы осмелился в столь ограниченном размерах сочинении изложить, каковы были последствия этого знаменитого для всего мира дня и какие изменения произошли в положении и судьбе государства! (2) Победа поистине была отмечена исключительным милосердием! Никто не был уничтожен, если не считать очень немногих, которые даже не попытались просить за себя. По этой сдержанности военачальника можно заключить, как умеренно, если бы только это было возможно, предполагал он воспользоваться своей победой, будь то в самом начале триумvirата или при Филиппах. Что касается Сосия, то он был спасен преданностью Л. Аррунтия, человека из рода прославленной старинной надежности, а затем благодаря Цезарю, с великодушием которого он столь долго боролся. (3) Нельзя обойти молчанием и достопамятные действия и высказывания Азиния Поллиона²⁶⁹. После мирного договора в Брундизии он остался в Италии, никогда не видел царицу и с тех пор, как Антоний был расслаблен любовью к ней, не имел никакого отношения к его партии. Цезарь попросил его отправиться вместе с ним на Акциискую войну. Он ему ответил: «Услуги, оказанные мною Антонию, слишком велики, а его благоволение ко мне слишком известно. Поэтому я уклонюсь от вашего спора и лучше стану добычей победителя».

LXXXVII. В следующем году, преследуя царицу и Антония до Александрии, Цезарь завершил там гражданские войны. Антоний без промедления покончил с собой и своей смертью искупил многочисленные обвинения в свой адрес; что касается Клеопатры, то ей удалось обмануть стражей: принесли змею, от укуса которой она, свободная от женского страха, испустила дух. (2) Достойным Цезаря оказались его счастье и великодушие: никто из тех, кто выступал против него с оружием, не был убит ни им самим, ни по его приказу. Д. Брута погубила жестокость Антония. Секста Помпея, побежденного Цезарем, лишил жизни тот же Антоний, хотя и поклялся сохранить ему достоинство. (3) Брут и Кассий приняли добровольно смерть до того, как узнали характер победителей. О том, каков был конец Антония и Клеопатры, мы рассказали. Канидий ушел более трусливо, чем подобало при занятии (военным делом), которому он посвятил жизнь. Последним из убийц Цезаря был казнен Кассий Пармский, а Требоний пал первым²⁷⁰.

LXXXVIII. Пока Цезарь завершал Акциискую и Александрийскую войны, М. Лепид (сын того Лепида, который был участником триумvirата по государственному устройству, и Юнии, сестры Брута), юноша, выдающийся скорее по внешности, чем по уму,

возымел намерение убить Цезаря тотчас по его возвращении в Рим. (2) Охрана Рима была тогда поручена Меценату, человеку всаднического, но блестящего рода ²⁷¹, недремлющему, когда дела требовали бодрствования, предусмотрительному и знающему толк в деле,— пока он выполнял свои обязанности, поистине не могло быть никаких упущений,— но, предаваясь праздности, он был изнеженнее женщины. Цезарю он был не менее дорог, чем Агриппа, но менее, чем тот, отмечен почестями, потому что был почти удовлетворен узкой каймой,— мог бы достичь не меньшего, но к этому не стремился. (3) Выказывая полнейшую апатию, он тайно выведал планы безрассудного юноши и, без каких-либо тревог для государства и для граждан, подвергнув немедленно аресту Лепида, погасил новую и ужасную войну, которую тот пытался разжечь. И имевший преступные намерения понес наказание. Реакция на это жены Лепида Сервиллии была подобна поведению супруги упомянутого ниже Антистия: ²⁷² она проглотила пылающие угли и преждевременной смертью обессмертила свое имя.

LXXXIX. Невозможно достойным образом передать даже в труде нормальных размеров, не говоря уже об этом, столь урезанном, каким скоплением народа, каким одобрением людей различного положения и возраста был встречен Цезарь, вернувшийся в Италию, а также в Рим, и сколь великолепно были его триумфы и зрелища! (2) Нет ничего такого, что люди могли бы вымолить у богов, а боги могли бы предоставить людям, ничего из того, что можно было бы пожелать, и того, что завершалось бы счастьем, чего Август по возвращении в Рим не предоставил государству, римскому народу и всему миру. (3) По прошествии двадцати лет были завершены гражданские войны и похоронены внешние, восстановлен мир, повсеместно усыплен страх перед оружием, законам возвращена сила, судам — их авторитет, сенату — величие, магистратам — власть и полномочия в прежних пределах (4) (только лишь к восьми преторам добавлены еще два). Была восстановлена старинная и древняя государственная форма, поля стали обрабатываться, к святыням вернулся почет, к людям — безопасность и к каждому — надежное владение своей собственностью, улучшены старые законы и целесообразно добавлены новые, сенат составлен без суровости, но с надлежащей строгостью. Туда с одобрения принцепса и на благо государству были введены выдающиеся люди, отмеченные триумфами и высшим почетом. (5) Только уступив упорным настояниям, Цезарь занимал должность консула одиннадцать раз подряд, но диктатуру, которую ему упорно предлагал народ, он отвергал с таким же постоянством. (6) Войны, которые победоносно велись императором, покорили весь мир, и все его деяния,

совершенные за пределами Италии и Рима, утомили бы писателя, который посвятил бы всю свою жизнь этому единственному труду; мы же, согласно нашему общанию, даем образ его правления в общих чертах.

ХС. После того как были, как уже говорилось, окончательно похоронены гражданские войны и начали срастаться части государственного организма, которые так долго раздирались бесконечными вооруженными столкновениями, он позаботился о внешних войнах²⁷³. Далмация, бывшая мятежной на протяжении двухсот двадцати [лет], была полностью усмирена и наконец признала наше владычество. Были полностью укрощены Альпы с их дикими и жестокими народами. Испании были усмирены с большим колесованием военного счастья, сначала при непосредственном участии Цезаря, а затем Агриппой, которого дружба с принцепсом возвысила до третьего консульства, а затем до власти трибуна. (2) В эти провинции были посланы впервые войска во главе с Гн. Сципионом, дядей Африканского; в консульство Сципиона и Семпрония Лонга, двести пятьдесят лет назад, в первый год Второй Пунической войны. В течение двухсот лет здесь было пролито много крови с обеих сторон, римский народ терял войска вместе с военачальниками, так что результатом этих войн был позор, а иногда и грозная опасность нашему владычеству. (3) Именно эти провинции погубили Сципионов. Они же явились суровым испытанием для наших предков во время позорной двадцатилетней войны под командованием Вириата; это они потрясли римский народ ужасом Нумантийской войны; именно там был заключен позорный договор Кв. Помпея и еще более позорный — Манцина, отмененный сенатом одновременно с принятием постановления о позорной выдаче военачальника; они погубили столько консуляров, столько преториев, а во времена наших отцов призвали к оружию такого воинственного Сертория, что в течение пяти лет невозможно было решить, кто сильнее в военном деле, римляне или испанцы, и какой народ должен повиноваться другому. (4) И вот все эти провинции, столь разбросанные, столь многолюдные, столь дикие, Цезарь Август пятьдесят лет назад привел к такому миру, что они, прежде постоянно сотрясаемые величайшими войнами, после этого при легатах Г. Антистии²⁷⁴, а затем П. Силии²⁷⁵ и их преемниках были избавлены даже от обычных разбойничьих нападений.

ХСІ. Пока умиротворялся Запад, римские знаки легионов, захваченные Ородом у поверженного Красса, а его сыном Фраатом у обращенного в бегство Антония²⁷⁶, были возвращены с Востока Августу. Что касается этого имени, то предложение о его присвоении было выставлено Планком и дано этому человеку при единодушном

согласии сената и римского народа. (2) Были и такие, кто ненавидел это благоденствие. Ибо Л. Мурена и Фанний Цепион²⁷⁷, люди противоположного поведения (Мурена, не будь этого преступления, мог бы показаться порядочным человеком, Цепион же и до того был наихудшим из людей), приняли решение убить Цезаря, но были уничтожены по воле народа, сами получив по закону за то, что хотели применить силу. (3) Немного времени спустя подобный же преступный замысел возник у Руфа Эгнация²⁷⁸. Во всем более похожий на гладиатора, чем на сенатора, он во время эдилитета снискал благорасположение народа, которое день ото дня увеличивал тем, что с помощью собственных рабов тушил пожары; за это народ продлил ему претуру, а вскоре Эгнаций даже дерзнул домогаться консульства. Но поскольку он погряз в пороках и преступлениях, а с имущественным состоянием дело у него обстояло не лучше, чем с совестью, то, набрав себе подобных, решил убить Цезаря, чтобы, устранив его, умереть самому — ибо он не мог здравствовать, пока здравствует Цезарь. (4) Таков уж характер этих людей: каждый предпочитает убивать при всеобщем крушении, чем быть попраным своим собственным, а терпя то же самое, оставаться незамеченным. В сокрытии своих планов он был не счастливее предшественников. Попав вместе с сообщниками своего преступления в тюрьму, он принял смерть, в полной мере достойную его жизни.

ХСII. Да не изгладятся из памяти славные дела выдающегося человека Г. Сентия Сатурнина, консула примерно того же времени. (2) Цезарь отсутствовал, чтобы устроить дела Азии и Востока, лично распространяя по всему кругу земель благоденствия своего мира. Тогда Сентий, случайно, из-за отсутствия Цезаря оказавшийся консулом без коллеги, стал вести дела со старинной строгостью, наивысшим постоянством; по древнему обычаю и со строгостью консулов разоблачал обман публиканов, наказывал алчность, возвращал в эрарий государственное имущество и проявил качества выдающегося консула на комициях. (3) А именно, он запретил добиваться квестуры тем, кого счел недостойным, а тем, кто стал настаивать, пригрозил консульской карой, если они выйдут на Марсово поле. (4) Эгнацию, надеявшемуся благодаря благоволению к нему народа стать консулом после претуры, как до того претором после эдилитета, Сентий запретил выставлять кандидатуру, а когда тот не пожелал с этим считаться, поклялся, что если он в ходе народного голосования станет консулом, то не будет им провозглашен. (5) Такие действия, по моему мнению, следует сравнить со славою старинных консулов, но мы, естественно, предпочитаем хвалить то, о чем слышали, чем то, что видели сами.

К настоящему мы относимся с завистью, перед прошлым же преклоняемся, считая, что одно нас затмевает, а другое учит.

XCIII. Почти за три года до раскрытия преступления Эгнация, во время заговора Мурены и Цепиона, пятьдесят лет назад, совсем молодым скончался М. Марцелл²⁷⁹, сын сестры Августа, после того как он отметил свой эдилитет роскошными играми. Люди думали так: случись что с Цезарем, он стал бы преемником его власти, но сомневались в том, что к этому может спокойно отнестись Агриппа. В самом деле, как говорят, он был юношей с врожденными добродетелями, с радостным настроением духа, с талантом, достойным участи, которая ему предназначалась. (2) После его кончины возвратился Агриппа (он перед тем отправился в Азию под предлогом государственных дел, но, как гласит молва, на время скрылся из-за тайной вражды с Марцеллом) и взял в жены дочь Цезаря Юлию — она была до того замужем за Марцеллом, — женщину, не принесшую счастья ни ему, ни государству.

XCIV. В то же время, когда Тиб. Клавдию было три года, его мать, как мы сказали выше, развелась с Тиб. Нероном, в браке с которым она раньше была, и вышла замуж за Цезаря. Юноша (Тиберий), воспитанный и обученный божественным наставлениям, (2) наделенный знатным происхождением, красотой, осанкой, наилучшим образованием и высокой одаренностью, позволяя надеяться, что будет таким и впредь, и имел облик принцепса. (3) На девятнадцатом году жизни он исполнял должность квестора²⁸⁰ и взялся за государственные дела: по поручению отчима он урегулировал страшную дороговизну хлеба и недостаток продовольствия в Остии и в Риме, и тем, как он действовал, показал себя, каким будет. (4) Некоторое время спустя отправленный отчимом вместе с войском для проверки и устройства провинции на Востоке, он своими действиями явил образец исключительной доблести. Вступив с легионами в Армению, он подчинил ее власти римского народа, поручил Артавазду²⁸¹ его царство... и даже парфянский царь, напуганный славой столь великого имени, отдал своих детей заложниками Цезарю.

XCV. Затем Тиберий возвратился, и Цезарь решил испытать его бременем отнюдь не легкой войны²⁸² и назначил ему помощником²⁸³ в этом деле его собственного брата Друза Клавдия, которого Ливия родила уже среди пенатов Цезаря. (2) И вот они, разделив ответственность за операции²⁸⁴, напали на ретов и винделиков. Проведя осаду многочисленных городов и крепостей, упорно сражаясь в открытом бою, скорее с опасностями, чем с потерями для римского войска, они укротили, пролив потоки крови, многочисленные народы, защищенные непроходимой местностью и жестокие до свирепости.

(3) Перед тем в раздорах прошло цензорство Павла и Планка²⁸⁵, не принесшее ни почта им самим, ни пользы государству, ибо у первого не было цензорской энергии, а у второго — жизни, достойной цензора. Павел с трудом мог выполнять обязанности цензора, а Планк должен был бояться цензуры: ведь среди обвинений, выдвигаемых им против молодых людей (или выслушиваемых от обвинителей), не было такого, которое не имело бы отношения и к нему, старцу.

ХСVI. Смерть Агриппы²⁸⁶ (он многочисленными подвигами облагородил незнатность своего происхождения и добился того, что стал тестем Нерона; ²⁸⁷детей Агриппы, своих внуков, божественный Август усыновил под именами Гая и Луция) приблизила к Цезарю Нерона: ведь дочь Цезаря Юлия, бывшая прежде женой Агриппы, вышла замуж за Нерона. (2) Вслед за тем Нерон провел Паннонскую войну²⁸⁸, не законченную Агриппой и, о консул²⁸⁹, твоим дедом М. Виницием, — великую, жестокую, опасную, из-за соседства угрожавшую Италии. Мы опишем в другом месте²⁹⁰ паннонское население и племена далматов, расположение областей и рек, количество и диспозицию сил, а также множество побед, одержанных в этой войне великим военачальником. Этот уже труд сохранит свою форму. Нерон, причастный к этой победе²⁹¹, отметил ее овацией.

ХСVII. Но в то время как в этой части империи все операции увенчались успехом, в Германии потерпел поражение М. Лоллий²⁹². Этот человек, ставивший наживу выше правильного ведения дел, был порочен во всем, но более всего — лицемерен. И так, потеряв орла пятого легиона²⁹³, он вызвал Цезаря из Рима в Галлию. (2) Затем забота о Германской войне, а также ее бремя были переданы брату Нерона Друзу Клавдию, юноше столь многочисленных, столь великих добродетелей, какие только можно получить от природы или достичь усердием. Трудно сказать, в чем больше он проявил свое дарование, в военном деле или в мирных занятиях, (3) но, бесспорно, очарование и прелесть его характера, а также его отношение к друзьям, которых он, как говорят, ценил наравне с собою, были неподражасмы. Красотою же он приближался к брату. И вот несправедливость рока похитила этого усмирителя большей части Германии, пролившего во многих местах много крови ее народов во время своего консульства, когда ему еще не было и тридцати лет. (4) Тогда тяжесть этой войны была передана Нерону, и он распорядился ею в соответствии со своей доблестью и обычной для себя удачей²⁹⁴. Проникнув с победой во все области Германии без какой-либо убыли для порученного ему войска, — что всегда было главной его заботой, — он окончательно усмирил Германию,

почти доведя ее до состояния провинции, обложенной податью. Тогда ему были дарованы второй триумф и второе консульство.

ХСVIII. Пока описанные нами события происходили в Паннии и Германии, грозная война разразилась во Фракии. Все ее взявшиеся за оружие племена и народы были укрощены доблестью Л. Пизона²⁹⁵, и ныне мы имеем (в его лице) усерднейшего и в то же время наиболее уравновешенного стража безопасности Рима²⁹⁶. (2) Как легат Цезаря он воевал три года с этими в высшей степени свирепыми племенами, нанеся им множество поражений, то в регулярном бою, то во время приступа, и, возвратив их к прежнему мирному состоянию, вернул Азии безопасность, Македонии — мир²⁹⁷. (3) Для этого человека примечательно следующее: в его характере были смешаны энергия и изнеженность, и едва ли можно найти другого, кто бы больше любил праздность и столь же легко переходил к деятельности, кто бы больше, чем он, заботился о делах, не делая при этом ничего напоказ.

ХСIX. Некоторое время спустя Тиберий Нерон благодаря двум консулатам, стольким же проведенным триумфам и совместной трибунской власти сравнялся с Августом, стал самым выдающимся из граждан, кроме одного (и то потому, что так хотел), величайшим военачальником, знаменитейшим в доблести и удаче²⁹⁸, воистину вторым светочем и главою государства. (2) Когда Гай Цезарь надел мужскую тогу, а Луций уже созрел для нее²⁹⁹, он в силу некоей удивительной, невероятной, невообразимой почтительности, причины которой едва ли были поняты, попросил у тестя и отчима отдыха от непрерывных трудов, — на самом деле он скрыл причину своего намерения — чтобы собственным блистательным положением не препятствовать возвышению юношей в самом начале их пути. (3) Каково в это время было состояние государства, каковы стенания людей, лишившихся такого человека, как отечество старалось его удержать, мы проследим в достойном (этих событий) труде. (4) В этом же, беглом, должно быть сказано следующее: семь лет он провел на Родосе так, что все, кого посылали проконсулами в заморские провинции, [заезжали на Родос], чтобы узреть его благосклонность, и съезжались³⁰⁰ к нему как к частному лицу (если только его величие позволяло ему быть частным лицом), склоняли перед ним свои фасции и утверждали, что его непричастность к делам почетнее их командования.

С. Весь круг земель ощутил устранение Нерона от охраны Рима. Ведь и Парфянин, отложившийся от союза с Римом, протянул руку к Армении, и Германия, скрывшись от глаз своего усмирителя, опять восстала.

(2) В Риме в тот самый год, когда божественный Август при

посвящении храма Марсу ³⁰¹ ослепил воображение и зрение римского народа несравненными по великолепию гладиаторскими играми и навмахиями (тридцать лет назад ³⁰², в консульство Цезаря (Августа) и Канидия Галла), в его собственном доме разразилось бедствие, о котором стыдно рассказывать и ужасно вспоминать. (3) Ведь его дочь Юлия, полностью ³⁰³ пренебрегшая таким отцом и таким мужем, не упустила ничего из того, что может совершить или с позором претерпеть женщина, и из-за разнузданности и распутства стала измерять величие своего положения возможностью совершать проступки, считая разрешенным все что угодно. (4) Тогда Антоний Юл, осквернитель его дома, стал примером исключительного великодушия Цезаря (ведь когда отец Юла потерпел поражение, Цезарь (Август) не только даровал Юлу неприкосновенность, но и почтил его жреческой должностью, претурой, консулатом, провинциями, а вследствие женитьбы на дочери своей сестры принял в число близких родственников), но он сам отомстил себе за собственное преступление ³⁰⁴. Квинций Криспин, пытавшийся скрыть свою испорченность под личиной суровой надменности, Аппий Клавдий, Семпроний Гракх, Сципион и другие лица из обоих сословий с менее известными именами понесли наказание как бы за осквернение чьей-либо супруги, хотя они осквернили дочь Цезаря (Августа) и супругу Нерона (Тиберия). Юлия была сослана на остров, удалена от глаз отечества и родителей, однако ее сопровождала мать Скрибония, оставаясь ее добровольной спутницей в изгнании.

СІ. По прошествии незначительного промежутка времени Гай Цезарь, посетивший ³⁰⁵ сначала другие провинции, а затем посланный в Сирию (сперва он встретился с Нероном, которому оказал наивысшее почтение как старшему), вел себя там по-разному, так что не было недостатка в поводах как для великого восхваления, так и для некоторого порицания. На острове, расположенном посредине реки Евфрат, он встретился с царем парфян, юношей выдающегося положения, в сопровождении равной по числу свиты. (2) Это во всех отношениях удивительное и достопамятное зрелище встречи двух выдающихся лиц и глав империй в присутствии римского войска на одном берегу и парфянского на другом мне пришлось наблюдать в начале военной службы, когда я был военным трибуном. (3) Эту воинскую должность, М. Виниций, я получил еще раньше, при твоём отце и П. Силии, во Фракии и Македонии; затем я видел Ахайю, Азию и все восточные провинции, а также вход в Понт и оба его берега. Как приятно насладиться воспоминанием о стольких событиях, местах, народах и городах!

Парфянин первым пировал на нашем берегу у Гая, а потом, в свою очередь, Гай пировал у царя на вражеском берегу.

СII. В это время распространился слух, будто Парфянин донес Г. Цезарю о вероломных, полных хитрости и коварства планах М. Лоллия ³⁰⁶ (Августу было угодно сделать его наставником своего юного сына [Гая]). Я не знаю, случайной или добровольной была его смерть, последовавшая несколькими днями спустя. Но насколько радовались люди его исчезновению, настолько тяжело перенесли граждане происшедшую чуть позже и в тех же провинциях кончину Цензорина ³⁰⁷, человека, рожденного на благо людей.

(2) [Гай] проник затем в Армению, и первая часть [его кампании] была отмечена успехом. Но вскоре близ Артагеры во время встречи, на которую он опрометчиво согласился, он был тяжело ранен неким Аддуем, после чего он ослаб телом и духом и сделался непригоден для служения государству. (3) Среди его окружения не было недостатка в тех, кто угодливостью питал его пороки (ведь лесть — неременная спутница выдающейся судьбы). В результате он был доведен до того, что предпочел состариться в отдаленнейшей из провинций, чем вернуться в Рим. После долгих колебаний и вопреки собственному желанию возвращаясь в Италию, он умер от болезни в одном из городов Ликий (его называют Лимирай) ³⁰⁸, почти год спустя после того, как брат его Луций Цезарь скончался в Массилии по пути в Испанию.

СIII. Похитив надежду на великое имя, фортуна в тот же момент возвратила государству свою поддержку, поскольку еще до смерти этих двух молодых людей, в консульство твоего отца, П. Виниция ³⁰⁹, с Родоса вернулся Тиберий Нерон, доставив своему отечеству неимоверную радость. (2) Недолго колебался Цезарь Август: ведь ему не пришлось искать того, кого следует выбрать, а выбрать следовало того, кто выделялся. (3) Итак, на том, что он хотел сделать после смерти Луция и еще при жизни Гая, но натолкнулся на решительное сопротивление Нерона, он настоял после смерти юношей: сделал Нерона участником своей власти народным трибуном, хотя тот много раз отказывался от этого как частным образом, так и в сенате, а в консульство Элия Ката и [Г.] Сентия, за шесть дней до июльских календ 754 г. от основания Рима, двадцать семь лет назад, его усыновил. (4) Едва ли даже в надлежащем сочинении мы сумеем в полной мере выразить радость того дня, стечение граждан, молитвы тех, кто простирали руки почти до неба, их обретенные надежды на постоянную безопасность и вечность Римской империи! Не пытаюсь сделать это здесь, мы [довольны] уже тем, что сказали лишь одно — каким [счастливым] был для всех этот день. (5) Тогда у родителей заблестала надежда на детей, у мужчин —

на брак, у собственников — на имущество, у всех людей — на благоденствие, спокойствие, мир, безопасность, так что даже невозможно было ни надеяться на большее, ни надеждам проявиться счастливец.

CIV. В тот же день был усыновлен также и М. Агриппа, которого Юлия родила после смерти Агриппы, но при усыновлении Нерона вот что было добавлено самим Цезарем (Августом): «Я,— сказал он,— делаю это для блага государства»³¹⁰. (2) Отечество не задержало надолго в Риме защитника и стража своей империи, но немедленно направило его в Германию, где за три года до того вспыхнула грандиозная война при участии замечательного человека, М. Виниция, твоего деда. За то, что в одних местах она им велась, а в других успешно поддерживалась, ему были присуждены триумфаторские знаки отличия с блистательным описанием его деяний. (3) В это время я служил в армии Тиберия Нерона, начав с обязанностей трибуна. Сразу же после усыновления последнего я был послан вместе с ним в Германию в качестве префекта конницы, унаследовав должность своего отца. На протяжении девяти лет как префект или легат я был очевидцем божественных дел Тиберия и — в меру моей посредственности — принимал в них участие. И мне кажется, что на долю смертного никогда не выпадало зрелища, каким я наслаждался, когда все, видя своего прежнего военачальника, следовавшего через многолюднейшие части Италии и на всем протяжении провинций Галлий, поздравляли его, ставшего Цезарем благодаря своим заслугам и способностям еще до того, как он получил это имя, и еще больше, чем его, каждый поздравлял сам себя. (4) Право, нельзя выразить словами, и едва ли можно поверить, что при виде его у воинов текли слезы радости; а какими были ликование первого приветствия и радость, с которой они стремились прикоснуться к его руке, восклицая: «Тебя ли мы видим, император!», «Тебя ли встретили невредимым?», и затем: «Я был с тобою, император, в Армении!», «Ты наградил меня в Реции!», «Меня в Винделиции!», «Меня в Паннонии!», «Меня в Германии!».

CV. Он тотчас же вступил в Германию, покорил каннинэфатов, аттуаров, бруктеров, принял под свою власть херусков — племя, наиболее прославившееся нашим поражением,— перешел Визург, проникнув в более отдаленные места. Взяв на себя все наиболее трудные и опасные операции, (Тиберий) Цезарь во главе того, что было менее существенным, поставил Сентия Сатурнина, который еще раньше был легатом его отца в Германии. (2) Это был человек разнообразных достоинств, ревностный, деятельный, осмотрительный и в то же время стойкий и опытный в военных делах. Но если у него обязанности оставляли место досугу, он использовал его с

чрезмерной широтой и великолепием, но так, что его можно было назвать скорее блистательным и бесшабашным, чем расточительным и праздным. Выше мы уже сказали о замечательном даровании и знаменитом консульстве этого человека. (3) Летняя кампания этого года, продлившаяся до декабря, завершилась великим благом победы. Несмотря на то, что зимние Альпы едва проходимы, сыновнее благочестие привело Цезаря (Тиберия) в Рим, но [забота] о защите империи в начале весны вновь вернула его в Германию; в центре ее, у истоков реки Лупии, отъезжая, принцепс разместил зимние лагерь.

CVI. О боги благие! Достойными какого поведования оказались операции, какие мы осуществили за лето под командованием Тиберия Цезаря! Нашими войсками была пройдена вся Германия, побеждены народы, неизвестные даже по именам, присоединены племена хавков: все их многочисленное войско, несмотря на молодость и могучее телосложение воинов, а также на местность, удобную для обороны, сдав оружие, во главе со своими вождями склонилось перед трибуналом императора. (2) Разбиты лангобарды, народ даже более дикий, чем сама германская дикость. И наконец, на что прежде мы не могли и надеяться, тем более пытаться осуществить: римское войско проведено со знаменами на расстояние в четыреста миль от Рена до реки Альбис, которая разделяет земли семнонов и гермундунов. (3) И в этом же месте благодаря удивительному счастью и заботе нашего военачальника, благодаря удачному выбору времени, с Цезарем и его армией соединился флот, который, обогнув залив Океана со стороны неведомого и ранее неизвестного моря³¹¹ и победив многочисленные народы, с огромной добычей вошел в ту же самую реку Альбис.

CVII. Не могу удержаться, чтобы к рассказу о великих деяниях не добавить один эпизод, каким бы малозначительным он ни был. Когда мы поставили лагерь по одну сторону реки, о которой я упомянул, а противоположная сверкала оружием вражеских воинов, обратившихся в бегство при одном движении наших кораблей и от страха, который они вызывали, один из варваров, человек преклонного возраста, рослый и, как показывало его одеяние, занимающий высокое положение, сел в челн из полого дерева, что было обычным средством для плавания у этих людей; в одиночку правя этой лодочкой, он достиг середины реки и попросил разрешения выйти на занятый нами берег, чтобы увидеть Цезаря. Ему была дана такая возможность. (2) Тогда, пригнав лодку и в долгом молчании созерцая Цезаря, он сказал: «Наша молодежь безумна, если она чтит вас как Бога в ваше отсутствие³¹², а теперь, когда вы здесь, страшится вашего оружия вместо того, чтобы отдаться

под вашу власть. Я же по твоему милостивому позволению, о Цезарь, сейчас вижу богов, о которых ранее слышал, и за всю свою жизнь не желал и не имел более счастливого дня». Добившись разрешения прикоснуться к руке, он, постоянно оглядываясь на Цезаря, добрался до своего берега. (3) Победитель всех народов и стран, в какие бы он ни приходил, с войском, не понесшим потерь (только один раз враги коварно атаковали его и понесли тяжкое поражение), Цезарь отвел легионы в зимние лагеря и устремился в Рим так же быстро, как и в прошлом году.

CVIII. В Германии не осталось кого и побеждать, кроме народа маркоманнов. Изгнанные из своих мест, они под предводительством Маробода устремились во внутренние земли, поселившись на равнине, окруженной Герцинским лесом. (2) Даже при крайней поспешности нельзя обойтись без упоминания об этом человеке. Маробод — муж знатного происхождения, могучего телосложения и отважного духа, варвар более по происхождению, чем по уму³¹³. Заняв среди своих первое место (не случайное, зависящее от желания подданных и ненадежное, — он приобрел настоящую царскую власть и могущество), он решил увести свой народ подальше от римлян и разместить его там, где, укрывшись от более сильного оружия, смог бы сделать более могущественным свое собственное. Итак, захватив места, о которых речь была выше, он либо покорил сопредельные народы силой оружия, либо подчинил их договорами.

CIX. Постоянными учениями он поднял силы, охраняющие его державу, почти до уровня римского войска, и вскоре они достигли небывалого совершенства и превратились в угрозу для нашего государства. По отношению к римлянам он вел себя так: не вынуждал нас к войне, но показывал, что если его к ней принудят, то у него не будет недостатка ни в силе, ни в воле к сопротивлению. (2) Послы, которых он посылал к цезарям, порой выставляли его просителем, порой вели переговоры как равные. Племенам и отдельным людям, от нас отделившимся, он предоставлял убежище; вообще он действовал, как соперник, плохо это скрывая; и войско, которое он довел до семидесяти тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, он подготовил в непрерывных войнах с соседними народами к более значительной деятельности, чем та, которую он осуществлял: (3) ведь опасным его делало то, что, имея слева и спереди Германию, справа Паннонию и Норик позади своих владений, он постоянно угрожал им своими нападениями. (4) Италия так же не могла себя чувствовать в безопасности из-за увеличения его сил, поскольку от высочайших горных цепей Альп, обозначающих границу Италии, до начала его пределов не более двухсот миль. (5) На этого человека и на это царство Тиб. Цезарь решил в

ближайшем году повести наступление. Поручив Сентию Сатурнину, чтобы тот повел легионы³¹⁴ через каттов, вырубая расположенные там Герцинские леса, в Бойгемум (таково название области, в которой обитал Маробод), он сам повел войско, находившееся на службе в Иллирике, от Карнунта, ближайшего пункта в царстве нориков с этой стороны, на маркоманнов.

СХ. Судьба ломает планы людей, а иногда замедляет их исполнение. Цезарь уже подготовил зимние лагеря у Данубия, подвел войска и находился не более чем в пятидневном переходе от вражеских постов; (2) легионы, которые предстояло повести Сатурнину³¹⁵, были удалены от врага почти на равное расстояние и через несколько дней должны были соединиться с Цезарем в указанном месте, как вдруг взялась за оружие вся непривычная к благам мира, окрепшая Паннония, а также Далмация, по всей территории которой племена были втянуты в заговор³¹⁶. (3) Тогда пришлось предпочесть славе необходимость: казалось небезопасным направиться с войском внутрь страны и оставить Италию беззащитной перед лицом столь близкого врага. Общая численность племен и народов, которые восстали, превышала восемьсот тысяч. Они выставили почти двести тысяч пехотинцев, годных к несению оружия, и девять тысяч всадников — (4) огромную массу, покорную свирепейшим и опытнейшим вождям. Часть их решила напасть на Италию, с которой они граничили у Наупорта и Тергесте; часть хлынула в Македония, часть должна была защищать свои земли. Верховное командование было в руках двух Батонов³¹⁷ и Пиннета. (5) Все паннонцы знали не только дисциплину, но и язык римлян; многие были даже грамотны и знакомы с литературой. Итак, клянусь Геркулесом, никогда ни один народ не переходил так скоропалительно от подготовки войны к самой войне, приведя в исполнение свои планы. (6) Римские граждане были уничтожены, торговцы перебиты; в области, наиболее отдаленной от полководца, было истреблено большое количество знаменосцев, военными силами занята Македония; все и повсюду было опустошено огнем и мечом. Мало того, вызванный этой войной страх был настолько велик, что поколебался и ужаснулся даже стойкий, укрепленный опытом стольких войн дух Цезаря Августа.

СХI. Ввиду этого был произведен набор войска, а также повсюду и полностью призваны все ветераны. Мужчины и женщины в соответствии с имущественным цензом должны были выставить в качестве воинов вольноотпущенников³¹⁸. В сенате прозвучал голос принцепса: «Через десять дней, если не быть настороже, враг может оказаться на виду у города». Для войны потребовались услуги сенаторов и римских всадников — они обещали без колебания³¹⁹.

(2) Все это готовилось бы напрасно, если бы не было того, кто бы это направлял. Поэтому государство потребовало от Августа послать под защитой воинов³²⁰ Тиберия. (3) Во время этой войны моя скромная персона получила блестящее назначение. По окончании службы в коннице я стал квестором-десигнатом и, еще не будучи сенатором, поставлен наравне с сенаторами и даже с народными трибунами-десигнатами. Я повел часть войска, доверенного мне Августом, из Рима к его сыну. (4) Далее во время квестуры я отказался от провинции и был направлен легатом Августа к самому Тиберию. Какие вражеские войска мы увидели в первый год! Как целесообразно благодаря предвидению военачальника мы избегали крупных соединений вражеских сил и одолевали³²¹ их по частям! Мы видели, как соразмерно и в то же время с высшей пользой для авторитета полководца ведутся операции, с каким благоразумием расположены зимние лагеря, как надежно заперто караулами войско нашего врага! Они нигде не давали ему прорваться, и он, лишенный подкрепления³²², терял силы, исходя яростью против самого себя.

СХII. Достояна упоминания счастливая своим исходом, смелая по замыслу первая летняя кампания Мессалина³²³. (2) Этот человек, более славный и достойный умом, чем происхождением (ибо отцом его был Корвин, а свой когномен он оставил брату Котте), был поставлен над Иллириком, когда внезапно разразился мятеж. Он с двенадцатым легионом половинного состава, будучи окружен неприятельским войском, рассеял и обратил в бегство более двадцати тысяч врагов, за что был почтен знаками отличия триумфатора. (3) Варвары, как бы ни радовались они своему численному превосходству, как бы ни была велика их уверенность в своих силах, не могли положиться на себя там, где находился Цезарь. Часть их войска, непосредственно противостоявшая нашему военачальнику, в соответствии с нашими планами и к нашей выгоде ослабленная и доведенная до губельного голода, не осмелилась ответить на наш приступ, отказалась принять битву, которую ей предложили наши воины, ставшие в строй, а захватила Клавдиеву гору³²⁴ и укрепилась на ней. (4) Что касается той части, которая двинулась навстречу войску, приведенному консулярами А. Цециной и Сильваном Плавцием из заморских провинций, то она окружила пять наших легионов вместе со вспомогательными отрядами и царской конницей (ведь царь Фракии Реметалк, соединившись с вышеназванными военачальниками, привел для подкрепления большой отряд фракийцев) и нанесла всем едва ли не полное поражение. (5) Рассеян строй царских всадников, обращены в бегство конные подразделения, вспять обратились когорты, охвачены трепетом находившиеся у знамен легионов. Но в это время доблесть

римского воина завоевала себе больше славы, чем оставила на долю военачальников: разительно отличаясь своими обычаями от главнокомандующего, они ринулись на врага прежде, чем узнали от разведчиков, где он. (6) И так, хотя легионы находились в трудных обстоятельствах,—сражены врагом некоторые военные трибуны, погибли префекты лагерей и предводители когорт, залиты кровью центурионы и даже погибли люди высокого положения³²⁵,—воины, не довольствуясь тем, что задержали врагов, обратились на них, сломали их строй и добыли в бою победу, в которой уже отчаялись. (7) Почти одновременно Агриппа, усыновленный родным дедом в один день с Тиберием, начал показывать (так же, как и два года назад³²⁶), каков он есть: из-за редкой порочности ума и духа он своими действиями против приемного отца, то есть деда, отвратил его от себя, и вскоре пороки, растущие день ото дня, привели его к концу, достойному его безумия.

СХІІІ. Узнай теперь, М. Виниций, что Тиберий был столь же великим вождем на войне, каким принцепсом ты видишь его в мирное время. Соединились войска — и те, которые были при Цезаре, и те, которые пришли к нему,— в один лагерь было стянуто десять легионов, более семидесяти когорт, четырнадцать... и более десяти тысяч ветеранов, к тому же большое число добровольцев, множество царских всадников, так что все войско приняло такие размеры, каких оно не имело нигде и никогда после гражданских войн. Все испытывали радость, связывая с численностью надежду на победу. (2) Но император, будучи верен поведению, которому, как я видел, он следовал во время любой войны, лучший судья своих дел, предпочел полезное внушительному, сделав то, что достойно одобрения, а не то, что в любых обстоятельствах одобряется. Он подождал несколько дней, чтобы прибывшее войско восстановило силы, ослабленные дорогой, и решил его распустить, поняв, что им невозможно командовать из-за его величины. (3) Он сам сопровождал его во время очень трудного и утомительного перехода, о тяготах которого едва ли можно рассказать, чтобы кто-либо не посмел напасть на наше войско и чтобы враги, опасаясь за свои владения, не могли бы напасть на отдельные части отходящих. Он отпустил их туда, откуда они пришли, а сам в начале очень трудной зимы вернулся в Сисцию и разместил свои войска в разных зимних лагерях, поручив их легатам, среди которых были и мы.

СХІV. Перейдем к делам, о которых не стоило бы распространяться, не окажись они великими, полезными, приятными и человечными свидетельствами подлинной, истинной добродетели! На протяжении Германской и Паннонской войн никто из нас, будь он выше или ниже по положению, в случае болезни не оказывался

без заботы Цезаря об излечении и поправке здоровья, словно все его помыслы были совершенно свободны от бремени великих дел и нацелены на одно это. (2) Была наготове запряженная повозка; находились в общем пользовании его носилки — [применение] их довелось испытать, подобно другим, и мне. Не было никого, кому не сослужили бы службу для поправки здоровья и лекари, и кухонное оборудование, и переносная баня, предназначенная лишь для него [одного]. Не хватало нам только дома и домашних, но не ощущалось недостатка ни в чем из того, что они могли бы предоставить или чего у них можно было попросить. (3) Добавлю и то, с чем каждый из очевидцев тотчас согласится, как и с прочими сообщенными мной фактами: он путешествовал на коне и всегда один, во время большей части летних экспедиций обедал сидя и только вместе с теми, кого приглашал. Тех, кто не соблюдал дисциплину, он прощал, лишь бы это не становилось вредным примером. Его предупреждения были частыми, он делал и выговоры, карал же очень редко и придерживался середины, на многое закрывая глаза, препятствуя немногому.

(4) Зимой война была успешно завершена, и с наступлением лета вся Паннония запросила мира, тогда как в Далмации сохранялись очаги войны. О том, как эта столь многочисленная необузданная молодежь, незадолго до того угрожавшая Италии рабством, снесла оружие, которым сражалась, к реке под названием Батин³²⁷ и вся простерлась у ног императора, и как один из ее выдающихся вождей, Батон, был взят в плен, а другой, Пиннет, сдался сам, я, надеюсь, расскажу в главном своем труде по порядку.

(5) Осенью победоносная армия возвратилась в зимние лагеря, и Цезарь поставил во главе всех войск М. Лепида³²⁸, человека очень близкого к цезарям и по имени, и по судьбе, вызывавшего уважение и восхищение в той мере, в какой каждый мог его знать или понимать, и, как считалось, добавившего новый блеск к великому имени, от которого происходил.

СХV. Цезарь перенес свое внимание и свою армию к другому обременительному предприятию — к Далматской войне. О том, каким помощником и легатом оказался для него в этом регионе мой брат Магий Целер Веллеян, свидетельствуют высказывания самого Цезаря и его отца и те многочисленные почести, которыми он его удостоил, увековечив во время своего триумфа. (2) В начале лета Лепид снялся с войском с зимних квартир, направляясь к своему командующему Тиберию через территорию племен, ранее не затронутых бедствиями войны и поэтому неукротимых и неистовых, и, преодолев препятствия местности и вражеские силы с большими потерями для тех, кто ему сопротивлялся, разорив

поля, предав огню постройки, вырезав население, прибыл к Цезарю, радуясь победе и отягощенный добычей. (3) Будь это осуществлено под его собственными ауспигиями, ему полагался бы триумф: сенат в согласии с мнением выдающихся граждан наградил его триумфаторским облачением. (4) Эта летняя кампания подвела итог великой войне: ведь далматские племена — перусты и десидиаты, почти неодолимые благодаря обитанию в горах, неукротимости нрава, а также исключительным навыкам боя и главным образом узости лесистых ущелий, были усмирены лишь тогда, когда их почти полностью перебили не только под общим руководством Цезаря, но его собственным участием и оружием. (5) Ни во время этой войны, ни во время Германской, никогда ничто не вызывало у меня большего восхищения, чем то, что император отвергал любую, даже самую благоприятную возможность победы, если она угрожала потерями воинов, и всегда наиболее почетной победой считал самую безопасную: при этом он сообразовывался скорее со своими убеждениями, чем с молвой, и никогда решения вождя не направлялись суждением войска, но войско направлялось предусмотрительностью вождя.

СХVІ. В ходе этой войны в Далмации дал примеры великой доблести Германик, посланный во многие, причем труднодоступные районы. (2) Также консуляр Вибий Постум³²⁹, получивший в качестве провинции Далмацию, усердием и славными подвигами заслужил триумфаторские отличия. Подобной чести за несколько лет до этого добились в Африке Пассиен³³⁰ и Косс³³¹, люди, замечательные своими качествами, хотя не одинаковыми. Но Косс закрепил память о победе даже в когномене сына, юноши, рожденного стать образцом всех доблестей. (3) Что касается сотоварища подвигів Постума, Л. Апрония³³² в этой же войне, то он исключительной доблестью заслужил те почести, которые впоследствии получил.

О, если бы даже не было засвидетельствовано более значительным опытом всемогущество Фортуны ! Но и в этой области ее сила могла бы быть познана в полной мере. Ведь и Элий Ламия³³³, человек старинного образа мыслей, но умеряющий древнюю суровость исключительным дружелюбием, самым блестящим образом исполняя свои обязанности в Германии и Иллирии, а вскоре затем в Африке, не получил вполне заслуженных триумфаторских почестей лишь потому, что недоставало повода. (4) И А. Лициния Нерву Силиана, сына П. Силия, которым недостаточно восхищались даже те, кто его знал, хотя он и проявил себя так, что не было лучше гражданина и честнее полководца, чем он, преждевременная смерть лишила и блага почетной дружбы принцепса, и вознесения до высочайшего положения, достигнутого его отцом³³⁴. (5) Если кто

обвинит меня в том, что я искал повода для упоминания об этих людях, то я приму этот укор; но ведь честная, непредубежденная правдивость у порядочных людей — не преступление.

СХVII. Едва Цезарь положил конец Паннонской и Далматской войнам, как менее чем через пять дней после завершения столь великого предприятия из Германии прилетело горестное известие о гибели Вара и уничтожении трех легионов, стольких же конных ал и шести когорт³³⁵. Но Фортуна была исключительно милостива к нам хотя бы в том, что к этому был непричастен Тиберий...³³⁶ Надлежит задержаться на причине поражения и личности Вара.

(2) Квинтилий Вар, происходивший из семьи спокоей известной, чем знатной, был от природы человеком мягким, спокойного нрава, неповоротливым телом и духом, пригодным скорее к лагерному досугу, чем к превратностям войны. О том, что он не пренебрегал деньгами, показала Сирия, во главе которой он стоял как правитель: бедным он вступил в богатую страну, а вернулся богатым, оставив ее бедной. (3) Будучи поставлен во главе войска, которое находилось в Германии, он воображал, что ее обитателей, не имеющих ничего человеческого кроме голоса и тела, которых не мог укротить меч, сможет умиротворить правосудие. (4) С этими намерениями он вошел в глубь Германии и протянул летнюю кампанию, словно бы находясь среди людей, радующихся сладости мира, и разбирая по порядку дела с судейского возвышения.

СХVIII. Что касается германцев (кто этого не испытал, едва ли поверит), то, несмотря на чрезвычайную дикость, они необыкновенно хитры — это природный народ лжецов. Они придумывали один за другим вымышленные поводы для тяжбы: то втягивали друг друга в ссоры, то благодарили за то, что римское правосудие кладет им конец, и за то, что их дикость смягчается новизной неведомого им порядка, и за то, что ссоры, обычно завершавшиеся войной, прекращаются законом. Всем этим они привели Квинтилия в состояние такой беззаботности, что ему казалось, будто он в должности городского претора творит суд на форуме, а не командует войском в центре германских пределов.

(2) Вялостью нашего полководца как поводом для преступления воспользовался тогда Арминий, сын вождя этого племени Сигимера, юноша знатный, в бою отважный, с живым умом, с неварварскими способностями, с лицом и глазами, отражавшими отблеск его души; будучи усердным участником наших прежних походов, он по праву заслужил римское гражданство и был введен во всадническое сословие. Он весьма здраво рассудил, что никто не может быть застигнут врасплох быстрее, чем тот, кто ничего не опасается, и что чувство безопасности — самая частая причина несчастья. (3) Итак,

он сделал своими соучастниками сначала немногих, а вслед за тем — большинство: он говорил, он убеждал, что римлян можно победить, и, связав планы с действиями, назначил время выступления. (4) Вару это становится известным благодаря Сегесту, верному и влиятельному человеку этого племени. Он также требовал...³³⁷ рок над замыслами и притупил [у Вара] всю остроту ума. Ведь дело обстоит так: обычно если божество задумает изменить чью-то судьбу, то сокрушает и его замыслы и (что печальнее всего) случившееся кажется заслуженным, а несчастье превращается в вину. Итак, Вар отказывается поверить в заговор, как он сказал, в надежде, что расположение к нему германцев соответствует его заслугам по отношению к ним. После первого предупреждения недолго оставалось ждать второго.

СХІХ. Об обстоятельствах столь страшного бедствия, тяжелее которого римляне не испытывали в столкновениях с внешним миром после разгрома Красса в Парфии, мы, как это делали и другие, попытаемся, не вдаваясь в детали, рассказать в надлежащем сочинении. Здесь же нам придется его оплакать. (2) Армия, прославленная своей доблестью, первая из римских армий по дисциплине и опытности в военном деле, попала в окружение из-за вялости своего полководца, вероломства врага и несправедливости фортуны. Воины даже не имели возможности сражаться и беспрепятственно производить вылазки, как они того хотели. Некоторые из них даже жестоко заплатились за то, что вели себя как подобает римлянам по духу и оружию; запертые лесами и болотами, попавшие в западню, они были полностью перебиты теми недругами, которых прежде убивали, как скот, так что их жизнь и смерть зависели от гнева или от милости римлян. (3) У военачальника хватило духа более для того, чтобы умереть, чем для того, чтобы сражаться: ведь он пронзил себя по примеру отца и деда³³⁸. (4) Что касается двух префектов лагерей, то насколько славным был пример Л. Эггия³³⁹, настолько же позорным — Цейония: ³⁴⁰ когда была потеряна большая часть войска, он решил сдаться, предпочитая кончить жизнь во время казни, чем в бою. Что же касается Нумония Вала³⁴¹, легата Вара, человека во всем остальном уравновешенного и честного, то он подал ужасный пример: оставив пехоту, лишенную поддержки конницы, вместе с другим бежал к Рену. Судьба отомстила ему за это: он не пережил покинутых, но был убит как беглец.

(5) Полусожженное тело Вара было в ярости растерзано врагами. Его отрубленная голова, посланная Марободу и переправленная им Цезарю, была, однако, почетно погребена в родовом склепе³⁴².

СХХ. При этих новостях³⁴³ Цезарь мчится к своему отцу:

постоянный защитник Римской империи берется за привычное ему дело. Посланный в Германию ³⁴⁴, он укрепляет Галлии, размещает войска, усиливает опорные пункты и, оценивая себя в соответствии со своим величием, а не с самоуверенностью врагов, угрожавших Италии новым нашествием кимбров и тевтонов, переправляется с войском на другой берег Рена ³⁴⁵. (2) Он непосредственно ведет войну, тогда как отец и отечество довольствовались тем, что ее отражали, проникает все глубже, строит дороги, опустошает поля, сжигает дома, сметает все на своем пути и с величайшей славой возвращается в зимние лагеря с войском, не потеряв никого из тех, кого переправил через реку.

(3) Следует привести правдивое свидетельство о Л. Аспренате: ³⁴⁶ воюя в качестве легата при своем дяде Варе, он энергичными и смелыми действиями двух легионов, которые возглавлял, сохранил войско при этом великом бедствии и, своевременно спустившись в нижние зимние лагеря, укрепил в верности колебавшиеся племена по эту сторону Рена. Некоторые, однако, считают, что он, хотя и спас живых, присвоил, сколько захотел, из имущества погибших под командованием Вара, сделавшись наследником павшего войска. (4) Достоин похвалы также доблестное поведение префекта лагеря Л. Цецидия ³⁴⁷ и тех, кто был окружен вместе с ним в Ализоне ³⁴⁸. Преодолев невероятные трудности из-за нехватки необходимого и неодолимости вражеской силы, он, презрев безрассудство планов Вара и медлительность провидения, воспользовался предоставившимся случаем и оружием обеспечил себе возвращение к своим. (5) Из этого видно, что Вару, который бесспорно был человеком серьезных и благих намерений, но погубил себя и превосходнейшее войско, недоставало скорее полководческой мудрости, чем доблести воинов. (6) При виде мучений, которым германцы подвергали пленников ³⁴⁹, замечательный, достойный древности своего рода поступок совершил Кальд Целий: схватив звено цепи, которой был закован, он ударил им себя по голове — сразу вытекли кровь и мозги, и он испустил дух.

СХХI. Императору Тиберию, вступившему в Германию, продолжали сопутствовать доблесть и счастье. Разбив силы врага в сухопутных и морских сражениях, он устранил огромную опасность, возникшую в Галлиях, и раздоры среди черни в Виенне ³⁵⁰, скорее обуздывая, чем карая. И тогда сенат и римский народ своим постановлением предоставили Тиберию по предложению его отца власть над всеми провинциями, равную той, которой [Август] обладал сам; ³⁵¹ ибо было бы абсурдно, чтобы ему не подчинялись те, кто был им освобожден, (2) и чтобы тот, кто первым отправился на помощь провинциям, не мог претендовать на власть над ними.

По возвращении в Рим он отпраздновал над паннонцами и далматами триумф, уже давно ему назначенный, но отложенный по причине непрекращающихся войн³⁵². (3) Кто бы удивился великолепию триумфа, если это касается Цезаря? И кто бы, право, не восхитился расположением фортуны? Ведь были только слухи, что все самые известные вражеские вожди не убиты, а во время триумфа мы увидели их в цепях! К этому были причастны я и мой брат, сопровождая [колесницы] среди знаменитых мужей, удостоенных выдающихся наград.

СХХII. Не говоря уже о прочих чертах, среди которых сияет и выделяется исключительная умеренность Тиб. Цезаря, кого не удивит, что, бесспорно заслужив семь триумфов, он довольствовался тремя? В самом деле, у кого возникнет сомнение, что за возвращение Армении, во главе которой он поставил коронованного им собственноручно царя³⁵³, и за упорядочение восточных дел он заслужил оvationи и что за победы над винделиками и ретами он достоин был вступить в город на колеснице? (2) И затем, после усыновления, когда в ходе трехлетней непрерывной войны были сломлены силы германцев, разве он не был достоин такого же почета? А когда после поражения Вара [totius]³⁵⁴ была сокрушена та же Германия, разве не триумф должен был стать наградой величайшему полководцу за исход событий, даже более благоприятный, чем ожидали? Но в отношении такого человека не знаешь, чему больше удивляться, тому, что он постоянно превышал меру трудов и опасностей, или тому, что он ограничивал свои почести?

СХХIII. Мы подошли ко времени наивысшего ужаса. Ведь после того как Цезарь Август послал в Германию своего внука Германика, чтобы погасить последние очаги войны, он вознамерился послать сына Тиберия в Иллирик, чтобы закрепить миром то, что завоевано оружием. Сопровождая Тиберия и предполагая в то же время присутствовать на состязании атлетов, устроенном в его честь неаполитанцами, он прибыл в Кампанию. И хотя уже ощущались признаки слабости и начало ухудшения здоровья, он, собравшись духом для того, чтобы проводить сына, расстался с ним в Беневенте, а сам вернулся в Нолу. И поскольку здоровье его ухудшалось с каждым днем, он, желая оставить все после себя в полной сохранности, знал, кого призвать, и срочно вызывает сына; тот летит к отцу отечества быстрее, чем этого ожидали. (2) Тогда провозгласив, что он спокоен, Август, заключив в объятия своего Тиберия, препоручил ему его и свои собственные дела и уже приготовился к концу, коли того требует рок; поначалу кое-как оправившись при взгляде и словах ободрения столь дорогого человека,

он вскоре, когда рок избавил его от всякой заботы, на семьдесят шестом году жизни, в консульство Помпея и Апулея, возвратился к своим началам, вернув небу небесную душу ³⁵⁵.

СХХIV. Не только мне, столь спешащему, но и тому, кто располагает временем, невозможно выразить, каким был тогда ужас у людей, каким — волнение сената, каким — замешательство народа, каким страхом был охвачен Рим, на каком узком рубеже между спасением и гибелью мы тогда находились! Достаточно того, что я передам общее мнение: мы боялись крушения мира, но даже не почувствовали, как он колеблется. Столь огромным было величие одного человека, что ни честным людям... ³⁵⁶ ни против злодеев не понадобилось употреблять оружия. (2) Все государство превратилось в театральную сцену, на которой сенат и римский народ сражались с Цезарем, [добиваясь], чтобы он наследовал отцовское место, а тот — чтобы ему было дозволено быть гражданином, равным другим, а не принцепсом, возвышающимся над всеми. Наконец он был побежден скорее доводами разума, чем влечением к должности, поскольку мог видеть, что невзятое им под защиту погибало. И он — единственный, кто отказывался от принципата едва ли не дольше, чем другие бились с оружием, чтобы его захватить ³⁵⁷.

(3) После того, как его отец ушел к богам и тело его получило человеческие почести, а имя — божеские, первой задачей Тиберия как принцепса было устройство комиций по плану, собственноручно составленному божественным Августом. (4) В то время мне и моему брату довелось быть кандидатами Цезаря, назначенными преторами непосредственно вслед за знатнейшими гражданами и жрецами: и мы были последними кандидатами, предложенными Августом, и первыми, кого рекомендовал Тиберий.

СХХV. Государство сразу же было вознаграждено за свои молитвы и проникательность. Вскоре нам стало ясно, что мы претерпели бы, не добившись Тиберия, и чего мы достигли, его добившись. Ведь войско, действовавшее в Германии и находившееся под непосредственным командованием Германика, и одновременно легионы, находившиеся в Иллирике, будучи охвачены каким-то бешенством и ненасытной страстью к беспорядкам, потребовали себе нового военачальника, новый устав, новое управление. (2) Они даже осмелились утверждать, что дадут сенату, принцепсу законы, и сами попытались установить себе размер жалованья, сроки службы. Прибегли к оружию. Обнажили мечи. И безнаказанность едва не привела к крайним степеням насилия, и недоставало того, кто повел бы против государства, но не тех, кто бы за ним последовал ³⁵⁸. (3) Однако зрелый опыт военачальника в короткое время все это успокоил и ликвидировал, многое обуздав,

кое-что обещав, не роняя своего достоинства, сурово покарвав главных виновников, остальным вынеся мягкое порицание. (4) В то время как Германик в большинстве случаев прибег к прощению, Друз, посланный отцом на такой же пожар военной смуты, вздымавшейся огромным пламенем, применил древнюю суровость. Конец ситуации, опасной для него и губительной как самим фактом, так и примером, он положил мечами тех же воинов, которыми был осажден. (5) Исключительную помощь в этом ему оказал Юний Блез³⁵⁹, человек, не знаю, более ли полезный на войне или ценный в мирное время. Несколько лет спустя, являясь проконсулом в Африке, он был провозглашен императором и заслужил триумф. Что касается Испаний³⁶⁰ и войск, находящихся там под командованием имевшего верховную власть [М. Лепида³⁶¹, о чьих] доблестях и знаменитых кампаниях в Иллирике мы говорили раньше, то он их содержал в полном мире и спокойствии, поскольку обладал в избытке разумной справедливостью решений и авторитетом для их осуществления. В приморской части Иллирика его старательности и надежности во всем следовал Долабелла, человек благороднейшей простоты.

СХХVI. Нуждаются ли в подробном изложении события этих шестнадцати лет, прошедшие у всех на глазах и запечатлевшиеся в памяти? Цезарь обожествил отца не своей властью, а из чувства благоговения, не провозгласил, а сделал богом³⁶². (2) На форум возвращено доверие, с форума изгнан мятеж, с Марсова поля — домогательства³⁶³, из курии — раздоры, и возвращены государству одряхлевшие от долгого бездействия и погребенные правосудие, справедливость, энергия; к магистратам пришел авторитет, к сенату — величие, к судьям — вескость;³⁶⁴ подавлен театральный мятеж;³⁶⁵ всем внушено желание или вменено в обязанность поступать правильно: (3) все правое окружено почетом, а дурное наказывается; низший чтит обладающего властью, но не боится, могущественный идет впереди низшего, но не презирает его. Когда цены на хлеб были умереннее?³⁶⁶ Когда мир был отраднее? Распространившись до восточных и западных пределов, достигнув самого севера и юга, Августов мир сохранил самые отдаленные уголки всего мира свободными от разбоя. (4) Великодушие принцепса защитило от непредвиденных потерь не только граждан, но в равной степени города. Восстановлены города Азии³⁶⁷, провинции освобождены от злоупотреблений магистратов;³⁶⁸ достойным обеспечен заслуженный почет, злодеям — наказание, хоть и запоздавшее; личное благоволение одолено справедливостью, домогательства — доблестью; ведь наилучший принцепс своими

поступками побуждает своих граждан действовать правильно, и если он велик в своей власти, то еще более велик своим примером.

СХХVII. Редко выдающиеся мужи для управления тем, что дала им судьба, не пользовались услугами великих помощников, — как оба Сципиона — двумя Лелиями, во всем сравнив их с собой, как божественный Август — М. Агриппой, а после него для того же — Статилием Тавром³⁶⁹, — которым происхождение от новых людей нисколько не помешало неоднократно быть консулами, добиваться триумфов и многочисленных жреческих должностей. (2) И в самом деле, великие дела нуждаются в великих помощниках (да и для малых дел ощущается их недостаток), и важно для государства, чтобы те, чье использование необходимо, выделялись достоинством и польза подкреплялась бы авторитетом. (3) Следуя этим примерам, Тиб. Цезарь имел и имеет исключительного помощника в несении бремени принципата — Элия Сеяна, отец которого был принцепсом всаднического сословия³⁷⁰, а мать принадлежала к семьям славного и древнего происхождения, отмеченным почетными отличиями;³⁷¹ его братья, родные и двоюродные, а также дядя были консулами, сам же он показал себя очень деятельным и преданным. Его физическая крепость соответствует силе духа. (4) Человек старинной суровости, жизнерадостной веселости, активности, внешне подобной праздности, ничего для себя не добывающийся и в силу этого получающий все, ценящий себя меньше, чем его ценят другие, внешностью и жизнью безмятежный, но с недреманным разумом³⁷².

СХХVIII. Давно уже в оценке достоинств этого человека мнение сограждан состязается с мнением принцепса. Для сената и римского народа не ново считать наиболее достойное самым знатным. Ведь и те, кто впервые, еще до Пунической войны (триста лет назад), подняли до высшей власти нового человека Тиб. Корункания и наряду со всеми другими почестями наделили его великим понтификатом³⁷³, (2) и те, кто возвеличили консулатом, цензурой, триумфами Сп. Карвилия, рожденного во всадническом сословии³⁷⁴, а вскоре после него М. Катона, нового человека и даже выходца из Тускула, и Муммия Ахейского, (3) и те, кто вплоть до его шестого консульства считали бесспорным принцепсом римского народа Г. Мария, безвестного по происхождению, и те, которые столько воздали М. Туллию, что почти с их одобрения он достиг первенства, которого жаждал, и те, которые не отказали Азинию Поллиону ни в чем из того, что с великими усилиями добывается наизнатнейшими людьми, — все они прекрасно знали: чей дух более доблестен, тому и больше воздается. (4) Подобный пример, достойный подражания, естественно привел Цезаря к мысли проверить Сеяна и возложить на него помощь в несении бремени принцепса; и он

убедил сенат и римский народ с готовностью доверить свою безопасность человеку, на деле доказавшему, что лучше всех подходит для этого.

СХХІХ. Предложив как бы общую [картину]³⁷⁵ принципата Тиберия Цезаря, рассмотрим подробности. С каким благоразумием он вызвал в Рим Раскупола, погубителя своего племянника Котиса, с которым он делил ту же власть³⁷⁶. В осуществлении этой операции исключительно важной была помощь консуляра Помпония Флакка³⁷⁷, рожденного для всего, что должно быть выполнено надежно, и благодаря своей непритязательной доблести всегда заслуживающего славу, но к ней не стремящегося. (2) С какой основательностью Цезарь провел дело [Друза Либона] — как сенатор и судья, а не как принцепс [и правитель], проявив скорее пунктуальность, чем суровость³⁷⁸. С какой быстротой неблагодарного, замышлявшего переворот... подавил! Какие уроки он преподавал своему Германику и, дав ему военную выучку во время совместной службы, принял покорителем Германии! Какими почестями он воодушевлял юношу во время триумфа, величие которого соответствовало великолепию совершенных им дел. (3) Сколько раз он удостоил народ публичных раздач! С какой охотой (если на то была воля сената) он восполнял у сенаторов ценз, чтобы не возобладала роскошь и честная бедность не пострадала из-за лишения сенаторского достоинства!³⁷⁹ С каким почетом он отправил своего Германика в заморские провинции!³⁸⁰ Какими энергичными мерами, какой целебной силой своих решений он, имея помощником и исполнителем своего сына Друза, заставил уйти Маробода, цеплявшегося за рубежи захваченного им царства, — не в обиду его достоинству будь сказано, — словно змея, затаившаяся в земле! Как достойно и в то же время надежно он содержал Маробода!³⁸¹ Какую тяжелую войну в Галлиях, развязанную их первым человеком Сакровиром и Юлием Флором, он подавил с такой удивительной быстротой и доблестью, что римский народ раньше узнал о победе, чем о войне: вестник победы прибыл раньше, чем вестники опасности! (4) Равным образом Африканская война, внушавшая не меньший ужас и постоянно расширявшаяся, благодаря его ауспициям и рекомендациям была вскоре похоронена³⁸².

СХХХ. А какие сооружения он воздвиг от своего имени и от имени своих близких! С какой благочестивой, выходящей за пределы человеческой возможности щедростью он возвел храм своему отцу!³⁸³ С каким пылом великодушия он восстановил уничтоженные огнем здания Гн. Помпея! Он считал необходимым взять под свою защиту все, что когда-либо выделялось славой, как бы родственное себе. (2) Какое душевное благородство он проявил в других случаях, как недавно во время пожара на горе Целии³⁸⁴, возместив ущерб

людям всех сословий из собственного имущества! При каком спокойствии людей он осуществил набор войска, предмет постоянного и чрезвычайного страха, без смятения среди набранных! (3) И если дозволит природа и разрешит человеческая посредственность, я осмелюсь вознести вместе с богами жалобу: чем он заслужил, что против него имел преступные планы сначала Друз Либон³⁸⁵, а затем [выступившие против него] Силий³⁸⁶ и Пизон³⁸⁷, одному из которых он предоставил высшие почести, а другому их приумножил? Чтобы перейти к большему, хотя и это он считал величайшим, — за что он потерял сыновей юношами?³⁸⁸ За что потерял внука от своего Друза? (4) До сих пор мы говорили о горестном. Теперь надлежит перейти к постыдному! Какие страдания, М. Виниций, терзали его душу на протяжении этих трех лет! Каким долго скрываемым и от того еще более жестоким пламенем сжигало ему грудь, когда по вине невестки, когда по вине внука он вынужден был страдать, негодовать, краснеть?³⁸⁹ К несчастьям этого времени добавилась потеря матери, женщины достойнейшей и во всем более подобной богам, чем людям³⁹⁰, власть которой никто не чувствовал, разве лишь при избавлении от опасности или повышении в должности.

СXXXI. Труд мне надлежит закончить молитвой. О, Юпитер Капитолийский, и ты, Марс Градив³⁹¹, основатель и установитель римского имени³⁹², и ты, хранительница вечного огня Веста, и вы, все боги, которые распространили мощь Римской империи до крайнего предела земель, вас всенародно заклинаю и молю: охраняйте, сохраняйте, поддерживайте это состояние, этот мир, [этого принцепса]³⁹³ (2), а когда он исполнит долговременную службу смертного, как можно позднее определите ему преемников, да таких, чьи плечи были бы достаточно тверды, чтобы вынести бремя власти над миром, которое, как мы чувствуем, выдерживает он; намерения всех граждан, если они благие³⁹⁴, [поддержите, если нечестивые — сокрушите!].

АННЕЙ ФЛОР
ДВЕ КНИГИ РИМСКИХ ВОЙН

Книга I¹

- I. *Времена семи царей от Ромула*
- II. *Заключение о временах семи царей*
- III. *Об изменении правления*
- IV. *Этруская война с царем Порсенной*
- V. *Латинская война*
- VI. *Война с этрусками, фалисками, вейентами, фиденатами*
- VII. *Галльская война*
- VIII. *Галльские войны*
- IX. *Латинская война*
- X. *Сабинская война*
- XI. *Самнитская война*
- XII. *Война с этрусками, самнитами, галлами*
- XIII. *Тарентинская война*
- XIV. *Пиценская война*
- XV. *Салентинская война*
- XVI. *Вольсинийская война*
- XVII. *О внутренних распрях*
- XVIII. *Первая Пуническая война*
- XIX. *Лигурийская война*
- XX. *Галльская война*
- XXI. *Иллирийская война*
- XXII. *Вторая Пуническая война*
- XXIII. *Первая Македонская война*
- XXIV. *Сирийская война против царя Антиоха*
- XXV. *Этолийская война*
- XXVI. *Истрийская война*
- XXVII. *Галлогреческая война*
- XXVIII. *Вторая Македонская война*
- XXIX. *Вторая Иллирийская война*
- XXX. *Третья Македонская война*
- XXXI. *Третья Пуническая война*
- XXXII. *Ахейская война*
- XXXIII. *Операции в Испании*²

- XXXIV. *Война с Нуманцией*
- XXXV. *Азиатская война*
- XXXVI. *Югуртинская война*
- XXXVII. *Война с аллоброгами*
- XXXVIII. *Война с кимврами, тевтонами, тигуринами*
- XXXIX. *Фракийская война*
- XL. *Война с Митридатом*
- XLI. *Пиратская война*
- XLII. *Критская война*
- XLIII. *Балеарская война*
- XLIV. *Экспедиция на Кипр*
- XLV. *Галльская война*
- XLVI. *Парфянская война*
- XLVII. *Заключение*

I. Времена семи царей от Ромула

Римский народ за семьсот лет от царя Ромула до Цезаря Августа совершил столько деяний в мирных условиях и на войне, что при сопоставлении величия империи³ с годами его возраст представляется бóльшим. (2) Он так широко распространил свое оружие по миру, что те, кто прочтут о его делах, познакомятся не с одним народом, а с деяниями всего рода человеческого. И в такие его бросало труды и опасности, что покажется, будто в создании империи состязались Доблесть и Счастье. (3) Следовало бы узнать, это или что иное явилось воздаянием за его труды, но мешает сама обширность предмета, а разнообразие материала утомляет внимание. Поэтому я поступлю по примеру тех, кто изображает расположение земель⁴, помещу всю его историю, если можно так выразиться, на малую табличку⁵ и надеюсь, что буду немало способствовать прославлению главенствующего народа⁶, если покажу его величие в совокупности и вкратце.

(4) Итак, если представить римский народ одним человеком и рассмотреть всю его жизнь в целом: как он появился, вырос и, так сказать, достиг расцвета сил, как позднее состарился, то можно насчитать четыре ступени — периода. (5) Первый возраст — при царях — длился почти четыреста лет, в течение которых римский народ боролся с соседями вокруг самого города. Это его младенчество. (6) Следующий возраст — от консулов Брута и Коллатина⁷ до консулов Аппия Клавдия и Квинта Фульвия⁸ — охватывает сто пятьдесят лет, за которые он покорил Италию. Это было самое бурное время для воинов и оружия. Посему кто не назовет его отрочеством? (7) Затем до Цезаря Августа сто пятьдесят лет, за

которые он покорил весь мир. Ведь это сама юность империи и как бы некая мощная зрелость. (8) От Цезаря Августа до нашего века неполные двести лет⁹, когда из-за бездеятельности цезарей римский народ словно состарился и перекипел. Лишь при Траяне-принцепсе он вновь напряг свои мускулы, и вопреки всеобщему ожиданию старость империи, если можно так выразиться, зазеленела возвращенной юностью¹⁰.

1. Основателем города и империи был вышеназванный Ромул, рожденный Марсом и Реей Сильвией. (2) Так поведала сама заберменевшая жрица, а впоследствии в этом не усомнилась и молва, потому что Ромул, по повелению царя Амулия брошенный вместе с братом Ремом в реку, не погиб. (3) Ибо и Тиберин отвел воды, и волчица, оставив детенышей, прибежала на крик, подставила младенцам сосцы и заменила им мать. Потом Фаустул, пастух царского стада, найдя младенцев у дерева, взял их в хижину и воспитал. (4) Тогда во главе Лациума была Альба, творение Юла, так как он пренебрег Лавинием, городом отца своего Энея. После Энея и Юла Амулий царствовал уже в седьмом поколении¹¹, изгнав своего брата Нумитора, у дочери которого родился Ромул. (5) Уже в ранней юности Ромул изгнал из крепости своего двоюродного деда и водворил туда родного. Сам же, ревнитель реки и холмов, близ которых был воспитан, загорелся мыслью о возведении нового города. (6) Братья были близнецами. При каких знаменьях и кто будет царствовать, должны были решить боги. Рем занял Авсنتين, а Ромул Палатин. Рем первым увидел шесть коршунов, Ромул вторым, но двенадцать. (7) Победитель в гадании сразу же начал сооружать город. И у него появилась надежда, что город будет воинственным: так предвещали птицы, живущие кровавой добычей. (8) Для защиты нового города, казалось, достаточно было вала. Однако Рем перепрыгнул через этот вал, насмехаясь над его узостью, и был убит, возможно, по приказу брата. Так первая жертва освятила кровью основание нового города. Это была скорее видимость города, чем город. (9) Отсутствовали жители. Поблизости была роща. Ромул сделал ее священным убежищем. И сразу нахлынула поразительная масса людей: латины, этрусски-пастухи, прибывшие из-за моря фригийцы под началом Энея, аркадяне под водительством Эвандра¹². Так словно из разных начал сложилось единое тело, римский народ был создан самим царем. (10) Этот народ состоял из мужчин одного возраста. Поэтому стали искать брачных союзов у соседей, а не добившись этого, взяли жен силой. Для вида устроили конные игры. Девицы, прибывшие на представление, стали добычей, а это обстоятельство — причиной войн. Разбиты и обращены в бегство жители Вей. (11) Взят и разрушен город

ценингов. Доспехи, снятые с царя Агрона ¹³, Ромул собственноручно доставил Юпитеру Феретрию. (12) Ворота [крепости] были открыты сабинянам благодаря девице Тарпее. В награду она простодушно ¹⁴ потребовала то, что они носили на левой руке. Было неясно, что именно: щиты или браслеты? Сабиняне, чтобы и сдержать слово, и отомстить, обрушили на Тарпею щиты. (13) После того как враги были впущены в город, на самом форуме произошла столь жестокая битва, что Ромул обратился к Юпитеру ¹⁵ с мольбой остановить бегство его воинов. Отсюда храм Юпитера Статора ¹⁶. (14) В конце концов в ряды яростно сражающихся, распустив волосы, вторглись сами похищенные. Это привело к миру и союзу с Тацием. И последствия были, можно сказать, удивительные: враги, оставив свои жилища, поселились в новом городе и вместо того, чтобы дать зятьям приданое, сделали общим достоянием наследие предков. (15) Приумножив в короткое время силы, мудрейший царь установил следующий государственный порядок. Юношество, разделенное на трибы, было обязано конно и оружно находиться на страже, постоянно готовое к внезапностям войны. Совет по государственным делам был составлен из старцев, названных благодаря своему авторитету *patres*, а по возрасту — *senatus*. (16) После того как это было учреждено, состоялась сходка перед городом у Козьего болота ¹⁷, где Ромул неожиданно исчез. (17) Некоторые полагают, что он был растерзан сенатом за свою суровость. Но разразившаяся буря и солнечное затмение позволили думать о его обожествлении. (18) Это было тут же подтверждено Юлием Прокулом ¹⁸, поведавшим, будто он видел Ромула в божественном облике и будто Ромул приказал считать себя богом; на небе его называют Квирином, и богам угодно, чтобы Рим царствовал над народами.

2. За Ромулом следовал Нума Помпилий, которого римляне единодушно востребовали из Сабинских Кур, где он жил и прославился благочестием. (2) Нума научил римский народ священнодействиям, церемониям и всему остальному почитанию бессмертных богов, учредил понтификов, авгуров, салиев и другие жреческие должности, разделил год на двенадцать месяцев, а месяцы на дни, удобные и неудобные богам. (3) Он дал римлянам анцилии ¹⁹ и палладий ²⁰, эти таинственные залогов благополучия государства, и двуликого Януса — покровителя войны и мира ²¹. И прежде всего он передал девам уход за очагом Весты, чтобы по примеру небесных созвездий неусыпно бодрствовало, охраняя империю, пламя. И все это якобы по указанию богини Эгерии, чтобы [его наставления] охотнее воспринимались невежественным людом ²². (4) В конце концов он настолько укротил необузданный народ, что стал управлять государством, начавшимся с насилия и несправедливости, с помощью религии и законов.

3. За Помпилием Нумой следует Тулл Гостилий, который получил власть за свою доблесть. Он заложил основы всей военной организации и искусства ведения войны (2) и всем на удивление так обучил молодежь, что осмелился вызвать на бой альбанцев, народ, долго и достойно главенствовавший. (3) Обе стороны, равные по силе, так ослабили друг друга частыми сражениями, что для окончания войны судьба каждого из народов была вручена двум парам из трех близнецов, с одной стороны — Горациям, с другой — Куриациям. (4) Какое колеблющееся и прекрасное сражение, удивительное по своему исходу! У одних трое было ранено, у других двое убито. Оставшийся в живых Горацій, соединив с доблестью хитрость, изобразил притворное бегство, чтобы разобщить врага, и, нападая по очереди на тех, кто оказывался рядом, побеждал их поодиночке. (5) Так — редкий подвиг! — рукою одного воина была добыта победа; рукою, которую он, однако, вскоре обесславил безбожным убийством. Он увидел сестру, обливавшую слезами доспехи своего жениха — Куриация. И оборвал мечом юную девичью любовь. (6) Закон гласил, что свершилось безбожное убийство, но перевесила доблесть, и злодеяние было поставлено ниже славы.

Альбанцы недолго сохраняли верность. Призванные согласно договору для войны с Фиденями, они ожидали, какой из двух сторон улыбнется счастье. (7) Проницательный царь заметил, что союзники склоняются на сторону врага, и, чтобы поднять дух своих воинов, объявил, что это делается с его ведома. Так возникла надежда у наших и страх у врагов. Коварный замысел изменников был расстроен. (8) После победы над врагом нарушителя договора Метта Фуфетия²³ привязали между двумя колесницами с быстрыми конями и разорвали. Саму же Альбу, породившую Рим, но ставшую его соперницей, он разрушил, переправив в Рим все имущество города и его жителей. Так родственная по крови община была как бы не уничтожена, а воссоединена с Римом.

4. Затем Анк Марций, внук Помпилия по дочери, равный ему по способностям. (2) Он обнес Рим стеной²⁴, построил мост через пересекающий город Тиберин, а в том месте, где река впадает в море, основал колонию Остию. Словно он уже тогда предвидел, что придет время, когда богатства всей земли будут стекаться в столицу через эти морские ворота.

5. После него царствовал Тарквиний Приск, по-видимому заморского происхождения. Он сам добивался царской власти и получил ее за деятельный характер и утонченность натуры. Родом из Коринфа, он естественно соединил греческий гений с италийским образом жизни. (2) Он повысил достоинство сената, пополнив его новыми членами, и увеличил численность всадников в трех

центуриях, поскольку увеличить количество самих центурий ему мешал Аттий Невий²⁵, опытнейший в прорицании. (3) Царь захотел его испытать и спросил, может ли сбыться то, что он задумал. (4) Тот, уяснив суть благодаря дару предвидения, ответил, что может. «Однако же,— сказал царь,— я замыслил, не смогу ли рассечь ножом этот точильный камень». Авгур сказал: «Безусловно, можешь», и тот рассек²⁶. (5) Отсюда у римлян священный авгурат. И в военных делах Тарквиний был не менее удачлив, чем в мирных: в результате постоянных нападений он покорил двенадцать народов Этрурии. (6) От него пошли фасции, трабеи, курульные кресла, кольца, фалеры, расписные плащи полководцев, претексты, от него же обычай триумфа с золотой колесницей, ведомой четверкой коней, раскрашенные тоги, туники, расшитые пальмовыми листьями, и, наконец, все знаки почета, коими блещет достоинство властителей.

6. Затем к столичному кормилу пришел Сервий Туллий. Не стало препятствием его рождение от рабыни. Ибо супруга Тарквиния Танаквиль дала способному юноше воспитание свободного человека, а сияние вокруг его головы предвещало грядущую славу. (2) Когда Тарквиний еще пребывал на смертном одре, Сервий при поддержке царицы был поставлен якобы временно на царское место. Царством, обретенным хитростью, он стал управлять столь искусно, что стало казаться, будто приобрел его законным путем. (3) Это он осуществил перепись, разделив римский народ на классы, декурии и коллегии²⁷. Благодаря величайшей предусмотрительности этого царя государственные дела были настолько упорядочены, что был составлен перечень всех различий в имущественном состоянии [граждан], их возрасте, занятиях, служебных обязанностях. С помощью этих мер огромная гражданская община могла содержаться с аккуратностью небольшого хозяйства.

7. Последним из царей оказался Тарквиний, получивший за свой нрав прозвище Суперб. (2) Он предпочел не дожидаться освобождения дедовского²⁸ престола, занимавшегося Сервием, а сесть на него с помощью убийц. Власть, преступно обретенную, он использовал не более достойно, чем ее обрел. (3) Ничем в нравственном отношении не отличалась от него супруга Туллия: спеша поздравить мужа с обретением царской власти, она погнала повозку с обезумевшими конями по окровавленному трупу отца. (4) Сам же он обрушился на сенат убийствами, на плебс — истязанием, на всех сообща — высокомерием, которое для честных людей тяжелее жестокости. (5) Едва утолив бешенство дома, он обратился на врагов. В Лации были захвачены им сильно укрепленные города — Ардея, Окрикул, Габии, Свесса Помеция²⁹. (6) Жесток он был и к своим близким. Не поколебался высечь

сына, чтобы вызвать к нему доверие врагов, когда тот притворился перебежчиком. (7) Как этого добивался Тарквиний, сын был принят в Габиях и оттуда через гонцов захотел узнать у отца о его дальнейших намерениях; тот же, обивая палкой самые высокие головки маков, дал ему понять, что хочет умерщвления знати; таков был его молчаливый и высокомерный ответ. (8) Средства, добытые в захваченных городах, пошли на сооружение храма³⁰. Говорят, что, когда его освящали, обнаружилось удивительное обстоятельство: ушли все боги, остались только Ювента и Термин³¹. (9) Прорицатели сочли благоприятным упорство этих богов, поскольку оно предвещало, что все будет прочным и вечным. Ужаснее оказалось то, что при сооружении храма на фундаменте была найдена человеческая голова. Никто не усомнился, что это прекрасное предзнаменование того, что здесь будет средоточие власти и столица мира. (10) Римский народ терпел надменность царя, пока она не сопровождалась сладострастием. Снести это со стороны его детей народ не смог. Когда один из них нанес бесчестие достойнейшей женщине Лукреции, матрона искупила позор мечом, а царская власть была низвергнута.

II. Заключение о временах семи царей

8. Таков первый возраст — младенчество римского народа. Оно было прожито при семи царях, которые волею судеб были наделены такими качествами, каких требовали выгоды государства. (2) В самом деле, кто более горяч, чем Ромул? В таком, как он, была нужда, чтобы захватить царскую власть. (3) Кто набожнее Нумы? Дело требовало того, чтобы дикий народ был смягчен страхом перед богами. (4) Кто искуснее Туллия в военном деле и более необходим воинственным мужам, чтобы разумно направить их храбрость? А что сказать о строителе Анке? А как он расширил город выведением колонии и связал мостом, защитил стеной! (5) И вот уже украшения и знаки отличия Тарквиния своим великолепием придают особое достоинство главенствующему народу. (6) А чего достиг проведенный Сервием ценз, благодаря которому римское государство познало само себя! (7) В конце концов даже невыносимое владычество последнего, Суперба, принесло пользу, и немалую. Ведь именно из-за него народ, измученный беззакониями, загорелся страстью к свободе.

III. Об изменении правления

9. Итак, по призыву и под предводительством Брута и Коллатина, которым умирающая матрона вручила свою месть, римский народ, как бы вдохновленный богами на восстановление свободы и

целомудрия, неожиданно отстраняет царя, расхищает его имущество, передает спасителям своей свободы полноту власти, изменив, однако, ее правовое основание и название. (2) Ему было угодно сделать из постоянной должности годовичную, из единоличной — парную, чтобы государственная власть не извращалась единовластием и долгосрочностью. Вместо царей провозгласили консулов, чтобы те не забывали о необходимости консультироваться с гражданами³². (3) Радость обретения новой свободы была такова, что народ злоупотребил новым гражданским состоянием и изгнал из города одного из консулов, супруга Лукреции, лишив его фасций за одно только царское имя и происхождение. (4) Поставленный на его место Гораций Публикола³³ приложил все силы для возвышения авторитета свободного народа. Ведь он склонил фасции перед народным собранием, дал право апелляции на решения консулов, перенес свой собственный дом в низину, чтобы он не соперничал высотой с крепостью. (5) Брут же снискал сочувствие граждан из-за несчастья в своей семье, обернувшегося казнью близких по крови: узнав, что его дети стремятся вернуть в город царей, он доставил их на форум, выскек розгами перед собравшимися и обезглавил секирой, желая показать, что вместо детей усыновил весь народ.

(6) Свободный отныне римский народ поднял оружие против внешних врагов сначала за свободу, потом за границы, затем за союзников, наконец, за славу и империю, так как соседи беспрестанно совершали нападения отовсюду. (7) И вот, не имея ни пяди земли, доставшейся от предков, но имея сразу же за стенами враждебный померий³⁴, римский народ, разместившийся между Лацием и этрусками словно на перепутье, из всех ворот ринулся на врагов. (8) И до тех пор шел он на отдельные народы, пока, прибирая к рукам соседей, не покорил всю Италию.

IV. Этруская война с царем Порсенной

10. Изгнав из города царей, римский народ сразу взялся за оружие, чтобы сражаться за свободу. Ибо появился с огромным войском Порсенна, царь этрусов, стремившийся силой вернуть Тарквиниев. (2) Хотя он и досаждал оружием и голодом и, заняв Яникул, находился у самого входа в город, его все-таки задержали, отбросили и опрокинули достойным восхищения образом, и победители охотно заключили договор с почти побежденными. (3) Тогда-то появились три знаменитых римских имени, три дива и чуда. Гораций, Муций и Клелия, не сохранись упоминание о них в анналах, казались бы ныне выдумкой. Гораций Коклес один сдерживал наступающих врагов, а после разрушения моста переплыл

Тибр и не бросил оружия. (5) Муций Сцевола совершил покушение на царя в его же собственном лагере, но по ошибке нанес удар царедворцу. Его взяли в плен. Тогда он кладет руку в пылающую жаровню и намеренно удваивает ужас царя обманными словами: (6) «Так знай же, от кого ты спасся: в заговоре нас триста». Страшно сказать, но Муций остался непоколебимым, а царь содрогнулся, словно пылала его собственная рука. (7) Таковы были мужи. Но как оставить без похвалы другой пол! Вот вам и мужество дев: одна из выданных царю заложниц, Клелия, ускользнула от стражи и перебралась на коне через родную реку. (8) И царь, уstraшенный множеством знамений, приказал отпустить заложников. А Тарквинии упорно сражались до тех пор, пока Брут собственноручно не убил царского сына Аррунта и сам не испустил дух от раны, словно преследуя прелюбодея до самой преисподней.

V. Латинская война

11. Латины из-за зависти и соперничества также взяли под защиту Тарквиниев, чтобы народ, который господствовал над другими, оказался в рабстве хотя бы у себя дома. И весь Лаций под предводительством тускуланца Мамилия³⁵ единодушно поднялся якобы ради мести за царя. (2) У Регильского озера долго и с переменным успехом шло сражение. Наконец сам диктатор Постумий бросил во врагов знамя — новый и необычный замысел, — чтобы затем его вернуть³⁶. (3) Косс³⁷, начальник конницы, приказал разнудать коней (и это новинка!), чтобы энергичнее совершать набег. (4) Сражение было столь жестоким, что, согласно преданию, его зрителями оказались боги. Двое юношей на ослепительно белых конях пролетели подобно звездам; никто не усомнился, что это Кастор и Поллукс. Испытал благоговение и сам полководец. Предвидя победу, он обещал воздвигнуть храм. И воздвиг, как бы вознаградив богов — соратников по оружию.

(5) До сих пор сражались за свободу, а позднее упорно и непрерывно воевали с этими же самыми латинами из-за пограничных владений. (6) Теперь и поверить трудно! Вызывали страх Кора и Альсий³⁸, Сатрик и Корникул³⁹ были нашими провинциями. Стыдно вспомнить, но мы справляли триумф над Верулами и Бовиллами⁴⁰. (7) Тибур, ныне пригород, и Пренесте, место летних увеселений, были обретены после торжественного моления на Капитолии. (8) Фезулы⁴¹ были для нас тем, чем недавно Карры, Арицинская роща — как Герцинский лес⁴², Фрегеллы подобны Гезориаку⁴³, Тибр — Евфрату⁴⁴. (9) Победа над Кориолами^{44а} — о стыд! — считалась такой славной, что Гней Марций Кориолан

присоединил название взятого города к своему имени, будто Нуманцию или Африку. (10) Сохранились также трофеи из Анция. Мэний прибил их к ораторской трибуне на форуме, после захвата вражеского флота, если только шесть кораблей, снабженных рострами, можно назвать флотом ⁴⁴⁶. И это по тем временам означало морскую войну!

(11). Однако еще более непреклонными, чем латины, были эквы и вольски, каждодневные, я бы сказал, враги. (12) Их укротил в основном Тит Квинкций, тот самый диктатор-пахарь, который, одержав выдающуюся победу, спас осажденный и почти захваченный [врагом] лагерь консула Манилия ⁴⁵. (13) Это случилось в разгар сева, когда ликтор застал патриция за плугом. Тит Квинкций сразу же отправился на войну и, подражая сельскому труду, провел врагов, как скот, под ярмом. (14) Завершив поход, пахарь-триумфатор — клянусь богами! — столь же проворно вернулся к быкам. (15) От начала до конца войны прошло 15 дней.

VI. Война с этрусками, фалисками, вейентами, фиденатами

12. Ежегодно из Этрурии нападали вейентяне, постоянные и ежегодные враги. Одному только роду Фабиев пришлось послать против них особый отряд и вести войну частным образом. Исход катастрофы достаточно хорошо известен. (2) Триста Фабиев ⁴⁶ полегли под Кремерой. Поэтому ворота, через которые вышло в бой патрицианское войско, получили роковое имя ⁴⁷. (3) Это поражение было искуплено внушительными победами: впоследствии римские полководцы заняли неприступные города. И у каждого города был свой конец. (4) Добровольно сдались фалиски, в собственном огне сгорели Фидены, были разграблены и полностью уничтожены Вейи. (5) Когда осаждали фалисков, удивительную порядочность проявил полководец: ⁴⁸ заслуженно заключив в оковы школьного учителя, предателя города, он отослал его назад вместе с мальчиками, которых тот привел. (6) Ибо благочестивый и мудрый муж знал, что истинна лишь та победа, которая сообразуется с чистой совестью и безупречным достоинством. (7) Фидены, которым в войне не было равных, для возбуждения страха выходили на брань, словно фурии, — с факелами и пестрыми повязками, развевающимися, как змеи. Но это погребальное обличье стало предзнаменованием их гибели. (8) Что представляли собой Вейи, показывает десятилетняя осада этого города ⁴⁹. Тогда впервые зимовали в палатках, была специально оплачена зимняя служба и воины сами пожелали принести присягу, что не уйдут, пока не возьмут города. (9) Доспехи царя Ларса Толумния были

торжественно доставлены Юпитеру Феретрию. В конце концов город был взят, но не осадными лестницами и штурмом, а подземными ходами и военной хитростью. (10) Добычи оказалось так много, что десятую часть ее отослали Аполлону Пифийскому и весь римский народ призвали грабить город. (11) Вот чем были некогда Вейи. Кто теперь помнит, что было? Где руины? Где след? При всем нашем почтении к анналам, [ныне] трудно поверить в существование Вей.

VII. Галльская война

13. От зависти богов или по воле судеб стремительный бег рвущегося вперед государства ненадолго задержало вторжение галлов-сенонов. (2) Трудно сказать, чего больше принесло это время римскому народу — горечи понесенного поражения или ослепительных проявлений доблести. (3) И в самом деле, натиск бедствий был таков, что я счел бы их ниспосланными богами. Ибо бессмертные боги хотели знать, достойна ли владеть миром римская доблесть.

(4) Галлы-сеноны, племя по природе жестокое, с неупорядоченными нравами, с огромными телами и в такой же мере огромным оружием, настолько было страшно по виду, что, казалось, рождено для уничтожения рода человеческого и разрушения городов. (5) Некогда они отправлялись несметными ордами из отдаленных земель, от побережья все опоясывающего Океана; а когда опустошили все средние земли, заняли место между Альпами и Падом и, не удовлетворившись этим, стали кочевать по Италии; тогда-то был ими осажден город Клузий. (6) За друзей и союзников вступился Рим⁵⁰. Следуя обычаю, отправили послов. Но какое понятие о праве у варваров? Они показали необузданность — и вот сражение. (7) Консул Фабий⁵¹ поспешил с войском к реке Аллии навстречу сенонам, повернувшим от Клузия к Риму. Нелегко перенести позорное поражение! Римский народ проклял этот день в фастах⁵².

(8) Рассеяв войско, враги тотчас приблизились к городским стенам, которые не охранялись. И тут, как никогда в другое время, проявилось истинное римское величие. (9) Прежде всего самые старшие и почитаемые сенаторы собрались на форуме и с благословения великого понтифика посвятили себя манам⁵³. (10) После этого все разошлись по домам, как были — в трабеях и церемониальном облачении, и там расположились в курульных сидениях, чтобы с приходом врага каждому умереть соответственно своему званию и достоинству. (11) Все, что было священного в храмах, понтифика и фламины частью спрятали, закопав в землю

в долях, а частью, погрузив на повозки, увезли с собой в Вейи⁵⁴. (12) Девы из храма Весты, босые, сопровождали принужденные к бегству святыни. Однако, говорят, что беглянок поддержал некто из плебса, Альбиний: высадив жену и детей, он усадил дев в свою повозку. Вот до какой степени тогда, в крайних обстоятельствах, возвышалось над частными побуждениями благоговение перед государственными богами! (13) Молодежь, которой было едва ли тысяча человек, под водительством Манлия засела в крепости Капитолийского холма и обратилась с молитвой к находившемуся там Юпитеру: ведь они собрались защищать его храм, и он должен был защитить их самих. (14) Между тем подошли галлы; сначала они опасались открытого города: как бы не оказалось какой засады, но, вскоре обнаружив безлюдье, стремительно и шумно вторглись в Рим. Вступая в покинутые дома, они оказывали почести, словно богам и гениям, старцам, восседавшим в претекстах на своих курульных креслах. Но, поняв, что это люди, к тому же не устаивающие их вниманием, с тем же безрассудством убили их. Забросив на кровли факелы, галлы огнем, мечом и просто руками стерли город с лица земли. (15) Шість месяцев — кто в это поверит — варвары днем и ночью всеми возможными средствами осаждали один (Капитолийский) холм; однажды ночью Манлий, разбуженный гусиным гогогом, сбросил с вершины скалы пробравшихся туда врагов. Затем, чтобы окончательно лишить их надежд и показать свою уверенность в победе, он выбросил из крепости хлебы, несмотря на крайний голод. (16) В установленный день из крепости был выпущен понтифик Фабий⁵⁵, дабы, пройдя сквозь вражескую стражу, совершить на Квиринальском холме ежегодный священный обряд. Охраняемый богами от вражеских стрел, он вернулся невредимым и принес весть о благосклонности небожителей. (17) В конце концов осада утомила самих варваров, и они потребовали за свой уход тысячу фунтов золотом. При этом они нагло увеличивали мечом вес неверных гирь и кричали: «Горе побежденным!» В это время с тыла внезапно появился Камилл и начал так разить врагов, что смысл следы пожаров потоками галльской крови. (18) За это поражение следовало бы воздать благодарность бессмертным богам: в том огне, в котором исчезли хижины пастухов, сгорела и бедность Ромула. Чего достиг этот пожар, как не того, что Город, предназначенный для обитания богов и людей, оказался не разрушенным, не уничтоженным, но скорее очищенным и освященным? (19) Итак, Город был спасен Манлием, восстановлен Камиллом, и римский народ обрушился на соседей еще более яростно и упорно.

VIII. Галльские войны

Римский народ, руководимый Камиллом, не удовлетворился тем, что изгнал галльское племя из стен города. Когда галлы выводили через Италию остатки своего войска, он так их преследовал, что теперь не отыщешь и следов сенонов. (20) Однажды, когда сражались у Аниена, Манлий в единоборстве захватил у варвара золотое ожерелье. Отсюда — Торкваты. В другой раз в Помптинском поле в подобной же схватке захватил доспехи Валерий, когда священная птица села на его шлем. Отсюда — Корвины⁵⁶. (21) Несколько лет спустя в Этрурии у Вадимонского озера⁵⁷ Долабелла⁵⁸ уничтожил всех уцелевших сенонов, так что никого не осталось из племени, которое могло бы похвалиться, что сожгло Рим.

IX. Латинская война

14. При консулах Манлии Торквате и Деции Мусе⁵⁹ римский народ обратился от галлов к латинам, всегда враждебным из-за зависти к нашему господству; тогда, воспользовавшись сожжением города, они потребовали прав римского гражданства, участия в управлении и магистратуре и посмели завязать сражение у Капуи. (2) Кого удивит, что враг выступил в такое время? Консул Манлий Торкват казнил собственного сына за самовольное вступление в сражение, принесшее римлянам победу. Расправа над ним показала, что повинование важнее победы. (3) Другой консул, Деций Мус, побуждаемый богами, во время битвы обрек себя на добровольную смерть: покрыв голову, он принял на себя тучу вражеских копий и открыл путь к победе ценою собственной крови⁶⁰.

X. Сабинская война

15. После латинов римский народ обрушился на племя сабинов, которое, забыв о родственных связях, заключенных при Тите Тадии, из-за дурного влияния примкнуло к латинянам. (2) Но при консуле Курии Дентате⁶¹ римский народ огнем и мечом опустошил все то пространство, где Нар, Аниен, Велинские источники, вплоть до Адриатического моря. (3) Благодаря этой победе под его власть попало столько людей и столько земли, что победитель сам не смог оценить, что для него важнее.

XI. Самнитская война

16. Уступая мольбам Кампании, римский народ затем напал на самнитов — не ради себя, но, что гораздо важнее, ради союзников.

(2) Прежде был заключен договор с теми и другими, но кампанцы, передав свое имущество римлянам, сделали его более священным и важным. И римский народ стал вести Самнитскую войну как бы в собственных интересах.

(3) Кампания — прекраснейшая область не только в Италии, но и во всем мире: нигде нет более мягкого климата; здесь дважды оживают цветы; нигде нет более плодородной земли. (4) Отсюда легенда о состязании Либеры и Цереры. Нигде нет более гостеприимного моря. Здесь знаменитые гавани: Кайета, Мизен, теплые источники Байи, Лукрин и Аверн, места отдыха на море. (5) Здесь увитые лозами горы Гаур, Фалерн, Массик и прекраснейший из всех Везувий, соперничающий с огнем Этны. (6) Города у моря — Формии, Кумы, Путеолы, Неаполь, Геркуланум, Помпеи и сама глава городов Капуя⁶², некогда отнесенная к трем величайшим городам [Италии]. (7) Именно из-за Капуи и Кампании римский народ напал на самнитов; если говорить о богатстве, самниты — племя, до чванства украшенное золотым и серебряным оружием и пестрой одеждой; если о коварстве — нападающее из горных ущелий и из засады в горах; если о ярости и неистовстве — возбудившее себя священными обетами и человеческими жертвами на разрушение Рима; если об упрямстве — племя, гордое шестикратным нарушением договора и даже самими поражениями. (8) Однако за 50 лет римский народ благодаря двум поколениям Фабиев и Папириев⁶³ настолько укротил самнитов, настолько уничтожил сами руины городов, что сегодня приходится разыскивать Самний в самом Самнии и нелегко отыскать причину двадцати четырех римских триумфов. (9) Но особенно известно и памятно поражение, полученное от этого племени в Кавдинском ущелье в консульство Ветурия и Постумия⁶⁴. (10) Когда римское войско попало в засаду в лесу, вражеский полководец Понтий пришел в восторг и попросил совета у своего отца Геренния. Тот как старший мудро посоветовал или отпустить всех, или убить. (11) Сын предпочел провести обезоруженных под ярмом, чтобы сделать их еще большими врагами после бесчестия, а не друзьями после благодеяния. Поэтому консулы без промедления с достоинством разорвали позорный договор, заключенный на основе капитуляции, а воины под предводительством Папирия — страшно сказать! — потребовали отмщения и пришли в неистовство уже на пути к полю боя. Во время схватки, как утверждал враг, глаза римлян пылали огнем. Конец резне был положен не раньше, чем было возложено ярмо на врагов и плененного полководца.

ХII. Война с этрусками, самнитами, галлами

17. До сих пор римский народ имел дело с отдельными народами, а отныне — сразу с множеством. Однако он оказался равен им всем вместе взятым. Двенадцать этрусских городов, умбры, древнейший народ Италии, к тому времени еще полный сил, и остатки самнитов внезапно поклялись, что уничтожат само имя римского народа. (2) Велик был страх перед таким количеством столь сильных народов. Над обширными пространствами Этрурии реяли знамена четырех вражеских войск. (3) Посредине находился Циминский лес, в ту пору непроходимый, почти как Каледонский или Герцинский; это вызывало такой страх, что сенат предписал консулу не подвергаться опасности. (4) Но ничто не устрало полководца. Он послал брата разведать подступы. Тот обследовал все ночью под видом пастуха и указал надежный путь. Так Фабий Максим, избежав опасности, завершил опаснейшую войну. Он внезапно напал на застигнутых врасплох врагов, занял вершины хребта и, получив преимущество, обрушился на находившихся внизу врагов. Это произвело такое впечатление, как если бы на жителей земли посыпались копыя с неба и облаков. Но не бескровной оказалась эта победа. Второй консул Деций, окруженный в глубине долины, по примеру отца посвятил себя манам⁶⁵, и его род чтит эту победу ежегодным торжественным жертвоприношением.

ХIII. Тарентинская война

18. Затем следует Тарентинская война, единая по данному ей названию, но многократная по победам, ибо она повлекла к общей гибели кампанцев, апулийцев, луканцев и зачинщиков войны тарентинцев, т. е. всю Италию, и вместе с ними Пирра, знаменитейшего царя Греции. В результате одновременно была объединена Италия и предопределены заморские триумфы.

(2) Тарент, дело рук лакедемонян, некогда столица Калабрии, Апулии и всей Лукании, был славен обширностью, стенами и гаванью, а также удивительным местоположением. (3) Будучи расположен у входа в Адриатическое море, он рассылал корабли во все страны: Истрию, Иллирик, Эпир, Ахайю, Африку, Сицилию. Над гаванью возвышался открытый взгляду со стороны моря театр;⁶⁶ он и оказался причиной бед для несчастного города. (4) Во время торжественного представления был замечен приближавшийся к берегу римский флот. Полагая, что это враги, тарентинцы выбежали и стали насмехаться над ними, не разобравшись, что это за римляне и откуда они появились. (5) Мало того, когда без промедления прибыли с жалобой римские послы, их неприлично оскорбили,

допустив бесчестье, о котором стыдно сказать; и вот — война. (6) Приготовления к ней наводят на римский народ ужас, ведь столько народов сразу поднимается на защиту тарентинцев, и яростнее всех — Пирр. Вознамерившись отомстить за полугреческое (его основатели — спартанцы) государство, он прибыл по морю и суше со всеми силами Эпира, Фессалии, Македонии с воинами, конями, оружием и неведомыми в то время слонами, так что ко всему прочему добавился страх перед этими дикими животными. (7) Первая битва произошла в Кампании, у Гераклеи, близ реки Лирис⁶⁷ при консуле Лэвине. Она была жестокой; Обсидий, начальник ферентанейской турмы, напав на царя, привел его в замешательство и вынудил отступить, бросив знаки отличия. (8) Сражение было бы выиграно, если бы не выбежали вперед слоны, превратив войну в жестокое зрелище. Кони, приведенные в ужас и величиною, и видом животных, и неведомым запахом, и звуками, приняли слонов за еще больших чудовищ, чем те были, и обратились в гибельное бегство. (9) Затем в Апулии у Аускула при консулах Курии и Фабриции произошло более удачное сражение⁶⁸. Страх перед слонами стал меньше; Гай Нумиций, гастат четвертого легиона, отрубив у одного слона хобот, доказал, что эти звери смертны. (10) И полетели в них дротики, а факелы, брошенные на башни, обрушили на вражеское войско пылающие обломки. Конец побоищу положила ночь. Последним бежал царь. Раненный в плечо, он был унесен телохранителями на собственном щите. (11) Заключительная битва была в Лукании на так называемых Арузинских полях⁶⁹, при тех же командующих. На этот раз — полная победа. Она оказалась результатом фортуны, а не доблести. (12) Слоны снова были выведены в первый ряд, но сильный удар копьем в голову повернул назад одного, еще неопытного. Когда он, жалобно трубя, бросился назад навстречу бегущим слонам, его узнала матка-слониха. Она вырвалась вперед как бы затем, чтобы отомстить за него, и громадой своего тела смешала все вокруг, словно это были враги. (13) Так одни и те же животные первую победу принесли Пирру, вторую свели вничью, а третью подарили нам. (14) Но пришлось сражаться с царем Пирром не только оружием и в открытом бою, но и противостоять его козням в тылу. Ибо сразу же после своей первой победы этот изворотливый муж, познав римскую доблесть, тотчас же разуверился в оружии и принялся за происки. (15) Он сжег павших, снисходительно обошелся с пленными, а затем, возвратив их без выкупа, отправил в Рим послов и стал всеми силами добиваться договора о дружбе. (16) Тогда-то в сражениях и в тылу, во внешних делах и во внутренних ярко проявилась римская доблесть. Тарентинская победа более, чем какая-либо иная,

показала стойкость римского народа, мудрость сената, величие духа полководцев. (17) Ведь в каком виде подобрали тех воинов, которых затоптали слоны в первом сражении? Все ранены в грудь (некоторые погибли общей смертью с врагами), у всех в руках мечи, а на лицах и после смерти сохранилось выражение угрозы и гнева. (18) Пирр был до такой степени поражен этим, что сказал: «О, как легко было бы захватить власть над миром, если бы у меня были римские воины или бы я был римским царем!» А каково рвение в восполнении потерь! (19) Пирр сказал: «Вот когда я убедился, что впрямь происхожу от Геракла: головы врагов вырастают словно из их собственной крови, как срезанные головы Лернейской гидры». (20) И что это был за сенат, если послы Пирра, изгнанные по предложению Аппия Цека из города вместе со своими дарами, на вопрос царя, что они выведали в тылу врагов, признались, что город показался им храмом, а сенат собранием царей! (21) А какими были сами полководцы! Курий⁷⁰ выгнал из своего лагеря лекаря, просившего деньги за царскую голову, а Фабриций отказался от части государства, предложенной ему царем. (22) Во время мира тот же Курий предпочел самнитскому золоту свои глиняные сосуды, а Фабриций с цензорской строгостью осудил консуляра Руфина⁷¹ за обладание 10 фунтами серебра как за расточительство. (23) Кого удивит, что при таких нравах и такой доблести воинов римский народ оказался победителем и в одной только Тарентинской войне за четыре года покорил большую часть Италии, хребрейшие народы, богатейшие города, плодороднейшие области?

(24) Невероятным показалось бы сравнение начала войны с ее концом. После победы в первом сражении Пирр, запугавший всю Кампанию и опустошивший берега Лириса и Фрегеллы, взирая с высоты пренестинской крепости на Рим почти как на добычу, на расстоянии почти в 20 миль застлал глаза трепещущих граждан дымом и пеплом. (25) Впоследствии же он был дважды выбит из лагеря, дважды ранен и бежал в свою Грецию морем и сушей⁷². Настали мир и покой, а трофеи от стольких богатейших племен оказались таковы, что Рим не смог вместить плодов своей победы. (26) И недаром! Не было в Риме триумфа, более прекрасного и великолепного. (27) До сего времени не видели ничего, кроме овец вольсков, коров сабинян, повозок галлов, сломанного оружия самнитов. А теперь, если взглянуть на пленных, — молосс и фессалиец, македонец и брутиец, апул и луканец, а если окинуть взором триумфальное шествие — золото, пурпур, знамена, картины, тарентинская роскошь! (28) Но римский народ ни на что не взирал с таким удовольствием, как на тех, кого так страшился, — на чудовищ

с их башнями: чувствуя себя пленниками, слоны, опустив головы, следовали за победителями-конями.

XIV. Пиценская война

19. Вскоре вся Италия обрела мир — ибо на что можно было отважиться после Тарента? Разве только на преследование вражеских союзников. (2) И вот уже жители Пицена⁷³ и столица племени Аскул покорены Семпронием⁷⁴, который успокоил задрожавшую во время сражения почву, дав обет построить храм в честь богини Теллус.

XV. Салентинская война

20. В консульство Марка Атилия⁷⁵ кроме жителей Пицена были присоединены также саллентины и столица области Брундизий со знаменитой гаванью. Как плату за победу в этом сражении потребовала себе храм богиня пастухов Палес.

XVI. Вольсинийская война

21. Последними из италиков попали в зависимость [от Рима] вольсинийцы, самые богатые из этрусков. Они стали просить защиты от своих бывших рабов, которые обратили против господ полученную ими свободу и овладели государственной властью. Но и вольсинийцы понесли назначенную им кару при полководце Фабии Гургесе⁷⁶.

XVII. О внутренних распрях

22. Это был второй возраст, как бы отрочество римского народа, когда он окреп, расцвел доблестью и заклокотал силами. В нем была какая-то пастушеская неотесанность, дышало нечто неукротимое. (2) Так, войско, подняв мятеж в лагере, побило камнями полководца Постумия⁷⁷ за отказ разделить обещанную ранее добычу; из-за недовольства командовавшим им Аппием Клавдием⁷⁸ отказалось победить врага, хотя и могло это сделать; не захотело находиться под командованием Валерона⁷⁹ и разломало консульский фасций. (3) Помимо того римский народ обрек на изгнание знаменитейших вождей лишь за то, что они воспротивились его воле, к примеру — Кориолана⁸⁰ за противодействие земельному закону. Если бы мать его, Ретурия, слезами не обезоружила сына, уже поднявшего знамена, он очень жестоко отомстил бы оружием за обиду. (4) Изгнали самого Камилла за то, что показалось, будто он несправедливо разделил вейентанскую добычу между войском и

плебсом. Но он в силу своего благородства предпочел состариться в Вейях, захваченных им самим, и вскоре защитил тех, кто умолял о защите от врага-галла. (5) Не менее яростно отстаивали права и имущество перед сенатом; настолько яростно, что, оставив жилища, создали своей родине угрозу обезлюдения и гибели.

23. Первая распря — из-за необузданности ростовщиков. Они свирепствовали, словно имели дело с рабами, и плебс, вооружившись, удалился на Священную гору. Он был возвращен лишь благодаря авторитету Менения Агриппы⁸¹, красноречивого и мудрого мужа, и то при условии, что получит трибунов. (2) До нас дошла древняя притча из его речи, которая помогла Агриппе восстановить порядок. Некогда не поладили человеческие органы: все-де выполняют работу, один живот освобожден от повинностей. Отделив его и начав от этого умирать, они поняли, что пища поступает в кровь благодаря его деятельности, и вернулись к взаимному согласию.

24. Вторая распря разожжена в самом Риме произволом децемвиров. Десять выдающихся граждан, избранных народом, записали доставленные из Греции законы, и все правосудие было расположено на 12 таблицах; однако и после этого децемвиры с деспотическим исступлением удерживали доставшиеся им фасцы. (2) Самым заносчивым оказался Аппий. Он обесчестил благородную девушку, забыв о судьбе Лукреции и царей и о законах, которые провел сам. (3) Когда Виргиний, ее отец, увидел, что дочь уводят в рабство по несправедливому решению, он тут же убил ее собственной рукой посреди форума. Затем, собрав под знамена товарищей по военной службе, он силой оружия совлек деспотов с Авентинского холма и заточил их в тюрьму и оковы.

25. Третий мятеж возник из-за вопроса о достоинстве брака — предложения, чтобы плебеи могли сочетаться с патрициями. Эта смута вспыхнула на холме Яникул под водительством народного трибуна Канулея⁸².

26. Четвертый — стремление к обладанию почетными должностями, чтобы магистраты избирались также и из плебеев. (2) Фабий Амбуст⁸³, отец двух дочерей, одну выдал за Сульпиция⁸⁴ патрицианской крови, (3) другую взял в жены плебей Столон⁸⁵. Когда однажды она испытала ужас от неведомого в ее пенатах звука ликторской розги и была высокомерно высмеяна своей сестрой, Столон не снес обиды. (4) Добившись трибуната, он вырвал у сената, хотя и против его воли, равное участие плебеев в магистратуре. (5) Даже в этих мятежах поистине отличишь характер народа-принцепса. Ибо если раньше он мстил за попранную свободу, за целомудрие, то потом — за достоинство рождения, за украшения и отличия почетных должностей; и среди всего этого он был прежде

всего решительным стражем свободы. (6) Свободу он не мог отдать ни за какие блага, хотя в великом и со временем еще более могущественном народе появились опасные сограждане. (7) Расточительная щедрость Спурия⁸⁶ и проведение аграрного закона Кассием⁸⁷ вызвали у римского народа подозрение, что они стремятся к царской власти. И оба были приговорены к смерти. Наказание Спурия поддержал даже его собственный отец, Кассия же по приказу диктатора Квинкция⁸⁸ убил посреди форума начальник конницы Сервилий Агала⁸⁹. (8) Напротив, спасителя Капитолия Манлия⁹⁰ римский народ сбросил с той самой крепости, которую он защищал. Манлий поплатился за высокомерие, деспотизм и за дарование свободы большому числу должников, попавших в неволю. (9) Таков был римский народ дома и вне его, в мире и на войне. Прсбывая в расцвете отрочества, то ссть во втором возрасте своэй империи, он покорил оружием всю Италию между Альпами и проливом.

XVIII. Первая Пуническая война

II.1. Подчинив и замилив Италию, римский народ, имсвший от роду почти 500 лет, вырос и возмужал. И если ссть на свете сила и молодость, то он, поистине сильный и молодой, стал соперником всему миру. (2) Народ, который в течение пяти веков сражался у себя дома — так трудно было стать главою Италии,— в течение последующих двухсот лет с победами прошел по Африкс, Европе, Азии и, наконец, по всему миру.

II.2. Победив Италию, римский народ дошел до пролива и остановился, подобно огню, который, опустошив пожаром встречные леса, постепенно затихает, натолкнувшись на реку. (2) Вскоре взгляд сго упал на ближнюю и богатейшую добычу, неким образом отторгнутую, словно оторванную от Италии⁹¹. Он воспылал страстным стремлением к ней, а поскольку ее нельзя было притянуть к себе ни насыпью, ни мостами, рсшил, что се следует взять силой и присоединить к своему матерiku с помощью войны. (3) А тут как раз представился случай, будто сам рок указывал путь: Мессана, союзнос (римскому народу) сицилийское государство, стало жаловаться на обиды со стороны карфагенян. К обладанию Сицилией Пун стремился не менее, чем римлянин. Равные в своих помыслах и силах, они одновременно помышляли о власти над миром. (4) И вот под видом помощи союзникам, а на деле из-за того, что вводила в соблазн добыча, хотя и пугала новизна предприятия, этот грубый, этот пастушеский и поистине пеший народ показал (а уверенность в своих силах у него была), что отважным воинам безразлично, как и где сражаться: на конях или на кораблях, на суше или на

море. (5) При консуле Аппии Клавдии ⁹² римский народ впервые вступил в пролив, пользовавшийся дурной славой из-за мифических чудовищ ⁹³ и яростный из-за бурного течения. Но он был настолько бесстрашен, что принял в дар само неистовство низвергающихся волн (6) и без промедления разбил Гиерона-сиракузянина с такой стремительностью, что впоследствии сам признавался, что увидел себя побжденным раньше, чем заметил врага.

(7) При консулах Дуиллии и Корнелии ⁹⁴ римский народ отважился вступить в морское сражение. Залогом предстоящей победы была сама быстрота сооружения флота. Ибо через 60 дней после того, как был срублен лес, флот из 160 кораблей стоял на якоре, так что казалось, будто не искусство людей, а дар богов превратил деревья в корабли. (8) Восхищения достойна красота схватки, когда быстрые, как бы летавшие по волнам корабли врагов окружались нашими тяжеловесными и неуклюжими судами. (9) Карфагениям не помогла морская опытность — умנים ломать весла и играючи избегать ростры. Ибо железные крючья и мощные сооружения ⁹⁵, до схватки многократно осмеянные врагом, заставляли его сражаться, как бы на суше и твердой почве. Римский народ, потопив или обратив в бегство вражеский флот, одержал победу у Липары ⁹⁶ и отпраздновал тот первый морской триумф. (10) Радость по этому случаю была такова, что победитель Дуиллий не удовлетворился однодневным торжеством, но справлял его всю жизнь, каждодневно, распорядившись, чтобы после обеда перед ним всякий раз несли факелы и играли флейты. (11) По сравнению с такой победой захват врагами консула Корнелия Азины ⁹⁷ показался незначительным ущербом. Его пригласили якобы на переговоры и схватили — образчик пунийского вероломства!

(12) При диктаторе Каллатине ^{97a} римский народ изгнал почти все гарнизоны пунийцев из Агригента, Дрепан, Панорма, Эрика и Лилибея. (13) Однажды мы все же дрогнули у Камеринского леса, но благодаря выдающейся доблести военного трибуна Кальпурния Фламмы уцелели. С отборным отрядом в 300 человек он захватил холм, занятый врагами, и сдерживал противника до тех пор, пока все войско не вышло из окружения. Благодаря великолепному исходу сражения Кальпурний сравнялся славой с Фермопилами и Леонидом и даже оказался блистательнее, ибо то, что уцелело от столь великого похода, не позволяет ничего написать кровью ⁹⁸.

(15) При консуле Корнелии Сципионе ⁹⁹, когда Сицилия почти уже была ближней провинцией, римский народ перебрался, распространяя войну вширь на Сардинию и прилегающую к ней Корсику. (16) В первой он навел страх на местных жителей разрушением Ольвии ¹⁰⁰, во второй — города Алерии ¹⁰¹ и столь

успешно очистил¹⁰² от карфагенян сушу и море, что для победы уже не оставалось ничего, кроме самой Африки.

(17) Под командованием Марка Атилия Регула¹⁰³ война переправилась в Африку. Нашлись такие, кто потерял храбрость от одного упоминания о Пунийском море и его ужасах; особенно усилил тревогу трибун Наутий. Обнажив секиру, Регул под страхом смерти добился от него повиновения и достойного выхода в море.

(18) Наконец, поспешили на всех парусах и веслах, и пунийцев при виде врагов охватил такой ужас, что Карфаген едва не был взят при открытых воротах. (19) Прологом¹⁰⁴ к войне была Клипея: она первая выдается у пунийского берега как крепость и обзорный пункт. И Клипея, и триста других крепостей были опустошены.

(20) Сражались не только с людьми, но и с чудовищами. Змея удивительной величины, рожденная словно для защиты Африки, беспокоила лагерь, расположенный у Баграда¹⁰⁵. (21) Победитель Регул добился того, что само имя его повсеместно внушало страх. Он перебил¹⁰⁶ или заточил в оковы большую часть молодежи и самих полководцев, отправил в Рим флот, нагруженный огромной добычей, подготовленной им к своему триумфу. После этого он начал осаду самого источника войны — Карфагена и подступил к его воротам.

(22) Тут воинское счастье отвернулось от римлян, но лишь настолько, чтобы умножились знаки римской доблести, величие которой почти всегда выявляется в бедствиях. (23) Враги обратились за внешней помощью. Лаксдемон послал к ним полководца Ксантиппа, и муж, опытнейший в военном искусстве, побеждает нас. Позорное поражение, неведомое ранее римлянам: врагам достался храбрейший полководец живым. Но он стойко выдержал такое бедствие и не был сломлен ни пунийской тюрьмой, ни тем,

что карфагеняне использовали его на переговорах с Римом. (24) Естественно, что его мнение было противоположно тому, что поручал [ему] враг: он был против заключения мира и обмена пленниками. (25) И величие Регула не было обесславлено ни добровольным возвращением к врагам, ни жесточайшим наказанием тюрьмой и крестом. Замечательнее всего было то, что он оказался победителем победителей; и хотя ему не поддался Карфаген, он достиг триумфа над самим воинским счастьем. (26) А римский народ намного яростнее и ревностнее стремился к мести за Регула, чем к победе.

(27) И так, когда при консуле Метелле¹⁰⁷ пунийцы еще более воспрянули духом и в Сицилии возобновилась война, римский народ наголову разбил врагов у Панорма, и они больше не помышляли нападать на этот остров. (28) Свидетельство огромной победы — захват около сотни слонов — столь великая добыча, как если бы

он захватил это стадо не на войне, а на охоте. (29) При консуле Аппии Клавдии¹⁰⁸ римский народ был побежден не врагами, а самими богами, знаменьями которых он пренебрег: римский флот был сразу же потоплен там, где консул приказал выбросить жертвенных цыплят, поведение которых запрещало вступать в сражение. (30) При консуле Марке Фабии Бутеоне¹⁰⁹ в Африканском море у Эгимура¹¹⁰ был разбит вражеский флот, плывущий в сторону Италии. (31) Увы! Какие огромные трофеи погибли во время бури! Ведь наши суда, гонимые неблагоприятными ветрами, потерпели кораблекрушение и наполнили богатой добычей Африку, Сирт и берега лежащих между ними островов. (32) Великое бедствие! Но и оно возвеличило достоинство народа-принцепса: хотя победу перехватила буря, а трофеи были похищены кораблекрушением и добычу, захваченную нами у пунийцев, прибывало ко всем мысам и островам, римский народ и без нее справил триумф. (33) При консуле Лутации Катуле у Эгадских островов был положен конец войне: произошло самое крупное морское сражение¹¹¹. (34) Флот врага был перегружен войсковыми обозами, войском, осадными башнями и оружием, словно на нем уместился весь Карфаген; это и принесло ему гибель. (35) Римский флот, удобный, легкий, надежный и в некотором роде походный, вступил как будто в конное сражение: веслами действовали словно поводьями, и на любые удары подвижные ростры отзывались словно живые. (36) В самое короткое время разбитые вражеские суда покрыли своими обломками все море между Сицилией и Сардинией. (37) Победа была такова, что не возникло необходимости в разрушении вражеских стен. Казалось излишним сокрушать крепость и стены, когда Карфаген уже был побежден на море.

ХІХ. Лигурийская война

II.3. После окончания Пунической войны наступила короткая передышка — словно для того, чтобы перевести дух. В знак мира и истинного прекращения войны, впервые после Нумы, были заперты ворота Януса. Но тотчас же и открылись. (2) Римляне начали беспокоить лигуры, галлы-инсубры, а также иллирийцы — народы, расположившиеся под Альпами, то есть при самом входе в Италию; словно какие-то силы постоянно толкали их к войне, чтобы оружие не покрылось ржавчиной от бездействия. (3) Все они, постоянные и как бы внутренние враги, приучали молодых солдат к военной службе, и на этих племенах, как на некоем оселке, римский народ заострял меч своей доблести.

(4) Лигуров, крепко державшихся на нижних хребтах Альп

между реками Варом и Магрой ¹¹², под прикрытием лесных зарослей, иногда стоило большего труда отыскать, чем победить. Будучи в безопасности из-за удачного местоположения и возможности скрыться, это суровое подвижное племя то и дело совершало нападения. Это были скорее разбойничьи набеги, чем войны. (5) И хотя эти салювии, дециаты, оксубии, эвбуриаты, ингавны долгое время и не раз увертывались, в конце концов Фульвий обложил огнем их логова, Бсбий вывел на равнину, а Постумий ¹¹³ настолько разоружил, что едва ли оставил железа для возделывания земли.

XX. Галльская война

II.4. Галлы-инсубры и их соседи в Альпах обладали душами диких зверей, а телами сверхчеловеческими. Но опыт показал, что, насколько их первый натиск превосходит свойственный мужам, настолько следующий за ним слабее женского. (2) Тела людей, выросших в Альпах, во влажном климате, подобны альпийским снегам: быстро разгораясь от битвы, они вскоре истекают потом и расслабляются при малейшем движении, словно [снег] от солнца. (3) Они часто клялись, особенно при вожде Бриттомаре, что не сложат боевого оружия раньше, чем поднимутся на Капитолий. Так и произошло: Эмилий, победив ¹¹⁴, снял с них опоясания на Капитолии. (4) Вскоре при вожде Ариовисте они клятвенно обещали своему Марсу ожерелья с наших воинов. Обет перехватил Юпитер: из этих опоясаний Фламиний ¹¹⁵ воздвиг ему золотой трофей. (5) При царе Виридомаре они обещали римское оружие Вулкану. Обеты исполнились в противоположном смысле: убив царя, Марцелл ¹¹⁶ посвятил [захваченные] доспехи, третьи после отца Ромула, Юпитеру Феретрию.

XXI. Иллирийская война

II.5. Иллирийцы, или либурны, распространившись по всему побережью Адриатического моря, действуют у самой подошвы Альп между реками Арсией и Тицином. (2) В правление женщины Тевтаны они, не довольствуясь набегами, добавили к необузданности преступление. А именно: наших послов, на законном основании требовавших возмещения убытков, они убили, и даже не мечом, а топором, словно жертвы ¹¹⁷, а командиров кораблей сожгли. И что самое недостойное — это приказала женщина. В конце концов при полководце Гнее Фульвии Центумале ¹¹⁸ они были усмирены. Топоры, обрушившиеся на шеи старейшин, умилостивили маны послов.

XXII. Вторая Пуническая война

II.6. После Первой Пунической войны едва было четырехлетие ¹¹⁹ покоя — и вот вторая война, бесспорно, не столь продолжительная (она длилась лишь 18 лет), но характером бедствий вызывающая такой ужас, что если сравнить потери обоих народов, то победителя можно было бы уподобить побежденному. (2) Карфаген не мог примириться с потерей моря, похищением островов, выплатой податей, которые он привык получать с других. По этой причине мальчик Ганнибал дал перед алтарем клятву отцу ¹²⁰ о мести. (3) И не медлил! Поводом к войне был избран Сагунт, древнее и богатое государство Испании, великий, но печальный памятник верности римлянам. Его, чья свобода была обеспечена общим договором и с Римом, и с Карфагеном, Ганнибал, ища повода для новых смут, погубил своими руками и одновременно руками сагунтинцев, чтобы, нарушив договор, открыть себе путь в Италию. (5) Договоры для римлян — высшая святыня. Поэтому, узнав об осаде союзного государства и помня о договоре также и с пунийцами, римляне не сразу прибегли к оружию, решив сначала подать жалобу законным путем. (6) Между тем сагунтинцы уже девять месяцев были изнурены голодом, осадными сооружениями, оружием; наконец, придя в отчаяние, они сложили на площади огромный костер и, поднявшись на его вершину, огнем и мечом истребили себя, своих близких и все свое добро. (7) Потребовали выдачи виновника столь великого бедствия Ганнибала, а когда пуны попытались оправдаться, глава римского посольства Фабий сказал: «Зачем нам медлить? В складках тоги несу я войну и мир. Что вам угодно?» «Война!» — раздался всеобщий крик. «Вы ее имсете!» — сказал он и посреди зала совета не без содрогания распустил складки тоги, будто на самом деле нес в ней войну. (8) Исход войны соответствовал ее началу. Если последние проклятия из уст сагунтийцев во время публичного самоубийства ¹²¹ воспринимались как тризна, то опустошение Италии, пленение Африки, гибель царей и полководцев, ведущих эту войну, виделись очистительной жертвой манам. (9) Как до того в Испании пришла в движение тягостная и горькая сила Пунической войны, и [за ее пределами] сагунтийская искра воспламенила давно предопределенную Риму молнию, и как бы ниспосланная небом гроза обрушилась с высоты снежных гор на Италию, проломив толщу Альп. (10) Первый вихрь с громом и молнией пронесся между Падом и Тицином. Тогда было рассеяно войско, которым командовал Сципион ¹²². Сам полководец был ранен и мог попасть в руки врагов, но его, прикрыв собой, вырвал у самой смерти сын, еще носивший претексту. (11) Это тот

Сципион, который вырастет на погибель Африки и возьмет себе почетное имя в результате ее несчастий.

(12) За Тицином последовала Требия. Здесь при командующем Семпронии ¹²³ неистовствует вторая буря Пунической войны. Именно тогда находчивые враги, согрев себя огнем и маслом, воспользовались холодным и снежным днем. Трудно поверить, но люди, выросшие под южным солнцем, победили нас в союзе с нашей собственной зимой!

(13) Тразименское озеро — третья молния Ганнибала при нашем консуле Фламинии ¹²⁴. Здесь по-новому проявилось пунийское коварство: конница, скрытая озерным туманом и болотным кустарником, внезапно ударила в тыл сражавшимся. (14) У нас нет оснований сетовать на богов. Поражение предсказали безрассудному полководцу рои пчел, усевшиеся на значки легионов, воспрепятствовав их движению, и последовавшее за началом сражения мощное землетрясение, если только содрогание земли не было вызвано топотом людей и коней и яростным скрежетом оружия.

(15) Четвертая и едва ли не последняя рана империи — Канны, дотоле никому не известная деревушка в Апулии. Величайшим поражением римлян и смертью 60 тысяч рождена ее слава. Там на погибель несчастному войску действовали заодно вражеский вождь, земля, небо, день — одним словом, вся природа. (16) Ганнибал не удовлетворился тем, что отправил подложных персбежчиков, которые внезапно ударили в спину сражающимся. Предусмотрительный полководец использовал и особенности открытой местности: учтя, с какой стороны жарче палит солнце и больше пыли, а с какой, словно по уговору, всегда дует с востока Эвр, он так выстроил войско, что природа оказалась против римлян, и сражался при благоприятном небе в союзе с ветром, пылью и солнцем.

(17) Так две огромные армии истреблялись до полного насыщения неприятеля, пока Ганнибал не призвал своих воинов: «Поберегите оружие!» Из римских командующих один спасся бегством, другой был убит. И трудно сказать, кто проявил большее величие духа: всдь Павел одолел стыд, а Варрон — отчаяние! (18) Доказательством разгрома стал Ауфид, некоторое время багровый от крови, мост из трупов через ручей Вергелл, сооруженный по приказу Ганнибала, два модия перстней, персправленных в Карфаген, — всадническое сословие подсчитывалось мерами! ¹²⁵ (19) Никто больше не сомневался, что это был бы последний день Рима и что Ганнибал мог бы через пять дней пировать на Капитолии, если бы умел пользоваться победой так же, как побеждать. (Так сказал, по преданию, пуниец Магарбал, сын Бомилькара.) (20) Но именно

тогда фортуна Города, которому было суждено господство, или собственное заблуждение, или отвернувшиеся от Карфагена боги увлекли Ганнибала, как говорится, в противоположную сторону. (21) Он мог бы воспользоваться победой, но предпочел наслаждаться отдыхом и, оставив Рим, отправился в Кампанию и Тарент; там пыл войска и его собственный настолько ослабли, что будет верным сказанное: «Капуя стала Каннами для Ганнибала». (22) Трудно поверить, но полководца, не побежденного Альпами, не укрощенного оружием, покорили кампанское солнце и Байи с их теплыми источниками.

(23) Между тем римляне персвели дух и словно выбрались из царства мертвых. Не было оружия — его взяли из храмов. Не было молодежи — для военной присяги освободили рабов. (24) Обеднела казна — сснат добровольно внес в нес свои богатства. Себе не оставили ничего, кроме золота в буллах и кольцах. Примеру сената последовали всадники, им подражали трибы. (25) А когда в консульство Лэвина и Марцелла ¹²⁶ вносились в казну богатства частных лиц, для записи едва хватало таблиц и писцов. (26) В довершение всего во время выборов магистратов проявили мудрость центурии: младшие попросили у старших совета относительно кандидатур консулов. Ведь против такого изворотливого врага, не раз бывшего победителем, следовало сражаться не только доблестью, но и с особой осмотрительностью.

(27) Первой надеждой на возвращение и, я сказал бы, на возрождение империи был Фабий. Он открыл невиданный путь к победе над Ганнибалом — не сражаться. Отсюда новое для него и для государства прозвище — Кунктатор, в народе его называют «щитом империи». (28) Отступлением через весь Самний, Фалернское и Гауранское ущелья ¹²⁷ он совершенно обессилил противника, и Ганнибал был сломлен не римской доблестью, а затыжным характером войны.

(29) Затем под командованием Клавдия Марцелла римский народ дерзнул завязать сражение. Он вступил в рукопашный бой, разбил врага в полюбившейся ему Кампании и предотвратил осаду города Нолы. (30) При полководце Семпронии Гракхе ¹²⁸ началось преследование пунов по всей Лукании. Римский народ яростно наседали на отступавших, хотя тогда — о стыд! — он сражался с помощью войска из рабов: так далеко загнали его беды. Но, получив свободу, те превратили себя из рабов в римлян. (31) О, поразительная уверенность при стольких несчастьях! О, не имеющий равных дух римского народа! Настолько стеснены и расстроены были дела, что нужно было опасаться за свою Италию, однако римский народ отважился оглянуться и в другую сторону. (32) Когда Ганнибал,

словно подступив с ножом к горлу, носился по Кампании и Апулии и превращал центральную Италию в Африку, римский народ в одно и то же время и сдерживал врага, и рассылал войска в Сицилию, Сардинию, Испанию, разбросав их по всему миру.

(33) Сицилия была вручена Марцеллу и сопротивлялась недолго: весь остров одолели в одном городе. Колоссальная, еще никому не уступавшая столица Сиракузы в конце концов сдалась, хотя и оборонялась гением Архимеда. (34) Не помогли ей устоять ни три линии стен, ни столько же крепостей, ни отделанная мрамором гавань, ни прославленный источник Аретузы, однако красота спасла победенный город [от уничтожения].

(35) Сардинию одолел (Тиберий) Гракх¹²⁹. Не помогли ей ни дикость племен, ни неприступность гор, имя которым Чудовищные. Сурово обошлись с городами и со столицей Каралисом, и строптивый, презирающий смерть народ в конце концов был сломлен потерей земли. Опытные Сципионы, Гней и Публий, будучи отправлены в Испанию, почти всю ее очистили от пунов, уничтожив в решительных сражениях силы противника. Затем они снова потеряли се и сами погибли от пунийского коварства. Одного сразил меч устроивших засаду пунов, когда он размечал место для лагеря, другого забросали факелами, как только он укрылся на башне. (37) Затем для отмщения за отца и дядю был послан с войском Сципион, которому фортуна предопределила великос имя Африканского. (38) Воинственную, прославленную мужественными людьми и оружием Испанию, этот рассадник враждебности, школу Ганнибала, он,— трудно поверить!— отвоевал всю целиком, от Пиренейских гор до Столпов Геркулеса и Океана, то ли в силу стремительности, то ли — удачи. Кто знает? Показатель быстроты — четыре года войны, легкости — пример одного города, взятого в тот же день, в какой он был осажден. Легкая победа над испанским Карфагеном¹³⁰ оказалась предзнаменованием судьбы Африканского. (40) Не вызывает сомнения и роль исключительной нравственной чистоты полководца, покорившего Испанию: он возвратил варварам юношей и девушек необыкновенной красоты, не пожелав даже на них взглянуть, чтобы не показалось, будто он хотя бы взглядом опорочил их.

(41) Таким был римский народ в далеких краях. Потому он и не смог оттеснить впившегося в плоть и кровь Италии Ганнибала. Враг испытывал недостаток во всем, и находчивый полководец стал пользоваться против римлян также силами италиков. Однако мы уже изгнали его из многих городов и областей; (42) уже вернули нам Тарент, уж и Капуя, обителище и вторая родина Ганнибала, была за нами; се потеря принесла вождю пунийцев тем большее горе, что она перешла на сторону Рима со всеми силами. (43)

О, народ, достойный власти над миром, достойный благоговения и удивления богов и людей! Доведенный до крайнего страха, он не отступился от начатого и, тревожась за свой город, не выпустил, однако, из рук Капуи: оставив часть войска [в Риме] под командованием консула Аппия, а часть отправив в Город с Флакком, он сражался одновременно в разных местах. (44) Так надо ли удивляться, что сами боги во второй раз оказали противодействие Ганнибалу, когда он покинул лагерь у третьего милевого столба. Да, боги, не стыдно сказать. (45) Ибо дожди с такой силой изливались в ответ на каждое его движение, с таким неистовством бушевали ветры, что казалось, будто их чудесным образом послало не небо, а стены самого города и Капитолий. (46) Он бежал и после отступления скрылся на самом дальнем мысе Италии¹³¹, оставив город, бывший предметом его вожделений. (47) Событие, незначительное для римского народа: в те самые дни, когда велась осада поля, на котором Ганнибал расположил свои лагерь, в Риме оно продавалось на публичных торгах и нашло покупателя. (48) Ганнибал, со своей стороны, желая соперничать с этой самоуверенностью, пустил с молотка меняльные лавки в Городе, но перекупщика не нашлось. Всем известно: предчувствия предвзвешивают судьбу.

(49) Враг ничего не смог добиться в силу нашей доблести и благоволения богов. И брат Ганнибала Гасдрубал двинулся из Испании с новым войском, с новыми силами, с новой лавиной войны¹³². (50) Результат был бы, без сомнения, достигнут, если бы Гасдрубал соединился с братом. Но когда он уже спустился с Альп и измерял место для лагеря у Метавра, его укротили Клавдий Нерон и Ливий Салинатор¹³³. (51) Нерон загнал часть войск Ганнибала в самый угол Италии, Ливий оставшихся — в противоположную сторону, в то самое ущелье, с которого начинается Италия. (52) Между ними пролегла обширная территория — Италия во всю длину, но трудно представить, как Ганнибал не догадался, что происходит, когда консулы искусно и стремительно соединили свои войска и совместными усилиями одолели ничего не подозревавшего врага. (53) Ганнибал узнал о случившемся, лишь увидев в своем лагере подброшенную голову брата. Тогда он произнес: «Узнаю несчастье Карфагена». Это было первое признание знаменитого полководца не без предчувствия грозящей судьбы. (54) Ганнибал, даже по его собственному признанию, уже не был непобедимым. Римский народ, обретший уверенность в победе благодаря множеству успехов, решил покончить со злейшим врагом в его собственной стране. (55) Под командованием Сципиона он направил всю мощь своего удара на саму Африку и, используя

пример Ганнибала, начал мстить за поражения, полученные в Италии. (56) Благие боги! Какие полчища Гасдрубала он рассеял, какую конницу нумидийского царя Сифака¹³⁴ разбил! Какие колоссальные лагеря того и другого уничтожил за одну ночь, забросав их факелами! И это было уже не у третьего милевого столба: Сципион сотрясал осадой сами ворота Карфагена. (57) И все это было совершено, чтобы оторвать от Италии вцепившегося в нее Ганнибала. (58) Не было для Римской империи важнее дня, чем тот, когда два величайших полководца прошлого и будущего, один — победитель Италии, другой — Испании, вынеся знамена, выстроили войска лицом к лицу. Ведя переговоры об условиях мира, они долго стояли, взаимно восхищаясь друг другом. (59) Когда же ничего не вышло с миром, прозвучали трубы. (60) Из признания обоих известно, что нельзя было лучше построить войско и невозможно было более жестоко сражаться. Это сказано Сципионом о Ганнибаловом войске, Ганнибалом — о Сципионовом. (61) Однако Ганнибал отступил, и наградой за победу была Африка, а вслед за Африкой весь мир.

XXIII. Первая Македонская война

II.7. После Карфагена никто не стыдился быть побежденным. За Африкой последовали Македония, Греция, Сирия и все прочие народы, словно подхваченные течением и потоком судьбы. (2) Первыми были македонцы, народ, некогда помогавшийся создания империи. И хотя царство в то время возглавлялось Филиппом¹³⁵, казалось, что римляне сражаются с самим Александром. (3) Война была Македонской больше по имени народа, чем по характеру. (4) Причиной ее послужил договор Филиппа, согласно которому царь взял себе в союзники Ганнибала, незадолго до того гоподствовавшего в Италии. Эта причина стала более веской после того, как Афины взмолились о помощи против несправедливости царя, когда Филипп, превысив законные права победителя, осквернил храмы, алтари и даже могилы. (5) Сенат решил прийти на помощь просителям. Ибо цари племен, вожди, народы, племена просили защиты у нашего города. (6) Итак, впервые при консуле Лэвине¹³⁶ римский народ, войдя в Ионическое море, обошел все побережье Греции флотом, словно празднуя триумф. (7) Он выставил напоказ трофеи Сицилии, Сардинии, Испании и Африки. И лавр, выросший на корме флагманского корабля, обещал явную победу. (8) Добровольно явился на помощь царь пергамцев Аттал¹³⁷, пришли родосцы, народ мореплавателей. Они ударили кораблями с моря, в то время как консул действовал с суши

конницей и пехотой. (9) Македонский царь был дважды побежден, дважды обращен в бегство, дважды потерял лагерь. Но для македонян не было ничего ужаснее самого вида ран. Будучи нанесены не дротиками, не стрелами и не другим оружием грекулов, но огромными копьями и не меньшего размера мечами, они были ужаснее самой смерти. (10) Более того, под водительством Фламинина¹³⁸ мы достигли дотолы непроходимых гор хаонов, стремительной реки Аоя и теснин самой Македонии. (11) Вступить туда означало победу. Ибо царь оказался побежденным у холмов под названием Киноскефалы¹³⁹ в единственном, даже ненастоящем бою (12) и впоследствии ни разу не решился начать сражение. Консул даже даровал ему мир и уступил царство, а вскоре, чтобы не оставалось ничего враждебного, усмирил Фивы, Эвбею и Лакедемон, воевавший с нами при тиране Набисе. (13) Что касается Греции, он восстановил ее прежний статус, чтобы она жила по своим законам и пользовалась старинной свободой. (14) Какова же была радость, каково ликование, когда об этом возвестил глашатай в немецком театре во время пятилетних игр!¹⁴⁰ Какие раздались рукоплескания! Сколько цветов посыпалось на консула! (15) И снова и снова приказывали глашатаю повторить слова, которыми провозглашалась свобода Ахайи. И наслаждались консульским решением, как мелодичнейшим пением флейт или звучанием струн.

XXIV. Сирийская война против царя Антиоха

II.8. По некоей случайности Азия тотчас же стала на место Македонии, и царя Филиппа заменил Антиох, словно у фортуны был умысел, чтобы империя продвигалась сначала из Африки в Европу, а потом — из Европы в Азию. Поводы к войнам нагромождались сами собой, чтобы победы следовали друг за другом в соответствии с положением стран в мире. (2) Ни одна война не сопровождалась более ужасными слухами: говорили, что прорыты насквозь непроходимые горы и море покрыто парусами, начинали думать о персах и Востоке, Ксерксе и Дарии. (3) К тому же пугали грозные предзнаменования: на статуе Аполлона из Кум не высыхал пот; это был страх божества, благоволящего к Азии. (4) Нет страны изобильнее людьми, богатством, оружием, чем Сирия. Но попала она в руки столь бездеятельного царя, что в нем, Антиохе, самым примечательным оказалось то, что он был побежден римлянами. Царя вовлекли в эту войну сначала Тоас (Фоант), предводитель Этолии, недовольный тем, что не был вознагражден римлянами за помощь против македонцев, а потом Ганнибал. Будучи побежден в Африке, этот беглец и ненавистник мира искал по всему свету врагов римскому народу. (6) Какая возникла бы опасность, если бы

Антиох внял его советам и злосчастный Ганнибал воспользовался военными силами Азии! Но царь, гордый своими богатствами и царским именем, считал, что одного этого достаточно для ведения войны.

(7) Европа бесспорно принадлежала римлянам по праву войны. Но Антиох как бы по праву наследования востребовал Лизимахию — город, основанный на фракийском побережье его предками. (8) Тем самым, словно появлением звезды, была приведена в движение буря азиатской войны. Величайший из царей с шумом и грохотом двинулся из Азии, радуясь, что храбро объявил войну, и, как только занял греческие острова и побережья, на правах победителя предался праздности и порокам. (9) Прилегающий к материке остров Эвбея отделяется от него узким (проливом) Эврипом с постоянным приливом и отливом вод. Антиох поставил здесь золотые и шелковые шатры и, несмотря на зиму, отовсюду доставил розы. Под шум вод пролива, которые звучали в лад с флейтами и струнами, он начал набирать юношей и девушек, чтобы хоть в чем-либо уподобиться полководцу. (10) В консульство Ацилия Глабриона ¹⁴¹ римляне напали на этого царя, уже побежденного роскошью, и вынудили его бежать с острова уже при одной вести о своем прибытии. (11) Затем, настигнув его после стремительного бегства у Фермопил — места, памятного героической гибелью трехсот спартанцев,— заставили отступить на суше и на море. Даже это место не вдохновило царя на сопротивление. (12) Без промедления римляне отправились вслед за ним в Сирию. Царский флот, вступивший в сражение во главе с Поликсенидом и Ганнибалом,— ведь царь не мог вынести даже вида сражения,— был полностью уничтожен Эмилием Региллом ¹⁴² при поддержке присоединившихся родосцев. (13) Пусть не мнят о себе Афины: в лице Антиоха мы победили Ксеркса, в Эмилии сравнялись с Алкивиадом, Эфесом уравнивали Саламин. (14) В консульство Сципиона,— а ему в качестве легата добровольно помогал брат, недавний победитель Карфагена Сципион Африканский,— царь был добит. Он уже отступил повсюду на море, но мы двинулись дальше. (15) Лагерь разбили у реки Меандра и горы Сипила. Здесь царь занял позицию с огромными — трудно выразить!— вспомогательными и прочими войсками. (16) Триста тысяч пехотинцев, не меньше всадников и серпоносных колесниц! С обеих сторон царь окружил строй огромными слонами, блистающими золотом, пурпуром, серебром и бивнями. (17) Но сами размеры войска лишали его маневренности. К тому же внезапно обрушился ливень и, к счастью для римлян, испортил персидские луки. Сначала [среди римлян] было смятение, затем бегство, наконец — триумф. (18) Побежденному царю вернули часть царства, тем более что он умолял о мире и легко шел на уступки.

XXV. Этолийская война

II.9. За Сирийской войной последовала, как и надо было ожидать, Этолийская. Ибо, победив Антиоха, римляне продолжали устранять причины азиатской войны. (2) Отмщение было возложено на Фульвия Нобилиора. Он потряс осадными машинами столицу племени (этолийцев) Амбракию, царскую резиденцию Пирра ¹⁴³. Последовала сдача. Жители Аттики и родосцы умоляли пощадить этолийцев, и мы, вспомнив об их прежних услугах, решили простить. Однако война распространилась вширь, на соседей, и вся Кефалления, Закинф и некоторые острова, расположенные между Керавнийскими горами ¹⁴⁴ и хребтом Малеем ¹⁴⁵, оказались втянутыми в Этолийскую войну.

XXVI. Истрийская война

II.10. Истрийцы ¹⁴⁶ следуют за этолийцами, так как незадолго до того помогли им в войне. (2) Начало войны было благоприятным для врагов, и это послужило причиной их гибели: когда они захватили лагерь Гнея Манлия ¹⁴⁷ и оказались с богатой добычей, на них, пирующих, играющих и даже не помнящих за чашей, где они находятся, обрушился Аппий Пульхр ¹⁴⁸. (3) Так вместе с кровью и дыханием они извергли дурно рожденную победу. Взяли самого царя Эпулона, бывшего на коне, шатающегося от опьянения и беспамятства; он лишь после того, как отоспался, с трудом осознал, что попал в плен.

XXVII. Галлогреческая война

II.11. Галлогреция (Галатия) была также вовлечена в бедствия Сирийской войны ¹⁴⁹. (2) Трудно сказать, оказали ли галлогреки военную поддержку Антиоху или Манлий Вулсон, жаждавший триумфа, представил дело таким образом, будто оказали. (3) Однако римский народ победителю в триумфе отказал, считая повод для военных действий недостаточным. К слову сказать, галлогреки (как свидетельствует само имя) — народ смешанного, неясного происхождения, остатки галлов, опустошивших под предводительством Бренна Грецию и двинувшегося оттуда на восток, чтобы осесть в центральной части Азии ¹⁵⁰. (4) Подобно тому, как семена растений перерождаются с изменением почвы, также их естественная и врожденная дикость смягчилась мягким климатом Азии. (5) Они были разбиты и обращены в бегство в двух сражениях, хотя при появлении врагов оставили прежние места обитания и отступили к высочайшим горам (толистобоги ¹⁵¹ заняли Олимп ¹⁵²,

тectosаги — Магабу¹⁵³). Те и другие, преследуемые стрелами и камнями пращников, были принуждены к длительному миру. (6) Удивительным оказалось зрелище! Закованные кусали цепи и подставляли друг другу горло для удушения¹⁵⁴. Изнасилованная центурионом жена царя Оргиаконта удивительным образом ушла из-под стражи и принесла супругу отрубленную голову воина-насильника¹⁵⁵.

XXVIII. Вторая Македонская война

II.12. В то время как Сирийская война сокрушала один народ за другим, снова поднялась Македония. (2) Храбрый народ возбуждали воспоминания о былой славе. Наследником Филиппа стал его сын Персей, который, высоко ценя достоинство македонцев, не считал, что страна побеждена раз и навсегда¹⁵⁶. (3) При нем македонцы восстали яростнее, чем при отце. Они вовлекли в свои дела фракийцев, и таким образом рвение македонцев было уравновешено силами фракийцев, а неустранимость фракийцев — македонской дисциплиной. (4) Кроме того, Персей, исследовав с вершины Гема положение своих земель, разместил лагерь над пропастью. Этим он так защитил Македонию, что, казалось, не оставил врагам никакого прохода, разве лишь небо. (5) Однако при консуле Марции Филиппе¹⁵⁷ римский народ, вступив в эту провинцию и тщательно разведав подступы через Аскуридское болото и Перребские холмы¹⁵⁸, подошел к местам, непреодолимым, как казалось, даже для птиц, и внезапно обрушился на царя, не ожидавшего ничего дурного. (6) Смятение его было настолько велико, что он приказал бросить в море все деньги, чтобы они не достались Риму, и сжечь флот, чтобы его не уничтожили враги. (7) При консуле Павле¹⁵⁹ гарнизоны стали крупнее и были размещены более густо, но Македонию захватили иным путем — благодаря высокому искусству и рвению этого полководца. Угрожая в одном месте, он вторгся в другом. (8) Сам его приход так устрасил царя, что он не отважился вступить в бой и поручил ведение войны своим полководцам. (9) Будучи побежден в свое отсутствие, он бежал в море, на остров Самофракию, доверившись этой знаменитой святыне, будто храм и алтари могли защитить того, кого не спасли ни горы, ни оружие. (10) Никто из царей не сохранял дольше, чем он, сознания утраченного счастья. Когда он из храма, в котором нашел убежище, обратился с мольбой к римскому полководцу, то добавил к своему имени слово «царь». И никто не отнесся с большим уважением к утратившему величие противнику, чем Павел. (11) Врага, представшего перед его взором, он принял в своей

резиденции, пригласил к столу как гостя и предостерег детей, чтобы питали почтение к судьбе, могущество которой столь огромно. (12) Македонский триумф принадлежит к числу прекраснейших триумфов, которых когда-либо добивался и лицезрел римский народ. Зрелище заняло три дня. (13) В первый день везли статуи и картины, на следующий — оружие и деньги, в третий — пленников и самого царя остолбеневшего, словно все еще оглушенного внезапным несчастьем. (14) Однако римский народ изведаль радость победы задолго до донсения победителя. Ибо в тот самый день, когда в Македонии был побежден Персей, об этом стало известно в Риме, (15) потому что двое юношей на белоснежных конях смывали у Ютурнского озера ¹⁶⁰ пыль и кровь. Они и сообщили. Толпа поняла, что это Кастор и Поллукс (поскольку юноши были близнецами), что они принимали участие в войне, так как были покрыты кровью, что они пришли из Македонии и еще не отдышались.

XXIX. Вторая Иллирийская война

II.13. Влияние Македонской войны захватило и иллирийцев: царь Персей нанял их, чтобы беспокоить римлян с тыла. (1) Их мгновенно покорил претор Аниций ¹⁶¹. Хватало сил разрушить Скорду, столицу племени, но тут же последовала сдача. Эта война была окончена даже раньше, чем в Риме стало известно, что она ведется.

XXX. Третья Македонская война

II.14. По воле рока, словно между пунийцами и македонцами был уговор потерпеть поражение в третьей войне, и те и другие в одно и то же время взялись за оружие. (2) Но первым сбросил ярмо македонец, испытывавший презрение к себе и потому более ожесточенный. (3) Причина войны почти постыдна, так как царскую власть захватил Андриск, человек низкого происхождения, — неясно, свободный или раб, но явно подкупленный. Заодно он взял на себя и ведение войны. Поскольку в народе его называли Филиппом по сходству с Филиппом, сыном Персея, вдобавок к царскому имени он преисполнился царского вида и даже царского духа. (4) Римский народ пренебрег всем этим, довольствуясь посылкой претора Ювенция ¹⁶². Тот опрометчиво атаковал врага, сильного не только македонским, но и огромным вспомогательным войском фракийцев, и римский народ, не побежденный истинными царями, не устоял перед этим мнимым, инсценированным царем. (5) Консул Метелл ¹⁶³ полностью отомстил за претора, погибшего вместе с легионом: и

Македонию наказал рабством, и зачинщика войны, бежавшего во Фракию и выданного ее царьком, отвел в Рим в оковах. Судьба была снисходительна к Андриску в его несчастьях: римский народ справил из-за него триумф, словно он был настоящим царем.

XXXI. Третья Пуническая война

II.15. Третья Пуническая война и по времени незначительна — она была закончена за четыре года, и по сравнению с первыми стоила меньшего труда, ибо сражались не столько с воинами, сколько с самим городом. Но по исходу она, безусловно, оказалась величайшей, так как было наконец покончено с Карфагеном. (2) Однако же если разделить эту войну на периоды, то окажется, что в первый она началась, во второй достигла переломного момента, в третий была завершена. (3) Причина Третьей Пунической войны — в том, что вопреки условию договора карфагеняне подготовили флот и войско против нумидийцев. (4) Их царь Масинисса постоянно устраивал провокации на границах с Карфагеном, но к нему как к верному союзнику благоволили римляне. Всякий раз, когда решали вопрос о войне и даже когда совещались о чем-либо другом, Катон с непримиримой ненавистью провозглашал: «Карфаген должен быть разрушен». (5) В противовес ему Сципион Назика утверждал, что город должен быть сохранен, потому что с устранением страха перед городом-соперником счастье стало бы чрезмерным; сенат выбрал среднее: город нужно лишь сдвинуть с места. (6) Казалось, ничто не может быть великолепнее Карфагена, которого не надо бояться. (7) Итак, в консульство Манилия и Цензорина¹⁶⁴ римский народ, напав на Карфаген, на виду у всего города сжег флот, добровольно сданный ему в надежде на мир. (8) Затем создали первых лиц города и приказали им покинуть Карфаген, если они хотят остаться в живых. Эта жестокость вызвала такой гнев, что карфагеняне предпочли самое худшее. Раздался всенародный клич: «К оружию!» (9) Они приняли решение сопротивляться, и не потому, что уже не оставалось никакой надежды, но потому, что предпочли, чтобы родина была низвергнута руками врагов, а не их собственными. (10) Каково было воодушевление сопротивляющихся, можно представить по тому, что для нужд нового флота они разрушили кровли домов. В оружейных мастерских вместо меди и железа расплавлялось золото и серебро, для тетив метательных машин знатные женщины собрали свои волосы. Наконец, под командованием консула Манцина¹⁶⁵ началась осада. (11) Заперты гавани, остались без защитников первая, вторая и уже третья стена, но Бирса — таково было название крепости — сопротивлялась, словно второй город.

(12) И хотя город был почти разрушен, не обошлось без рокового для Африки имени Сципионов. Государство возложило полномочия по окончанию войны на другого Сципиона; его, рожденного Павлом Македонским, усыновил во славу своего рода сын великого Сципиона Африканского. Подумать только: по воле судьбы город, которому угрожал дед, был окончательно разрушен внуком! (13) Но подобно тому, как наиболее смертоносными оказываются укусы умирающих зверей, с полуразрушенным Карфагеном было больше хлопот, чем с невредимым. (14) Согнав врагов в одну крепость, римляне перегородили гавань со стороны моря. Осажденные вырыли себе другую гавань, с другой стороны города, но не для того, чтобы бежать: (15) уже никто не верил, что можно спастись; оттуда, словно внезапно родившись, вырвался флот. Как пламя из пепла потушенного пожара, днем и ночью пробивалась последняя сила, последняя надежда, последний отряд отчаявшихся людей. (16) Наконец, сочтя дело безнадежным, сразу сдалось 36 тысяч воинов под командованием — чему менее всего можно поверить — Гасдрубала! (17) Насколько храбрее оказалась женщина, супруга полководца! Схватив детей, она с кровли бросилась в пламя, подражая царице, основательнице Карфагена. О величии разрушенного города можно судить, не говоря уже о прочем, по продолжительности пожара. За семнадцать дней едва смог угаснуть огонь, который враги сами направили на свои дома и храмы: если не смог устоять против римлян город, должен был сгореть их триумф.

XXXII. Ахейская война

II.16. Тот век был, можно сказать, отмечен разрушением городов. За падением Карфагена последовала гибель столицы Ахайи, красоты Греции — Коринфа, расположенного, словно напоказ, между двух морей, Ионийского и Эгейского. Коринф был уничтожен — недостойное деяние! — до того, как причислен к нашим несомненным врагам. (2) Виновник войны Критолай, получив свободу от римлян, использовал ее против них самих и оскорбил римских послов, — (3) возможно, что и насилем, но — достоверно, что словами. Мстеллу, в то время наводившему порядок в Македонии, было поручено отмщение. И вот — Ахейская война. Консул Метелл сразу же рассеял отряд Критолая по бескрайним полям Элиды и вдоль Алфея. (4) Война была закончена в результате одного удара. И вот уже осада грозит самому Коринфу, но — о, человеческие судьбы! — сражался Метелл, а победу перехватил Муммий. (5) Он наголову разбил на Истмийском перешейке войско второго полководца, Диея, и окрасил кровью обе гавани. Тогда-то покинутый

жителями город был сначала разграблен, а затем разрушен по знаку трубы. (6) О, сколько статуй, сколько одеяний, сколько картин было похищено, сожжено и выброшено! Какие богатства захватили римляне! А сколько сожгли, можно судить по следующему: то, что теперь славится по всему миру как коринфская бронза, это, насколько нам известно, все, что уцелело от пожара. (7) Цсну бронзы подняло само насилие над богатейшим городом, ибо в результате пожара от смешения многочисленных статуй и изображений сплавилась потоки меди, золота и серебра.

XXXIII. Операции в Испании

II.17. Подобно тому как за Карфагеном следовал Коринф, так за Коринфом последовала Нуманция, и отныне на земле не осталось места, не затронутого войной. (2) После сожжения этих двух знаменитых городов война распространилась вширь и не постепенно, а сразу и повсеместно, словно ветры раздули пламя Карфагсна и Коринфа и оно объяло весь мир.

(3) У Испании никогда не было намерения ни восстать против нас сообща, ни попытаться собрать свои силы, ни добиться господства, ни всенародно встать на защиту своей свободы. Ее, отгороженную со всех сторон морями и Пиренеями, защищала от вторжения сама природа. (4) Но она была захвачена римлянами еще до того, как осознала это. Единственная из всех провинций она поняла свою мощь после того, как была побеждена. (5) Сражения происходили в ней почти двести лет — от первых Сципионов¹⁶⁶ до Цезаря Августа; они велись почти постоянно, без перерыва, в зависимости от обстоятельств, но сначала не с испанцами, а с пунийцами в Испании. Отсюда распространилось поветрие, и здесь причины войн.

(6) Впервые римские знамена пронесли через Пиренейскую горную цепь Публий и Гней Сципионы¹⁶⁷, разбившие в крупных сражениях братьев Ганнибала Ганнона и Гасдрубала. Испания была бы взята с ходу, если бы эти храбрейшие воины, победители на суше и на море, не пали от пунийского коварства в самый момент победы. (7) В результате Сципион, впоследствии Африканский, мстя за отца и дядю, вторгся как бы в новую, нетронутую область. Сразу же после захвата Карфагена и других городов он, не удовлетворившись изгнанием пунийцев, обложил Испанию податями, подчинил империи все народы по обе стороны реки Ибера и первым из римских полководцев донес победу до Гадеса и устьев Океана. Важнее удержать провинцию, чем завоевать. (8) И вот уже в разные концы посланы полководцы, которые с большим трудом, в кровавых сражениях заставили мужественные народы,

до того времени свободные и потому не терпящие ярма, подчиниться Риму. (9) Катон ¹⁶⁸, знаменитый цензор, в нескольких сражениях сломил кельтиберов, мощь Испании. Гракх, отец знаменитых Гракхов, наказал их разрушением 150 городов ¹⁶⁹. (10) Уже известный нам Метелл ¹⁷⁰, который успел заслужить почетное имя Македонского, по заслугам стал Кельтибрийским после незабываемого победоносного завоевания Контребии ¹⁷¹. Еще больше славы принесло ему то, что он пощадил Нертобригу ¹⁷². (11) Лукулл ¹⁷³ победил турдулов и ваккеев. В единственном сражении, инициатором которого был их царь, знаменитый Сципион Младший добыл почетный трофей. (12) Децим Брут действовал на более обширной территории кельтов, лузитан и всех народов Каллекии ¹⁷⁴ за страшной для воинов Рекой забвения ¹⁷⁵. С победой дойдя до побережья Океана, он с ужасом и священным трепетом увидел солнце, закатывающееся в море, огонь его, погруженный в воды, и только тогда повернул боевые знамена. (13) Но самыми трудными были сражения с лузитанами и нумантийцами. И недаром: ведь полководцы затрагивали земли народов Испании. Была бы беда и с остальными кельтиберами, если бы не погиб насильственной смертью в начале войны их вождь Олиндик, муж величайшей храбрости и отваги. (14) Выходя к народу, он потрясал серебряным копьем, якобы посланным с неба, и, изображая прорицателя, привлекал к себе всеобщее внимание. Но когда он, одержимый тем же безумием, явился ночью в лагерь консула, возле претория его пронзило копье стража. (15) Лузитан поднял на борьбу Вириат, человек ловкий и сметливый. Сначала охотник, потом разбойник, он неожиданно стал предводителем и полководцем и, если бы позволила судьба, был бы Ромулом Испании. Не ограничившись защитой свободы собственного народа, он в течение четырнадцати лет ¹⁷⁶ огнем и мечом опустошал ту и другую стороны (рек) Ибера и Тага, (16) напал даже на преторский лагерь и гарнизон, разбил Клавдия Унимана ¹⁷⁷, почти полностью уничтожив войско, и водрузил в своих горах трофей, украшенный нашими трабеями и фасциями. (17) В конце концов и его победил консул Фабий Максим ¹⁷⁸. Но победа была осквернена преемником Фабия Попилием ¹⁷⁹, напавшим на Вириата, когда тот был уже сломлен и обдумывал капитуляцию. Воспользовавшись интригами, засадами и услугами убийц из числа его близких, Попилий наградил Вириата славой, будто его нельзя было победить в честном бою.

XXXIV. Война с Нуманцией

II.18. Нуманция уступает Карфагену, Капуе и Коринфу богатством, но равна им доблестным именем и честью. По

справедливости говоря, она составляет наивысшую славу Испании. (2) В самом деле, не имея ни стен, ни башен, но будучи удобно расположена на холме у реки Дургий, она в течение одиннадцати лет четырьмя тысячами кельтиберов сдерживала сорокатысячное войско; и не только сдерживала, но и однажды жестоко повергла своих врагов и связала постыдными договорами; наконец, когда стало ясно, что Нуманция непобедима, она понадобилась тому, кто разрушил Карфаген.

(3) Нелегко признаться, но ни одна война не имела более несправедливой причины. Нумантийцы взяли сторону сегидинцев¹⁸⁰, своих союзников и родичей, выскользнувших из рук римлян. Заступничество за них не достигло цели. (4) Хотя нумантийцы не признавались в сопричастности к военным действиям, им как условие договора было приказано сложить оружие. Они восприняли это так, словно у них отрубили руки, и немедленно взялись за оружие под предводительством храбрейшего Мегаравика. Напав на Помпея¹⁸¹, они, однако, предпочли договор, хотя могли победить. Затем обрушились на Гостилия Манцина¹⁸² (5) и непрерывными засадами и нападениями настолько измотали его, что никто не мог выдержать даже взгляда и голоса нумантийца. (6) Однако и с ним предпочли заключить договор, ограничившись условием выдачи оружия, хотя могли бы добиться полного поражения. (7) Считая нумантийский договор не меньшим позором и стыдом для себя, чем в прежние времена каудинский, римский народ искупил бесчестье этого поражения выдачей Манцина врагам; (8) в конце концов под водительством Сципиона, сожжением Карфагена обученный разрушать города, римский народ распался даже для мщенья. (9) Но для этого Сципиону потребовалось более жестоко сражаться в лагерях с собственными воинами, чем на поле боя с нумантийцем. (10) Воины были очень утомлены постоянной несправедливой и рабской работой, но был отдан приказ возводить более высокую насыпь. Кто не владел оружием и не пожелал крови, тому было приказано пройти испытание грязью. Кроме того, были удалены продажные женщины, слуги, поклажа, кроме самой необходимой. (11) Верно сказано: каков полководец, таково и войско. После того как воинов вернули к повинению, завязалось сражение, и — чего никто никогда не надеялся увидеть — все увидели бегущих нумантийцев. (12) Они даже хотели сдаться, если бы были предложены условия, достойные мужей. Но так как Сципион¹⁸³ хотел настоящей, безоговорочной победы, они вынуждены были ринуться в смертный бой, но прежде насытились погребальными яствами из полусырого мяса и целии — так называют туземный напиток из хлеба. (13) Сципион понял: приготовившиеся умереть

не будут сражаться. Когда их, окруженных рвом, насыпью и четырьмя лагерями, стал мучить голод, они потребовали у своего полководца сражения, чтобы погибнуть как подобает воинам; когда же не добились этого, предпочли вылазку. (14) В рукопашной схватке многие были убиты. Остальные некоторое время оставались живы, хотя свирепствовал голод, и даже приняли решение спастись бегством. Но от этого их избавили жены, оборвав подпруги у лошадей: преступление из-за любви! (15) Оплакав свою гибель, они дошли до крайнего бешенства и неистовства, а в конце концов, при вожде Рекогене, окончательно погубили себя, своих близких, родину мечом, ядом, повсеместными поджогами. (16) Хвала храбрейшему и, по моему мнению, счастливейшему в самих несчастьях городу! Во исполнение клятвы он защитил союзников, долгое время малыми силами сдерживал войско, опиравшееся на силы всего мира. Будучи побежден в конце концов величайшим полководцем, город не доставил врагу никакой радости. (17) Не было ни одного нумантийского воина, которого повели бы в оковах ¹⁸⁴, никакой добычи, как от самых нищих, оружие сожгли сами нумантийцы. Для триумфа осталось только их имя.

II.19. До этого момента римский народ прекрасен, блистателен, благочестив, безупречен и великолепен. Конец периода велик, но в равной степени беспокоен и страшен, так как по мере роста империи в большей степени возрастали и пороки. (2) И если кто расчленил этот третий возраст заморских завоеваний, который мы определили в двести лет, то по справедливости надо будет признать, что первые сто ¹⁸⁵, за которые римский народ укротил Африку, Македонию, Сицилию, Испанию, — золотые, как и воспевают поэты. (3) Следующие сто — безусловно, железные и кровавые, и даже чудовищные: ведь они присоединили к югуртинским, кимврским, митридатovým, парфянским, пиратским войнам, а также к галльским и германским битвам, из-за которых слава достигла самого неба, гракханскую и друзианскую резню, а также рабские войны и, что еще позорнее, — гладиаторские. (4) И в завершение всего римский народ в лице Мариа и Суллы, а впоследствии Помпея и Цезаря словно в бешеном неистовстве растерзал — о святотатство! — самого себя. (5) Хотя все это слито воедино, мы изложим события порознь, чтобы было нагляднее и чтобы преступления не заглушались добродетелями. Прежде, как мы и начали, вспомним справедливые и священные войны с внешними народами, чтобы стало очевидно величие растущей день ото дня империи; потом вернемся к преступлениям граждан, к постыдным и нечестивым сражениям.

XXXV. Азиатская война

II.20. Победив на западе Испанию, римский народ установил мир на востоке. И не только мир! Благодаря неожиданному и неслыханному счастью в его руки попали по праву наследования сокровища царей и сами их владения. (2) Царь Пергама Аттал, сын царя Эвмена, давнего нашего союзника и соратника, оставил завещание следующего содержания: «Да будет римский народ наследником всего моего имущества. В царское имущество входит...». (3) В силу этого римский народ приобрел провинцию не во время войны силой оружия, а вступил в наследство; но трудно сказать, какой из этих способов приобретения был бы для него легче. (4) Аристоник, отважный юноша царской крови, безо всяких усилий поднял на борьбу некоторые города, привыкшие повиноваться царям, а другие, оказавшие ему сопротивление — Минд, Самос, Колофон, — взял силой¹⁸⁶. Он также разбил войско претора Красса¹⁸⁷ и взял в плен его самого. (5) Но тот, памятуя о славе своего рода и римском имени, ударом палки ослепил стража-варвара и таким образом обрек себя на смерть, чего и добивался. (6) Аристоник вскоре был победен Перперной¹⁸⁸, взят в плен и как пленник заключен в оковы. (7) Аквиллий¹⁸⁹ довел до конца Азиатскую войну и, чтобы вынудить к сдаче некоторые города, отравил — о позор! — ядом источники. Это ускорило победу, но и обеславило ее, ибо, действуя грязными средствами, вопреки праву, установленному богами и обычаями предков, он, бесспорно, опозорил римское оружие, тогда еще священное и незапятнанное.

XXXVI. Югуртинская война

III.1. Так было на востоке. Отнюдь не спокойнее было на юге. Кто бы мог подумать, что после Карфагена в Африке возникнет какая-либо война! (2) Однако основательно всколыхнулась Нумидия, а в ее царе Югурте было нечто такое, что могло вызвать страх и после Ганнибала. Изворотливый Югурта начал воздействовать на римский народ, непобедимый на поле боя, своими богатствами. Судьба же решила, хотя ни у кого не было надежды на это, чтобы царь, изошренный в обмане, обманом и был пленен. (3) Внук Масиниссы и приемный сын Маципсы, он, охваченный страстью к царскому престолу, решил убить своих братьев. Так как он боялся их не менее, чем сената и римского народа, под покровительством и в зависимости от которых находилась Нумидия, то совершил первое преступление с помощью интриг. (4) Погубив Гиempсала, он устремился на Адгербала, бежавшего в Рим, и отправил через послов деньги, чтобы склонить на свою сторону сенат. (5) И это

была его первая победа над нами. Затем он так же поступил и с послами, которым поручили разделить царство между ним и Адгербалом. И наконец, в лице Скавра¹⁹⁰ он одолел сами нравы Римской империи, дерзостно завершив задуманное святотатство. Но преступления недолго остаются скрытыми. (6) Незаконные действия подкупленного посольства обнаружались, и убийцу родичей решили преследовать войной. (7) Первым в Нумидию направился консул Кальпурний Бестия¹⁹¹, но царь, убедившись на опыте, что против римлян золото надежнее меча, купил мир. (8) Сенат вызвал его как обвиняемого в этом преступлении, дав ему гарантии безопасности. Югурта продемонстрировал дерзость как фактом своего прибытия, так и тем, что, подослав убийцу, ликвидировал Массиву, конкурента на престол. (9) Это была дополнительная причина войны против него. На этот раз мщение возложили на Альбина¹⁹². К нашему стыду, его брат¹⁹³ настолько развратил войско, что нумидиец победил и овладел лагерем в результате бегства римских воинов. И вот — как плата за их спасение — позорный договор, по которому Югурта распустил войска, которые прежде подкупил. (10) Наконец, месть — не столько за империю, сколько за честь римского народа — взял на себя Метелл¹⁹⁴, который очень ловко напал на врага, увертывавшегося и мольбами, и угрозами, и бегством, то притворным, то настоящим. (11) Не удовлетворившись опустошением полей и сел, Метелл обрушился на столицу Нумидии. Он напал на Заму (и напрасно), разграбил Фалу¹⁹⁵, богатую оружием и царскими сокровищами. (12) Затем стал преследовать царя, лишенного городов, бегущего из своих пределов и от престола через [землю] мавров и Гетулию. (13) В конце концов на Югурту напал Марий. В соответствии с неясностью своего происхождения он привел к воинской присяге неимущих и тем самым значительно увеличил численность своих войск. Хотя силы царя уже были рассеяны, а сам он ранен, победа далась Марию не легче, чем если бы тот был цел и невредим. (14) Кроме того, Марий удивительно удачно захватил основанный Геркулесом в центре Африки город Капсу¹⁹⁶, защищенный жаждой, змеями и песками; при помощи некоего лигурийца он проник по обрывистому, непроходимому ущелью в Молуху¹⁹⁷, город у подножия скалистой горы, (15) и вскоре у города Цирты нанес тяжелое поражение Югурте, (16) а затем и Бокху, царю Мавритании, вступившему за нумидийцев как единокровных. (17) Последний, отчаявшись, откупился Югуртой за мир и дружбу с римлянами. Так коварнейший из царей, завлеченный в засаду коварством своего тестя, был передан в руки Суллы. Наконец-то римский народ во время триумфа Мария увидел Югурту в оковах. (18) Но и он, правда, побежденный и закованный, узрел город, о

котором лживо предрекал, будто тот, продажный, не устоит, если отыщется покупатель. Поскольку Рим уже имел покупателя, но ускользнул от него, стало ясно, что он устоит.

XXXVII. Война с аллоброгами

III.2. Таков римский народ на юге. Более жестоко и различными путями идущего с севера ...¹⁹⁸. (2) Нет ничего суровее северных широт. Жесток климат, а в равной степени и нравы народов. И вот с севера на нас со всех сторон устремился необузданный враг: справа, слева и в центре.

(3) За Альпами наши удары первыми ощутили саллувии, на которых пожаловалась Массилия, вернейший и дружественный город; (4) затем аллоброги и арверны¹⁹⁹, против которых сходными с Массилией жалобами потребовали нашей помощи и поддержки эдуи; свидетели обеих побед — реки Исара и Винделик и неутомимейший из потоков Родан. (5) Страшную панику вызвали у варваров слоны²⁰⁰, не уступавшие им в свирепости. Во время триумфа самым заметным был царь Битуит²⁰¹ в том виде, как он сражался, — с разукрашенным оружием и на серебряной двуколке. (6) Как велика была радость по поводу обеих побед, можно судить по тому, что Домиций Агенобарб²⁰² и Фабий Максим²⁰³ воздвигли в местах сражений каменные башни, а сверху прикрепили трофеи, украшенные вражеским оружием, — тогда этот обычай не был у нас принят. Римский народ никогда не ставил свои победы в упрек покоренным врагам²⁰⁴.

XXXVIII. Война с кимврами, тевтонами, тигуринами

III.3. Кимвры, тевтоны и тигурины, изгнанные из прибрежных частей Галлии Океаном, затопившим их земли, (2) искали новые обиталища по всему свету. Будучи изгнаны из Галлии и Испании, они двинулись в Италию и отправили послов в лагерь Силана²⁰⁵, а оттуда в сенат с просьбой, чтобы народ Марса дал сколько-нибудь земли, как бы в качестве жалованья. За это-де он может по своему усмотрению пользоваться их силой и оружием. (3) Но какие земли мог дать римский народ, внутри которого шли распри из-за земли? Они были прогнаны и решили добиться оружием того, что не могли получить просьбами. (4) Не удалось отразить ни первый натиск варваров — Силану, ни второй — Манилию²⁰⁶, ни третий — Цепиону²⁰⁷. Все они были обращены в бегство и потеряли свои лагеря. (5) Риму пришел бы конец, если бы на долю этого века не выпал Марий. Однако и он не решился выступить сразу и держал воинов в лагере, пока не ослабли неодолимое бешенство и

неукротимость варваров, заменяющие им храбрость. (6) Они быстро продвигались вперед, и столь велика была их надежда на взятие Рима, что даже спрашивали, не хотят ли римляне передать что-нибудь своим женам. Столь же скоропалительным, как угрозы, было движение их войска тремя колоннами к Альпам, цитадели Италии. (7) Тогда Марий, избрав кратчайший путь, с поразительной быстротой опередил неприятеля. Сначала он достиг тевтонов и с помощью богов разбил их у подножия Альп в местности, которую называют Аквы Секстиевы²⁰⁸. (8) Долину по обе стороны реки занимали враги. У наших не было никаких запасов воды. Трудно сказать, предусмотрел ли полководец это заранее или же выдал свою оплошность за военный план, но бесспорно, что причиной победы оказалась вынужденная храбрость. (9) Он обратился к жаждущему войску: «Если вы мужчины, то напьюсь воды». Битва была такой жаркой, врагам было устроено такое побоище, что победитель-римлянин выпил из побагровевшей реки не меньше варварской крови, чем воды. (10) Сам царь Тевтобад, имевший обыкновение менять от четырех до шести коней, на этот раз едва отыскал одного, чтобы спастись бегством. Захваченный в ближайшем лесу, он украсил собой триумфальное зрелище: будучи человеком гигантского роста, возвышался над другими трофеями.

(11) Полностью истребив тевтонов, обратились против кимвров. Зимой, когда Альпы становятся еще неприступнее, кимвры — кто может в это поверить? — как лавина обрушились с Тридентинских высот. (12) Реке Атесису²⁰⁹ они противопоставили не мосты и лодки, а, по варварской глупости, свои тела, но после тщетной попытки удержать реку руками и щитами запрудили ее деревьями и так переправились. (13) Опасность была бы очень велика, если бы они двинулись к Риму сразу. Но в Венеции с ее самым мягким в Италии климатом их грубость усыпило милосердие самой земли и неба. Когда же их совершенно изнежили печеный хлеб, вареное мясо и сладость вина, пришел Марий. (14) Они явились к нему сами — ведь варвары не знают страха — и потребовали, чтобы полководец назначил день сражения. Он указал следующий день. Армии столкнулись на широкой равнине, которую называют Равдинскими полями²¹⁰. С одной стороны пало шестьдесят тысяч, с другой — менее трехсот человек²¹¹. Весь день истребляли варваров. (15) Тут полководец добавил к военной доблести хитрость, следуя Ганнибалу и искусству Канн. Он намеренно избрал для сражения туманный и ветреный день, чтобы враги были застигнуты врасплох и чтобы пыль несло им в глаза; кроме того, он обратил строй на восток, поскольку ранее вызнал у пленников, что от блеска бронзовых шлемов само небо кажется пылающим. (16) Битва с женами варваров

была не менее жестокой, чем с ними самими. Они бились топорами и пиками, поставив телеги в круг и взобравшись на них. (17) Их смерть была так же впечатляющая, как и само сражение. Когда отправленное к Марию посольство не добилось для них свободы и неприкосновенности,— не было такого обычая,— они задушили своих детей или разорвали их на куски, сами же, нанеся друг другу раны и сделав петли из своих же волос, повесились на деревьях или на оглоблях повозок. (18) Царь Байорикс пал, храбро сражаясь в первых рядах, и не остался неотмщенным.

Третий корпус из тигуринов, занявший кручи Альп как бы на подступах к Норику, рассеялся в разных направлениях, предавшись позорному бегству и грабежу. (19) Радостная весть о счастливом избавлении Италии и спасении государства от них была сообщена римскому народу не как обычно — людьми, а, если верить молве, самими богами: (20) в тот же день, когда произошла битва, видели перед храмом Поллукса и Кастора — юношей, вручающих победные послания ²¹² претору, а в театре много раз слышался голос: «Да славится победа над кимврами!» ²¹³ (21) Что может быть удивительнее и знаменательнее этого! Словно поднявшись над своими холмами, Рим был поглощен зрелищем войны, и в тот момент, когда кимвры гибли на поле боя, народ аплодировал в столице, как во время состязания гладиаторов.

XXXIX. Фракийская война

III.4. После Македонии — такова была воля богов — против нас восстали фракийцы, до этого данники македонян, и, не ограничившись вторжением в ближайшие провинции, Фессалию и Далмацию, распространились до Адриатического моря. Задержанные им, словно вмешательством природы, они бросили свои дротики в сго воды. (2) И не было в то время ничего более жестокого, чем их обращение с пленниками: они совершали возлияния богам человеческой кровью, пили из человеческих черепов и делали для себя забаву из смерти пленников, сжигая их и удушая дымом; а также пытками исторгали плоды из чрева беременных матерей. (3) Наиболее жестокими из фракийцев были скордиски ²¹⁴, и хитрость их не уступала силе. (4) Такой характер породила жизнь в лесах и на горах. Армия, которую вел Катон ²¹⁵, была не только рассеяна и обращена в бегство, но, что подобно чуду, полностью уничтожена. (5) Дидий ²¹⁶ вытеснил их (фракийцев), разбредшихся во время грабежей, во Фракию. Друз ²¹⁷ добился большего и запретил переходить Дунай. Минуций ²¹⁸ опустошил весь Гебр, однако отпустил многих, пока несокрепший лед выдерживал тяжесть коней.

Вулсон²¹⁹ проник на Родопы и Кавказ²²⁰. Курион²²¹ дошел до Дакии, но испугался ее дремучих лесов. Аппий²²² прошел до сарматов, Лукулл²²³ — до Танаиса и Меотийского озера — границы народов²²⁴. (7) Эти свирепейшие из врагов могли быть усмирены не иначе, как их же обычаями. И хотя жестоко применять против пленников огонь и железо, однако не было ничего страшнее для варваров, чем перенести наказание и остаться жить с отрубленными руками.

XL. Война с Митридатом

III. 5. Понтийские народы размещаются слева по отношению к северу и получили свое название от Понтийского моря. Древнейшим царем этих народов и местностей был Айет²²⁵, затем Артабаз, происходивший от одного из семи персов²²⁶, потом Митридат, превосходивший величием их всех. (2) Ведь для войны с Пирром было достаточно четырех лет, с Ганнибалом — тринадцати, Митридат же сопротивлялся сорок лет, пока не был сломлен в трех величайших войнах счастьем Суллы, храбростью Лукулла, величием Помпея. (3) В качестве причины этой войны он выставил легату Кассию²²⁷ нарушение своих границ вифинским царем Никомедом²²⁸. Но на деле, обуреваемый грандиозными замыслами, он жаждал овладеть Азией, а если удастся, то и Европой. (4) Надежду и уверенность внушили ему наши пороки. Непосредственным же поводом было то, что нас раздирали гражданские войны. Марий, Сулла, Серторий выявили незащищенную сторону империи²²⁹. (5) Когда раненое государство находилось в полном смятении, на утомленных и истерзанных граждан, словно улучив момент, от крайних дозорных башен ссевера внезапно обрушился нежданный вихрь Понтийской войны.

(6) Вифиния была сломлена первым же военным натиском. Тогда же была устрашена Азия, и тотчас же подвластные нам города и народы перешли к царю. (7) Он приближался, он угрожал, подменяя жестокостью военную доблесть. Что может быть возмутительнее одного из его распоряжений, когда он приказал уничтожить всех римских граждан, находившихся в Азии! Тогда были преданы поруганию все людские и божеские законы, частные жилища, храмы и алтари. (8) Но этот террор по отношению к Азии делал доступной для царя и Европу. В результате Архелаю и Неоптолему, назначенным [царем] префектами, подчинились Киклады, за исключением Родоса, крепко стоящего за нас, а также Делос, Эвбея и даже Афины, краса всей Греции. (9) И уже вся Италия и город Рим были охвачены страхом перед царем. Наконец, поспешил [выступить] наилучший военачальник Л. Сулла²³⁰ и, действуя с

такой же беспощадностью, как бы одной рукой опрокинул обрушившегося на нас злейшего врага, (10) Город Афины, мать злаков ²³¹ (кто поверит!), он осадой и голодом заставил есть человечину. После этого был разрушен порт Пирей, опоясанный шестью или более стенами. Однако, усмирив неблагодарнейших людей, Сулла, по его собственным словам, пощадил их святыни в честь предков и ради былой славы. (11) Изгнав гарнизоны царя из Эвбеи и Беотии, рассеял все его силы в сражении у Херонеи, затем в сражении у Орхомена и, тотчас же перебравшись в Азию, одолел его самого. Война пришла бы к концу, если бы Сулла не предпочел поспешный триумф истинному. (12) С понтийцами был заключен договор ²³². Вифиния перешла от Митридата к Никомеду ²³³, Каппадокия — к Ариобарзану ²³⁴. Азия стала нашей, как прежде. Но Митридат был только отогнан. Это не сломило, а воспламенило понтийцев. (13) Царь, разбитый в Азии и Европе, требовал теперь уже не чужого, но как бы принадлежавшего ему по праву войны. (14) И подобно тому, как ярче разгорается пламя в небрежно затушенном очаге, Митридат с большим войском и силами своего царства вновь вторгся в Азию по морю, суше и рекам.

(15) Город Кизик, славный своей цитаделью, стенами, гаванью, мраморными башнями, был украшением азиатского берега. На него, словно на второй Рим, царь обрушился со всей военной мощью ²³⁵. (16) Готовность к сопротивлению вызвал у граждан гонец, который принес известие о прибытии Лукулла ²³⁶. Благодаря исключительной ловкости, он — страшно сказать! — проплыл на надутом мехе среди вражеских кораблей, а затем прошел часть пути пешком, показавшись тем, кто его увидел, подобием морского животного. (17) Все это обернулось для царя поражением: из-за длительности осады его воинов замучил голод и, как следствие, повальная болезнь. Когда же он отступил, Лукулл последовал за ним и так разгромил его, что реки Граник и Эзеп ²³⁷ переполнились кровью. (18) Хитрый царь, зная о римской жадности, приказал беглецам разбросать золото и деньги, чтобы задержать преследователей ²³⁸. Бегство морем не было более удачным, чем по суше. Буря в Понте разбила в щепки более ста кораблей, нагруженных военными припасами, уничтожив их, словно в морском сражении (19), так что и впрямь казалось, будто Лукулл, заключив своего рода союз с волнами и бурей, наслал на царя убийственный ветер. (20) Теперь были истощены все силы могущественного царства. Но дух Митридата возвеличился бедами. (21) Обратившись к соседним народам, он в конце концов вовлек в свое падение почти весь Восток и Север. Взялись за оружие иберы, каспии ²³⁹, албаны, обе Армении ²⁴⁰. И посредством всего этого фортуна добилась почетного положения, имени и славных

подвигов для самого Помпея. (22) Он, видя, что Азия потрясена новыми мятежами и что один за другим поднимаются цари, решил, что не следует медлить. Прежде чем народы успели объединиться, он навел через Евфрат мост из кораблей и раньше всех переправился через реку²⁴¹. Столкнувшись с царем, бегущим в глубь Армении, он разбил его в единственном сражении²⁴² — таково счастье этого мужа! (23) Сражение произошло ночью, в нем участвовала Луна. Словно сражаясь на стороне Помпея, богиня расположилась за спинами его воинов и вытянула римский строй, так что понтийцы приняли за врагов удлинившиеся тени. (24) В такую ночь был разбит Митридат. И больше ему ничто не помогло, хотя он и делал все возможное, подобно змее, которая угрожает хвостом, когда у нее отрублена голова. (25) Бежав от врага к колхам, он решил присоединить Боспор, пройти через Фракию, Македонию и Грецию и таким образом неожиданно вторгнуться в Италию. (26) Эти планы царя опередила измена граждан и преступление сына Фарнака. И Митридат пронзил себя мечом, поскольку не подействовал яд.

(27) Между тем Гней (Помпей) Магн, преследуя остатки мятежной Азии, метался среди различных народов и стран. Следуя за армянами на восток, он овладел их столицей Артаксатой и приказал царствовать припавшему к его ногам Тиграну. (28) На севере, следуя путем скифов, словно в море по звездам, он разбил колхов, простил Иберию, пощадил албанов. Поставив лагерь под самым Кавказом, он приказал царю колхов Орхозу спуститься в равнины, а Артоку, что правил иберами, выдать заложниками детей. Орода же одарил сам, так как тот прислал ему из Албании золотое ложе и другие подарки. (29) Далее, поведя войско на юг, он прошел сирийский Ливан и Дамаск и пронес римские знамена через знаменитые благовонные рощи, через заросли фимиама и бальзама. (30) Арабы были готовы ко всему, что бы он ни приказал. Иудеи попытались защищать Иерусалим. Но он вступил и туда и увидел зияющий тайник нечестивого народа, золотую лозу под покровом²⁴³. Сделавшись арбитром между двумя братьями, спорящими из-за царской власти, он приказал царствовать Гиркану, Аристубула же, пытавшегося восстановить свою власть, бросил в тюрьму. (31) Так под предводительством Помпея римский народ проник до крайних пределов Азии, а ту Азию, которой уже владел в качестве пограничной провинции империи, сделал срединной. За исключением парфян, склонившихся к договору, и индов, которые тогда еще нас не знали, мы владели всей Азией, простиравшейся между Красным морем, Каспием и Океаном, покоренной и подавленной знаменами Помпея.

XLI. Пиратская война

III. 6. В то время, как римский народ разрывался между битвами в разных землях, киликийцы запленили моря и заперли их войной, подобно буре, ослабив торговлю, нарушив соглашения между народами. (2) Бесчестным и свирепым разбойникам придала дерзости Азия, беспокойная из-за битв с Митридатом; под шумок чужой войны, под прикрытием ненависти к чужеземному царю они бесчинствовали безнаказанно. (3) Сначала, при вожаке Исидорс, они довольствовались разбоем на ближайшем море, расположенном между Критом, Киреной, Ахайей и пучиной Малей²⁴⁴, которое из-за награбленной добычи сами называли Золотым. (4) Посланному сюда Публию Сервилию²⁴⁵ удалось рассеять их легкие и быстрые миопароны с помощью тяжелого военного флота, но победа над ними не была бескровной. (5) Не удовлетворившись тем, что оттеснил киликийцев с моря, он захватил их могущественные города, разбогатевшие от непрерывной добычи: Фаселис²⁴⁶, Олимп²⁴⁷ и Исаврию, цитадель всей Киликии²⁴⁸, и как признание своих великих трудов получил прозвище Исаврийский. (6) Однако они не настолько были усмирены этими поражениями, чтобы удовлетвориться жизнью на суше, и подобно животным, чья двойственная натура позволяет жить и в воде, и на суше, вернулись после ухода врага в свои воды и стали устрашать неожиданными набегами берега Сицилии и нашу Кампанию на более обширном пространстве, чем раньше. Оказалось, что киликийцы достойны Помпеевой победы, и война с ними стала приложением к войне с Митридатом. Помпей, желая раз и навсегда истребить распространившуюся по всем морям заразу, выступил со сверхчеловеческими силами. (8) Поскольку он обладал в избытке как собственными кораблями, так и кораблями союзников-родосцев, он с помощью своих многочисленных легатов и командиров перекрыл вход как в Понт, так и в Океан. (9) Геллий²⁴⁹ был поставлен в Тирренском море, Плоций²⁵⁰ — в Сицилийском, Атилий²⁵¹ занял Лигурийский залив, Торкват²⁵² — Балеарский, Тиберий Нерон²⁵³ — Гадитанский пролив, который первым открывает вход в наше море, Лентул Марцеллин²⁵⁴ — Ливийское море, сыновья Помпея — Адриатическое, Теренций Варрон²⁵⁵ — Эгейское и Понтийское²⁵⁶, Метелл²⁵⁷ — Памфилийское, Цепион²⁵⁸ — Азиатское, а Порций Катон²⁵⁹ своими кораблями закрыл вход в устье Пропонтиды. (11) Так что в какой бы гавани, заливе, проливе, на мысе или на полуострове ни находились пираты, они оказались как бы пойманными в сеть. (12) Сам Помпей отправился в Киликию, к причине и истокам войны. Враги не отказывались от боя. (13) Выяснилось, что их смелость была вызвана не уверенностью в себе,

а тем, что они попали в тиски. Они не были способны к чему-либо большему, чем встретить первый удар. Едва увидев себя окруженными со всех сторон нашими рострами, они побросали оружие, весла и всеобщим хлопаньем в ладоши стали молить о пощаде. (14) Ни одна победа не стоила нам так мало крови, а результатом было приобретение преданнейшего народа. (15) Это предусмотрел мудрый полководец, который оторвал морской народ от моря, привязал его к внутренним полям, вернул земле ее людей и одновременно освободил море для кораблей. Чему больше подивиться в этой победе? Быстроте (она одержана на сороковой день)? Или благополучному исходу (не был потерян ни один корабль)? Или последствиям (пиратов больше не стало)?

XLII. Критская война

III. 7. Критскую войну, если говорить начистоту, возбудила лишь страсть победить знаменитый остров. Казалось, что он поддерживает Митридата; за это решили отомстить оружием. (2) Марк Антоний²⁶⁰, первым вторгшийся на остров, был так уверен в победе, что вз на кораблях больше оков для пленных, чем оружия. (3) И поплатился за свою опрометчивость, ибо враг перехватил много кораблей. Критяне привязали тела пленников к парусам и якорным канатам и на манер триумфаторов полным ходом вернулись в свои гавани. (4) Затем Метелл²⁶¹ огнем и мечом опустошил весь остров и загнал население в города и крепости Кносс, Елсвфсрну и Кидонию, «мать городов», как обычно ее называют греки. (5) К пленным проявили такую жестокость, что многие приняли яд. Остальные известили Помпея о решении сдаться. (6) Помпей, занятый азиатскими делами, послал на Крит Антония²⁶² как претекста в чужую провинцию и ничего не добился. Метелл с еще большей жестокостью применил к врагам право победителя и одолел главарей Кидонии Ласфена и Панара. Возвратившись с победой, он получил почетное имя Критский.

XLIII. Балеарская война

III. 8. Семейство Метелла Македонского привыкло присваивать воинские прозвища. Один из его сыновей уже стал Критским, и недалеко было до того, чтобы другого назвали Балеарским²⁶³. (2) Обитатели Балеарских островов в то время тревожили море набегами. Можно было только удивляться, что эти дикари, живущие в лесах, еще осмеливаются взирать на море со своих утесов. (3) А они даже взобрались на грубо сколоченные барки и время от времени пугали тех, кто проплывал мимо, неожиданными нападениями. (4) Увидев

римский флот, идущий из открытого моря, они в надежде на добычу решили напасть и обрушили на корабли мощный град камней. Каждый сражался тремя пращами. (5) Неудивительно, что их броски очень точны: ведь праща — единственное оружие племени, единственная наука с младенчества. Мальчик не получит от матери кормежки, если не попадет в кого-нибудь под ее наблюдением. Но недолго балеарцы устрашали римлян каменным дождем. (6) После того как сошлись [с римлянами] в ближнем бою и извели силу римских ростр и вонзающихся пилумов, они с воплем, словно животные, побежали к берегу и отступили на соседние холмы. И чтобы победить, их нужно было отыскать.

XLIV. Экспедиция на Кипр

III. 9. Завершались судьбы островов. Вот и Кипр захвачен без боя. (2) Островом, со времен предков изобильным и богатым, потому посвященным Венере, правил Птолемей²⁶⁴. (3) И столь внушительна была молва о богатствах — и не ложная, — что народ — победитель народов, обычно возвращавший царства побежденным правителям, поручил народному трибуну П. Клодию²⁶⁵ произвести конфискацию у союзного и еще живого царя. (4) Последний при слухах об этом предупредил судьбу ядом. Как бы то ни было, Порций Катон²⁶⁶ доставил кипрские богатства на либурнах через устье Тиберины. Это пополнило эрарий римского народа значительнее, чем какой-либо триумф.

XLV. Галльская война

III. 10. После того, как Азия была укрощена Помпеем, фортуна возложила на Цезаря то, что еще оставалось в Европе. (2) Остались же самые свирепые народы: галлы, германцы и как бы отделенные от всего мира британцы. Несмотря на это, и их тоже пробовали завоевать.

Начало войнам в Галлии положили гельветы, обитавшие между Роданом и Реном. Недовольные своей землей, они сожгли города и, поклявшись, что не вернутся назад, прибыли к Цезарю просить место для поселения. (3) Но Цезарь, потребовав время на размышление, использовал эту задержку для разрушения моста через Родан. Так он предотвратил их бегство и возвратил воинственный народ на прежнее место, подобно тому как пастух возвращает стадо в стойло. (4) Последовавшая за этим битва с белгами была особенно кровопролитной, поскольку они сражались за свою свободу. Хотя в ней отличились многие воины, наиболее выдающимся был подвиг самого командующего. Когда войско дрогнуло, он, выхватив щит у одного из бегущих, устремился в

первые ряды и своей храбростью возобновил схватку. (5) Затем началась морская война с венетами. Но она велась скорее с Океаном, чем с их кораблями,— грубыми, бесформенными, терпевшими крушение, едва к ним прикасались ростры. Сражение происходило на мелководье; начался отлив, и создалось впечатление, что сам Океан принял участие в битве. (6) Военные действия проходили по-разному в зависимости от характера народа и местности. Изворотливые аквитаны прятались в пещерах, Цезарь приказал их замуровать, морины — в лесах, приказал их поджечь. Никто не предполагал, что галлы окажутся столь дерзкими. Они действовали хитростью. (7) Царь Индутиомар возбудил треверов, Амбиориг — збуронов. В отсутствие Цезаря эти два племени соединились и напали на его легатов. (8) Индутиомар был энергично оттеснен Долабеллой²⁶⁷, и трофеем послужила голова царя. Амбиориг устроил засаду в долине. Вследствие этого был разграблен наш лагерь, и мы потеряли легатов Аурункулея Котту и Титурия Сабина²⁶⁸. Царя не постигло немедленное отмщение: он спасся бегством за Рен.

(9) Рен недолго оставался неприкосновенным. Не в нашем обычае оставлять на свободе укрывателя и защитника врагов. (10) Первое сражение с германцами произошло по законнейшему поводу: эдуй жаловались на их набеги. (11) И сколь велика оказалась надменность Ариовиста! Когда послы сказали ему: «Иди к Цезарю!», он отвечал: «Кто такой Цезарь? Пусть явится сам, если хочет». И еще: «Какое ему дело, как поступает наша Германия? Разве я вмешиваюсь в дела римлян?» (12) Поэтому в лагерях возник такой страх перед новым народом, что повсюду, даже в ставке командующего, начали писать завещания. Но чем огромное были тела германцев, тем легче было достать их мечом и дротиком. (13) Невозможно передать, с каким жаром сражались воины: когда варвары, вскинув над головою щиты, закрывались «черепашкой», римляне прыгали на нее и вонзали мечи им в шею. (14) В другой раз на германцев пожаловались тенктеры. Тут уж Цезарь, находившийся по ту сторону Мозеллы, переправился через Рен по понтонному мосту и стал искать врага в Герцинских горных лесах. Все племя, однако, разбежалось по лесам и болотам: такой страх вызвало внезапное появление римлян за Реном.

(15) Цезарь переправился через Рен еще раз, снова соорудив мост. Смятение было еще большим. Ибо когда германцы увидели свой Рен, усмиренный мостом, словно ярмом, они бежали обратно в леса и болота, и, что горше всего оказалось для Цезаря, некого было побеждать.

(16) Одолев все народы на море и на суше, Цезарь обратил взор на Оксан и, словно римлянам недостаточно было одного круга

земель, стал думать о другом. Подготовив флот, он с удивительной быстротой переправился в Британию: ²⁶⁹ отплыв из гавани моринов в третью стражу, он до полудня высадился на острове. (17) Враги наполнили берега шумом, в панике метались их колесницы. Такое смятение облегчило римлянам победу. Цезарь получил от объятых страхом врагов оружие и заложников и двинулся бы дальше, если бы Океан не укротил дерзкий флот кораблекрушением. (18) Вернувшись в Галлию, он увеличил численность войска и флот, а затем обрушился на тот же самый Океан и на тех же британцев. Последовав в Каледонские леса, он бросил в темницу одного из царей — Кассивеллауна ²⁷⁰. (19) Удовлетворившись этим, ибо ему нужна была не провинция, а почетное имя, он вернулся с большей, чем обычно, добычей. И Океан стал спокойнее и милостивее, словно бы поняв, что не может равняться с Цезарем.

(20) Но самым значительным был последний заговор Галлий, в который Верцингеториг втянул все племена: арвернов и битуригов, корнутов и секванов. (21) Его облик и сила духа, его оружие внушали ужас; его имя было словно создано для страха. В праздничные дни, когда священные рощи были полны людей, он мужественными словами поднял их на борьбу за свободу ²⁷¹. (22) Цезарь, находясь тогда в Равенне, набирал войска; Альпы за зиму обледенели, поэтому дорога считалась закрытой. Но, получив известие о действиях Верцингеторига, он со счастливой поспешностью прорвался через непроходимые к тому времени вершины гор по недоступным дорогам и снегам, прошел через всю Галлию с легко вооруженным отрядом, стянул в лагерь войска с отдаленных зимних квартир и появился в центре Галлии прежде, чем его приход устранил окраины. (23) Напав на города — зачинщики войны, он уничтожил в Аварике 40 тысяч сражающихся и предал огню Алезию, возлагавшую надежды на 250 тысяч молодых воинов. (24) Война обрушилась всей тяжестью на Герговию, город арвернов. Могущественнейшую общину обороняли 80 тысяч человек, защищали стены, крепость и обрывистые берега. (25) Цезарь усмирил врагов насыпью, сваями, рвом, отведением реки с помощью каналов, а также восемнадцатью оборонительными сооружениями, огромным бруствером и в первую очередь голодом. Наконец, он перебил на валу и лагерных укреплениях тех, кто дерзнул на вылазку и сразу же принудил противника к сдаче. (26) Сам царь, величайшее украшение победы Цезаря, придя в лагерь просить милосердия, передал Цезарю коня, фалеры и свое собственное оружие со словами: «Держи! Храбрый победил храброго!»

XLVI. Парфянская война

III. 11. В то время как Цезарь покорял галлов на севере, парфяне нанесли римскому народу тяжкую рану на востоке. Мы не можем сетовать на судьбу. Нет утешения в несчастье. Отвернулись и боги и люди: вождение консула Красса,— а он жаждал парфянского золота,— был наказан разгромом одиннадцати легионов и его собственной гибелью²⁷². (3) Народный трибун Метелл зловещими предсказаниями обрек на гибель отправлявшегося в поход полководца. При переправе войска через Зевгму²⁷³ Евфрат неожиданным водоворотом поглотил сорванные знамена. (4) Когда Красс расположился лагерем у Никефория, послы, отправленные царем Ородом²⁷⁴, предупредили, чтобы он помнил о договорах, заключенных с Помпеем и Суллой. (5) Красс же, алчущий царских богатств, не позаботился даже о видимости законности, но сказал, что даст ответ в Селевкии. (6) Боги, блюстители договоров, не помешали ни интригам, ни доблести врагов. Красс сразу же оставил Евфрат, который один мог служить и для подвоза припасов, и для защиты с тыла, и доверился некоему сирийцу Мадзаре, притворившемуся перебежчиком. (7) Войско, выведенное полководцем в глубь пустынных равнин, оказалось со всех сторон открытым врагу. (8) Едва Красс прибыл в Карры, царские военачальники Силак и Сурсна, обрушившись отовсюду, показали украшенные золотом и трепещущие шелком знамена. Римлян окружила конница, осыпавшая их градом дротиков. Такова была жалкая участь разгромленного войска. (9) Сам командующий, приглашенный для беседы, попал бы в руки врагов живым, к чему они и стремились, если бы варвары, натолкнувшись на сопротивление трибунов, не прервали его бегство мечом. (10) На сына полководца обрушили копья почти на виду у отца. Остатки злополучного войска, разбросанные по Армении, Киликии, Сирии, едва смогли известить о своем поражении. Голова полководца, отрубленная вместе с правой рукой, была доставлена царю и послужила предметом надругательства. И по заслугам. В оскал рта влили расплавленное золото, чтобы напоить мертвое и обескровленное тело тем, чего так страстно жаждала его душа.

XLVII. Заключение

III. 12. Таков этот третий, заморский, возраст римского народа, когда он осмелился выйти за пределы Италии и распространить свое оружие по всему миру. (2) Первые сто лет этого возраста, которые мы называем золотыми, священны, благочестивы, невинны, беспорочны; тогда была еще неподкупной и нетронутой

первозданность этого пастушеского племени. Тогда еще пунийская опасность поддерживала древнюю дисциплину. (3) Следующие сто лет — от гибели Карфагена, Коринфа, Нуманции и принятия азиатского наследия царя Аттала до Цезаря и Помпея и последовавшего за ними Августа, о котором речь впереди, — великолепны славой военных подвигов и столь же постыдны домашними распрями. (4) Прекрасно и почетно было приобрести Галлию, Фракию, Киликию, Каппадокию, богатейшие и сильнейшие провинции, но великие имена армян и британцев послужили не столько для практической пользы, сколько для блеска империи²⁷⁵. В то же самое время, постыдно и огорчительно, сражались дома с гражданами, союзниками, рабами, гладиаторами и между собою в сенате. (6) И я не знаю, было бы ли лучше для римского народа ограничиться Сицилией или Африкой или даже, не тронув их, господствовать в одной Италии, чем, поднявшись до такого величия, губить себя своими же силами. (7) Ведь гражданские страсти породило не что иное, как избыток счастья. Прежде всего нас испортила побежденная Сирия, а затем азиатское наследие царя Пергама. (8) Эти сокровища и богатства обрушились на нравы века и повлекли ко дну государство, погрязшее в тине собственных пороков. Из-за чего иного, как не из-за голода, порожденного роскошью, римский народ мог требовать у народных трибунов земель и хлеба? Отсюда первый и второй гракханские мятежи и третий — мятеж Апулея. (9) Отчего, как не от жадности, появились всадник, отделенный судебными законами от сената, и государственные подати, и сами суды, ставшие предметом наживы? Отсюда Друз и обещание гражданства Лацию, отсюда же враждебное нам оружие союзников. (10) Что еще? Откуда бы взялись рабские войны, если бы не переизбыток рабской челяди? И могло ли выступить против свих господ войско гладиаторов, если бы расточительность, распространившаяся для приобретения поддержки плебса, не поощряла его любовь к зрелищам и не превратила казнь врагов в некое искусство? (11) Что касается более явных пороков, то разве они не результат стремления к занятию магистратур, в свою очередь вызванного жаждой богатства? (12) Вот откуда марианская, а затем сулланская буря. А пышные пиршества и расточительная щедрость — разве не от богатства, которое тотчас же порождает бедность? (13) Она бросила Катилину против своей родины. Откуда, наконец, сама страсть к господству и властвованию, как не от чрезмерных богатств? Именно это вооружило Цезаря и Помпея факелами фурий на погибель государству. (14) Вот почему мы проследим внутренние движения отдельно от внешних и справедливых войн.

Книга II

- I. *О гракханских законах*
- II. *Мятеж Тиберия Гракха*¹
- III. *Мятеж Гая Гракха*
- IV. *Мятеж Апулея*
- V. *Мятеж Друза*
- VI. *Союзническая война*
- VII. *Рабская война*
- VIII. *Спартаковская война*
- IX. *Гражданская война Мария*
- X. *Серторианская война*
- XI. *Гражданская война Лепида*
- XII. *Война Катилины*
- XIII. *Гражданская война Цезаря и Помпея*
- XIV. *Война Цезаря Августа*²
- XV. *Мутинская война*
- XVI. *Перузинская война*
- XVII. *Война Кассия и Брута*
- XVIII. *Война с Секстом Помпеем*
- XIX. *Парфянская война Вентидия*
- XX. *Парфянская война Антония*
- XXI. *Война с Антонием и Клеопатрой*
- XXII. *Норикская война*
- XXIII. *Иллирийская война*
- XXIV. *Паннонская война*
- XXV. *Далматинская война*³
- XXVI. *Мезийская война*
- XXVII. *Фракийская война*
- XXVIII. *Дакийская война*
- XXIX. *Сарматская война*
- XXX. *Германская война*
- XXXI. *Гетульская война*
- XXXII. *Армянская война*

XXXIII. *Война с кантабрами и астурами*

XXXIV. *Мир с Парфией и обожествление Августа*

I. О гракханских законах

III.13. Причиной всех мятежей была трибунская власть. Установленная для видимости в интересах плебса, нуждавшегося в защите, она на деле усиливала собственное могущество, добиваясь с помощью земельных, хлебных, судебных законов расположения и благосклонности народа. И все это выставлялось как стремление к равноправию. (2) Казалось бы, что может быть законнее изъятия у отцов и возвращения плебсу всего, ему принадлежавшего, чтобы народ — победитель народов и владыка мира не был лишен своих очагов и алтарей? ⁴ (3) И что справедливее, чем то, что неимущий люд будет кормиться за казенный счет? (4) И при установлении одинаковой для всех свободы что может быть эффективнее, чем передача под управление сенату провинций и увеличение авторитета всадничества судебной властью? (5) Но все эти меры привели к краху, и несчастная республика поплатилась гибелью. (6) Ведь от передачи всадникам судебной власти, ранее принадлежавшей сенату, пострадала налоговая система, т. е. состояние империи, покупка же хлеба вытянула жилы у самого государства и опорожнила казну. (7) И каким образом можно было вернуть плебс на землю без разорения ее владельцев, являвшихся частью народа и обладавших участками, оставленными им предками по праву давности и как бы по закону?

II. Мятеж Тиберия Гракха

III.14. Первый факел раздоров воспламенил Тиберий Гракх, легко добившийся первенства благодаря происхождению, привлекательной внешности и искусству красноречия. (2) Он решился на важное дело, возможно, из-за капитуляции Манцины — поскольку, будучи поручителем мирного договора, чтобы избежать ответственности, добивался народного расположения. (3) А может быть, им руководило чувство справедливости и понимания народного блага, так как он сочувствовал плебсу, лишенному земель, и опасался, как бы народ — победитель народов и владыка мира не был лишен своих ларов и очагов. Какими ни были его намерения, он отважился на великое дело. (4) В день внесения законопроекта он взошел на ростры, окруженный огромной толпой. Не было недостатка и в сторонниках враждебной ему знати, трибуны же поддерживали ту или иную партию. (5) Но когда Гракх увидел, что Г. Октавий ⁵ выступит против его законов, он, вопреки обычаям

коллегии трибунов и полномочиям, силой прогнал его с ростр. И столь явно угрожал ему смертью, что тот вынужден был отказаться от должности. (6) В дальнейшем Гракх, избранный триумвиром для передела земель, чтобы завершить свой план, потребовал от народного собрания продления своих полномочий, вопреки воле нобилей, опиравшихся на помощь тех, кого он лишил земли. На форуме началась резня. (7) Тиберий бежал оттуда на Капитолий и, умоляя плебс о защите и спасении, коснулся рукой головы. Это вызвало предположение, что он требует себе царской власти и диадемы. Тогда под предводительством Сципиона Назики, призвавшего народ к оружию, он был убит как бы на законном основании.

III. Мятеж Гая Гракха

III.15. Пылким мстителем за убитого брата и не менее страстным борцом за его законы тотчас же выступил Гай Гракх. (2) С таким же шумом и яростью он призывал плебс на дедовские земли и сулил отдать на пропитание народу недавнее наследство Аттала⁶. (3) Развращенный вторичной властью трибуна, окрыленный благосклонным к нему плебсом, он уже не знал меры. (4) Когда же трибун Минуций⁷ осмелился опротестовать его законы, опираясь на приверженцев, он силой овладел Капитолием, роковым для его семьи. (5) Вытесненный оттуда после гибели друзей, он подался на Авентин, где, столкнувшись с сенатом, был убит консулом Опимием. (6) И вновь⁸ осквернили останки умершего: чтобы расплатиться с убийцами за принесенную ими священную и неприкосновенную голову народного трибуна, выдали золота по ее весу.

IV. Мятеж Апулея

III.16. Несмотря на все это, Апулей Сатурнин с не меньшей энергией поддержал гракханские законы. Столь великая решимость была дана ему Марием, всегда враждебным нобилитету и возлагавшим надежды на консульскую власть. Убив открыто на комициях Авла Ниния⁹, добивавшегося власти трибуна, Апулей пытался поставить на его место некоего Г. Гракха, человека, не принадлежавшего к какой-либо трибс, никому не известного, без родового имени, но причислявшего себя, подменив имя, к знаменитой фамилии¹⁰. (3) Предавшись столь грубой игре и считая себя в безопасности, Апулей так воодушевился проведением гракханских законов, что даже взял от сената клятву их поддерживать, угрожая изгнанием всем, кто ее не дал. (4) И отыскался только один, кто

предпочел изгнание этой клятве! После удаления Метелла¹¹ и ослабления нобилитета, вступив в третий год своей тирании, Апулей зашел в своем безумии столь далеко, что расстроил консульские выборы еще одним убийством. (5) Желая сделать консулом Главцию¹², своего приспешника, он приказал убить другого соискателя Г. Месмия и во время последовавших беспорядков с удовольствием выслушивал, как сообщники называют его царем. (6) После того как сенаторов объединила ненависть к нему, а Марий, получив консульскую власть, перешел в их стан, да и не мог более его поддерживать, на форум был послан отряд. (7) Апулея осадили в здании и перерезали водопроводные трубы. Тогда он через посланцев заверил в своем раскаянии. Его, спустившегося с крепости, впустили вместе с жокаками клики в сенат. Туда ворвался народ, забросал его камнями и палками и растерзал уже умирающего.

V. Мятеж Друза

III.17. Наконец, те же самые законы попытался отстоять Ливий Друз¹³. Он опирался не только на права народного трибуна, но и на авторитет сената и поддержку всей Италии. (2) Выдвигая законы один за другим, он раздул такой пожар, что не сумел погасить даже первую его вспышку. Унесенный внезапной смертью, он передал эту войну в наследие своим потомкам. (3) Гракхи судебным законом раскололи римский народ и из единого государства сделали двухголовое. Римские всадники, получив такую власть, которая позволяла им держать в руках судьбу и имущество первых людей, грабили государство, присваивали его доходы. Сенат, искалеченный изгнанием Метелла¹⁴ и осуждением Рутилия¹⁵, потерял даже видимость былого могущества. (4) В таких обстоятельствах Сервилий Цепион¹⁶ и Ливий Друз, равные богатством, силой духа, достоинством (отсюда истоки зависти Ливия Друза), оказали поддержку: первый — всадникам, второй — сенату. (5) Так весь город словно раскололся на два лагеря, не хватало лишь знамен, орлов и военных значков. Первым в атаку на сенат ринулся Цепион, обвинив в превышении власти вождей нобилитета Скавра¹⁷ и Филиппа¹⁸. (6) Чтобы противостоять этим действиям, Друз возбудил плебс гракханскими законами и одновременно обещанием римского гражданства присоединил к плебсу союзников. Сохранилось его изречение: «Я не оставляю другим возможности для щедрот, если только они не пожелают переделить небосвод и топи болот»¹⁹. (7) Приближался день обнародования, и нахлынула такая масса людей, что казалось, будто город осажден врагами. (8) Консул Филипп осмелился,

однако, отменить законы Друза, но помощник трибуна схватил его за горло и не отпустил, пока через рот и глаза не хлынула кровь ²⁰. (9) Так с помощью силы были выдвинуты и приняты законы. Затем союзники немедленно потребовали награды за свою поддержку, но преждевременная смерть вырвала из жизни потрясенного беспорядками Друза — обычное явление в подобных случаях. Союзники были недовольны всем этим. Они стали силой оружия требовать у римского народа выполнения обещания Друза.

VI. Союзническая война

III.18. Хотя мы и называем эту войну Союзнической, чтобы смягчить ненависть, но, по правде говоря, это была гражданская война. Римский народ, соединив в себе этрусков, латинов, сабинов, создал тело из отдельных членов, но с одной кровью и стал единым, вместив всех. (2) С не меньшей яростью, чем граждане в самом Риме, восстали союзники в Италии. (3) Они стали сильнее и справедливо потребовали прав гражданства. В надежде на захват власти эти права обещал им Друз, павший жертвой личной вражды. Теперь то же пламя, что сожгло его самого, воспламенило союзников к нападению на Рим. (5) Что может быть печальнее этого бедствия? Что пагубнее? Весь Лаций и Пицен, вся Этрурия и Кампания и, наконец, вся Италия поднялись против своей метрополии. (6) Муниципии подняли цвет наших храбрейших и преданнейших союзников, каждый со своими знаменами и продигиями. Поппедий ²¹ командовал марсами [и пелигнами], Афраний — латинами, Плоций — умбрами, Эгнаций — этрусками, Телезин — Самнием и Луканисй. (7) И народ, судивший царей и племена, не мог справиться с самим собой. Завоеватель Азии и Европы подвергся нападению Корфиния! ²²

(8) Сначала был такой план операции: во время праздника латинов на Альбанской горе среди святынь и алтарей принести в жертву консулов Юлия Цезаря и Марция Филиппа ²³. (9) Когда это святотатственное преступление сорвалось из-за предательства, взрыв ярости охватил Аскул ^{23a} и при стечении народа были убиты послы, прибывшие из Рима на игры. (10) Таково было проклятие нечестивой войны! И вот уже Поппедий, поджигатель войны и ее вождь, поставил под знамена различные народы и города всех частей Италии. (11) Такого опустошения не было ни при Ганнибале, ни при Пирре. И вот Окрикул ^{23b}, Грумент ²⁴, Фезулы, Карсеолы ²⁵, Рсате ^{25a}, Эзерния ²⁶, Нуцерия ²⁷, Пицентий ^{27a} опустошены огнем и мечом дотла. Рассеяны войска Рутилия ²⁸ и Цепиона ^{28a}. (12) Юлий Цезарь, потеряв армию, был доставлен окровавленным в Рим, и жалкий погребальный обряд (над ним) был совершен посреди города ^{28b}.

(13) Но славная фортуна римского народа, никогда не проявлявшаяся в большом могуществе, чем во времена несчастий, показала всю свою мощь. Напали на каждый народ поодиночке. Катон ²⁸ разгромил этрусков, Габиний ²⁹ — марсов, Карбон ³⁰ — луканов, Сулла — самнитов. (14) Что касается Помпея Страбона ³¹, то он опустошил всю страну и не прекратил убийств до тех пор, пока разрушением Аскула не принес жертву манам за гибель стольких консулов, за уничтожение городов ³² и за урон, нанесенный их богам.

VII. Рабская война

III.19. Если война с союзниками, людьми свободными и родившимися от свободных, сама по себе — кощунство, то кто будет безразличен к войне главного народа с рабами?! (2) Первая рабская война была испробована нами в начальные времена от вождя Гердония Сабинянина ³³ в самом городе; в то время, когда внимание граждан было отвлечено трибунскими мятежами, рабы заполнили Капитолий, возвращенный позднее консулом. Это были скорее беспорядки, чем война. Но кто поверит, что в те годы, когда империя уже распространилась на различные части мира, Сицилия была опустошена рабами с большим кровопролитием, чем во время Пунической войны! (3) Земля, плодоносящая хлебами, неким образом превращенная в ближнюю провинцию, была занята латифундиями римских граждан. Для возделывания земли здесь были многочисленные эргастулы и земледельцы, закованные в цепи, они дали войне материал. (4) Некий сириец Евн — серьезность наших неудач заставляет вспомнить это имя — в притворном припадке фанатического бешенства потрясал волосами ³⁴ в честь богини Сирии и, как бы подчиняясь власти богов, призывал рабов к свободе и оружию. (5) Желая показать, что действует под божественным вдохновением, он спрятал во рту орех, наполненный тлеющей серой, и, медленно вдыхая, выпускал вместе со словами пламя. (6) Это чудодействие поначалу собрало две тысячи человек, попавшихся ему на пути, но, едва по праву войны были взломаны эргастулы, он создал более чем шестидесятитысячное войско. (7) Украсив себя царскими регалиями, — нам только этого не хватало, — он подверг плачевному опустошению крепости, селения и города. И более того, были захвачены лагеря преторов (наивысший позор во время войны) — да не падет на меня стыд, если я их назову, — лагеря Манлия, Лентула, Пизона, Гипсея ³⁵. Так те, кого должно было увести как беглых рабов, сами в ходе сражения обратили в бегство полководцев-преторов. В конце концов их постигла кара

под командованием Перперны³⁶. (8) Ведь разбив их и позднее осадив под Энной, он истребил их голодом и как бы повальной болезнью, а уцелевших разбойников покарал цепями и распятием на крестах. Он удовольствовался овацией, чтобы упоминанием рабов не омрачить достоинство триумфальной процессии.

(9) Едва остров сумел отдышаться, как в преторство Сервилия³⁷ внезапно першел от сирийца к киликийцу. Афенион, пастух, убив господина, вывел челядь из эргастула и, освободив, поставил под знамена. (10) В пурпурном плаще, с серебряным жезлом, подобно царю, он собрал армию, не меньшую, чем первый фанатик, и с еще большей яростью, как бы мстя за него, грабил деревни, города, крепости, свирепствуя по отношению к рабам больше, чем к господам, словно бы к перебежчикам. (11) Им были рассеяны преторские войска, захвачены лагеря Сервилия и Лукулла³⁸. Но Тит Аквиллий³⁹, следуя примеру Перперны, довел неприятеля до отчаяния, лишив его продовольствия, и легко одолел в битве, вынужденной голодом. Они могли бы сдаться, но предпочли из страха перед наказанием добровольную смерть. (12) И вождь не смог бы избежать наказания, ибо попал в руки живым, но был растерзан толпой, которая окружила его и разорвала на части, споря из-за добычи⁴⁰.

VIII. Спартакoвская война

III.20. Право же, можно перенести позор войны с рабами. Ведь, обездоленные фортуною во всем, они могут считаться людьми, хотя и второго сорта, воспринявшими блага нашей свободы. (2) Но я не знаю, каким именем обозначить войну, которая велась под предводительством Спартака, так как вместе со свободными сражались рабы, а верховодили гладиаторы. Одни — люди низкого положения, другие — самого подлого, они приумножили своими бесчинствами наши бедствия.

(3) Спартак, Крикс, Эномай не более чем с тридцатью людьми⁴¹ той же судьбы вырвались из гладиаторской казармы Капуи. Рабы были созданы под знамена и, после того как к ним присоединилось более десяти тысяч, не удовлетворились тем, что удалось бежать, но пожелали также и мести. (4) В качестве первой стоянки их; словно алтарь Венеры⁴², привлекла гора Везувий. Осажденные там Клавдием Глабром, они с помощью виноградных лоз, сплетенных в веревки, спустились через жерло полой горы⁴³ и сошли к самой ее подошве. Выйдя незамеченными, они разграбили лагерь ничего не подозревавшего военачальника. Затем пал другой лагерь — Варсия⁴⁴, а вслед за ним и лагерь Торана⁴⁵. Разгромив виллы и поселения, они, подобно страшной лавине, опустошили города Нолу,

Нуцерии, Фурии и Метапонт. (6) Когда отряды рабов, постоянно пополняющиеся, превратились в настоящее войско, они изготовили щиты из прутьев и шкур животных, а из железа эргастулов выковали мечи и копья. (7) Чтобы ничем не отличаться от регулярной армии, они из захваченных табунов создали конницу. Отнятые у преторов фасции они передали своему предводителю ⁴⁶. (8) И он не отверг их, этот фракийский воин — пленник, ставший дезертиром, затем — разбойником, а затем благодаря физической силе — гладиатором. (9) Он совершал погребения своих павших вожаков с почтением, подобающим полководцам, и приказывал пленным сражаться вокруг погребального костра, как будто хотел искупить позор гладиаторской службы, став устроителем игр. (10) После того он совершал нападения уже на консульские армии. Он разбил войско Лентула ⁴⁷ в Апеннинах, у Мутины уничтожил лагерь Гая Кассия ⁴⁸. (11) Окрыленный этими победами, он (одного этого достаточно для нашего позора!) помышлял о нападении на Рим. (12) Тогда все силы империи поднялись против этого мирмиллона, и Лициний Красс спас римскую честь. Разбитые им и обращенные в бегство враги — если не стыдно так их назвать — скрылись на оконечности Италии. (13) Там, запертые в углу Бруттия, они стали готовиться к бегству в Сицилию. И так как не обладали кораблями, пытались, — что бесполезно в этом узком и бурном проливе, — совершить переправу на плотках из бревен и на бочках, связанных виноградными лозами. Позднее они, пытаясь пробиться, пали смертью, достойной воинов. Сражались не на жизнь, а на смерть, — чего и следовало ожидать, когда командует гладиатор. Сам Спартак, храбро бившийся в первом ряду, пал, как командующий.

IX. Гражданская война Мария

III.21. Одной лишь напасти недоставало римскому народу — пронзить братоубийственным мечом себя самого, чтобы посреди Города и на форуме граждане сражались с гражданами, подобно гладиаторам на арене! (2) Можно было бы отнестись к этому с большим равнодушием, будь это вожди плебеев или нобили, но бесчестные, во зло использующие свою высокую должность и положение. Но — о позор! — какие это были мужи! Какие полководцы! Гордость и украшение своего века! Марий и Сулла. Однако все свои достоинства они поставили на службу самому низкому злодеянию.

(3) Марианская, или Сулланская гражданская война была рождена, если так можно выразиться, под тремя звездами. Поначалу она была легкой и умеренной, скорее возмущением, чем войной;

ярость обратилась против вождей двух партий. (4) Затем дело дошло до более страшного и кровавого, когда до самой глубины был поколеблен сенат. (5) Наконец ярость превзошла все пределы ненависти, разделяющей не только граждан, но и внешних врагов, овладела всей Италией и свирепствовала до тех пор, пока оставалось кого убивать.

(6) Источником и причиной войны была неутолимая жажда Марием почестей. Опираясь на закон Сульпиция⁴⁹, он отменил уже назначенную Сулле провинцию. Сулла же, нетерпимый к беззаконию, тотчас собрал легионы и, отложив войну против Митридата, двумя колоннами проник в город сквозь Эсквилинские и Коллинские ворота. (7) Когда же Сульпиций и Альбинов повели против консула⁵⁰ свои толпы и отовсюду со стен летели камни и дротики, он воспользовался тем же оружием, пробил путь огнем и, подобно полководцу-победителю в захваченном городе, засел в Капитолии — крепости, которая в свое время избежала пунийца и даже галлов-сенонов. (8) Затем, когда его противники решением сената были объявлены врагами государства, он уже с полным правом применил насилие к заседавшему там трибуну и другим членам враждебной клики. Марий скрылся, как беглый раб, а вернее, фортуна сохранила его для другой войны.

(9) При консулах Корнелии Цинне и Гнее Октавии⁵¹ плохо затушенный пожар разгорелся с новой силой, прежде всего благодаря раздору между ними самими. Решение о возвращении в Рим тех, кого сенат объявил врагами, было передано народу. (10) Сходка граждан опоясалась мечами, но одолели те, кто предпочитал мир и покой. Цинна, покинув отечество, бежал к своей партии⁵². Из Африки возвратился Марий, возвеличенный своими несчастьями. Тюрьма, цепи, бегство, изгнание сделали его власть, внушающей страх. (11) Поскольку его имя было столь широко известно, к нему стекались со всех сторон и он легко собрал войско, вооружив рабов и — о ужас! — эргастулы. (12) Можно было бы признать, что Марий имеет право силой вернуть себе родину, из которой был насильно изгнан, если бы он не проявил такую свирепость. Вступив во вражду с богами и людьми, он направил свою первую атаку на клиента и вскормленника нашего Города Остию, подвергнув его гнусному разграблению. (13) Затем четыре войсковые колонны вошли в Рим. Их возглавляли Цинна, Марий, Карбон⁵³, Серторий. После того как войско Октавия было выбито ими с Яникула, они по сигналу немедленно принялись за убийства первых граждан и действовали даже с большей жестокостью, чем это было в городе пунийцев. Голова консула Октавия была выставлена на рострах, а консуляра Антония⁵⁴ — на столе у самого Мария. (14) Цезарь⁵⁵ был зарезан

Фимбрией⁵⁶ у своих домашних пенатов, отец⁵⁷ и сын Крассы — друг у друга на глазах, Бебий и Нумиторий⁵⁸ казнены на форуме палачами. (15) Катул⁵⁹, чтобы избежать издевательств врагов, бросился в огонь. (16) Жрец Юпитера Мсрула⁶⁰ кровью, хлынувшей из вен, омрачил на Капитолии взор самого верховного божества. Анхарий⁶¹ был убит на глазах у Мария. Марий не протянул ему руки в ответ на приветствие, и это решило его судьбу! (17) Убийства сенаторов произошли между календами и идами января седьмого консульства Мария. Что бы было, если бы он исполнял должность целый год?

(18) В консульство Сципиона и Норбана⁶² прогремела во всей своей ярости третья буря гражданского безумия. Одна сторона выставила восемь легионов и пятьсот когорт в полном вооружении, другая — Суллу, возвратившегося из Азии с победоносной армией. (19) И, право, если Марий так неистовствовал по отношению к сулланцам, то какая потребовалась жестокость Сулле, чтобы он смог ему отомстить! (20) Знамена впервые сошлись близ Капуи на берегу Волтурна, и тотчас же было разбито войско Норбана. Войско же Сципиона было уничтожено после того, как обрело надежду на мир. (21) Тогда-то консулы Марий Младший и Карбон⁶³, как бы отчаявшись в победе, совершили сами по себе возлияние кровью сенаторов, чтобы не погибнуть неотомщенными. Курия была осаждена, и сенаторов выводили оттуда на казнь, как из узилища. А сколько было смертей на форуме, в цирке и в сокровенных местах храмов! Муций Сцевола⁶⁴, понтифик, припал к алтарю Весты и сгорел в его пламени. (22) Лампоний и Телезин⁶⁵, вожди самнитов, опустошили Кампанию и Этрурию с еще большей жестокостью, чем в свое время Пирр и Ганнибал. Под видом защиты марианской партии они мстили за себя. (23) Полчища врагов были разбиты у Сакрипорта⁶⁶, у Коллинских ворот — Телезин. Но конец войны не означал конца убийств. И во время мира были обнажены мечи — против сложивших оружие. Убийство Суллой у Сакрипорта и Коллинских ворот более семидесяти тысяч было меньшим преступлением: шла война. А теперь Сулла приказал убить в общественном здании⁶⁷ четыре тысячи граждан, сдавшихся в плен⁶⁸. Разве эти четыре тысячи убитых в дни мира не перевешивают семидесяти тысяч, павших в годы войны? Можно ли подсчитать общее число жертв во всем городе? Убивал кто хотел. После того, как Фуфидий⁶⁹ сохранил некоторым жизнь, ссылаясь на Суллу, последний приказал обнародовать ту обширную таблицу, по которой были отобраны и осуждены на смерть цвет всаднического сословия и две тысячи из сената — эдикт невиданного еще образца. (26) Долго было бы рассказывать о павших в результате надругательств:

о Карбоне⁷⁰ и Соране⁷¹, о Плеториях и Всулехах⁷², о Бсбии, погибшем не от меча, но разорванным руками, словно его терзали звери⁷³, о Марии, брате самого полководца, у которого на могиле Катула⁷⁴ вырвали глаза, персбили руки и ноги, чтобы он умирал постепенно, теряя один член за другим. (27) Можно еще примириться с наказанием отдельных людей, но были пущены с молотка знаменитейшие муниципии Италии — Сполетий⁷⁵, Интрамура⁷⁶, Пренесте, Флоренция⁷⁷. (28) Сульмон⁷⁸, древний город, союзный и дружественный нам — о злодеяние! — Сулла не завоевал, не разрушил по праву войны, но обошелся как с приговоренным к смерти — приказал уничтожить.

Х. Серторианская война

III.22. Серторианская война... Была ли она чем иным, как не наследием сулланских проскрипций? Не знаю, назвать ее войной с врагами или гражданской, поскольку лузитаны и кельтиберы вели ее под руководством римлянина. (2) Осужденный и изгнанный таблицей мертвых, муж высшей, но пагубной доблести, Серторий вовлек землю и море в свои беды. Он искал счастья и в Африке, и на Балсарских островах и летел в помыслах по оксану на Счастливы острова⁷⁹, пока наконец не вооружил Испанию. Мужественный человек легко отыщет себе подобных. (3) Энергия испанских воинов никогда не проявлялась с такой силой, как под командованием римлянина. (4) Ему было мало Испании, и он обратил свой взор к понтийцам и Митридату, которому помог флотом. (5) Чего же можно было ожидать от Сертория в будущем, если его не смог одолеть полководец со всей римской мощью? (6) Ведь Метеллу⁸⁰ был придан в помощь Гней Помпей. Оба они изматывали Сертория, преследуя его почти по всей Испании. Война длилась очень долго и с переменным успехом. Гибель Сертория была скорее результатом предательства его сторонников и козней врагов, чем следствием честной войны. (7) Первые сражения велись легатами. На одной стороне сражались Домиций и Торий⁸¹, на другой — братья Гиртулси⁸². После гибели одних у Сергивии⁸³, других у реки Аны⁸⁴, свои силы испытали сами полководцы, сравнившись поражениями у Лаврона⁸⁵ и Сукрона⁸⁶. (8) Затем один занялся опустошением полей⁸⁷, другой — разрушением городов. Несчастливая Испания понесла наказание за раздоры между римскими полководцами. Еще до того, как Серторий был убит заговорщиками, а Перперна⁸⁸ побежден и сдался, города Оска, Термесс, Улия, Валенция, Авксума⁸⁹ и Калагуррис⁹⁰ (последний из-за несслышанного голода) сами вступили в союз с Римом. Так Испания была вновь

умиротворена. Победившие полководцы, дабы получить триумф, предпочли рассматривать войну с Испанией скорее как внешнюю, чем как гражданскую.

XI. Гражданская война Лепида

III.23. В консульство Марка Лепида и Квинта Катула ⁹¹ гражданская война кончилась едва ли не быстрее, чем началась. Искра этого, пусть и незначительного движения, вылетела из погребального костра Суллы. (2) Лепид, запальчиво стремившийся к изменениям в государстве, подготовил отмену сулланских постановлений. Они этого заслуживали, но в то же время их отмена влекла урон для государства. (3) Сулла, будучи диктатором, по праву войны преследовал врагов проскрипциями. Для чего иного, как не для новой войны, Лепид возвращал в Рим тех, кто от них уцелел? (3) Владевшие имуществом граждан, осужденных по приговору Суллы, получили его хотя и бесчестно, но все-таки по (какому-то) праву, и требование его возвращения означало нарушение порядка в уже успокоившемся государстве, (4) которому, словно больному и израненному, было бы полезнее хоть как-то отдохнуть, чем бередить раны, пусть даже лечением. (5) Лепид же, растрвожив государство шумными речами, как трубными звуками, отправился в Этрурию. Оттуда он бросил войско на Рим. (6) Лутаций Катул и Гней Помпей ⁹², командиры и знаменосцы сулланского режима, с другим войском заняли Мульвийский мост и холм Яникул. (7) Оттесненный их первой атакой и объявленный в сенате врагом отчества, Лепид без боя бежал в Этрурию, а оттуда в Сардинию, где умер от болезни и раскаяния ⁹³. Победители же удовлетворились миром, что не часто встречается в гражданских войнах.

XII. Война Катилины

IV.1. К преступной мысли погубить свою родину Катилину подвигли прежде всего страсть к роскоши, вызванное ею расстройство семейного состояния, а также то, что римское войско тогда скиталось на краю света. (2) Уничтожить сенаторов, зарезать консулов, поджечь город со всех сторон и, наконец, разрушить до основания все государственное устройство, о чем не мог мечтать когда-то и Ганнибал, — вот на что решился Катилина и — о позор! — с чьей помощью! (3) Он сам патриций! Но этого мало! Курий, Порций, Сулла, Цетег, Автроний, Варгунтей, Лонгин — что за фамилии! Цвет сената! Лентул ⁹⁴, более того, был претором! И все это пособники его позорнейшего преступления. (4) Залогом участия

в заговоре была человеческая кровь, которую обносили в чаше. Величайшее святотатство, если бы не было святотатственнее то, за что они пили. (5) Пришел бы конец прекраснейшей империи, не случись этот заговор в консульство Цицерона и Антония^{94а}. Первый проявил неумолимое рвение по его разоблачению, второй подавил его силой оружия. (6) Сведения об этом преступлении дала продажная Фульвия, не столь вредная, однако, как заговорщики-патриции.

(7) Созвав сенат, консул произнес речь в присутствии обвиняемого. Катилина был объявлен врагом государства и покинул Рим, открыто угрожая погасить свой пожар его развалинами⁹⁵. (8) Он отправился в Этрурию к войску, подготовленному Манлием⁹⁶, чтобы повести его на Рим. Лентул же, опираясь на пророческие стихи Сивиллы, предсказывающие власть его фамилии, к назначенному Катилиной дню (его вступления в Рим) расположил по всему городу людей, факелы и оружие. (9) Не довольствуясь вовлечением в заговор римских граждан, он подговорил взяться за оружие случайно находившихся в Риме послов аллоброгов. Смерч заговора распространился бы за Альпы, если бы письмо претора не было перехвачено из-за второго предательства, на этот раз Волтурция⁹⁷. По приказу Цицерона чужеземцы сразу же были схвачены, и претора открыто изобличили в сенате. (10) Когда дело дошло до наказания претора, Цезарь советовал помиловать его из-за высокого положения, Катон — наказать в соответствии с виной. (11) Последнее мнение поддержали все, и преступники были задушены в тюрьме. Хотя таким образом заговор был частично подавлен, Катилина не отказался от своих намерений: он выступил из Этрурии против Города с враждебными знаменами, но пал, побежденный войском Антония. (12) О том, каким кровопролитным было сражение, говорит его исход: никто из врагов не уцелел. Место, которое каждый занимал в бою, он покрывал своим трупом. Катилина же был найден далеко от своих, среди врагов,— прекраснейшая смерть, если бы он сражался за родину⁹⁸.

ХIII. Гражданская война Цезаря и Помпея

IV.2. Когда мир почти успокоился, Римская империя оказалась настолько могущественной, что не могла быть одолена какими-либо внешними силами. Поэтому судьба, завидуя народу-принцепсу, вооружила его на собственную погибель. (2) Исступление Мария и Цинны было прологом борьбы внутри нашего города, как бы пробой сил. Шире, но все же в пределах Италии, прогремела сулланская буря. Но ярость Цезаря и Помпея охватила Рим, Италию,

все племена и народы, подобно наводнению и пожару, так что несверно было бы говорить о гражданской войне. (4) Это и не союзническая война, и не внешняя, это более чем их сочетание и более чем война⁹⁹. (5) Что касается ее предводителей, то в ней участвовал весь сенат; что касается войска, то с одной стороны — одиннадцать; с другой — восемнадцать легионов, цвет и сила италийской крови; если говорить о союзниках, то против отборных галлов и германцев выступали Дейотар¹⁰⁰, Ариобарзан¹⁰¹, Таркондимот¹⁰², Котис¹⁰³ и Раскупол¹⁰⁴ — из Фракии, Македонии, Киликии, Греции — весь Восток. (6) Длительность войны — четыре года — срок небольшой в сравнении с причиненными ею бедствиями. Территориально она началась в Италии, затем повернула в Галлию и Испанию, затем обрушилась с запада всей мощью на Эпир и Фессалию, потом внезапно перепрыгнула в Египет, оттуда повернула в Азию, нависла над Африкой, перскатилась в Испанию и лишь там затихла. (7) Но вражда партий не прекратилась вместе с войной. Спокойствие не наступило до тех пор, пока в Риме и в самом сенате ненависть побежденных не насытилась кровью победителя.

(8) Причина столь великого бедствия обычная — переизбыток счастья. При консулах Квинте Метелле и Луции Афрании¹⁰⁵, когда величие Рима стало очевидно всему миру и Рим воспевал в театре Помпея¹⁰⁶ недавние его победы (понтийский и армянский триумфы), несбываемое могущество Помпея возбудило, как это обычно бывает, зависть бездельных граждан. (9) Метелл из-за умаления своего критского триумфа¹⁰⁷, Катон из-за свойственной ему подозрительности к могущественным лицам начали бесчестить Помпея и оспаривать его действия. Раздраженный этим Помпей принял меры для защиты своего положения. В то время процветал Красс. Выделяясь благородством происхождения, высоким общественным положением и богатством, он вследствие этого мечтал о дальнейшем обогащении. (10) Цезарь благодаря красноречию и отваге был недалеко от консулата. Но Помпей превосходил их обоих. (11) Итак, Цезарь стремился к завосованию политического влияния, Красс — к его умножению, Помпей — к удержанию. В равной мере одержимые жаждой власти в государстве, они охотно объединились для ее захвата¹⁰⁸. (12) Каждый использовал поддержку других для достижения своих целей. Цезарь отправился в Галлию, Красс — в Азию, Помпей — в Испанию. Союзу трех полководцев принадлежали три величайших войска и власть над миром. (13) Десять лет господствовали они согласно заключенному договору, сдерживаемые взаимным страхом. Соперничество разгорелось после гибели Красса в Парфии и смерти Юлии, дочери Цезаря, которая, выйдя замуж

за Помпея, поддерживала согласие между зятем и тестем. (14) И вот Помпею уже стала внушать опасность власть Цезаря, а Цезарь тяготился высоким общественным положением Помпея. Первый не выносил равных себе, второй — превосходящих его¹⁰⁹. Какое нелепое! Они так заботились о первенстве, словно богатства могущественной империи им не хватило бы на двоих¹¹⁰. (15) В консульство Лентула и Марцелла¹¹¹ впервые оказалось поколеблено доверие между участниками договора. Снят, то есть Помпей, начал агитацию за смсну Цезаря. (16) Тот не отказывался уйти при условии, что его кандидатура будет выставлена на ближайших выборах, о чем недавно постановили десять народных трибунов при согласии Помпея. Теперь же Помпей пренебрег этим, и Цезарю было отказано в заочной передаче консулата: «Пусть он явится домогаться его согласно старинному обычаю». (17) Цезарь, ссылаясь на прежнее решение, угрожал: «Если не сдержат слова, я не распушу войска». В результате против него приняли решение как против врага. Потрясенный этим, Цезарь решил оружием защищать завоевания своего оружия.

(18) Первой ареной гражданской войны стала Италия, чьи крепости Помпей удерживал слабыми гарнизонами. Цезарь внезапно напал и разбил их. (19) Первый знак был дан трубами у Аримина¹¹². Потом Либон¹¹³ был изгнан из Этрурии, Терм¹¹⁴ — из Умбрии, Домиций¹¹⁵ — из Корфиния. Война закончилась бы без кровопролития, если бы Цезарь настиг Помпея в Брундизии. (20) Он мог бы его захватить, если бы Помпей не ускользнул ночью через узкий проход запертой гавани. Стыдно сказать: Помпей, еще глава сената, вершитель войны и мира, бежал на почти не вооруженном судне по морю, над которым уже отпраздновал победу! (21) Но бегство Помпея из Италии оказалось не менее позорным¹¹⁶, чем сенаторов из Рима: город почти опустел, когда Цезарь, сея страх, сам себя провозгласил консулом¹¹⁷. Приказав взломать священный эрарий¹¹⁸, который трибуны медлили открыть, он похитил состояние римского народа — раньше, чем его могущество.

(22) Разбив Помпея и обратив его в бегство, Цезарь предпочел преследованию умиротворение провинций. Сицилией и Сардинией, источниками продовольствия, он овладел с помощью легатов. (23) В Галлии у него не было врагов; он сам установил там мир. Но Массилия осмелилась закрыть перед ним ворота, когда он проходил мимо, направляясь против испанских войск Помпея. Несчастная! Страстно желая мира, она была ввергнута в войну за то, что ее боялась! Массилию, имевшую крепкие стены, Цезарь приказал взять в свое отсутствие. (24) Община грекулов (не столь изнеженных, как можно заключить по смыслу этого слова) осмелилась взломать

наши укрепления, сжечь военные машины и даже сразиться с нашими кораблями. (25) Но Брут ¹¹⁹, которому была поручена война, одолел их на суше и на море. У сдавшихся было отнято все, кроме свободы, которую они ценили более всего ¹²⁰.

(26) С переменным успехом, но без большого кровопролития вела война в Испании с легатами Помпея Петреем и Афранием ¹²¹, стоявшими лагерем у Илерды на реке Сикорис ¹²². Цезарь пытался оттеснить их и отрезать от города. (27) Между тем весенний разлив препятствовал подвозу продовольствия; оба лагеря страдали от голода, и осаждающий был как бы сам осажден. (28) Когда же река вошла в берега, открыв поля опустошениям и битвам, Цезарь стремительно перешел в наступление. Преследуя врагов, отступивших в Кельтиберию, он принудил их к сдаче: их лагерь был осажден и оставлен без воды. (29) Так была взята Ближняя Испания, не было задержки и с Дальней ¹²³. И чего мог добиться один легион после того, как были побеждены пять? Итак, после добровольной сдачи Варрона ¹²⁴ Гадес, пролив, Океан — все покорилося счастью Цезаря.

(30) Близ Иллирика и в Африке судьба, однако, осмелилась выступить против отсутствовавшего там полководца, словно для того, чтобы неудачами других придать ему еще больший блеск. (31) Ведь когда Долабелла ¹²⁵ и Антоний ¹²⁶ должны были по его приказу удерживать вход в Адриатику и стали лагерями один на Иллирийском, другой на Куриктийском берегах ¹²⁷, Помпею удалось на значительном пространстве занять своими кораблями море. Полководцы Цезаря были окружены огромными морскими силами Октавия Либона ¹²⁸. (32) Антония вынудил сдаться голод. Плоты, посланные ему на помощь Базилем ¹²⁹ для возмещения нехватки судов, были захвачены, словно сетью, веревками, натянутыми под водой, — новая выдумка каких-то киликийцев, находившихся на службе у помпеянцев. (33) Два плота, однако, прибило течением. Один из них, доставивший опитергинцев ¹³⁰ и застрявший на мели, послужил примером потомкам: отряд, насчитывавший тысячу юношей, весь день сдерживал натиск наступавшего отовсюду войска. Поскольку у храбрецов не было иного выхода кроме сдачи, они по побуждению трибуна Вультея убили себя. (34) И Курион ¹³¹ в Африке тоже отличился как доблестью, так и поражением. Посланный для овладения провинцией, гордый тем, что разбил и обратил в бегство Вара ¹³², он не смог отразить внезапного нападения царя Юбы ¹³³ и конницы мавров. Победенному оставалось бежать. Но стыд вынудил его, потерявшего из-за своей опрометчивости войско, искать и найти смерть.

(35) И вот уже судьба потребовала новой схватки. Помпей избрал местом войны Эпир, и Цезарь не мешкал. (36) Уладив дела в тылу, он отплыл на место боя, хотя была середина зимы и мешали бури, (37) и расположился лагерем у Орика¹³⁴, в то время как часть армии во главе с Антонием задержалась в Брундизии из-за нехватки кораблей. Охваченный нетерпением, Цезарь попытался, хотя море было вздыблено сильным ветром, переправиться на подвернувшемся судне, чтобы вызвать войско. До нас дошли его слова, обращенные к напуганному опасностью кормчему: «Чего боишься? Везешь Цезаря!» (38) После того как войско собралось отовсюду и расположилось друг против друга лагерями, выявилось различие планов полководцев. Цезарь, необузданный по природе и жаждавший скорей кончить дело, выставил напоказ свой строй, вызывая и дразня противника (39) то окружением лагеря Помпея валом, имевшим в периметре шестьдесят миль (но что же это за осада, когда морем могло доставляться все необходимое!), (40) то атакой против Дирахия (напрасной, так как место его расположения было неприступно), то беспрестанным отражением вылазок осажденных (тогда заблестела доблесть центуриона Сцевы¹³⁵, в щите которого застряло сто двадцать дротиков), (41) то, наконец, ограблением городов-союзников — Орика, Гомф¹³⁶ и других крепостей Фессалии. (42) Помпей, напротив, медлил, отступал, чтобы рассеять силы врага, отрезанного от жизненных припасов, и ослабить нажим пылкого полководца. (43) Но этот спасительный план не пошел Помпею на пользу. Воины упрекали его в бездействии, союзники в медлительности, военачальники в заносчивости. Волею рока местом битвы была избрана Фессалия, и судьбы Рима, империи, рода человеческого были доверены полям Филипп¹³⁷. (44) Никогда еще фортуна не объединяла в одном месте столько римских сил, столько выдающихся людей — более трехсот тысяч воинов, кроме вспомогательных войск, царей и сенаторов. (45) Никогда еще знамения не предвещали безмерных бедствий так очевидно: бегство жертвенных животных, рой пчел на военных значках, наступление тьмы среди бела дня. Помпею ночью приснилось, что он был ошкан в своем театре хлопками ладоней, как ударами крыльев, и как-то утром в ставке его видели в темном плаще — тоже дурной знак.

(46) Войско Цезаря никогда не было таким живым и решительным. Первый звук трубы и первый дротик последовали с его стороны. Как оружие, начавшее битву, был отмечен дротик Крастина, а сама необычность ранения, которое он получил, — он был найден среди мертвых с мечом во рту — свидетельствовала о ярости и бешенстве, с какими Крастин сражался¹³⁸. (47) Не менее

удивительным оказался исход сражения. Перевес Помпея в коннице был настолько велик, что окружить Цезаря казалось ему легко. Однако в окружение попал он сам. (48) Сражение долго было безрезультатным, но вот по приказу Помпея с фланга врассыпную вырвалась конница; немедленно прозвучал сигнал с другой стороны, и когорты германцев с такой силой ударили по рассеявшимся всадникам, что создалось впечатление, будто те — пехотинцы, а германцы — на конях. (49) Разгром отступающей конницы сопровождался уничтожением легко вооруженных воинов. И поскольку паника распространялась все дальше, приводя в смятение войска, разгром был довершен, как по мановению руки. И ничто не повлияло на исход больше, чем величина войска. (50) Многолик был Цезарь в этом сражении: то полководец, то воин. Дошли некоторые из его приказаний, произнесенных на скаку: одно — кровожадное, но поучительное и эффективное в бою («Воин, бей в лицо!»), другое — рассчитанное на похвалу («Щади граждан!»). (51) Это когда он преследовал Помпея. О, как счастлив был бы тот, несмотря на все беды, если бы мог разделить судьбу своего войска! Но ему было суждено пережить свое величие и с тем большим стыдом скакать на коне через Темпейскую долину в Фессалии, плыть на суденышке на Лесбос, размышлять в уединении на Сиендре¹³⁹, (52) чтобы, наконец, у берега Пелузия¹⁴⁰ быть убитым на глазах жены и детей по приказу ничтожнейшего из царей, по совету свнухов и, что всего хуже, — мечом Септимия, дезертира из его армии.

(53) Кто бы мог подумать, что война не закончится вместе с кончиной Помпея? Но головни фессалийского пожара вспыхнули после его смерти еще ярче и нсистойей. (54) В Египте борьба против Цезаря не была связана с борьбою римских партий. (55) Когда Птолемей, царь Александрии, совершив тягчайшее преступление гражданской войны, освятил дружеский союз с Цезарем ценой головы Помпея, судьба, желая отомстить ему за убийство такого мужа, не имела недостатка в поводах. (56) Клеопатра, сестра царя, припав к ногам Цезаря, востребовала часть царства. Сыграла роль девичья красота; действие ее усиливалось тем, что девица казалась жертвой несправедливости. К этому прибавилась ненависть Цезаря к царю, (57) который пошел на убийство Помпея в интересах своей клики, а не ради Цезаря¹⁴¹, и мог бы отважиться на такое и по отношению к нему самому, если бы выдался случай. (58) Когда Цезарь распорядился поставить ее на царство, он был тотчас осажден в царском дворце убийцами Помпея и с небольшим войском доблестно противостоял натиску огромной армии. (59) Поджегши прежде всего ближайшие

здания и корабельные доки, он отвел удар врагов, а затем внезапным натиском занял полуостров Фарос; вытесненный оттуда в море, он благодаря удивительному счастью добрался вплавь до ближайшего корабля, оставив, однако, в волнах свой плащ, то ли случайно, то ли умышленно, чтобы он принял на себя дротики и камни врагов. (60) Спасенный своими моряками, он атаковал врагов на всех направлениях и принес трусливый и предательский народ в жертву манам своего зятя. Фсодот, руководитель и зачинщик этой войны, а также Потин и Ганимед (уроды, в которых не было ничего мужского) порознь были застигнуты смертью во время бегства по морю и суше. Тело самого царя, покрытое тиной, опознали по золотой кольчуге.

(61) В Азии новая угроза исходила из Понта, словно фортуна впрямь так определила судьбу Митридатова царства, чтобы Помпей победил отца, а Цезарь сына. (62) Царь Фарнак, полагаясь более на наши раздоры, чем на собственную храбрость, обрушился с войском на Каппадокию. (63) Цезарь, атаковав, победил его за одно сражение, даже, если так можно выразиться, неполно, атаковав, подобно молнии, которая в один миг приходит, поражает, исчезает. И не пустой похвалой были слова Цезаря, что он обзорожил врага раньше, чем обнаружил¹⁴².

(64) Так обстояло дело с внешними врагами, но в Африке сражение с гражданами было ужаснее, чем при Фарсалах. Поток бегства прибил сюда остатки разбитой кораблекрушением партии, а лучше сказать — неистощенную войну. (65) Силы были скорее рассеяны, чем сокрушены, верность присяге укрепляла потеря полководца¹⁴³. Преемники оказались достойными его: вместо имени Помпея величественно звучали имена Катона и Сципиона. Присоединил к ним свои войска царь Мавретании Юба — словно для того, чтобы Цезарь побеждал на более обширном пространстве. (66) И так, нет никакой разницы между битвами под Фарсалами и Тапсом, последняя даже значительнее; натиск цезарианцев настолько решительнее, насколько сильнее их возмущение тем, что война не окончилась даже со смертью Помпея. Наконец, чего еще никогда не случалось, трубачи дали сигнал к атаке, не получив распоряжения полководца. (67) Первым понес поражение Юба, поскольку его слоны, совсем недавно доставленные из лесов и не приученные к битве, приведенные в ужас гудением труб, обрушились на своих же. И тотчас войско обратилось в бегство. Командующим не хватило храбрости остаться на поле боя, но смерть их была примечательной. (68) И так Сципион скрылся на корабле, но, преследуемый врагами, вонзил себе меч в нутро. И когда некто, его отыскивавший, спросил, как ему, ответил:

«Императору хорошо!»¹⁴⁴ Юба удалился во дворец и на следующий день дал себе и Петрею, спутнику по бегству, роскошный пир, пожелав умереть за столом, между кубками, от его руки. Петрею хватило храбрости и для царя, и для себя, и еще не переварившаяся пища поминального пира была обрызгана царской и римской кровью¹⁴⁵. (70) Катон же в сражении не участвовал. Расположившись лагерем у реки Баграды, он защищал Утику как вторую линию обороны Африки. (71) Но, получив весть о разгроме своей партии, не медлил и, как подобает философу, даже с радостью призвал к себе смерть. Обняв сына, отпустив его и спутников, прочитав ночью при светильнике книгу Платона, учащую о бессмертии души¹⁴⁶, он дал себе краткий отдых. (72) Около первой ночной стражи он вынул меч и несколько раз вонзил его в свою обнаженную грудь. И такого-то человека медики осмелились оскорбить повязками! Дождавшись, когда они удалятся, Катон сорвал узы. Открылось кровотечение, и он оставил свои остывающие руки на ранах, какие себе нанес.

(73) И снова враждующие партии подняли оружие, словно прежде не сражались, и Африка настолько превосходила Фессалию, насколько Испания превзошла Африку. (74) Более всего помпеянской партии благоприятствовало то, что вожди были братьями: место одного Помпея заняли два. (75) Никогда еще не бились столь яростно и с таким переменным успехом. Сначала в самом устье Океана¹⁴⁷ схватились легаты Вар и Дидий¹⁴⁸. Но война с морем была ожесточеннее, чем с противником: Океан, как бы карая нас за гражданские войны, уничтожил кораблекрушением оба флота. (76) Каким был ужас схватки с одновременным участием прилива, бури, людей, кораблей и снастей! Прибавь к этому страх самого ее места: с одной стороны, пределы Испании, с другой — оконечность Мавретании, два моря, Внешнее и Внутреннее, сливающиеся в одно, нависающие над волнами дозорные башни Геракла. Словно бы битвы и бури грозили со всех сторон!

(77) Затем дело дошло до взаимной осады городов! Терпя насилия со стороны одних и других полководцев, несчастные несли кару за верность Риму! Последним было сражение у Мунды¹⁴⁹. (78) Цезарю здесь изменило его обычное счастье. Битва была такой жестокой, и исход ее столь долго колебался, что могло показаться, будто Цезаря предала всегда благоволящая ему фортуна. (79) Находясь перед строем, сам Цезарь был вопреки обыкновению печален, то ли видя шаткость человеческой судьбы, то ли сомневаясь в длительности своего чрезмерного успеха или даже опасаясь, что разделит жребий Помпея. (80) В ходе же битвы произошло нечто такое, чего не припомнила людская память: в момент наиболее

яростной схватки, словно бы по взаимному согласию, воцарилась жуткая тишина и всех сковала одна мысль: «Доколе?» (81) И предстало взору Цезаря небывалое бесчестие: испытанная в четырнадцатилетних битвах рать ветеранов начала медленно отступать. Воины еще не обратились в бегство, но было видно, что их от этого удерживает не присущая им доблесть, а стыд. (82) Спешившись, Цезарь как безумный ворвался в первые ряды. Он останавливал беглецов, воодушевлял знаменосцев, умолял, ободрял, взывал, словно желая удержать войско криком, взорами, руками. (83) Смятение его духа было таково, что, говорят, он хотел себя убить. Этого бы не миновать, если бы пять когорт Лабиена¹⁵⁰, посланные для охраны лагеря, не обратились бы в притворное бегство. (84) Он или поверил в обман, или, как опытный полководец, воспользовался предоставившимся случаем, чтобы устремиться на бегущих¹⁵¹. Этим он воодушевил своих и привел в замешательство врагов. Его воины, полагая, что они побеждают, начали отважнее преследовать врага, а помпеянцы, поверив, что это отступают свои, сами обратились в бегство. (85) Каковы были потери врага, гнев и ярость победителей, можно судить по следующему: когда бежавшие с поля боя сошлись в Мунду и Цезарь приказал немедленно осадить побежденных, они соорудили вал из трупов, скрепив их при помощи копий и дротиков. Это было бы гнусно даже по отношению к варварам. (86) Стало ясно, что сыновья Помпея отчаялись в победе. Гней Помпей, бежавший с поля боя и раненный в ногу, искал безопасного укрытия, но был застигнут Цезонием у города Лаврона и погиб в схватке — на это у него еще хватило духа. (87) Секста судьба спрятала в Кельтиберии и поберегла для войны, начавшихся после гибели Цезаря.

(88) Цезарь явился на родину победителем. В триумфальной процессии первой он провел Галлию. Здесь были Рен, Родан, плененный Океан [фигурой] из золота. Вторыми прошествовали лавры Египта. Тут на передвижных платформах были изображения Нила, Фароса, пылающего огнями, и находилась Арсиноя¹⁵². (89) Третьей шла колесница с изображениями Фарнака и Понта. Четвертая колесница представляла Юбу и Мавританию и дважды покоренную Испанию. Не увидели ни Фарсала, ни Тапса, ни Мунды. Насколько более значительным было то, чего не отметил триумф!

(90) И вот в кои-то веки настал конец войне. Последовавший мир не был обогретен кровью, и войну уравновесило милосердие. Никто не был казнен по приказу Цезаря, кроме Афрания (достаточно, что его уже раз прощали), Фауста Суллы¹⁵³ (Помпей научил бояться зятьев) и дочери Помпея с детьми¹⁵⁴ от Суллы¹⁵⁵ (в назидание потомкам). (91) Граждане не оказались

неблагодарными, и первому в государстве человеку были дарованы все почести: его статуи вокруг храмов, в театре, диадема в виде лучей, кресло в курии, *fastigium*¹⁵⁶, месяц в календаре, звание отца отечества, пожизненного диктатора и, наконец (неизвестно, по его ли воле), царские знаки, поднесенные консулом Антонием у ростр. (92) Но все это было собрано наподобие священной повязки для жертвенного животного, предназначенного к закланию. Ведь милосердие первого в государстве человека было побеждено ненавистью, а сама возможность получать beneficia была невыносимо тяжела для свободных людей. (93) Владычество его было недолгим. Брут, Кассий и другие сенаторы договорились убить принцепса. Какова сила рока! Широко распространился слух о заговоре, и в тот же день Цезарь получил о нем донос. Он принес сто жертв, и все же не смог получить благоприятного знамения. Однако он явился в курию, обдумывая парфянский поход. И там на него, сидящего в курульном кресле, напали сенаторы. Двадцатью тремя ранами он был повергнут на землю. Так тот, кто залил мир кровью сограждан, в конце концов наполнил курию своей собственной кровью.

XIV. Положение при Цезаре Августе

IV.3. После умерщвления Цезаря и Помпея римский народ, казалось, возвратился к прежнему состоянию свободы. И он действительно возвратился бы, (2) если бы Помпей не оставил детей, а Цезарь — наследника и, что пагубнее всего, если бы не уцелел Антоний, некогда сотоварищ Цезаря (Октавиана), а позднее его соперник, факел и буря последующего поколения. (3) Между тем, требуя возвращения отцовского имущества, Секст привел в трепет моря, а Октавий пытался отомстить за смерть отца, и снова пришла в движение Фессалия. (4) Антоний, непостоянный по натуре, то ли считая Октавия недостойным преемником Цезаря, то ли от любви к Клеопатре, выродился в царя...¹⁵⁷ Для римского народа не было иного выхода, как искать спасения в рабстве¹⁵⁸. (5) Нужно еще радоваться, что при таком разладе высшая власть перешла не к кому иному, как к Октавию Цезарю Августу. Его дальновидность и находчивость привели в порядок потрясенный до основания организм империи. (6) Она, несомненно, никогда бы не пришла к единству и согласию, если бы не воспользовалась помощью одного защитника, соединившего в себе ее душу и ум. (7) При консулах Марке Антонии и Публии Долабелле Римская империя, уже врученная судьбою Октавию Цезарю, испытала разнообразные и многочисленные гражданские волнения.

(8) Подобно тому, как при годичном круговороте неба приведенные в движение звезды трепещут и возвещают бури, так перемены в Римском государстве, распространившем свое господство на весь род человеческий, проявились в различного рода раздорах, гражданских, внешних, рабских, сухопутных и морских войнах, сотрясавших всю империю.

XV. Мутинская война

IV.4. Первый толчок к гражданским волнениям дало завещание Цезаря. Антоний, второй его наследник, придя в ярость от того, что предпочтение было отдано Октавию, упорно противодействовал введению одаренного юноши в наследство. (2) Его, едва достигшего восемнадцати лет, он считал изнеженным, слабым юнцом, которого легко обмануть, а себя благодаря совместной службе с Цезарем — человеком высшего достоинства. Поэтому он пытался расстроить вступление Октавия в наследование расхищением имущества (Цезаря), преследовал его личными нападками и всеми средствами мешал введению в род Юлиев. (3) Наконец, он выступил против юноши открыто, с оружием, и уже набрал армию, которая в Цизальпинской Галлии окружила препятствовавшего ее операциям Децима Брута. (4) Октавий Цезарь привлек к себе симпатии молодостью, допущенной по отношению к нему несправдливостью и величием имени, которое он принял. Он призвал к оружию ветеранов и — во что трудно поверить, — будучи частным лицом¹⁵⁹, напал на консула. (5) Сняв осаду Мутины, он освободил Брута и захватил лагерь Антония. При этом он проявил личную храбрость: будучи ранен и истекая кровью, выхватил легионного орла из рук умирающего знаменосца и отнес на своих плечах в лагерь.

XVI. Перузинская война

IV.5. Другую войну возбудил передел земли¹⁶⁰. Ведь Цезарь (Октавиан) распределил ее между ветеранами своего отца, вознаграждая их за службу. (2) Поскольку натура Антония была переменчивой, жена его Фульвия, используя это, вооружилась мечом мужниной доблести¹⁶¹. Подстрекая изгнанных с земель колоннов, она возбудила войну. (3) Антоний был объявлен врагом государства уже не отдельными сенаторами, а всем сенатом¹⁶². Цезарь напал на него, загнал в стены Перузии и, доведя до истощения голодом, принудил сдаться на самых тяжелых условиях.

Триумвират

IV.6. Антоний сам по себе был достаточной угрозой миру и государству, Лепид же, присоединившись к нему, как бы добавил в пламя раздора жару. Что поделаешь, имея против тебя двух консулов и две армии? (Октавиану) пришлось примкнуть к сообществу кровавого договора. Различны были устремления и природные качества его участников. (2) Лепидом руководила алчность, питавшаяся надеждой на расстройство порядка в государстве, Антонием — месть к тем, кто объявил его врагом, Цезарем — неотомщенный отец и тягостные его манам Кассий и Брут. (3) Ради этого договора между тремя вождями был заключен мир. У Конфлуентов, между Перузией и Бононией, они обменялись рукопожатием в присутствии приветствовавшего их войска¹⁶³. Образовавшие триумвират последовали недоброму примеру: в государство, подавленное оружием, возвратились сулланские проскрипции. Свидетельство их жестокости — убийство не менее ста сорока сенаторов. (4) Мрачная, неумолимая смерть ожидала тех, кто в поисках спасения рассыпался по всему кругу земель. И можно ли сетовать на подобную низость, если Антоний включил в проскрипционный список своего дядю Луция Цезаря, а Лепид — брата Луция Павла? (5) Давно уже в Риме стало обычаем выставлять на рострах головы казненных. Однако граждане так и не смогли сдержать слез, когда увидели отрубленную голову Цицерона на рострах, которые он сделал собственными, и, как прежде сбегались послушать, так теперь сбежались посмотреть. (6) Это — преступление (проскрипционных) таблиц Антония и Лепида. Октавиан довольствовался убийцами отца: если бы убийство Цезаря осталось неотомщенным, считалось бы справедливым убийство его самого.

XVII. Война Кассия и Брута

IV.7. Могло показаться, что Брут и Кассий сбросили Цезаря с царского трона, как Тарквиния, но этим клятвопреступлением они погубили свободу, которую более всего хотели восстановить. (2) Совершив убийство и опасаясь, не без основания, ветеранов Цезаря, они сразу же покинули курию и стали искать защиты на Капитолии. У ветеранов не было недостатка в рвении отомстить за Цезаря, но отсутствовал вождь. (3) Когда же стало ясно, какая опасность угрожает государству, идея мести была отвергнута, но и убийцы одобрения не получили. (4) По совету Цицерона была объявлена амнистия, однако, чтобы не оскорблять народного горя, заговорщикам дали провинции, намеченные им убитым ими же Цезарем, — Сирию и Македонию. Месть за Цезаря скорее отсрочили,

чем отменили. (5) И так, государственная власть была распределена между триумвирами скорее, как было возможно, чем как следовало. Оставив Лепида охранять столицу, Цезарь с Антонием выступили против Брута и Кассия. (6) Те же, собрав огромные силы, заняли арену, оказавшуюся в свое время роковой для Гнея Помпея. Знамена с полной очевидностью предвещали неминуемое поражение. (7) Рой пчел сел на значки, и птицы, обычно питающиеся трупами, кружились над лагерем, как бы считая его своим. (8) И эфиоп (как предвестник «черного» дня), встретившийся идущим на битву, был достаточно ясным гибельным знаменем. Самому Бруту, когда он, по обыкновению, бодрствовал ночью с зажженным светильником, явился темный призрак, который на вопрос, кто он, ответил: «Твой злой гений» — и скрылся из глаз. (9) В лагере Цезаря птицы и жертвенные животные так же ясно дали наилучшие предсказания. Не менее важным оказалось то, что лекарь Цезаря был предупрежден вехим сном, чтобы Цезарь покинул лагерь, которому угрожает захват. Он внял этому сну.

(10) И вот началась битва (при Филиппах). Некоторое время сражались с равным пылом, хотя у одних полководцы присутствовали, а у других нет: кому помешала болезнь¹⁶⁴, кому страх и медлительность¹⁶⁵. Неумолимая фортуна, как показал исход битвы, находилась то на стороне мстителей, то на стороне тех, кому мстили. Начало битвы было неопределенным, и обе стороны пребывали в одинаково критическом положении: (11) здесь был взят лагерь Цезаря, там — лагерь Кассия. Насколько же фортуна действеннее доблести! И как верно то, что вырвалось из уст умирающего: «Доблесть существует только на словах, не на деле»¹⁶⁶. Победу в этом сражении принесла ошибка. (12) Кассий во время отступления своего фланга увидел всадников, удаляющихся после захвата лагеря Цезаря, и, решив, что они бегут, отошел за холм. (13) Пыль, крики, надвигающаяся ночь помешали ему понять случившееся, к тому же запоздал посланный к нему лазутчик. Сочтя дело своей партии проигранным, он подставил голову одному из стоявших рядом и попросил ее отрубить. (14) Брут же, лишившись Кассия, потерял и силу духа. Чтобы не отречься от того, в чем поклялся (было решено, что они не переживут поражения), он также приказал одному из своих спутников пронзить себя мечом. (15) Удивительно, почему эти мудрейшие и храбрейшие мужи не убили себя сами. Разве что они следовали принципам своей философской школы, которые запрещали храбрейшим и благочестивейшим мужам, решившимся на самоубийство, налагать на себя руки: предписывалось воспользоваться чужим преступлением.

XVIII. Война с Секстом Помпеем

IV.8. По устранении убийц Цезаря еще оставалась семья Помпея. Один из его сыновей пал в Испании, другой (Секст) спасся бегством. Собрав остатки разбитой армии, вооружив эргастулы, он захватил Сицилию и Сардинию и уже с помощью флота занял центральные воды. (2) Какой контраст между ним и отцом! Отец истребил киликийцев, сын занимался пиратством. Он опустошил Путеолы, Формии, Вольтурн, одним словом, всю Кампанию, Понтийские болота, Энарию¹⁶⁷ и даже устье Тиберина. Столкнувшись с кораблями Цезаря, поджег и потопил их. Не только сам Помпей, но и Мена и Менекрат, подлые рабы, которых он поставил во главе флота, носились по всем берегам в поисках добычи. (3) За свои военные успехи он посвятил в жертву Пелору¹⁶⁸ сто быков с позолоченными рогами, а в дар Нептуну бросил живого, украшенного золотом коня, чтобы владыка морей позволил ему властвовать над своим морем. Наконец, опасность (для Октавиана) стала настолько велика, что был заключен мирный договор с врагом, если можно назвать врагом сына Помпея. (4) Какова же была радость, хотя и недолгая, когда в Байях было принято решение о возвращении и восстановлении Помпея в имущественных правах. Помпей устроил пир на борту корабля и, сетуя на свой жребий, не без приветливости произнес, когда возлегли за столом: «Вот мои кили!»¹⁶⁹, намекая на то, что отец жил в Килиях, знаменитом районе столицы, а его собственный дом и пенаты нависают над морем. (5) Однако из-за неуступчивости Антония, который скупил и промотал имущество Помпея как военную добычу, вступление Секста в права владения не состоялось. Он стал нарушать мирный договор. Дело дошло до оружия, и против юноши направили флот со всеми силами империи. Его подготовка была великолепна сама по себе. (6) Срыв участок берега, начиная с Геркуланской дороги, превратили Лукринское озеро в гавань, и к нему присоединили Авернское озеро, удалив между ними землю; рассчитывали, что, маневрируя на этом тихом пространстве, флот получит навык ведения морского боя. (7) Вынужденный вести эту грандиозную войну, юноша был разбит в Сицилийском проливе. И он унес бы с собой к подземным богам доброе имя полководца, если бы ничего не предпринял впоследствии. Но свойство великого дарования — не терять надежды! Он же, когда все было потеряно, отплыл в Азию и — что горестнее всего для храброго мужа — попал там в плен, на суд врагов, чтобы умереть от руки палача. (9) Со времени Ксеркса не было столь печального бегства. Тот, кто прежде командовал флотом в 350 кораблей, бежал на шести или семи судах

с погашенными на флагмане огнями, бросив в море перстни ¹⁷⁰, дрожа и оглядываясь и все же не очень опасаясь, что будет настигнут.

ХІХ. Парфянская война Вентидия

IV.9. Хотя в лице Кассия и Брута Цезарь уничтожил враждебную партию, а в лице Помпея истребил даже ее название, он не мог добиться прочного мира, пока оставался Антоний, этот камень преткновения и обуза для безопасности государства. (2) Для гибели ему было достаточно одних своих пороков. Дойдя до крайности в своей страсти к честолюбию и роскоши, он освободил от распространяемого им ужаса сперва врагов, потом сограждан и, наконец, свое поколение.

(3) Парфяне после разгрома Красса воспряли духом и с радостью узнали о гражданских беспорядках среди римского народа. При первой же возможности они выступили без колебания. (4) Подстрекателем был Лабиев, посланный Кассием и Брутом, с преступной яростью призвавшими на помощь врагов! И те под предводительством Пакора, юноши царской крови, рассеяли гарнизоны Антония. Легат Сакса ¹⁷¹, не желая попасть в их руки, пронзил себя мечом. (5) В конце концов с потерей Сирии зло распространилось бы шире, поскольку враги совершили завоевания под видом оказания помощи. Вентидий ¹⁷², другой легат Антония, благодаря невероятному счастью разгромил полчища Лабиева, самого Пакора и всю парфянскую конницу между Оронтом и изгибом Евфрата. (6) Было их более двадцати тысяч. Не обошлось без хитрости полководца, притворно изобразившего панику и заставившего врага подойти ближе к лагерю, чтобы лишить его возможности использовать стрелы. Пакор пал, храбро сражаясь. После того как его голову пронесли по восставшим городам, Сирия была возвращена Риму без войны. Убийство Пакора уравновесило поражение Красса.

ХХ. Парфянская война Антония

IV.10. После того как парфяне и римляне испытали друг друга в бою, а печальная судьба Красса и Пакора продемонстрировала силы обеих сторон, была возобновлена дружба на условиях взаимного уважения и сам Антоний заключил договор с царем ¹⁷³. (2) Но — о, безграничная людская гордыня! — из желания прочитать под своими статуями имена Аракса и Евфрата, без повода, без плана и даже без формального объявления войны (как будто сохранение тайны также относится к искусству полководца) он, внезапно оставив Сирию, совершил нападение на парфян ¹⁷⁴. (3) Этот народ, опытный в военных делах, изобразил притворную панику и бегство в свои

равнины. Антоний сразу же стал преследовать их как победитель. Но уже к вечеру на римлян, уставших от долгого пути, неожиданно обрушилась, как ливень, не очень большая часть вражеского войска, и два легиона были засыпаны пущенными отовсюду стрелами.

(4) Ни одно из поражений нельзя было бы сравнить с тем, которое угрожало на следующий день, если бы не милость богов. Некто, уцелевший от разгрома Красса, подскочил к лагерю в парфянском одеянии, обратившись с латинским приветствием, что само по себе придавало веры, сообщил об угрозе: (5) «Уже приближается царь со всеми своими силами. Вы должны отступить и достигнуть гор. Но, возможно, даже и так вы не уйдете от врага». В результате за отступающими последовала меньшая часть врагов. Но все-таки враги были. (6) Остальное войско было бы уничтожено, если бы воины, когда на них градом посыпались стрелы, невольно, но словно по наущению, не упали навзничь и, накрывшись щитами, не произвели впечатление убитых. И парфяне опустили луки. (7) Но когда римляне вдруг поднялись на ноги, это показалось варварам настолько удивительным, что один из них подал голос: «Идите с добром, римляне. Молва заслуженно называет вас победителями народов, если вы избежали оружия парфян». Потерь от трудностей перехода было не меньше, чем от врагов. (8) Прежде всего потому, что в этой местности было опасно пить воду. Кое-кому оказалась вредна соленая вода, и даже пресная приносила вред ослабленным и пьющим с жадностью. (9) В не меньшей мере способствовали эпидемии, зной Армении и снега Каппадокии, а также внезапный переход от одного климата к другому. (10) Так что от шестнадцати легионов осталась едва одна треть¹⁷⁵. Всю серебряную посуду отступающие разрубили топорами; прославленный полководец не раз просил у своего телохранителя смерти, и в конце концов ему пришлось бежать в Сирию. Там он в результате какого-то невероятного безрассудства сделался еще более неукротимым, словно его спасение было победой.

XXI. Война с Антонием и Клеопатрой

IV.11. Ярость Антония, не удовлетворенная честолюбием, иссякла в роскоши и похоти. После парфян он возненавидел оружие и предался отдохновению. Пленный любовью к Клеопатре, он отдыхал на ее царской груди, словно после свершенных подвигов. (2) А египтянка в качестве платы за наслаждение требовала от опьяненного полководца Римскую империю. И Антоний обещал ей это, словно римлянин поддался бы ему легче, чем парфянин.

(3) Отныне он начал стремиться к господству открыто, хотя и не для себя. Забыв родину, свое имя, тогу, фасции, он вскоре полностью выродился в чудовище по духу, одежде и образу жизни. В руке — золотой скипетр, на боку — акинак¹⁷⁶, сам в пурпурном наряде, украшенном драгоценными камнями¹⁷⁷. Не хватало лишь диадемы, чтобы он наслаждался с царицей как царь.

(4) При первом известии о происшедшем Цезарь переправился из Брундизия, чтобы принять меры против надвигавшейся войны и, став лагерем в Эпире, окружил своим готовым к нападению флотом мыс Акции, остров Левку, горы Левкаты и горы Амбракийского залива. (5) У нас было более четырехсот кораблей, у врага — менее двухсот, но большей величины. Они имели от семи до девяти рядов гребцов и, увеличенные башнями и палубами, походили на плавающие крепости или города. Чтобы привести их в движение, стонало море и напрягался ветер. Но именно тяжесть и стала причиной их гибели. (6) Корабли Цезаря имели от двух до шести рядов, не более. Лучше приспособленные ко всему: к нападению, к отходу, к любым необходимым движениям, — они нападали на отдельные корабли и разрушали их метательными орудиями и рострами одновременно, а также предназначенными для метания факелами. (7) Никогда не была так видна мощь вражеских сил, как после победы над ними, ибо по всему морю разметало обломки огромного флота. Доспехи арабов, сабеев и множества других племен Азии, покрытые пурпуром и золотом, то и дело выбрасывало бурное от ветра море. (8) Царица, став зачинщицей бегства, повернула в открытое море свой позолоченный корабль с пурпурным парусом. Антоний — за ней. Но Цезарь следовал по пятам. (9) Не помогли приготовления к бегству в Океан¹⁷⁸, как и укрепление гарнизоном обеих оконечностей Египта Паретония и Пелузия¹⁷⁹. Вскоре оба наложили на себя руки. Первым пронзил себя мечом Антоний. Царица бросилась в ноги Цезарю, пытаясь прельстить взор полководца. Тщетно! Добродетель для принцепса была выше красоты. (10) Клеопатра заботилась не о сохранении жизни, которую он ей обещал, а о части царства. Отчаявшись получить его от Цезаря и видя, что он сохраняет ее для триумфа, Клеопатра удалилась без должной охраны в мавзолей — так называют царскую гробницу. (11) Здесь она, надев лучшие одежды, легла на облитое благовониями ложе рядом со своим Антонием и, поднеся к венам змей, погрузилась в смерть, как в сон.

IV.12. Здесь — конец гражданским войнам. Другие войны против внешних народов вспыхивали на краю света, в то время как империю разрывали свои беды. (2) Несомненно, мир в чем-то

изменился: выи чванливых и надменных народов, еще не привыкшие к сбруе рабства, выскальзывали из накинутаго ярма. (3) Особенно жестокой была борьба на севере, где обитали норики, иллирийцы, паннонцы, далматинцы, мезийцы, фракийцы и даки, сарматы и германцы.

XXII. Норикская война

(4) Альпы возвышали (босвой) дух нориков: будто война не могла подняться на их скалы и снега! Цезарь с помощью своего пасынка Друза¹⁸⁰ покорил племена этой страны: бревнов, уценнов¹⁸¹ и винделиков. (5) Какова была дикость альпийских племен, легко показать на примере их женщин: за нехваткой метательных орудий они разбивали о землю головы своим младенцам и швыряли их в лицо воинам.

XXIII. Иллирийская война

(6) Иллирийцы живут у подножия Альп. Их словно бы охраняют теснины, образованные водопадами. Против них Цезарь предпринял поход¹⁸² сам и приказал возвести мосты. (7) Увидев растерянность своего войска, вызванную водами рек и врагом, он вырвал щит из рук замешкавшегося при персходе воина и первым проложил дорогу. Авангард последовал за ним, и мост обрушился под тяжестью массы людей. Раненный в руки и ноги, окровавленный и освященный¹⁸³ опасностью, он положил врагов на лопатки.

XXIV. Паннонская война

(8) Две быстрые реки — Драва и Сава — защищают паннонцев. Опустошив соседей, они прячутся за их берегами. Для покорения паннонцев Цезарь послал Винния¹⁸⁴. Они были разбиты на обеих реках. (9) Оружие побежденных, вопреки военному обычаю, было не сожжено, а сломано и брошено в поток, чтобы о славе Цезаря могли узнать те, кто еще сопротивлялся.

XXV. Далматинская война

(10) Далматы по большей части жили в лесах. Оттого они наиболее склонны к грабегам. (11) Еще консул Марций¹⁸⁵ как бы обезглавил их, предав огню город Дельминий. Затем Азиний Поллион¹⁸⁶, второй по таланту оратор¹⁸⁷, лишил их стад, оружия, земель. Но окончательное их покорение Август поручил Вибию¹⁸⁸. (12) Тот заставил этот глупый народ копать землю и добывать в рудниках

золото. Самый неразвитый из народов делал это с таким усердием и старанием, будто золото шло на его собственные нужды.

XXVI. Мезийская война

(13) Страшно вспоминать, сколь дикими, сколь свирепыми были мезийцы, варвары из варваров. (14) Один из вождей в наступившей перед сражением тишине воскликнул: «Кто вы есть?» С другой стороны ответили: «Римляне — владыки народов». (15) Тот в ответ: «Так будет, если вы нас победите». Условие принял Марк Красс¹⁸⁹. Тотчас же перед строем мезийцы заклали коня, потом дали обет — внутренности убитых вражеских вождей принести в жертву и съесть. (16) Я могу поверить, что это услышали боги, так как нельзя было заглушить звуки труб (римлян). Не меньший страх нагнал на варваров центурион Корнидий. Его выходка была достойна варвара, но произвела впечатление на столь глупых людей: насадив на свой шлем горшок с углями, разгоравшимися при движении, он словно исторгал пламя из головы.

XXVII. Фракийская война

(17) Фракийцы часто бунтовали и прежде, но более всего при царе Реметаксе¹⁹⁰. Он приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию. Будучи покорены Пизоном¹⁹¹, они неистовствовали даже в плену; пытаясь укунуть оковы, сами наказали себя за дикость.

XXVIII. Дакийская война

(18) Даки засели за горами. При царе Котисоне¹⁹², когда Данувий, затвердев от стужи, соединял берега, они обычно совершали набеги и опустошали окрестности. (19) Цезарь Август задумал отбросить этот неусловимый народ. Отправив Лентула¹⁹³, он прогнал их на другой берег реки. По эту сторону были установлены сторожевые посты. Дакия, таким образом, не была победена, вернее, победа над ней отодвинута, отложена¹⁹⁴.

XXIX. Сарматская война

(20) Сарматы скакали на конях по необозримым степям. Тому же Лентулу¹⁹⁵ показалось достаточным препятствовать их переходу через Данувий. У них нет ничего, кроме снега, инея и лесов. Такое варварство, что даже нет понятия о мире.

XXX. Германская война

(21) И разве [Август] не посчитал важной победу над Германией? Позор утраты этой страны был намного большим, чем слава ее приобретения. (22) Но он знал, что его отец Цезарь дважды переводил по мосту через Рен войну в Германию, и он намеревался превратить эту страну в его честь в провинцию. И это ему бы удалось, если бы варвары выносили наши пороки столь же легко, как и наше господство.

(23) Итак, в ту область был отправлен Друз, поначалу он покорил узипетов, затем прошел через тенктеров и хаттов. Трофеями и сверкающим оружием маркоманнов он украсил высокий холм наподобие победного памятника. (24) После этого он победил исключительно сильные народности херусков, свевов и сугамбров, которые распяли на крестах двадцать римских центурионов и этим самым открыли против нас войну. Все они были приспославлены надежд на победу и уже заранее оговорили себе добычу. (25) Херуски притязали на коней, свевы — на золото и серебро, сугамбры — на пленных. Но вышло наоборот. Победителем стал Друз, и он повелел продать коней, стада, ожерелья и их самих как добычу. (26) Помимо того, для охраны провинции он поставил гарнизоны и укрепленные пункты на реках Мозе, Альбе и Визурге. По берегу Рена тогда появилось более пятидесяти укрепленных мест. Борм¹⁹⁶ и Гезориак он связал мостами и дал им для охраны флот. (27) Также достиг он Герцинских гор, чего еще не удавалось сделать никому (из римлян). Так в Германии воцарился наконец такой мир, что казалось, будто изменились люди, другой стала страна и даже климат сделался мягче. (28) Наконец, и сам¹⁹⁷ сенат, вопреки своему обыкновению, без промедления в признание заслуг дал победителю почетное имя по провинции.

(29) Однако труднее удержать провинцию, чем завоевать: добытое силой удерживается законностью. (30) Мир был недолгим. Германцы скорее были побеждены, чем усмирены и, познакомившись с нами при победоносном полководце Друзе, возненавидели не столько наше оружие, сколько наши пороки. (31) После смерти Друза распущенность и надменность Квинтилия Вара¹⁹⁸ им претила не менее, чем его суровость. Он осмелился собирать их на сходки и отдал неосмотрительный приказ¹⁹⁹. Будто розга ликтора и голос глашатая могут смягчить необузданность варваров! (32) Германцы, давно уже сокрушавшиеся, что ржавеют их мечи и бездействуют кони, решили, что мир с римлянами и римские законы хуже войны, и под командованием Армения²⁰⁰ взяли за оружие. (33) Вар настолько

был уверен в прочности мира, что не двинулся с места, когда один из вождей, некий Сегест²⁰¹, выдал ему заговор.

(34) Итак, они неожиданно обрушились со всех сторон на неподготовленного и не опасавшегося нападения полководца в то время, когда он — какая беспечность! — улаживал споры со своего трибунала. Они разграбили лагерь, разбили три легиона. (35) Вар встретил удар судьбы и свое поражение с той же силой духа, что и Павел в день Канн. (36) Нельзя себе представить что-либо страшнее этого побоища в болотах и лесах, что-либо невыносимее издевательств варваров, особенно по отношению к законникам²⁰². (37) Одним они выкололи глаза, другим отрубили руки, у одного зашили рот, предварительно вырезав язык. Держа его в руках, один из варваров воскликнул: «Наконец-то ты перестала шипеть, змея!» (38) Они даже вырыли тело консула, преданное земле благочестивыми воинами. Что касается легионных орлов, то двумя из них варвары владеют до сих пор, а третьего орла²⁰³, чтобы он не попал в руки врагов, знаменосец сорвал [с древка], спрятал под пояс и укрыл в окрасившемся кровью болоте. (39) Результатом этого поражения было то, что империя, которую не задержало побережье Океана, была остановлена на берегу реки Рен.

XXXI. Гетульская война

(40) Так было на севере. На юге против нас скорее восставали, чем воевали. Мусуламов и гетулов²⁰⁴, населявших Сирты, победил, по поручению Августа, Косс²⁰⁵, получивший прозвище Гетулийский, более громкое, чем одержанная им победа. (41) Покорение мармаридов²⁰⁶ и гарамантов²⁰⁷ было поручено Квиринию²⁰⁸. Последний мог бы приобрести прозвище Мармарийский, но его победе была дана более умеренная оценка.

XXXII. Армянская война

(42) На Востоке больше всего забот было с армянами. Август направил туда одного из цезарей, своих внуков. Оба прожили недолгую жизнь, а один из них к тому же бесславно: Луций скончался от болезни в Массилии, в то время как Гай умер от раны в Сирии²⁰⁹, после того как подчинил нашим законам Армении, перешедшую в подданство к парфянам. (43) Армяне после поражения Тиграна были принуждены Помпеем лишь к такому виду зависимости, что получали от нас правителей. Когда этот обычай был нарушен, Гай Цезарь восстановил его с помощью битвы,

незначительной, но стоившей ему жизни. (44) Дон²⁰, которого царь поставил во главе Артагериды²¹, прибыл к римлянам под видом перебежчика и дал Цезарю книжицу, которую представил как перечень царских богатств, а когда Цезарь погрузился в ее чтение, обнажил меч и напал на него. Цезарь на время пришел в себя от раны, но... (пропуск в тексте). (45) Между тем варвар, окруженный со всех сторон враждебным войском, принес искупление еще живому Гаю Цезарю, пронзив себя мечом и бросившись в костер.

XXXIII. Война с кантабрами и астурами

(46) На западе была уже покорена почти вся Испания, не считая той части, которая примыкает к Пиренейским скалам и омывается ближайшим к нам Океаном. Здесь пришли в волнение два упорнейших независимых от нашей власти народа — кантабры и астуры. (47) Первыми с наибольшей решимостью и упорством проявили свой мятежный дух кантабры. Не довольствуясь защитой собственной свободы, они пытались подчинить соседей и утомили частыми нападениями ваккеев²¹², турмогов²¹³ и аутригонов²¹⁴. (48) Поэтому, когда стало известно об усилении их активности, экспедицию против них Август не поручил никому, а оставил для себя. Он сам²¹⁵ прибыл в Сегисаму²¹⁶, поставил лагерь, после чего войском, разделенным на три части, охватил всю Кантабрию и обложил одичавший народ, словно зверей. (49) Не было им покоя и со стороны Оксана, откуда он ударил в тыл врагам сильным флотом. Впервые схватились с кантабрами у стен Бергиды²¹⁷. Оттуда они бежали на высочайшую гору Виндий, которую, как они полагали, скорее достигнут воды Оксана, чем римское оружие. (50) Сильное сопротивление оказал город Арацелий²¹⁸, однако он был взят. Последней операцией была осада горы Медуллы. Когда римляне окружили ее сплошным рвом в 18 миль и одновременно подошли со всех сторон, варвары осознали, что им пришел конец. Они устроили погребальный пир, соревнуясь в выборе смерти — от меча, огня или яда, который они обычно добывают из тисового дерева. Большая их часть предпочла смерть, освободившись таким образом от плена, который им, в то время еще не покоренным, казался тяжелее смерти. (51) Цезарь, зимовавший в Тарраконе у моря, узнал об этом от легатов Антистия²¹⁹ и Фурния²²⁰ и от Агриппы²²¹. (52) Прибыв к месту боев, он одних свел с гор, других привязал к себе с помощью заложников, третьих продал под венком²²² по праву войны. (53) Сенат счел всё это достойным лавра и триумфальной колесницы, но Цезарь в то время был уже столь могущественным, что мог пренебречь триумфом.

(54) Тем временем со снежных гор спустилось огромное полчище астугов. Вопреки обыкновению эта атака варваров была продуманной. Они поставили свой лагерь у реки Астура и разделили войско на три части, подготавливая нападение одновременно на три лагеря римлян. (55) Исход сражения с таким сильным и, против ожидания, подготовленным к войне врагом был бы неясен и, как я полагаю, чреват потерями для обеих сторон, если бы не предали бригаины (56) и не прибыл предупрежденный ими Каризий²²³. Победа, хотя и не бескровная, разрушила планы астугов. (57) Остатки разбитого вражеского воинства принял сильно укрепленный город Ланцея²²⁴, защищавшийся столь яростно, что воины потребовали предать его после захвата огню. (58) Полководец с трудом отстоял его, сказав, что нетронутый город будет более значительным памятником римской победы, чем сожженный²²⁵.

(59) Здесь — конец боевым действиям Августа, как и сопротивлению Испании. Наступившее спокойствие и длительный мир были результатом как природного миролюбия испанцев, так и мудрых распоряжений Цезаря, который, опасаясь их бегства в горы, приказал заселить и возделывать местность в долине, где находились его лагеря. (60) Здесь он повелел быть сходке племени, и это место считалось столицей. Благоприятствовали тому природные условия района: он изобилвал золотом, хризokolлой²²⁶, киноварью и другими красками. Поэтому Август и приказал вскапывать землю. Так астуры начали знакомиться с богатствами и сокровищами своей земли, хотя они и добывали их не для себя, а для других.

XXXIV. Мир с Парфией и обожествление Августа

(61) И вот были покорны все народы на западе и на юге, на севере — между Реном и Данувием — и на востоке — между Киросом²²⁷ и Евфратом. Остальные, независимые от империи племена чувствовали се величие и начали питать почтение к римскому народу как к владыке мира. (62) Скифы и сарматы отправили послов с просьбой о дружбе²²⁸. Серы²²⁹ и живущие под самым солнцем инды²³⁰, принесли в дар геммы, жемчуг и слонов, сочли наибольшей данью длительность пути, на который у них ушло четыре года. Уже цвет кожи этих людей допускал, что они пришли из другого мира. (63) Парфяне как бы раскаивались в своей победе: они добровольно вернули знамена, какие добыли во время поражения Красса²³¹. (64) Так повсеместно среди рода человеческого воцарились либо прочный мир, либо перемирие, и поэтому Август в 700 году от основания Рима закрыл храм двуликого Януса, который до этого

закрывался всего два раза: при царе Нуме и после первого поражения Карфагена ²³². (65) Теперь, посвятив себя миру, он с помощью многих суровых и строгих законов пытался удержать в узде век, обратившийся ко всем порокам и роскоши. За эти великие дела он был провозглашен несменяемым диктатором ²³³ и отцом отечества. (66) Дошло даже до обсуждения в сенате, не назвать ли его Ромулом ²³⁴, поскольку он основал империю. Но более священным и почетным представилось имя Август. Ведь тем самым он обожествлялся при жизни.

ЛУЦИИ АМПЕЛИИ
ПАМЯТНАЯ КНИЖИЦА

ЛУЦИЙ АМПЕЛИЙ СВОЕМУ МАКРИНУ ПРИВЕТ

В соответствии с твоим желанием узнать обо всем я составил эту памятную книжицу, из которой ты можешь узнать, каково мироздание, каковы его элементы, каков круг земель, каковы свершения рода человеческого.

1. О мироздании

1. МИР — совокупность сущего, в котором все, что есть, а вне его — ничего; по-гречески — космос.

2. ЭЛЕМЕНТОВ мироздания четыре: огонь, из которого состоит небо; вода, из которой море Океан; воздух, из которого ветры и бури; земля, которую в соответствии с ее формой мы называем кругом земель.

3. ЧАСТЕЙ НЕБА четыре: восток, запад, юг, север.

4. Небо разделяется на пять ЗОН:¹ арктика и антарктика, которые необитаемы из-за невероятного холода; зона равной ночи (и дня), в [которой] находится полоса, называемая *катакекаумене*, не заселенная из-за невероятной жары; зимняя и летняя зоны, которые обитаемы (ведь они весьма умерены); по этим зонам движется кривая замкнутая линия с двенадцатью знаками, через которые пролегает сжегодный путь солнца.

2. О двенадцати знаках

1. Знаков на небе двенадцать².

ОВЕН по благоволению Либеры³. Когда Либер вел войско в Индию через Ливию по местам сухим и песчаным, где недоставало воды и войско было мучимо жаждой, Овен указал ему воду. Либер нарек его за это Юпитером Амоном и на том месте, где он нашел воду, построил ему великолепный храм, который находится в девяти тысячах шагов от Египта и Александрии. Потому Либер попросил Юпитера поместить Овна сре[ди] звезд. Другие считают, что это тот Овен, который нес Геллу и Фрикса.

2. ТЕЛЕЦ по благоволению Юпитера ⁴. Тельца, обладавшего в своем бычьем облике человеческим разумом, Юпитер получил от брата Нептуна по его согласию. Он должен был по приказу Юпитера приласкаться к еидонянке Европе, дочери Агенора, взять ее и доставить на Крит. За это деяние Юпитер поместил тельца на веки вечные среди звезд.

3. БЛИЗНЕЦЫ, которых называют [богами] Самофракийскими ⁵. Их происхождение нельзя разглашать, как [тайну] тех, которые соблюдают мистерии. Другие говорят, что это Кастор и Поллукс, поскольку эти владыки делают море безопасным от пиратов. Есть такие, кто утверждает, что это Геркулес и Тезей, поскольку они совершили подобные подвиги.

4. РАК, каркин, получил убежище по милости Юноны ⁶. Когда Геркулес был послан уничтожить Лернейскую гидру (мы ее называем гадиной), этот рак по приказанию Юноны последовал за ним по пятам и впился ему в голени, доставив больше неудобств, чем сама гидра. За это деяние Юнона удостоила каркина [рака] пребыванием среди звезд.

5. ЛЕВ ⁷, лев, выращенный [в Немее] по замыслу Юноны на погибшь Геркулесу. Послав льва на землю, к аргивянам, она долго прятала [его] в пещере. Как говорят, Геркулес его умертвил с помощью своего гостеприимца Молорка. Полученную от него дубину он тогда использовал впервые. Убив ею льва, он после того носил его шкуру вместо одежды. За все это Юнона возненавидела Геркулеса. Лев же был почтен небесным достоинством.

6. ДЕВА, которую мы называем Справедливостью, жила среди людей ⁸. Но после того как люди стали совершать злодеяния, Юпитер поместил ее среди звезд. Некоторые говорят, что это Эригона, дочь афинянина Икария. Либер передал вино ее отцу, чтобы сделать приятное людям. Но те, кому он передал вино, напились и убили Икария камнями. Собака, которая была с ним, увидела хозяина убитым и побежала с воем к Эригоне. Увидев собаку одну и в унынии, дева взволновалась и поспешила за нею. Так они прибыли к месту, где лежал Икарий. Эригона увидела тело отца и с горьким плачем похоронила его на горе Гиметте. Сама же просунула голову в петлю. Собака, улегшись у ее ног, долго страдала без пищи, но затем, погибая без воды, бросилась в колодец. Тогда Либер попросил Юпитера, поскольку они погибли, выполняя его волю, поместить [Эригону] Деву на звездном пути, Икария назвать Арктуром [восхождение его звезды постоянно вызывает бури], собаку же — Каникулой ⁹.

7. ВЕСЫ, называемые у греков *зигос*, приняли имя человека, отличавшегося высшим милосердием и справедливостью. Говорят,

что это был [Стаф]мух. Его почитают как первого, открывшего [людям] весы и гири, которые считаются полезнейшими для смертных. Вследствие чего он принят в число звезд и назван Весами¹⁰.

8. СКОРПИОН, который, говорят, был рожден по воле Дианы на горе острова Хиоса Пелинее на погибель Ориону¹¹. Ведь Орион, увидев во время охоты Диану, захотел ее обесчестить. Она заставила скорпиона лишить Ориона жизни. Юпитер принял и скорпиона и Ориона в число звезд.

9. СТРЕЛЕЦ, Кротос¹², сын кормилицы муз, которые его любили и называли Стрельцом за участие в их играх и забавах со стрелами. Другие говорят, что это Хирон, который отличался справедливостью, благочестием, гостеприимством. Им Эскулап [обучен] медицине, Ахилл — игре на кифаре и многому другому.

10. КОЗЕРОГ, которому имя Пан. В то время Пифон¹³, обитавший в пещерах горы Тавра, пошел войной на Египет. Тогда Пан принял облик козла. Бессмертные боги назначили за это Пифону должное наказание, Пана же наградили, сохранив память о нем в звездах.

11. ВОДОЛЕЙ, которым, полагают, был Ганимед. Говорят [также], что это фессалиец Девкалион, один лишь с женой Пиррой уцелевший во время величайшей катастрофы. Из-за своего благочестия был помещен среди звезд¹⁴.

12. РЫБЫ оттого [названы рыбами], что во время войны с гигантами Венера в замешательстве превратилась в рыбу. Говорят еще, что течением Евфрата ... на яйце рыба ... в устье реки голубка высиживала много дней, и вылупилась богиня, благоволящая людям хорошего поведения. Обе эти рыбы, дабы о них помнили, были помещены среди звезд¹⁵.

3. О звездах

1. Кроме двенадцати знаков Зодиака на небе выделяются могущественные созвездия:

СЕПТЕНТРИОНЫ два — Большие и Малые, которые никогда не прячутся и поэтому направляют курс кораблей¹⁶. Одно из них называется Киносира, другое... Волопас, а также Арктур.

2. ОРИОН благодаря своей величине охватывает полнеба¹⁷.

ПЛЕЯДЫ, которых по-латыни зовут Вергилиями¹⁸.

ГИАДЫ, по-нашему Субукулы. За их восхождением и заходом наблюдают моряки и земледельцы^{18а}.

КАНИКУЛА, сила которой особенно велика во время солнцеворота^{18б}.

3. Могущественных ЗВЕЗД на небе семь: Сатурн, Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера. Греки называют их планетами,

мы же — блуждающими звездами, потому что они странствуют по собственному усмотрению и своим движением определяют человеческие судьбы. И они также движутся в направлении, обратном по отношению к небу¹⁹.

4. В каких двенадцати знаках зодиака находятся двенадцать ветров²⁰

Овен в направлении к Апельиоту. Телец в направлении к Кекию. Близнецы [в направлении] к Септентриону, Лев в направлении к Траскию. Дева [в направлении] к Аргесту. Весы в направлении к Зефиру. Скорпион в направлении к Афру. Стрелец [в направлении] к АуSTRU. Козерог [в направлении] к АуSTRU. Водолей [в направлении] к АуSTRU. Рыбы [в направлении] к Евру.

5. О ветрах

1. Ветры возникают от движения воздуха и климатической зоны. Восьь главных ветров четыре: Евр, он же Апельиот, он же Волтурн — с востока. Зефир, он же Кор и Фавоний — с запада; Аквилон, он же Борей и Апарктий — с севера; Нот, он же Ливисц, Аустр и Афр — с юга²¹.

2. Это главные четыре ветра. Остальные, особые, примыкают к ним. Так, Япиг к Зефиру. Он дует с [япигского предгорья Апулии; Левконот к Ноту, когда он вест мягче; Киркий к Аквилону, когда он наиболее сильно продувает Галлии; также Этесии, которые летом дуют в определенное время^{21a}.

6. О круге земель

1. Круг земель, что находится под небом, заселен в четырех частях. Одна его часть, в которой обитаем мы; другая, ей противостоящая, которую населяют зовущиеся антихтонами; две части мира, находящиеся друг против друга, населены теми, чье имя антиподы. 2. Круг земель, в котором мы живем, делится на три части и с таким же числом названий: Азия, которая находится между Танаисом и Нилом, Ливия — между Нилом и Гадитанским проливом, Европа — между этим же проливом и Танаисом. 3. Знаменитейшие НАРОДЫ Азии: инды, серы, персы, мидяне, парфяне, арабы, вифинцы, фригийцы, каппадокийцы, киликийцы, сирийцы, лидийцы. 4. В Европе знаменитейшие народы: скифы, сарматы, германцы, даки, мезийцы, фракийцы, македоняне, далматы, паннонцы, иллирийцы, греки, италики, галлы, испанцы²². 5. Знаменитейшие народы Ливии: эфиопы, мавры, нумидийцы,

пуны, гетулы²³, гараманты²⁴, насамоны²⁵, египтяне. 6. Известнейшие ГОРЫ круга земель: Кавказ в Скифии, Эмод²⁶ в Индии, Ливан в Сирии, Олимп в Македонии, Гиметт в Аттике, Тайгет в Лакедемонс, Киферон и Геликон в Ботии, Парнас [в Фокиде]. 7. Акрокравния²⁷ в Эпире, Менал²⁸ в Аркадии, Апеннины в Италии, Эрикс в Сицилии, Альпы между Галлисй [и Италисй], Пиренси между Галлисй и Испанией, Атлант в Африке, Кальпе в проливе Оксана.

8. Известнейшие РЕКИ мира: Инд, Ганг, Гидасп в Индии, Аракс в Армении, Фермодон и Фазис в Колхиде²⁹. 9. Танаис в Ски[фи]и, Стримон и Гебр во Фракии, Сперхий в Фессалии, Герм и Пактол, золотоносные Меандр и Каик в Лидии, Кидн в Киликии³⁰. 10. Оронт в Сирии, Симоис и Ксанф во Фригии, Эврот в Лакедемонс, Алфей в Элиде, Ладон в Аркадии, Ахслай и Инах в Эпире, Сав и Данубий, который в Мезии, также называют Истром, Эридан и Тиберин — в Италии, Тимав — в Иллирике, Родан в Галлии, Ибер и Бетис в Испании^{30а}. 11. Баграда в Нумидии, Тритон в Гетулии, Нил в Египте, Тигр и Евфрат в Парфии, Рен в Германии^{30б}.

12. Известнейшие ОСТРОВА: в нашем море двенадцать — Сицилия, Сардиния, Крит, Кипр, Эвбея, Лесбос, Родос, двос Балсар, Эбус, Корсика, Гадес; в Оксана: на востоке Тапробана³¹, на западе Британия, на севере Филе³², на юге Острова блаженных. 13. Кроме них в Эгейском море Киклады из одиннадцати островов³³ — Делос, Гиарос, Микonos, Андрос, Парос, [Ол]сарос, Тенос, Китнос, Мелос, Наксос, Донуса. 14. Кроме этих бесчисленные Спорады, из которых наиболее населенные Эгина, Саламин, Косс, Хиос, Самофракия; 15. В Ионийском море Эхинады и Строфады³⁴, Итака, Кефаления, Закинф; в Адриатическом море Кратейских островов около тысячи; в Сикулийском море Эолийских островов — восемь; в Галльском — Стоихад три, в Сиртском — Керкина, Меникс и Гирба³⁵.

7. Об окружности моря

1. Море, которое опоясывает вселенную, именуется Оксаном. Он четырьмя частями вдастся в сушу: та, что с севера, называется Каспием³⁶, с востока — Персидским морем, с юга — Арабским, также Красным и Эритрейским, с запада — Великим морем или Атлантическим, так как в нем распространяется торговля всего рода человеческого. 2. Оно вступает в Гадитанский пролив меж двух прославленных гор Абинны и Кальпы, названных по своему местоположению Столпами Геркулеса, далее оно разливается в ширину и в длину, затопляя средний круг земель; 3. Балсарское, омывающее Испанию; Галльское, соприкасающееся с Галлиями;

Лигутийское, наводняющее лигуров; Тускское; Тирренское, оно же Нижнее, которое омывает левый берег Италии; Адриатическое, оно же Верхнее, которое омывает правый берег Италии; Сикулийское, в котором Сицилия; Критское, в котором остров Крит; 4. Ионийское и Эгейское, которые так окружают Ахайю, что, подступая к Истму, она образует почти остров; Миртойское и Икарийское, которые примыкают к Эгейскому морю, одно названо по Миртилу³⁷, другое — по Икару; 5. Понтийское, которое огромным заливом вливается к скифам; Гелеспонтийское, образующее пролив между двумя прославленными городами Сестом в Азии и Абидом в Европе; Танаитское, которое омывает Азию; Египетское названо от Египта; Ливийское — от Ливии; Сиртское, отбрасываемое от двух Сиртов взад и вперед жароу³⁸.

8. [Чудеса мира], что на земле

1. Аполлония в Афанантии: [от моря] в пяти тысячах шагов в горе ссть нимфеум: там имсется огонь и пламя вырывается из змли. [Звучащая] в лесу музыка Пана слышна в городе. И еще на равнине под той же горой — озеро, полнос воды. Оттуда вытскают смола и асфальт. Если похлопасшь руками, смола поднимается высоко над водою и как бы пузырится³⁹.

2. В АМБРАКИИ, в Эпире, на стене рукою автохтона нарисованы Кастор, Поллукс и Елсна, и никто ... и не может узнать, кто нарисовал⁴⁰.

3. В АРГОСЕ, что в Эпире, который называют + *ipraton*:⁴¹ там имсется большой мост на двойных опорах колонн, воздвигнутый, как говорят, по повелснию Медеи. На нем + *picla* рулевые весла аргонавтов + *quae septa*... корабль. Там же храм Юпитера + *stymphonis*⁴², из которого начинается вход в подземный мир для получения божественных жребиев. Говорят, что те, которые в этом месте спускались, видели самого Юпитера.

4. На ЛЕВКАДЕ имсется скала, откуда из-за какого-то мужчины бросилась в море Сапфо. На вершине горы святилище Аполлона, где приносят жертвы. И если человек оттуда упадет, его сразу спасают с лодок⁴³.

5. В СИКИОНЕ, что в Ахайе, на форуме имсется храм Аполлона. В нем помещены круглый щит и короткий меч Агамемнона, хламида и панцирь Улисса, лук и стрелы Тевкра, ларь Адраста, [им оставленный], но что в нем, никто не знает, а также медный котел, [поставленный Мсдеей], в котором, как говорят, был сварен Пилей. Там же письма Паламеда, [флейты] и кожа Марсия, весла аргонавтов, вместе с кормилом и кольцами, жребии, которые бросала

Минерва об Оресте... скрепил воском и вместе приладил... [там] висит палла. Если кто сильно подует, она распускается. [Также] тканье Пенелопы. Там из земли бьет масло ⁴⁴.

6. В АРГОСЕ в Ахайе храм Юноны, великолепно украшенный, который называют «убежищем» ⁴⁵.

7. В ОЛИМПИИ прославленный храм Юпитера, где атлеты приносят жертвы.

8. В КОРИНФЕ близ моря огромное ребро кита, которое человек не в состоянии обхватить. И в том же месте святилище Венеры, где мраморная чаша Лаиды.

9. В БЕОТИИ священное озеро, где был поглощен Амфиарай. Посреди озера висит разбитый глиняный сосуд, составленный из обломков. Но откуда он свешивается, не ясно, пока он не двигается ветром ⁴⁶.

10. В АФИНАХ известный храм Минервы. Слева [к статус] добавлен щит, которого она касается пальцем. В центре его изображение Дедала ⁴⁷, так прикреплено, что, если кто захочет его вынуть, пропадет все сооружение и конечно же развалится статуя. Сама же богиня имеет копье из тростника.

11. В ИЛИОНЕ есть четырехугольный камень, к которому была прикована Кассандра. Если к нему спереди [прикоснуться или] потереть, потечет молоко, если же таким же образом потереть с другой стороны, — потечет кровь. Близ моря имеется место по названию Ретсон. Там погребальный холм Ахилла и Патрокла и река Скамандр ⁴⁸.

12. В ЭФЕСЕ наиболее известный из храмов Дианы, самый большой и прекрасный во всем мире. При входе [в него] справа и слева мраморные монолиты с дверными створками высотой в двадцать локтей. Наверх к храму ведут ступени ... сто сорок тысяч... ⁴⁹.

13. На САМОСЕ в храме Юноны ⁵⁰ скифос, сплетенный из плюща, имеющий снаружи четыре своеобразные головы с бараньими рогами удивительной величины.

14. В ПЕРГАМЕ огромный мраморный алтарь высотой в сорок футов с большим числом скульптур, образующих гигантомахию ⁵¹.

15. В ИАСЕ под открытым небом находится прекраснейшая статуя Дианы. Когда идет дождь, он ее не задает ⁵².

16. В [Б]АРГИЛЕ ⁵³ над морем храм Венеры. Там под открытым небом лампада на подставке, бросающая свет на море. Ее не гасит ветер, не заливает дождь. Также и старинный храм Геркулесса. Там с колонны свисает полый железный шар, в котором, как говорят, заточена Сивилла. Там же лежат кости кита в виде квадратных камней.

17. В МАГНЕЗИИ у Сицилы стоят четыре столба. Между ними

висит железная фигурка Виктории, ни к чему не привязанная, но парящая в воздухе. Даже при ветре и дожде она не двигает[ся] ⁵⁴.

18. В ЭФЕСЕ храм Дианы, сооруженный амазонкой. Гробница в Карию, там и ...притворяется спящим, удивительных размеров из бронзы и железа ⁵⁵.

19. На РОДОСЕ ... колосса ...статуя Солнца высотой ...над мраморной колонной с квадригой. Колонна же имеет сто локтей.

20. На КИПРЕ медная [статуя ...] с лицом из золота, высотой в 150 локтей и шириною в 60 локтей... Статуя Зевса Олимпийского работы Фидия... ⁵⁶

21. В ЭКБАТАНАХ [в Мидии] дворец царя Кира сложен из белых и темноватых камней, скрепленных золотом... Там имеются колонны различных цветов, бесчисленные пластины из железа, окна из серебра и кровельные черепицы из зеленого камня ⁵⁷.

22. Сооружение Мемнона... ⁵⁸ [внутри, пополам] Вавилонии... жженным камнем, [это известь] и сера вперемешку с железом. Ширина ее 30 локтей, высота 130. Общая окружность 30 тысяч шагов. Начала ее Семирамида, закончил ее сын.

23. [АЛЕКСАНДРИИ]... [пирамиды в Египте], которые воздвиг Агарт ⁵⁹.

24. Город там ... Нил река, отлитая из меди... плетения в триста локтей, чье лицо из прозрачного смарагда, руки из огромных бивней слона. При виде его пугаются звери. В Афинах более всего почитают статую Зевса Олимпийского, в Александрии — река Нил ⁶⁰.

9. Сколько было или есть Юпитеров и где места богов и богинь ⁶¹

1. ЮПИТЕРОВ было три: ⁶² первый — в Аркадии, сын Эфира, отсюда его прозвище Эфирий: этот породил первого бога Солнца. Второй — в той же Аркадии, его называют Сатурнием. От Прозерпины он породил отца Либера, открывателя вина. Третий — на Крите, сын Сатурна и Опы, его называют Наилучшим и Величайшим.

2. МАРСОВ было два: первый — из ...совлекающий доспехи ⁶³, как заверяет Эвгемер, и наш Марс и Марспитер, иначе Марс Эниалий; второй — от Юпитера и Юноны.

3. БОГОВ СОЛНЦА было пять. Первый — сын Юпитера; второй — Гипериона; третий — Нила, обоготворенный Египтом; четвертый, рожденный на Родосе, — именно тот, чей сын Сминфей; пятый — сын Колха, от которого рождены Кирка, Медея и Фалгон ⁶⁴.

4. ВУЛКАНОВ было четыре. Первый рожден Крисм и Иоппой;

второй — сын Нила; третий — Сатурна и Юноны; четвертый в Сицилии — сын Мелиты ⁶⁵.

5. МЕРКУРИЕВ было четыре: первый — сын Неба и [матери] Дня. Второй — сын Юпитера и Кронии, или Прозерпины; третий — сын Крона и Майи, изобретатель лиры; четвертый — сын Килсны, который возвестил египтянам письмо и счет ⁶⁶.

6. АПОЛЛОНОВ пять: первый — от Вулкана и Минервы; второй — от Корибанта; третий — сын Юпитера и Латоны; четвертый — сын Силена и Аркадии; пятый — сын Амона, рожденный в Ливии ⁶⁷.

7. ДИАН три: первая — дочь Юпитера Крона от Прозерпины; вторая — Юпитера и Латоны, сестра Либера; третья, которую называют Опой, — от Главки ⁶⁸.

8. ЭСКУЛАПОВ три: первый наречен Аполлоном, сын Вулкана; второй — сын Елата; третий ... сын Аристета и Алкиппы ⁶⁹.

9. ВЕНЕР четыре ⁷⁰: первая — дочь Неба и Дии; вторая, о которой говорят, что она рождена из псны, — дочь Эфира и Оксани[ды]; третья — жена Вулкана, которая совокупилась с Марсом.

10. МИНЕРВ пять: первая — дочь Вулкана, отсюда город афинян; вторая — дочь Нила, которую почитают египтян; третья — дочь Юпитера, которая занимается военным делом; четвертая — дочь Солнца, [которая] изобрела квадригу; пятая — дочь Паланта и Титаниды. Эта, защищая свою девственность, убила отца, который на нее посягал. Оттого названа Палладой ⁷¹.

11. ЛИБЕРОВ пять: первый — от Зевса и Прозерпины; он возделыватель земли и изобретатель вина. Сестра его Церера; второй — Либер от Мелона и Флоры ... чье имя имеет река Граник; третий — от Кабира, который царствует в Азии; четвертый — от Сатурния и Семелы ... говорят, пятый — сын Ниса и Фионы ⁷².

12. ГЕРКУЛЕСОВ шесть. Первый — Юпитера [и] Эферины сын; второй — Нила сын, которого египтяне почитают принцем; третьего эллины считают основателем своего места; четвертый — сын Крона и Картеры, которого чтут карфагеняне, от него Карфаген; пятый ... Иааба сын, который сражался с царем мидян; шестой — сын Зевса и Алкмены, покоривший Атланта ⁷³.

10. Об империях

Согласно воспоминаниям, в минувшие века было семь империй: первыми верховной властью обладали АССИРИЙЦЫ, затем МИДЯНЕ, потом ПЕРСЫ, позднее ЛАКЕДЕМОНЯНЕ, затем АФИНЯНЕ, далее после них МАКЕДОНЯНЕ и, наконец, РИМЛЯНЕ.

11. Ассирийские цари

1. Царь БЕЛ, сын Юпитера, потомки которого благодаря Нину правили Азисй, благодаря Египту — Ливисй, благодаря Данас — Европой ⁷⁴.

2. Царь НИН, который первый восновой силой подчинил себе почти всю Азию и основал прославленный город своего имени Нин ⁷⁵.

3. САМИРАМИДА — дочь нимфы Деркеты ⁷⁶, вскормленная голубкой, супруга царя Нина. После смерти Нина она оружием расширила пределы его царства, во время удачного похода сдва не покорила Индию. У реки Евфрат она воздвигла Вавилон, великолеспнейший из всех когда-либо существовавших городов.

4. САРДАНАПАЛ ⁷⁷, потерявший царство из-за переизбытка наслаждений и роскоши, не попавший в руки врагов, поскольку вместе со своими распутниками выпил яд и, разложив огонь, сгорел вместе со своим дворцом.

12. Мидийские цари

1. АРБАК ⁷⁸, первый царь, который могущество ассирийцев, разрушенное роскошью Сарданапала, передал [мидянам] и правил ими справедливо.

2. АСТИАГ ⁷⁹ — муж смелый и справедливый, который был побежден хитростью Кира, и царство мидян распалось.

13. Персидские цари

1. КИР, храбрейший из царей, который, покорив большую часть Азии, вторгся бы также и в Европу, не будь он побежден и сражен Томирой, царицей скифов.

2. КАМБИЗ — ничтожный сын Кира, который, одержав в Египте победу над семидесятитысячной армией и царем Амасисом, двинулся в Эфиопию и вернулся, ничего не добившись, потеряв от голода большую часть воинов. Однако основал там город Мерос ⁸⁰. Это он приказал убить священного быка Аписа. Из-за гнева богов свалился с коня, наткнулся на свой меч и испустил дух.

3. ДАРИЙ — один из семи персов, достигший царства из-за ржання коня. Последовал вместе с 270 тысячами воинов в Европу. Побежденный у Марафона афинянами во главе с Мильтиадом, отступил.

4. КСЕРКС ⁸¹ — сын Дария; когда умер его отец, с большим числом кораблей с вооруженными воинами перешел в Европу, перекрыв мостом Геллеспонт, и, чтобы сжечь Афины, прорыл ров через гору Афон, чего не сделал никто другой. Побежденный на

море лакедемонянами и афинянами; отступил в Азию и там погиб от коварства близких.

14. Полководцы и цари лакедемонян

1. ЭВРИСФЕН и ПРОКЛ, близнецы, возводившие свой род к Гераклидам. Первые цари Спарты ⁸².

2. ЛИКУРГ — составитель законов. Основываясь на них, лакедемоняне были неоспоримыми владыками в Греции семь [сот] лет.

3. ФЕОПОМП и ПОЛИДОР — цари, которые 20 лет вели Мессенскую войну ⁸³.

4. ОФРИАД — воитель, который в Мессенскую войну состязался в числе трехсот. Память о победе он вписал своей кровью ^{83а}.

5. ТИРТЕЙ ^{83в}, отправленный в соответствии с предсказанием оракула Аполлона афинянами на Мессенскую войну в качестве полководца, своими стихами так воодушевил воинов, что они завершили победой столь длительную борьбу.

6. ЛЕОНИД ^{83в} — полководец, который в битве с персами при Фермопилах с тремястами лакедемонян своей собственной жизнью и гибелью своих воинов сократил силу персов.

7. ПАВСАНИЙ ^{83г}, который в ходе Персидской войны с пешими войсками у реки Азопа в Беотии разбил Мардония, военачальника Ксеркса, но затем попал под подозрение, что предался царю, и был обвинен [в предательстве], бежал в храм Минервы и там был умерщвлен голодом.

8. ЛИСАНДР ⁸⁴, полководец, который одолел близ Эгоспотамов флот Аттики, господствовавший на всех морях, победил афинян и установил над ними тридцать тиранов.

9. КСАНТИПП ⁸⁵, храбрейший из лакедемонских мужей. Отправленный в Первую Пуническую войну командовать карфагенянами, он взял в плен Регула.

10. АГЕСИЛАЙ ⁸⁶, открывший, каким образом сражаться на вражеской земле, как на своей собственной, и по этой причине посланный в Азию, опустошил ее, а когда уже угрожал царю, был отозван и победил афинян при Коронее. Впоследствии у Коринфа он заплакал, узнав, что погубил десять тысяч греков, и не пожелал разрушить Коринф, хотя и мог.

15. Прославленные цари и полководцы афинян ⁸⁷

1. Царь КЕКРОПС, основавший город Афины и по своему имени назвавший его граждан Кекропидами, был автохтоном, и о нем рассказывают выдумки, будто он произошел от фаллоса в облике змеи ⁸⁸.

2. Царь ЭРИХТОНИЙ, при котором Келей вместе со своим гостеприимцем жрецом Эвмолпом учредил Элевсинские мистерии. Помогали также дочери Эвмолпа и Триптолем, открыватель плодов [земли], спасший зерном Грецию, погибавшую от голода ⁸⁹.

3. Царь ПАНДИОН ⁹⁰, давший фракийским царям в жены своих дочерей Прокну и Филомелу и этим родством сделавший варварские племена своими союзниками.

4. ТЕСЕЙ, сын Эгея, убивший Минотавра.

5. ДЕМОФОНТ, сын Тесея, захвативший вместе с греками Илион ⁹¹.

6. Царь КОДР, принесший себя в жертву во время войны с пелопоннесцами в соответствии с предсказанием оракула Аполлона за благоденствие и победу отечества.

7. ПИСИСТРАТ — храбрый и мудрый муж, который выступил против знати на стороне народа, установил личную власть и осуществлял ее в высшей степени справедливо.

8. ГАРМОДИЙ и АРИСТОГИТОН, люди из народа, устроившие заговор против сыновей Писистрата Гиппия и Гиппарха, которые царствовали сурово, и убили их ⁹². За это им как спасителям оказывают божественные почести.

9. МИЛЬТИАД — полководец, разбивший при Марафонском сражении 80 тысяч персов, возглавляемых военачальниками царя Дария Датисом и Артаферном.

10. АРИСТИД Справедливый, который заслужил это прозвище своим поведением и за это же был наказан изгнанием.

11. КИМОН — полководец, который в войне с персами в один день разбил пехоту Ксеркса, а также его флот в самой Азии у реки Эвримедонта.

12. АЛКИВИАД — полководец, человек прославленный происхождением, богатством и силой, был обвинен в том, что ночью нанес повреждения Меркуриям, перебежал к [войску] пелопоннесцев во время войны, но, когда они возымели перевес, сжалился над согражданами, возвратился в отчизну и, будучи избран стратегом, вновь сделал афинян победителями.

13. ФРАСИБУЛ организовал заговор для свержения тридцати лакедемонских правителей, которые свирепствовали как тираны, и вернул афинянам свободу.

14. КОНОН — полководец, захвативший у острова Книда все силы лакедемонян и восстановивший могущество афинян на море ⁹³.

15. ДИОН, который с помощью восьми грузовых кораблей захватил Сиракузы и изгнал царя Сицилии Дионисия, обладавшего сотней боевых кораблей, в то время, когда он находился в Италии.

16. ИФИКРАТ, обладавший наивысшим опытом в военном деле, сделал оружие, более удобное по весу и размерам.

17. ФОКИОН по прозвищу Благородный, которого Филипп никаким количеством денег не смог склонить на свою сторону. Друзья посоветовали ему позаботиться о детях. Он ответил: «Если они хорошие, им хватит этого именища, если плохие, то не будут довольны ничем».

18. ХАБРИЯ — полководец, обучивший воинов сражаться на манер гладиаторов. Он присоединил к Афинам Кипр и Наксос и все другие азиатские острова. И в морской битве у Хиоса он предпочел утонуть, чем бросить оружие и выплыть.

19. ДЕМЕТРИЙ Фалерский — благородный и высокочтимый человек, был почтен в знак справедливости тремя статуями, поставленными ему в общественных местах за освобождение государства.

16. Македонские цари

1. ФИЛИПП, сын Аминты, первым из македонян захватил Фракию и принял ее под свою власть. И когда он захотел переправиться в Азию, во время подготовки этой войны был убит в театре Павсанием.

2. АЛЕКСАНДР, сын Филиппа и Олимпиады. Он направился из македонского города Пеллы в Азию, разбил персидского царя Дария в трех сражениях: сначала у реки Граник, затем у Исса в Киликии, в третий раз у Арбелы⁹⁴, хотя у Дария было триста тысяч пеших воинов, пятьдесят тысяч всадников, две тысячи серпоносных колесниц. Вскоре он подчинил себе царя индийцев и все народы Азии и захватил знаменитые города Азии — Сар[ды], Бактру⁹⁵, Сузы, Вавилон. В последнем он умер, — неясно, вследствие ли пьянства или яда. И он был первым из тех, кто переправился в Африку, дойдя до Юпитера Амона, и первый из всех плывал в Океане.

3. ФИЛИПП, царствовавший в Македонии после Александра седьмым по счету, вступил в Грецию и там сурово правил. Был побежден консулом Сульпицием в Фокиде и вскоре после того Фламинином в [Македонии], в Фессалии, у Киноскефал, где он дал в заложники своего сына Деметрия и был лишен части своего царства.

4. ПЕРСЕЙ, сын Филиппа, с огромным войском македонян и...⁹⁶ совершил нападение на Грецию, но был разбит у Аскиридского болота консулом Марцием Филиппом вместе со своими никчемными чудовищами-слонами и, приказав бросить свои сокровища в море,

бежал. Вскоре после того он был изгнан Эмилием Павлом⁹⁷ из Македонии, бежал на Самофраку, под защиту храма. Там он сдался Эмилию Павлу под его честное слово. Он был проведен перед его колесницей в триумф, а затем состарился в Альбе под домашним арестом.

5. ЛЖЕ-ФИЛИПП⁹⁸ — из плебеев низкого происхождения, уворовавший благодаря внешнему сходству, что он сын Филиппа, и вовлекший македонян в войну. В самом начале мятежа был схвачен и послан под стражей в Рим, но, бежав оттуда, вновь возбудил Македонию, вовлек в войну Фракию. В крепости в царском одеянии вершил суд. Вскоре, разбитый Цецилием Метеллом⁹⁹ в грандиозной битве, бежал во Фракию и, выданный царями, был проведен в триумфе.

17. Цари [и полководцы] Рима

РОМУЛ, основавший Рим.

НУМА ПОМПИЛИЙ, учредивший богослужения.

ТУЛЛ ГОСТИЛИЙ, разрушивший Альбу.

АНК МАРЦИЙ, внесший много законов и основавший колонию Остию.

ПРИСК ТАРКВИНИЙ, украсивший магистратов инсигниями.

СЕРВИЙ ТУЛЛИЙ первым провел ценз.

ТАРКВИНИЙ СУПЕРБ за чрезмерную надменность лишен царской власти.

18. Прославленные полководцы Рима

1. БРУТ, который, [защищая] независимость государства, убил своих детей.

2. ВАЛЕРИЙ ПОПЛИКОЛА, который за ту же независимость вел войну против Тарквиниев. Он же расширил права свободы, дарованные народу.

3. МАНЛИЙ ТОРКВАТ, который ради укрепления воинской дисциплины убил своего сына¹⁰⁰.

4. КВИНКЦИЙ ЦИНЦИНАТ [он же Серран], которому диктатура была дана во время пахоты¹⁰¹.

5. КАМИЛЛ, который восстановил Рим, разрушенный и сожженный галльским племенем сенонов.

6. ФАБИЕВ двое, из коих первый в одном сражении разбил этрусков, самнитов, умбров и галлов, а также устранил из триб либертинов, за что был прозван Максимом; второй одолел Ганнибала медлительностью, за что был прозван Кунктатором.

7. ПАПИРИЙ КУРСОР, победитель самнитов, которые в

сражении провели римлян под ярмом, и подверг их такому же позору; за быстроту был назван Курсором ¹⁰².

8. КУРИЙ ¹⁰³, когда варил на очаге репу, явившимся к нему [с золотом самнитским послан] ответил: «я предпочитаю [пользоваться] глиняной посудой и властвовать над теми, кто имеет золотую».

9. ФАБРИЦИЙ ЛУСЦИН, который изгнал из сената консуляра Корнелия Руфина, осудив его за пристрастие к роскоши и жадность, а обладал тот десятью фунтами серебра ¹⁰⁴.

10. КЛАВДИЙ МАРЦЕЛЛ ¹⁰⁵, который первым нанс пораженiec Ганнибалу в Кампании; он же научил римлян отступать перед всадниками, не обращаясь в бегство.

11. СЦИПИОНОВ двое, из коих первый — Старший Африканский, который победил Ганнибала в его Африке; другой Сципион — Младший Нумантийский, который разрушил Карфаген и Нуманцию, [и] с одним пала Африка, с другим — Испания.

12. КВИНТ НЕРОН ¹⁰⁶, который, оставив Ганнибала в Апулии, встретил Гасдрубала, явившегося из Испании, и в течение одного дня одолел его полчища у реки Метавр. Соединись Гасдрубал с Ганнибалом, можно было бы сомневаться, справился ли бы с ними [римский] народ.

13. ПАВЕЛ, который победил Македонию, освободил Грецию и отметил блестящий триумф; в дни этого самого триумфа он потерял двух сыновей из-за того, что сказал на сходке: «Я был бы благодарен судьбе, если бы она обрушила свою ярость против моих близких, а не против государства».

14. МЕТЕЛЛЫ, двое, один из которых, Македонский (за победу над македонянами), захватил неприступный город Испании Контребию, приказав воинам написать завещания и не возвращаться без победы. Другой — Метелл Нумидийский (за победу над Нумидией), который, когда народный трибун Апулей внес пагубнейшие для государства законы и весь сенат поклялся их соблюдать, предпочел лучше уйти в изгнание, чем поклясться. Его сын был назван Благочестивым за то, что последовал за отцом в изгнание.

15. ГАЙ МАРИЙ, который одолел в Африке нумидийцев, а в Галлии кимвров и тевтонов и дослужился от рядового воина до консула, занимавшего это место семь раз.

16. СУЛЛА, который одержал победу в гражданской войне, первый установивший единоличную власть над Римом, и единственный, который от нее добровольно отказался.

17. СЕРТОРИЙ, который, будучи внесен Суллой в проскрипционный список, удалился в изгнание, и в кратчайшее

время подчинил почти всю Испанию своей власти, и, хотя судьба везде ему противодействовала, был неодолим.

18. ЛУКУЛЛ, который домогался обладания огромными богатствами азиатских владений и проявил величайшее пристрастие к постройкам и картинам.

19. ПОМПЕЙ, который за сорок дней победил армян во главе с Тиграном, понтийцев во главе с Митридатом, киликийцев, властвовавших на всех морях, и распространил свои победы и триумфы на большую часть Азии между Океаном, Каспийским и Красным морями.

20. ГАЙ ЦЕЗАРЬ подчинил Галлию и Германию и первым из римлян плывал по Океану, прибыл в Британию и ее победил.

21. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ АВГУСТ, который, умиротворив все провинции, разместил войска по всему кругу земель и упорядочил Римскую империю; после его обожествления была установлена непрерывная диктатура цезарей ¹⁰⁷.

19. Римляне, прославившиеся гражданскими доблестями

1. МАНИЙ АГРИППА, который соединил и примирил с сенатом восставший народ.

2. АППИЙ ЦЕК ¹⁰⁸, расстроивший мир с Пирром, ибо народ, не желавший повиноваться своим царям, не хотел управляться и чужеземными.

3. ТИБЕРИЙ ГРАКХ, не допустивший, чтобы трибуны отвели Сципиона Азиатского в тюрьму, хотя тот и был его врагом, ибо он считал несправедливым, чтобы Сципион был помещен туда, где в то время находились в оковах взятые им в плен. Это отец Гракхов, которые во время своих трибунатов своими земельными законами возбудили беспорядки и были убиты.

4. ДЕЦИМ БРУТ ГАЛЛЕК, который вместе с консулом Опимием убил своего зятя Г. Гракха, земельными законами нарушившего порядок в государстве.

5. М. БРУТ, который поддерживал помпеянцев, был помилован Цезарем, но организовал заговор с целью его убийства, потому что казалось, что тот домогается царского титула.

6. ЛИВИЙ ДРУЗ, обнародовавший аграрные законы и этим добившийся величайшей благосклонности рим[ского] н[арода], но не осуществивший обещанного, поскольку был убит в своем доме из-за коварства консула Филиппа.

7. ЛУТАЦИЙ КАТУЛ обратил в бегство из Италии Лепида ¹⁰⁹, стремившегося отменить законы Суллы и двигавшегося с армией,

и этим один из всех без кровопролития закончил гражданскую войну.

8. КАТОН ЦЕНЗОР привлекался к суду столько раз, сколько сам неустанно выступал обвинителем против нарушителей законов. Он обладал во всех делах величайшим опытом и, по мнению Саллюстия Криспа, казался величайшим оратором римского племени.

9. КАТОН ПРЕТОР, который в гражданских войнах выступал на стороне Помпея и предпочел умереть, чем стать свидетелем порабощения государства.

10. СКАВР ¹¹⁰, запретивший своему сыну показываться на глаза, поскольку тот был дезертиром в войне с кимврами.

11. СЦИПИОН НАЗИКА, который сложил с себя консульские полномочия, поскольку, как ему казалось, они были ему даны с нарушением священных обычаев; покорив Далмацию, он отказался от предложенного ему сенатом триумфа, а будучи цензором, приказал снять статуи, которые были ему воздвигнуты частными лицами в общественных местах. В сенате он высказал мнение, что Карфаген не следует разрушать; за это был прозван «Наилучшим».

12. КОРНЕЛИЙ ЦЕТЕГ, который высказался за казнь своего брата Цетега, поскольку тот участвовал в заговоре Катилины.

13. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН, который во время своего консульства, проявив огромное мужество, подавил заговор Катилины.

20. Пожертвовавшие собою на благо (Рима)

1. Три близнеца ГОРАЦИЯ, сражавшиеся с альбанскими Куриациями за обладание высшей властью.

2. Триста ФАБИЕВ, все патрицианского происхождения, сделавшие войну с Вейями своим личным достоянием ¹¹¹.

3. МУЦИЙ КОРД, который всунул свою руку в огонь ¹¹².

4. ГОРАЦИЙ КОКЛЕС, переплывший, будучи вооружен, реку, когда был разрушен мост.

5. Триста под командованием Кальпурния Фламмы в войне с пунами; броском, стоившим им смерти, они выручили в Сицилии войско и в полной мере сравнялись со славой трехсот лакедемонян у Фермопил ¹¹³.

6. Два ДЕЦИЯ, посвятившие себя подземным богам, один в Латинскую, другой в Самнитскую войну.

7. Понтифик ФАБИЙ ¹¹⁴, который в Риме, подожденном галлами сенонами, вместе с другими старцами принс себя в жертву богам манам.

8. РЕГУЛ ¹¹⁵, который предпочел вынести мучения от карфагенян,

чем заключить с ними бесполезный мир или самому нарушить верность клятвенному обещанию.

9. КУРЦИЙ, который бросился в расщелину земли, когда оракул потребовал наилучшего в городе Рима.

10. СПУРИЙ ПОСТУМИЙ ¹¹⁶, который, будучи вместе с войском проведен под ярмом вождем самнитов Телезином, был инициатором разрыва договора и выдачи себя врагу.

11. ГАЙ МЕТЕЛЛ ¹¹⁷, понтифик, который вынес Палладий из пылающего храма Весты и потерял зрение.

21. Совлекшие доспехи с врага

РОМУЛ с Агрона ¹¹⁸, царя ценинтов.

КОРНЕЛИЙ КОСС с Ларта Толумния, царя вейентов.

КЛАВДИЙ МАРЦЕЛЛ ¹¹⁹ с Виридомара, царя галлов.

22. Отличившиеся в поединках

1. МАЛЛИЙ ТОРКВАТ, который снял с галла шейную цепь и обмотал ею себя.

2. ВАЛЕРИЙ КОРВИН, [который] был вызван галлом на поединок и, когда сражался, на его шлем сел ворон, приведший врага в замешательство.

3. СЦИПИОН ЭМИЛИАН, когда был легатом при военачальнике Лукулле у города племени ваккеев Интеркатия, убил варвара, вызывавшего на поединок.

4. ЛУЦИЙ ОПИМИЙ при консуле Лутации Катуле ¹²⁰ убил в Тридентинском ущелье варвара, вызывавшего на поединок.

23. [Названные по своим деяниям]

Сципион Африканский, Сципион Нумантийский, Сципион Азиатский, Муммий Ахейский, Сервилий Исаврийский, Брут Галлек, Павел Македонский, Метелл Критский, Цезарь Германик, Цезарь Дакийский ¹²¹.

24. Сколько было знаменитых Сципионов

Сципион Старший АФРИКАНСКИЙ, который победил Ганнибала.

Сципион Младший НУМАНТИЙСКИЙ, который разрушил Нуманцию и Карфаген.

Сципион АЗИАТСКИЙ, который отпраздновал триумф над Антиохом ¹²².

Сципион НАЗИКА ¹²³, провозглашенный сенатом Наилучшим из граждан.

Сципион ¹²⁴, который после гибели Помпея восстановил его партию и, потерпев поражение, лишил себя жизни.

25. Сецессии

СЕЦЕССИЙ плебеев от патрициев было четыре ¹²⁵. ПЕРВАЯ сецессия — из-за произвола ростовщиков. Вооруженный плебс удалился на Священную гору; ВТОРАЯ — из-за произвола децемвиров, когда, убив свою дочь, Виргиний окружил Аппия и всех, бывших с ним в заговоре, на Авентинском холме и позаботился о наказании их различными карами за то, что они отменили магистратуру; ТРЕТЬЯ, которую вдохновил на холме Яникул Канулей ¹²⁶, — из-за того, что плебеи не имели права вступать в брак с патрициями; ЧЕТВЕРТАЯ сецессия на форуме — из-за магистратуры, чтобы плебеи могли быть консулами, была вызвана Сульпицием Столоном ¹²⁷.

26. Мятежи

1. МЯТЕЖЕЙ в Риме было четыре: первый мятеж — Тиберия Гракха, с помощью судебных и земельных законов нарушившего спокойствие в государстве. Подавлен силой Сципионом Назикой на Капитолии; 2. ВТОРОЙ мятеж — [Г.] Гракха, его брата, возбужденный подобными новыми щедротами, был подавлен консулом Опимием и его тестем Децимом Брутом Галлеком на Авентинс с помощью рабов, которым была обещана свобода; ТРЕТИЙ мятеж — народного трибуна Апулея Сатурнина и консула Главции. Их, убийствами нарушивших порядок в комициях на Марсовом поле, Марий, преследуя, осадил на Капитолии и приказал истребить палками и камнями; ЧЕТВЕРТЫЙ мятеж был тот, который подняли Ливий Друз и Квинт Цепион, когда первый защищал сенат, [другой] — всадническое сословие; однако главной причиной возникновения волнения было то, что Друз обещал права гражданства всем италикам и вскоре был убит консулом Филиппом в своем доме.

27. Имевшие преступные намерения против отечества

1. КОРИОЛАН, отправленный в изгнание из-за тяжелейшего недостатка продовольствия, склонил на свою сторону войско вольсков и вознамерился завладеть отечеством, но, побежденный мольбами матери Встурии, [отступил, за что] был тотчас же убит своими воинами ¹²⁸.

2. [Марк] Мелий, как свидетельствуют, [добивался царской власти] путем щедрых раздач и был убит на рострах по приказу диктатора Квинкция Цинцинната начальником конницы ¹²⁹.

3. СПУРИЙ ¹³⁰ аграрными законами создал клику и подготовил господство [...]

4. МАНЛИЙ КАПИТОЛИЙСКИЙ ¹³¹, который, выплачивая деньги, освобождал должников; заподозренный в стремлении к царской власти, сброшен с Тарпейской скалы.

5. КАТИЛИНА из-за того, что поклялся убить сенаторов, поджечь Рим, разграбить эрарий, а также вовлек в тот же заговор аллоброгов, был обвинен Цицероном в сенате и побежден Антонием в Апулии.

28. С какими народами воевал римский народ и из-за чего

1. Народ римский под предводительством РОМУЛА сражался с сабинянами [...] из-за похищенных дев; в царствование ТУЛЛА — с альбанцами [...]

2. ПОНТИЙ ТЕЛЕЗИН, вождь самнитов, пославший в Кавдинских теснинах римлян под ярмо.

3. ПИРР, царь эпитров, который вел войну с римлянами из-за тарентийцев и, опустошив Кампанию, достиг двадцатого от города [милевого столба]. Вскоре, побежденный Курием и Фабрицием, он отступил к себе на родину, подчинил Ахайю силой оружия, отнял у царя Антигона Македонию, но был убит во время завоевания Аргоса. Он превосходил всех греков в мудрости и опытности в военном деле.

4. ГАННИБАЛ, последовавший в девятилетнем возрасте за отцом в Испанию, стал главнокомандующим, не достигнув двадцати пяти лет, три года побеждал в Испании, разрушением Сагунта разорвал договор, через Пиренеи и Альпы прибыл в Италию. Он одолел Сципиона у Тицина, Тиберия Клавдия — у Требии, Фламиния — у Тразименского озера, Павла и Варрона — у Канн, Гракха — в Лукании, Марцелла — в Кампании.

29. Изменения в положении римского народа

1. Римский народ сначала находился под властью царей. Затем из-за надменности Тарквиния и бесчестья, нанесенного Лукреции, он, изгнав царей, вручил себя попечительству консулов, преторов, народных трибунов.

2. Затем, возбужденный мятежами народных трибунов, когда были отменены все должности, он учредил децемвиров для внесения законов и устройства государства.

3. После того как ему опротивело их господство и похоть, он вернулся к консулам, пока, поставленный в бедственное положение гражданскими войнами между Цезарем и Помпеем и подавленный беспределностью свободы, он не был введен под власть одного Цезаря. Отсюда происходит непрерывная диктатура цезарей.

30. Возникновение державы Митридата ¹³²

1. Кир, царь персов, первый отнял власть у мидян. Он оставил двух сыновей, Камбиза и Смерда. Камбиз, ставший после смерти отца [царем], так как он был старшим, увидел во сне брата Смерда сидящим на троне с головой, достигающей неба, и приказал его убить. Затем сам, возвращаясь из Эфиопии после неудачного [из-за голода] похода в Египет, увидел его обитателей радующимися. Отнеся это к себе, он ранил Аписа в бедро, и бык умер от этой раны. 2. Тем временем маг Смерд, брат Патибаты, злоупотребив сходством имен и внешности, назвал себя сыном Кира и занял персидский престол. Когда об этом стало известно Камбизу, он вернулся на родину и в спешке позабыл вложить в ножны меч, которым был убит Апис. Пытаясь это сделать, он ранил себя в бедро, в ту его часть, в которую поразил Аписа. От этой раны он умер через несколько дней. 3. Когда к персам прибыл надежный вестник с сообщением о смерти Камбиза, Потан поручил своей дочери Федиме, находившейся в сношениях со Смердом, узнать, когда он заснет, покрыты ли его уши волосами. Он точно знал, что Кир приказал отрубить магу Смерду уши. Таким образом Фсдима подтвердила, что это не настоящий Смерд. 4. Тогда семь знатнейших персов тайно сговорились между собой. Их имена — Потан, Гидарн, Аспафин, Саферн, Мегабой, Гобрий, Дарий ¹³³. Покончив с магом Смердом, они порешили, что царем, за исключением Потана, станет тот, чей конь, приведенный в назначенное место, заржет первым. 5. Тогда конюх Дария Ибер ¹³⁴ повел коня господина в назначенное место. В другом месте он спрятал... тогда конь заржал изо всех сил. Так Дарий был избран на царство. От него ведет происхождение Артабаз, ставший, по утверждению Саллюстия Криспа, основателем Митридатова царства.

31. Парфянские цари

1. СЕЛЕВК, друг Александра Македонского. После смерти последнего его брат Аррид[ей] приказал Селевку занять Вавилон, покорить соседние народы (поэтому он получил имя Никатор), основать три крупных города — Антиохию, Сслевкию, Лаодикию ¹³⁵.

2. АРСАК ¹³⁶, выделявшийся внешностью и храбростью. Его

потомки получили имя Арсакидов. Он заключил мир с полководцем Суллой.

3. ОРОД, заключивший союз с Гн. Помпеем и нанесший жесточайшее поражение Крассу у Карр¹³⁷.

4. ПАКОР¹³⁸, пославший сына, носившего то же имя, в Сирию, чтобы опустошить эту провинцию римлян; тот был убит Вентидием, легатом Цезаря.

32. Цари Каппадокии и Армении¹³⁹

1. ТИГРАН, о котором уже было сказано ... который во время Третьей Пунической войны отличился при консуле Манцине и Сципионе Эмилиане.

2. БЕЛЛ, царь Армении¹⁴⁰... [Бренн] совершил нападение на Грецию, поджег храм Пифийского Аполлона и потерял свое войско из-за бури и холода.

3. ПОЛИКРАТ ... царю Каппадокии снилось, что солнце и луна были сожжены. Он был убит военачальником царя Дария¹⁴¹.

4. ЭПАМИНОН[Д], который греческие Фивы [...] Его сына царь победил в сражении [...]

5. ПЕРИАНДР, царствовавший в Коринфе... Подчинил всю сушу и моря до римлян...¹⁴²

6. ТИМОЛЕОНТ, убивший своего брата, царствовавшего в Коринфе¹⁴³. Он же прогнал Дионисия, сам не претендуя на царскую власть. Когда ему приходилось слышать наветы, он говорил: «Я добивался на протяжении всей своей жизни радости всеобщей свободы»... царя Сирии.

33. Цари Азии и Пергама

1. ЭВМЕН из Кардии... Филиппа...¹⁴⁴ Александра храбрый соратник. Но он не пользовался особым счастьем и всю свою жизнь жил в таком страхе, что не разрешал никому называть себя царем.

2. АНТИОХ, уже описанный.

3. Другой ЭВМЕН¹⁴⁵, который во время Македонской войны оказал римлянам поддержку.

4. АТТАЛ, часто сражавшийся на стороне римлян¹⁴⁶. По завещанию он сделал римский народ своим наследником.

34. Цари Понта и Вифинии

1. ФАРНАК, царь Понта и Вифинии, сын Митридата¹⁴⁷. Во время гражданских войн, исход которых был решен в Фарсальском сражении, он... табрае отца... совершил нападение на Сирию. Когда

появился Цезарь, Фарнак убежал в Понт, напуганный одним его именем, будучи побежден еще до того, как начался бой.

2. ПРУСИЯ, царь, друг римского народа ¹⁴⁸. После того как был побежден Антиох, Ганнибал нашел у Пруссии убежище. Когда у царя его выдачи потребовали (римские) послы, тот (Ганнибал) обрел свободу с помощью яда.

3. НИКОМЕД, союзник и друг римского народа, с которым в юности находился в дружеских отношениях Цезарь ¹⁴⁹. Он сам по завещанию сделал римский народ своим наследником.

35. Цари Александрии

1. После смерти Александра Македонского в Александрии правили Египтом [восемь] Птолемеев, многие из которых стали очень знамениты.

2. ПТОЛЕМЕЙ СОТЕР, который у Оксидраков спас Александра своим поднятым щитом ¹⁵⁰.

3. ПТОЛЕМЕЙ, [его] сын ФИЛАДЕЛЬФ, ученый муж, написавший много греческих книг ¹⁵¹.

4. ПТОЛЕМЕЙ ЭВЕРГЕТ с помощью огромного флота одолел родосцев ¹⁵².

5. ПТОЛЕМЕЙ ФИСКОН, убивший в театре стрелами мятежников, а других предавший огню. Его сын Киприй вел для Рима много войн против гарамантов и индийцев ¹⁵³.

6. ПТОЛЕМЕЙ, названный Пупиллом. Сенат назначил ему до его совершеннолетия опекуном Помпея. Позднее, в гражданской войне, был убит Потинном ¹⁵⁴.

36. Полководцы и цари карфагенян

1. ГАННОН и МАГОН, которые во время [Первой] Пунической войны у Липарских островов взяли в плен консула Корнелия ¹⁵⁵.

2. ГАМИЛЬКАР, по прозвищу Боккор, во время Первой Пунической войны расширил владычество карфагенян на большую часть Испании. Оставил четырех сыновей — Гасдрубала, Ганнибала, Гамилькара и Магона ¹⁵⁶.

3. ГАСДРУБАЛ, который во Вторую Пуническую войну, придя из Испании с огромным войском, был разбит Клавдием Нероном до соединения с братом.

37. Цари Нумидии

1. СИФАКС, которого победил Сципион Африканский и провел в триумфе ¹⁵⁷. На его трон был посажен Масинисса.

2. МАСИНИССА, царь, который в войне Сципиона с Карфагеном и Сифаксом поддержал Сципиона конницей. Был вознагражден за участие в совместном походе и царствовал в Нумидии.

3. ЮГУРТА, о котором писалось.

38. Цари Мавретании

1. Царь ЮБА, который нанес поражение легату Цезаря Куриону. После гибели Помпея пытался поддержать партию Катона и Сципиона; дав во дворце великолепный пир, он покончил с собой ¹⁵⁸.

2. Царь ЮБА, в высшей степени ученый муж, правивший по приказу Цезаря Августа и основавший город Цезарею ¹⁵⁹.

39. Кто поднял оружие против Рима

1. ТАЦИЙ, царь сабинян, который, захватив Тарпейскую крепость, сражался с Ромулом на самом форуме, а из-за вмешательства сабинянок заключил с Ромулом мир.

2. МЕТТИЙ СУФФЕТИЙ ¹⁶⁰, царь альбанцев, который, вопреки договору, к фиденатам... *destituti* по приказу Тулла Гостилия был привязан к колеснице и разорван конями, которых погнали в разных направлениях.

3. ПОРСЕННА, царь этрусков, осадивший римлян на Яникуле и из-за Тарквиниев... ¹⁶¹

4. ТИРИДАТ, побежденный консуляром Корбулоном, но затем вновь восстановленный на престоле ¹⁶².

40.1. Римляне в Городе были зачинщиками четырех гражданских войн ¹⁶³. ПЕРВУЮ гражданскую войну возбудил трибун Сульпиций (Руф), поскольку Марий не мог перенести того, что верховное командование в Митридатовой войне было передано Сулле, а не ему. 2. ВТОРУЮ гражданскую войну Лепид против Катуты... из-за страха, что будет разорена Сицилия. 3. ТРЕТЬЮ войну [вели] Цезарь и Помпей. Скорее предлогом для войны, чем ее причиной, явился отказ сената передать Цезарю консулат, его же (причиной) было соперничество обоих и страстное желание захватить власть. Ведь чтобы провести триумф, Цезарь получил приказ явиться в Рим и, согласно обычаям и закону предков, он должен был распустить свое войско и сообщить сенату о своих намерениях. Но, делая вид, будто боится Помпея, Цезарь отказался оставить свое войско и действовал так, словно бы имелось решение о проведении выборов консула в его отсутствие. В силу этого обстоятельства сенат объявил Цезаря врагом государства и постановил покарать войной. И потом таким образом ему удалось получить в свое распоряжение не только консулат и триумф, но всю полноту власти римского народа.

4. ЧЕТВЕРТУЮ войну вел Цезарь Август против многих военачальников, а именно: против юного Помпея, притязавшего на отцовское наследие, затем против Кассия и Брута в отмщение за убийство своего отца, наконец, против Антония и Клеопатры, которые совместно повели войну против его родины.

41. Существует четыре рода войн: войны МЕЖДУ НАРОДАМИ, ведущиеся с чужеземцами, [как римляне... СОЮЗНИЧЕСКАЯ, которую]... как римляне с латинянами, афиняне с лакедемонянами, РАБСКАЯ, которую римляне вели против беглых рабов [и] против их вождей Спартака, Крикса и Эномая, и ГРАЖДАНСКАЯ, когда сражаются между собой, как Марий и Сулла, Цезарь и Помпей, Август и Антоний.

42. Последовательность Марианской войны

1. Неумная жажда славы привела Мария к предпринятой с помощью народного трибуна Сульпиция попытке провести законопроект об отнятии у Суллы Понтийской провинции¹⁶⁴. Сулла, вознегодовав, немедленно направился к войску, повел его к городу, вторгся в отечество, захватил Капитолий. Парализованный страхом, сенат поставил Мария и всю его партию вне закона. 2. После того как Сулла отправился в Азию, Марий, оказавшись изгнанником, обратился в бегство. Сначала он прятался близ Минтурн, затем был пойман и взят в оковы и вновь ушел. Все это время Цинна и Октавий внутри города из-за ... Так Марий получил возможность вернуться и после поражения партии Октавия объединиться с Цинн[ой]. Победив партию Октавия, он был избран консулом в седьмой раз и жесточайшими казнями вовлек город в траур. 3. Между тем Сулла, победив Митридата, вернулся в Рим и застал почти всю Италию вооруженной во главе с юношей Марием, сыном Мария, но он уничтожил все его силы частично в Этрурии у Сакрипорта, частично у Коллинских ворот. Остальных противников, которые ему сдались, он перерезал на вилле. Тех, которые убежали, записал в таблицу, разрешив их убивать на законном основании.

43. Последовательность войны между Цезарем и Помпеем

Цезарь, Помпей и Красс, заключив соглашение, овладели полнотой власти римлян. Цезарь имел галльскую, Красс — сирийскую армию. Помпей, поддерживаемый ими обоими, властвовал в сенате. После гибели Красса у парфян... емиsus Барбар Эскулан, Квинт Лутаций Катул¹⁶⁵.

44. О Македонской войне

Римский народ вел с македонянами три войны: при консуле Фламинине он победил царя Филиппа, при Павле — сына Филиппа Персея, при Метелле Македонском — Лже-Филиппа. Причина первой войны — жалобы греков на беззакония македонян, второй — потому, что Персей нарушил условия мира, заключенного с его отцом, третьей — потому, что Лже-Филипп чужим именем завладел македонским престолом.

45. [В каких войнах...] ¹⁶⁶

1. В ЭТРУССКОЙ войне, когда царь Порсенна осадил Яникул. В ГАЛЛЬСКОЙ войне, когда галлы-сеноны, разбив войско под Аллией, уничтожив сожженный город, осадили Капитолий.

2. В ТАРЕНТИНСКОЙ войне, когда Пирр, опустошив всю Кампанию, расположился лагерем у двадцатого милевого столба.

3. В ПУНИЧЕСКОЙ войне, когда Ганнибал, разбив войско при Каннах, стал лагерем у третьего милевого столба.

4. В КИМВРСКОЙ войне, когда кимвры заняли Тридентинские Альпы ¹⁶⁷.

5. В РАБСКОЙ войне, когда гладиаторы Спартак, Крикс и Эномай, опустошив почти [всю] Италию, угрожали сжечь Рим, но были подавлены в Лукании Крассом, в Этрурии — консулом Помпеем.

46. О трех Пунических войнах

1. Римский народ [трижды] сражался с карфагенянами. ПЕРВАЯ Пуническая война велась морскими силами. Указывают две ее побудительные причины. 2. Одна связана с помощью, которую карфагеняне оказывали Таренту. Другая — с тем, что мамертинцы просили помощи против карфагенян. Однако истинной наградой представлялось обладание плодороднейшими островами Сицилией и Сардинией. 3. Аппий Клавдий ¹⁶⁸ перенес войну через Сицилийский пролив. Манлий и Регул продолжили ее в Африке. Консулы Дуиллий и Лутаций Катул пустили вражеские корабли ко дну, первый у Липарских, второй — у Эгадских островов.

4. ВТОРАЯ Пуническая война была намного кровопролитнее всех прочих. Поводом было разрушение Ганнибалом Сагунта вопреки соглашению. 5. Первое поражение — при Тицине, когда был ранен Сципион, а его сын Публий, еще юноша, защитил отца и спас от плена. Второе поражение — у Требии, где был ранен консул Флакк. Третье — у Тразименского озера, где было уничтожено войско

Фламиния. Четвертое — у Канн, где погиб консул Павел, спасся бегством Теренций Варрон и были уничтожены две армии. 6. Затем следуют четыре военачальника, которые в полной мере добыли себе славу о войне с пунами: Фабий Кунктатор, который медлительностью сломил Ганнибала, угрожавшего Риму гибелью; Марцелл первым остановил Ганнибала у Нолы и, вклинившись в его строй, нанес поражение; Клавдий Нерон, разбивший в жестоком сражении Гасдрубала, приведшего из Испании огромное войско, прежде чем он соединился с Ганнибалом; [Сципион Африканский, который...]. Слава, добытая в ТРЕТЬЕЙ Пунической войне, превзошла затраченные усилия. Начато консулом Манилием разрушение Карфагена Сципион Эмилиан довел до конца. Так как карфагеняне вопреки условиям договора восстановили флот и воевали с соседними народами, город был сожжен и были навсегда сломлены силы Африки.

47. Кто до правления Траяна был побежден и кем

1. [Римский народ] во главе с консулом Фламинином победил македонян; во главе с консулом Павлом — тех же македонян, восставших при царе Персее. 2. Во главе со Сципионом Африканским — карфагеняне; во главе со Сципионом [Азиатским] в Сирии — царя Антиоха; во главе со Сципионом Эмилианом — кельтиберов и Нуманцию. 3. Во главе с ним же — Лузитанию и вождя Вириата;¹⁶⁹ во главе с Децимом Брутом — Галлекию; во главе с Муммием Ахейским — Коринф и ахейцев. 4. Во главе с Фульвием Нобилиором¹⁷⁰ — этолийцев и Амбракию; во главе с Марием — нумидийцев и Югурту; во главе с тем же Марием — кимвров и тевтонов. 4. Во главе с Суллой — понтийцев и Митридата; во главе с Лукуллом — понтийцев и Митридата; [во главе с Помпеем —] также киликийских пиратов, армян с царем Тиграном и многие азиатские народы. При этом же полководце (римский народ) не только узрел Индийский океан, но и плывал по нему¹⁷¹. 6. Во главе с Цезарем Августом умиротворил далматов, паннонцев, иллирийцев, египтян, германцев и весь круг земель, кроме индийцев, парфян, сарматов, скифов, даков, которых фортуна сохранила для триумфов принцепсу Траяну¹⁷².

48. О комициях

1. Комиции называются по месту (comitatu) и многолюдству тех, кого сенаторы и воинство созывают для принятия решений о выборе должностных лиц или жрецов¹⁷³. 2. Имеются три вида комиций, — куриатные, трибутные, центуриатные, поскольку они проводятся по куриям, трибам [или центуриям]. 3. Если

[рассматривается] нечто обыденное или обыкновенное, то народ... решает на куриатных комициях, если большего значения — на трибутных. Если же [угрожает] наивысшая опасность — тогда для принятия решения созываются воины на центуриатные [комиции].

49. О членениях римского народа

1. ДРЕВНЕЙШЕЕ тройное разделение (*distributio*) — то, что ввел Ромул: на царя, сенат и народ, а народ делится на три трибы: титиев, луцеров и рамнов.

2. ВТОРОЕ разделение римского народа — при царе Сервии Туллии, который разделил народ на трибы, классы и центурии. Оно основывается на различиях ценза, так что благороднейшие и наиболее богатые при принятии решений римским народом пользовались наибольшим влиянием.

3. ТРЕТЬЕ членение — на патронов и клиентов, чтобы низшие всерьезли себя справедливости высших.

50. О государствах

1. Имеются три типа государств: царский, оптиматский, народный. Властью обладает царь, как, например, в Селевкии у парфян; или сенат, как в галльской Массилии; или управляют сами собой, как имсют обыкновение афиняне. Имеется еще четвертый тип [государства], который создали римляне, смешав три типа в один: ведь и консулы обладают царской властью, и у сената имеется высшая совещательная власть, и плебс обладает властью принимать решения¹⁷⁴.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Три малых римских историка

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ

Есть на языке Гомера и Аристотеля необычайно емкое слово — метаморфозы. Оно, как греческая губка, впитало огромное идейное и образное богатство. В нем и диалектика Гераклита с учением о вечном движении и изменении, и едва ли не основная линия античной мифологии с ее чудесными превращениями людей в животных, в растения, в камни и, наоборот, с очеловечиванием животного мира и мертвой природы. История Рима последних двух столетий республики являет пример метаморфоз иного рода — социальных и политических перемен, подготовивших изменения во всех сферах духовной жизни римского народа.

Преобразование Рима из италийского государства в мировую державу произошло с ошеломляющей стремительностью, не имевшей прецедента в античном мире. Греческий юноша-эфеб, воспитанный в убеждении, что исконными врагами и поработителями его родины являются македонские цари, мог без должного внимания отнестись к известиям о развертывавшихся на полях Италии жестоких сражениях между римлянами и карфагенянами, ведомыми полководцем Ганнибалом. И менее всего он мог ожидать, что Рим, истекая кровью, ввяжется в греческие дела и, разгромив Македонию, объявит себя освободителем Эллады (197 г. до н. э.). Весть о полном разгроме римлянами огромной армии сирийского царя Антиоха Великого (190 г. до н. э.) могла вызвать у того же наблюдателя, едва прожившего четверть века, удивление и некоторое смятение. Присмотревшись к своим «освободителям», тот же грек уже сочувствовал ничтожному македонскому царю Персею и радовался его первым победам над римскими легионами (169 г. до н. э.). И вот его, едва вступившего в расцвет жизненных сил, уже гонят вместе со 150 тысячами товарищей по несчастью в римское рабство (167 г. до н. э.). Если же ему повезет, он окажется в числе тысячи заложников, бессрочно взятых в Италию и лишенных родины.

Рим был подготовлен к борьбе с Карфагеном и эллинистическими монархиями в военном отношении, но далеко отстал от них в

области культуры. Поэтому грандиозность перемен, происшедших на глазах одного человеческого поколения победителей и побежденных, не была осознана самими римлянами в историческом плане. В римском пантеоне не было музы истории, подобной греческой Клио. Не было и историков в подлинном, эллинском смысле этого слова. Имелись лишь летописцы (анналисты), дававшие примитивное погодное изложение событий, значительных и ничтожных, без осмысления их поводов, причин и последствий. Более того, в это время преобладало мнение, что латинский язык не пригоден для исторического повествования, и первые римские историки писали труды на греческом языке. Историком римских завоеваний, превративших Рим в мировую державу, становится один из греческих заложников, Полибий из Мегалополя. Жизненный опыт подтолкнул его к созданию исторического труда нового для греческого мира типа — всеобщей истории, в центре которой находилась история Рима. Так Полибий стал первым подлинным историком Рима, не только собравшим огромный фактический материал, но и попытавшимся дать его научное истолкование.

Вслед за трагедией народов, лишенных самостоятельности и насильственно втянутых в орбиту великодержавной политики Рима, наступила трагедия самой римской гражданской общины. Огромность добычи оказалась непосильным грузом для свободных земледельцев Италии. Вытесняемые рабами, они нахлынули в «вечный город», чтобы там существовать за счет подачек богатых людей и рабовладельческого государства. Использование этой массы выброшенных за борт свободных граждан в политической борьбе, а затем и в междоусобицах, привело к невиданным по длительности и жестокости гражданским войнам (*bella civilia*) 91—30 гг. до н. э.

Гражданские войны подготовили наиболее крупную метаморфозу, которую современные исследователи с полным для этого основанием именуют «социальной революцией»¹. Она была направлена против отношений собственности, связанных с господствующей политической формой — городом-государством (полисом). Движущей силой революции были широкие массы италийского населения, поставленные в неравноправное положение по сравнению с римскими гражданами. Однако к власти пришли не они, а зажиточная верхушка италийского населения, ставшая прочной опорой нового политического режима — принципата. Единоличными правителями, принцепсами, внешне не нарушая прерогатив старинного аристократического учреждения — сената, окружили себя «новыми людьми» (*homines novi*). Из них складывался военный и административный аппарат, фак-

¹ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 23 и сл.

тически зависящий от воли главы государства. Превращение римской аристократической республики в монархию произошло почти незаметно для современников этого переворота, поскольку ни Цезарь, ни Август не ликвидировали старых республиканских институтов, а, подчинив те себе, ограничили их юрисдикцию маловажными, хотя и внешне почетными сферами.

Какую же роль в изменившемся римском обществе играла историография? Создатели нового политического режима понимали значение истории как сильнейшего идеологического оружия и осуществляли контроль над людьми, занимающимися историей, одновременно оказывая им материальную и моральную поддержку. Перед публикацией каждой из книг своей монументальной «Истории от основания Рима» Тит Ливий, первый профессиональный историк, ознакомил с нею Августа, который осуществлял общую цензуру и давал отдельные практические советы. Советы превращались в рекомендации, когда речь шла о современности. Из 142 книг истории Ливия 22 были посвящены времени Августа, и он, будучи в них главной фигурой, естественно, желал выглядеть в наилучшем свете. Подобная ситуация оказалась для римской историографии новой, ибо раньше историки были свободны как от поддержки, так и от контроля.

Новыми были и трудности, возникавшие у историков при освещении исторических событий. Ранее политическая история была публичной — решения принимались в сенате, где мог присутствовать и историк, если он был сенатором, и в народных собраниях, где происходило голосование. Со времени же Августа история стала «тайной», ибо не были известны пути, которые проходило решение, принятое в императорских спальнях и кабинетах, до того, как его предлагали сенату. Это прекрасно понимал Дион Кассий, касавшийся событий 27 г. до н. э.: «События, происшедшие после этого времени, нельзя изложить тем же способом, как в предшествующие времена... многие вещи были утаены и скрыты... и многое случившееся осталось неизвестным» (Dio Cass., LIII, 19, 2—4).

Существенным обстоятельством, свидетельствующим об изменении общественного положения историков, являются факты их преследования властями. В 25 г. н. э. Кремуций Корд был обвинен в том, что в написанном им историческом труде он хвалил убийцу Цезаря Брута, а другого убийцу Цезаря — Кассия назвал «последним республиканцем» (Tac. App., IV, 34). Опасаясь казни, Кремуций Корд покончил жизнь самоубийством, а его труд по специальному решению сената был сожжен.

Результатом подобных преследований было, по мнению Тацита, то, что «деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона излагались лживо, а когда их не стало, — под воздействием оставленной ими

по себе еще свежей ненависти» (Тас. Апп., I, 1). Противопоставляя себя этим историкам, имена которых он не считал нужным называть, Тацит обещает «повести в дальнейшем рассказ о принцепате Тиберия и его преемников без гнева и пристрастия» (Тас. Апп., I, 1).

Опущенные Тацитом имена историков, живших при преемниках Августа, могут быть восстановлены. Это помимо названного Кремуция Корда Аррунций, Ауфидий Басс, Тиберий Фенестелла, Веллей Патеркул, Сенека Старший; произведения же их утрачены, за исключением одного, принадлежащего Веллею Патеркулу. Это единственный документ эпохи, которую мы, вслед за Тацитом, можем назвать периодом упадка римской историографии. Нетрудно понять, почему современных исследователей исторической мысли древности привлекают такие корифеи, как Полибий, Саллюстий, Ливий, Тацит, и мало интересуют Веллей Патеркул. Но в развитии историографии как процесса нет ни лакун, ни второстепенных явлений. Эпоха упадка заслуживает такого же пристального внимания, как период подъема.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЛЛЕЯ

Мы знаем поразительно мало о жизни латиноязычных историков конца республики — начала империи. Биография Тита Ливия — сплошная загадка². Немного больше известно с Саллюстия³. В отношении Л. Аннея Флора и Луция Ампелия даже трудно с уверенностью сказать, в каком веке они жили⁴. Реконструкцией современных исследователей является биография Тацита⁵. И словно бы желая вознаградить нас за эти утраты, фортуна сохранила биографические сведения о Веллее Патеркуле. Мы получаем редкую возможность проследить, как социальное положение автора отразилось на освещении им эпохи.

Само обилие автобиографических данных в тексте «Римской истории» можно рассматривать как своего рода вызов тем, кто и в эпоху принцепата считал знатность необходимым условием для получения высших государственных должностей. Предки Веллея, в его описании, — люди скромные, выделяющиеся лишь исполнительностью и верностью, т.е. теми качествами, которые в то время особенно высоко ценились. Дед историка по отцу Г. Веллей был

² См. Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979, с. 181; Он же. Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия. — ВИ, 1977, № 7, с. 173 и сл.

³ Единственно надежный источник биографии историка — краткие замечания в трудах Саллюстия «Заговор Катилины» и «Югуртинская война».

⁴ См. соответствующие статьи об этих историках в данной книге.

⁵ См. у же R. Tacitus. Oxford, 1958, v. II, p. 621 f.; Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981, с. 54 и сл.

praefectus fabrum (начальник ремесленников) в армии Помпея. Его же в числе других 360 выдающихся представителей всаднического сословия Помпей назвал судьями, пытаясь обуздать с их помощью в 52 г. до н. э. коррупцию в римских судах (Vell., II, 76, 1). Когда из-за преклонного возраста дед Веллея не смог сопровождать помпейцев в бегстве из Неаполя, он покончил жизнь самоубийством (II, 76, 1). Из сообщений историка о своем деде можно заключить, что Веллеи были выходцами из Кампании, что подтверждается латинскими надписями из Капуи⁶. Об отце историка известно лишь то, что он дослужился до начальника кавалерии в легионах Тиберия Нерона в Германии (II, 104, 3). Дядя историка, также Веллей Патеркул, но с дополнительным именем «Капитон» был в списке сенаторов, подписавших в 43 г. до н. э. обвинение М. Випсания Агриппы против Г. Кассия (II, 69, 5). Так же, как отец историка, он был начальником кавалерии. Таким образом, родственники Веллея по отцовской линии относились к тем семьям всаднического сословия, которые были введены в сенаторский ранг незадолго до принципата Августа.

Мать историка и ее предки принадлежали к влиятельной кампанской знати. Предок Веллея по материнской линии Деций Магий — один из «principes» Капуи, сохранивший в числе немногих капуанцев верность Риму во время перехода Капуи на сторону Ганнибала⁷. Арестованный Ганнибалом, он был под стражей отправлен в Карфаген, но во время кораблекрушения у берегов Кирены скрылся от карфагенян и бежал в Египет, где до самой смерти пользовался покровительством Птолемея IV Филопатора (Liv., XXIII, 7, 4; 10, 3 ff.; Sil. It., XI, 157 ff.). Внук или правнук Деция Магия Минаций Магий из Эклана (в области поселения гирпинов) проявил себя как рьяный приверженец Рима в годы Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.). Он совместно с Т. Дидием захватил Геркуланум, поддержал Л. Корнелия Суллу при осаде последним Помпей, приведя на помощь гирпинский легион (II, 16, 2). За это он был вознагражден римским гражданством, а два его сына получили претуру⁸. Дедом историка по материнской линии, очевидно, был Нумерий Магий из

⁶ CIL, X, 1154; 1403; 1612; 3898; 3924; 3937.

⁷ Liv., XXIII, 7—10.

⁸ Эти сведения Веллей Патеркул заимствовал из «Анналов» Гортензия (II, 16, 3). Возможно, именно один из этих сыновей, П. Магий, упомянут Цицероном как народный трибун 87 г. до н. э. (Cic. Brut., 179). Наличие Магиев в Экулане засвидетельствовано надписью, где упомянут кваттуовир М. Магий Сур (CIL, I², 1722). Другой Магий из Экулана, М. Магий Максим, при Августе дважды был префектом Египта (CIL, IX, 1125). По мнению И. Ланы (Lana I. Velleio Paterculo o della propaganda. Torino 1952, p. 61), поддержанному Ж. Эллегуаром (Helle-gouar J. Velleius Paterculul. Introduction. P., 1982, p. X), дедом Веллея Патеркула был М. Магий Максим, префект Египта при Августе и, возможно, прокуратор Дальней Испании, а не Нумерий Магий, префект ремесленников при Помпее в 49 г. до н. э.

Кремоны, известный современникам как *praefectus fabrum* Помпея⁹. Историк сообщает, что дед усыновил его брата, получившего имя Магий Целлер Веллейян (II, 115, 1; 121, 3). Он был легатом Тиберия в войне против далматов (9 г. н. э.) и претором в 15 г. н. э.

Итак, по отцовской и материнской линии Веллей принадлежал к слоям, из которых при Августе и Тиберии рекрутировались императорские чиновники и военные командиры — к всадническому сословию и италийской муниципальной знати. Это были «новые люди», связанные с императорской властью и обязанные ей своим положением.

ЛИЧНОСТЬ ИСТОРИКА И ЕГО КАРЬЕРА

Будущий историк родился между 20 и 19 гг. до н. э. в семье префекта конницы Веллея Патеркула. Личное его имя является проблемой. Грамматик Присциан называет историка Марком. В кодексе «М» он носит имя «Гай», которое воспроизводит Беат Ренан на обложке первого издания труда Веллея, но на фронтисписе он назван Публием. Это странное противоречие объясняют тем, что сокращение «С.» содержалось в кодексе, открытом Ренаном, а «Р.», т. е. Публий,— имя, которое носил историк, по мнению самого Ренана¹⁰. В настоящее время историки склоняются к мысли, что Веллея Патеркула, так же, как его деда, звали Гаем (II, 76, 1). Это же имя встречается на милевом столбе из Африки (CIL, VIII, 10311), где упомянут *C. Velleius Paterculus leg. Aug.*, что, однако, не означает, что в надписи, как это считал В. И. Модестов, идет речь о нашем историке. Скорее всего, это один из его сыновей.

В течение восьми или девяти лет Веллей Патеркул занимал должность военного трибуна в римской армии, расквартированной во Фракии и Македонии (II, 101, 3). Начальниками его были П. Виниций, отец М. Виниция, которому посвящен труд, и П. Силий. В годы службы в должности военного трибуна Веллей Патеркул сопровождал приемного сына Августа Гая Цезаря в его окончившейся трагически инспекционной поездке на Восток (II, 101, 1). Из сообщения самого историка следует, что во время этой же службы он посетил восточные провинции и видел вход в Понт (Черное море) и оба его берега, что предполагает посещение им Северного Причерноморья (II, 101, 3). Возможно, вместе с Г. Цезарем он побывал на Родосе, где тогда жил будущий император Тиберий. Он наблюдал встречу Г. Цезаря с парфянским царевичем Фраатаком на Евфрате (II, 101, 1).

⁹ Caes. B. G., I, 24—26; Cic. Ad Att., IX, 7, 2.

¹⁰ Hellegouarch J. Velleius Paterculus. Histoire Romaine. P., 1982, p. VII.

После возвращения с Востока в 4 г. н. э. Веллей был свидетелем встречи Тиберия с римскими войнами, которые с энтузиазмом приветствовали усыновление Тиберия Августом. 27 июня того же года он принял участие в германском походе будущего императора и стал префектом кавалерии в его армии, сменив на этом посту своего отца. В 6 г. н. э. он вернулся в Рим для исполнения обязанностей квестора. После окончания квестуры он во главе контингента войск направился в Паннонию, где в то время вспыхнуло восстание местного населения (II, 111, 3). Зимой 6/7 г. н. э. Веллей был начальником стационарного римского лагеря в Сисции, на Дунае (II, 113, 3). В конце 8 г. н. э. Тиберий передал свои полномочия в Паннонии М. Лепиду, а сам направился в охваченную восстанием Далмацию (II, 115, 1). Веллей остался в Паннонии в армии М. Лепида, сопровождая его во время похода через не затронутые войной части Паннонии для соединения с Тиберием (II, 115, 2). В 9—10 гг. н. э. Веллей был участником похода Тиберия в Германию, имевшего целью восстановить там власть римлян после разгрома германцами легионов Вара (II, 114,5—115,2). Во время триумфа Тиберия в 12 г. н. э. он был щедро вознагражден, так же, как его брат Магий Целер Веллейян, отличившийся во время войны с далматами (II, 121, 3). Через некоторое время после кончины Августа историк и его брат были избраны преторами в качестве «кандидатов Цезаря» и вошли в сенат (II, 124,4).

О своей деятельности в качестве сенатора в дошедшей до нас части труда Веллей ничего не сообщает. Не исключено, что об этом говорилось в недошедшем посвящении М. Виницию. Имелись попытки отождествить нашего историка с упомянутым Тацитом (Апп., III, 39,1—2) П. Веллеем (P. Vellacus), сменившим в качестве легата Мезии Л. Помпония Флакка в 21 г. н. э.¹¹ Против этого говорит как различная форма имени историка и легата, так и отсутствие в самом труде намеков на участие Веллея в описанной им (II, 129,1) операции Л. Помпония Флакка во Фракии.

Исчезнув из поля нашего зрения как военный и политический деятель, Веллей Патеркул в то же время возникает перед нами как человек, работающий над созданием исторического труда. Посвящение двух книг по истории консулу 30 г. н. э. М. Виницию — последнее из автобиографических сведений. После 30 г. о Веллее Патеркуле ничего не известно.

В 31 г. н. э. был раскрыт заговор Сеяна, повлекший гибель не только его самого, но и ряда его сторонников. Был ли Веллей Патеркул в их числе? Указывая несколько случаев преследований

¹¹ Sumner G. V. The Truth about Velleius Paterculus. — *HSCLPH*, LXXIV, 1970, p. 276—277.

этого времени, Тацит сообщает: «Мне неизвестно, что большинство писателей обошли бесчисленные случаи несправедливых гонений и многие казни потому, что они были подавлены их обилием; и потому, что опасались наскучить читателям, повествуя о том, что им представлялось чрезмерно мрачным» (Апп., VI, 7, перевод А. С. Бобовича).

По той или другой причине традиция не донесла до нас сведений о смерти Веллея Патеркула. Мы, видимо, никогда не узнаем, что явилось причиной гнева Тиберия в отношении Веллея — похвалы ли в адрес Сеяна, которые содержатся в его труде (II, 127,3—128,4), личная ли их дружба, восходящая ко времени совместной службы на Востоке, или навет какого-нибудь недоброжелателя. Но отсутствие дальнейших сведений о Веллее логичнее всего объяснить его насильственной смертью.

ЗАГЛАВИЕ И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА

В первом печатном издании труд Веллея имел заголовок: «Из двух книг Римской истории Г. Веллея Патеркула к М. Виницию консулу». На самом деле перед нами всеобщая история, в центре которой находится изложение истории Греции (до ее превращения в римскую провинцию) и Рима с вкраплением некоторых сведений из истории ближневосточных стран¹². Изложение, вероятно, начиналось с Троянской войны, с рассказа о подвигах греческих и троянских героев, поскольку в дошедшей до нас начальной части первой книги повествуется о возвращении героев, в том числе строителя деревянного коня Эпея, на родину. Троянская война давала возможность Веллею, как и его предшественникам (среди них надо прежде всего отметить Ливия), соединить древние судьбы Трои и Рима в едином повествовании — связующим звеном служил не только Эней, согласно позднему преданию переселившийся в Италию и ставший родоначальником римлян, но и другие герои-беглецы или колонисты. При этом если Ливий, выходец из Северной Италии, обращает внимание на предка венетов Антенора, то Веллей, предки которого связаны с Кампанией, уделяет больше внимания кампанским грекам.

Бесспорно, деление на две книги восходит не к средневековым переписчикам и не к издателю Ренану, а к самому историку. Это явствует как из его слов (II, 14,1; II, 131, 1), так из параллелизма в книгах, например. В экскурсах об основании колоний (I, 14 — II, 38—39).

¹² Дж. Самнер назвал труд Веллея «всеобщей историей в миниатюре» (Smith p. G. V. Op. Cit., p. 282).

Две книги Веллея в их нынешнем состоянии неодинаковы по объему. В первой книге девятнадцать глав, во второй — сто тридцать одна. Но надо думать, что первоначально первая книга насчитывала примерно то же число глав, что и вторая¹³. Об этом можно судить по наличию в ней значительных лакун. Утеряны посвящение, изложение Троянской войны, а также греческой и римской истории между временем Ромула и III Македонской войной на протяжении 580 лет. Отрывок из этой лакуны, сохраненный Присцианом, указывает, что Веллей рассматривал образование афинской архе после победы над персами в 468 г. до н. э.

Вторая книга начинается с середины II в. до н.э., времени, когда, согласно Саллюстию, начался упадок нравов, связанный с исчезновением страха перед врагами — *metus hostilis* — после разрушения Карфагена (Sall. Cat. 10,1; 41,1; Jug., I, 11). План труда определялся сложившейся в конце Республики, прежде всего благодаря Саллюстию, концепцией римской истории. В эпохе от разрушения Карфагена до времени Тиберия Веллей намечает несколько периодов, каждый из которых завершается очерком развития литературы. Первый период, по Веллею, — от разрушения Карфагена до Союзнической войны, второй — от Союзнической войны до консулата Цицерона, третий — от консулата Цицерона до времени Августа, четвертый — время Августа, пятый — время Тиберия. При этом времени Августа посвящено 35 глав, а времени Тиберия (до и после вступления его на престол) — 38 глав.

Изложение истории Рима у Веллея не является строго аналитическим. Рассказывая в хронологической последовательности о важнейших исторических событиях и римских политических деятелях, он при освещении более поздних фактов нередко возвращается к предшествующим. Так, он трижды говорит о судебном законе Гая Гракха: 1) при описании его деятельности как народного трибуна (II, 7, 2), 2) в рассказе о деятельности Ливия Друза Младшего (II, 13) и 3) в связи с законом Котты о разделении судебной власти между сенаторами и всадниками (II, 32, 8). При этом если в первом случае он просто излагает содержание закона, то во втором и третьем — более или менее подробно раскрывает его значение. Излагая деятельность Гракхов, Веллей забывает упомянуть о законе, предусматривавшем выведение колоний. Но в связи с деятельностью Ливия Друза он характеризует этот закон как наиболее пагубный во всем законодательстве Гракхов и одновременно касается излюбленной темы ко-

¹³ Таково мнение Дж. Самнера (Sumner G. V. op. cit., p. 281). Л. Ферреро настаивает на том, что первая и вторая книги были неодинаковы по объему (Ferrero L. *Nóstoi e xibétes in Trogo e Velleio Paterculo.* — In: Studi in onore di L. Castiglione. Firenze, 1960, I, p. 271—289).

лонизации (II, 15). Такой же перескок наблюдается и в II, 68, где вслед за событиями 43 г. до н. э. описываются пропущенные события и стоящие за ними люди консульства Цезаря (48 г. до н. э.).

Ошибочным является мнение, что Веллей Патеркул не обнаруживает понимания внутренней связи событий¹⁴. Понимание такой связи скрывается не только в приведенных выше примерах повторения предшествующих фактов в последующем изложении, но и в обобщениях-экскурсах. Так, в первую часть историк ввел обширный экскурс, касающийся основания римских колоний и расширения состава римского гражданства (I, 14—15); соответственно во второй части имеется краткий обзор предшествующих заморских войн и их результатов (II, 38). Читатель получает представление о том, что захват полководцами земель и их превращение в провинции, платящие подати, — события, разделенные длительным промежутком времени: для Сицилии это 52 года, для Африки — 109 лет, для Испании — 250 лет. Историко-географические экскурсии дополняются экскурсами генеалогического и литературно-исторического характера.

КРАТКОСТЬ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Для историков поздней Республики общим правилом было изложение, изобилующее подробностями и художественными элементами. Благодаря такому подходу создавались огромные по объему труды. Г. Эмилий Туберон написал историю Рима в 14 книгах, Г. Лициний Макр — в 16-ти, Кв. Клавдий Квадригарий — в 23-х, Валерий Антиат — в 75-ти.

Уже в середине I в. до н. э. в качестве реакции на это «многословие» историков-анналистов появились сравнительно краткие «Книга анналов» Т. Помпония Аттика¹⁵ и «Хроника» Корнелия Непота. Катулл, отправляя свою «книжицу» стихов Корнелию Непоту, характеризует адресата как «первого из италийцев, отважившегося изложить все века в трех ученых и трудоемких свитках» (*Catul. Praef.*). Во времена Катулла написание истории в трех книгах, таким образом, представлялось делом необычайно трудным, каковым оно и являлось на самом деле. Краткое изложение предполагает обоснованный отбор фактов и выявление между ними причинной и смысловой связи, чего могло и не быть в пространном рассказе. Именно эти задачи ставятся в исторических монографиях Саллюстия, в центре которых находились события, ограниченные десятилетием и даже несколькими годами.

¹⁴ Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888, с. 571.

¹⁵ Время появления «*Liber annalis*» Аттика определяется в пределах 50—46 гг. до н. э. на основании сходных мест с трактатом Цицерона «Брут» (см. *Hellegouarc'h J. Op. cit.*, p. XXXIV).

Впрочем, труды Корнелия Непота и даже Саллюстия еще не открыли века кратких историй. В начале правления Августа появились первые книги римской истории Тита Ливия, охватывающие основание Рима и период правления царей. На написании труда, доведенного до времени историка и насчитывающего 142 книги, ушла вся его жизнь. Именно этот наиболее выдающийся в литературном отношении труд Ливия оказался последним в ряду полных изложений римской истории. Краткость как достоинство исторического труда несколько позднее на примерах Фукидида и Саллюстия оценил Квинтилиан¹⁶, а Веллей Патеркул воплотил его в своем произведении.

Четыре раза Веллей напоминает читателю, что он следует «предложенной форме труда» (II, 16,1; 38,1; 66,3; 96,3), понимая под этим краткое изложение событий. В других случаях он ссылается на краткость (*brevitas*) своего труда (I, 16,1; II, 29,2; 38,1; 52, 3; 53, 1; 86, 1; 89, 1; 96, 3; 99, 4; 103, 4), на «спешку» (*festinatio*) — I, 16, 1; II, 41, 1; 108, 2; 124, 1, на «беглость» (*transcurus*) — II, 55, 1.

В некоторых случаях эти ссылки носят риторический характер, в других же они как бы служат оправданием действительных лакун в изложении. Например, в истории Веллея выпали Югуртинская война, борьба Клодия и Милона, законодательство Суллы, новая организация провинции при Августе и многое другое.

Видимо, ощущая чрезмерную краткость своего описания событий, Веллей постоянно указывает на нее и в виде оправдания обещает дать пространное изложение в «настоящем труде» (*iusto opere* — II, 48,5; 89,1; 99,3), «истинных свитках» (*iustis voluminibus* — II, 114,4; 119,1). Впрочем, по нашему мнению, это не просто оправдание, а свидетельство действительной работы над серьезным историческим трудом, который остался незавершенным и не увидел свет.

ПОРТРЕТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Краткость труда не помешала Веллею дать в своем произведении галерею портретов исторических лиц¹⁷. Л. Эмилий Павел, Метелл Нумидийский, братья Гракхи, Г. Марий, Цинна, Сульпиций Руф, Сулла, Помпей, Цицерон, Брут, Кассий и многие другие выдающиеся лица наделены образными характеристиками с выделением как темных, так и светлых сторон. В тех случаях, когда Веллею кажется, что то или другое историческое лицо не заслуживает детальной

¹⁶ Quint., X, 1, 73. Ср. его похвалы «бессмертной стремительности Саллюстия» (X, 1, 102) и «знаменитой Саллюстиевой краткости» (IV, 2, 245).

¹⁷ Г. Зауппе так оценил труд Веллея: «В его истории мы имеем не столько развитие событий в естественном порядке, сколько перечень расположенных хронологически портретов галереи римской истории» (Sauppe H. M. Velleius Paterculus. Frauenfeld, 183³).

оценки, им все же указываются отдельные черты характера и внешности. Так, Веллей не ограничивается указанием, что Брут завладел семью легионами, перешедшими к нему от Г. Антония и П. Ватиния, но попутно замечает, что «...в Ватинии внешнее уродство... состязалось с непристойностью нрава, будто его душа была заключена в самое подходящее вместилище» (II, 69, 4).

Враждебный Риму мир предстает в труде Веллея не как совокупность племен и народов с их этническими и историческими традициями, а опять-таки как ряд выдающихся личностей. В обычной для Веллея контрастной манере изображен Митридат Евпатор (II, 18, 1). Племя херусков упоминается мелчком в числе других покоренных римлянами племен (II, 105, 1), но вождь херусков Арминий рассматривается как выдающаяся личность, контрастирующая с личностью побежденного им Квинтилия Вара (II, 118, 2; ср. II, 117, 2—3).

Веллей Патеркул завершает линию персонафикации истории, которая развилась в римской историографии еще в конце III — первой половине II в. до н. э. под влиянием эллинистических образцов. Греческие историки эпохи эллинизма, излагая политические и культурные события, видели за ними прежде всего выдающихся людей. Так, в изложении Полибием Второй Пунической войны главное внимание сосредоточено на таких фигурах, как Кв. Фабий Максим, Ганнибал, Сципион Африканский.

Этой линии противостоит единственное произведение римского историка, труд Катона Старшего «Начала» (Origines). В нем были опущены имена римских полководцев, но зато фигурировало имя боевого карфагенского слона (Cato arud Plin. N. H., II, 51). Если Плинию Младшему, современнику Веллея, эта особенность труда М. Порция Катона представлялась очередным чудачеством прославленного цензора, то Цицерон, видимо, не относил ее к парадоксам, а рассматривал как результат отношения Катона к государству: «Катон обыкновенно говорил, что наше государственное устройство лучше, чем у других государств, ибо в тех, можно сказать, отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений... напротив, наше государство создано талантом не одного, но многих, оно результат жизни нескольких веков и поколений, а не одного какого-либо человека» (Rep., II, 2, перев. В. О. Горенштейна).

Изложение истории в духе Катона было не чем иным, как попыткой укрепления расшатавшихся полисных начал. «Личностный» подход к истории Саллюстия и Тита Ливия говорит о победе в историографии тех тенденций, с которыми безуспешно боролся Катон Старший. Веллей Патеркул был в этом отношении продолжателем Саллюстия и Ливия и предшественником Тацита и Све-

тония, для которых биография стала естественной формой истории императоров и одновременно императорского Рима.

Излагая «историю в лицах», Веллей Патеркул в то же время преследовал определенную политическую цель — показать, что позитивную роль в судьбах Рима играли выходцы из муниципиев, люди италийского происхождения, а не староримская знать. Веллей неизменно и настойчиво подчеркивает пользу, которую как в далеком прошлом, так и в эпоху принципата приносили Риму неродовитые люди. Среди них — «новый человек» Тиберий Корунканий, добившийся высших жреческих и государственных должностей еще до первой Пунической войны (II, 128, 1); Спурий Корвин, «рожденный во всадническом сословии» (II, 128, 2); М. Катон, «новый гражданин и даже уроженец Тускула» (II, 128, 2); «новый человек» Муммий (II, 128, 2); «человек всаднического происхождения» Гай Марий, ставший первым из римлян (II, 11, 1); а из более поздних примеров — Цицерон, «человек благороднейшей незнатности» (II, 34, 3); П. Вентидий, ставший консулом и триумфатором в том городе, в котором некогда был проведен во время триумфа как пленник (II, 65, 3); Азиний Поллион (II, 128, 3); М. Випсаний Агриппа, который «многочисленными подвигами облагородил свое незнатное происхождение» (II, 96, 1).

Выходцы из всаднического сословия, как показывают примеры Агриппы, Азиния Поллиона, Сеяна, да и самого Веллея Патеркула, пользовались поддержкой императорской власти и выдвигались на первый план. Из них формировался складывающийся государственный аппарат. Не с этой ли новой ролью всаднического сословия связан энтузиазм Веллея по отношению к новому режиму в лице Августа и Тиберия?

С другой стороны, знатность для Веллея иногда служит дополнением к отрицательной оценке персонажа. Так, Клодий характеризуется как «человек знатный, красноречивый, дерзкий, ни в делах, ни в речах не знавший меры, кроме той, какую он сам себе определил» (II, 45, 1). Примерно так же оценивается и Курион: «Это был человек знатный, красноречивый, наглый расточитель как своего, так и чужого состояния и целомудрия, щедро одаренный беспутством, наделенный даром речи во вред государству» (II, 48, 3).

Напротив, современник Клодия и Куриона Антистий Вет оценивается как человек настолько достойный, «насколько можно себе представить человеческую честность» (II, 43, 4). Можно было бы думать, что, давая такую характеристику, Веллей преследовал какую-то личную выгоду — квестор Антистий Вет был дедом Антистия Вета, консуляра и понтифика времени Тиберия. Но это допущение сразу отпадает, когда мы убеждаемся в плебейском происхождении Антистиев. Из этого рода происходила жена Тиберия Гракка и

впоследствии еще одна женщина — жена Гн. Помпея Магна, с которой заставил его развестись Сулла. Естественно предположить, что благожелательное отношение Веллея к Антистию Вету объясняется принадлежностью последнего к плебейскому роду, традиционно поддерживавшему популяров. Римский читатель Веллея мог сопоставить: знатные роды нередко давали Риму негодяев, в то время как плебейские — честных, преданных государству людей.

Видя в Веллее выразителя интересов всадничества и муниципальной знати, мы можем рассматривать появление его труда как следствие обострения идейно-политической борьбы в римском обществе времени правления Тиберия. Борьба и соперничество «новых людей» с нобилитетом, не оставлявшим своих надежд на возвращение утраченных привилегий, переносились на почву историографии. Исторические факты о заслугах неродовитых людей в изложении Веллея становились также средством укрепления нового политического режима, основанного «новыми людьми» вопреки сопротивлению старой аристократии.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

В античной историографии трудно найти историка, который бы больше интересовался хронологией, чем Веллей. Его краткое сочинение пестрит датами, которые он пытается обосновать. Мы находим у него так много систем отсчета времени, что создается впечатление, будто он специально стремился продемонстрировать свою эрудицию в хронологии.

Отсчет лет ведется: по олимпийской эре (I, 8, 4), введенной в оборот в эллинистическую эпоху; от времени падения Трои (I, 2, 1; I, 8, 4); от времени взятия Рима галлами (I, 14, 2); от основания Александрии (I, 14, 3); от года начала царствования Пирра (I, 14, б); от начала Пунических войн (I, 14, 8; I, 15, 2; II, 28, 2; II, 38, 2; II, 38, 4; II, 44, 4; II, 90, 2); от времени падения Карфагена (I, 13, 1); от своего времени в ретроспективном порядке (I, 5, 3; I, 6, 1; I, 7, 2; I, 7, 4; I, 8, 2; I, 12, 5 и др., еще 24 отсылки); от консульства Виниция (I, 8, 1; I, 8, 4; I, 12, 6; II, 7, 5; II, 49, 1; II, 65, 2); по спискам триумфаторов; по спискам цензоров; по спискам консулов¹⁸. При этом могут использоваться несколько видов отсчета одновременно.

При таком внимании к хронологии странно то, что в труде Веллея немало расхождений с датами других историков (обычно ошибки в

¹⁸ Сведения о хронологических указаниях Веллея взяты нами из: *Helleo u a r c'h J. Velcius Paterculius*, p. LXXXVII—LXXXVIII.

пределах 1—3 лет). Объяснением этого феномена в последнее время занялся Ж. Эллегар¹⁹. Ряд ошибок, причем наиболее значительных, он объяснил путаницей в латинских цифрах, в которой повинны античные и средневековые переписчики. Они, например, ошибочно принимали X за V и V за II. Некоторые ошибки связаны с небрежным использованием Веллеем консульских списков. Например, правильно определяя дату основания колонии Калес в Кампании — CCCL лет от консульства Виниция, Веллей указывает, что это было при консулах Сп. Постумии Альбине и Т. Ветурии Кальвине, но эти лица были консулами дважды — в 334 и 321 г. до н. э.; только вторая дата, и то с ошибкой в один год, соответствует 350 г. от консульства Виниция. Многие ошибки связаны с использованием в разных частях труда различных источников, опирающихся на разные хронологические системы. В первой части труда использована хронология Катона Старшего, которой следовал Помпоний Атик, тогда как с 49-й главы II книги даты даются по системе Варрона, относившего основание Рима, в пересчете на наше летосчисление, к 751 г. до н. э. Использованием различных источников можно объяснить и то, что в одном случае Веллей относит возобновление Олимпийских игр к 793 г. до н. э., а в другом — к 776 г. до н. э.

В ряде случаев речь идет не об ошибках, а об иных хронологических принципах, которые Веллей отстаивает в споре с другими историками, например, с Катонем Старшим по поводу даты основания Капуи (I, 7, 2) или по поводу возраста Сципиона Эмилиана (II, 4, 7).

В разделах, посвященных основанию колоний, Веллей использует датировку не по годам, а по двухлетиям, трехлетиям, четырехлетиям, пятилетиям, служившим интервалами в выведении колоний. Последовательного использования такого принципа нет ни у одного другого римского историка.

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

Немалые трудности возникают при определении источников, которыми пользовался Веллей Патеркул. Это связано не только с суммарным изложением им событий, но и с утратой многих исторических произведений, которые могли быть доступны образованному человеку начала принципата. Исследователь конца прошлого века П. Кайзер применил к нашему автору модную в ту пору «теорию одного источника»²⁰. Этим источником была, по его мнению, историческая хроника Т. Помпония Аттика. Кайзер основывался на отклонении хронологических указаний Веллея на три года от хронологии Варрона, которое засвидетельствовано также в сохра-

¹⁹ Idem, p. LXXXVII — XCII.

²⁰ K a i s e r P. De fontibus Vellei Paterculi B., 1884.

ненном Солином отрывке из Аттика (I, 27 М.). Шаткость предположения Кайзера особенно ясна в свете свидетельства Цицерона о том, что Атик пользовался хронологией Варрона (Вгт., 72).

Другой исследователь прошлого века Ф. Бурмайстер полагал, что Веллею была доступна вся литература, знание которой характеризовало уровень культурного человека того времени. В то же время главным источником Веллея Бурмайстер считал историческую хронику Непота, опираясь на сходство некоторых оценок у обоих историков и на обилие у Веллея, как и у Непота, биографических данных ²¹.

В современных исследованиях о Веллее преобладает мнение, что он пользовался рядом трудов древних авторов. В ходе изложения Веллей ссылается на «Начала» Катона Старшего (I, 7, 13) и на не известные другим авторам «Анналы» Гортензия, откуда он заимствовал сведения о своих предках (II, 16, 3) ²². Судя по всему, Веллей был также знаком с речами Цицерона и его письмами. Это явствует не только из панегирической оценки Цицерона, настоящего гимна ему (II, 66), но также из совпадения выражений Веллея и Цицерона об амнистии убийцам Цезаря «по примеру древних афинян» ²³.

Подобные же совпадения свидетельствуют и о знакомстве Веллея с трудами Саллюстия. Вслед за Саллюстием или автором, на него опиравшимся, Веллей в начале II книги связывает падение нравов в Риме с уничтожением страха перед Карфагеном ²⁴. Саллюстий, более чем другие авторы, оказал влияние на формирование стиля Веллея: к нему восходят контрастность в оценках личностей и частое употребление в качестве подлежащего слов, обозначающих чьи-либо характерные черты ²⁵.

Среди авторов, оказавших влияние на Веллея, назывался также Трог Помпей ²⁶. Но, как справедливо заметил Ж. Эллегар, различия между этими авторами столь велики, что знакомство Веллея с трудом Помпея Трога маловероятно ²⁷. Столь же проблематичным является использование Веллесом в качестве источника произведения

²¹ Burmeister F. De fontibus Vellei Patreculi. Halle, 1893.

²² А. Диле сомневается в том, что эти сведения могли содержаться в «Анналах» Гортензия, и полагает, что Веллей пользовался устной семейной традицией (Dihle A. Velleius Patreculus.— RE, VIII A, 1933). Однако Веллей, интересовавшийся своей родословной, мог проверить семейное предание по «Анналам» Гортензия, содержащим, наряду с другими данными, описание Союзнической войны. В то время будущий великий оратор служил военным трибуном.

²³ Vell., II, 80 — Cic. Ad Att., XI, 9, 1.

²⁴ Woodman A. Sallustian Influence on Velleius Patreculus.— In: Hommage à M. Renard. Bruxelles, 1968, t. I, p. 785—799.

²⁵ Например, II, 87, 2 — «жестокость Антония погубила Д. Брута» или II, 119, 5 — «вражеская дикость растерзала полусожженное тело Вара» (см. Hellegouarc'h J. Velleius Patreculus, p. LXIII).

²⁶ Perna R. Le fonti storiche di Velleio Patreculo. Lucera, 1925, p. 18.

²⁷ Hellegouarc'h J. Velleius Patreculus, p. XXXV.

Варрона, на чем настаивает А. Де Франчиши, полагающий, что из него в «Римскую историю» вошли сведения об общественных сооружениях Рима²⁸. Для того, чтобы сообщить то небольшое, что говорится у Веллея о постройках в Риме, не было нужды обращаться к специальному труду.

О знакомстве Веллея с грандиозным сочинением Тита Ливия говорит, помимо упоминания Ливия в списке знаменитых историков, совпадение выражений в рассказах об убийстве Тиберия Гракха (ср. Vell., II, 9, 6; Liv., XIV, 33, 5). Нет никаких оснований думать, что Веллей отрицательно относился к Ливию как к стойкому республиканцу, ибо само изложение Веллея сохранило следы республиканской традиции²⁹.

Семь раз на протяжении своего труда Веллей ссылается на Азиния Поллиона, восхваляя его как оратора (II, 36, 2), подчеркивая его твердость и верность цезарианской партии (II, 63, 3), его успехи в борьбе с Секстом Помпеем в Испании (II, 73, 2), отмечая храбрую защиту им Венеции после Перузинской войны (II, 76, 2—3), приводя знаменитый ответ Азиния Поллиона, данный Октавиану перед битвой при Акции (II, 86, 2), характеризуя Азиния Поллиона как «нового человека» (II, 128, 3). Повышенное внимание к Азинию Поллиону является косвенным свидетельством использования Веллеем исторического труда Азиния Поллиона, написавшего историю Рима между 60 и, примерно, 31 г. до н. э.

Исследователи, поддерживавшие эту точку зрения, приводили в ее пользу также характер сведений Веллея о Поллионе³⁰. Так, фраза «Поллион сделал для Антония не меньше, чем Антоний для Поллиона» (II, 56, 3) логичнее всего объясняется чтением труда Азиния Поллиона. К последнему, возможно, восходит и присущая Веллею объективность в оценке противников Цезаря. Так же, как Азиний Поллион (Asin. Poll. apud App. V. C., II, 82), Веллей не склонен к преувеличению числа убитых или взятых в плен при изложении войн времени Цезаря. Так, если, по словам Плутарха, Цезарь в ходе галльской кампании взял в плен до миллиона человек, то Веллей называет цифру четыреста тысяч (II, 47, 1). Поллион в своем труде уделял много внимания своей личности. Возможно, это как-то повлияло на включение Веллеем в свою историю автобиографических данных. Обращают на себя внимание и некоторые текстуальные совпадения в трудах Веллея и Аппиана, особенно при

²⁸ Francis A. De. Una fonte di Velleio Paterculo.— RdAA, XXIV—XXV, 1949—1950, p. 73 sqq.

²⁹ Dihle A. Op. cit., col. 644.

³⁰ Zecchini G. Asinio Pollione.— In: Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B.— N. Y., 1982, Bd. XXX, 2, S. 1287.

описании проскрипций II триумvirата, объясняемые тем, что оба автора пользовались историей Азиния Поллиона.

Имеются и другие труды, которым мог следовать Веллей Патеркул. Было высказано мнение, что его сведения о времени Августа восходят к сочинению Мецената «О деяниях Августа»³¹ и к «Книгам о германских войнах» Ауфидия Басса³². В распоряжении Веллея были также не дошедшие до нас «Записки о своей жизни» Августа:³³ совпадения между некоторыми фразами Веллея и Николая Дамаского объясняются использованием этого источника.

В двух случаях Веллей ссылается на эпиграфические источники: на надпись на медной доске храма Дианы Тифатины близ Капуи (II, 25, 4) и надпись на форуме Августа с перечнем покоренных народов (II, 39, 2). Надпись на медных досках близ мавзолея Августа с его «Деяниями» им не упоминается, однако есть основания думать, что историк ею пользовался. Такое предположение было впервые высказано Т. Моммзенем во втором издании «Деяний» (RgDA, 1883), полагавшим, что Веллей Патеркул должен был видеть этот монументальный текст во время прогулок по городу. Недавно французские историки Ж. Элсгуар и К. Жодри предприняли попытку это доказать, сравнив текст «Римской истории» с RgDA³⁴. Ряд мест в обоих текстах обнаруживает несомненную близость³⁵, но нельзя доказать, что все эти места восходят именно к этому источнику, а не к уже упомянутым «Запискам» Августа или к труду Мецената.

Помимо указанных исторических трудов, мемуаров и надписей, Веллей Патеркул мог также обратиться к архивным документам времени Империи. Как сенатор он мог пользоваться сенатскими протоколами и донесениями полководцев о ходе военных операций³⁶. Установлено, что Веллей использовал протокольную запись одной из речей императора Тиберия в сенате по поводу царя маркоманнов Маробода (II, 129, 3), которую более подробно излагает Тацит в «Анналах» (II, 65, 1). Использовались также источники, которые могут быть названы «археологическими»: по руинам древних Кум и Неаполя историк судил о былом величии этих городов (I, 4, 1).

³¹ Krause, ed. Velleius Paterculus. Lpz., 1800, S. 44.

³² Marx F. A. Die Ueberlieferung der Germanen Kriege besonders des augustischēn Zeit.— Klio, XXIX, 1936, S. 202—218.

³³ Существование этих записок удостоверено Светонием (Suet. Aug., 85, 1) и Судой (Suda, ed. Bernardy, I, p. 851).

³⁴ Hellegouarc'h J., Jodry Cl. Les Res Gestae d'Auguste et l'Historia Romana de Velleius Paterculus.— Latomus, 1980, XXXIX, p. 803—816.

³⁵ Особенно RgDA, I, 1 и Vell., II, 61, 1—3, а также соответственно: 8, 2 и II, 89, 3—4; 26, 4 и II, 106, 2—3.

³⁶ Jodry Cl. L'utilisation des documents militaires chez Velleius Paterculus.— REL, 1951, XXX, p. 265—284.

Против высказанных предположений о непосредственном обращении Веллея к ряду исторических трудов и памятников как будто свидетельствуют его же сообщения о крайне спешной работе над «Историей», приуроченной к вступлению в консульство М. Виниция. Однако есть основания думать, что Веллей начал собирать материал для своего труда не в тот день, когда его друг был избран консулом (в этом случае до вступления Виниция в должность оставалось пять месяцев), а задолго до этого. В пользу этого предположения говорят неоднократные ссылки Веллея на «настоящий труд», «настоящие свитки». Именно они дают основание думать, что «Римская история» представляет выдержку из вчерне законченного обширного труда, потребовавшего у автора большего времени проработки многочисленных источников, ссылки на которые он сохранил или которые могут быть с большей или меньшей долей вероятности установлены ³⁷.

ЭПОХА МЕЖДОУСОБИЦ И ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

Первый из полностью сохранившихся в труде Веллея периодов римской истории — столетие междоусобиц и гражданских войн. Оценка событий этого времени позволяет судить о политических убеждениях Веллея. Веллей отрицательно относится к аграрному движению братьев Гракхов. Мотивы выступления Тиберия Гракха, согласно Веллею, всецело эгоистические: страх перед наказанием, которое уже постигло консула Манцина за заключение справедливого мирного договора с мятежной Нуманцией, а также личные амбиции народного трибуна (II, 2, 2). Отдавая должное душевному благородству Тиберия и Гая Гракхов, историк считает, что все их законы проводились в угоду жаждавшей перемен народной массе, а их деятельность знаменует «начало гражданских беспорядков и безнаказанности убийств».

Видя в беспорядках и мятежах, независимо от причин, какими они были вызваны, и характера, какой они имели, бедствие для государства и граждан, Веллей осуждает не только братьев Гракхов, но и иных возмутителей спокойствия. Деятельность Сервилия Главции и Апулея Сатурнина он классифицирует как «неистовство», а самих реформаторов называет «безумцами» (II, 12, б). В соответствии с этим одобряется вооруженное подавление мятежников консулом Г. Марием и опускается то неславажное обстоятельство, что Г. Марий

---

³⁷ Hellegouarc'h J. Les buts de l'oeuvre historique de Velleius Paterculus.— Latomus, 1964, XXIII, p. 669 ff.

первоначально поддерживал Главцию и Сатурнина и при их помощи получил свое шестое консульство³⁸.

Несмотря на то, что Ливий Друз Младший был продолжателем Гракхов, его деятельность оценивается Веллеем иначе. Ливий Друз, как полагает Веллей, выдвигая предложения, близкие гракханским, на самом деле исходил из интересов сената (II, 13, 2—3). Трагический исход жизни этого благонамеренного человека, согласно Веллею, был обусловлен тем, что сенат заблуждался в отношении истинных намерений народного трибуна и не усмотрел разницы между ним и Гракхами. Негативная позиция сената, не понявшего выгод деятельности Ливия Друза Младшего, имела последствием попытку того найти опору в италиках путем дарования им прав римского гражданства (II, 13, 3—14, 1—3).

Освещение деятельности Ливия Друза Веллеем расходится с тем, какое мы находим у других античных авторов. Так, Аппиан в «Гражданских войнах» рассматривает планы и деятельность Ливия Друза на фоне противоречий между народом и привилегированными сословиями, с одной стороны, и сенатом и всадниками — с другой. По его мнению, против Ливия Друза объединились сенат и римские всадники, в то время как народ горячо поддерживал трибуна (App. V. С., I, 36—37). Также и у Флора, сведения которого в этом вопросе восходят к Т. Ливию, законы, выдвинутые Ливием Друзом, объясняются противоречиями между сенаторами и всадниками (II, 5). Очевидно, и Аппиан пользовался в указанных главах Ливием или идущей от него традицией, тогда как сведения Веллея восходят к иному источнику, установить который не представляется возможным.

Союзническую войну 90—88 гг. до н. э. Веллей Патеркул изложил в двух главах (II, 14—15). Сочувствие историка всецело на стороне восставших италиков. Веллей, сам выходец из италийской муниципальной знати, считал дело италиков справедливым, поскольку они «были лишены прав гражданства в государстве, которое благодаря им поднялось так высоко и, будучи людьми той же крови, того же происхождения, третировались как варвары и чужаки» (II, 15, 2).

Со времени гражданских войн Мария и Суллы и диктатуры Суллы изложение событий римской истории становится у Веллея Патеркула более обстоятельным. Десятилетие 89—79 гг. до н. э. посвящено десятью главами. Предводители враждующих политических группировок осуждаются за губительное для государства честолюбие. Живописуются сцены насилия, произвола и жестокости. В то же время Гн. Помпей, принимавший участие в гражданских войнах

---

³⁸ В столь же кратком изложении событий трибуната Сатурнина и его единомышленника Сервилия Главции Флор (II, 4, 6) отмечает, что Г. Марий первоначально оказывал мятежникам поддержку.

на стороне Суллы, рисуется как в высшей степени положительная личность (II, 19). Историк обрисовывает его как гражданина без каких-либо пороков, поскольку стремление Помпея занять в свободной республике место, соответствующее его достоинству, Веллей не считает пороком. В изложении последующих событий, вплоть до появления на политической арене Г. Юлия Цезаря, Помпей оценивается как величайший римский полководец. Успешным завершением Помпеем затянувшихся Митридатовых войн Веллей заканчивает период римской истории, характеризующийся достижением высшего военного могущества и максимальным расширением римской державы, после чего, как и в первой книге, дает краткий обзор территориальных приобретений Рима начиная с Первой Пунической войны.

Не меньшее восхищение как человек и военачальник вызывает у Веллея Патеркула Г. Юлий Цезарь (II, 41—42). В его личности историк выделяет неукротимую силу духа, безмерную щедрость, крайнее честолюбие, выносливость в перенесении трудностей, трезвость ума, позволяющую принимать продуманные решения, благородство. Несмотря на восхищение Цезарем, нельзя сказать, что в гражданских войнах, разгоревшихся между Помпеем и Цезарем, симпатии Веллея на стороне Цезаря. Помпей и Цезарь для него равновеликие герои Рима, столкновение между которыми — результат происков ничтожных людей или следствие несовершенства человеческой природы, не могущей обойтись без губительного соперничества.

Начиная с сообщения о завещании Цезаря, в повествование входит Г. Октавий (II, 59, 1). Касаясь происхождения будущего принцепса, его биограф Светоний Транквилл приводит сведения о причислении Сервием Туллием рода Октавиев к патрициату и о последующем переходе его в плебс. Этим данным противопоставлена цитата из «Записок» самого Августа о происхождении из всаднического рода, древнего и богатого, в котором первым сенатором стал отец принцепса (Suet. Aug., 3). Веллей говорит о происхождении Г. Октавия (Августа) почти теми же словами, какими, согласно Светонию, говорил о своем происхождении Август: «Его отец происходил хотя из непатрицианской, но из видной всаднической семьи» (II, 59, 2). Отсюда явствует, что источником Веллея в его рассказе об Августе служили «Записки» последнего.

Изложение гражданских войн после смерти Цезаря, в которых Г. Октавий — Октавиан Август — был одним из главных героев, говорит об известной объективности историка. Не чувствуется его вражды к защитникам Республики. Брут и Кассий осуждаются не как противники цезарианцев, а как убийцы Цезаря, проявившие

вероломство и неблагодарность по отношению к своему благодетелю. Несмотря на печальный опыт Кремуция Корда, Веллей без страха говорит о величии души Брута (II, 72, 1). Но историк в то же время обходит ужасы проскрипций одной фразой: «Участь всего этого времени никто не смог достойно оплакать, тем более никто его не смог выразить словами» (II, 67, 1). Чувствуется, что проскрипции II триумvirата не только во времена самого Августа, но и при Тиберии были запретной темой.

ПРИНЦИПАТ АВГУСТА

В изложении истории принципата Августа внутренняя политика стоит на заднем плане. В самых общих чертах подчеркивается, что была «восстановлена прежняя, старинная форма правления», восстановлены земледелие, отношения собственности, «улучшены старые законы и целесообразно добавлены новые» (II, 89, 4). О предпринятой Августом ревизии сената сказано, что «сенат составлен без суровости, но с надлежащей строгостью» (II, 89, 4). В то же время в поле зрения историка — династическая политика Августа, а также конфликты с некоторыми из сенаторов, добивавшихся большего влияния в государстве или стремившихся устранить Августа.

Военные операции времени Августа раскрываются последовательно, по кампаниям: 1) германская кампания, завершившаяся захватом Германии до Эльбы; 2) восстание паннонцев и его подавление; 3) восстание далматов и его подавление; 4) восстание германцев во главе с Арминием; 5) военные действия с целью восстановления утраченного положения в Германии.

В поле зрения историка все, что, с его точки зрения как профессионального военного, может объяснить возникновение войн и их ход: стратегические замыслы римских и вражеских военачальников, их опытность и человеческие качества, численность римских и вражеских войск, уровень их военной подготовки, особенности местности, затрудняющие или облегчающие военные действия, расположение стационарных римских лагерей. Перед нами не дистантное освещение военных операций, свойственное большинству античных историков (кроме Фукидида и Полибия — у греческих и Цезаря — у римлян), а их профессиональное описание, которое, несмотря на краткость, дает о войнах времени Августа больше сведений, чем все рассказы Светония и Диона Кассия. К тому же это свидетельство очевидца, сохраняющее ощущение масштаба военных действий, подробности военных операций, значительных и второстепенных, дающие возможность понять, как действовали римские полководцы в различных обстоятельствах, в том числе и критических.

Особенно детально Веллей описывает военные действия в Германии, в которых он участвовал в качестве начальника конного отряда армии Тиберия. Историк с гордостью называет себя воином Тиберия Цезаря (II, 104, 3). Он говорит о преданной любви легионеров к Тиберию, почти обожествлении его (II, 104, 4). Если описание радости народа при возвращении Тиберия с острова Родоса (II, 103, 5) кажется обычной риторикой, то изображение поведения воинов и испытываемых ими чувств к главнокомандующему в полной мере отвечает тому, что нам известно о превращении ополчения в профессиональное войско. Легионеры давно уже перестали чувствовать себя римскими гражданами, выполняющими свой воинский долг: они служили не сенату и римскому народу, а полководцу, в руках которого были их жизнь и смерть, возвышение по служебной лестнице, благосостояние.

Знаки внимания Тиберия к подчиненным, которые Веллей описывает с таким умилением (II, 14, 1—2), — это проявление того же изменения, но на этот раз со стороны военачальника. Римский полководец эпохи Республики не нуждался в каких-либо мерах, которые обеспечивали бы ему личную преданность воинов. Он был выборным лицом, и его дальнейшая карьера зависела не от тех, кем он командовал, а от популярности в комициях и поддержки сената. Такие примеры, как попытка воинов помешать проведению триумфа нелюбимого полководца, в республиканскую эпоху единичны. В императорскую же эпоху, а также в конце Республики, полководец мог рассчитывать на положение, ставящее его над сенатом, над народом и над законом. Поэтому возникает известная зависимость полководца от армии, которая, как это неоднократно выявлялось, была единственной реальной силой, могущей обеспечить приход к власти. Полководец, как это и делал Тиберий (II, 14, 3), мог идти на послабление дисциплины, на нарушение субординации, ибо отныне он считался не с существующей традицией, а с собственными целями.

Сам Веллей подчеркивает различие поведения двух полководцев в одинаковой ситуации — при мятеже воинов. Германик действовал с мягкостью, даже кое-что, «не роняя своего достоинства», обещал и многое простил; в то время как Друз «проявил древнюю военную суровость» и беспощадно расправился с мятежниками (II, 125, 3—4). Мягкость Германика по отношению к мятежным воинам, хотя он и отклонил их призыв возглавить легионы для захвата власти (на последнее обстоятельство Веллей лишь намекает — II, 125, 3), очевидно, была одной из причин его последующей почетной опалы.

Веллей писал историю войн времени Августа уже после него и после насильственной смерти Германика, имя которого объединило

всех недовольных правлением Тиберия. Поэтому, не отрицая заслуг Германика и называя его «заслуженным полководцем», историк говорит о нем с известной сдержанностью, видимо, не желая выставлять себя почитателем Германика. Нет оснований и для утверждения, что Веллей преуменьшил заслуги Друза, приписав Тиберию честь расширения границ Римской империи до Эльбы, в то время, как еще до него, в 9 г. до н. э., Эльбы достигло войско Друза³⁹. Однако в данной и следующей главах (II, 106—107) Веллей не излагает историю войн с германцами, а делится впечатлениями о походе, участником которого он был. Приоритет Тиберия подчеркивается лишь в том, что он провел в Эльбу римский флот со стороны моря (II, 106, 3); о подобной операции Друза неизвестно.

Достоверность данных Веллея по истории войн времени Августа явствует также из его оценки противников римлян — паннонцев и германцев. В отличие от других римских историков, характеризовавших паннонцев как воинственных дикарей, историк сообщает, что большинство их было грамотно и занималось изучением наук (II, 90, 5). Таким образом, паннонцы изображаются достойными противниками Рима, подготовленными к ведению войны. И эта характеристика приобретает тем большее значение, что Веллей был сам непосредственным участником Паннонской войны, которая получила оценку как «тяжелейшая из внешних войн после Пунической» (Suet. Aug., 16, 1).

Не понаслышке знал Веллей Патеркул и германцев. Историк подчеркивает, ссылаясь на собственный опыт, не только свирепость германцев, но и их изворотливость, благодаря которой им удалось обмануть бдительность римлян и нанести им жесточайшее поражение (II, 118). Совсем не «дикарем» встает из описания Веллея предводитель маркоманнов Маробод, «варвар более по происхождению, чем по уму» (II, 108, 2). Все его действия, начиная от захвата царской власти и ухода вместе со всем народом в защищенную Герцинским лесом Богемию, характеризуются как целесообразные. Дается высокая оценка качеств Маробода как полководца, создавшего прекрасно подготовленное войско, и дипломата, действующего в соответствии с обстоятельствами и умело организующего сопротивление соседних народов захватническим планам римлян. Восстание паннонцев, сорвавшее подготавливаемую против Маробода широкомасштабную военную операцию, изображается как триумф его политики. Высокая оценка историком Маробода, а также Арминия, разумеется, не говорит о каком-либо сочувствии «варварам». Это — стремление римского патриота предотвратить военные ка-

³⁹ Wells C. German Policy of Augustus. Oxf., 1972, p. 159, 218 f.

тастрофы, подобные той, которая постигла римлян в Тевтобургском лесу.

Находясь в свите юного наследника Августа, Веллей Патеркул посетил восточные провинции Империи и был свидетелем дипломатических переговоров Гая Цезаря с парфянским царевичем: «Это во всех отношениях удивительное и достопамятное зрелище... мне пришлось наблюдать, когда я был военным трибуном» (II, 101, 2). С этим рассказом связано сообщение Веллея Патеркула о том, что в составе римского войска он побывал во Фракии, Македонии, Ахайе и Азии, увидел все восточные провинции, ведущий в Понт пролив и оба его берега (II, 101, 3). Очевидно, впечатлениями об этом периоде жизни историк намеревался поделиться в своем странном труде.

Описание Веллея смерти Августа отличается от рассказов об этом событии Тацита (Апп., I, 5) и Светония (Suet. Aug., 92) в деталях (II, 123). Если Тацит сомневается в том, что Тиберий, вызванный с дороги в Иллирик, застал Августа живым, а Светоний рисует смерть Августа на руках у Ливии, то Веллей Патеркул изображает Тиберия единственным, кто проводил умирающего императора к праотцам и принял державу из его рук. Очевидно, версия Веллея имела распространение в дворцовых кругах, и современник не мог ее отвергнуть, отдав предпочтение слухам, неблагоприятным для Тиберия или для Ливии (ее даже обвиняли в убийстве супруга).

Веллей донес до нас ощущение страха, охватившего римское общество при вести о кончине того, кто держал в своих руках власть почти пятьдесят лет (II, 124, 1). Это был страх перед возможным возобновлением внутренних междоусобиц, перед возрождением всего того, от чего победитель в прежних гражданских войнах избавил римское общество. Никто уже не помышлял о возвращении сенату и комициям независимого положения. Римские граждане успели превратиться в подданных императора, и их волновало лишь то, в чьи руки они попадут. В силу своих личных качеств Тиберий вызывал антипатию у многих. Но другой кандидатуры не было, поэтому предложение сената о передаче Тиберию всех тех полномочий, какими обладал Август, было совершенно естественным. Необычным было лишь то, что Тиберий вначале отказывался принять власть. Светоний и Тацит объясняют этот отказ его лицемерием (Suet. Aug., 21; Tac. App., I, 11—12); Веллей же, напротив, считает отклонение Тиберием высокой чести искренним, а ее принятие — уступкой доводам о государственной пользе, а не личным честолюбием (II, 124, 2). Не исключено, что Тиберий действительно колебался в принятии решения, а не разыгрывал комедию отказа, ибо по своей натуре он был человеком

замкнутым, склонным к уединению. Таким образом, у нас нет оснований для того, чтобы принимать только версию поздних историков, отвергая мнение человека, лично знавшего Тиберия.

ПРИНЦИПАТ ТИБЕРИЯ

На главах труда Веллея, посвященных Тиберию как принцепсу (СХХІІІ—СХХХІ), обычно основываются все исследователи, обвиняющие историка в низкопоклонстве и сервиллизме. При этом изложению первых шестнадцати лет правления Тиберия противопоставляют рассказ П. Корнелия Тацита обо всем периоде пребывания Тиберия у власти и из этого сравнения делают неблагоприятное заключение о качествах Веллея как историка. Ошибочность такого подхода видна из того, что негативная оценка Тацитом Тиберия относится преимущественно к тому времени, которое находится уже вне поля зрения Веллея Патеркула. Тацит подчеркивает, что, когда Тиберий не занимал еще никакой должности или при Августе принимал участие в управлении государством на вторых ролях, жизнь его была безупречной и он заслуженно пользовался доброй славой (Апп., VI, 51). Да и впоследствии, будучи по натуре порочным, он еще долго прикидывался добродетельным. Превращение Тиберия в чудовище Тацит датирует временем после обнаружения измены Сеяна (Апп., VI, 51). Таким образом, Тиберий-монстр неизвестен автору дошедшего до нас исторического труда, поскольку измена и падение Сеяна относятся ко времени после его написания. В то же время сопоставление оценок Тиберия обоими историками, относящихся к одному и тому же периоду, не дает основания говорить о противоположности их позиций.

Но даже без учета этих обстоятельств расхождение во взглядах на Тиберия Тацита и Веллея не означает, что последний лгал или ошибался, ибо давно уже появились сомнения в справедливости оценки Тиберия Тацитом⁴⁰. В XX в. мнение о необъективности подхода великого историка к Тиберию стало едва ли не преобладающим⁴¹, хотя продолжают высказываться и противоположные точки зрения⁴².

У нас в 80-х годах к этому вопросу обратился А. Б. Егоров, выступивший с критикой попыток «реабилитации» Тиберия в западной историографии⁴³. Следует прежде всего заметить, что объ-

⁴⁰ Sivers G. Tacitus und Tiberius. Hamburg, 1851.

⁴¹ March F. The Reign of Tiberius. Oxford, 1931; Kornemann E. Tiberius. Stuttgart, 1960; Ciaceri E. Tiberio successore di Augusto. Roma, 1931; Hanslik R. Tiberius.— Kleine Pauly, 1975, Bd. V, S. 813—818.

⁴² Syme R. Tacitus, I, p. 283 ff.

⁴³ Егоров А. Б. Развитие политической системы принципата при Тиберии.— В кн.: Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982, с. 135 и сл.

активная оценка отношения Тацита к Тиберию, не имеющая ничего общего с «реабилитацией» этого римского императора, присутствует не только в западной, но и в отечественной историографии: водораздел здесь между ними проходит не по этому вопросу. Так, по мнению наиболее авторитетного российского исследователя Тацита Г. С. Кнабе, оценка Тацитом Тиберия была тенденциозной, а сведения о политических процессах, какие могут быть извлечены из «Анналов», разрушают картину «массового террора», которую с присущим ему литературным талантом живописует Тацит. По подсчетам Г. С. Кнабе, даже при активном сопротивлении сенатской верхушки политике императора к судебной ответственности было привлечено всего 124 человека, а казнено не более 20; при этом суровые репрессии обрушились на людей, стремившихся устранить Тиберия насильственным путем⁴⁴. Таким образом, масштабы преследований в годы правления Тиберия несопоставимы с массовыми казнями и гонениями эпохи Суллы и II триумvirата, когда жертвами репрессий стали сотни людей, подчас даже не занимавшихся политической деятельностью. Поэтому современники Тиберия, особенно имевшие возможность наблюдать его вблизи как военачальника и администратора, не воспринимали его как мрачное чудовище, и неумеренные похвалы в его адрес иногда были искренними.

Для А. Б. Егорова уверенность в непогрешимости Тацита служит основанием для негативной оценки Веллея Патеркула: «Восемь глав Веллея, посвященных времени после смерти Августа, состоят из общих фраз и бесконечных восхвалений принцепса и его окружения. Сам Тиберий у Веллея Патеркула совершенно безлик, очевидно, это не реальное лицо, а образ идеального правителя, во многом собравший в себе качества идеального государственного деятеля Республики»⁴⁵.

Было бы ошибочным отрицать панегирический характер оценки Веллеем Тиберия⁴⁶. Но при этом утверждение, что Тиберий у Веллея безлик и что он вобрал черты идеального государственного деятеля Республики, неточно. Особенностью творческой манеры Веллея является создание портретов политических деятелей, которые не повторяют друг друга. Тиберий ближе всего не к республиканским деятелям, а к Августу, хотя их имидж не совпадает. Несмотря на краткость описания деятельности Тиберия, Веллей не опускает примеров недовольства его политикой. Он сообщает о заговорах

⁴⁴ Кнабе Г. С. Указ. соч., с. 163.

⁴⁵ Егоров А. Б. Указ. соч., с. 163.

⁴⁶ О связи оценки Веллеем Августа и Тиберия с панегирической традицией в римской литературе см.: Woodman A. Questions of Date, Genre and Style of Velleius Paterculus.— CQ, 1975, XXV, p. 290 ff.

Друза Либона и Силия Пизона, разумеется, их осуждая (II, 130, 3). В изображении Веллея Тиберий далеко не баловень судьбы. Перечисляя потери Тиберием близких ему людей, Веллей восклицает: «Какими горестями, Марк Виниций, терзало его это трехлетие! Какое скрытое и тем более жестокое пламя сжигало его грудь — он вынужден был страдать, возмущаться, краснеть из-за невестки и внука» (II, 130, 4).

Особого рассмотрения заслуживает вопрос об отношении Веллея к Сеяну. Можно ли видеть вслед за Р. Саймом⁴⁷ в Веллее ярого приверженца Сеяна? Биография Сеяна (II, 127, 2) начинается с оценки его родственных связей. Это создает впечатление, что выбор Тиберием Сеяна «как помощника во всем» во многом объясняется поддержкой последнего целым кланом Сеянов: отцом — «принцепсом всаднического сословия», дядей, родными и двоюродными братьями, занимавшими выдающееся положение в государстве. Сказав действительно несколько общих слов о качествах Сеяна — верности, трудолюбию, физической силе, Веллей переходит к его особенности сохранять под внешним спокойствием бдительность. Сравнивая Веллею оценку Сеяна с его же характеристиками Элия Ламии (II, 116, 3) или Лициния Нервы (II, 116, 4), мы можем понять, что особой симпатии к Сеяну Веллей не питал, хотя могущественный временщик и привлекал его как выходец из «новых людей». Вудмен обратил внимание на то, что Веллей скорее преуменьшает, чем преувеличивает заслуги Сеяна⁴⁸. Не сообщается об участии Сеяна в подавлении восстания в Иллирии, о чем говорят Тацит (Ann., I, 24, 1—2) и Дион Кассий (LVIII, 9, 16). Умалчивается о причастности Сеяна к восстановлению сгоревшего театра Помпея. Эта заслуга приписывается одному Тиберию (II, 130, 1).

Несмотря на биографический характер и панегирический тон изложения в последних восьми главах, Веллею удалось изложить главные факты внутренней и внешней политики первой половины принципата Тиберия, причем их оценка мало чем отличается от оценок враждебного Тиберию Тацита. Веллей пишет: «На форум возвращено доверие, с форума изгнан мятеж (seditio), с Марсова поля — домогательства, из курии — раздоры» (II, 126,2). У Тацита же об этом сказано следующим образом: «Тогда впервые с Марсова поля выборы были перенесены в сенат, ибо, хотя до этого времени все важнейшее принадлежало решению принцепса, кое-что совершалось и по настоянию триб» (Ann., I, 15, 1). Более пространное сообщение Тацита оказывается на деле неточным, поскольку трибы собирались тогда в другом месте, на форуме, — за годы бездействия

⁴⁷ Syme R. Tacitus, I, p. 368.

⁴⁸ Woodman A. Op. cit., p. 296 ff.

трибунных комиций об этом успели позабыть. Что касается оценок самого факта Веллеем и Тацитом, то они практически однозначны. Тацит также положительно оценивает этот акт: «И народ, если не считать легкого ропота, не жаловался на то, что у него отняли законные права, да и сенаторы, избавленные от щедрых раздач и унижительных домогательств, охотно приняли это новшество» (Апп., I, 15, 2 — перев. А. С. Бобовича). При этом Веллей добавляет драгоценную подробность: реформа комиций была «собственноручно составлена» Августом, а ее проведение было первым из дел нового принцепса Тиберия (II, 124,3). Передача прерогатив комиций сенату не рассматривалась ни современными, ни последующими историками как антидемократическое мероприятие: выборы давно уже превратились в чисто символический акт.

Имеются и иные совпадения в оценках Веллея и Тацита. «Великодушие принцепса,— пишет Веллей,— защитило от убытков не только отдельных граждан, но и города: восстановлены города Азии» (II, 126, 4). Тацит же говорит о «благородной щедрости Тиберия к разрушенным городам Азии» (Апп., II, 48). «Провинции защищены от беззаконий должностных лиц»,— сообщает Веллей. Многочисленные иллюстрации к этому сообщению можно отыскать у Тацита, Светония и Диона Кассия.

Веллей говорит о финансовой помощи Тиберия обедневшим сенаторам с целью восполнения их ценза, необходимого для сохранения в списке сената, подчеркивая при этом, что сенат должен был санкционировать эту помощь (II, 129, 3). О том же на примере Проперция Целера сообщает Тацит в «Анналах» (I, 75, 3—4). Таким образом, несмотря на краткость и панегирический тон, Веллей не только не опустил ничего существенного во внутренней политике Тиберия до 31 г., но и осветил ее объективно.

Характеристика Веллеем внешней политики Тиберия в целом совпадает с ее оценкой Тацитом. Согласно Тациту, Тиберий стремился удержать приобретенное, смягчать своими рекомендациями внешнюю политику Рима, воздерживаться от применения оружия (Апп., VI, 32, 1). Равным образом и Веллей рисует Тиберия как правителя, умело сдерживающего внешних врагов, не вступая с ними в открытый военный конфликт, и постоянно подчеркивает мудрость его рекомендаций, обеспечивавших сохранение мощи Римской империи и безопасность ее границ. Удивительно, что и Веллей и Тацит иллюстрируют внешнюю политику Тиберия двумя одинаковыми примерами — отношениями с Марободом и с Раскуполом, нарушившим равновесие сил во Фракии (II, 129 — Тас. Апп., VI, 32). Это дает основание предположить, что Тацит был знаком с сочинением Веллея и оно, несмотря на отрицательное отношение

историка к возвеличению Тиберия, дало ему некоторые факты, которые он интерпретировал по-своему. Приведя пример с Марободом, Тацит осуждает Тиберия, в то время как Веллей использует этот пример для защиты позиции императора.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСЫ

«Римская история» Веллея Патеркула — единственный из дошедших до нас исторических трудов, содержащий очерки литературы как греческой, так и латинской. Первый из его очерков, посвященный Гомеру (I, 5), затрагивает некоторые спорные вопросы античного гомероведения.

Веллей уверен, что Гомер не имел образцов для подражания и что именно он впервые создал жанр героического эпоса (I, 5, 2). Этот взгляд противоречит мнению ряда античных знатоков литературы, называвших предшественников Гомера по именам, равно как и современному взгляду на возникновение эпоса. Веллей полагает, что ошибаются те, кто относит жизнь Гомера ко времени, близкому к Троянской войне. Он считает, что акме (расцвет) Гомера отстоит от времени историка на 950 лет, т. е. приходится на 920-е годы до н. э. (I, 5, 3). Здесь он спорит, не называя имен, с Филостратом, Кратесом из Малла и Эратосфеном, считавшими, соответственно, что Гомер жил через 24, 60 и 100 лет после Троянской войны. Датировка Веллея согласуется с датами грамматика Аполлодора из Александрии, относившего, согласно А. Геллию (A. Gell., XVII, 21, 3), акме Гомера к 914—913 гг. до н. э. Веллей отвергает как не согласующуюся со здравым смыслом гипотезу о рождении Гомера слепым (II, 5, 3). До него легенду о прирожденной слепоте Гомера оспаривал Цицерон (Tusc., V, 114). Эта легенда имеет исток в фантастической этимологии александрийских грамматиков, толковавших имя Ὀμηροῦς от ὁ μὴ ὄρων («тот, кто слеп»).

В той же главе о Гомере упоминается Архилох, имеющий, по мнению Веллея, то общее с эпическим поэтом, что и он был создателем этого жанра, в котором у него не было достойных соперников (I, 5, 3). Архилох был создателем лирического ямба (Ног. Ер., I, 19, 23) и ставился в древности так же высоко, как Гомер, но это был поэт не X, а VIII в. до н. э.⁴⁹

За Гомером следует Гесиод. Веллей полагает, что Гесиод был отделен от Гомера ста двадцатью годами (I, 7, 1), справедливо отвергая существовавшую в древности легенду о Гомере и Гесиоде как современниках и соперниках. Отводя Гесиоде в поэзии второе

⁴⁹ Согласно Цицерону (Tusc., I, 3), Архилох был современником Ромула.

место после Гомера, Веллей следует за распространенной в древности оценкой обоих поэтов — один лишь Квинтилиан ставил на второе место после Гомера Вергилия (Quint., X, 1, 85). Как и другие античные авторы, Веллей противопоставляет Гесиода Гомеру в том отношении, что у первого имеются биографические сведения, а у второго они отсутствуют, полагая, что Гесиод сознательно избежал ошибки Гомера, ничего не сказавшего о своей родине и родителях.

Греческая трагедия представлена в труде Веллея именами ее классиков Эсхила, Софокла и Эврипида⁵⁰ (названы по старшинству), старая комедия — именами Кратина, Аристофана и Эвполида, новая комедия — Менандра, Филемона и Дифила (в этом случае избран порядок по значимости творчества), философия — Сократа, Платона и Аристотеля, ораторское искусство — именем Исократ (I, 16, 3—5).

Из слов Веллея о том, что Сократ упоминался им уже раньше (I, 16, 4), следует, что существовала не дошедшая до нас глава, где должно было говориться о писателях и ученых классической эпохи. С уверенностью можно сказать, что в ней говорилось об историках V—VI вв. до н. э. Геродоте, Фукидиде и Ксенофонте. Это ясно из того, что в II, 36, 2 Саллюстий назван «подражателем Фукидида», уже известного, таким образом, читателям «Римской истории».

Равным образом следует думать, что в утраченной части труда Веллея имелся раздел, посвященный литературе и науке эпохи Александра и его преемников. В этом случае там должны были быть упомянуты Демосфен и ораторы его поры, а из философов — основатель стоической философии Зенон и его антагонист Эпикур. Труд Веллея обнаруживает бесспорные признаки знакомства с философской терминологией стоиков.

Касаясь древнейшего периода римской литературы (I, 17), Веллей называет родоначальника римской трагедии Акция (170—86 г. до н. э.), опуская группировавшихся вокруг него авторов «грубых и неотделанных трудов» (считается, что он имеет в виду Ливия Андроника и Гн. Невия). В одну триаду Веллей группирует поэтов Цецилия Стация (234—166 г. до н. э.), Теренция (190—159 г. до н. э.) и Афрания (вторая половина II в. до н. э.), подчеркивая, что они процветали в одну эпоху (I, 17, 1). Римскую историографию Веллей начинает с Катона Старшего, опуская его предшественников, старших анналистов, — он называет их «темными и архаическими авторами» (II, 17, 2). Древнейшее ораторское искусство Рима

⁵⁰ Обращено внимание на то, что Веллей — единственный из античных авторов, упоминающий вместе трех великих трагиков: Hellelogouarc'h J. Velleius Paterculus, p. 44.

представлено у Веллея именами П. Лициния Красса, Сципиона Эмилиана, Тиберия и Гая Гракхов, Г. Фанния.

Следующий период развития римской литературы, согласно Веллею, охватывает время от разрушения Карфагена до окончания Союзнической войны. Характеризуя развитие ораторского искусства, Веллей называет тех же ораторов, какие были упомянуты в 17-й главе первой книги, добавляя к ним Г. Папирия Карбона, Метелла Нумидийского, Л. Лициния Красса, М. Антония, Г. Цезаря Страбона (II, 9, 1—2). Называя среди ораторов Кв. Муция Сцеволу, Веллей замечает, что он был более знаменит в юриспруденции, чем в ораторском искусстве.

Отбор Веллеем выдающихся римских ораторов согласуется со списком лучших ораторов в трактате Цицерона «Брут» (см. *Cic. Brut.*, 82; 83; 85—88; 99—102; 120; 135; 138). Но Цицерон характеризует творческую манеру каждого из них, Веллей же ограничивается одними именами.

Римская трагедия представлена именами Акция и Афрания (они уже упоминались в 17-й главе первой книги) и Пакувия, автора двенадцати трагедий и одной претексты.

Упомянув имя автора сатир Г. Луцилия, Веллей сообщает факт из его биографии: он сражался в кавалерии под стенами Нуманции, когда осаждающей армией командовал Сципион Эмилиан (II, 9, 4). О том же сообщает и сам Луцилий в своих стихах, говоря, что он входил в «когарту военачальника» *cohors praetoria* (*Lucil.*, 407—408, 1348). Установлено, что термин *cohors praetoria* соответствует термину *cohors amicorum*; таким образом, Луцилий просто находился в свите Сципиона Эмилиана.

При отсутствии биографических сведений об историках-анналистах важно свидетельство Веллея, что старшим из них по возрасту был Л. Целий Антипатр, а Л. Корнелий Сизенна, П. Рутилий Руф, Клавдий Квадригарий и Валерий Анциат были ровесниками (II, 9, 5—6). Как создатель нового литературного жанра (имеются в виду ателланы) характеризуется Веллеем Л. Помпоний (II, 9, 6). На самом деле он придал литературную форму давно существовавшим народным сценкам.

В другом литературном экскурсе характеризуется литература конца Республики (II, 36). Тут упоминаются не только такие знаменитые ораторы, как Гортензий и Цицерон, но также ораторы, мало или вовсе не известные. Среди поэтов конца Республики фигурируют Варрон, Лукреций и Катулл. Хотя известный философ и ученый М. Теренций Варрон писал и стихи (Менипповы сатиры), скорее всего здесь под «Варроном» подразумевается П. Теренций

Варрон из Нарбона, переводчик «Аргонавтики» Аполлония Родосского, автор сатир и панегирического эпоса «Война с секванами».

Среди писателей эпохи II триумvirата и времени Августа фигурируют «принцессы поэзии» Вергилий (70—19 гг. до н. э.), за ним Рабирий, далее Саллюстий и Ливий, за ними Тибулл (54—19 гг. до н. э.), Овидий (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.). Может показаться странным, что среди этих знаменитых писателей назван Рабирий. Но о Рабирии до Веллея писал Овидий, восхищавшийся его талантом (Ovid. Pont., IV, 16, 5), а после Овидия — Квинтилиан (Quint., X, 1, 90). Из этого упоминания явствует, что Рабрию принадлежала поэма о войне между Октавианом и Антонием⁵¹.

В обзорах римской литературы Веллея имеются труднообъяснимые пропуски: для раннего периода — Энний и Плавт, для времени Августа — Гораций и Проперций. По мнению Р. Гоара, пропуск Энния объясняется тем, что во времена Веллея он считался поэтом устаревшим; Гораций же опущен потому, что Тиберий был оскорблен тем, что поэт не упомянул его в своих одах⁵². Довод в отношении Горация кажется нам неубедительным. Вряд ли Веллей находился в столь близких отношениях к Тиберию, что знал о его обиде на Горация. Напротив, Веллею было известно, что Тиберий не разрешил вернуться старику Овидию на родину, когда это было всецело в его власти, однако Овидий назван Веллеем среди великих поэтов времени Августа. Это, на наш взгляд, ослабляет довод Гоара.

Можно предположить, что литературные вкусы Веллея — это вкусы его времени. Как правило, оценки Веллея совпадают с оценками близких к нему по времени авторов — Сенеки Старшего и Квинтилиана. Сам выбор имен поэтов, ораторов, историков, авторов трагедий и комедий не оставляет сомнений, что Веллей Патеркул достаточно хорошо ориентировался в истории литературы. Попытка сделать литературный процесс частью истории в римской историографии является уникальной. Во всяком случае, ни в одном из дошедших до нас исторических трудов на латинском языке мы не найдем столько имен литераторов. И даже если допустить, что Веллей Патеркул был знаком не со всеми их произведениями, само по себе появление на страницах исторического труда, тем более столь краткого, имен поэтов, историков, авторов трагедий и комедий наряду с именами консулов и полководцев — достаточно знаменательное явление. Оно, с одной стороны, — свидетельство внимания

⁵¹ Возможно, это есть «Поэма об Акцийской войне», дошедшая в отрывках на папирусе из Геркуланума. См.: Venarig H. W. «Carmen de Bello Actiaco» and Early Imperial Epic.— ANRW, 30, 2, 1983, p. 1657; Немировский А. И. Вилла папирусов в Геркулануме и ее библиотека.—ВДИ, 1991, 4, с. 181.

⁵² Goar R. Horace, Velleius Paterculus and Tiberius Caesar.— Latomus, XXXV, 1976, p. 43—54.

к литературе как средству идеологического воздействия в руках основателей империи и, с другой — показатель возросшего интереса самих римлян к до того малопочетной деятельности литераторов.

«МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА»

Показателен интерес историка к памятникам архитектуры и скульптуры, служившим украшению Рима. Этот интерес может быть понят в свете «монументальной пропаганды», инициатором и мастером которой был Август, похвалявшийся, что принял Рим кирпичным, а оставил его мраморным (Dio Cass., LVI, 30)⁵³. Можно думать, что Веллсей был знаком с трудом Витрувия, который мог быть ему близок не только как «новый человек», но и тем, что и сам происходил от человека, бывшего *praefectus fabrum*. Давая краткие сведения о том или ином политическом деятеле, Веллей сопровождает их указаниями на осуществленные в его время постройки. Так, в кратком сообщении об Антиохе IV Эпифане он находит нужным пояснить, что это тот Антиох, который начал постройку Олимпейона в Афинах (I, 10, 1). В рассказе о Метелле Македонском его строительной деятельности уделено не меньше места, чем войнам (I, 11, 3); создается впечатление, что сооружение портиков и украшение Форума казались историку не менее значительным деянием, чем победа над Лже-Филиппом. Приводя анекдот о невежестве Муммия, доставившего в Италию шедевры греческого искусства в качестве трофеев своих побед, историк одновременно хвалит полководца за то, что он способствовал украшению Рима, и в завуалированной форме критикует роскошь частных построек своего времени (I, 13, 5). В поле его зрения — сооружение дома Ливия Друза на Палатине, в котором впоследствии обитали Цицерон и Цензорин, а в 30 г. н. э. — Статилий Сизенна (II, 14, 3). Он сообщает и о постройках Помпея (II, 48, 2).

Говоря о строительной деятельности Августа, он сообщает о храме Аполлона, сооруженном на купленной у частных лиц земле и окруженном роскошными портиками (II, 81, 3), и о посвящении им храма Марсу (II, 100, 2). Упомянут также форум Августа с надписями, восхваляющими его победы (II, 39, 2). Он особо подчеркивает рвение в строительной деятельности Тиберия, воздвигшего множество прекрасных зданий и этим увековечившего свое имя и имена близких. Среди этих построек конкретно указаны храм Августа и восстановление сгоревшего театра Помпея (II, 130, 1—2).

⁵³ Подробнее о «монументальной пропаганде» см.: Немировский А. И. Нить Ариадны. Из истории классической археологии. Воронеж, 1972, с. 154 и сл.

МОЛИТВА ЗА ТИБЕРИЯ

Сочинение Веллея заканчивается молитвой (*votum*), использующей римские традиционные формулы обращения к богам с целью снискать благоволение к отдельным лицам и государству. В эпоху раннего принципата появляются молитвы за принцепса, с которым связывалось благополучие империи (одна из них дошла в тексте протокола Арвальских братьев, где богов призывают продлить жизнь и правление Домициана⁵⁴. В предшествующей Веллею историографии не было молитв за принцепса⁵⁵. Возможно, Веллей первым перенес такую молитву из политической практики того времени, когда участие в публичном молебствии служило показателем благонадежности, в свой труд.

Молитва богам за благополучие Тиберия согласуется с кризисной ситуацией, обрисованной самим Веллеем в предшествующей главе в форме сочувствия принцепсу, вынужденному краснеть за невестку и внука. На самом же деле речь идет о неудавшемся заговоре Агриппины, завершившемся изгнанием ее и ее сына. Последовавший за этим заговор Сеяна был частью этого кризиса, который, к несчастью для римского общества (и, возможно, для возносившего молитву историка), был преодолен. Боги словно бы вняли молитвам и сохранили Тиберию жизнь. Начинается последнее семилетие царствования Тиберия, превратившего Капри, прекраснейший из островов Тирренского побережья, в мрачную крепость и, если верить Светонию и Тациту, в место чудовищного разврата.

Есть основание думать, что историк был одной из первых жертв разнузданного террора, в ходе которого были уничтожены как представители республиканской оппозиции, так и наиболее рьяные приверженцы нового режима, полагавшие, что смена принцепса будет способствовать укреплению принципата. Можно думать, что Веллей позаботился, чтобы его труд попал не только к Виницию, но и на Капри. В изменившихся условиях и при возникновении слухов о причастности Веллея к заговору Сеяна сочинение Веллея могло явиться отягчающим обстоятельством, и кара должна была постигнуть не только вполне лояльного историка, но и его труд.

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Первая известная нам оценка Веллея принадлежит немецкому гуманисту Юсту Липсию. Он отметил, что «компендий Веллея написан с пониманием и обладает системой»⁵⁶. Исходя из отсутствия

⁵⁴ *Fratres Arvales*, ed. Henzen, 110 ff.

⁵⁵ Поскольку в предисловии к своему труду Т. Ливий обращается к богам, Вудмен допускает, что сочинение Ливия завершалось подобной молитвой (*W o o d m a n A. Op. cit.*, p. 275). Но в эпитамах нет никакого следа молитвы.

⁵⁶ *Iustus Lipsius, Quaestiones*, p. 8.

у Квинтилиана сведений о Веллее, Юст Липсий пришел к выводу, что Веллей Патеркул не пользовался в древности авторитетом. Знаменитый французский мыслитель Ж. Боден в своем трактате «Метод легкого изучения истории» превозносит краткий и ясный способ, каким Веллей Патеркул изложил римские древности⁵⁷. Монтескье в трактате «Дух законов» дал Веллею следующую не слишком лестную оценку: «Веллея Патеркула не следовало бы презирать, если бы он не был заражен лестью».

Развернутую критику Веллея Патеркула как историка мы находим в предисловии аббата Паулюса к выполненному им переводу труда Веллея (1770). Французский ученый считал, что в своей лести Веллей дошел до крайности, восхваляя Августа, в котором порок восторжествовал над добродетелью, и превознося Тиберия, заслужившего вечное проклятие. Паулюс согласен с теми, кто находил достоинства в стиле Веллея, но его возмущает, что историк применяет одни и те же изобразительные средства при описании и добродетельного Катона, и чудовища Ливии. Сравнивая Тацита и Веллея, Паулюс показывает, что первый мыслит и глубина его мысли не всегда доступна читателю, в то время как второй старается казаться глубокомысленным. В целом труд Веллея рассматривается им как свидетельство начавшегося упадка вкуса.

В прошлом веке в целом господствовала отрицательная оценка Веллея как историка. Например, В. И. Модестов полагал, что, поскольку изложение истории у Веллея дано с «придворной» точки зрения, от него нечего ожидать сколько-нибудь широкого понимания исторических событий. «К чести» Веллея В. И. Модестов относил то, что тот высоко оценивает республиканских политических деятелей — Катона Младшего и Цицерона и не набрасывается с ругательствами на Брута и Кассия⁵⁸. В конце XIX в. суровую оценку Веллею как историку дал немецкий филолог Г. Зауппе⁵⁹. Кропотливо выявив все ошибки и неточности в его труде, Зауппе пришел к выводу, что это произведение дает ложное представление о римской истории и содержит множество неправомερных пропусков важных событий в дошедших до нас частях. Напротив, Ф. Гельбинг в заслугу Веллею поставил то, что его рассказ — единственное свидетельство современника о времени Августа и Тиберия, первое по времени сообщение о поражении германских легионов Квинтилия Вара⁶⁰. Французский историк римской литературы Э. Нажотт высоко

⁵⁷ Bodin J. Methodus ad facilem historiae cognitionem. P., 1566.

⁵⁸ Модестов В. И. Указ. соч., с. 570—576.

⁵⁹ Sauppe H. M. Velleius Paterculus.— Ausgewählte Schriften. B., 1896, S. 49 ff.

⁶⁰ Helbing F. Velleius Paterculus. Ein Beitrag zur Kritik seiner Historia Romana. Rostock, 1888, S. 7.

ценил Веллея Патеркула, защищая его от обвинений в лести Тиберию. В качестве доказательства добросовестности историка он приводит его оценки Тиберия Гракха и Помпея Великого, а также тот факт, что Веллей не скрывает роли Октавиана в трагедии Цицерона, гений которого он превозносит⁶¹.

В оценках исследователей XX в. можно обнаружить такие же расхождения. Для Р. Сайма период между Ливием и Тацитом — упадок развития римской историографии, иллюстрируемый произведением Веллея. Веллей оценивается как лживый, вводящий в заблуждение, болтливый и раболепствующий историк⁶². И. Лана, желая защитить Веллея от обвинений в преобладании у него риторического элемента и отсутствии критического подхода к фактам, высказывает мнение, что Веллей — не ритор и не историк, а официальный пропагандист императорского режима и идеологии в тех формах, какие они приняли во времена императора Тиберия. Выделение Веллеем заслуг «новых людей» Лана ставит в связь с попыткой Тиберия заменить старую римскую аристократию новым социальным классом — римской и муниципальной «буржуазией»⁶³.

Против этой оценки Веллея выступил Ж. Эллегуар, не отыскавший в «Римской истории» прямого противопоставления «новых людей» нобилитету. По его мнению, это произведение придворного историка, не преследующее какой-либо политической цели⁶⁴. Возвращаясь к оценке Веллея в современной научной литературе, Ж. Эллегуар призывает принимать во внимание как цель его труда, так и то обстоятельство, что выпячивание роли личности в истории — это не столько особенность труда Веллея, сколько общая тенденция римской историографии, обусловленная аристократической и иерархической структурой римского общества, в результате чего на передний план выдвигались заслуги личностей, а не народа⁶⁵. Эллегуар возражает против оценки труда Веллея как панегирика Августу и Тиберию, не отрицая наличия в нем панегирических тенденций. Образы Тиберия у Тацита и Веллея, по мнению Ж. Эллегуара, не исключают друг друга, как это обычно считается, и, несмотря на известные отличия, представляется возможным выделить у Веллея некоторое количество действительных черт преемника Августа⁶⁶.

⁶¹ На ж о т т Е. История латинской литературы. М., 1914, с. 540.

⁶² S y m e R. The Roman Revolution. Oxford, 1939, p. 393; S y m e R. Mendacity in Velleius.— *AJPh*, 1978, *XCLX*, p.45—63.

⁶³ L a n a I. Velleio Paterculo o della propaganda. Torino, 1952.

⁶⁴ H e l l e g o u a r c ' h J. Les buts..., p. 637 ff.

⁶⁵ H e l l e g o u a r c ' h J. Velleius Paterculus.

⁶⁶ H e l l e g o u a r c ' h J. La figure de Tibère chez Tacite et Velleius Paterculus. *Mélanges P. Wuilleumier*. P., 1979, p. 167 ff.

Сходную оценку дает Веллею английский историк А. Вудмен. Споря со своим соотечественником Р. Саймом, видевшим в труде Веллея «историю, выродившуюся в биографию и панегирик»⁶⁷, он считает «Римскую историю» органической частью римской историографической традиции со всеми присущими этой традиции особенностями и недостатками. Подчеркивая, что предшествующие Веллею римские историки ставили своей целью возвеличение деяний римского народа и обоснование его роли «принцепса всех народов», Вудмен видит в Веллее продолжателя этой «патриотической», «шовинистической» линии, с той лишь разницей, что энтузиазм по отношению к римскому народу переносится на его главу — принцепса. Неправомерным Вудмен считает обозначение посвященной Тиберию части труда Веллея термином «панегирик», поскольку такой же характер носит изложение истории Ливием и многими его предшественниками. Пытаясь оправдать Веллея хотя бы от части обвинений в сервиллизме, Вудмен показывает, что в оценке историком Сеяна отсутствуют некоторые из его заслуг, упомянутые Тацитом и Светонием⁶⁸.

Если в характеристиках Веллея как историка наблюдается резкий перепад мнений от негативного до всецело положительного, то его оценки как писателя и стилиста в основном позитивны. Уже первый издатель и первый критик Веллея Беат Ренан считал, что «по прелести и блеску стиля» Веллей не уступит никому. Э. Норден, сравнивший в своем классическом труде художественные манеры многих римских прозаиков, увидел в Веллее Патеркуле первого латинского автора, реализовавшего в истории риторический подход. Характер этой реализации позволил Нордену высказать предположение, что в юности, до того как стать солдатом, Веллей был завсегдатаем школ декламации⁶⁹.

Принимая этот тезис, А. Вудмен дополняет его примерами, свидетельствующими о том, что Веллей пользовался в своем труде практикой контroversий и свазорий, о которой мы знаем по произведению Сенеки Старшего⁷⁰.

Ряд исследователей высоко оценивает искусство, с каким Веллей дает портретные характеристики, находя в них даже психологическую глубину⁷¹.

Используя труды своих предшественников, прежде всего напи-

---

⁶⁷ Syme R. *Danubian Papers*. Bucarest, 1971.

⁶⁸ Woodman A. *Velleius Paterculus*, p. 32.

⁶⁹ Norden E. *Die antike Kunstprosa*. Lpz, 1915, Bd. I, S. 302.

⁷⁰ Woodman A. *Velleius Paterculus*, p. 10.

⁷¹ Paladini M. L. *Studi su Velleio Paterculo*.— *Acme*, 1953, VI, p. 447 ff.; Rieks R. *Homo, humanus, humanitas*. München, 1967.

санные на латинском языке филологические диссертации конца прошлого и начала нашего века, Ж. Эллегуар дал исчерпывающую характеристику языка и стиля Веллея Патеркула⁷².

«РИМСКАЯ ИСТОРИЯ» ВЕЛЛЕЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Традиция изучения Веллея в отечественной историографии бедна: первый и пока единственный из опубликованных русских переводов Веллея появился 210 лет назад. Из оставшихся неопубликованными работ нам известна только по названию филологическая диссертация И. И. Лихтенфельда, по-видимому сопровождавшаяся переводом⁷³.

В послевоенной советской историографии мы находим наряду с уничижительными отзывами о Веллее как историке⁷⁴ вполне благоприятную оценку его труда. Н. А. Машкин рассматривает труд Веллея как «одно из немногих дошедших до нас исторических произведений, отражающих официальный взгляд на падение Республики и начало Империи»⁷⁵. По его мнению, Веллей Патеркул был знаком с первоисточниками, которые он излагал близко к тексту, и близость к первоисточникам составляет одно из достоинств его труда; в ряде случаев Н. А. Машкин показывает, что сведения Веллея не противоречат показаниям других источников⁷⁶, а иногда заслуживают предпочтения⁷⁷. В монографии Н. А. Машкина нет стандартных обвинений Веллея во лжи и раболепии. С. И. Соболевский и М. Е. Грабарь-Пассек в «Истории римской литературы», рассмотрев доводы «хулителей» и «апологетов» Веллея, присоединились к последним и недвусмысленно высказались о необходимости реабилитации Веллея от необоснованных обвинений в сервиллизме⁷⁸.

Наша оценка Веллея Патеркула является развитием взглядов Н. А. Машкина, С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, хотя с некоторыми суждениями наших предшественников мы не согласны. Так, в частности, мы не разделяем мнения Н. А. Машкина о Веллее как об официальном историке и не считаем его труд «придворной историей», как это делают С. И. Соболевский и М. Е. Грабарь-Пассек.

⁷² Helle Gouarc'h J. Velleius Paterculus, p. LXI—LXXIII.

⁷³ Древняя Греция и Древний Рим. Указатель литературы 1895—1959. М., 1961, с. 272, № 6439.

⁷⁴ М а я к И. Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III—II вв. до н. э. М., 1971, с. 35.

⁷⁵ М а ш к и н Н. А. Указ. соч., с. 117.

⁷⁶ Там же, с. 21, 184, 230, 232, 257, 275, 302, 379, 424, 429.

⁷⁷ Там же, с. 81.

⁷⁸ С о б о л е в с к и й С. И., Г р а б а р ь - П а с с е к М. Е. Веллей Патеркул.— В кн.: История римской литературы. М., 1962, т. 2, с. 35—41.

Веллей не был профессиональным историком, каким с полным для этого основанием можно считать Тита Ливия. Это любитель, занявшийся историей на склоне лет. Пробуя силы на новом для себя поприще, он вряд ли рассчитывал стать в один ряд с Саллюстием и Ливием. Он гордился не своей эфемерной деятельностью историка, а тем, что ему, не принадлежащему к старой знати, посчастливилось служить под началом выдающихся римских полководцев, быть свидетелем римских побед и объездить едва ли не всю империю. Направляя выжимку из еще не законченного «надлежащего» труда вновь избранному консулу Виницию, предки которого, как и предки Веллея, происходили из Кампании, он не пытался его убеждать, что режим, основанный Августом и воспринятый его приемным сыном Тиберием, лучше, чем старая республика. Он просто хотел напомнить влиятельному сенатору о себе, начавшем службу при старшем Виниции, и обосновать закономерность того, что лучше всего государству служат «новые люди», к которым он относил как адресата, так и самого себя.

Будучи человеком италийского происхождения, выходцем из города в свое время оказывавшего Риму наиболее упорное сопротивление, Веллей — римлянин до мозга костей и один из наиболее убежденных и рьяных защитников римского империализма как политики расширения Римской империи за счет независимых народов ⁷⁹. Сопротивление римской экспансии для него безумие, за которым следует неотвратимое наказание и восстановление порядка, желанного не только для здравомыслящих людей, но и для богов. Героями истории для Веллея являются те, кто способствовал расширению империи, а предметом наивысшей гордости то, что среди них были такие же «новые люди», как он сам, достигшие высокого положения благодаря верности Риму, энергии и самоотверженности, достойному служению богам, способствовавшим превращению Рима в мировую державу.

Молитва этим богам, которой завершается труд Веллея,— уникальный исторический документ, позволяющий увидеть римлянина начала Империи с его фанатичной убежденностью в вечности римского владычества. Поразительно, что этот человек был современником палестинского «безумца», провозгласившего догмат иной веры. Веллей мог встретиться с ним во время посещения восточных провинций, но, разумеется, не смог бы его понять, так же как столетие спустя, когда новая религия обрела среди римлян уже многочисленных прозелитов, не мог понять и принять христианство Тацит (Апп., XV, 44).

⁷⁹ Hellegouarc'h J. L'imperialisme romaine d'après l'oeuvre de Velleius Paterculus.— In: L'ideologie de l'imperialisme romaine. P., 1974.

Исторический труд Веллея Патеркула, несмотря на беглость изложения,— ценный исторический источник, к которому должен обращаться каждый, кто хочет получить представление о последнем столетии Римской республики и раннем принципате. В нем найдется немного фактов, какие нельзя отыскать в более пространных изложениях Тацита, Плутарха, Светония, Аппиана. Однако важны не только факты, но и их оценки, характеризующие время историка и его отношение к происшедшим в Риме переменам. То, что автор — современник этих перемен и активный участник описанных им событий, делает его свидетельства поистине драгоценными.

* * *

ИСТОРИЯ ТЕКСТА

Обстоятельства, связанные с биографией римского сенатора Веллея Патеркула, сделали его небольшое сочинение недоступным современникам. С изменением отношения к Тиберию, главному герою истории Веллея, и в связи с появлением в эпоху Антонинов исторических трудов Тацита сочинение Веллея не должно было пользоваться популярностью. Но оно не исчезло. Об этом свидетельствуют ссылки на Веллея у авторов VI в. Присциана (*Inst.*, VI, 11, p. 248 Hertz) и схолиаста Лукана (*Schol. Luc.*, IX, 178)⁸⁰.

Обнаружение рукописи Веллея Патеркула в библиотеке Мурбахского монастыря (Эльзас) в 1515 г. явилось полной неожиданностью⁸¹. Рукопись сильно пострадала от времени. В ней отсутствовало начало и имелись значительные лакуны, главным образом в первой книге. Чтение затруднялось также тем, что в ней, как и во всех рукописях VIII в., к которым она, без сомнения, должна быть отнесена, не было пунктуации и словораздела.

Открыватель манускрипта друг Эразма Роттердамского немецкий гуманист Беат Ренан (Бильде фон Рейнах) сразу же оценил значение находки. Однако издание рукописи задержалось. Требовалось снять с манускрипта копию, и эта работа, напоминая дешифровку, была поручена переписчику. К тому же прошел слух, будто в

⁸⁰ Э. Клебс (*Klebs E. Entlehnungen aus Velleius. — Philologus*, 1890, Bd. 49, 285 ff.) сделал попытку найти в античной литературе следы знакомства с сочинением Веллея у Сульпиция Севера, Колумеллы, Квинтилиана, Солина. Более или менее убедительно доказывается (по сходству выражений) использование труда Веллея Сульпицием Севером. — *Chron. Sulp.*, I, 45, 3 — *Vell.*, II, 43, 3; I, 10, 4; II, 89, 1.

⁸¹ История находки рукописи *Murbachensis* («М») представлена в переписке Беата Ренана (см.: *Horowitz A., Hartfelder K. Briefwechsel Renanus. Lpz.*, 1886), особенно в письмах от 15 ноября 1520 г. (№ 184) и от 8 декабря 1520 г. (№ 186).

Милане обнаружен полный список «Римской истории» Веллея Патеркула. Убедившись в ложности этого слуха, Ренан в 1518 (или в 1519) г. приступил к подготовке найденной им рукописи к печати. В его распоряжении к тому времени была сама рукопись и ее копия, выполненная безымянным переписчиком. О ходе работы можно судить по его обращениям к Фридриху Саксонскому и «К читателю», опубликованным во втором издании «Римской истории» (издание «Р» — *editio princeps*). В них Ренан сообщает о своих героических усилиях восстановить трудные для чтения места и при этом жалуется на переписчика, который недостаточно добросовестно выполнил порученную ему работу. Из этого ясно, что Ренан сверял копию переписчика с оригиналом и его корректура легла в основу издания «Р».

В ходе типографских работ в базельской типографии Фробения с рукописью Беата Ренана и с изданием «М» познакомился базельский гуманист Бюрер, который сличил оба текста и высказал критические замечания в приложении, занимающем в «Р» десять страниц без нумерации. Обращение Бюрера к «М» явствуется из его постоянных отсылок типа: «древнейший экземпляр имеет» или «древнейший экземпляр имеет так, и чтение можно считать лучшим». Последняя фраза и ряд других указаний говорят о том, что Бюрер не просто занимался сличением текстов, но и вносил поправки.

Вновь найденный текст сразу привлек к себе внимание, поскольку содержал сравнительно подробное изложение антиримского восстания германцев и этим импонировал патриотическим чувствам активных тогда в Европе противников папской курии. Интерес к этой стороне труда Веллея Патеркула подчеркивает также и весьма выразительная гравюра на титульном листе «Р». В верхней ее части изображены стоящие друг против друга два рыцарских войска в полном вооружении. На одном штандарте имя «Арминий», на другом — «Квинтилий Вар».

В 1835 г. И. К. Орелли, подготавливая издание Веллея Патеркула, впервые воспользовался найденной им незадолго до того в библиотеке Базельского университета копией труда Веллея, которую снял 11 августа 1516 г. юный друг Ренана Бонифаций Амербах. Поскольку эта копия («А») местами значительно отличалась от «Р», Орелли и большинство издателей прошлого века полагали, что Амербах копировал «М», и видели в «А» наилучшую версию, свободную от погрешностей безымянного переписчика начала XVI в. и некорректных эмендаций Ренана. Против этого мнения еще во времена Орелли решительно выступил Д. Фехтер, считавший, что Амербах скопировал список безымянного переписчика, на ошибки которого сетовал

Ренан⁸². В последнее время к этому мнению присоединился А. Вудмен, приведший веские доказательства того, что Амербах копировал список переписчика XVI в., внося в него некоторые поправки⁸³. В результате Вудмен пришел к выводу, что «А» имеет вторичное значение и только в немногих случаях его чтение лучше, чем «Р». Что касается «М», то к нему после Ренана и Бюрера, насколько нам известно, никто не обращался. Последнее упоминание об этом манускрипте относится к концу XVIII в.⁸⁴, после чего он бесследно исчез.

В XIX и первой половине XX в. была проделана серьезная работа над текстом «Римской истории» Веллея Патеркула. Среди толкователей Веллея были такие крупные филологи, как Фр. Хаазе, Т. Моммзен, О. Ян, Л. Траубе, Эд. Норден. По подсчетам А. Диле, только между 1873 и 1932 гг. было предложено более 1500 поправок к тексту Веллея Патеркула⁸⁵.

Между 1520 и 1932 гг. появилось 47 изданий «Римской истории»⁸⁶, в последующие годы — 5 новых изданий.

Комментирование текста Веллея является настолько сложной и трудоемкой работой, что занимавшиеся ею авторы диссертаций ограничивались комментариями к нескольким десяткам глав⁸⁷. Объемистая книга А. Вудмена содержит детальный комментарий, но лишь к 94—131-й главам⁸⁸. обстоятельный комментарий ко всему труду, учитывающий всю проделанную работу над Веллеем, представил Ж. Эллегар в своем образцовом издании «Римской истории». Вступительная статья, латинский текст, французский перевод, комментарии и указатель привели к необходимости этого издания в двух томах (468 стр.).

Наш перевод основывается на трех изданиях — стереотипном

⁸² Fechter D. Die Amerbacher Abschrift des Velleius Paterculus. Basel, 1844.

⁸³ Woodman A. Velleius Paterculus, p. 16 ff. Ж. Эллегар в своей рецензии на книгу Вудмена (Latomus, 1980, XXXIV, p. 198—201) солидаризуется с этим мнением английского филолога.

⁸⁴ Это письмо в Рим от 10 августа 1786 г., извещающее о продаже аббатством Мурбаха книг и манускриптов, в том числе «манускрипта Веллея Патеркула, единственного из существующих» (Hellegar's h J. Velleius Paterculus, p. LXXVII). Из высказанного автором письма опасения, что книги и манускрипты могут погибнуть в России, можно заключить, что представители России были потенциальными покупателями.

⁸⁵ Dille A. Velleius Paterculus.— RE, VIII A, col. 639.

⁸⁶ Список важнейших изданий Патеркула см. на стр. 266.

⁸⁷ Так, Дж. Сильверберг ограничил свою диссертацию комментированием 1—28-й глав II книги (Silverberg J. C. A. commentary to the Roman History of Velleius Paterculus. (Book II, 1—28. Harvard, 1967), а Б. Массуэр комментировал лишь 90—123-ю главы (Massuer V. Historisch-antiquerischer Kommentar zur Paterculus. Wien, 1968). Обе эти работы были нам недоступны.

⁸⁸ Woodman A. Velleius Paterculus, passim.

тойбнеровском Штегмана (1968), частичном Вудмена (1977) и издании Эллегуара (1983). Мнения предшествующих издателей по поводу тех или иных сложных для понимания мест, приводимые в сносках к изданию Штегмана, также принимались во внимание. Обычно следуя за издателями, в некоторых случаях мы предлагаем собственное толкование текста.

ИЗДАНИЯ ВЕЛЛЕЯ ПАТЕРКУЛА

Издатель	Год издания	Место издания
Rhenanus	1520	Basel
Vascosanus	1538	Paris
Gelenius	1546	Basel
Aldus Manutius	1571	Venezia
Acidalius	1590	Padua
Lipsius	1591, 1607	Leiden, Antwerpen
Schegk	1598	Frankfurt
Gruter	1607	Frankfurt
Puteanus	1608	Paris
Popma	1620	Franeker
Vossius	1639, 1703	Frankfurt
Boeclerus	1643, 1682	Strassburg
Riguez	1675	Paris
Heinsius	1678	Amsterdam
Cellarius	1707	Leipzig
Burmann	1719, 1744	Leiden
Miller	1756	Berlin
Gruner	1762	Coburg
Rhunken	1779, 1839	Leyden
Bipontina	1780, 1811	Zweibrücken
Cludius	1815	Hannover
Orelli	1825	Leipzig
Kreyssig	1836	Meissen
Bothe	1837	Zürich
Kritz	1840, 1848	Leipzig
Haase	1851, 1874	Leipzig
Halm	1876, 1868	Leipzig
Ellis	1898, 1918	Oxford
Rockwood	1900	Boston — New York
Shiple	1924	London — New York
Bolaffi	1930	Torino
Heinsselin — Watelet	1932	Paris
Stegmann de Pritzwald	1933, 1965, 1968	Stuttgart — Leipzig
Portalupi	1967	Torino
Agnes	1969	Torino
Woodman	1977	Cambridge
Hellegouarc'h	1982	Paris

ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР

Луций Анней Флор не вошел в число авторов, признанных корифеями античной исторической мысли. Его «Эпитомы римской истории» от Ромула до Августа составлены не по первоисточникам, а по трудам предшественников и не претендуют ни на полноту изложения, ни на оригинальность суждений. Но последний недостаток может в какой-то мере стать достоинством, если рассматривать идейное содержание труда как выражение стереотипных взглядов на периодизацию римской истории, а также на факторы, способствовавшие созданию Римской империи, и явления, грозящие ее целостности.

Мнение о Флоре в его же лапидарном стиле выразил на полях рукописи один из средневековых читателей: «Никто вернее, никто короче, никто изящнее» (*Nemo verius, nemo brevius, nemo ornatius*)¹. В новое время критика дополнила эту формулу: «Никто загадочнее». Современники писателя, снискавшего в веках известность, не только не сохранили о нем никаких биографических данных, но даже не запомнили в точности его имени. В одних рукописях он — Л. Анней Флор, в других — Юлий Флор². Решение, какое из этих имен принадлежит нашему автору, зависит от идентификации его с одним из упомянутых в источниках Флоров. Их по меньшей мере пять: поэт Анний Флор, состоявший в переписке с императором Адрианом;³ поэт Флор (без родового имени), посвятивший Адриану эпиграмму и получивший от него не очень лестный ответ в стихах;⁴ Флор — автор девяти эпиграмм в «Латинской антологии»;⁵ Юлий Флор

¹ Цит. по: Malcovati E. Studi su Floro.— Athenaeum, 1937, № 15, p. 92.

² В древнейшей из дошедших до нас рукописей — Epithomae Juli Flori, во всех остальных — L. Annaeus. Полагают, что Juli — ошибка переписчика (Malcovati E. Studi su Floro, p. 80).

³ Флавий Созипатор Каризий (Charis. Art. gram., p. 66, 10; p. 157, 21 B, ed Barwick) сохранил две цитаты из Florus ad divum Hadrianum: 1) poematis delector; 2) quasi de Arabe aut Sarmata. Последнюю исследователи сближают с Flor. 11, 21, 7 (Arabumque et Sabaeorum... spolia) и указывают на характерное для Флора словечко quasi.

⁴ SHA. Hadr., 16, 3—4.

⁵ Anthologia latina, ed. Riese, 1—2, 87, 245—252.

Секунд, согласно оценке Квинтилиана, «в красноречии первый среди галлов»; ⁶ ритор П. Анний Флор, автор трактата в форме диалога «*Vergilius orator an poeta*» ⁷. Из этих пяти Флоров три первых, очевидно, являются одним лицом, и оно, возможно, идентично с личностью автора «Эпитом римской истории».

Общность родового имени историка с именами Л. Аннея Сенеки, М. Аннея Лукана, М. Аннея Мелы еще в средние века породила предположение о принадлежности автора «Эпитом» к роду, давшему знаменитых философов, поэтов, ученых ⁸. В пользу такого предположения говорит близкое знакомство поэта с императором Адрианом, очевидно желавшим иметь при дворе одного из Аннеев, и, что еще существеннее, особые похвалы историка в адрес иберов и лузитан, выдающие его испанское происхождение и возможное родство с выходцем из Испании Сенекой.

С проблемой авторства связан вопрос о времени создании «Эпитом». Здесь приходится опираться на данные, содержащиеся в самом произведении. *Terminus post quem* служит упоминание Флором в самом начале своего труда (I, 1, 8) имени Траяна: «Лишь при Траяне-принцепсе он (римский народ.— *A. H.*) напряг свои мускулы и, вопреки всеобщему ожиданию, старость империи, если так можно выразиться, зазеленела возвращенной юностью». Тут же Флор указывает, что от времени Августа до его века прошло неполных двести лет. Если за начальную точку отсчета принять приход Августа к власти в 30 г. до н. э., то конец полных двухсот лет придется на 170 г., царствование Марка Аврелия, а неполных — на время правления Антонина Пия (138—161).

Казалось бы, «пролог» не оставляет сомнения, что время жизни Флора — это правление династии Антонинов. Но период старости, обозначенный в предисловии как время от Августа «до нашего века», опущен в самом труде Флора. В этом некоторые исследователи усмотрели указание, что Флор — современник Августа, а предисловие добавлено позднее, при Траяне или Адриане ⁹. В тексте были отысканы некоторые места, якобы свидетельствующие, что Флор не мог быть современником Антонинов. Так, Флор среди городов Кампании называет Помпеи и Геркуланум, которые в его время не существовали (I, 11, 6). Этот довод неубедителен, поскольку

⁶ Quint., X, 3, 13.

⁷ Из сохранившегося введения видно, что автор — выходец из Африки, вследствие поражения на капитолийском состязании поэтов покинувший Рим и обосновавшийся в Испании. Возможно, это отец нашего историка.

⁸ Некоторые средневековые рукописи «Эпитом» предваряются «прологом», безымянный автор которого представляет читателям историка в качестве родственника знаменитых Аннеев.

⁹ Titz F. De epitomes rerum Romanorum. Linz, 1864.

Флор описывает города времени Самнитских войн, а слова о Везувии, соперничающем с огнем Этны (I, II, 5), показывают, что наш автор знает о катастрофе 79 г., поглотившей Помпеи и Геркуланум. Более поздняя критика отыскала в тексте места, показавшие необоснованность гипотезы Титце, и объяснила противоречие между предисловием и текстом изменением плана работы автора¹⁰. Спор развернулся в другом направлении — современником Траяна или Адриана был Флор? Веские доводы в пользу времени Адриана привел А. Гарзетти:¹¹

1. Цифра 200 лет от Августа до автора более подходит к Адриану.

2. Язык и стиль эпитом позволяют сблизить их с написанным при Адриане диалогом «Вергилий — оратор и поэт» и отличны от стиля произведений времени Траяна.

3. Интерес Флора к географическим описаниям присущ времени Адриана, императора-путешественника.

4. Политической тенденции этой эпохи соответствует развиваемая Флором идея стабильности Римской империи.

5. Похвалы Флора в адрес иберов согласуются с испанским происхождением Адриана.

Впоследствии мы дополним эти доводы соображениями о связи взглядов Флора с идеологической и политической борьбой времени Адриана и его преемника Антонина Пия.

Известно, что Плиний Старший незадолго до извержения Везувия, оказавшегося для него трагическим, усадил своего племянника конспектировать Ливия. Составление такого рода конспектов в то время не было чем-то необычным. Но вряд ли можно думать, что в результате чьей-либо работы такого рода могло появиться произведение, подобное истории Флора. Труд Флора менее всего напоминает то, что мы называем конспектом, а древние — «эпитомами». И хотя большинство средневековых рукописей труда Флора имеет заголовок «Эпитомы из Тита Ливия», скорее всего, это недоразумение, вызванное поверхностным сопоставлением компактного Флора с грандиозным Ливием¹².

В распределении фактического материала Флор пользуется иначе, чем Ливий, принципами. Для Ливия характерно погодное изложение, при котором события внешней и внутренней истории заключаются в рамку правления того или иного царя или консула. Такова была анналистическая традиция, которой следовал Ливий. Флор от нее отказывается в пользу систематического изложения

¹⁰ Girschfeld O. Anlage und Abfassungszeit der Epitome des Florus. Kleine Schriften. B., 1899, S. 867 sqq.

¹¹ Garzetti A. Floro e l'eta adrianea.— Athenaeum, 1964, 1964, 42, fasc. 1.

¹² Zancan P. Floro e Livio. Padova, 1942, p. 33; Jal P. Nature et signification politique de l'oeuvre de Florus.— REL, 1966, 43, p. 359.

материала по войнам внешним и внутренним. Правление семи царей он рассматривает в одной главе (I, 1) и отдельную главу посвящает итогам царской эпохи (I, 2). Затем излагает одну за другой войны, которые римский народ вел сначала с племенами, непосредственно примыкавшими к Риму, а затем с более отдаленными народами Италии (I, 4—16). События внутренней истории раннего Рима (установление республики) выделены в особые главы (II, 3; II, 17). Во второй книге гражданские войны от Гракхов до Цезаря составляют основное содержание первых двенадцати глав (II, 1—12); внешние войны этого периода изложены в 34—46-й главах первой книги. Правление Октавиана Августа фактически составляет отдельную часть труда. Его события также излагаются в определенном порядке — сначала войны внутренние (II, 15—17), затем внешние (II, 18—32). Вторая книга, так же как и первая, имеет обобщающие главы (II, 14; 33).

Рассматривая внешние войны, Флор иногда намеренно нарушает хронологическую последовательность событий. Балеарская война происходила во II в. до н. э., Критская и Кипрская — в I в. до н. э. Флор же помещает Балеарскую войну между Критской и Кипрской, поскольку он выделяет судьбу всех островов, кроме непосредственно примыкающих к Италии, а Критскую войну не может оторвать от Пиратской, имевшей с нею общие причины.

Наряду с различием в построении трудов Тита Ливия и Флора обращает на себя внимание и различный принцип периодизации истории: Флор разделяет историю римского народа на четыре возраста; Ливию же такая периодизация несвойственна.

Немаловажным является и то обстоятельство, что труд Флора охватывает больший хронологический период, чем история Ливия. Последняя обрывается на 9 г. до н. э. — смерти Друза, Флор же излагает более поздние события: битву в Тевтобургском лесу (II, 30) и смерть внуков Августа (II, 32).

Зависимость Флора от Ливия в использовании фактического материала значительна, но не абсолютна. Укажем некоторые расхождения. Согласно Флору, царь арвернов Битуит был проведен римлянами в триумфальной процессии (I, 37, 5); по Ливию, сенат осудил предательский захват царя Битуита и возвратил его на родину (Per., 61). Согласно Флору, Эпулен, царь истров, был пленен во время пира, будучи пьяным (I, 26, 3); по Ливию, он бежал и был затем убит во время осады Несатия (XLI, 47, 11).

Все это позволяет поддержать тех исследователей, которые настаивают на самостоятельном характере труда Флора. Но если это не эпитомы Ливия в прямом смысле слова, то каково же его оригинальное название?

В поисках ответа П. Жаль обратился к той части «Эпитом», где автор обещает изложить историю римского народа *in brevi quasi tabella* (I, 1, 3). По мнению французского исследователя, слово *tabella*, соответствующее французскому *tableau* (и русскому «картина»), и есть авторское название труда¹³. Против этой соблазнительной гипотезы говорит многозначность латинского слова *tabella*. Из контекста явствует, что оно употребляется Флором в смысле «географическая карта», что в целом отвечает месту географии в век императора-путешественника Адриана и особому интересу к географическим описаниям самого Флора. Поэтому *tabella* не могло быть названием всего труда, тем более что в предисловии оно стоит с ограничением *quasi*. Ближе к истине старые издатели, полагавшие, что Флор назвал свой труд просто «Эпитамами римской истории», но скорее всего труд назывался «*Bellarum Romanorum libri duo*» («Две книги римских войн»), поскольку именно это название было известно Августину (С. D. III, 19).

Наряду с трудом Ливия Флор использовал другие источники, на которые он также не ссылается. Они могут быть установлены лишь по сходству фактических данных и способу выражения. Саллюстий дал ему факты, относящиеся к Югуртинской войне и заговору Катилины, а также оценку роли народных трибунов в разжигании гражданских междоусобиц¹⁴. Полагают, что Флор использовал корпус Цезаря, произведения Т. Помпония Аттика, М. Теренция Варрона, Веллея Патеркула, Сенеки Младшего, Силия Италика, Лукана¹⁵, и, хотя степень влияния этих авторов на Флора не может быть выявлена с достаточной определенностью, бесспорно, что его сочинение — не механическое собрание фактов типа позднейших сжатых переложений — бревиариев, а оригинальный очерк римской истории, основанный на обширной литературе.

Выявление источников труда Флора, бывшее задачей многих исследователей прошлого века, в отличие от подобного рода работы над сочинениями Ливия, Тацита, Плутарха, не может дать ответа на вопросы, какие обычно встают при характеристике древнего историка. Поэтому при оценке Флора приходится исходить лишь из содержания его произведения и пытаться выявить, что в нем восходит к современности. Решению этой задачи немало способствовали труды А. Гарзетти и П. Жаля. Однако, на наш взгляд, данные для новых суждений и выводов еще не исчерпаны.

Историческая концепция Флора раскрывается в той периодизации

¹³ Jal P., *Florus, Oeuvres, text établi et traduit par P. Jal*. P. 1967, p. XXII (в дальнейшем — Jal P. *Florus*).

¹⁴ Garzetti A. *Floro e l'eta adrianea*, p. 145.

¹⁵ Там же, с. 146.

римской истории, которая дается в предисловии ¹⁶. История римского народа трактуется им по образцу развития человеческого организма, проходящего стадии роста, расцвета, старения. Младенчество (*infantia*) соответствует эпохе царей, отрочество (*adulescentia*) — истории республики до завоевания Римом Италии, зрелость (*juventus*) — это республика от покорения Италии до времен Августа, старость (*senectus*) — империя от Августа до Траяна.

Эта периодизация связана с представлениями всей классической древности о циклическом характере времени и разработанной греками теорией физического и духовного ухудшения человечества, обусловленного естественным одряхлением мира. Идея развития государств и организмов по общему биологическому закону неоднократно повторяется писателями эпохи гражданских войн и принципата Августа. Формулируя задачу своего политического трактата «О государстве», Цицерон выражает намерение показать, «как государство наше рождалось, росло, зрело и, наконец, стало крепким и сильным» ¹⁷. Выполняя это обещание, он рассматривает историю Рима по периодам, выделяя в качестве первого правление царей. Поскольку зрелый возраст отнесен Цицероном ко времени Сципиона Эмилиана, можно предположить, что свою эпоху Цицерон понимал как время старости ¹⁸. Концепция органической деградации положена в основу периодизации римской истории, предложенной Саллюстием ¹⁹. Саллюстий выделяет в качестве первого периода истории Рима и других государств правление царей, когда человеческая жизнь протекала без страстей и каждый довольствовался своим. Превращение справедливой царской власти в тиранию ведет к замене монархии республикой, для которой характерны подъем патриотических чувств, добрые нравы, величайшее согласие между гражданами. Римские завоевания, в особенности покорение Карфагена, привели ко всеобщему и неудержимому росту пороков — корыстолюбия, честолюбия, жестокости. Это был третий период в истории Рима, эпоха его полного разложения.

Очевидно, эта же концепция легла в основу не дошедшего до нас труда Теренция Варрона «О жизни римского народа». Судя по тому, что Варрон различает пять периодов человеческой жизни: младенчество, детство, отрочество, зрелость, старость, — можно

¹⁶ H a h n J. Prooemium und disposition der Epitome des Florus.— «Eirene», 1965, 4, S. 21—38, О н ж е. Appien et le cercle de Sénèque — Acta antiqua, 1964, 12, p. 172—178.

¹⁷ Cic. De. rep., II, 3.

¹⁸ Это явствует также из переписки Цицерона (Fam., 15, 3).

¹⁹ Sall. Cat., 2; Jug., 41; Hist., I, 7. (См. У т ч е н к о С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1962.)

думать, что и жизнь римского народа была разбита им на пять возрастов²⁰.

Основываясь на идеях своих предшественников о делении истории народа на возрасты (*aetates*), Флор расходится с ними при определении длительности каждого возраста-периода. Первый период у Флора и Саллюстия совпадает. Вторым периодом у Саллюстия завершается разрушением Карфагена (146 г. до н. э.), а у Флора — завоеванием Италии, до начала Пунических войн (264 г. до н. э.). Различие в рубеже между вторым и третьим периодами у Саллюстия и Флора, по всей видимости, связано с желанием последнего определить каждому возрасту римского народа примерно одинаковое число лет — 250. Что касается периода старости, то у Флора обнаруживается противоречие между предисловием и текстом. В предисловии он определяет «старость» со времени Августа, а в самом труде отмечает признаки старости уже в эпоху *juventus* римского народа, выделяя в ней «доброе время» — до начала гражданских войн и «испорченное время» — эпоху гражданских войн. Таким образом, фактически в тексте старость римского народа начинается с эпохи гражданских войн, а не со времени Августа. В предисловии намечена в качестве перспективы вторая молодость римского народа, первые признаки которой автор связывает с завоеваниями Траяна.

Сходную с вышеизложенной периодизацию римской истории мы находим у трех авторов, живших после Флора, — христианского писателя Лактанция (*Div.*, VII, 15, 17), безымянного автора биографии императора Кара в «*Scriptores Historiae Augustae*» и у Аммиана Марцеллина (*Hist.*, 14, 6, 3). Лактанций, ссылаясь на Сенеку, выделяет следующие периоды римской истории: младенчество (время Ромула), детство (правление остальных царей), отрочество (завоевание Италии), зрелость (Пунические войны), первая старость (гражданские войны), второе младенчество (время Августа).

Сравнивая биологические схемы Флора и Лактанция — Сенеки, мы видим, что два периода Лактанция — Сенеки — *infantia* и *pueritia* — объединены у Флора в один, следующие два периода полностью соответствуют той схеме, которая содержится в тексте труда, но не в предисловии к нему: *adulescentia*, *juventus*. Пятый период Лактанция — Сенеки — *altera infantia* (второе младенчество) соответствует *altera juventus* Флора, с той лишь разницей, что последний период начинается у Флора правлением Траяна, а не Августа.

²⁰ Возможно, концепция Варрона сложилась не под влиянием сходной по содержанию книги Диксарха «Жизнь Греции», а в результате знакомства с этрусской эсхатологической литературой (J a l P. La Guerre civile a Rome. P., 1963, p. 246 sqq).

Ставя вопрос о причинах этого расхождения, мы углубляемся в еще более сложную проблему об источнике периодизации Лактанция. Прежде всего неясно, у какого из Сенек заимствовал Лактанций свою схему — у Сенеки Старшего (историка и ритора) или Младшего (философа)? После исследования Л. Кастильони большинство ученых склонно считать, что Лактанций пользовался не дошедшим до нас историческим трудом Сенеки Старшего «*Ab initio bellorum civilium*»²¹. Однако аргументация итальянского ученого недостаточно убедительна, и некоторые ученые придерживаются мнения А. Клотца, что источником периодизации Лактанция было недошедшее произведение Сенеки-философа²². Нам же представляется более убедительным мнение Р. Циммермана, что источником Лактанция был Флор, названный им ошибочно Сенекой из-за сходства родового имени (*Annaeus Florus* и *Annaeus Seneca*)²³. Эта путаница характерна для всей последующей христианской средневековой традиции и нашла выражение в «прологе», где историк Флор причислен к роду Аннеев Сенек. Расхождение схем Флора и Лактанция объясняется тем, что сам Лактанций внес в нее изменения в соответствии со своей идеологией. *Altera infantia* (второе младенчество) никак не связывалось в его представлении с именем гонителя христианства Траяна и более соответствовало тем представлениям, которые имелись у христиан об Августе, современнике основателя христианской религии: с Августа как бы начинался новый цикл римской истории, который, однако, оканчивался смертью Рима (*interitus*), в то время как, согласно представлениям язычников, Рим был вечным (*Roma aeterna*).

Анализ других изложений биологической периодизации римской истории может еще более подтвердить правильность предположения, что непосредственным источником схемы Лактанция был Флор, а не Сенека. Аммиан Марцеллин, который, разумеется, был более начитан в исторической литературе, чем Лактанций, дает периодизацию римской истории не по усложненной схеме Сенеки, а прямо по Флору. Совпадает даже выражение о войнах Рима в течение 300 лет вокруг стен города. Правда, здесь Аммиан Марцеллин исправляет ошибку, допущенную Флором в числе лет. В эпоху упадка Римской империи трудно было говорить о ее «втором младенчестве». И Аммиан Марцеллин ограничивается утверждением

---

²¹ Castiglioni L. Lattanzio e le storie di Seneca Padre.— «Riv. di filol. e d'istr. class», 1928, p. 450 sqq.

²² Klotz A. Das Geschichtswerk des alteren Seneca.— «Rheinische Nuseum», 1961, S. 429 sqq.

²³ Zimmermann R. Zum Geschichtswerk des Florus.— «Rheinische Museum», 1930, S. 93 sqq.

вечности Рима. «Аммиан Марцеллин сознательно игнорирует признаки одряхления Римской империи и полагает, что Рим будет существовать вечно»²⁴.

В соответствии с делением истории Рима на эпоху внешних и внутренних войн эпитомы разделены самим автором на две книги. Первая охватывает внешние войны и «мятежи» периодов детства и отрочества и первого подпериода зрелости, вторая — гражданские войны. Проанализировав события первых двух периодов и первой половины третьего, Флор дает краткий очерк внешних и внутренних войн после взятия Нуманции: «Хотя все это слито воедино, мы изложим события порознь, чтобы было нагляднее и чтобы преступления не заглушались добродетелями. Прежде мы вспомним о справедливых и священных войнах с внешними народами, потом возвратимся к указанным преступлениям граждан и постыдным нечестивым сражениям» (I, 34, II.19, 5). Об этом плане разделения материала Флор снова упоминает в конце I книги: «Поэтому мы проследим внутренние движения отдельно от внешних и справедливых войн» (I, 47, 14). Мысль, что войны римлян с внешними врагами являются справедливыми и законными, а внутренние гражданские войны — незаконными и нечестивыми, красной нитью проходит через весь труд.

Не без чувства превосходства должен был относиться современник походов Траяна к прославленным анналистами победам римлян над племенами и общинами, находившимися по соседству со столицей великой империи. Это видно из описания Флора: «Кто бы мог поверить? Вызывали страх Кора и Альсий. Сатрик и Корникул были нашими провинциями. Стыдно вспомнить, но ведь мы справляли триумф над Верулами и Бовиллами. Тибур, ныне пригород, и Пренесте, место летних увеселений, были обретены после торжественного моления на Капитолии... Победа над Кориолами — о стыд! — считалась такой славной, что Гней Марций Кориолан присоединил взятый город к своему имени, будто Нуманцию или Африку» (I, 5, 6—9).

Оценка прошлого с точки зрения современника величия Рима проявляется не только в подобных тирадах. Империя для Флора, как и для человека его поколения Аппиана, — цель, достигнутая всем тысячелетним ходом римской истории. Слово *impegium*, ставшее государственно-правовым понятием лишь в I в. до н. э., употребляется им в изложении событий отдаленнейшего прошлого Рима. Уже Ромул фигурирует как основатель Рима и империи (I, 1, 1), Нума Помпилий дал римлянам упавшие с неба щиты (*ancilia*), а Палла-

²⁴ Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 36.

дий — священные залоги империи (I, 2, 3). Фабий Максим Кунктатор представлен «щитом империи» и «надеждой империи» (I, 22, 27). Тит Ливий, служивший в этих главах для Флора источником, не мог бы допустить подобного анахронизма. Сочинение Флора несло определенную политическую нагрузку. Оно пропагандировало идею величия империи в широких кругах, которые знакомились с прошлым Рима не по произведениям классиков²⁵.

Победы постепенно расширяли владения римского народа и приводили его в столкновение со все более отдаленными племенами и государствами. Вслед за борьбой с сабинами, латинами, этрусками следуют войны с галлами, самнитами, тарентинцами. И каждая из них имеет свои побудительные причины, которые Флор не забывает указывать: в эпоху республики римский народ сражался за свободу (*pro libertate*), затем за расширение границ (*pro finibus*), в защиту союзников (*pro sociis*) и, наконец, за славу и империю — *pro gloria et imperio* (I, 3, 6).

Римскую экспансию после завоевания Италии Флор сравнивает с пожаром, который не могут остановить даже реки и проливы (I, 18, 2). Победа над Карфагеном в Первой и Второй Пунических войнах открыла Риму пути к мировому господству. «После Карфагена никто не стыдился быть побежденным» (I, 23, 1) — эта фраза предваряет рассказ о новых победах Рима на востоке и западе. В ряде случаев Флор не скрывает своего осуждения тех средств, которыми римляне достигли победы. Он осуждает коварство Популия, подославшего к Вириату убийц и «наградившего врага славой, будто он не мог быть побежден иначе» (I, 33, 17), вспоминает с негодованием о Мании Аквиллии, не остановившемся в борьбе с восставшими городами Азии перед отравлением источников (I, 35, 7). Но в описаниях войн II в. в целом сквозит то же восхищение «главенствующим народом», что и в рассказе о войнах предшествующего периода.

Успехи римского народа в создании империи Флор объясняет прежде всего сочувствием и непосредственной помощью богов. Небожители вмешивались, неизменно принимая сторону римлян. Взяв на небо Ромула, они провозгласили, что Рим будет владыкой народов (I, 1, 18). Они способствовали основанию Капитолийского храма (I, 7, 9). С их помощью были изгнаны из Рима цари, похитители свободы (I, 9, 1). Божественные близнецы Диоскуры Кастор и Поллукс приняли непосредственное участие в битве у Регилльского озера на стороне Рима (I, 5, 4). Вторжение галлов и захват ими Рима рассматриваются как испытание, ниспосланное богами для

²⁵ Den Boer W. Florus und die römische Geschichte.— «Mnemosine», 1965, 18, S. 366 sqq.

проверки, достоин ли римский народ своей мировой империи (I, 13, 1). Некое божество толкнуло римлян на войну с лигурами, чтобы в промежутки между Пуническими войнами римское оружие не ржавело в бездействии (I, 19, 2). Боги отвратили Ганнибала от Рима (I, 22, 44). Диоскуры приняли участие в битве при Пидне и принесли весть о победе в Рим (I, 28, 15). Так же они поступили в сражении с кимврами (I, 38, 20). Всего в труде Флора боги упоминаются 17 раз, и их наивысшая «активность» приходится на VIII—III вв. до н. э. К этому времени относится 13 упоминаний богов. В тех случаях, когда римлян постигали неудачи, Флор объясняет это злостным нарушением ими воли богов. Поражение в 248 г. до н. э. было карой за неуважение консулом Аппием Клавдием ауспийий (I, 18, 29). Разгром при Каррах явился наказанием за неумную жадность и вероломство Красса (I, 46, 2).

В несколько ином плане, чем боги, действует фортуна, упомянутая в историческом труде Флора 30 раз. Она побудила Рим к войне против Антиоха (I, 24, 1), она виновница славы Помпея (I, 40, 21), она сохранила Мария для другой войны (II, 9, 8), она в качестве *fortuna populi Romani* спасла Рим в Союзнической войне (II, 6, 13), она была причиной вспышки гражданской войны 49 г. до н. э. (II, 13, 1), явилась источником военных поражений Цезаря в Иллирии и Африке (II, 13, 30), передала империю Октавиану Августу (II, 14, 7).

Если боги стояли на стороне Рима с древнейших времен, то фортуна, согласно Флору, стала проявлять себя позднее. Между битвой при Пидне и Союзнической войной фортуна упомянута 5 раз, в эпоху гражданских междоусобиц 88—44 гг. — 20 раз. Нетрудно понять, что в этом сказалась прямая или опосредствованная зависимость Флора от греческих авторов. Фортуна Флора — это не древнеримское божество *fors*, *fortuna*, а греческое — *τύχη*, введенное для объяснения колеблющегося счастья враждующих партий и их вождей эпохи гражданских войн.

Читатель истории Флора подводится к выводу, что боги и фортуна определяют судьбы римского народа. И, однако, мы бы впали в ошибку, если бы пришли к заключению об иррациональности исторической концепции Флора. Доказательством тому могут служить многие места в его труде, посвященные *virtus* (доблести). Проследившая употребление *virtus* в тексте, А. Норд выяснил, что в I книге это слово встречается 29 раз. В 14 случаях оно сочетается с эпитетом *гопапа*. В других случаях оно прилагается к древнеримским царям и героям — Туллу Гостилию, Горациям, Цинциннату, Манлию Капитолийскому, римским воинам в целом. Лишь в четырех случаях

virtus относится не к римлянам, а к другим народам²⁶. Все это дает основание считать, что под *virtus* Флор понимал прежде всего качество, присущее римскому народу.

Часто в труде Флора *virtus* сопоставляется с фортуной. Сочетание *virtus* — *fortuna* не является новым в латинской литературе. Впервые мы находим его у Энния в речи Пирра о римских пленниках, которым он дал свободу за их воинскую доблесть; Пирр приписывает акт освобождения фортуне, которая ему внушила это решение²⁷. У Цицерона *virtus* и *fortuna* противопоставляются как возможность человека сделать все в борьбе с обстоятельствами и не зависящее от этой возможности стечение обстоятельств²⁸. Саллюстий делает сочетание *virtus* и *fortuna* исходным пунктом своих рассуждений о Югуртинской войне и заговоре Катилины²⁹. С помощью слов *virtus* — *fortuna* римские историки обычно объясняли успехи римлян в тех или иных сражениях. Для Флора же сама Римская империя — это продукт постоянного соперничества и состязания доблести и судьбы³⁰.

История римского народа для Флора — это история войн. Но само слово *bellum* в его понимании является достаточно емким, включая и социальные конфликты. Так, рассуждая об опасностях, которые угрожали Риму после смерти Цезаря, Флор называет гражданские, внешние, рабские, сухопутные и морские войны (II, 14, 8). В другом случае он выделяет войны с гражданами, союзниками, рабами и гладиаторами (I, 47, 5). Объединение всех внутренних войн и столкновений одним термином — *bellum civile* — вызывало ряд трудностей, с которыми Флор как автор весьма чуткий к терминологии не мог не считаться. Поэтому он, в отличие от беззаботного в терминологических вопросах Аппиана, считает необходимым объяснить, что война с союзниками была фактически гражданской войной, поскольку выступившие против Рима этруски, латины, самниты уже на заре римской истории образовали римский народ (II, 6, 1). Еще большие затруднения вызывает у него дефиниция рабских войн: рабы ведь не были гражданами, но они не были и чужеземцами. Более того, приходится доказывать, что они вообще люди, хотя и второго сорта (II, 8, 1). Флора ставит в тупик определение характера гражданской войны под предводительством Спартака: «Я не знаю, каким именем обозначить войну, которая велась под предводительством Спартака» (II, 8, 2). Эти колебания

²⁶ Nordh A. *Virtus and Fortuna in Florus*. — «Eranos», 1952, 50, p. 115.

²⁷ Ann., 199: *quorum virtutei belli fortuna pepercit, eorumdem libertati me parcere certumst*.

²⁸ Cic. Marc., 6—8.

²⁹ Sall. Jug., I, 1; Cat., 7, 5; 53, 4.

³⁰ Плутарх также рассматривает римское владычество как результат состязания *virtus* — *fortuna* (*De fort. Rom.*, 1).

объясняются тем, что Спартак, как Флор указывает ниже, был свободно рожденным фракийцем, платившим дань, затем солдатом, дезертиром, разбойником и лишь, попав в плен, ставшим благодаря физической силе гладиатором (II, 8, 7). Характеризуя войну Цезаря и Помпея, в ходе которой столкнулись не только разделенные на враждующие партии граждане, но и народы Европы и Азии, Флор применяет такой редкий термин, как *bellum plus quam civile* (II, 13, 4). В своем интересе к терминологии гражданских войн Флор является наследником классической латинской историографии. Греческие историки в этом отношении не могли быть его учителями, поскольку история Греции не знала ничего подобного римским гражданским войнам.

Корни гражданских войн Флор ищет во внешних войнах. В результате переизбытка счастья — *nimia felicitas* — пастушеская бедность наследников Ромула сменяется моральной испорченностью. Славные и справедливые войны постепенно превращаются в незаконные и нечестивые, так что у автора возникает сомнение, не лучше ли было бы Риму ограничиться в своих завоеваниях Сицилией и Африкой или даже оставаться в пределах Италии (I, 47, 6). Здесь мы встречаемся с характерным для официальной идеологии эпохи Адриана мотивом — необходимостью прекращения дальнейших завоеваний. Главную опасность для Римской империи представляли не ее внешние враги, а возможность возобновления внутренних раздоров. Кризис III в. был не за горами. Его подземные толчки, видимо, уже ощущались в годы «золотого века» Антонинов, и мечта о политической стабильности руководила не только теми, кто направлял политику, но и теми, кто пытался осмыслить прошлое римского народа.

«Нас, — восклицает Флор, — испортила прежде всего побежденная Сирия, а затем азиатское наследие царей Пергама. Эти сокровища и богатства обрушились на нравы века и повлекли ко дну государство, погрязшее в тине своих пороков» (I, 47, 8). Римлян не научил печальный пример Ганнибала, обессиленного роскошью завоеванной им Кампании (I, 22, 22). Уже народные трибуны отличаются страстью к роскоши, и именно отсюда их предложения о переделе земель (I, 47, 8). Роскошь — причина конфликта между сенаторами и всадниками (там же). Выступление Катилины против родины, правда, объясняется его бедностью, но бедность трактуется как печальное последствие той же тяги к роскоши (I, 47, 13). Стремление занимать высшие должности в государстве, вооружившее Цезаря и Помпея факелами фурий на погибель Римской республики, — также следствие чрезмерного богатства. Восстание рабов объясняется увели-

чением их числа в домах римлян (I, 47, 11). Марианская и сулланская войны вызваны еще большей тягой к богатству (I, 47, 12).

Анализируя заключительную главу книги Флора, которая фактически является введением к истории гражданских войн, мы приходим к выводу, что все многочисленные причины гражданских войн, которые выделялись его предшественниками, Флор стремится свести к одной — чрезмерному обогащению победителей-римлян, вызвавшему страсть к роскоши, забвение государственных интересов, честолюбие. Это приводит Флора к неточности, например, в объяснении восстаний рабов и аграрных движений. Таковы неизбежные пороки схемы, сводящей к единому знаменателю явления различного социального порядка.

Несмотря на этот недостаток, главы II книги, посвященные событиям гражданских войн, представляют немалый интерес, особенно если учесть утрату соответствующих книг Тита Ливия и «Истории» Г. Саллюстия Криспа.

Значение труда Флора может быть обстоятельнее всего выявлено на примере глав, посвященных восстанию рабов и гладиаторов. Достаточно сказать, что это единственный дошедший до нас связный рассказ на эту тему. В нем изложены оба сицилийских восстания рабов и восстание Спартака, в то время как Аппиан в «Гражданских войнах» остановился лишь на последнем. Преддверием к рабским войнам II в. до н. э. Флор считает восстание Гердония, совпавшее по времени с борьбой плебеев за землю. «Но это были скорее беспорядки, чем война» (II, 7, 2). Стремясь показать масштабы рабских войн, Флор сравнивает их с Пуническими и уверяет, что Сицилия понесла от рабов больший урон, чем от военных действий и сражений с могущественным Карфагеном (II, 7, 3). Виновниками войны Флор считает римлян, создавших множество тюрем для рабов — эргастулов, где рабы содержались закованными в цепи (II, 7, 3). Нетрудно заметить, что здесь Флор точнее Диодора, сообщающего о сицилийце Дамофиле и римских всадниках, будто бы уже в то время обладавших судебной властью над преторами (XXXIV, 2, 1—4). Характеризуя попытки Евна вызвать восстание рабов с помощью чудес, Флор сообщает неизвестный Диодору факт — культовое трясение волосами в честь сирийской богини (II, 7, 4).

Несколько иначе, чем у Диодора, изложен Флором и ход первого сицилийского восстания рабов. Не останавливаясь на деталях, укажем, что Флор называет имена четырех преторов, разгромленных Евном и потерявших военные лагеря: Манилия, Лентула, Пизона, Гипсея (II, 7, 7). Диодору же известен один лишь Гипсей (XXXIV, 2, 20). Свидетельство о преторах помогает установить хронологию первого сицилийского восстания рабов. Победителем восставших

Флор, в отличие от других авторов, считает не Рупилия, а Перперну, консула 130 г. до н. э., бывшего также победителем Аристоника (II, 7—8). Это сообщение следует понимать в том смысле, что окончательно первое сицилийское восстание было подавлено в 130 г. до н. э. Вождем второго сицилийского восстания назван киликиец Афенион (II, 7, 9). Отсутствие у Флора сведений о Сальвии (Трифоне) является лучшей гарантией того, что здесь Диодор допустил путаницу и Трифон является двойником Евна.

Неизвестные другим авторам подробности содержатся и в сравнительно кратком сообщении о восстании Спартака. Из рассказа о действиях Спартака на Везувии можно сделать вывод, что гладиаторы спустились не по наружной части горы, а по ее внутренней стороне, по кратеру (II, 8, 4). У Флора мы узнаем, что после разгрома лагеря Вариния восставшие рассыпались по Кампании и захватили Нолу, Нуцерию, Фурии, Метапонт (II, 8, 5), Аппиан же говорит о захвате одних Фурий (В. С., I, 116). Флору мы обязаны и драгоценным свидетельством о том, что Спартак дошел до Мутины (II, 8, 10).

Часто Флор упоминает эргастулы. Заточение рабов в эргастулы было причиной восстания Евна (II, 7, 3), возглавленные Евном рабы разломали эргастулы (II, 7, 6), Афенион освободил рабов из эргастулов (II, 7, 9). Спартак выковал из цепей эргастулов мечи и копья (II, 8, 7). Марий и Секст Помпей вооружили эргастулы (II, 9, 11; II, 18, 1). Такое множество упоминаний об эргастулах в кратком изложении римской истории не будет удивлять, если вспомнить, что при императоре Адриане они были уничтожены; Флор, верный себе, оценил прошлое под углом зрения современности.

Руководителя сопротивления испанских племен римской агрессии Вириата Флор называет *latro* — разбойник (I, 33, 15). В. Ден Боер увидел в этом указание на эпоху Антонинов, когда деятельность «разбойников» приняла широкий размах³¹, однако «разбойником» называет Вириата и Веллей Патеркул (II, 1, 3).

Политическая и социальная борьба 70-х годов I в. до н. э. рассматривается Флором как результат политических преследований времен Суллы: «Серторианская война... Была ли она чем иным, как не наследием сулланских проскрипций?» (II, 10, 1). Как опасная для государства попытка отменить законодательство Суллы расценивается деятельность Лепида (II, 11, 5). Война между Цезарем и Помпеем характеризуется как грандиозное столкновение, приведшее Римскую республику к гибели.

Рассказывая о гражданских войнах Помпея и Цезаря, Флор выделяет малозначительный с военно-стратегической точки зрения,

³¹ Den Boer W., *Florus...*, p. 376.

но важный в плане моральной оценки гражданских войн эпизод — осаду Массилии. Массилийцы, пытавшиеся придерживаться нейтралитета и не поддержавшие ни одну из враждующих сторон, испытали величайшие бедствия: «Несчастливая! Страстно желая мира, она была ввергнута в войну за то, что ее боялась!» (II, 13, 23). Судьба Массилии — пример того, что гражданские войны не оставляют никого в покое. Но прежде всего они обрушиваются на зачинщиков. Как жалкий беглец погибает некогда великий полководец Помпей (II, 13, 53). Захлебнулся своей кровью и Цезарь, заливший кровью римских граждан весь мир (II, 13, 95).

В описании событий, последовавших за убийством Цезаря, Флор придерживается той их официальной оценки, которая была дана самим Августом. В изложении Флора Октавиан лишь под давлением обстоятельств примкнул к Антонию и Лепиду: «Что поделаешь, имея против себя двух консулов и две армии?.. Пришлось примкнуть к сообществу кровавого договора» (II, 16, триумвират, 1). Кровавые преступления времен проскрипций Флор приписывает Лепиду и Антонию, уверяя, что Октавиан «довольствовался убийцами отца» (II, 16, триумвират, 6). Это не соответствует тому, что нам известно о поведении Октавиана из других источников, но полностью отвечает версии, которую излагает сам Октавиан Август в своем жизнеописании. Виновником всех последующих неудач и преступлений гражданских войн объявляется Антоний. Из-за его расточительности и неуступчивости вынужден был поднять оружие против Рима Секст Помпей (II, 18, 5). Пока был жив Антоний, в Риме не могло быть прочного мира (II, 19, 1).

Весьма интересуют Флора римско-парфянские отношения, что легко объяснимо местом Парфии в исторических судьбах Рима и римской политике со времени Траяна. В трех главах, посвященных войнам Краса, Вентидия (легата Антония) и самого Антония, Флор по масштабам своего труда достаточно полно характеризует планы римских полководцев, ход военных действий и их результаты. Как человек, сочувствующий повороту в отношениях с Парфией при Адриане, Флор осуждает бессмысленные попытки Красса и Антония покорить Парфию. У него отсутствует характерная для Плутарха открытая враждебность к парфянам³². Подчеркивается вероломство Антония, заключившего с парфянским царем мирный договор и нарушившего его внезапным неспровоцированным нападением (II, 20, 1). В этой связи отчетливо проводится мысль, что такие равные по могуществу державы, как Рим и Парфия, должны жить в мире.

Та же обусловленная политикой Адриана тенденция примирения явственна при оценке Флором попытки Августа покорить варваров.

³² См. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. М., 1960, с. 57.

Флор не питает к варварам никакой симпатии. Он где это возможно подчеркивает их тупость (I, 38, 12; II, 25), в любви их к свободе видит бессмысленное сопротивление дикаря, пытающегося укусьить свои оковы (II, 27). Но в то же время осуждает Квинтилия Вара за распущенность, надменность и неосмотрительную попытку навязать германцам римские порядки. Скрытый упрек Траяну, установившему трофеи в землях побежденных даков, можно видеть в критической оценке прецедента этого обычая — установления трофеев в землях галлов Фабием Максимом и Домицием Агенобарбом в 121 г. до н. э. (I, 37, 5). Флор усматривает в этом проявление заносчивости и неумеренности полководцев и утверждает желаемое вместо действительного — что римский народ якобы «никогда не ставил свои победы в упрек покоренным народам».

Считая невозможным после гибели Цезаря и Помпея возвращение римского народа к прежним республиканским порядкам, Флор видит в установлении принципата Августа наименьшее зло и полагает, что только благодаря его мудрости, изобретательности был приведен в порядок «потрясенный до основания организм империи» (I, 14, 5) и Римская империя стала как никогда пользоваться международным признанием и авторитетом (II, 34, 61—62).

Таким образом, в главах, посвященных гражданским войнам после смерти Цезаря и принципату Августа, мы имеем почти такую же оценку событий, которая нашла выражение в «Жизнеописании Августа» и у Веллея Патеркула, но не у Тита Ливия с его республиканскими симпатиями. Эта оценка объясняется определенными политическими тенденциями времени написания труда. Для Адриана, отказавшегося от завоеваний и проводящего либеральный политический курс по отношению к сенату, Август был кумиром. Кумиром он явился и для Флора, придерживавшегося в этом, как и во многих других вопросах, официальной точки зрения. Адриан должен был поощрять именно такое краткое изложение римской истории, какое дал Флор. Некоторые излишние подробности, в которые вдавался в биографии Августа бывший секретарь Адриана Светоний, выставляли основателя империи в далеко не благоприятном свете.

Живописуя ужасы гражданских войн, жестокость разделенных на враждующие партии граждан, Флор далек от тех пессимистических оценок судеб Рима, которые мы находим в литературе, современной гражданским войнам, и у христианских авторов с их пророчествами и эсхатологией. Сравнивая судьбу римского народа с судьбой отдельного человека, переживающего свойственный юности рост, крепость зрелости и старческий упадок сил, историк забывает о том, что вслед за старостью идет смерть. Он не предвидит гибели Рима; римский народ, во всем остальном следующий биологическим

законам развития, сверхъестественным образом ускользает от неизбежной кончины. При Траяне старость римского народа всем на удивление зазеленела молодыми побегами (I, 1, 8). Рассуждая по поводу знаменитых слов Югурты о гибели продажного Рима, коль на него найдется покупатель, Флор пользуется случаем, чтобы заявить, что Риму суждено вечное существование, поскольку покупатель уже был (I, 36, 18).

В этом выводе Флор — прежде всего человек эпохи Адриана, представитель той официальной идеологии, которая нашла наиболее последовательное выражение в надписях на монетах этого времени — *Roma aeterna*³³. Стабильное положение Рима обеспечивалось прекращением войн, укреплением римских рубежей, умелой и дальновидной политикой. Этой политике соответствуют формулы Флора, запечатлевшие опыт управления завоеванными народами: «важнее удержать провинцию, чем завоевать» (I, 33, 7), «труднее удержать провинцию, чем ее завоевать, добытое силой удерживается законностью» (II, 30, 29). Вырисовывающаяся из этих формул политическая концепция вступает в противоречие с высказанным самим же Флором положением о внешних завоеваниях как источнике силы и молодости римского народа. Напрасно было бы вслед за некоторыми учеными объяснять это противоречие тем, что предисловие и основная часть исторического труда написаны разными лицами, или тем, что взгляды автора менялись в ходе создания сочинения³⁴. Это противоречие присуще не только Флору. Оно составляет стержень реального противоречивого развития Римской империи, созданной с помощью вооруженной силы и могущей нормально функционировать лишь при условии постоянной агрессии, которая в то же самое время является источником губительных внутренних войн. Ни фронтальное наступление на соседние народы по примеру Траяна, ни переход к глухой обороне по рецепту Адриана не могли спасти Римскую империю от гибели, чего, разумеется, не понял апологет римского господства Флор.

Мы могли бы признать труд Флора пустыми декламациями на историческую тему, если бы не знали, что превращение истории в риторику уже в конце Римской республики считалось идеалом. Мечта Цицерона об истории, написанной ритором, осуществилась вскоре после его смерти, ибо «*Ab urbe condita*» Ливия — не что иное, как изложение судеб римского государства средствами ораторского искусства. Но Ливий — и в этом его сила — не смог полностью отказаться от традиций тех самых «Анналов», на пустоту

³³ J a l P. La Guerre..., p. 95.

³⁴ G i r s c h f e l d O. Anlage..., S. 867; Z i m m e r m a n R. Zum Geschichtswerk des Florus, S. 93.

которых сетовал Цицерон, Изложение событий по правлениям консулов, попытка сохранить дух старины и любование ею делали произведение Ливия в глазах защитников риторики не только неудобочитаемым, но и старомодным. Представители философского направления использовали исторический материал в рамках биографического жанра, исключавшего монотонность анналов. Биографии Плутарха — это не что иное, как история в лицах, позволявшая автору пропагандировать свои философские и моральные убеждения. Но жизнеописание исторических лиц не было историей в прямом смысле этого слова, и не случайно Плутарх так упорно отказывается от звания историка³⁵. Под историей римляне I—II вв. понимали последовательное изложение судеб народа и государства, а не серию рассказов о выдающихся исторических деятелях. В этом отношении произведение Флора полностью отвечает римскому идеалу исторического труда, сложившемуся в эпоху Империи.

Стремление автора дать наикратчайшее изложение событий внешней и внутривосточной истории Рима создавало значительные трудности при отборе фактического материала и одновременно явилось причиной тех неточностей, которые часто ставятся Флору в вину. Это прежде всего сокращенное употребление имен, что делает необходимым снабжать издания и переводы Флора обширным справочным аппаратом. Описывая те или иные победы римского народа, Флор не имеет возможности указать имена всех полководцев-победителей. Так, победу при Верцеллах он приписывает одному Г. Марию (I, 38, 14), хотя, как известно, важную роль в ней сыграл другой консул — Лутаций Катул. Так же вместо шести трибунов с консульской властью, участвовавших в битве при Аллии (трое из них были Фабии), он упоминает одного консула Фабия (I, 7, 7). В рассказе о битве при Филиппах Флор сводит два сражения, разделенные значительным промежутком времени, в одно, поскольку его целью в данном случае было не раскрытие диспозиции, а описание трагической судьбы Брута и Кассия (II, 17, 5). Та же причина — необходимость быть кратким — объясняет обобщенное описание Флором народов, с которыми сталкивались римляне. Среди противников Рима в конце II в. до н. э. он называет племена кимвров, тевтонов, тигуринов (I, 38, 1). Опущено обитавшее в районе Тулузы племя текстосагов, вместе с позорной историей пропажи «тулузского серебра». В рассказе о войнах римлян с галатами фигурируют лишь два племени — толостобогии и текстосаги (I, 27, 5). Не упомянуто племя трокнов. При той степени приближенности,

³⁵ Plut. Alex., I. Проблема соотношения биографического жанра и историографии рассматривается в кн.: Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973, с. 189 и сл.

с какой дается Флором описание Кампании, не воспринимается как серьезная ошибка то, что в числе приморских городов названа Капуя (I, 11, 6): столица Кампании хотя и не лежала у самого моря, была обязана морю своим богатством.

Наряду с неточностями, вызванными обзорным характером труда, в последнем имеются и прямые ошибки — в именах исторических персонажей, в описании сражений. Однако эти недостатки с лихвой перекрываются оригинальной концепцией, сохраненными Флором фактическими данными. Мы уже отмечали ценность Флора для изучения восстаний рабов. Теперь мы хотим обратить внимание на его свидетельство, уникальное для понимания истории одного из древнейших государств Кавказа — Колхиды. В рукописях Флора значит: «...он разбил колхов, простил Иберию, пощадил албанов. Поставив лагерь под самым Кавказом, он приказал царю колхов Орхозу спуститься в равнины, а Артоку, что правил иберами, выдать заложниками детей. Орода же одарил сам, так как тот прислал ему из Албании золотое ложе и другие подарки» (I, 40, 28).

Издатель XVII в. Гревий (между прочим, первый хулитель Флора) воспроизвел указанное место в том виде, в каком оно значится во всех рукописях и как оно приведено у нас, но в комментариях, основываясь на том, что Орхоз не известен ни одному античному автору, кроме Флора, предложил следующую поправку: вместо *regem colchogum* — *regem que chogum*. Таким образом Орхоз исчез и вместо него появился царь Албании Ород, упоминаемый ниже в другой связи. Следующие издатели в силу ли высокого авторитета Гревия или из-за низкой репутации Флора внесли поправку Гревия в текст, хотя, повторяем, Орхоз упоминается во всех рукописях Флора.

Посмотрим, имеются ли основания совершать такое насилие над текстом. Обратим прежде всего внимание на то, что перед нами два предложения, из которых второе поясняет первое. В первом сообщается, что Помпей разбил колхов, во втором поясняется, что он заставил их царя Орхоза спуститься в равнины; в первом указывается, что он простил Иберию, во втором поясняется, что он приказал царю иберов Артоку выдать сыновей заложниками; в первом говорится, что он пощадил албанов, во втором пощада мотивируется присылкой царем албанов Ородом золотого ложа и других даров Помпею. При таком параллелизме двух латинских фраз замена упоминаемых в первой фразе «колхов» (*colchogum*) на *que chogum* является просто невозможной. Исторический анализ отрывка дает тот же результат, что и стилистический. Помпей не мог свести Орода с гор в равнины хотя бы потому, что вынужден был вернуться из Албании на полпути. Установка римского лагеря

«под самым Кавказом» может быть отнесена только к Колхиде, и от других авторов нам известно, что это произошло во время преследования Помпеем Митридата и борьбы с колхами, поддерживавшими понтийского царя.

Чтобы устранить всякие сомнения в правильности рукописного текста и существовании царя колхов Орхоза, вернемся к Гревию и его мотивировке поправки Флора. Орхоз действительно не известен ни Плутарху, ни Аппиану, ни Диону Кассию, оставившим сравнительно подробные рассказы о походе Помпея на Кавказ. Но Флор и не пользовался этими авторами, бывшими его современниками или жившими позднее его. Источником Флора были не греческие, а латинские авторы и прежде всего исторический труд Тита Ливия. Та же часть труда Ливия, которая относится к Митридатovým войнам, не сохранилась. Этим и объясняется уникальность сообщения Флора.

Не менее показательна недооценка сохраненных Флором фактических данных для изложения современными исследователями освободительной борьбы населения Испании во II в. до н. э. Даже в монографиях, посвященных этой теме, не говоря уже о работах общего характера, историю борьбы испанцев за независимость начинают с восстания лузитан в 154 г. до н. э. Правда, в периодах Ливия сохранилось свидетельство о более раннем выступлении испанцев. Под 171 г. до н. э. говорится: «Движение, которое было возглавлено в Испании Олоником». Краткость и неясность этого сообщения была причиной того, что первым героем освободительной войны испанцев считается Вириат. Между тем у Флора мы находим сообщение, раскрывающее смысл фразы Ливия: «Была бы беда и с остальными кельтиберами, если бы не погиб насильственной смертью в начале войны их вождь Олиндик, муж величайшей храбрости и отваги. Выходя к народу, он потрясал серебряным копьем, якобы посланным с неба, и, изображая прорицателя, привлекал к себе всеобщее внимание. Но когда он, одержимый тем же безумием, явился ночью в лагерь консула, возле претория его пронзило копье стража» (I, 33, 13—14).

Мы готовы простить Флору ошибку в имени предводителя кельтиберов (если только это не поправка его как человека, более осведомленного в испанских делах), как и отсутствие в «Эпитомах» имени консула, у претория которого был убит Олиндик, за поистине драгоценные подробности о первом восстании кельтиберов. Фигура Олоника — Олиндика весьма показательна для начального этапа освободительных движений. Его авторитет, как и влияние вождя первого восстания сицилийских рабов Евна, основывается на славе прорицателя, имеющего дело с богами. Якобы упавшее с неба

серебряное копьё играет ту же роль, что и белая лань Вириата, появлявшаяся в то время, когда предводитель лузитан нуждался в поднятии авторитета.

Разумеется, приведенными примерами не исчерпывается значение труда Флора как источника изучения истории римского народа от Ромула до Августа. Но и они показывают ошибочность распространенного пренебрежительного отношения к Флору. Даже если бы сохранились книги Ливия, откуда Флор черпал сведения об эпохе гражданских войн, труд Флора представлял бы интерес как отражение взглядов на римскую историю времени Адриана. Можно в полной мере согласиться с оценкой, данной Флору крупнейшим знатоком античной литературы С. И. Соболевским: «Сочинение Флора представляет собой по характеру единственное, своеобразное произведение во всей римской литературе — это какой-то гимн римскому народу на исторической основе»³⁶.

Для понимания характера труда Флора желательно сравнить его с «Римской историей» Веллея Патеркула.

Веллей Патеркул и Флор были авторами исторических трудов, охватывающих примерно одну и ту же эпоху. Это краткие исторические очерки, мало чем напоминающие обстоятельные повествования Ливия и его предшественников анналистов. Пожалуй, этим сходство исчерпывается. Все остальное составляет разительное отличие, выяснение которого поможет глубже понять каждого из авторов и эволюцию римской историографии.

Веллей написал всемирную историю, главное место в которой занимает Рим; Флор — только историю Рима и его побед. История Веллея — это рассказ о великих людях, обеспечивших Риму могущество, а себе — признательность потомков и славу; история Флора — это повествование о судьбах римского народа, о его великих успехах, достигнутых благодаря религиозности, храбрости и другим прекрасным качествам народа, и неудачах из-за пороков как печального порождения побед. Веллей проявляет постоянный интерес не только к отдельным выдающимся полководцам, но и к их родословной, к судьбам римских родов. Флор упоминает полководцев часто без их родового имени, лишь для ориентации в победах римского народа. Веллей дает не только военно-политическую историю, но и историю греческой и римской литературы, ораторского искусства, историографии, театра. Как человек времени Августа и Тиберия, Веллей не забывает упоминать о портиках, театрах, храмах и других замечательных сооружениях по мере их постройки. У Флора мы не найдем ни одного имени человека интеллектуального

³⁶ Соболевский С. И. Историческая литература II—III вв. — В кн.: «История римской литературы», т. 2. М., 1962, с. 351.

труда. Из гражданских построек Флор называет лишь театр Помпея, и то невпопад. Он не скупится на имена центурионов, но даже не упоминает, что Цицерон был великим оратором, что Ливий создал исторический труд, ставший для него, Флора, источником. Впрочем, и о себе Флор не сообщает ни слова, в то время как Веллей в отступлениях изложил собственную карьеру и родословную своего отнюдь не знатного рода. Веллей предстает перед нами как представитель интересов определенной прослойки римского общества. Где только можно, он подчеркивает роль всаднического сословия, из которого состояло окружение императоров и из которого он вышел сам. Флор же как личность неясен. Кажется, он сделал все, чтобы скрыть свои связи с тем или иным сословием и даже эпохой. Если бы не предисловие, где упоминается Траян, мы могли бы думать, что Флор — старший современник Веллея.

Не менее очевидны различия в форме труда и подходе историков к своим задачам. Веллей дает изложение событий в строго хронологическом порядке, Флор — в систематическом, выделяя внешние и внутренние (гражданские) войны. Флор не отдает особого предпочтения современной истории перед древней. Изложение у Веллея крайне неравномерно: столетие от разрушения Карфагена до смерти Цезаря изложено в тридцати пяти небольших по объему главах, семьдесят четыре года от смерти Цезаря до 30 г. н. э. — в тридцати более крупных главах. В труде Веллея имеются многочисленные экскурсы, где более подробно освещаются некоторые исторические вопросы, например основание римских колоний (I, 14—15), римские провинции (II, 38—39), или дается характеристика отдельных личностей, очерки развития греческой и римской литературы. В труде Флора нет никаких отступлений.

Веллей и Флор дали различное освещение важнейших проблем и фактов римской истории. Они едины в своем осуждении гражданских войн, но Веллей не задумывается над их причинами и готов объяснять их одним лишь честолюбием римлян. Мотивируя выступление Тиберия Гракха против сената, Веллей указывает на его боязнь ответственности за заключение договора с Нуманцией и непомерное честолюбие. Флор добавляет к этому еще один существенный мотив — стремление к народному благу. Это придает событиям иной, более трагический оттенок и делает их объяснение более глубоким и правильным, хотя фактическая сторона изложена Веллеем обстоятельнее.

Насколько точен и пунктуален Веллей в хронологии, настолько артистически небрежен в ней Флор. В его «Эпитомах» нет точных датировок с переводом из одной хронологической системы в другую,

которые типичны для Веллея. Даже в подсчете длительности крупных исторических периодов Флор допускает грубые погрешности.

Веллей менее всего заботится об эффективности рассказа и броскости отдельных деталей. Он нанизывает одну фразу на другую, что подчас затрудняет их понимание, отвлекается от основного повествования, чтобы рассказать попутно о какой-нибудь мелочи.

Для Флора риторический эффект превыше всего. Ради него он трижды готов отречься от истины, отсюда частые анахронизмы и ошибки. Рассказывая о войне с аллоброгами в конце II в. до н. э. и победе римлян, он не удерживается от эффектного описания боевых слонов, не уступающих варварам в свирепости. Использование римлянами слонов в боевых операциях против горных кельтских племен во II в. до н. э. не известно никому из авторов, оставивших более детальное описание войны с аллоброгами. Но слоны в связи с аллоброгами упоминаются у Ливия, когда речь идет о походе на Рим Ганнибала в 219 г. до н. э. Флор с наивной непосредственностью отдает слонов Ганнибала римлянам, чтобы сделать более эффектной их победу.

Сопоставление трудов Флора и Веллея Патеркула показывает, что это труды различного типа. Как исторический источник, произведение Веллея ценнее труда Флора, но последний отличается более оригинальным построением и более яркой художественной формой.

В условиях упадка общей исторической культуры в эпоху средневековья ясность изложения и совершенство формы дали Флору огромное преимущество перед Веллеем Патеркулом. Веллея никто не читал. Труд его дошел до первого издателя в начале XVI в. в виде единственной рукописи, к тому же вскоре утерянной. Первое печатное издание Веллея в 1520 г. заменило всю рукописную традицию.

Иной была судьба труда Флора. Его, бесспорно, знал и ценил один из лучших античных историков, автор монументальной «Римской истории» Аппиан из Александрии. Можно говорить не только о совпадении структур произведений этих авторов, принадлежавших к одному поколению римских интеллектуалов, но и о близости исторических концепций и мировоззрения. Так же, как Флор, Аппиан различает: «гражданские войны» и «мятежи». «Гражданские войны» (πόλεμοί εμφύλιοι = *bella civilia*) для них обоих — особый период римской истории, разделяемой на несколько отдельных этапов. Оба они полагают, что гражданские войны сыграли решающую роль в утверждении в Риме монархического режима (Flor., II, II, I; II 34; App., В. С., 1,24). Аппиан зависит от Флора также в освещении ряда частных вопросов римской истории.

В III в. влияние Флора прослеживается и в «Памятной книжице» Л. Ампелия. Ампелий использует ту же схему деления междуусобиц на «гражданские войны» и «мятежи». Близость Ампелия к Флору, замеченная уже открывателем единственной рукописи «Памятной книжицы», явилась основанием для неоднократного объединения их трудов в одном томе. В IV в. труд Флора стал источником бревиария, написанного одним из царедворцев императора Валента Руфом Фестом (или Секстом Руфом Фестом), доведенного до 369 г. Так же, как Флор, Фест освещает историю территориального расширения римской державы и возникновения римских провинций. Имеются и текстуальные совпадения. Влияние взглядов Флора на роль фортуны в возвышении империи и ее правителей ощущается и в труде биографического характера — *Scriptores historiae Augustae* (IV в.). Во введении к биографиям предшественников Диоклетиана на императорском троне Аврелия Кара, Аврелия Карина и Нумерия используются не только мысли Флора, но и его фразеология (XXX, 1 — 2). Но применение возвышенного стиля к ничтожным носителям императорской власти, подчас вымышленным персонажам, граничит с пародией.

Флора усердно читали христианские писатели Минуций Феликс (III в.) и Иероним (IV в.), заимствуя у него интересующие их факты римской истории³⁸. Августин, осуждая историков, «не столько повествующих о войнах Рима, сколько восхваляющих империю» (CD, III, 19), по всей видимости, имел в виду Флора³⁹. Флор, наряду с Ливием, Тацитом, Светонием и другими историками, послужил источником для Орозия⁴⁰.

О значительной популярности Флора в средние века свидетельствуют многочисленные ссылки на него и большое количество списков его труда. С сочинением Флора был знаком готский историк Иордан (VI в.), настолько широко за ним следовавший, что издатели Флора, начиная с О. Яна, пользуются рукописями «*De summa temporum...*» Иордана для восстановления текста Флора⁴¹. Труд Флора был источником для хроники всеобщей истории византийского летописца VI в. Иоанна Малалы, как об этом свидетельствует почтительная ссылка того на «достойного и мудрого Флора, автора эпитом Ливия»⁴²,

³⁷ Впрочем, на основании вульгаризмов в языке и сходства с трудом Псевдо-Игидия современные исследователи относят Ампелия к IV и даже к V в.

³⁸ Malcovati E. Studi su Floro, p. 69.

³⁹ Den Boer W. Florus..., p. 376.

⁴⁰ Mörgner Th. De Orosii vita eiusque historiarum libri septem adversus paganos. В., 1844.

⁴¹ Jal P. Florus, p. CXXIV. Наряду с эпитамами Флора Иордан использовал также бревиарий Феста.

⁴² Ioann. Mal., I, 8.

и близость содержания 87—209-й глав хроники и труда Флора. Поскольку принято считать, что Малала не знал латыни, высказано предположение, что сочинение Флора наряду с трудами Светония и других римских историков было распространено на греческом Востоке в переводе с латинского оригинала ⁴³.

Автор начала IX в. Эйнгард в панегирической биографии Карла Великого называет среди своих информаторов наряду со Светонием и другими древними историками также и Флора ⁴⁴. «Эпитомы», судя по ссылкам, использовал и епископ Фрекульф, составивший в 30-х гг. IX в. свою универсальную хронику ⁴⁵. Зависимость от Флора обнаруживают также хроники Гвидо из Пизы, Рахевина из Фрейзинга, Иоанна из Солсбери ⁴⁶.

К эпохе Каролингов относятся две древнейшие из дошедших до нас рукописей Флора. Началом IX в. датируется кодекс *Bambergensis* (сокращенно В). Текст сочинения в нем, в отличие от других рукописей, группируется в две, а не в четыре или пять книг. Это деление принимается большинством современных исследователей, поскольку оно отвечает намерению автора рассказать отдельно о внешних и гражданских войнах. Другая особенность В — наличие списков глав в начале каждой книги. Текст В заканчивается на II, 33, 60, т. е. отсутствует последняя, 34-я глава II книги («Мир с Парфией и обожествление Августа»). В — это единственная рукопись, дающая центральную часть 18-й главы II книги (2—6) — войну против Секста Помпея. Она имеет многочисленные пропуски, которые не совпадают с пропусками в других рукописях, но в то же время заполняет многие лакуны других рукописей и содержит меньше ошибок переписчика.

К IX же веку, но к его середине или концу, относится пергаментная рукопись, которую принято называть *Nazarianus* (сокращенно N), поскольку она хранилась в монастыре Блаженного Назария в Лорше. В N имеются некоторые пробелы, отсутствующие в рукописях той же группы, но в целом она сохраняла текст в удовлетворительном состоянии и до открытия В служила основой всех изданий Флора. XI в. датируются рукописи *Leidensis*, *Monacensis*, *Heidelbergensis*. В XII—XIII вв., кроме указанных, в ходу было еще 11 рукописных текстов Флора, что является свидетельством все возрастающей его популярности. В XIV—XV вв. к ним присоединилось еще свыше семидесяти рукописей. Всего в

⁴³ Malcovati E., Studi su Floro, p. 175.

⁴⁴ Там же, с. 70.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalter. München, 1911, 1, S. 643; 3, S. 389, 619.

библиотеках Европы учтена 91 рукопись Флора, но дальнейшие поиски могут увеличить это число⁴⁷.

Флора высоко ценили в кругах гуманистов. С его трудом был хорошо знаком Франческо Петрарка. Он указывает в одном из писем: «Цветущая краткость Флора воодушевила меня на поиски наследия Тита Ливия»⁴⁸. В «Истории Цезаря» Петрарка не только ссылается на Флора как на источник, но и дает ему оценку⁴⁹. Две рукописи Флора, принадлежавшие великому итальянскому поэту и гуманисту, ныне находятся в Париже, куда они попали в 1449 г. Одна из них содержит пометки, сделанные рукою Петрарки, но незначительные. Высказано предположение, что Петрарка изучал Флора по рукописи, которая еще не обнаружена⁵⁰.

В XIV—XV вв. Флора усердно читали и использовали и другие гуманисты, и уже тогда возник спор о личности автора «Эпитом». Доменико ди Бандино отождествил его с Юлием Флором, упомянутым Квинтилианом (X, 3, 12—13), тогда как Коллучо Салютати — с Сенеккой Старшим. Последнее мнение основывалось, по всей видимости, на «прологе», в котором Флор назван родственником Л. Аннея Сенеки и Л. Аннея Мелы, а также на замечании Лактанция о разделении Сенской истории римского народа на возрасты⁵¹.

Первое печатное издание Флора появилось в Париже без указания даты выхода и имени издателя. Новейшие исследования установили примерный год издания (1471) и имя издателя (Робер Гагиен)⁵². В начале XVI в. труд Флора был издан в Вене (1511) и Кракове (1515). По всей видимости, и издание подготовил поэт Валентин Эрк.

В оценках Флора французскими, нидерландскими, немецкими гуманистами звучит восхищение не только элегантною его стиля, но и точностью и правдивостью Флора как историка. Юст Липсий ставил Флора выше Курция Руфа и других латинских авторов, видя в нем не пересказ Тита Ливия, а оригинальное сочинение по истории римского народа⁵³. Французский гуманист Клавдий Сомез (Салмасий) во время пребывания в Гейдельберге издал Флора, снабдив книгу своей вступительной статьей и комментариями Яна Грутера⁵⁴. В основу издания Сомеза положен один из наиболее

⁴⁷ J a l P. Florus, p. CXIV sqq.

⁴⁸ Petrarca, ed. Vittorio Rossi, III, 8, 5.

⁴⁹ Historia Caes., 15, 4: «Изящная и подтянутая краткость Флора внушает тебе здесь, читатель, не только терпение, но и одобрение». Ср. там же (18, 53): «Флор — краткий и изысканный историк».

⁵⁰ De Nohias. Petrarque et l'Humanisme. P., 1892, 2, p. 36.

⁵¹ Malcovati E. Studi su Floro, p. 76.

⁵² J a l P. Florus, p. CLXIII.

⁵³ J u s t L i p s e, Elect. II, cap. 5 (Florus compendium tam Livi, a quo scpe dissentit quam rerum Romanorum scripsit).

⁵⁴ L. Annaei Flori epitome rerum Romanorum, ed. Cl. Salmasius. Heidelberg, 1609.

ценных кодексов — N, практически не использованный предшествующими издателями. Сомезу принадлежит ряд бесспорных исправлений в тексте Флора, принятых и в наши дни.

После издания Сомеза Флор становится в Европе одним из наиболее популярных древних авторов. Достаточно сказать, что лишь в Нидерландах с 1638 по 1674 г. вышло шесть изданий Флора. Во Франции и Германии в этот же период появилось по одному новому изданию. Французское издание было осуществлено А. Т. Фабри, дочерью гуманиста, обладавшей тонким филологическим чутьем.

Результаты критической работы над рукописями Флора издателей XVI и XVII вв. обобщены в утрехтском издании И. Гревия⁵⁵. Оно снабжено предисловием, в котором приводятся оценки «Эпитом» гуманистами — классиками филологии с далеко не лестными отзывами самого издателя о стиле Флора. Следуя как издатель за N, Гревий в примечаниях предлагает ряд смелых поправок, перенесенных в последующие издания Флора.

Флор принадлежит к числу античных авторов, оказавших значительное влияние на развитие европейской историографии XV—XVII вв. Его труд послужил образцом для создания светских историй с новой, отличной от феодальных и династийных хроник проблематикой. Итальянские историки-гуманисты Л. Бруни, Ф. Гвиччардини, следуя за Флором, выделяли в истории итальянских государств внешние и внутренние (гражданские) войны. В работе «Флор в Польше» Я. Левандовский показал, что исторические труды польских гуманистов Длугоша, Мартина и Иохима Бельских, Мартина Кромера вобрали не только внешнюю форму сочинения Флора, но и его содержание⁵⁶. В XVII в. почти во всех странах Европы выходили сокращенные истории европейских государств, носившие названия «Английский Флор», «Французский Флор», «Датский Флор», «Польский Флор». Излагая важнейшие факты национальной истории, авторы этих сочинений пользовались моральными и дидактическими сентенциями Флора и некоторыми элементами его исторической концепции.

Влияние Флора ощущается в трактате Ш. Монтескье «О причинах величия и упадка римлян» (1734). Монтескье принимает мысль Флора о роли завоеваний в развитии роскоши и других пороков, а также его оценку гражданских войн в Риме. В другом трактате —

⁵⁵ L. Annaei Flori epitomae, ed. J. Graevius. Utrecht, 1680. Нам знакома амстердамская перепечатка данного издания 1773 г.

⁵⁶ Lewandowski J. Florus w Polce. Wrocław, 1970, p. 119. Левандовский сам перевел Флора на польский (Wrocław, 1973), и, следуя за П. Жалем, дал заглавие труду Флора «Зарисовка римской истории».

«О вкусе» Монтескье приводит ряд примеров из «Эпитом» Флора, чтобы показать достоинства его стиля⁵⁷. Высоко оценивал Флора как историка и стилиста крупный итальянский поэт Дж. Леопарди. В исследовании «Мысли о различных философских системах и словесности» он приводит отдельные места из «Эпитом» с обширными комментариями⁵⁸. Сентенции Флора на темы морали, однако, представляются Леопарди недостаточно глубокими.

Как первое печатное издание Флора, так и издания XVI — первой половины XIX в., изобиловали лакунами и многочисленными ошибками, а также непропорциональными поправками издателей в тексте. Первым научным изданием труда Флора считается выпущенное в 1852 г. О. Яном⁵⁹. Оно впервые использовало обнаруженную незадолго до того К. Лахманом в Бамбергской муниципальной библиотеке рукопись В. Два года спустя появилось издание Флора, подготовленное К. Хальмом⁶⁰. Оно содержит ряд поправок, внесенных филологами, друзьями издателя: Ветценбергером, Моммзенем, Шпенглером и др. О. Россбах, издание которого появилось в Тойбнеровской библиотеке в 1896 г., в основном следует за рукописью В, но использует также N и L. Им учтена критическая работа над текстом Флора за три столетия⁶¹.

Предпочтение издателями второй половины XIX в. рукописи В вызвало ответную реакцию филологов XX в. Первым подверг издание Россбаха резкой, не всегда обоснованной критике Е. Мальковати. Он упрекает своего предшественника в недостаточном знакомстве с рукописной традицией, констатирует ошибочность некоторых принятых им исправлений, восстанавливает ряд мест, отвергнутых Россбахом как поздние интерполяции⁶². Е. Мальковати подготовил свое издание Флора, которое наряду с вполне приемлемыми поправками содержит мало аргументированные исправления в традиционном чтении Флора⁶³. Тот же упрек, который был высказан Мальковати в адрес Россбаха, брошен П. Жалем в адрес Мальковати — недостаточное использование рукописной традиции⁶⁴. Сам П. Жаль использовал 25 рукописей, из них 9 впервые, а также обратил внимание на разночтения в рукописях, известных Мальковати. П. Жаль возвращается к делению текста Флора на две

⁵⁷ Montesquieu Ch. Oeuvres complètes. P., 1908, III, p. 265 sqq.

⁵⁸ Leopardi G. Pensieri di varia filosofia e di bella letteratura. Firenze, 1898, II, p. 15, 24, 41, 96, 264; V, 349; VI, 160.

⁵⁹ Juli Flori Epitomae..., rec. O. Jahn. Lipsiae, 1852.

⁶⁰ Juli Flori Epitomae..., rec. C. Halm. Lipsiae, 1854.

⁶¹ L. Annaei Flori Epitomae..., ed. O. Rossbach. Lipsiae, 1896.

⁶² Malcovati E., Studi su Floro, p. 85 sqq.

⁶³ L. Annaei Flori quae extant, rec. E. Malcovati. Romae, 1938.

⁶⁴ Jal P. Florus, p. CXV.

книги и предлагает ряд новых оригинальных чтений, основанных на параллелях из литературы эпохи Римской империи.

Популярности в новое время Флор в значительной мере обязан своему стилю. Петрарка, Леопарди и другие выдающиеся поэты считают его одним из лучших стилистов в латинской литературе. Поражает умение Флора несколькими строчками обрисовать положение дел, в двух-трех словах сказать об историческом деятеле. Таково, например, удивительное по экспрессии изображение Серторианской войны, в котором не опущено ничего существенного (II, 10), или введение к истории гражданской войны Цезаря и Помпея, где автору удалось на одной странице показать причины войны, ее масштабы, длительность, участников, последовательность этапов и конечный результат (II, 13, 1—7), или характеристика Спартака, самая краткая из имеющихся и в то же время уникальная по богатству биографических сведений (II, 8, 8).

Автор стремится избежать речевых штампов и найти свои выражения для передачи сути происходивших событий в лапидарной форме. В этом отношении показательно, что он опускает ряд поговорок, навязших у римлян в зубах. Мы не найдем у него *alea iacta est*, равно как и всего романтического эпизода перехода через Рубикон. Вместо знаменитого *veni, vidi, vici* стремительность победы Цезаря передается образом молнии, которая в одно и то же мгновение «приходит, поражает, исчезает» (II, 13, 63). В то время как поэту Л. Аннею Лукану понадобилось пятнадцать тяжелых строк для передачи беседы Цезаря с перевозчиком (*Phars.*, V, 578), Флор ограничивается четырьмя словами, сохраняющими интонацию живой речи: «*Quid times? Caesarem vehis. Чего боишься? Везешь Цезаря*» (II, 13, 38). О стремлении Флора избежать повторения одних и тех же слов свидетельствует то, что, говоря о триумфах Цезаря — галльском, египетском, понтийском, — он употребляет три разных слова: *triumphus, laugus, curtus* (II, 13, 89).

В ряде случаев Флор отходит от обычного в латинском языке порядка слов. Так, он восемь раз ставит слово *amplius* (более) между числительным и именем существительным, как это до него делал поэт Гораций (*Epist.*, I, 5, 5). В четырнадцати случаях он помещает имя действующего лица в конец фразы, чтобы сделать на нем логическое ударение. Вместо *in media urbe* (в центре города) он подчас говорит *in urbe media* (города в центре), вместо *procul dubio* (вне сомнения) *dubio procul* (сомнения вне). Вместо *genitus Marte et Rhea Silvia* (рожденный Марсом и Реей Сильвией) он говорит *Marte genitus et Rhea Silvia* (Марсом рожденный и Реей Сильвией). Подсчитано, что инверсия такого рода встречается в

тексте Флора 282 раза⁶⁵. В ста случаях дополнение, выраженное родительным падежом, дается ранее подлежащего, например: *tria Romani nominis prodigia* (I, 10, 3).

Ради краткости Флор опускает в предложении подлежащее, заставляя читателя догадываться, кто является субъектом действия. Чаще всего в пропусках подразумевается «римский народ», главный герой повествования. В других случаях опускаются слово «полководцы» и отдельные имена, которые упоминались в предшествующем рассказе.

Часто в предложении отсутствует сказуемое. В 272 случаях опускается глагол «быть», в 23 случаях — глаголы со смыслом «родиться», «происходить». Вместо того чтобы сказать *cuius ex filia Romulus natus est* (от его дочери рожден Ромул), Флор говорит *cuius ex filia Romulus* (от его дочери Ромул). Опускаются также глаголы *facere, agere, dicere*.

Избегая однообразия в повествовании, Флор вводит в него риторические вопросы типа «Кто поверит?» и краткие авторские оценки — «О, позор!». В 22 случаях в тексте употреблена прямая речь.

Чтобы усилить напряжение действия и придать ему стремительность, Флор разбивает фразу на ряд коротких бессоюзных предложений типа приведенной выше в другой связи: «разбил колхов, пощадил Иберию, простил албанов» (I, 40, 28). Стремление быть изысканным порождает хиазм, синтаксический параллелизм, при котором во второй половине фразы члены предложения стоят в обратном порядке по схеме *ab ba* или по более сложной: *ab ab ba ba ba*.

Флор любит сравнивать войны с бурями, молниями, лесными пожарами, внезапно обрушивающимися снежными лавинами. Оценка этих сравнений зависит от читательского вкуса. Их высоко ценили гуманисты. В то же время тонкий знаток латинской литературы Э. Норден увидел в них непритязательные образцы цветистой африканской латыни⁶⁶. О вкусах не спорят, но все же обращает на себя внимание, что если в самом сравнении битв со стихиями нет ничего оригинального, то способ, с помощью которого они вводятся в повествование, позволяет скорее восхищаться художественным мастерством Флора, чем порицать излишества его стиля. Категоричность и смелость суждений, порождаемая краткостью, смягчается с помощью таких ограничительных слов, как *quasi, quidam*. Подсчитано, что *quasi* встречается у Флора 125 раз. В ряде случаев проза Флора носит ритмический характер, заставляя вспомнить, что автор был не только историком, но и поэтом.

⁶⁵ Sieger R. Der Stil des Historikers Florus. — «Wiener Studien», 1934, 51, S. 95.

⁶⁶ Norden E. Die antike Kunstprosa. Lpz., 1915, 2, S. 598.

Та манера письма, типичным образцом которой является труд Флора, выработана риторическим образованием. Школы риториков, как это видно из тацитовского «Диалога об ораторах», имели влиятельных противников среди оппозиционному императорскому режиму знати, среди тех, кто относился с благоговением к Цицерону и видел в ораторском искусстве форму политической деятельности. Но императорская власть, узурпировавшая права римского народа, оказывала школам риториков покровительство, поскольку было ясно, что система обучения в них готовит послушных подданных, а не мятежных граждан. Риторы не учили мыслить. История, содержащая столь взрывоопасный для критического ума материал, использовалась ими для ученических упражнений на темы, весьма далекие от жизни и современности. Риторическое образование наложило отпечаток на все виды литературы и художественной деятельности, став знаменем эпохи. Поэзия становилась риторикой, а проза, в том числе и историческая, приобретала поэтическую окраску. Наиболее характерной особенностью произведений, создаваемых в начале II в. выучениками риторических школ, была краткость.

Указанные особенности стиля и художественной манеры «Эпитом римской истории» создают значительные сложности их перевода. Чтобы заставить Флора заговорить на чуждом ему языке, требуется не только передать мысль в столь же лапидарной форме, но и сохранить речевые интонации, аллитерации, игру слов, а в некоторых случаях и рифмы. Способы и история преодоления этих трудностей делают переводы Флора интересной страницей в развитии европейской классической филологии.

Первые переводы Флора относятся к XVI—XVII вв., и это вообще одни из первых попыток дать новое звучание латинской речи. Немецкий перевод появился в 1536 г., итальянский — в 1546-м, французский — в 1580-м, английский — в 1618-м, польский — в 1646-м, датский — в 1699-м.

Значительно позднее появился первый русский перевод, выполненный Львом Прохоровым⁶⁷. В целом это ценный источник для знакомства русского читателя рубежа XVIII — XIX вв. с римской историей в сравнительно полном ее объеме. Переводчик, больше, насколько нам известно, не пробовавший своих сил в работе с античными авторами, обладал сносными знаниями латинского языка и определенным литературным вкусом. Его перевод нельзя назвать буквальным и в то же время на него не подействовала характерная для эпохи тенденция к нивелировке иноязычных произведений и приспособлению их к собственным эстетическим требованиям.

⁶⁷ Луция Анния Флора четыре книги от времен Ромула до Цезаря Августа с латинского на русский язык перевел регистратор Лев Прохоров. М., 1792.

Л. Прохоров стремится перенести Флора из латинской речевой стихии в русскую, сделать его понятным русскому читателю. Отсюда появление в переводе «кулачного бойца» вместо *gladiator*, «лобного места» вместо *rostra*, «роты» вместо *cohors*, «ратуши» вместо *curia*.

Подобный подход к передаче иноязычной исторической лексики может быть назван функциональным. Действительно, «лобное место» выполняло в Древней Руси функцию, в какой-то мере сходную с функцией *rostr* и более подходящего слова для замены латинского *rostra* в русской лексике нет. Но «лобное место» является далеко не точным эквивалентом римских *rostr*. Правда, лобное место занимало на Красной площади то же центральное положение, что и *rostr* на форуме, и так же служило для обращения к народу. Но римские *rostr* были символом гражданственности, чего никак нельзя сказать о лобном месте, и этот символ, как стремится показать Флор в соответствующей фразе, был попран в эпоху проскрипций, когда на *rostr*х выставлялись головы проскрибированных. Для передачи сложной системы представлений и ассоциаций, связанных со словом *rostra*, переводчику остается одно — оставить слово без перевода. Но переводчики того времени — и не только русские — не видели такой возможности и, очевидно, исходили из низкого уровня знаний исторических реалий читателя или из нежелания засорять родной язык чужеземными словами.

В 1835 г. появился перевод Флора на немецкий язык В. Паля⁶⁸. Это была шестая и к тому времени наиболее удачная попытка ознакомления немецких читателей с «Эпитомами». Естественно, что переводчик воспользовался опытом своих предшественников, изучил обширные комментарии к Флору на латинском языке. К тому же перевод появился в то время, когда как романтическая реакция на практику французского перевода эпохи классицизма развиваются тенденция к максимальной близости перевода к оригиналу и одновременно стремление передать своеобразие последнего средствами родного языка. Все это переводчик обозначает словом *Geist* (дух) и обвиняет своих предшественников в том, что они не передали «дух времени». Во многих случаях переводчик сохраняет колорит античной эпохи, оставляя латинские термины без перевода и объясняя их в комментариях. Здесь, однако, он непоследователен. Так, он постоянно дает немецкие названия рек — Рейн, Дунай, Мозель, Везер, вместо того чтобы сохранить латинскую терминологию. Стремясь приблизить Флора к немецкому читателю, Паль допускает ошибки, подобные тем, какие мы наблюдали в переводе Л. Прохорова. Слово *plebs* он переводит словом *Pöbel*, имеющим

⁶⁸ L. Annaeus Florus. *Abriss der Römischen Geschichte*. Uebersetzt von W. Pahl, 1—2, Stuttgart, 1835.

уничжительный оттенок — «чернь», хотя в оригинале этого оттенка нет. *Gladiatores* у него иногда *Gladiatoren*, но большей частью *Fechter* (фехтовальщики). *Germani* он передает словом *Deutschen*, хотя в немецком языке имеется соответствующее *Germanen*. Перевод Паля имеет ряд чисто литературных достоинств: стремление передать краткость и энергичность языка Флора и, что не менее существенно, художественный образ, содержащийся в оригинале. Перевод Паля осуществлен с издания, не учитывавшего кодекс В, что свойственно всем переводам, появившимся до 1855 г. Поэтому использование его в наше время нецелесообразно.

Англоязычная литература обладает вполне удовлетворительным переводом Е. С. Форстера, основанным на издании О. Россбаха⁶⁹. Впрочем, переводчик часто не справляется с трудностями адекватной передачи точной и короткой фразы Флора и, чтобы исключить двоякое толкование, прибегает к описаниям.

Высокими литературными достоинствами отличается последний французский перевод, принадлежащий большому знатоку римской литературы и исследователю гражданских войн в Риме П. Жалю. Являясь не только переводчиком, но и издателем Флора, П. Жаль проникает в тайну фразы Флора и стремится передать ее ритмический рисунок. Заслуживает похвалы его стремление сохранить как стилистические удачи Флора, так и неудачи, например повторение в одном предложении одних и тех же слов из-за неумения найти синоним. В то же время переводу П. Жалю присуща определенная модернизация, выразившаяся не только в передаче древних названий рек и городов в современном французском звучании, но и во введении в некоторых случаях современной политической терминологии.

В основу настоящего перевода положено тойбнеровское издание Россбаха, но мы знакомы и с более поздними изданиями Е. Мальковати и П. Жалю и прибегаем к ним в тех случаях, когда их чтение и трактовка спорных мест кажутся нам наиболее удачными.

Наш перевод сохраняет то же деление текста, которое принято О. Россбахом,— на книги, главы и параграфы. Перед началом каждой главы имеется цифра (или цифры), указывающие номера книг и глав в тех изданиях Флора, где принято деление на четыре книги.

Переводы произведений античных авторов всегда сопровождаются комментариями. «Эпитомы» в них особенно нуждаются из-за стремления Флора к максимальной краткости. В комментариях мы восстанавливаем полные имена римских консулов и других должностных

---

⁶⁹ Lucius Annaeus Florus. Epitome of Roman history with English translation E. S. Forster. London — Cambridge, 1928.

лиц и политических деятелей прежде всего для того, чтобы избежать путаницы. Нашей целью было также выявить допущенные Флором ошибки и неточности, но также и реабилитировать его от обвинений в небрежности, если те были основаны на недостаточно глубоком проникновении в текст или на гиперкритической моде разных периодов развития классической филологии. В тех случаях, когда тот или иной сообщаемый Флором факт требует разъяснения, мы ссылаемся на его более полное изложение у других авторов. Мы не ставили своей целью фиксацию всех разночтений, которые имеются в рукописях Флора, и указываем на них лишь в тех случаях, когда требуется обосновать то или иное толкование текста.

ГЛАВНЫЕ ИЗДАНИЯ АННЕЯ ФЛОРА

Издатель	Год издания	Место издания
Gagienus (?)	1471	Paris
Aldus	1521	Venetia
El. Vinetus	1554; 1563	Poitiers
Ian. Gruterus	1597	Heidelberg
J. Freinshemius	1632	Strassburg
A. T. Fabri	1674	Paris
J. G. Graevius	1680	Utrecht
L. Belgerus	1704	Köln
L. A. Dukerus	1722	Leiden
F. N. Titze	1819	Praha
G. Seebode	1821	Leipzig
Pierrot Ragon	1826	Paris
N. E. Lemaire	1827	Paris
O. Jahn	1852	Leipzig
C. Halm	1854	Leipzig
O. Rossbach	1896	Leipzig
E. S. Forster	1929	London
E. Malcovati	1938	Roma
P. Jal	1967	Paris

ЛУЦИЙ АМПЕЛИЙ

Из дошедших до нас античных бревиариев «Памятная книжица» (*Liber memorialis*) Луция Ампелия — кратчайший: всего 50 глав! Некоторые из них состоят всего из двух-трех фраз. Менее одной книги! Но масштаб дискуссий, ведущихся вокруг этого труда в науке нового времени, несоразмерен его величине, да и в познавательном отношении *Liber memorialis* дает больше, чем можно было бы ожидать от произведения столь конспективного характера.

Время создания «Памятной книжицы» — предмет давних споров. Первый издатель манускрипта Клод Сомэз (Салмазий) отнес ее появление ко времени Аполлинария Сидония, поскольку последний вскользь упомянул некоего Ампелия (*Carin.*, IX, 301)¹. Й. Сорн, напротив, считал, что Ампелий — современник Аммиана Марцеллина, ибо в его «Деяниях» назван префект Рима антиохиец Ампелий (XXVIII, 4, 3)². Некоторые исследователи пытались датировать «Памятную книжицу», опираясь на имя Макрина, которому Ампелий посвятил свой труд. Так, К. Глезер отнес *Liber memorialis* к 218 г. н. э., поскольку отождествил адресата с императором Макрином³. Л. Эрман отождествил Л. Ампелия с другом императора Адриана Луцием из города Патры в Ахайе⁴. К Тжукке в предисловии к своему изданию *Liber memorialis* отнес это произведение ко времени императора Феодосия⁵; М. Цинк и Эд. Вёльфин — ко времени Адриана и Антонин⁶, Г. Роден — ко времени Диоклетиана и Константина⁷. Издатель Л. Ампелия Н. Терцаги — к

¹ L. Annaei Flori rerum Romanorum libri IV additus L. Ampelium cod. ms. nunquam antehac ed. Cl. Salmasius. Lugduni Batavorum, 1638.

² Sor n J. Einige Bemerkungen zum «Liber memorialis» des Ampelius.— Programm Gymnasium Laibach, 1901, S. 3 f.

³ Gl ä s e r K. Das Zeitalter des Ampelius.— RhM, 1843, № 2, S. 145 f.

⁴ H e r r m a n n L. Lucius de Patras et le Liber memorialis.— AC, 1973, 42, p. 532 sq.

⁵ L. Ampelii Liber Memorialis in usum scholarum emendatus/Ed. C. Tzschucke. Lpz., 1793.

⁶ Z i n k M. Zum Liber Memorialis des L. Ampelius.— Eos, 1886, II, S. 317 sq.; W ö l f l i n Ed. De L. Ampelio libro memoriali. Göttingen, 1854, S. 44. Такого же мнения придерживается С. И. Соболевский в краткой заметке об Ампелии.— История римской литературы, т. II. М., 1962, с. 354.

⁷ R o h d e n H. von. De mundi miraculis quaestiones selectae. Bonn, 1885, p. 3 sqq.

V в.⁸, Э. Ассман — к IV в., к «столетию бревиариев», когда появились компендии Аврелия Виктора, Феста Авиена и биографии SHA⁹.

Как и в других случаях, когда об авторе нет сведений в античной традиции, единственный путь к выяснению хронологии произведения — анализ текста. Из упоминания в «Памятной книжице» о Траяне (47,6) явствует, что Ампелий жил спустя какое-то время после этого императора. Но когда? Эд. Вёльфлин обратил внимание на то место книги, где говорится о г. Селевкии на Тигре, находящейся под властью парфян (50,1)¹⁰. Речь может идти о Селевкии, восстановленной после ее сожжения Авидисом Кассием, легатом императора Луция Вера, в 165 г. (Dio Cass., LXXI, 2,2—4). Для того чтобы город такого масштаба мог быть восстановлен, потребовалось бы не менее 10 лет. Поэтому за *terminus post quem* разумно принять 175 г. *Terminus ante quem* дает, как мы полагаем, сообщение Ампелия о богато украшенном храме Аргоса (8,6). В 267 г. Аргос был почти полностью уничтожен готами, и Ампелия (или его источник) не могла бы удивить красота храма. В этом же направлении хронологическое указание дает сообщение Ампелия о храме Дианы Эфесской как о невредимом (8,12). В 253—268 гг. при императоре Галиене этот храм был уничтожен.

Итак, Ампелий жил ориентировочно между 175 и 267 гг. Отнесение его произведения к более позднему времени, на наш взгляд, невозможно и по ряду других обстоятельств. В *Liber memorialis* нет никаких следов той политической ситуации, которая возникла в Римской империи после основания Константинополя. К тому же, если бы Константинополь был основан до написания «Памятной книжицы», Ампелий не преминул бы упомянуть его в главе 7-й, где говорится о Геллеспонте «между двумя прославленными городами — Абидосом в Европе, Сестосом в Азии» (7,5). Ампелий также не сказал бы в 18,9, что Сулла был единственным, отказавшимся от власти, так как в 305 г. добровольно отказался от трона Диоклетиан.

Считая заключения о времени жизни Ампелия, опирающиеся на исторические реалии текста, неубедительными, Э. Ассман пришел к выводу, что единственно надежными хронологическими указаниями являются особенности языка произведения¹¹. Он выделил ряд отдельных слов¹² и выражений¹³, которые будто бы позволяют считать, что «Памятная книжица» написана не ранее 300 г. Эту же дату, на его

⁸ Terzaghi N. Ampeliana. — Studi italiani di filologia classica, 1947, № 22, p. 92.

⁹ Assmann E. Der Liber memorialis des Lucius Ampelius. — Philologus, 1940, V. 94, S. 213—221.

¹⁰ Wölflin. De L. Ampelio libre memoriali, S. 44 — 49.

¹¹ Assmann. Der Liber memorialis des Lucius Ampelius, S. 216 f.

¹² См., например, Spani вместо Hispani, Thraci вместо Thraces, Eufrat вместо Euphrates, dextrum вместо dextrum, tertius вместо tertius, Imeto вместо Hymetto, columpna вместо columna, dampnati вместо damnati, Gracum вместо Grachum, Ligurgus вместо Licurgus, bullesco в значении ferveo, honorari вместо honorare.

¹³ Например, bellum certare, exercitum vastare, vir bellator, facies publica.

взгляд, подтверждают наличие в книге посвящения, ритмическая организация текста и редкое имя автора. Однако приведенные самим Э. Ассманом параллели указывают, что два десятка слов и выражений поздней латыни, встречающиеся у Ампелия, характерны как для III, так и для IV в. Посвящения книги отдельному лицу действительно обычны для IV в., но они встречаются и значительно раньше, в I в. — у Веллея Патеркула, Валерия Максима, Квинтилиана — и поэтому не могут служить датирующим признаком. Ритмическая организация текста не составляет какой-либо специфической особенности IV в.: к ней прибегали Веллей Патеркул и Л. Анней Флор и другие авторы предыдущих веков¹⁴. Имя Ампелий встречается в текстах как III в. (CIL, VI, 8498 — 217), так и IV в. (P. Ampelius — Cod. Theod., XIII, 5, 10; CIL, VIII, 5335 — 364; Cod. Just., I, 28,2; Sym. ep., II, 33a). Большее количество имен в IV в., очевидно, объясняется тем, что от него дошло большее число литературных текстов. Итак, Э. Ассману не удалось доказать, что Ампелий — автор IV в., современник Феста Авиена, Вегетия, Вибия Секвестра, Орозия и Иордана. Нет никаких оснований для его отнесения ко времени Диоклетиана и Константина, тем более к позднейшей эпохе.

Вопреки предположению Й. Сорна об Ампелии как выходеце из азиатских провинций¹⁵, имеются указания, что он римлянин африканского происхождения. Во-первых, только один из названных Ампелием городов «круга земель» — Цезаря Маврстанская — характеризуется как «великолепнейший город» (38,2). Во-вторых, в перечне морей Средиземноморья одно Сиртское море, омывающее центральную часть североафриканского побережья, получает образное описание (7,5); Африка занимает исключительное положение при истолковании происхождения мифов (2,1). В-третьих, лишь Ампелию известна карфагенская богиня Картера, мать финикийского Геракла (9,12), — свидетельство особой осведомленности автора в религии карфагенян и их романизованных потомков. В-четвертых, несмотря на обзорный характер труда, Ампелий упоминает выступление Сципиона Назики против глана Катона Старшего, предусматривавшего разрушение Карфагена (19,11). В-пятых, ошибка в написании римского имени Fufetius — Suffetius по ассоциации с *sufes*, *sufetis*.

Если согласиться с этими соображениями об Ампелии как выходеце из Африки, не должно показаться слишком смелым высказанное еще в прошлом веке предположение о тождестве адресата книги с М. Оппелием Макрином¹⁶, ставшим императором после убийства солдатами Каракаллы. М. Оппелий Север Макрин Август родился

¹⁴ О ритмической организации текста у Саллюстия и Ливия см. Aili H. The Prose Rhythm of Sallust and Livy. Stockholm, 1979.

¹⁵ S o r n. Einige Bemerkungen...

¹⁶ Gl ä s e r. Das Zeitalter des Ampelius.

в 164 г. в той же Цезарее (Dio Cass. LXXIX, 16,2), которую, как мы уже знаем, прославляет Ампелий. Это был первый властитель Рима, открывший эру солдатских императоров, человек, не связанный с сенатом, не обладавший обязательным для римского государственного деятеля образовательным цензом, но опытный администратор и военный. Разумеется, если Макрин «Памятной книжицы» и император Макрин — одно лицо, то посвященный ему труд должен был быть написан еще в начале взлета Макрина по административной лестнице, когда он занял должность «начальника перевозок» (*praefectus vehiculorum*) по Фламиниевой дороге. Честотлюбивый провинциал, достигший в 208 г. чина прокуратора эрария (*Vita Macrini*, 4, 7), видимо, ощущал недостатки образования и поэтому обратился к своему земляку с просьбой изложить все, что может ему понадобиться в практической деятельности. Примечательно, что Ампелий не снабдил своего Макрина, «желающего знать все», даже элементарными сведениями по стратегии и военному делу, поскольку в этой области не мог быть его наставником.

Композиция *Liber memorialis* определяется изложением от общего к частному, от космоса и природы к историческому человеку. В главах 1—5 излагаются кратчайшие и элементарные сведения по космографии, астрономии, метеорологии, в 6—7 — об обитаемом мире, в 8 — о его естественнонаучных и художественных чудесах, в 9 — о религии. Остальные главы (10—47) представляют собой выборочные списки ассирийских, мидийских, армянских, македонских, древнеримских, каппадокийских, александрийских, нумидийских, мавретанских, парфянских царей, афинских, спартанских, римских политических деятелей, суммарные изложения войн Рима с Карфагеном, Македонией, Сирией, Нумидией, а также гражданских войн в Риме.

Есть основания думать, что в своем первоначальном виде «Памятная книжица» была несколько шире дошедшей до нас рукописи. Название 8-й главы «[Чудеса мира], что на земле» заставляет предположить, что существовала глава, посвященная диковинам на морях. Несколько нарушен первоначальный порядок глав. Это ясно из отсылок автора в сообщениях об Антиохе (33,2) и Югурте (37,3) на предшествующий рассказ — *qui scriptus est*, тогда как об этих царях говорится в последующих местах (соответственно 47,2; 47,4). Отсюда следует, что Ампелий первоначально сообщал о римских завоеваниях, а затем давал списки восточных царей¹⁷.

Составитель произведения с такой разнообразной тематикой, как

---

¹⁷ Издатель тойбнеровского текста Ампелия Эд. Ассман предлагает следующий правильный порядок глав: 1 — 24, 27 — 28, 1, 43 конец — 47, 39,1 — 3, 28,2 — 4, 39,4, 48 — 50, 29, 25 — 26, 40 — 43 нач., 30 — 38.

«Памятная книжица», должен был пользоваться не каким-либо одним источником, а несколькими произведениями естественнонаучного, мифологического и исторического характера¹⁸. Из двух ссылок на римского историка Саллюстия (19,8; 30,5) создается впечатление, что компилятор не просто желал блеснуть своей эрудицией, но и был действительно знаком с историческим трудом, в котором впервые в римской историографии излагалась история Африки. В 30,5 имя Саллюстия появляется в связи с возникновением царства Митридатидов. Как и другие древние историки, Ампелий возводит родословную понтийских царей к Артабазу, одному из семи персов, свергших Лже-Смердиса. Рассказ об этой родословной должен был содержаться в V книге «Истории» Саллюстия и входить в экскурс, предшествующий изложению Митридатидовых войн. Имсна «семи персов» у Ампелия (30,4) имеют несколько иное написание, чем у Геродота (III, 70), что предполагает иную историческую традицию, которой, очевидно, следовал Саллюстий.

Имеется еще одно свидетельство знакомства Ампелия с несохранившимся трудом знаменитого римского историка. В кратком рассказе о второй по счету гражданской войне в Риме, выступлении Лепида против Катула, в качестве причины конфликта названы опасения, что будет разорена Сицилия (40,2). В других сообщениях античной традиции об этой гражданской войне, даже в наиболее полном рассказе Грания Лициниана (XXXVI) Сицилия вообще не фигурирует. Можно думать, что в пространном освещении этой войны Саллюстием повествование начиналось с пропреторства Эмилия Лепида в Сицилии (80 г. до н. э.), когда Лепид, очевидно, вступил в конфликт с могущественным диктатором Суллой, обвинившим его в ограблении провинции. Это, с точки зрения Саллюстия и следовавшего за ним Ампелия, могло быть толчком для последующего конфликта Лепида и его сторонников с сулланским режимом.

Видимо, к Саллюстию восходит и относящееся к рабским войнам сообщение о том, что спартаковцы были разбиты консулом Гнеем Помпеем в Этрурии (45,5). Из более подробного сообщения Плутарха, очевидно также восходящего к Саллюстию, известна похвальба Помпея и об истреблении им пяти тысяч рабов, спасшихся из сражения, по-видимому, с Крассом (Plut., Pomp., 21). Ампелий уточняет, что это произошло в Этрурии; следовательно, часть повстанцев двигалась на север, возможно, надеясь перейти Альпы. Подобных мест, дополняющих античную традицию о важнейших исторических событиях и культурных фактах, у Ампелия немало.

¹⁸ Анализ источников Л. Ампелия см. в: Assman E.— Ampelius L., *Liber memorialis*. Stuttgartiae, 1976, S. 303—329.

Но на них не обращалось внимание, поскольку автор не пользовался солидной репутацией.

В одном месте своего труда Ампелий ссылается на сицилийского историка и истолкователя мифов Эвгемера (9,2), произведение которого могло быть доступно компилятору в не дошедшем до нас латинском переводе Энния. Следы использования Ампелием «Священной истории» Эвгемера можно усмотреть и в 9,4, а также в появлении среди армянских царей не известного никому, кроме первого армянского историка Мовсеса Хоренаци, царя Бела. Поскольку использование труда армянского историка Ампелием исключается, ясно, что римский и армянский историки пользовались независимо друг от друга каким-то произведением, в котором бог превратился в древнего царя. Это отвечает тенденции труда Эвгемера, считавшего богов древними царями.

Для автора, превратившего историю в перечень биографий, естественно использование сборников биографий. Текстуальное совпадение между трудами Ампелия (14,10) и Корнелия Непота позволяют думать, что компилятор обращался также к биографическому труду Непота.

От Флора Ампелий зависит в систематизации сецессий римского плебса и в изложении гражданских войн в Риме (25,26). Как и Флор (II, 44, 65), Ампелий называет Августа «диктатором», несмотря на то, что последний решительно отказывался от этого титула (RgDA, 5), очевидно, памятуя о судьбе Цезаря. Вопреки мнению Л. Бессоне¹⁹ это не ошибка, объясняемая небрежностью компиляторов, а отражение определенной линии в римской историографии, стремление показать подлинную сущность власти принцепсов.

«Памятная книжица» открывается краткими сведениями по космографии, астральной мифологии и метеорологии. Здесь автор в общем следует за астрономико-мифографическим трудом Гигина (II в.). Исходя из представления, что земля имеет сферическую форму и разделена на пять зон, Ампелий называет центральную зону греческим словом *catasesaumene* (у Гигина — *diasesaumene*). Но у Гигина отсутствует антарктическая зона, что позволяет думать об использовании другого популярного изложения учения Эвдокса и Гиппарха.

Касаясь знаков Зодиака, Ампелий уходит из области астрономии в сферу астральной мифологии. Вслед за Гигином он объясняет происхождение созвездий, исходя из наивного представления о вознесении людей и животных на небо за те или иные оказанные богам услуги. В качестве демиургов звездного неба у Ампелия фигурируют Юпитер, Юнона, Венера, а ходатаями за дарование людям и животным бессмертия выступают Либер и Музы. Мифологические версии происхождения отдельных созвездий у Ампелия

¹⁹ B e s s o n e L. Di alcuni errori di Floro.— RFIC, 1978, № 106, p. 421—431.

и Гигина не совпадают. По-иному излагается происхождение со- звезды Девы и Большой Медведицы. Большую близость обнару- живают астральные легенды у Ампелия и Нигидия Фигула²⁰.

Географические и этнографические сведения изложены Ампе- лием в двух главах, представляющих собою перечни морей, ос- тровов, рек и гор, а также «знаменитейших народов» трех материков. Среди этих народов в Азии нет армян и многих других народов, хотя в исторической части труда сообщается о царях Армении и имеется отрывок о царе галатов Бренне, без упоминания его имени (32,2).

Во времена, когда выявились признаки деградации античной куль- туры, очень активно воспринималось и переживалось историческое и культурное прошлое. Едва ли не в каждом городе открывались и оберегались реликвии героической эпохи или следы деятельности ис- торических лиц более поздних времен. В храме Спарты легковерным чужестранцам показывали яйцо Леды (Paus, III, 16,1), в Гадесе — золотую пряжку ремня Тевкра (Philostr. Vit. Apoll., V, 5), в Капуе — двойной кубок Нестора (Athen., XI, 489), в Колхиде — железный якорь корабля аргонавтов (Arg. Peripl. Ponti Euxini., 11).

В соответствии с этим интересом к старине Ампелий поведал об остатках греческих древностей в Греции, Малой Азии и Сирии. Его список чудес уникален и не совпадает с перечнями чудес у других 24 авторов парадоксографических трудов²¹. Город Амбракия на ионийском побережье Грeции мог бы вызвать исторические ассоциации в связи с его участием в Пелопоннесской войне на стороне Спарты (Herod., VIII, 47) или как столица державы Пирра (Strab., VII, 7, 6). Однако Ампелия привлек в Амбракии рисунок автохтона, в котором разглядели Кастора, Поллукса и Елену (8,2). Сведения о героической древности Амбракии не сохранились, но о них могло сообщаться в утраченном труде Афанада «Амбракия». Дионисий Галикарнасский сообщает, что корабли Энея на пути в Италию проходили мимо Амбракии и там высадился прорицатель Ἑλένης (Arch., 1,50). Естественно считать, что в тексте вместо Helena надо читать Helenos: Елена... никоим образом не была связана с Амбракией. В описании чудес Арголиды (8,5) имеются параллели с рассказом Павсания (11,7,7). Ампелий является единственным из античных авторов, который сообщает о Пергамском алтаре, приводя его размеры (8,14), и так же как Г. Шлиман отправился на поиски Трои с томом Гомера, Гуман приехал в Пергам с книжицей Ампелия. Классические чудеса света Ампелию не- известны. По всей видимости, кто-то из читателей Ампелия решил дополнить текст главы 8-й рассказами об Артемисионе, колоссе Родоса, египетских

²⁰ Assman E. Praefatio.— Ampelius L. Liber memorialis, p. IV.

²¹ Lanovskij J. Weltwunder.— RE, Supplbd. X, 1965, sp. 1022.

пирамидах, и эти маргиналии были введены последующими переписчиками и издателями в основной текст.

Изложение истории превращается у Ампелия в краткий биографический справочник. Имя каждого царя и политического деятеля дополняется одной или несколькими оценивающими его деятельность фразами. Чем руководствовался Ампелий, выбирая из суммы деяний те или иные факты? Почему, например, из тринадцати Птолемеев его внимание привлекли пять? Каждый из этих вопросов применительно к династии и каждому из ее представителей заслуживает специального рассмотрения.

Из множества известных традиции царей и полководцев лакедемонян Ампелий выбирает лишь одиннадцать. В основном это знаменитые воители. Из государственных деятелей, создателей спартанской конституции назван один Ликург, хотя античным авторам известен и Хилон (VI в. до н. э.), поднявший роль эфоров и ослабивший царскую власть. Естественно, что среди спартанских полководцев фигурирует и Тиртей и изложена противоречащая здравому смыслу легенда об его афинском происхождении. Та же тенденция, характеризующая преимущественный интерес Ампелия к военной истории, выявляется в главе 15-й «Прославленные цари и полководцы афинян». Макрин, «желающий знать все», не получил сведений о Солоне и Клисфене, поскольку они не были отмечены воинскими доблестями.

Изложенная более подробно история Рима доведена Ампелием, как до него Флором, до времени Августа, но в четырех случаях автор мимоходом говорит о событиях времени Нерона и Траяна. В его поле зрения включены как внешняя, так и внутренняя история Рима: борьба патрициев и плебеев, гражданские войны. В трех главах Ампелий характеризует римское государственное устройство эпохи Республики: виды и функционирование народных собраний (48), разделение римского народа на сословные группы в различные периоды римской истории (49), типы римского государства (50). И здесь автор не выходит за рамки Римской республики, оставляя эпоху принципата в стороне.

Обзор «Памятной книжицы» Ампелия позволяет поставить вопрос о ее характере. Название и ее содержание говорят о том, что перед нами своего рода учебник. В пользу такого определения свидетельствует также четкая композиция труда, включение оживляющего изложение новеллистического материала, система подчеркиваний, нередко ритмическое построение фразы. Как памятник античной педагогической мысли книга Ампелия не имеет в древности аналогов.

Первые известия о книжке Ампелия относятся к началу XVII в. На нее ссылается Якоб Сирмонд в своем издании Аполлинария

Сидония (Apoll. Sid., IX, 301)²². Ссылки на него содержатся в комментариях Клавдия Салмазия в Парижском издании Г. Юлия Солина 1629 г.²³ Тот же Салмазий в 1638 г. впервые издал *Liber memorialis*, объединив ее, как это стало делаться впоследствии, с «Римской историей» Флора²⁴. С 1638 и до 1976 г. компендий Ампелия издавался 44 раза²⁵.

Дижонская рукопись, легшая в основу *editio princeps*, судя по особенностям орфографии, была списком X—XI вв., сделанным в том же Дижоне в период расцвета в его монастыре ученой и литературной деятельности, с рукописи IX или X в., которая впоследствии была утеряна. В 1853 г. немецкий филолог Эд. Вёльфлин открыл в Мюнхенской библиотеке список дижонского манускрипта «Памятной книжицы», снятый, как свидетельствуют водяные знаки на бумаге, между 1580 и 1596 гг. (ныне *cod. lat. Mop. 10383 a*). Это 10 листов размером 17,5 × 28 см, часть которых исписана с обратной стороны. Мюнхенским манускриптом пользовался Салмазий (обнаружены поправки и пометки, сделанные его рукой), а также какой-то другой ученый, имя которого не удалось установить.

Перевод нами сделан с тойбнеровского стереотипного издания Э. Ассмана²⁶, которое сменило наиболее авторитетное издание прошлого века Эд. Вёльффлина. Отклонения в понимании текста оговариваются нами в комментариях. Названное в сноске издание В. Колонны было нам недоступно, но о понимании итальянским лингвистом текста мы могли судить по его превосходному лексикону к «Памятной книжице»²⁷. Ампелий не привлек внимания русских филологов и историков. Отсутствовали не только его переводы, но даже упоминания о его труде. Незначительные отрывки в русских переводах вошли в хрестоматии и тематические подборки текстов античных авторов²⁸.

²² L. Ampelii ad Marinum (sic!) fragmenta, quaedam prolixioris operis extare Divine in Bibliotheca S. Benigni docuit nos olim P. Pithoeus, et praefationem ostendit.

²³ Cl. Salsasii Plinianae exercitationis in C. Iulii Solini Polyhistora. Parisiis, 1629, p. 53 A; 281 E; 287 A; 865 B; 870 A. В последней отсылке Салмазий сообщает, что он пользовался текстом древнего автора Луция Ампелия из библиотеки почтенного Франсуа Жюрета; Ф. Жюрет родился в Дижоне (около 1553 г.), издавал и комментировал «Письма» Симмаха, скончался в 1626 г. за 12 лет до *editio princeps* Ампелия. Жюре Пифу, упомянутый Якобом Сирмондом в связи с трудом Л. Ампелия (см. прим. 22), был другом Ф. Жюрета.

²⁴ L. Annaei Flori rerum Romanorum libri IV additus L. Ampelium *cod. ms. numquam antehac editum, Lugduni Batavorum, 1638.*

²⁵ Перечень изданий Л. Ампелия с 1638 по 1854 г. см. в Praefatio к тойбнеровскому стереотипному изданию (1935, 1976, p. XXVIII—XXX). Кроме того, имелись издания: Terzaghi N. Lucii Ampelii Liber Memorialis. Torino, 1943; Colonna V. Lucii Ampelii Liber Memorialis. Bari, 1975.

²⁶ Ampelius Lucius. Liber memorialis. Stuttgartiae.—Teubner, 1976 (с предисловием, указателем имен и полным перечнем слов).

²⁷ Colonna V. Lucii Ampelii Lexicon. Molfetta (Bari), 1980.

²⁸ Scythica et Caucasia, т. II, Вып. 1, с. 260—262 (лат. текст и перевод В. В. Латышева); Античный способ производства в источниках. Л., 1933, с. 462; Мишулин А. В. Спартакское восстание. Революция рабов в Риме I в. до н. э. М., 1936, с. 259.

КОММЕНТАРИИ

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ

Книга I

¹ Рукопись начинается словами *tempestate districtus*. Эпей (Epeius) — бесспорное дополнение Ю. Липсия, основанное на свидетельстве Юстина (XX, 2, 1) об Эпее, создателе «троянского коня» и основателе Метапонта.

² Царь Пилоса и предводитель пилосцев под Троей.

³ Город в Лукании на берегу Тарентийского залива. Об основании Метапонта пилосцами, кроме Юстина и Веллея, сообщают Страбон (V, 2, 5; VI, 1, 15) и Солин (II, 10). Согласно другим версиям, Метапонт был основан царем Метабом (Serv. Auct., II, 540), ахейцем Левкиппом (Strab., VI, 1, 15), Давлием из Крисы (FHG, 2, Ерhog., fr. 49), ахейцами, призванными Сибарисом для войны против Тарента (Liv., XXV, 1).

⁴ Тевкр, брат Аякса. Отличившись в схватке под стенами Трои, Аякс должен был получить доспехи Ахилла, но они достались Одиссею, что явилось причиной самоубийства Аякса (Нот., II, XI, 495 sqq).

⁵ Пирр (Рыжий) — прозвище Неоптолема, сына Ахилла и Дидании; Фидипп, сын Фессала, второстепенный герой «Илиады» (II, 678).

⁶ Страбон со ссылкой на Эфора сообщает о десяти городах, основанных на Крите после Троянской войны. Но он называет их основателем не Агамемнона, а аргосца Алфемена, сопровождаемого дорийцами (X, 4, 15).

⁷ Согласно Еврипиду (Andr., 966—970), Гермiona была обручена с Орестом до начала Троянской войны.

⁸ То есть Тиррении, тирренам, Тирренскому морю. Веллей Патеркул излагает версию Геродота о происхождении этрусков.

⁹ Пенфил — сын Ореста и Эригоны (Paus., II, 18, 5), один из вдохновителей эолийской колонизации. Тисамен — сын Ореста и Гермiony, царь Аргоса и Спарты, павший в бою с Гераклидами.

¹⁰ Согласно Геродоту (II, 145), Троя пала около 1280—1270 гг. до н. э. Эратосфен датировал это событие 1183 г. до н. э. (ар. Clem Alex. Strom., I, 21, p. 402).

¹¹ Вместо дорийцев ошибочно названы лакедемоняне, ниже — пелопоннесцы.

¹² По другой, более ранней версии легенды, Кодр пал в бою с врагами (Strab., IX, 1, 7; XIV, 2, 6; Cic. Nat. Deor., III, 49; Dennfin., V, 62).

¹³ Согласно другим авторам (Paus., VII, 2, 1; Ael. Var. Hist., 8, 5), старший сын Кодра Медон добился господства, устранив брата Нелея при поддержке дельфийского оракула.

¹⁴ См. I, 8, 3.

¹⁵ Об освоении Гадеса см.: Strab., I, 1, 2, 3; Mela, III, 46; Plin. N. H., XVI, 216.

¹⁶ Утика основана, согласно традиции, в 1101 г. до н. э. (см.: Ps.—Arist. Mir., 134; Just. XVIII, 4, 2; Plin. N. H., XVI, 216). Но археологические данные не позволяют датировать основание ранее VIII в. до н. э.

¹⁷ То есть в Ахайе, на севере Пелопоннеса.

¹⁸ Веллей следует традиции, представленной Геродотом (VII, 176) и Плинием Старшим (IV, 28). Согласно другой традиции, которую он отвергает (Нот., II, II, 677; Diod., V, 54; Strab., IX, 5, 23), Фессал был царем острова Коса, сыном Геракла и Халкиопы (или Астиохи).

¹⁹ Алет — коринфский местный герой; см. *Apollod.*, II, 3, 8; *Paus.*, II, 4, 3; *Strab.*, VIII, 8, 5 со ссылкой на Эфора.

²⁰ *Ном.*, II, II, 570; VI, 664. Но Гомер знает также Эфиру (VI, 152).

²¹ Г. Магнезия на р. Меандр. В «Р» *Asiam ac Nesiam*.

²² Кумы — древнейшая греческая колония на Западе, основанная, согласно традиции, в 1050 г. до н. э. Страбон (V, 4, 4) считает Гиппокла не халкидянином, а кимейцем и этим объясняет название города.

²³ *Ном.*, II, V, 304; XII, 383, 449.

²⁴ Если под «ассирийцами» Веллей понимать семитов Двуречья, то его датировка совпадает с временем объединения Двуречья под власть Саргона I (см. *Diod.*, II, 21, 25).

²⁵ Геродоту Нин неизвестен. Его имя отсутствует также в перечне ассирийских царей у Бероса. Создателем ассирийской державы и основателем Нина (Шинвию) его считают начиная с Ктесия (см. подробнее *Diod.*, II, 1—20). О захвате власти Арбаком см. *Justin.* I, 3, 5—6; *Diod.*, II, 24—28.

²⁶ Это соответствует 816 г. до н. э. В античной традиции указываются и иные даты — 824 г. до н. э. за 50 лет до падения Трои, одновременно с основанием Рима.

²⁷ По Геродоту, македонские цари вели свой род от трех братьев — Гавана, Эропа и Пердикки (VIII, 137). Феопомп называет Гавана Караном (*FHG*, I, *Theop.* frg., 30).

²⁸ Здесь, как полагают издатели, начиная с Рункена, идет вставка, сделанная чужой рукой, поскольку Эмилий Сура античной традиции неизвестен. Плиний Старший упоминает «Мамилия Сура» (*N. H.*, I, 10; XVIII, 42), но, судя по ссылке в 18-й книге, этот автор занимался агрономией.

²⁹ Гесиод говорит о своем отце и родине в «Трудах и днях»: «Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре, Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной».

(Стихи 639—640, перев. В. Вересаева)

Под карой имеется в виду приговор судей в пользу Перса, брата Гесиода.

³⁰ Основание Капуи легендарная традиция приписывала троянцу Капису, бежавшему из разрушенной Трои (*Hecat. FHG*, I, fr. 27). Согласно другой версии (Катон, Веллей Патеркул), Капуя была основана этрусками. Считали ее также колонией самнитов (*Schol. Dan. Verg. Aen.*, X, 145). Расхождение в дате основания Капуи между Катоном и Веллеем Патеркулом объясняют тем, что либо Веллей Патеркул не понял Катона, либо в рукопись Катона, которой пользовался Веллей, вкралась ошибка (*Salmon E. Samnium and the Samnites. Canbr.*, 1967, p. 38).

³¹ Поскольку Марк Виниций был консулом в 30 г. н. э., начало Олимпийских игр Веллей отнес к 777 г. до н. э., вопреки традиционной дате — 776 г. до н. э.

³² Об учреждении Олимпийских игр см. подробнее: *Paus.*, V, 4, 3; 8—9.

³³ Рим был основан в 753 г. до н. э. согласно эре Варрона или в 751 г. до н. э. согласно эре Катона. Веллей следует за Катоном, но тогда, вопреки его утверждению, Рим должен был быть основан на третьем году седьмой Олимпиады. По Цицерону (*Rep.*, II, 18) это событие произошло на втором году седьмой Олимпиады (*Cotterdale van R. La fondation de Rome chez Velleius Paterculius. — Latomus*, 1960, 44, p. 750 *suiv.*).

³⁴ Здесь начинается огромная лакуна, охватывающая 582 года римской истории. Дальнейшее изложение начинается со 168 г. до н. э.

³⁵ Обрывок фразы о Кимоне сохранил Присциан (*Prisc.*, 6, 63, p. 248, Hertz).

³⁶ Эвмен II — царь Пергама (197—160 гг. до н. э.). Об отходе Эвмена от безоговорочной поддержки Рима см.: *Polyb.*, XXIX, 5; *Liv.*, XLIV, 21, 4—10.

³⁷ Битва при Пидне 22 июня 168 г. до н. э. Подробное описание сражения см.: *Plut. Aem.*, 37.

³⁸ Гн. Октавий, претор 168 г. до н. э., консул 165 г. до н. э. Л. Аниций Гал, прагетор *peregrinus* 168 г. до н. э. О его победе над иллирийцами и триумфе см. подробнее: *Polyb.*, XXX, 14; *Liv.*, XLIV, 21, 4—10; 30—32.

- ³⁹ Против триумфа были воины Эмилия Павла, обвинявшие его в превышении власти (см. Plut. Aem., 30—32).
- ⁴⁰ Антиох IV Эпифан, 175 — ок. 164 г. до н. э. Речь идет о завершении им части сооружения, начатого при Писистратиде в 510 г. до н. э.
- ⁴¹ Посольство М. Попилия Лената относится к 160 г. до н. э., см. Polyb., XXVII, 11; Liv., XLII, 14, 6.
- ⁴² Цензоры 174 г. до н. э.
- ⁴³ В Альбе Фуцинской. Подробности смерти Персея см.: Plut. Aem., 37.
- ⁴⁴ Третья Македонская война изложена Веллеем крайне поверхностно. См. более подробный рассказ: Liv. Per., 49; Diod., XXXII, 19; Flor., I, 30.
- ⁴⁵ В 146 г. до н. э. (см. I, 12, 1).
- ⁴⁶ Сведения Веллея о строительной деятельности Кв. Цецилия Метелла Македоника наиболее подробны.
- ⁴⁷ Рассказ об изображении Лисиппом Александра — легенда.
- ⁴⁸ Согласно Цицерону (De fin., V, 27), три сына Метелла были консулами, а четвертый — претором.
- ^{48a} Алет («бродячий»), потомок Геракла, предводитель дорийцев, отнявших область Коринфа у потомков Сизифа.
- ⁴⁹ Намек на увлечение коринфской бронзой как предметом роскоши в эпоху Веллея; ср. Plin. N. H., XXXIV, 1, 5—10; Petron. Sat., 50.
- ⁵⁰ Веллей имеет в виду колонии римских граждан, *coloniae civium Romanorum*, основание которых происходило на основании решения сената в форме закона — *lex coloniae deducendae*.
- ⁵¹ Сутрий — в Этрурии, к северу от Вей. Основан в 383 г. до н. э. как латинская колония — Diod., XI, 117, 4. Поскольку в начале IV в. до н. э. вокруг Сутрия происходили жестокие бои, сложилась поговорка «идти в Сутрий».
- ⁵² Сетия — латинский город (Dion. Hal., V, 61; Plin., N. H., III, 64); с 382 или с 379 г. до н. э. (Liv., VI, 30, 9) — колония с латинскими правами, знаменитая происшедшим в ней в 198 г. до н. э. восстанием карфагенских заложников и рабов.
- ⁵³ Непе (или Непет) — латинская колония. Расхождение в дате ее основания между Ливием (VI, 24, 4) и Веллеем объясняется тем, что решение об основании колонии было принято в 383 г. до н. э., а основана она была в 373 г. до н. э.
- ⁵⁴ Обитатели одного из древнейших городов Лация, основанного, по преданию, сикулами (Nemina., fr. 2 P.) или Альбой (Solim., II, 16).
- ⁵⁵ Консулы 330 г. до н. э.
- ⁵⁶ Латинская колония с 334 г. до н. э.; ср. Liv., VIII, 16, 4.
- ⁵⁷ Город латинов на Аппиевой дороге. Согласно Ливию (VIII, 14, 10), Фунды получили *civitas sine suffragio* в 338 г. до н. э., согласно Веллею — в 332 г. до н. э.
- ⁵⁸ Колония римских граждан в Лации. У Ливия и Веллея одинаковое расхождение в датах.
- ⁵⁹ Ацерра с 332 г. до н. э. Та же дата у Ливия (VIII, 17, 12).
- ⁶⁰ Как город Лация впервые упомянута в тексте первого договора Рима с Карфагеном в 508 г. до н. э. (Polyb., III, 22, 1). Основана колония, согласно Ливию, в 329 г. до н. э. (VIII, 21, 1), согласно Веллею, — в 327 г. до н. э.
- ⁶¹ Колония в Апулии. Ливий (IX, 26, 3) датирует ее основание 314 г. до н. э., Веллей — 323 г. до н. э.
- ⁶² Римская колония в землях самнитов. Основана, согласно Ливию (IX, 28), в 313 г. до н. э., согласно Веллею — в 320 г. до н. э.
- ⁶³ Крепость в Кампании, упорно сопротивлявшаяся Риму (Liv., VII, 34; Diod., XIX, 72). Латинская колония, согласно Ливию и Фесту, с 313 г. до н. э. (Liv., XXVII, 10, 17; Fest., 458, 26 L.), по Веллею — в 320 г. до н. э.).
- ⁶⁴ Латинская колония, основанная в ходе борьбы против самнитов в 312 г. до н. э. (Liv., IX, 28, 8). Имела второе имя для отличия от умбрийской Ингерамны — Lirenas (по реке Лирис) и Succasina (под Касином).

- ⁶⁵ Город на р. Лирис в Кампании, колония вторичного образования (Liv., IX, 23, 2; X, 1, 1).
- ⁶⁶ Первоначально город эквов, основанный в год временного затишья в военных действиях (Liv., X, 1, 1 — 303 г. до н. э.).
- ⁶⁷ Карсеолы — город в землях эквикулов. Согласно Ливию, колония с 302 г. до н. э. (X, 3, 2) или с 298 г. до н. э. (X, 13, 1), у Веллея — с 302 г. до н. э.
- ⁶⁸ Колония римских граждан, основанная в Кампании в 296/295 г. до н. э. на месте находившегося здесь греческого города Синопы (Liv., X, 21, 7).
- ⁶⁹ Минтурны — колония с римским правом, основанная в устье р. Лирис в 295 г. до н. э. Решение об этом было принято в 296 г. до н. э. (Liv., X, 21, 8).
- ⁷⁰ Латинская колония на границе Лукании и Апулии, основанная в 291 г. до н. э. Ср.: Dion. Hal., XVII/XVIII, 5. Родина поэта Горация. Ныне — Висноса.
- ⁷¹ То есть в 290 г. до н. э.
- ⁷² Латинская колония, основанная на севере Этрурии в 273 г. до н. э. Ср. Plin., N. H., III, 51.
- ⁷³ Римская колония в Лукании, на территории греческой Посидонии. Была знаменита в древности розами и керамикой. Ср. Athen., XIV, 632.
- ⁷⁴ Аримин (ныне Римини) — латинская колония в Умбрии, основанная в 268 г. до н. э. Ср. Eutrop., II, 16.
- ⁷⁵ Беневент — колония с римским правом, основанная в Самнии в 164 г. до н. э. Помимо Веллея см.: Fest., p. 25 L.
- ⁷⁶ Фирм — колония с латинским правом, основанная в 264 г. до н. э. в Пицене.
- ⁷⁷ Каструм — колония на тирренском побережье, основанная, согласно Веллею, в 264 г. до н. э.; у Ливия (Ер., II) была более ранняя дата.
- ⁷⁸ Колония с латинским правом в Самнии с 263 г. до н. э.
- ⁷⁹ В «А» — Aefulum, в «Р» — Aesulum. Обычно его отождествляют с упомянутым Плинием Старшим городом Умбрии Aesis — Plin. N. H., III, 13 (см. Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. до н. э. М., 1971, с. 81).
- ⁸⁰ Альсий — латинская колония, основанная в 247 г. до н. э. (Liv., XXVII, 38, 4 и след.) на месте древнего города, приписывавшегося пеласгам (Dion. Hal., I, 20). Тирренское побережье Италии.
- ⁸¹ В «А» и «Р» Fregellaque. Но дата основания — 245 г. до н. э. — колонии римских граждан Фрегепы (Liv. Ер., 19) позволила внести бесспорную поправку.
- ⁸² Брундизий с 244 г. до н. э. Ср. Liv., XXIII, 48, 3.
- ⁸³ Колония с латинским правом в Умбрии. Ср. Cic. Valb., 48; Liv. Ер., 20.
- ⁸⁴ Ошибка Веллея в подсчете лет. Флоралии учреждены в 233 г. до н. э., одновременно с основанием храма Флоры (Plin. N. H., XVIII, 286).
- ⁸⁵ Колония с латинским правом, основанная в 218 г. до н. э. в долине Пада как крепость против галлов (Polyb., III, 40, 5; Tac. Hist., III, 34).
- ⁸⁶ Латинская колония, основанная в 218 г. до н. э. в долине Пада (Polyb., III, 40, 4).
- ⁸⁷ Бонония (ныне Болонья) — римская колония со 189 г. до н. э., согласно Ливию (XXXVII, 57, 7). Дата Веллея Патеркула — 187 г. до н. э.
- ⁸⁸ Веллей и Ливий (XXXIX, 44, 10) дают одну и ту же дату основания Пизавра (ныне Пезаро) — 185/184 г. до н. э.
- ⁸⁹ Римская колония в Пицене (Liv., XXXIX, 44, 10). Не путать с одноименным городом в Лукании.
- ⁹⁰ Колония с латинским правом, основанная в 181 г. до н. э. на Адриатическом побережье Италии и призванная обеспечить верность Риму соседнего племени истров — Liv., XL, 34, 2. Название колонии по реке Аквилис.
- ⁹¹ Римская колония, основанная в 181 г. до н. э. (так же и Ливий — XL, 29, 1) на Тирренском побережье Италии, в устье р. Марта, на месте этрусско-греческого порта, очевидно, того же названия.
- ⁹² Колония с латинским правом в Цизальпийской Галлии, близ Пизы. Дата основания колонии у Веллея совпадает с датой Ливия (XLI, 13, 4) — 177 г. до н. э.

⁹³ Римская колония, основанная на месте греческой колонии Дикеархии (Plin. N. H., III, 61). Согласно Ливию, ПUTEОЛЫ были основаны во время Второй Пунической войны (XXIV, 12, 4). Вторично колонисты были посланы в 194 г. до н. э. Таким образом, дата Веллея (около 177 г. до н. э.) расходитсЯ с датой Ливия, и он этого не скрывает.

⁹⁴ Дата основания Салерны — римской колонии в южной части Кампании, согласно Ливию (XLI, 27, 10), — 168 г. до н. э. — несколько расходитсЯ с датой Веллея.

⁹⁵ Римская колония на Тирренском побережье Лукании со 194 г. до н. э., согласно Ливию (XXXIV, 45, 2); CIL, X, 1781.

⁹⁶ Кельтский город (usuma — высоколежащий) в Пицене, куда были посланы римские колонисты, согласно Веллею — в 157 г. до н. э., по Ливию — 174 г. до н. э. (Liv., XLI, 27, 10).

⁹⁷ В «А» и «Р» — Серю. Поскольку Аппиан сообщает, что запретил строить театр консул Сципион Назика (В. С., I, 28, 1), некоторые издатели изменяют Серю на Сцирю.

⁹⁸ Фабратерия — город герников на берегу р. Сакко. Римская колония Новая Фабратерия, получившая позднее название Фрегеллы, была основана в 124 г. до н. э. вместо разрушенной в ходе подавления восстания 126 г. до н. э. латинской колонии.

⁹⁹ Сколаций (у Страбона и Птолемея Σκωλάκιον, у Вергилия — Scylaleum) — древнейший город на восточном побережье Бруттия. Его основателем считали Одиссея (Serv. Auct. Aen., III, 53). Основанная в 123 г. до н. э. римская колония получила название Scolacium Minervium.

¹⁰⁰ О колонии Нептунии без указания ее имени см. Strab., VI, 3, 4.

^{100a} В 122 г. до н. э. На самом деле об этом сообщается ниже II, 7, 8.

¹⁰¹ О колонии Дертона сообщает Плиний Старший (N. H., III, 49), Страбон — о значительном лигурийском городе Дертона на полпути между Генуей и Плацентией (V, 1, 2). Иных дат основания колонии, чем у Веллея, не сохранилось.

¹⁰² Эпоредия (Eporedia) была основана в 100 г. до н. э., но не на территории лигурийского племени Северной Италии багиеннов, а в области салассов (Strab., IV, 6, 7; Ptol., III, 1, 34). Отсчет ведется от основания в 123 г. до н. э. Нарбона.

¹⁰³ Веллей рассматривает развитие талантов по поколениям, выделяя в каждом из них трех его выдающихся представителей. Длительность поколения определяется не числом лет, а возможностью встречи старшего представителя одного поколения с младшим в его тройке. Самому младшему из трех греческих драматургов Еврипиду в год смерти старшего (Эсхила) было 16 лет; Софокл же был моложе Эсхила на 27 лет.

¹⁰⁴ Три комедиографа перечислены по старшинству. Аристофан был старше Эвполида на четыре года.

¹⁰⁵ Менандр (343 — 293) был по возрасту младше Филемона (361 — 263) и Дифила (360 — 280), но Менандр назван первым по таланту и значимости творчества.

¹⁰⁶ Сократа, Платона и Аристотеля Веллей не относит к одному поколению, поскольку Аристотель не мог видеть Сократа (он родился через 15 лет после гибели Сократа).

¹⁰⁷ Поколение Исократ (436—338) Веллей не перечисляет, но это не означает, что он не знает о том, что самый талантливый в этом поколении — Демосфен. Веллей в последних главах I книги занимается не историей греческой и римской литературы, а иллюстрацией своего открытия о длительности поколения. И он не ошибается в том, что не было ни одного выдающегося греческого оратора, который не был учеником Исократ или не мог быть его слушателем.

¹⁰⁸ В том, что, называя трех римских комедиографов, Цецилия Стация (234 — 166), Теренция (190 — 159), Афрания (вторая половина II в.), Веллей опускает самого талантливого представителя этого поколения — Плавта (284 — 184), опять-таки нет по отношению к последнему какой-либо дискриминации, так же как ее не было применительно к Демосфену. Ибо он не сомневается в том, что его читатель сам вспомнит имя Плавта.

¹⁰⁹ Таким образом, Веллей выделяет два поколения римских ораторов, относя к первому племяду ораторов, процветавших после падения Карфагена и Коринфа, — П. Лициния Красса, умершего в 130 г., Г. Лелия (185 — 115), Тиберия Гракха

(185 — 129), Гая Гракха (154 — 121), Гая Фанния, консула 122 г., и Сервия Сульпиция Гальбу, умершего в 129 г. Из этого поколения исключен Катон Старший, которого называли Демосфеном римского ораторского искусства, но он умер до 146 г. и принадлежал другому поколению. Ораторов поколения Цицерона Веллей не называет, предоставляя это сделать своим читателям.

¹¹⁰ В «Р» — *alut aemulatio ingenia*. Издатель Эллис исправил на *aluntur*, К. Штерман — на *alitur*. Мы вслед за Эллегаром оставляем *alut*; ср. *Cic. Tusc.*, I, 4; *Ponos alit artes*; *Quint.*, I, 2, 26; *Firmiores in litteris profectos alit aemulatio*.

¹¹¹ Пиндар (518—443) пользовался в древности славой величайшего после Гомера поэта. Из римских авторов до Веллея восторженную оценку Пиндару дал Гораций (ОЛ. IV, 3, 1 и сл.).

¹¹² Алкман — лирический поэт VII в., прославленный «парфениями» — стихами для хоров юных девушек.

Книга II

¹ Об отсутствии «страха перед врагом» (*metus hostilis*) как причине упадка нравов в Риме после победы над Карфагеном см. *Sall. Cat.*, 10, 1; *Iug.*, 41, 1; *Liv. Praef.*, 9.

² *a negotiis in otium*. Противопоставление *negotium* — *otium*, кроме этого места — II, 78, 2. Оно присутствует также у Ливия и у современника Веллея — Валерия Максима (см. *A p d r e* *Otium chez Valere Maxime et Velleius Paterculus.* — *REL*, XLIII, 1965, p. 294 sqq.).

³ П. Сципион Назика Коркул (наилучший), консул 162 и 155 гг. до н. э., цензор 159 г. до н. э. совместно с М. Попилием Ленатом. Помимо упомянутого Веллеем портика он также поставил первые в Риме водяные часы (*Varro L. L.*, VI, 4; *Plin. N. H.*, VII, 215).

⁴ Двойной портик с бронзовыми капителями на колоннах был воздвигнут Гн. Октавием на Марсовом поле между цирком Фламиния и театром Помпея в память о победе над иллирийским царем Генфием во время Третьей Македонской войны (см. I, 9, 5). Это сооружение — свидетельство богатства и могущества «новых людей», к числу которых принадлежал Гн. Октавий.

⁵ Вириат, вождь восставшего племени лузитанов в Испании (147—139 гг.).

⁶ Кв. Помпей, консул 141 г. до н. э., «новый человек» (*Cic. Verr.*, II, 5, 18). Заключенный им договор с нумантийцами (140 г. до н. э.) не был ратифицирован сенатом.

⁷ Г. Гостилий Манцин, консул 137 г. до н. э. О мире с Нумантией в 136 г. до н. э. см.: *Plut. Tib. Gracch.*, 5; *Cic. Off.*, III, 30; *De or.*, I, 40.

⁸ В 321 г. до н. э. римское войско попало в ловушку в Кавдинском ущелье, что вынудило консулов Тита Ветурия Кальвина и Спурия Постумия заключить с победителями-самнитами невыгодный для Рима договор. Лица, ответственные за его подписание, были выданы врагу (*Liv.*, IX, 1 sqq.; *Cic. Off.*, III, 30).

⁹ Нарушители договора наносили оскорбление богине *Fides* (Верности).

¹⁰ В 133 г. до н. э.

¹¹ Это утверждение противоречит сведениям большинства античных авторов, связывающих дарование гражданских прав италикам с программой Г. Гракха и Фульвия Флакка. Однако из изложения Аппианом речи Тиб. Гракха, в которой говорилось о бедственном положении италиков (В. С. I, 9), можно заключить, что в античной традиции имелась линия, связывающая изменение положения италиков с именем Тиб. Гракха.

¹² В «Р» *statum*, в «А» *factum*. Нами принято чтение «Р».

¹³ П. Корнелий Сципион Назика Серапион, консул 138 г. до н. э.

¹⁴ П. Корнелий Сципион Назика, консул 191 г. до н. э., двоюродный брат Сципиона Африканского. Он был провозглашен *vir bonorum optimus* за то, что в 204 г. до н. э. доставил из Остии в Рим статую «матери богов» (*Liv.*, XXIX, 14).

¹⁵ В этой детали Веллей расходится с другими авторами. Согласно Аппиану (В. С., I, 16), Сципион Пазика накинуд край тоги на голову. По Плутарху (Tib. Gracch, 19), края тоги вокруг левой руки обмотали следовавшие за Сципионом Назикой сенаторы.

¹⁶ Аталл III Филометор умер в 133 г. до н. э., не оставив наследников. Неясно, завещал ли он свое царство Риму сам или завещание было поделано.

¹⁷ Аристоник был незаконным сыном Эвмена II. Объединив под своей властью всех недовольных, он обещал им создание справедливого государства — «государства Солнца».

¹⁸ М. Перпенна, консул 130 г. до н. э., победивший Аристонику и взявший его в плен. Поскольку после этого он умер, войну со сторонниками Аристоники завершил Маний Аквиллий, консул 129 г. до н. э., который и провел Аристонику в своей триумфальной процессии.

¹⁹ П. Лициний Красс Муциан, консул 131 г. до н. э.

²⁰ Г. Папирий Карбон, народный трибун 131 г. до н. э.

²¹ В таком выносе тела не было ничего необычного. Ср. Aug. Victor, 58: *obvoluto capite elatus est*. Противопоставлением *velato capite* — *extulerat caput* автором достигается чисто риторический эффект.

²² П. Корнелия Сципиона Африканского.

²³ Децим Юний Брут, консул 138 г. до н. э. Он получил когномен *Gallaecus* за покорение в 142—143 гг. до н. э. Галикии, западной части Таррагонской Испании.

²⁴ Кв. Цецилий Метелл Македонский восвал с кельтибрами в 144—143 гг. до н. э.

²⁵ Город в Таррагонской Испании, к югу от Сарагоссы.

²⁶ Кв. Фабий Эмилиан (сын Эмилия Павла и родной брат Сципиона Эмилиана), консул 145 г. до н. э., возглавивший вместе с Л. Гостилием Манцином войну против *Вириага* в Испании, куда он прибыл в качестве легата своего брата.

²⁷ По свидетельству Цицерона (Brut., 126), Г. Гракх не имел себе равных в красноречии. Авл Геллий указывает, что, по мнению некоторых, Г. Гракх был как оратор выше самого Цицерона (N. A., X, 3, 1).

²⁸ В 123 г. до н. э. Тот же мотив у Флора (II, 3, 1).

²⁹ Народный трибун Г. Лициний Столон вместе с коллегой Л. Секстием Латераном внес предложение об ограничении пользования *ager publicus* в 375 г. до н. э.

³⁰ *armatos* исправление Гелсения. В «А» и «Р» — *armatus*.

³¹ Гораций Коклес, согласно преданию, один сдерживал на мосту через Тибр войско царя Порсены.

³² «Опимианское вино» — поговорка в значении «старинное, прекрасное, ныне не существующее вино». Тримальхион угощал на своем пиру «Опимианским фалерном» — в смысле «птичьим молоком» — Petr. Sat., XXIV.

³³ Отрывок от слов: «к особенно вредоносным» до «участия в переписи» помещен в «А» и в «Р» перед 15-й главой. В XIX в. издатели переместили его в 7-ю главу, где он кажется менее чужеродным.

³⁴ В 122 г. до н. э. под названием *iunopia*.

³⁵ См. I, 15, 5. Повторение здесь является логичным, поскольку дата основания Карфагена указывает на время вызова граждан для участия в цензе.

³⁶ В 115 г. до н. э. Г. Цецилий Метелл Капрарий отмечал триумф за победу над фракийцами, а М. Цецилий Метелл (консул 115 г. до н. э.) — за победу над сардами.

³⁷ Кв. Фульвий Флакк, консул (в третий раз) 212 г. до н. э.

³⁸ Л. Манлий Ацидин Фульвиан и Кв. Фульвий Флакк — консулы 179 г. до н. э.

³⁹ Речь в первом случае идет о цензуре Г. Цецилия Метелла Капрария и Кв. Цецилия Метелла Нумидийского в 104 г. до н. э., а во втором случае о цензуре П. и Л. Корнелиев Сципионов в 340 г. до н. э.

⁴⁰ М. Минуций Руф, консул 110 г. до н. э. Триумф над скордисками (кельтское племя в Паннонии) относится к 106 г. до н. э. Портик, служивший для хлебных

раздач, был сооружен около 100 г. до н. э. на Марсовом поле, между цирком Фламиния и Тибром.

⁴¹ Сервий Сульпиций Гальба, консул 144 г. до н. э. О нем как об ораторе см. *Cic. Brut.*, 86 sqq.; *Liv.*, XLV, 35 sqq.

⁴² Г. Фанний, консул 122 г. до н. э., оратор и автор «Анналов» (см. *Cic. Brut.*, 99 sqq.).

⁴³ Г. Папирий Карбон, консул 120 г. до н. э. (см. выше примеч. 20).

⁴⁴ Известны два оратора с этим именем: М. Эмилий Скавр — консул 115 г. до н. э., глава оптиматов (*Cic. Brut.*, 110—116) и М. Аврелий Скавр — консул 108 г. до н. э. (*Cic. Brut.*, 139—144).

⁴⁵ Л. Лициний Красс, консул 95 г. до н. э. О нем как об ораторе см. *Cic. Brut.*, 162.

⁴⁶ М. Антоний (143—87 гг. до н. э.) — политический деятель и оратор (см. *Cic. Brut.*, 139—144).

⁴⁷ Г. Юлий Вониск Цезарь Страбон, оратор, видный сторонник оптиматов, павший жертвой проскрипций Г. Мария в 87 г. до н. э. (*Cic. Brut.*, 177).

⁴⁸ П. Сульпиций, народный трибун (см. II, 18, 5). О нем как об ораторе см. *Cic. Brut.*, 203.

⁴⁹ Кв. Муций Сцевола, консул 95 г. до н. э., сторонник оптиматов, пал жертвой проскрипций Г. Мария Младшего в 82 г. до н. э.

⁵⁰ Л. Афраний, латинский поэт, автор *comodiae togatae*. Цицерон называет его «остроумнейшим поэтом, речистым даже в своих комедиях» (*Brut.*, 167).

⁵¹ М. Пакувий (ок. 220—130 гг. до н. э.), латинский драматург, автор двенадцати трагедий и одной претексты. Оценку его творчества см. *Cic. De or.*, III, 27; *Ног. Ер.*, II., 1, 56.

⁵² Л. Акций (170—85 гг. до н. э.), латинский трагический поэт.

⁵³ Г. Луцилий (ок. 168—102 гг. до н. э.), знаменитый римский сатирик. О нем см. *Gell.*, XVII, 21, 49; *Cic. De or.*, II, 284.

⁵⁴ Л. Корнелий Сизенна (ок. 120—67 гг. до н. э.), претор 78 г. до н. э., защитник Г. Верреса в процессе, прославившем Цицерона. «История» Сизенны насчитывала 12 книг и охватывала период с 90 до 82 г. до н. э.

⁵⁵ Л. Целий Антипатр, автор исторической монографии о войне Рима с Ганнибалом (см. *Cic. Brut.*, 102).

⁵⁶ П. Рутилий Руф, консул 105 г. до н. э., философ-стоик и писатель, автор воспоминаний о своей бурной жизни (см. *Cic. Brut.*, 113—115; *Val. Max.*, II, 10, 5).

⁵⁷ Кв. Клавдий Квадригарий, автор «Анналов» в 23 книгах, крупнейший историк Рима до Тита Ливия. Его труд был одним из источников Ливия (см. фрагменты его труда: *Peter II. HRR*, p. 238—245).

⁵⁸ Валерий Антипатр, современник Клавдия Квадригария, автор «Анналов» не менее чем в 75 книгах, наиболее часто цитируемый Ливием историк.

⁵⁹ Л. Помпоний из Бононии (первая половина I в. до н. э.), автор *fabulae atellanae*. Его нельзя назвать изобретателем нового жанра, поскольку он лишь придал литературную форму народным сценкам (см. о нем: *Macr. Sat.*, VI, 9, 4).

⁶⁰ Цензоры 125 г. до н. э. Таким образом, Веллей ошибается в датировке их цензуры на пять лет.

⁶¹ Гн. Домиций Агенобарб, консул 122 г. до н. э., победил аллоброгов, а затем совместно с преемником по консулату Кв. Фабием Максимом — аллоброгов и арвернов.

⁶² Кв. Фабий Максим, консул 121 г. до н. э., внук Эмилия Павла, павшего в битве при Каннах, и сын Эмилия Павла, победителя Персея.

⁶³ В «А» и «Р» *natus equestri loco*. Некоторые издатели, начиная с Фоссия, безосновательно предлагают читать *agresti loco*.

⁶⁴ *Sр. Sall. sug.*, 64 — *superbia commune nobilitatis malum*.

⁶⁵ Между 123 и 109 гг. до н. э. шесть Метеллов были консулами и цензорами, однако триумф отмечали лишь пять Метеллов.

⁶⁶ Слова *praesaventibus fatis* (предостережение судьбы) следует понимать в том смысле, что судьба предупредила, что в будущем Сулла будет удачливым соперником Мария.

⁶⁷ Бокх — царь Мавритании, выдавший римлянам своего зятя Югурту.

⁶⁸ Сначала был разбит претор Гн. Папирий Карбон (см. о нем II, 4, 4), в 109 г. до н. э. — консул М. Юний Силан, в 107 г. до н. э. были разгромлены Кассий Лонгин и Кв. Сервий Цепион, избранный консулом на 106 г. до н. э.; Манлий Максим, консул 105 г. до н. э., потерпел поражение в битве при Араузионе. М. Аврелий Скавр, консул-суффект 108 г. до н. э., легат 106 г. до н. э., в этой же битве попал в плен к кимврам и был ими убит.

⁶⁹ Гн. Домиций Агенобарб, народный трибун 104 г. до н. э. Со 103 г. до н. э. до кончины (около 99 г. до н. э.) — великий понтифик. Предложенный им *Lex Domitia* относится к 104 г. до н. э.

⁷⁰ Ср. *App. В. С.*, I, 32, где дается несколько иное освещение деятельности Сервилия Главции и Апулея Сатурнина.

⁷¹ В «А» и «Р» — *modicam*. Хальм и вслед за ним Стегман вносят неоправданное исправление *inmodicam*.

⁷² Слова *area domus suae* могут быть поняты лишь путем сопоставления с другими контекстами употребления слова *area*. *Area templi* — участок перед храмом, двор, составляющий вместе со зданием неотъемлемую часть святилища (*Macr. Sat.*, III, 4, 2). Юристы рассматривают *area* как участок, прилегающий к дому (*Dig.*, 19, 2, 57). Он может отдаваться внаем; рассматривается возможность возведения построек на чужой *area* (*Dig.*, 12, 6, 33). На нем разбивались огороды и сады, могли совершаться захоронения. Слово *area* представляет собой древний культурный термин, обозначающий незастроенную часть в планировке большого дома: ср. лидийскую сакральную формулу *aarai biraï-k* — двору и дому, где *bira* — средиземноморский строительный термин, видимо, вытеснивший индоевропейское название дома, постройки. По Фесту, *area* находится перед зданием, имея в центре атрий. По Плинию Младшему (II, 17, 4), *area* замыкается атрием и портиком. Все эти данные позволяют определить место гибели Ливия Друза: он был убит во дворе, не успев пройти внутрь здания. Сенека (*Ad. Luc.*, 16, 4) говорит о гибели Друза: *intra penates*, т. е. в атрии. Эллегуар, следуя за Сенекой, переводит: *dans le vestibule* (*Hellegouar c' h J. Vell. Paterculius*, p. 20). Но контекст Веллея не так однозначен, поэтому перевод «во дворе» предпочтителен. Правда, вариант *in atrio* появляется среди разночтений «А» и косвенно поддерживается «Р» (при всех его недостатках), однако ставится под сомнение большинством издателей (комментарий под сноской 72 принадлежит В. Л. Цымбурскому).

⁷³ Цензорин — очевидно, М. Целий Руф, народный трибун 52 г. до н. э.

⁷⁴ Т. Статилий Тавр Сизенна, консул 26 г. до н. э. Из надписей известно о его поместьях в Северной Италии и Далмации (*CIL*, V, 322; 409; 878). Колумбарий его рода находился на Аппиевой дороге (*CIL*, V, 6213—6640). Свидетельство Веллея о доме Сизенны в Риме уникально.

⁷⁵ Попедий (или Помпедий) Силон, из племени марсов, один из главных предводителей италиков.

⁷⁶ Азиний Герий, дед знаменитого впоследствии Азиния Поллиона, один из предводителей италиков; см. *Liv. Ep.*, 73; *Eutrop.*, V, 3, 1.

⁷⁷ Инстей Катон упомянут только Веллеем Патеркулом. Поэтому не исключено, что здесь ошибка переписчика и следует читать *Vettius Scato*. П. Веттий Скато был предводителем пелигнов; см. *App. В. С.*, I, 42; 191; 193.

⁷⁸ Гай Понтидий, предводитель марсов. Аппиан называет его ошибочно Понтиием (*В. С. I*, 40).

⁷⁹ *Cosa* в «А» и «Р», *Compsa* — бесспорная эмендация Фоссия.

⁸⁰ О существовании у Гортензия «Анналов» упоминает один Веллей.

⁸¹ *Сагум* — короткий плащ, который символизировал военную принадлежность, подобно тому как *тога* — мирную и гражданскую.

^{81a} Консул 290 г. до н. э. вместе с М. Курием Дентатом. Во время второго своего консульства в 277 г. отвоевал Кротон.

⁸² Маний Аквиллий, в 89 г. до н. э. легат со специальными полномочиями, был одним из зачинщиков войны с Митридатом VI Евпатором.

⁸³ Теофан, советник Гн. Помпея Магна (Великого), был уроженцем Митилены, главного города Лесбоса.

⁸⁴ П. Сульпиций Руф, народный трибун 88 г. до н. э., в недавнем прошлом сторонник Ливия Друза Младшего. О разносторонней политической и законодательной деятельности Сульпиция Руфа см. также Liv. Ep., LXXVII; Ascon. In Cornel., 64; Plut. Sylla, 8; App. V. C., I, 55. О Сульпиции Руфе как ораторе см. II, 9, 2; 36, 2.

⁸⁵ Квинт Помпей Руф, сын Кв. Помпея Руфа, консула 88 г. до н. э., был убит солдатами Сульпиция Руфа за слишком вольный характер речи (App. V. C., I, 55).

⁸⁶ В 88 г. до н. э.

⁸⁷ Дуумвир — главная должность в римских колониях, к числу которых относились Минтурны. Дуумвиров было, как консулов в Риме, двое.

⁸⁸ Древнее, видимо этрусское, название острова в Неаполитанском заливе, известного грекам как Питекуссы.

⁸⁹ Кв. Помпей Руф (см. также II, 17, 1; 18, 6), консул 88 г. до н. э.

⁹⁰ Гн. Помпей Страбон (см. также II, 15, 3; 16, 1; 29, 1) — отец Помпея Магна, квестор 104 г. до н. э., претор 92 г. до н. э. Имел репутацию жадного и коварного человека. Ср. Cic. Brut., 47; Flor., II, 6, 14.

⁹¹ Л. Корнелий Цинна (см. также II, 22, 2 sqq.; 23, 1 sqq.; 24, 5), претор 90 г. до н. э., консул 87, 85 гг. до н. э., глава партии популяров. Ср. App. V. C., 63—78.

⁹² О Марке Антонии как ораторе см. Cic. De or., I, 38, 172.

⁹³ Кв. Лутаций Катул, консул 102 г. до н. э. Подробнее см. Cic. De nat. deor., III, 9; Tusc., V, 56; Plut. Mar., 44.

⁹⁴ Л. Валерий Флакк, претор 92 г. до н. э. С 87 г. до н. э. — сторонник Г. Мария, автор самого радикального за последние два столетия Римской республики закона против ростовщичества (ср. Sall. Cat., 33, 2); в 85 г. до н. э. был убит в Азии взбунтовавшимися легионерами по наущению легата Г. Флавия Фимбри; см. App. Mithr., 51 sqq.

⁹⁵ Подробнее об условиях Дарданского мира см. Plut. Sylla, 24.

⁹⁶ Ср. Plut. Sylla, 25.

⁹⁷ Плутарх (Sylla, 5) относит встречу Суллы с послами парфянского царя ко времени, предшествующему войне Рима с Митридатом.

⁹⁸ В начале 84 г. до н. э. в г. Анконе во время набора войска для похода против Суллы.

⁹⁹ ac iustissimo — испорченное место. Передается общий смысл.

¹⁰⁰ Остатки надписи. См. CIL, 3828. Впоследствии император Веспасиан подтвердил пожертвования Суллы (CIL, 3933; 4564).

¹⁰¹ Гн. Папирий Карбон. См. II, 24, 5.

¹⁰² Г. Марий Младший, сын Г. Мария и Юлии.

¹⁰³ Один из древнейших городов Лация, в 32 км к востоку от Рима.

¹⁰⁴ Л. Юний Брут Дамасипп. О нем см. Oros., V, 20, 4 и др.

¹⁰⁵ Л. Домиций Агенобарб, консул 97 г. до н. э.

¹⁰⁶ Кв. Муций Сцевола (авгур), консул 117 г. до н. э. См. II, 9, 2.

¹⁰⁷ П. Антистий, народный трибун 88 г. до н. э., эдил 86 г. до н. э.

¹⁰⁸ Л. Кальпурний Бестия, народный трибун 121 г. до н. э., консул 111 г. до н. э. См. Sall. Iug., 27, 4—29, 7; App. V. C., I, 167.

¹⁰⁹ Сражение произошло в десяти стадиях от Коллинских ворот (Plut. Sylla, 28—29).

¹¹⁰ Подземные ходы в Пренесте следует рассматривать как наследие времен владычества этрусков, соорудивших их в Вейях и в других городах.

¹¹¹ См. Plut. Sylla, 29; 33.

¹¹² Испорченное место. Вслед за Эллегаром (Op. cit., p. 173) мы понимаем это место не как praetor, а как «предводитель», ибо согласно Аппиану (В. С. I, 101) Оффелла претором не был.

¹¹³ Поселение на Эмилиевой дороге, где в 82 г. до н. э. были разбиты марианцы (Liv. Ep., 88; Plut. Sylla, 27).

¹¹⁴ Сулла получил титул dictator legibus ferendis constituendis Rei publicae, отражавший отличие его власти от полномочий предшествующих диктаторов.

¹¹⁵ *Histrioni ex albo redditur* — эмендация Грановия и Моммзена. В списках — MAP — *historiarum ex alto*. Место, сложное для понимания.

¹¹⁶ Подробнее о проскрипциях Суллы см. App. В. С., I, 95—96; Plut. Sylla, 31.

¹¹⁷ См. Plut. Pomp., 6. «А» и «Р» — *firmum*. *Firmum* как топоним — эмендация Карфферта.

¹¹⁸ Племянница автора сатир Г. Луцилия.

¹¹⁹ Здесь некоторые издатели предполагают лауну. В несохранившемся отрывке могло говориться о войне против Сертория.

¹²⁰ В «А» и «Р» *Etoscae. Oscae* — чтение издателей Альда (1571 г.) и Пугеана (1608 г.).

¹²¹ Эта фразеология, на наш взгляд, содержит намек на первый триумф Помпея в 79 г. до н. э., опущенный в предшествующем изложении.

¹²² В «А» и «Р» *in iure*. Мы принимаем эмендацию К. Штегмана *sine re*.

¹²³ В тексте — *fugitivi*.

¹²⁴ В тексте XLACCC. Мы принимаем чтение издателя Ж. Эллегуара XLIX.

¹²⁵ В «А» и «Р» — *per omnia maiore vi habebatur*. Хейнсий (1678 г.) предложил *ispravit maiore vi na maior civi*. Мы оставляем чтение «А» и «Р».

¹²⁶ В «А» и «Р» — *biennium*. Но чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами были даны претору 74 г. до н. э., поэтому поправку Краузе (1800 г.) — *septennium* — мы считаем бесспорной.

¹²⁷ М. Антоний (насмешливое прозвище Кретик — «Критский»), претор 74 г. до н. э., но сохранявший свои проконсульские полномочия в 73—71 гг. до н. э., был разбит на Крите и там умер. Отец триумвира.

¹²⁸ В «А» *sed, interdum levat ut exemplo nocet*. Мы не считаем это место испорченным, выпало лишь второе *interdum: sed interdum levat, ut interdum exemplo nocet*.

¹²⁹ Квинт Лутаций Катул, консул 76 г. до н. э. Данный эпизод относится к 67 г. до н. э., когда законопроектом А. Габиния предоставлялось не только командование флотом, но и неограниченные полномочия во всех провинциях (Plut. Pomp., 25; Dio Cass., XXXVI, 30). Катул выступал против этого закона.

¹³⁰ Л. Аврелий Котта, претор 70 г. до н. э., консул 65 г. до н. э.

¹³¹ Закон Л. Росция Отона о выделении всадникам особых мест в театре относится к 67 г. до н. э.

¹³² Согласно Плутарху, «Ксерксом в тоге» Лукулла называл стоик Туберон (Luc., 39). Но последний умер до Митридатых войн, и речь может идти о сыне стоика Туберона Кв. Эллине Тубероне, авторе юридических сочинений и истории не менее чем в 14 книгах. Возможно, историк Туберон называл Лукулла «римским Ксерксом» не от своего имени, а так же, как Веллей, со ссылкой на Помпея.

¹³³ Квинт Цецилий Метелл Македоник Кретик, консул 69 г. до н. э., противник Помпея. Флор (I, 42, 6) излагает мотивы поведения Помпея иначе, объясняя его вмешательство стремлением спасти побежденных критян от жестокости Метелла.

¹³⁴ Если Вергилий устами своего героя еще утверждал интеллектуальное превосходство «других», т. е. греков, скромно оставляя римлянам лишь войну и политику (Aen., VI, 847), то литература времени Августа давала основание Веллею ставить римские таланты наравне с греческими и считать, что Цицерон был первым из тех, кто обеспечил это равенство.

¹³⁵ Веллей Патеркул, видимо, умышленно прячет под словом «сенаторь» Гая Юлия Цезаря, инициатора указанного предложения. Последующая фраза содержит

намек на того же Цезаря, которого некоторые считали тайно примыкающим к заговору.

¹³⁶ В «А» и «Р» — *Satonem Cottam* — эмендация Альда.

¹³⁷ Г. Сульпиций Гальба, тесть Г. Гракха, продолжавший после смерти последнего осуществлять его реформы. О Г. Сульпиции Гальбе как ораторе см. *Cic. Brut.*, 127 sqq.

¹³⁸ М. Калидий, претор 57 г. до н. э. Выступал за возвращение Цицерона из изгнания. Принадлежал к ораторам-аттицистам. О нем как о выдающемся ораторе см. *Cic. Brut.*, 274—278.

¹³⁹ М. Целий Руф, народный трибун 52 г. до н. э. Кроме Веллея Патеркула, никто не говорил о Целии как о выдающемся ораторе.

¹⁴⁰ Публий Лициний Мацер Кальв, выдающийся оратор и историк, сторонник популяров. См. *Sall. Hist.*, III, 48; *Cic. Att.*, I, 2, 4; *Plut. Cic.*, 9, 2.

¹⁴¹ Валерий Мессала Корвин, известный оратор, сторонник Брута и Кассия. См. II, 71, 1; 84, 1; 112, 1.

¹⁴² Трудно сказать, имеется ли в виду знаменитый политический деятель и ученый М. Теренций Варрон (ок. 116—27 гг. до н. э.) — стихами были написаны его «Менипповы сатиры» в 40 книгах, а также «Поэмы» в 10 книгах, — или П. Теренций Варрон Атацин.

¹⁴³ Испорченное место.

¹⁴⁴ Г. Рабирий, автор поэмы «Об Александрийской войне». Цицерону он известен как философ (*Acad.*, I, 5).

¹⁴⁵ Знаменателен пропуск Горация, как в I, 17 — Плавта.

¹⁴⁶ *Stipendiaria facta* — эмендация Америкса. В «А» и «Р» — *stipendia facta*.

¹⁴⁷ Сицилия стала римской провинцией во время Второй Пунической войны, при консулах М. Клавдии Марцелле и М. Валерии Левине, в 210 г. до н. э.

¹⁴⁸ Провинция Африка создана из бывших владений Карфагена в Ливии в 146 г. до н. э.

¹⁴⁹ Консульство Т. Манлия в 234 г. до н. э.

¹⁵⁰ О закрытии храма Януса см. также *Flor.*, II, 34, 64.

¹⁵¹ Согласно вычислениям Веллея Патеркула (если брать точкой отсчета 30 г. до н. э. как дату написания труда), экспедиция братьев Сципионов в Иберию должна была состояться в 220 г. до н. э., т. е. до начала Второй Пунической войны, что является ошибкой в хронологии.

¹⁵² Превращение Македонии в римскую провинцию произошло в 148 г. до н. э., после подавления восстания Андриска, выдавшего себя за сына Персея Филиппа. Эмилией Павел, разбивший Персея, оставил Македонию независимой от Рима, но разбил ее на четыре части с главными городами.

¹⁵³ О Л. Муммии см. также I, 12, 1 и 5; I, 13, 1 и 2, 4; II, 128, 2.

¹⁵⁴ Квинт Фульвий Нобилиор, консул 153 г. до н. э., цензор 136 г. до н. э. вместе с Аппием Клавдием Пульхром.

¹⁵⁵ После битвы при Магнезии в 190 г. до н. э.

¹⁵⁶ Провинция Азия со 130 г. до н. э.

¹⁵⁷ Квинт Цецилий Метелл покорил Крит в 69—67 г. до н. э., подавив сопротивление его населения.

¹⁵⁸ *Omissimus* — эмендация Гейнсия. В «А» и «Р» — *amissimus*.

¹⁵⁹ В «А» и «Р» — *Ignavum*. Эмендация Альда — *in aerarium*.

¹⁶⁰ Лакуна в тексте. Речь, видимо, шла о превращении Нумидии в провинцию и о присвоении Метеллу почетного имени Нумидийский.

¹⁶¹ Винделики (*Vindelici*, также *Vindolici*, *Vindalici*) — кельтская народность в приальпийской области. Территория винделиков была присоединена к Риму в результате походов Тиберия и Друза. В 15 г. до н. э. она была не провинцией, а военным округом (см. *CIL*, IX, 3044).

¹⁶² Норика — одна из иллирийских народностей, обитавшая к востоку от Альп. Ее имя получила провинция Норик (*Noricum*), образованная около 10 г. до н. э.

¹⁶³ Гениохи — народность, обитавшая на западном побережье Кавказа южнее керкетов и севернее ахеев. Римское войско вряд ли входило в землю гениохов, но римский флот мог иметь столкновение с флотом гениохов, известных античной традиции как пираты.

¹⁶⁴ Ахеи — народность, обитавшая на западном побережье Кавказа севернее колхов. Античные авторы по созвучию имен отождествляли кавказских ахеев с микенскими ахейцами (Strab., IX, 2, 42; XI, 2, 1).

¹⁶⁵ Фарнак поднял восстание против Митридата, вынудив его покончить жизнь самоубийством, после чего был признан Римом в качестве дружественного и союзного царя Боспора.

¹⁶⁶ Тит Ампий Бальб и Тит Лабиев — народные трибуны 63 г. до н. э. Ср. Dio Cass., XXXVII, 21, 3. О других законах Лабиев, без участия Тита Ампия, см. Cic. Pro Rab., 6, 14; Dio Cass., XXXVII, 37, 1.

¹⁶⁷ По свидетельству Плутарха, Лукулл обвинил Помпея в том, что он отменил его распоряжения в Азии. Под «частью оптиматов» следует понимать Катона Младшего, поддержавшего Лукулла (Plut. Rompr., 46).

¹⁶⁸ Вопреки Веллею, Плутарх утверждал, что плененные пираты содержались в городской тюрьме Пергама (Plut. Caes., 2, 5).

¹⁶⁹ Плутарх (Caes., 2, 5), как и Веллей, не указывает имени Юнка. Когномен Iuncus известен в семьях Эмилиев, Клавдиев, Юниев.

¹⁷⁰ Цезарь был кооптирован в коллегию понтификов в 73 г. до н. э. вместо умершего дяди Аврелия Котты, консула 75 г. до н. э. (Plut. Caes., 1, 2).

¹⁷¹ По первом прибытии в Рим в 78 г. до н. э. Цезарь, которому тогда шел 21-й год, привлек к суду по обвинению в вымогательствах в провинции видного сулланца Гн. Корнелия Долабеллу. Защитниками Долабеллы в судебном процессе выступили опытные ораторы Г. Аврелий Котта и Кв. Гортензий. Обвиняемый был оправдан (Plut. Caes., 4; Tac. Dial., 34; Suet. Caes., 4, 1).

¹⁷² В 63 г. до н. э. после смерти великого понтифика Кв. Метелла Пия на должность великого понтифика, кроме Кв. Лутация Катула, консула 78 г. до н. э., претендовал П. Сервилий Ватия Исаврик, консул 79 г. до н. э. При этом Катул пытался подкупить Цезаря, чтобы тот снял свою кандидатуру (Plut. Caes., 7, 1; Suet. Caes., 13; Dio Cass., XXXVII, 7, 2).

¹⁷³ Имеются в виду проквесторство и пропреторство Цезаря в 64 и 62—61 гг. до н. э.

¹⁷⁴ *potentiae societas* — согласно современной терминологии: «первый триумvirат». Термин *societas* присутствует также у Светония (Caes., 19). Варрон назвал его «трехглавие» (Varr. ap. App. V. C., II, 19). У Т. Ливия триумvirат назван «заговором трех принцевов государства» (Per., 103).

¹⁷⁵ Закон был предложен и принят 1 мая 59 г. до н. э. Согласно ему, земля была роздана гражданам, имеющим троих детей. Этим Цезарь обеспечил себе поддержку 20 тысяч колонистов — столько было отцов, имевших троих детей. Ср. App. V. C., II, 10; Suet. Caes., 20, 3.

¹⁷⁶ О наказании Капуи см. Cic. Leg. Agr., 1, 19, 2; Liv., XXVI, 16. Оставшиеся в городе жители были разделены на паги (см. CIL, 10, p. 367). Веллеева дата превращения Капуи в префектуру неточна. Это произошло в 211 г. до н. э., а не в 183 г. до н. э., как подсчитал Веллей.

¹⁷⁷ При поддержке Помпея по Ватиниеву закону (конец апреля 59 г. до н. э.) Цезарь получил Цизальпийскую Галлию и Иллирик, но затем сенат добавил ему Трансальпийскую Галлию.

¹⁷⁸ Имеется в виду проникновение Клодия в дом супруги великого понтифика Цезаря во время праздника Доброй богини (см. Cic. Att., 1, 12, 3; Plut. Cic., 28; Caes., 10). Характеристика Клодия сходна с той, которую Саллюстий дал Курию (Sall. Cat., 23, 10).

¹⁷⁹ Веллей сохранил точную формулировку закона (*lex Clodia*), принятого в феврале 58 г. до н. э.

¹⁸⁰ В «А» и «Р» *victus pars* — явная описка. Мы принимаем вслед за К. Штегманом *vetus pars*, соответствующее тому, что это было второе консульство (55 г. до н. э.) Помпея и Красса. Первое их консульство было в 70 г. до н. э.

¹⁸¹ После встречи триумвиров в Луке, согласно закону народного трибуна Требония, Крассу досталась по жребию Сирия, а Помпею две Испании, объединенные в одну провинцию (см. *Cic. Att.*, IV, 10, 2; *Plut. Pomp.*, 52, 4; *Caes.*, 21; *Crass.*, 15, 7; *Cat. Min.*, 43, 4).

¹⁸² Ср. *Flor.*, II, 46, 3, где говорится о презнаменованиях только трибуна Мартелла. Плутарх, напротив, сообщает о совместных действиях всех трибунов, но называет имя лишь одного из них — Г. Атея Капитона (*Plut. Crass.*, 16, 4). У Диона Кассия действуют народные трибуны Г. Атей Капитон и П. Аквиллий Галл (*Dio Cass.*, XXXIX, 32, 3).

¹⁸³ Веллей намекает на то, что Лентул стремился любыми путями избавиться от обременявших его долгов и в этих обстоятельствах мог пожертвовать интересами государства.

¹⁸⁴ Домиций был послан в Корфиний принять у Цезаря, вступавшего в Италию, его полномочия (*App. V. C.*, II, 38).

¹⁸⁵ В этом беглом изложении выпали факты долгих и упорных сражений Цезаря с легионами Помпея, когда он не раз терпел поражения и даже обращался в бегство (см. *App. V. C.*, II, 42—43).

¹⁸⁶ Упоминание сословий означает, что Цезарь предоставлял право выбора не всем воинам, а только тем, которые принадлежали к сенаторскому и всадническому сословиям.

¹⁸⁷ То есть зимой нового года, что обеспечило кораблям Цезаря беспрепятственный проход.

¹⁸⁸ Л. Корнелий Бальб, родом из Гадеса, за свои заслуги в Серторианской войне, переведен в Рим, где получил римское гражданство. С 49 г. до н. э. он находился при Цезаре, выполняя его дипломатические поручения в Александрии и в Испании. Бальб был автором не дошедшего до нас труда исторического или мемуарного характера, отрывок из которого сохранил Светоний (*Suet. Caes.*, 81 = *Corn. Balb.*, *frag.* 1). Сведения Веллея о подвиге Бальба могут восходить либо непосредственно к труду последнего, либо к труду автора, пользовавшегося сочинением Бальба. Скорее всего, это был Азиний Поллион.

¹⁸⁹ Далее следует лакуна, которую издатель Рунк заполнил, опираясь на *Suet. Caes.*, 75, 2; *App. V. C.*, II, 80: *praesones, clamantes «Parce civibus»* — «по сторонам глашатаев, восклицающих: «Пощади граждан!» Для этого ему пришлось вставить слово «*ut*» и превратить *partis* в «*partes*». Это толкование сомнительно, поскольку отсутствует слово военной терминологии, о котором выше говорит Веллей. Как мы полагаем, лакуна была довольно значительной. Ибо первая, следующая за нею фраза о Бруте предполагает, что в утраченном месте говорилось также о поисках Цезарем Брута с целью его спасти (ср. *App. V. C.*, II, 113).

¹⁹⁰ *alteri mortuo* — вставка Юста Липсия.

¹⁹¹ С весны 47 г. до н. э. и до апреля 46 г. до н. э., когда Катон Младший кончил жизнь самоубийством, он командовал римским гарнизоном в г. Утика.

¹⁹² Битва при Мунде в 45 г. до н. э.

¹⁹³ Это место может быть понято лишь из более подробных изложений последнего года пребывания Цезаря у власти. Брут и Кассий одновременно домогались высокой должности городского престола. Она была передана Бруту. При этом последнему была обещана должность консула через три года, и он не испытывал благодарности из-за такой отсрочки. Кассий же был обижен тем, что его обошли (*Plut. Caes.*, 72).

¹⁹⁴ Праздник Луперкалий отмечался 15 февраля, и этот эпизод отделял от убийства Цезаря всего один месяц.

¹⁹⁵ Как консул-суффект, еще не вступивший в права, Долабелла не мог носить консульские инсигнии, но из-за чрезвычайности обстоятельств пренебрег этой формальностью.

¹⁹⁶ Постановление, принятое после изгнания Тридцати тиранов в 401 г. до н. э., приведенное Цицероном (Cic. Phil., I, 1; Dio Cass., XLIV, 23).

¹⁹⁷ В «А» и «Р» *gravenit*; издатель Хейнсиус (1678 г.), считая написание ошибочным, предложил читать *gravenit*. Эта эмендация принята Штегмауер и другими издателями. Мы возвращаемся к первому изданию. Веллей считает своим предшественником в написании биографии Августа его самого, и это в полной мере согласуется с последующим текстом, обнаруживающим текстуальные совпадения с биографическими данными у Светония (Suet. Aug., 3), где также имеется ссылка на труд Августа.

¹⁹⁸ Атия была дочерью Юлии, сестры Гая Цезаря, и М. Атия Бальба, родом по отцу из Ариции. Веллей не без умысла опускает имя деда ее Атии по материнской линии, якобы владельца пекарни или лавки по продаже мазей (Suet. Aug., 4).

¹⁹⁹ В год смерти отца будущему Августу было четыре года (Suet. Aug., 8).

²⁰⁰ Сальвидиен Руф, римский всадник, друг юности Октавия, сопровождавший его в Аполлонию; М. Випсаний Агриппа, римский всадник, соученик Августа, сопровождавший его в поездках в Испанию и Аполлонию.

²⁰¹ Опа — римская богиня плодородия и урожая; ее храмы находились на Капитолии и на форуме.

²⁰² Сомнительное место, в «А» и «Р» — *civitatibusque*. Большинство исследователей принимают поправку издателя Рункена — *vitiatisque*. Мы, вслед за Эллегуаром, сохраняем *civitatibusque* в смысле «внесением новых граждан».

²⁰³ *Privato consilio* — выражение, засвидетельствованное в *Res Gestae Divi Augusti*, что указывает либо на непосредственное знакомство Веллея с этой надписью, либо на то, что оно присутствовало и в автобиографическом труде Августа.

²⁰⁴ На самом деле он направился в Кампанию, где в Калатии и Кизилине находились ветераны Цезаря (Nic. Dam., 31).

²⁰⁵ В бою погиб Гирций. От ран умер Панса. Ходили слухи, будто Октавий был причастен к смерти Пансы (Suet. Aug., 11; Tac. Ann., I, 10).

²⁰⁶ Ср. App. В. С., III, 86; Dio Cass., LVI, 40—41 — т. е. получили одобрение и награду лишь Марсов и четвертый легионы, перешедшие на сторону сената и его уполномоченного Г. Октавия, а не те, которые последний набрал сам и то в половинном размере по сравнению с той суммой, которую им обещал Г. Октавий. Это было открытое оскорбление Октавия, одновременно знаменовавшее конфликт между сенатом и войском.

²⁰⁷ Ср. Cic. Fam., XI, 20, 3 — *laudandum adolescentem; ornandum, tollendum*. Глагол *tollere* наряду со значением «возвеличивать» имеет смысл «устранить с пути», «лишить жизни». Таким образом, внешне всецело поддерживая Г. Октавия и вознося ему хвалу, Цицерон намекал на необходимость устранения наследника Цезаря, и этот намек был понят Г. Октавием, выразившим недовольство своим покровителем и заявившим, что он не допустит того, о чем говорит Цицерон (Cic. Fam., XI, 20, 1).

²⁰⁸ М. Ювенций Латеренс, стойкий республиканец, противник Цезаря и Антония. Описанный Веллеем эпизод относится к 43 г. до н. э., когда Латеренс был легатом Лепида.

²⁰⁹ Луций Мунаций Планк Бурса, народный трибун 52 г. до н. э.

²¹⁰ Первое упоминание Азиния Поллиона как политического деятеля (см., II, 73, 2; 76, 2, 86; 3, 128, 3).

²¹¹ Камел (или Камен) — вождь кельтского племени секванов.

²¹² См. подробнее App. В. С., III, 96, где сообщается о том, что Брут случайно оказался у Камела и был умерщвлен им по приказу Антония.

²¹³ Тиберий Каннуций, народный трибун 44 г. до н. э., противник Антония, а затем и Октавия (Октавиана).

²¹⁴ Веллей употребляет по отношению к союзу Октавиана, Антония и Лепида (второй триумвират) то же выражение, что и в отношении союза Цезаря, Помпея и Красса.

²¹⁵ П. Вентидий был проведен в числе пленников Пицена в триумфе Помпея Страбона (79 г. до н. э.). Цезарь сделал его претором. После смерти Цезаря он в течение пяти дней занимал должность консула, а в 40 г. до н. э. получил триумф за победу над парфянами.

²¹⁶ Непереводимая игра слов: *De Germanis non Gallis duo triumphant consules* — «Над германцами, не галлами триумф двух консулов». *Germani* не только германцы, но и братья.

²¹⁷ Имеется в виду Г. Юлий Цезарь.

²¹⁸ После ухода из Рима Цезаря в 48 г. до н. э. власть в городе принадлежала его коллеге П. Сервилию Исаврийскому и городскому претору Г. Требонию.

²¹⁹ Против М. Целия Руфа был послан легион, однако он был убит галльскими и испанскими всадниками Цезаря, которых перед тем пытался подкупить (*Caes. V. С., III, 22; 38; Dio Cass., XLII, 22—25*).

²²⁰ У Цезаря вместо Компсы ошибочно Коса (*Caes. V. С., III, 22, 2*).

²²¹ Однако, по свидетельству Светония (*Caes., 79*), Г. Юлий Цезарь не ограничился цензорским замечанием, а лишил священных и неприкосновенных трибунов должности. Дерзость трибунов состояла в том, что они сорвали возложенный на статую Цезаря лавровый венок, перевитый белой лентой, а человека, возложившего венок, отправили в тюрьму.

²²² Нигде в другом месте не сообщается о рассуждениях Цезаря по поводу своего характера. Очевидно, речь идет о властолюбии, выражавшемся в стремлении к царской власти.

²²³ Над дефектами внешности П. Ватиния подшучивали многие современники (*Cic. Att., II, 9, 2; Sest., 135; Vat., 4; 10*).

²²⁴ О враче Артории, предостерегшем Октавиана (Августа) перед битвой при Филиппах, см. *Val. Max., I, 7, 1; Plut. Brut., 41, 7; App. V. С., IV, 101*. Из ссылок этих авторов на воспоминания Августа видно, что Веллей либо пользовался этим источником, либо взял этот эпизод у Ливия.

²²⁵ См. о самоубийстве Кассия у Филиппа: *Val. Max., IX, 9, 2; Liv. Per., 124; Flor., II, 17, 12*. И здесь тот же общий источник — воспоминания Августа.

²²⁶ Марк Валерий Мессала Корвин (64—8 гг. до н. э.), оратор (см. II, 36, 1), государственный и военный деятель, покровитель литературы, консул 31 г. до н. э. *Pater Patriae* совместно с Августом. Именно он предложил присвоить Августу титул *Pater Patriae* (2 г. до н. э.).

²²⁷ Очевидно, М. Теренций Варрон Габба, квестор 46 г. до н. э., народный трибун 43 г. до н. э. Однако существует мнение, что это М. Теренций Варрон Лукулл, брат М. Лициния Лукулла.

²²⁸ Ливий Друз Клавдиан, приемный сын Ливия Друза, народного трибуна 91 г. до н. э., отец Ливии Друзиллы (в последующем Юлии Августы), дед императора Тиберия (ср. *Dio Cass., XLVII, 44, 10*).

²²⁹ Первый из Домициев — Гн. Домиций Агенобарб, консул 32 г. до н. э., умер в следующем году, его сын Л. Домиций Агенобарб, консул 16 г. до н. э., был душеприказчиком Августа; сын последнего, Гн. Домиций Агенобарб, — отец будущего императора Нерона. Этот наш «знаменитый молодой, Гн. Домиций» Веллея характеризуется Светонием как «гнуснейший человек».

²³⁰ По-видимому, этот Стаций Мурк был сыном или племянником одного из вождей восставших италиков в 90 г. до н. э., впоследствии сенатора, внесенного в 43 г. до н. э. в проскрипционный список и сжегшего себя в возрасте 80 лет (*App. V. С., IV, 102*).

²³¹ Сокращенная форма имени Менодор. Первоначально киликийский пират, Менодор был взят в плен Гн. Помпеем Магном, позднее став его вольноотпущенником.

В 40 г. до н. э. становится командующим флотом Секста Помпея. В 38 г. до н. э. перешел на сторону Октавиана (App. В. С., V, 297).

²³² Командующий флотом Секста Помпея, оставшийся ему верным до своей гибели в 38 г. до н. э. (App. В. С., V, 83).

²³³ Сходная характеристика Фульвии, жены М. Антония, дана Флором (II, 16, 2). Она близка также к оценке, которую Саллюстий дал Семпронию (Cat., 25, 10).

²³⁴ Светоний, напротив, приписывает все жестокости самому Октавиану, уверяя, что тот приказал принести в жертву божественному Юлию триста пленников из числа сенаторов и римских всадников (Aug., 15, 1—2. Sen. Clem., 1, 11; Cass., XLVIII, 14). Возможно, что версия Веллея восходит к автобиографии Августа (см. Hellegouarch J. Velleius Paterculus, v. II, p. 220).

²³⁵ Гай Цестий, прозванный Македоником (Македонянин), потому, что служил в Македонии (App. В. С., V, 49).

²³⁶ Тиб. Клавдий Нерон (умер в 33 г. до н. э.) был квестором в 46 г. до н. э., понтификом в 46 г. до н. э., претором в 42 г. до н. э. Светоний сообщает, что он пытался призвать к свободе рабов (Tib., 42). Здесь возможно объединение показаний источников (см. М а ш к и н Н. А. Принципат Августа. М.— Л., 1949, с. 232).

²³⁷ Ливии принадлежала основная роль в культе Августа. Дочерью его она стала считаться потому, что получила титул Augusta.

²³⁸ Ливия бежала в Сицилию к Сексту Помпею.

²³⁹ 360 судей упомянуты Плутархом в связи с процессом 55 г. до н. э. о подкупе и вымогательстве (Plut. Rom., 55). Существование в этой корпорации рангов другим авторам неизвестно.

²⁴⁰ О Гн. Домиции Агенобарбе см. II, 72, 3; 84, 2; см. 262.

²⁴¹ Кв. Сальвидиен Руф, друг юности Октавия (см. II, 59, 5), участник Перузинской войны (App. В. С., V, 121—125), в 40 г. до н. э. наместник всей Галлии. Не занимая до этого никакой должности, он стал консулом-десигнатом. Его переговоры с Антонием перед заключением мира в Брундизии были расценены Августом как предательство, и по приказу последнего Сальвидиен Руф покончил жизнь самоубийством.

²⁴² О Мизенском или ПUTEОЛСКОМ мире (39 г. до н. э.) см. Ног. Od. IV, 5, 19; Suet. Aug. 98. Помимо Сицилии и Ахайи под управление Секста Помпея передавались также Сардиния и Корсика.

²⁴³ М. Юний Силан, консул 25 г. до н. э. (CIL I², p. 58), назван среди участников Секулярных игр 17 г. до н. э. (CIL, VI, 32324).

²⁴⁴ О Г. Сентии Сатурнине см. II, 92, 1; 103, 2; 105, 1—2; 109, 5; 110, 1.

²⁴⁵ О Л. Аррунтии см. II, 85, 2; 86, 2; см. также сн. 264.

²⁴⁶ М. Титий, консул-суффект 31 г. до н. э. Его именем назван один из городов Киликии — Титиополь.

²⁴⁷ Согласно Аппиану (В. С., V, 70), Мурк был убит посланными Помпеем людьми, но, чтобы скрыть это преступление, в убийстве были обвинены рабы.

²⁴⁸ Авернское озеро — озеро вулканического происхождения над кратером глубиной до 65 м в Кампании. В 37 г. до н. э. Агриппа превратил его в «порт Юлия», соединив каналом с Лукринским озером (Suet. Aug., T. 6, 1; Элог. II, 18).

²⁴⁹ Децим Брут в письме к Цицерону характеризует Лепиду как «в высшей степени ветреного человека» (Cic. Fam., XI, 9, 1). Также и Цицерон называет Лепиду «самым опозорившимся и самым низким из всех» (Cic. Att., 9, 9, 3). Ср. также Тас. App., 1, 9.

²⁵⁰ Издатель Критк предположил заполнить лакуну, опираясь на место у Диона Кассия: «Цезарь привел своих воинов к порядку, дав им сразу деньги и немного позднее участки. И поскольку государственных земель не хватало, он прибавил к ним другие, купив их, между прочим, в Кампании у граждан Капуи, так как город в то время сильно обезлюдел, и взамен он дал капуанцам воду из Юлиева водопровода, чем они особенно гордятся, а также область Кносса, от которой они поныне имеют

доходы» (Dio Cass., XLIX, 14). Опираясь на этот отрывок, Ж. Эллегар предложил следующее восстановление лакуны: «К этому времени значительный прирост получила колония Капуи благодаря поселению на ее землях, которые оставались государственным, ветеранов» (H e l l e g o u a r c ' h J. Velleius Paterculus, v. II, p. 225).

²⁵¹ В «А» и «Р» *promissa*, которое мы сохраняем вслед за Ж. Эллегаром, вопреки Хейнсию и другим издателям, заменявшим *promissa* на *permissa*.

²⁵² В войне против Секста Помпея за победу при Наулохе в 36 г. до н. э. (App. B. C. V, 116; Verg. Aen., VIII, 684).

²⁵³ Испорченная фраза. В «А» *quo aestate tam prospere... Libium Vn Fortuna in republicam militavit in orientem*. Большинство издателей со времени Эллиса заменят *Libium* на *bellum* и *Vn* понимают как сокращение *bene*.

²⁵⁴ Оппий Стагиан вместе с десятью тысячами легионеров, обозом и осадными орудиями был окружен парфянской конницей (Plut. Ant., 38; Dio Cass., XLIX, 25, 2 — 26). Поражение Оппия Стагиана было поставлено в вину армянскому царю Артавазду.

²⁵⁵ Артавазд привел на помощь Антонию шесть тысяч пехотинцев и семь тысяч всадников (Plut. Ant., 37—38), но в ходе кампании, решив, что дело Антония проиграно, отвел свое войско. Считая Артавазда виновником своих неудач, Антоний захватил его и провел в триумфе по Александрии, после чего Артавазд был казнен Клеопатрой.

²⁵⁶ Планк был участником пантомимы на сюжет мифа о Главке. Главк в греческой мифологии — мудрый морской демон, участник похода аргонавтов и других предприятий греческих героев. О Планке при дворе Клеопатры см. Plin. N. H., IX, 121; Macr. Sat., III, 17, 16 — 17.

²⁵⁷ М. Титий, консул-суффект 31 г. до н. э., перебежавший к Октавиану и сообщивший ему, как и Л. Мунаций Планк, содержание завещания Антония (Plut. Ant., 58, 2; Dio Cass., L, 53, 1).

²⁵⁸ Г. Копоний, претор 49 г. до н. э., в 48 г. до н. э. командующий флотом Помпея. Его зять — П. Силий (Нерва). См. II, 90, 4; 101, 3; 116, 4.

²⁵⁹ Битва при Акции 2 сентября 31 г. до н. э. (ср. Dio Cass., L, 31 sqq.; LI, 1, 5; Plut. Ant., 65; Flor., II, 21; Oros., VI, 19, 10). Описание Веллея, несмотря на краткость, содержит наиболее ясное описание диспозиции сил.

²⁶⁰ Аминта был военачальником и поверенным царя Галатии Дейотара (Dio Cass., XLIX, 32), а после его смерти при поддержке Антония стал царем Галатии и Ликаонии. Переход на сторону Октавиана сохранил Аминте царскую власть в прежнем объеме.

²⁶¹ Кв. Деиллий, у Плутарха (Ant., 25; 29) — сторонник Антония, описавший его парфянский поход (Plut. Ant., 59; Strab., XI, 13). О Кв. Деиллии как перебежчике см. Sen., Suas., 1, 17.

²⁶² Гн. Домиций Агенобарб, консул 32 г. до н. э. Перейдя к Октавиану, он из-за болезни не участвовал в битве при Акции и вскоре после нее умер.

²⁶³ Марк Лурий известен как наместник Сардинии, изгнан оттуда военачальником Секста Помпея Менодором (Dio Cass., XLVIII, 30).

²⁶⁴ Л. Аррунтий (см. II, 77, 3; 86, 2), консул 22 г. до н. э., видимо, идентичен историку, написавшему, в подражание Саллюстию, труд о Первой Пунической войне (Sen. Epist., 114, 17).

²⁶⁵ Л. Геллий Публикола, военачальник Антония, которому, согласно Плутарху (Ant., 65), было поручено командование правым флангом флота.

²⁶⁶ Г. Сосий (ср. II, 86, 2) — «новый человек» родом из Пицена, легат Антония, блестяще действовавший в Сирии и Киликии (Plut. Ant., 26). Он захватил Иерусалим и поставил там царем Герода (библейского Ирода).

²⁶⁷ Г. Статилий Тавр, выходец из Лукании, консул-суффект 37 г. до н. э., ординарный консул 26 г. до н. э. первый правитель Октавиана в Македонии, затем правитель Африки. Умер в 10 г. до н. э.

²⁶⁸ П. Канидий Красс, первоначально легат Лепида в Галии, затем приверженец Антония, консул-суффект 40 г. до н. э., казнен Октавианом (ср. *Oros.*, VI, 19).

²⁶⁹ *Factum et dictum memorabile* — эти слова полностью вошли в заглавие труда Валерия Максима.

²⁷⁰ *Primus* — дополнение Альда Мануция.

²⁷¹ Меценат принадлежал по материнской линии к этрусскому роду Цильниев, представители которого обладали властью в Арреции (*Liv.*, X, 3, 2; *Tac. Ann.*, VI, 11). Август в шуточном письме к Меценату называет его «эбеновым деревом Медуллии, слоновой костью Этрурии, алмазом Севера, жемчугом Тибра, изумрудом Цильниев» (*Macr. Sat.*, II, 4, 12).

²⁷² См. II, 90,4.

²⁷³ Неясное место. В «А» и «Р» — *coqam aliego*. Издатели, начиная с Бергка, исправляли — *et coalare*. По нашему мнению, *aliego* должно быть заменено на *alieno*, что соответствует дальнейшему изложению внешних войн, а *coqam* — существительным или глаголом с основной *sig* — попечение, забота.

²⁷⁴ Г. Антистий Вет, легат с преторской властью в войне против салласиев (*App. Ib.*, III, 17), в 25 г. до н. э. легат Крайней Испании в войне против кантабров.

²⁷⁵ П. Силий Нерва, консул 20 г. до н. э., в качестве проконсула 19 г. до н. э. подавил восстание кантабров.

²⁷⁶ Август в своем «Жизнеописании» говорит о возвращении легионных орлов трех полководцев (*RgDA*, 29).

²⁷⁷ О заговоре Фанния Цепиона и Л. Теренция Мурены см. *Suet. Tib.*, 8; *Dio Cass.*, LIV, 3. Обвинителем заговорщиков в сенате был Тиберий.

²⁷⁸ Об этом неудавшемся заговоре 23 г. до н. э. см. также *Suet. Tib.*, 8, *Dio Cass.*, LIV, 3.

²⁷⁹ М. Клавдий Марцелл, сын Г. Клавдия Марцелла, консула 50 г. до н. э. Эдилитет М. Марцелла — в 23 г. до н. э. Скончавшийся в тот же год, он был похоронен в мавзолее Августа. В память о нем была создана библиотека Октавии и воздвигнут театр Марцелла. См. *Suet. Aug.*, 29, 4; 43, 5; 63, 1; 66, 3; *Tib.*, 6, 4; 10, 1.

²⁸⁰ Тиберий, будущий император, был избран квестором в 27 г. до н. э. (*Dio Cass.*, XLIII, 28). Неясно, был ли он консульским квестором (*quaestor consulis*) или выполнял специальные поручения по обеспечению Рима продовольствием в Остии, куда морем поступал хлеб из провинций (*quaestor Ostiensis*).

²⁸¹ Испорченное место. Вудмен полагает, что в словах *regnum eius Artavasdi (s) dedit* перед *Artavasdi (s)* должны быть слова *Tigranis filio*, поскольку в других источниках (*RgDA*, 27; *Suet. Tib.*, 9, 1; *Tac. Ann.*, II, 3, 2) речь идет о передаче Тиграну, сыну Артавазда, его царства (*W o d m a n A. Velleius Paterculus*, p. 101).

²⁸² Война с ретами и винделиками 15 г. до н. э., завершившаяся покорением этих народов и созданием провинции Реции.

²⁸³ *Adjutor* — официальная должность (см. *Tac. Ann.*, III, 12).

²⁸⁴ В текстах «А» и «Р» — *divisis patribus*. И. Стангер (*Stanger I. De Velleio fide*, 1863) предложил читать *divisis partibus*. Но А. Вудмен (*Velleius Paterculus*, p. 102), опираясь на соответствующие места у Ливия (XXV, 30, 6; XXXVII, 21, 8), полагает, что *divisis partibus* — технический термин, означающий «разделить ответственность за операцию».

²⁸⁵ Цензорство Павла Эмилия Лепида и Л. Мунация Планка (22 г. до н. э.) знаменовало возвращение к республиканской практике цензорской деятельности.

²⁸⁶ Марк Випсаний Агриппа умер в 12 г. до н. э. Август произнес на его похоронах погребальную речь и захоронил в своем мавзолее. (*Dio Cass.*, LIV, 28, 2—5).

²⁸⁷ Он стал тестем Нерона, т. е. будущего императора Тиберия Нерона, поскольку последний женился первым браком на его дочери Випсании.

²⁸⁸ Паннонская война 12—9 гг. до н. э., о которой Август писал в *RgDA*, подчеркивая заслуги Тиберия Нерона: «Племена паннонцев, к которым до моего принципата не доходило войско римского народа, побежденные Тиберием Нероном,

моим пасынком и легатом, я подчинил власти римского народа и продвинул границы Иллирии вплоть до Дуная» (перев. Ю. К. Колосовской. — В кн.: Колосовская Ю. К. Паннония в I—III вв. н. э. М., 1973). Ср. Dio Cass., LIV, 31, 2, 3.

²⁸⁹ В «А» — *cos*, в «Р» — *cooss*. Поскольку в это время М. Виниций не был консулом (его консульство — в 19 г. до н. э.) и никогда не был консулом совместно с Тиберием или Агриппой, предлагалось читать *consulari* (Критц) или *consule*. Мы принимаем последнюю эмендацию.

²⁹⁰ То есть в не дошедшем до нас произведении; ср. II, 48, 5; 89, 1; 99, 3; 103, 4; 114, 4; 119, 1 и др.

²⁹¹ Словом *compro* «причастный, сопричастный» Веллей дает понять, что победа была предрешена предшественниками Тиберия и поэтому ему был дан не полный триумф, а лишь овация.

²⁹² Подробнее о поражении М. Лоллия в 16 г. до н. э. см. Tac. Ann., I, 10, 4; Suet., Aug., XXIII, 1; Dio Cass., LIV, 20, 4.

²⁹³ Присутствие в Германии пятого легиона удостоверено надписью (K a u f m a n n F. Deutsche Altertumskunde. München, 1913, S. 326).

²⁹⁴ *Sua et virtute et fortuna*. Обычно *virtus* и *fortuna* противопоставляются друг другу как возможность человека сделать все в борьбе с обстоятельствами и не зависящее от него стечение обстоятельств. Веллей понимает *virtus* и *fortuna* без какого-либо их противопоставления применительно к главам государства — кроме этого места (II, 74, 4; 121, 1).

²⁹⁵ Л. Кальпурний Пизон, консул 15 г. до н. э., легат Августа во Фракии в 13 г. до н. э. О его войне с фракийцами см. также: Dio Cass., LIV, 34; Sen Ep., 83, 14.

²⁹⁶ Использованная Веллсем фразеология позволяет думать, что Л. Кальпурний Пизон в 30 г. был префектом претория.

²⁹⁷ Л. Кальпурний Пизон, наместник Памфилии, выступил против фракийцев, поскольку их восстание угрожало Азии.

²⁹⁸ Противопоставление *virtus* и *fortuna*, на котором построены также характеристики Мецената (II, 88, 1) и Сентия Сатурнина (II, 105, 2).

²⁹⁹ В «А» и «Р» — *Lucius item maturus esset viris*. Эмендация Эллиса — *viribus*. Нами вслед за А. Вудменом (Velleius Paterculus, p. 118) принята эмендация Уитхофа — *Lucius item maturus esset virilis*.

³⁰⁰ Сложное для понимания место: в «А», «Р» — *visendi eius gratia ad quem convenientes*. Нами принята эмендация Халма: *visendi eius gratia Rhodum deverterit atque eum convenientes*.

³⁰¹ Ср. RgDA, 21, 1.

³⁰² На самом деле за 31 год до консульства М. Виниция.

³⁰³ *per omnia* — любимое выражение Веллея.

³⁰⁴ Антоний Юл, второй сын М. Антония от Фульвии, претор 13 г. до н. э., консул 10 г. до н. э. С 21 г. до н. э. муж племянницы Августа Марцеллы. О жреческой должности Антония Юла другие авторы не знают. Карьера сына врага подается как пример «великодушия» Августа. *Clementia* — одна из четырех «доблестей» принцепса — RgDA, 34, 2.

³⁰⁵ В «Р» — *adседandum*, «МА» — *ad sidendum*. Липсий предложил *ad visendum*, и эту поправку принял Штегман. Мы вслед за Вудменом читаем *adsidendum*, поскольку поездка Г. Цезаря носила инспекционный характер.

³⁰⁶ Марк Лоллий, консул 27 г. до н. э.; см. выше II, 97, 1. До 1 г. до н. э., согласно Тациту, был *comes* et *rector* Гая Цезаря (Tac. Ann., III, 48, 2). Негативная оценка также у Плиния Старшего (IX, 117) и Светония (Tib. 12, 3). Плиний сообщает о подкупе Лолия парфянами.

³⁰⁷ Г. Марций Цензорин, консул 8 г. до н. э., проконсул Азии 2—3 гг. н. э. Ср. Jos. Ant. Iud., XVI, 165; Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, IX, 427; Supplementum Epigraphicum, II, 549.

³⁰⁸ Смерть Г. Цезаря 21 февраля 4 г. н. э. (СН, I², p. 68), согласно Тациту, последовала в результате интриг Ливии (Апп., I, 3, 3).

³⁰⁹ П. Виниций, претор с проконсульской властью 1 г. до н. э., консул 2 г. н. э., проконсул Азии в 8—9 гг.; считался блестящим оратором (Sen. Rh., Contr., VII, 5, 11; Sen. Ep., XL, 9).

³¹⁰ *Rei publicae causa*; также и в: Suet. Tib., 21, 5, но Тацит истолковывает эти слова таким образом, что Август усыновил Тиберия не потому, что тот был ему дорог, а заботясь о государстве (Тас. Апп., 1, 10, 7).

³¹¹ Это место, близкое к RgDA, 26, 1, свидетельствует о знакомстве Веллея с этим памятником (см. Hellegouarc'h J., Jodry C. Les Res Gestae d'Auguste et l'Historia Romana de Velleius Paterculus. — Latomus, XXXIX, 1980, p. 810). Обычное обвинение Веллея в том, что он умолчал о предшествующем выходе в Северное море Друза, чтобы возвысить Тиберия, ошибочно. Флот Тиберия не просто вышел в «залив Океана», но оплыл его, оказавшись в местах, действительно неизвестных.

³¹² Почитание германцами божества в отсутствие римлян должно быть поставлено в связь с сообщением Диона Кассия о том, что Домиций Агенобарб еще до появления на берегу Альбиса Тиберия воздвиг там алтарь Августа (Dio Cass., LV, 10a, 2).

³¹³ Согласно Страбону (VII, 1, 3), Маробод в юности находился в Риме, пользуясь благорасположением Августа. Очевидно, имея это в виду, Веллей говорит о нем: *patione magis quam ratione barbarus*.

³¹⁴ После *legiones* — лакуна. Липсий предложил *duceret*; мы следуем за ним.

³¹⁵ После *Saturninum* — лакуна. Следуем чтению, которое предложил Липсий: *aberat et legiones etiam quas amovere ei placuerat*.

³¹⁶ До 9 г. до н. э. вся территория от среднего Дуная до Македонии была известна римлянам под названием Иллирик. После 9 г. до н. э. Иллирик был разделен на две провинции — Верхний и Нижний Иллирик, которые также назывались Далмация и Паннония. Согласно Диону Кассию (LV, 29, 1—2), за оружие сначала взялись далматы, а не паннонцы.

³¹⁷ Один Батон происходил из паннонского племени бревков, другой — из далматского племени десидиатов.

³¹⁸ Редкая, применявшаяся в крайних случаях мера (ср. Suet. Aug., 25; Dio Cass., LV, 31, 1).

³¹⁹ Издатели полагают, что между *operae* и *policitati* пропущено слово *omnia*, или, как впервые — Рункен, заменяют *policitati* на *ex pollicitatione* «согласно обещанию».

³²⁰ *ut praesidium militum* — испорченное место. Дословный перевод «как защиту воинов» вряд ли возможен, ибо в защите нуждались не воины, а государство. Некоторые издатели заменяли *militum* на *limitum* (в смысле «крайнюю защиту»).

³²¹ Принимаем чтение Вудмена: *evasimus, exhausimus*.

³²² Лакуна. Следуем чтению Краузе: *summae*.

³²³ М. Валерий Мессала Мессалин, консул 3 г. до н. э., наместник провинции Иллирик в 6 г. н. э., один из друзей Овидия (Epist. ex Ponto, 1, 7, 22). Его отец — М. Валерий Мессала Корвин, а брат — М. Аврелий Котта Максим Мессалин. Подробнее о кампании Мессалина см. Dio Cass., LV, 29, 1; 30, 1—2; но из рассказа Диона Кассия следует, что во время восстания Мессалин находился не в своей провинции, а был прислан туда Августом.

³²⁴ Трудно сказать, идентична ли эта гора, упомянутая также Плинием (N. H. III, 46), с горой Альмой, о которой сообщает Дион Кассий в связи с этой операцией (LV, 30, 2).

³²⁵ Фраза *e quibus etiam primi ordines cecidere* явно относится не к центурионам — они никогда не стояли рядами.

³²⁶ Веллей выделяет этой фразой первое изгнание Агриппы Постума в Суррент, предшествующее его второму изгнанию на остров Планасию, где он был убит по приказу Тиберия сразу после смерти Августа (Тас. Апп., I, 6, 1—2).

³²⁷ Река Батин (*flumen Bathinus*) как место капитуляции паннонцев в 8 г. н. э. известна только Веллею. Ее упоминает также Плиний Старший, но вне связи с Далматской войной (*Plin. N. H.*, III, 110). Она же упоминается в надписи из Салоны, сообщающей о сооружении императором Тиберием дороги от Салона к Хедуму, кастеллю десидиатов, и другой дороги к реке Батин (*ad Batinum flumen*), которая разделяла племена бревков и осирiatов (*Alföldi G. Eine Strassenbauinschrift aus Salona.*— *Klio*, 1965, Bd. 46, S. 323—328). Указание в надписи направления второй дороги сделало бесспорным высказанное ранее мнение, что Батин — древнее название современной реки Босна, в Боснии.

³²⁸ М. Эмилий Лепид, внучатый племянник триумвира, сын П. Эмилия Лепида и Юлии, внучки Августа, консул 6 г. н. э., в 8—10 гг. н. э. наместник Паннонии. Происхождение Лепида, его выдающиеся военные способности, ораторский талант выдвинули его в число первых лиц империи, и Август прочил его в свои преемники, но полагал, что тот откажется им стать (*Tac. Ann.*, I, 13, 2). Именно этот отказ обусловил дружеские отношения Лепида и Тиберия. Отсюда в высшей степени уважительный тон всех мест труда Веллея, относящихся к Лепиду.

³²⁹ Вибий Постум, «новый человек» родом из Ларина. Он сменил в 9 г. Германика в качестве наместника новой провинции Далмации, в 12—13 гг. был проконсулом Азии.

³³⁰ Л. Пассиен Руф, сын знаменитого оратора Г. Саллюстия Криспа Пассиена и сам оратор, консул 4 г. до н. э., затем проконсул Африки, где в 3 г. до н. э. получил «триумфаторские отличия» за победу над африканскими народами.

³³¹ Гн. Корнелий Лентул Косс, консул конца I в. до н. э., сменивший Пассиена в качестве наместника Африки. За победу над гетулами его сын, консул 28 г. н. э., получил прозвище «Гетульский» (*Flor.*, II, 31, 40; *Oros.*, VI, 21, 18). Согласно Сенеке (*Ad Lucil.*, 83, 5), Косс был близким другом Тиберия, доверявшего ему свои тайны.

³³² Л. Апроний, «новый человек», в 8 г. н. э. принимал участие в кампании против далматов, которой руководил Постумий; в 9 г. н. э. — наместник Далмации, в 15 г. как легат Германика получил «триумфаторские отличия».

³³³ В «А» и «Р» *etiam Aelius Lamia* — дополнение издателя Рункена.

³³⁴ А. Лициний Нерва Силиан, консул 7 г. н. э., наместник провинции Галлии. Обвиненный в ограблении провинции, Лициний привел Августа в свой дом и показал ему груды сокровищ, которую будто бы припас для принцепса, и этим отвел от себя его гнев (*Dio Cass.*, LIV, 21, 4).

³³⁵ Ср.: *Tac. Ann.*, I, 3, 6; 43, 1; 55—65; *Flor.*, II, 30; *Dio Cass.*, LIV, 18—22. Номера легионов — 17, 18, 19.

³³⁶ В «А» и «Р» *ducet causa persona moram exegit*. У Штегмана — *duce causa et persona moram exegit*. Мы следуем этому толкованию текста, понимая под *duce* Тиберия.

³³⁷ Лакуну в этом месте некоторые издатели заполняют с помощью текста Тацита (*Ann.*, I, 58, 2): «Он также требовал, [чтобы заговорщики были закованы, но уже возобладал] рок над замыслами».

³³⁸ Испорченное место. В «Р» *avitq.*, в «В» и «А» — *aviq.* Ренан в «Р» добавил «*exempti successor*», что принято остальными издателями. О смерти отца Вара после Филипп см. II, 71, 3.

³³⁹ Л. Эггий (*Eggius*), выходец из плебейского рода, давшего во II в. до н. э. трех консулов.

³⁴⁰ Эпизод другим авторам неизвестен. Цейони в качестве римских должностных лиц появляются лишь со II в. до н. э.

³⁴¹ Г. Нумоний Вала известен из эпоха Горация (I, 15) как выходец из Кампании. Имя Нумоний засвидетельствовано также в легендах римских монет.

³⁴² Знаменитое место, свидетельствующее о том, что и после крушения родовой организации в Риме сохранялся один из признаков рода — общность погребения

(см. Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 135).

³⁴³ О впечатлении, произведенном известием об уничтожении армии Вара, см.: Suet., Aug., 23; Dio Cass., LVI, 32, 1.

³⁴⁴ До этого Тиберий находился в Паннонии и прибыл в Рим в конце 9 — начале 10 г. н. э. 11 января он участвовал в освящении римского храма Конкордии (Suet., Tib., 17, 1; Dio Cass., LVI, 32).

³⁴⁵ Большинство исследователей считают, что Тиберий перешел Рейн в 11 г. н. э. Вудмен, опираясь на свидетельство Диона Кассия (Dio Cass., VI, 24, 6), полагает, что переход был в 10 г. н. э. (Velleius Paterculus, p. 207). Поход был демонстрацией силы и не привел к восстановлению римского владычества в Германии.

³⁴⁶ Л. Нонний Аспренат, консул-суффект 6 г. н. э., друг Августа (Tac. Ann., I, 53; III, 18; Suet., Aug., 56, 3; Plin. N. H., XXXV, 164).

³⁴⁷ В. Базанов читает имя как Caedius (Basanoff V. Caedius primpilaris ad Vell. II, 120, 4.— Latomus, 1951, 10, p. 285).

³⁴⁸ Ализон, согласно Диону Кассию, крепость построенная Друзом в стране хаттов, у слияния рек Ализон и Липпе (Dio Cass., LV, 28, 6). Эпизод об осаде Ализона германцами фигурирует в качестве примера у Фронтин (Strat., III, 15; IV, 7).

³⁴⁹ О страшных пытках римских пленников см. Flor., II, 30, 37; Tac. Ann., I, 61, 4.

³⁵⁰ Виенна — город в Нарбоннской Галии, на берегу Родана (Роны). Во времена Августа Виенна — главный город могущественного племени аллоброгов. Сообщаемый Веллеем эпизод о беспорядках в Виенне другим авторам неизвестен.

³⁵¹ Ср., Suet. Tib., 21, где речь идет о законе, предоставлявшем Тиберию ту же власть в провинциях, какой пользовался Август. Это была власть проконсула, соединенная с властью народного трибуна.

³⁵² Триумф Тиберия 23 октября 12 г. н. э. Он откладывался из-за войн 6—9 гг. н. э.

³⁵³ См. II, 94, 4.

³⁵⁴ Испорченное место. В «А» — totius, в «Р» — oscius. Штегман принимает чтение oscius, Вудмен — totius и после него постулирует лакуну. Мы следуем за Вудменом.

³⁵⁵ В источниках представлены две версии кончины Августа (см. Hellegouarc'h J. Velleius Paterculus, p. 271). Рассказ Веллея согласуется с тем, что сообщает Светоний (Aug., 98, 10; Tib., 21, 2), и расходится со сведениями Тацита (Ann., I, 5), Диона Кассия (LVI, 30), Аврелия Виктора (Erit., I, 27) об отравлении Августа Ливией и о вызове Тиберия не самим Августом, а Ливией. Выражение «вернуться к своим началам», как заметил Ж. Эллегуар, является стоическим: initia — вечные принципы, производящие четыре элемента природы, и сами эти элементы.

³⁵⁶ Доводы Вудмена (Velleius Paterculus, p. 221) в пользу того, что перед словом пеще в тексте имеется лакуна, мы считаем убедительными.

³⁵⁷ О причине колебаний Тиберия и его нежелании принять высшую власть см. Suet. Tib., 25. Светоний полагает, что Тиберия удерживал страх перед опасностями, угрожающими ему и государству, и, как показали последующие события, страх этот не был беспочвенным. Тацит объясняет поведение Тиберия лицемерием (Ann., I, 11—13).

³⁵⁸ Намек на отказ Германика возглавить восставшие легионы; см. Tac. Ann., I, 33 sqq.

³⁵⁹ Кв. Юний Блез, консул-суффект 10 г. н. э. В 14—20 гг. — наместник Паннонии, где после смерти Августа восстали легионы (Tac. Ann., I, 16; Dio Cass., LVII, 4). В 21—22 гг. Юний Блез — наместник Африки, где вел успешную борьбу против восставших во главе с Такфаринатом и получил триумфальные отличия. Вскоре после раскрытия заговора Сеяна казнен Тиберием. Вряд ли особые похвалы Веллея в адрес Юния Блеза связаны с тем, что тот был племянником Сеяна.

³⁶⁰ Принимаем чтение «Р»: ас Hispanias.

³⁶¹ Заполнение лакуны именем Лепида принято большинством исследователей (Syme R. Tacitus, p. 382; Haynes L., The last of the Aemilii Lepidi.—ACI, 1973, p. 100) и кажется нам бесспорным. Об этом свидетельствует надпись (CIL, II, 2820). Да и сам тон сообщения Веллея не допускает, чтобы речь шла о лице, не принадлежащем к императорской фамилии.

³⁶² Подробнее о культуре Августа см. Tac. Ann., I, 54; Dio Cass., LVI, 46. Была создана коллегия sodales augustales, из двадцати членов, в том числе из членов императорской фамилии (Тиберий, Друз, Клавдий и Германик). Одновременно вдова Августа Ливия была провозглашена жрицей нового бога. Были учреждены «Августовы игры» и построен ряд храмов Августа, в том числе и в его доме в Ноле.

³⁶³ Под удалением мятежа (seditio) с форума и раздоров (ambitia) с Марсова поля понимаются прекращение деятельности трибунных и центуриатных комиций и передача их выборных функций сенату (см. II, 104, 3).

³⁶⁴ Почти в тех же словах Веллей говорит о результатах прихода к власти Августа — II, 89, 3—4.

³⁶⁵ См. Tac. Ann., I, 77, где содержится детальное описание «театрального мятежа». Из него следует, что виновниками «бунта черни» были актеры, которые, по ходу представления намеками возбудили недовольство зрителей и их нападение на официальных лиц. Именно поэтому в сенате обсуждалось предложение о предоставлении преторам права наказывать актеров розгами. Но это предложение не было принято, поскольку оно противоречило отмене телесных наказаний актеров при Августе.

³⁶⁶ Ср. Tac. Ann., II, 87 о мерах, предпринятых Тиберием по снижению цены на хлеб: принцепс из своих собственных средств приплачивал торговцам по два нумма за модий зерна, чтобы цена хлеба оставалась стабильной. См. там же об отказе Тиберия принять за эту щедрость титул «отец отечества».

³⁶⁷ Речь идет о помощи городам, разрушенным землетрясением 17 г. н. э. (Tac. Ann., I, 46, 2, 1; II, 26; Suet. Tib., 32, 2).

³⁶⁸ Ср. Tac. Ann., I, 15, 1.

³⁶⁹ Статилий Тавр, префект Рима при Августе, консуляр (Tac. Ann., III, 72; VI, 11). Тацит указывает, что, несмотря на преклонный возраст, Статилий Тавр успешно справлялся с обязанностями по обузданию рабов и беспокойных граждан.

³⁷⁰ Отец Сеяна, Л. Сейус Страбон, был римским всадником из этрусского города Вольсинии (CIL, XI, 2707; Tac. Ann., IV, 1; Liv., X, 74). Важнейшие вехи его карьеры — префект претория в Риме и префект Египта.

³⁷¹ Мать Сеяна — Коскония Галлита из рода Коскониев. Наиболее влиятельным в этом роду был М. Косконий, претор 135 г. до н. э., наместник Македонии в 134—132 гг. до н. э.

³⁷² В описании Тацита эта черта Сеяна представляла наибольшую опасность для государства (Ann., IV, 1).

³⁷³ Тиб. Корунканий, выходец из Тускула, герой войны с Пирром, консул 280 г. до н. э., диктатор 246 г. до н. э., в 254 г. до н. э. первым из плебеев добился занятия жреческой должности pontifex maximus. Уже у Цицерона Корунканий — пример древних римских доблестей (Cic. De sen., 15, 43).

³⁷⁴ По всей видимости, имеется в виду Спурий Карвий Максим, консул 293 г. до н. э., герой войны с этрусками и самнитами. По остроумному предположению Ж. Эллегуара (Velleius Paterculus, II, p. 285), Карвий избран в качестве примера, поскольку он построил святилище Форс-Фортуны, одного из наиболее почитаемых плебейских божеств (Liv., X, 46, 14). Форс-Фортуне оказывалось почитание в царствование Тиберия (Tac. Ann., II, 41, 1) и, в частности, Сеяном (Dio Cass., LVIII, 7, 2—3).

³⁷⁵ Все издатели сходятся на том, что в предложении перед словом *singula* имеется лакуна. Из слов, какими предлагали ее заполнить (*forma, imagine, tabula*), мы вслед за Ж. Эллегуаром (Lire et comprendre, p. 253) выбрали последнее, которое в подобном обороте употребляется Л. Аннеем Флором.

³⁷⁶ После смерти в 12 г. до н. э. царя Фракии Реметалка (Rhoeme-talces) Август разделил Фракию между его сыном Котисом и братом Раскуполом. В начале правления Тиберия Раскупол вторгся во владения племянника и убил его в 17 или 18 г. н. э. (Тас. Анн., II, 65 sqq.).

³⁷⁷ Л. Помпоний Флакк, наместник соседней с Фракией Иллирии, близкий друг Тиберия (Suet. Tib., II, 6 sqq.).

³⁷⁸ Испорченное место, которое мы переводим, опираясь на восстановление Вудмена (Woodman A. Velleius Paterculus, p. 266).

³⁷⁹ Ср. Тас. Анн., I, 75, 2; II, 48, 2, где сообщается о финансовой помощи Тиберия обедневшим сенаторам: Пию Аврелию, Проперцию Целеру, М. Эмилию Лепиду, М. Сервилию Нониану и Гортензию Горталу, внуку оратора. Ср. Suet. Tib., 47, 3.

³⁸⁰ На самом деле речь шла о почетной ссылке.

³⁸¹ Маробод находился в ссылке в г. Равенне. Фраза становится понятной благодаря Тациту (Апп., II, 62, 3).

³⁸² Имеется в виду достаточно длительная война Рима с нумидийцами, возглавляемыми Такфаринатом (Тас. Анн., II, 52; III, 20 sqq.; IV, 23 sqq.). Опираясь на оценку этой войны Веллеем Патеркулом, Р. Сайм утверждает, что он лживый историк (Syme R. Mendacity in Velleius.—AJPR, XCIX, p. 45—63).

³⁸³ Храм Августа на Палатине, постройку которого начал Тиберий, а завершил Калигула (Тас. Анн., I, 10, 8; Suet. Caes., 57, 1; Claud., 29, 3).

³⁸⁴ Гора Целий (Caelimontium) — район Рима, уничтоженный пожаром в 27 г. н. э. Тацит (Апп., IV, 64) объясняет щедрость Тиберия желанием погасить враждебную ему молву.

³⁸⁵ М. Скрибоний Либон Друз, знатный юноша, обвиненный в подготовке государственного переворота в 16 г. н. э. (Тас. Анн., II, 11; 27—32; IV, 29; Suet. Tib., 25).

³⁸⁶ Г. Силий Цецина Ларг, полководец Августа, консул 13 г. н. э., близкий друг Германика. Был обвинен в оскорблении величества и, поскольку осуждение казалось ему неминуемым, в 24 г. н. э. кончил жизнь самоубийством (Тас. Анн., IV, 18—19).

³⁸⁷ Гн. Кальпурний Пизон, друг Августа и Тиберия, консул 7 г. н. э. В 17 г. он вступил в конфликт с Германиком и, по слухам, его отравил. После неудачной попытки распространить свою власть на всю Сирию он возвратился в Рим, где, будучи обвинен, добровольно ушел из жизни (Тас. Анн., II, 43, 2; 55—71; 81, 3; III, 11—15).

³⁸⁸ Имеется в виду смерть Германика, приемного сына Тиберия, и Друза, его родного сына.

³⁸⁹ Веллей Патеркул имеет в виду скандальное поведение жены Германика Агриппины и Нерона Юлия Цезаря (будущего императора), сына Агриппины (Тас. Анн., III, 2, 3; Suet. Tib., 52, 1; Dio Cass., LVII, 18, 6).

³⁹⁰ Смерть Ливии, супруги Августа и матери Тиберия в 29 г. Выражение «более подобной богам, чем людям» отражает официальное обожествление Ливии (Suet. Tib., LI; Тас. Анн., V, 1).

³⁹¹ Gradivus — постоянный эпитет Марса от глагола gradior — «шестьствовать», включающий также понятия «непреклонный», «незыблемый».

³⁹² Auctor et stator Romani nominis. Если auctor воспринимается в свете легенды о Марсе как отец Ромула, давшего свое имя городу, то эпитет stator, как метко заметил Вудмен (Velleius Paterculus, p. 280), в применении к Марсу необычен — он входит в титулатуру Юпитера. Поскольку в тексте stator корреспондирует со словами status, statio, его следует перевести как «установитель», а не «останавливающий бегущих» или «хранитель».

³⁹³ «Этого принцепса» — добавление Юста Липсия.

³⁹⁴ На слове *ria* обрывается «Р». Слова *iuuate aut impia confringite* — дополнение Халма.

ЛУЦИИ АННЕЙ ФЛОР

Книга I

¹ Этот перечень глав содержится только в рукописи «В».

² Заголовки глав XXXII—XXXIII в рукописи отсутствуют. Восстановлены по тексту.

³ Здесь и ниже слово *imperium* мы переводим как «империя».

⁴ Флор имеет в виду составителей географических карт, весьма многочисленных со времени Августа, когда на стенах портика Октавия на Марсовом поле появилась карта Римской империи, выставленная на всеобщее обозрение М. Випсанием Агриппой. Сравнивая свое описание империи с этими огромными деревянными досками, автор говорит о «малой табличке».

⁵ Сходное выражение у Иеронима (Ер. 60,7): *Et sicut hi, qui in brevi tabella litterarum situs pingunt.*

⁶ «Главенствующий народ» (*princeps populus*) — обычное для Флора обозначение «римского народа»; ср. I, 4, 2; 2, 5; 17, 26; II, 7, 1; 13, 1.

⁷ Л. Юний Брут, сын Марка, и Л. Тарквиний Коллатин — первые римские должностные лица после изгнания в 509 г. из Рима царей. Они открывают список римских консулов.

⁸ Аппий Клавдий Кавдекс и Фульвий Флакк, консулы 264 г. до н. э., на который падает начало первой из войн с Карфагеном. Древние авторы расходятся в обозначении преномена Фульвия Флакка: в триумфальных фастах, у Авла Геллия (XVII, 21) — это «М.»; у Флора, Валерия Максима (II, 4, 7), Евтропия (II, 18, 3) — «Кв.».

⁹ Таким образом, по Флору, от Ромула до Траяна — 900 лет: 400, 150, 150, 200. Эта цифра не соответствует общепринятой в древности хронологии.

¹⁰ Сходное выражение у Вергилия в «Энеиде» (VI, 304).

¹¹ Ливий, в отличие от Флора, говорит о тринадцати царях Альбы Лонги между Латинумом и Амулием (I, 3, 6—10). В любом случае это фиктивный список, преследующий цель заполнить время между прибытием в Италию Энея и основанием Рима.

¹² Принимая версию о царях Альбы Лонги, Флор говорит о троянцах Энея и аркадянах Эвандра как о современниках Ромула и вводит их в число обитателей города, основанного Ромулом. В этом отличие версии Флора об основании Рима от господствующей (Ливий, Дионисий Галикарнасский и др.).

¹³ Имя царя города Ценина неизвестно Ливию, но оно содержится в элгии Ромулу (CIL, X, 809), у Плутарха (Rom. 16), у Валерия Максима (III, 23). Это одно из свидетельств обращения Флора к другим источникам.

¹⁴ Нес *dolo* — место, трудное для интерпретации, поскольку неясно, к кому относится хитрость. Перевод «бесхитростно», «простодушно» согласуется с пониманием легенды о Тарпсе поэтом времени Августа Проперцием (Pgor. IV, 4): он считает Тарпею не предательницей, а влюбившейся в предводителя самнитов и обманутой им девушкой.

¹⁵ Юпитер — бог дневного света, грома и молнии индоевропейских обитателей

Италии. С образованием Рима, под влиянием более развитых этрусков Юпитер приобрел черты покровителя полиса.

¹⁶ *Stator* (Останавливающий) — один из эпитетов бога Юпитера. Его храм находился на Новой улице Палатинского холма. Легенда приписывает его основание Ромулу и связывает с остановкой бегства его воинов в сражении на месте будущего форума. См. Liv., I, 12, 6; Dion. Hal., II, 50, 3; Plut. Rom., 18, 8.

¹⁷ *Caprae palus* — участок Марсова поля, где традиционно отмечался праздник «Козьи Ноны» с жертвами покровительнице стад Юноне.

¹⁸ Юлий Прокул, согласно поздней легенде, единственный свидетель апофеоза Ромула (Liv., I, 16).

¹⁹ Щиты определенной формы (в виде восьмерки), упавшие с неба и используемые в культе (Liv., I, 20).

²⁰ Изображение Афины Паллады, похищенное при взятии Трои и затем попавшее в Рим. Ливий не связывает почитание палладия с религиозными реформами Нумы (I, 20).

²¹ *Fidem pacis ac belli*. Ср. Liv., I, 19, 2 — *indicem pacis bellique*.

²² *Barbari* — в культурном, а не в этнографическом смысле слова.

²³ Последний выборный диктатор Альбы Лонги (Liv., I, 23 sqq).

²⁴ Согласно Ливию (I, 33, 6), Анк опоясал стеной только холм Яникул.

²⁵ Ливий называет первого авгура Аттом Навием (I, 36, 3), Дионисий Галикарнасский — Небием (III, 70), автор *De vir. ill.* (6, 7) — Невием.

²⁶ Согласно Ливию (I, 36, 4), точильный камень был рассечен самим авгуром.

²⁷ Традиция приписывает учреждение коллегий Нуме Помпилию (Plut. Numa, 17), но современные исследователи склоняются к мнению Флора.

²⁸ Ливий (I, 46, 47), Цицерон (*Brut.*, 14), Страбон (V, 231) считают Тарквиния Суперба (Гордого) сыном Тарквиния Приска. Версия Флора совпадает с мнением Дионисия Галикарнасского (V, 1, 48).

²⁹ Ардея — город рутулов на морском побережье Лациума. Окрикул — город в Умбри на берегу Тибра; впервые упомянут у Ливия в связи с более поздними, чем у Флора, событиями — 308 г. до н. э. Габии — древнейший город Лациума. Свесса Помеция — город вольсков в Лациуме.

³⁰ Речь идет об основании храма Юпитера Капитолийского после захвата Свессы Помеции.

³¹ Боги-покровители Капитолийского холма. В соответствующем месте (I, 55, 3) Ливий упоминает одного Термина.

³² В оригинале игра слов: *consulesque appellavit, ut consulere civibus meminissent*.

³³ Публикола принадлежал к роду Валериев, а не Горациев.

³⁴ Померий — линия, проводимая при основании города жрецами-авгурами, священная граница города, полоса земли по обе стороны городской стены, не подлежащая застройке (Liv., I, 44; Plut. Rom., 11).

³⁵ Октавий Мамилий из г. Тускулума был, судя по имени, латинянин, но сходство названия этого латинского города с этнонимом «*tusci*» превратило его в родственника и приверженца последнего царя этрусского происхождения (Liv., II, 15).

³⁶ Место, трудное для интерпретации. В рукописях: *utī peteretur* (C); *ut inde ipse peteretur* (B). В. Россбах вслед за Хейнсьем читает *utī repeteretur*. Мы принимаем рукописное чтение *utī peteretur* — «чтобы затем его вернуть». Ливию этот эпизод неизвестен.

³⁷ Начальником конницы был не Аврелий Косс, а Т. Эбуций Гельва (Liv., II, 19).

³⁸ Кора — город вольсков. Альсий — этрусский город на Тирренском побережье.

³⁹ Сатрик (видимо, от этр. *Satre* — Сатурн) — город в 50 км к югу от Рима, впервые упомянутый среди «славных городов» древних латинян. Захваченный около 500 г. до н. э. вольсками, он неоднократно подвергался захватам и разрушениям. Найденная в 1978 г. в Сатрике архаическая латинская надпись содержит упоминание П. Валерия Попликолы (см. Немировский А. И. Надпись из Сатрика —

опорный пункт раннеримской истории.— ВДИ, 1983, №1, с. 40—51). Корникул — один из древних городов Лациума. Археологически не локализован.

⁴⁰ Верулы (Verulae), ныне Veroli — один из трех упоминаемых в литературных источниках городов племени герников; см. Liv., IX, 42, 43; Plin., III, 64. Найденные здесь в 1923 г. фасты (fasti Verulani) содержат некоторые неизвестные другим источникам даты. Бовиллы (Bovillae), возможно первоначальное название Vohila — один из древнейших городов Лациума. Согласно Цицерону (Plin., 23), это резиденция рода Юлиев. Поэтому здесь с 16 г. н. э. ежегодно осуществлялись в цирке игры в честь рода Юлиев (Suet. Aug., 100; Tac., II, 41; XV, 23). Флор приводит эти два города как пример незначительности.

⁴¹ Фезулы (Faesulae), ныне Фьезоле близ Флоренции — древний этрусский центр; первое упоминание его связано с походом Ганнибала (Polyb., III, 82, 1; Liv., XXII, 3, 3). Сопоставление Фезул с Каннами указывает на этот город как место разгрома римского войска; при этом в раннюю эпоху другим источникам этот факт неизвестен. Возможно, в тексте ошибка и следует читать Aesulae, латинский центр к югу от Тибура; см. Jal, Florus, I, p. 122.

⁴² Имеется в виду роща Дианы близ города Ариции, с которым Рим в древности вел войны. Герцинский лес (ныне Гарц) был синонимом непроходимой чащи.

⁴³ Фрегеллы — город в Лациуме на р. Лирикс; Гезориак — город Бельгийской Галлии на р. Лиана (ныне Булонь). Видимо, сопоставление этих городов связано с военными операциями, которые велись с помощью различных судов (см. ниже II, 30, 26).

⁴⁴ Тибр и Евфрат сопоставляются как две пограничные реки в разные эпохи римской истории. Даже во времена принятия законов 12 таблиц (середина V в. до н. э.) территория за Тибром рассматривалась как вражеская.

^{44a} Кориолы — город племени вольсков в 30 км к югу от Рима. В современной науке высказаны сомнения в возможности получения Гн. Марцием прозвища Кориолан от г. Кориолы, ибо практика присвоения почетных имен является более поздней.

^{44b} Г. Мэний, консул 338 г., после победы над латинским городом Анцием (Antium) украсил ораторскую трибуну на форуме боевыми частями кораблей (протрами). Одновременно анциатам было запрещено иметь корабли (Liv., VIII, 14, 8; 12).

⁴⁵ Т. Квинкций Цинциннат, полубогородительный диктатор 458 г. до н. э. и родоначальник влиятельного в ранние времена Рима рода Квинкциев. Имя спасенного Цинциннатом консула не Манилий, а Л. Минуций (Liv., III, 25, 1).

⁴⁶ Liv., II, 49, 4; Dion. Hal., IX, 15.

⁴⁷ Porta carmentalis — в честь богини Carmenta, имя которой производилось от carere mente, т. е. «лишающая ума, помрачающая ум». См. Ovid. Fast., II, 201—202.

⁴⁸ М. Фурий Камилл; см. Plut. Cam., 9 — 10.

⁴⁹ Об осаде Вей см. Liv., V, 15; 19; 21; Diod., XIV, 93; Dion. Hal., XIV, 93; Plut. Cam., 2 — 6; App., 1 — 8.

⁵⁰ Согласно Т. Ливию (V, 35, 4), у Рима и Клузия не было союзнических отношений.

⁵¹ Кв. Фабий Амбуст, трибун с консульской властью 390 г. до н. э.

⁵² Дни календаря, носившие название черных.

⁵³ Души умерших, которым римляне в соответствии с культом предков воздавали божеские почести.

⁵⁴ По Ливию (V, 40, 10), святыни были доставлены в Цере.

⁵⁵ Согласно Ливию (V, 46, 3), Фабий не был понтификом, а лишь исполнял религиозный обряд, предписанный его патрицианскому роду. Ср. App. Celt., I, 6.

⁵⁶ От torquis — ожерелье и corvus — ворон.

⁵⁷ Победа римлян над галлами и их союзниками этрусками.

⁵⁸ П. Корнелий Долабелла, консул 283 г. до н. э., победитель в битве при Вадимонском озере.

⁵⁹ Т. Манлий Торкват и П. Деций Мус, консулы 340 г. до н. э., при которых началась II Латинская война.

⁶⁰ Согласно Ливию (VII, 34, 3—36), П. Деция Муса побудили к самопожертвованию сновидения. Эпизод вызывает сомнения, поскольку сообщается и о принсении себя в жертву сыном П. Деция Муса в сходных обстоятельствах (Liv., X, 27).

⁶¹ Маний Курий Дентат, консул 290 г. до н. э., впоследствии герой войны с Пирром; в описании римских историков — образец простоты, неподкупности, бескорыстия.

⁶² Капуя не находилась на берегу моря.

⁶³ Имеются в виду Фабий Максим Руллиан, консул 331 г. до н. э., его сын Кв. Фабий Максим Гургес, консул 292 г. до н. э., Л. Папирий Курсор, пятикратный консул, и его сын, консул 293 г. до н. э.

⁶⁴ Т. Ветурий Кальвин и Сп. Постумий Альбин, консулы 321 г. до н. э.

⁶⁵ Ливий не сообщает о поражении Деция Муса в Циминском лесу. Самопожертвование (*devotio*) Муса, согласно Ливию (X, 26, 30), относится к битве против этрусков и кельтов при Сентине.

⁶⁶ В Таренте было два театра.

⁶⁷ Флор перелутал реки Лирус (в Кампании) и Сирус (у Тарента).

⁶⁸ В 279 г. до н. э. Однако Курий и Фабриций в этом году еще не были консулами. Первый — консул 278 г., второй — 275 г. до н. э.

⁶⁹ Арузинские поля находились согласно Фронтину (IV, 1, 14), близ города Малевента. Малевент («Дурной ветер»), получивший после победы название Беневент («Добрый ветер»), находился в Самнии. Флор придерживается иной, ливийанской традиции, согласно которой Пирр был разбит в Лукании; см. Oros., IV, 2, 3.

⁷⁰ Маний Курий Дентат, победитель Пирра в битве у Тарента в 273 г. до н. э., консул 290, 275, 273 гг., цензор 272 г. до н. э., триумфатор.

⁷¹ П. Корнелий Руфин, консул 290 и 277 гг. до н. э., изгнан из сената за обладание серебряными изделиями, превышающими определенный сенатом вес, в 275 г. до н. э.; см. Liv. Per., 14.

⁷² Осенью 275 г. до н. э. Флор опускает действия Пирра в Сицилии.

⁷³ Пицен — область Италии между Адриатическим морем и Апеннинскими горами с городами Адрия, Анкона, Аскул, Потенция; был подчинен Риму в 268 г. до н. э.; см. Liv. Per., 15; Eutr., II, 16.

⁷⁴ Аскул — город Пицена на р. Труенте, по словам Страбона, «место, прекрасно укрепленное от природы не только холмом, окруженным стеной, но и непроходимыми для войска горами» (V, 4, 2). Очевидно, П. Семпронием Софоном, консулом 268 г. до н. э., совместно с Аппием Клавдием.

⁷⁵ Согласно Страбону (VI, 3, 1) саллентины — местное обозначение этноса, известного грекам как мессапы. Главный их город Брундизий (см. Liv. Per., 19 — in agro Sallentino). Однако триумф 266 г. до н. э. состоялся по поводу победы «над саллентинами и мессапами». Победителем саллентинов был М. Атилий Регул, в дальнейшем герой Первой Пунической войны, первое консульство которого (совместно с Л. Юлием Либоном) относится к 267 г. до н. э.

⁷⁶ Захватом Вольсиний, центра этрусского двенадцатиградья, завершается завоевание не только Этрурии, но и Италии в целом; см. Val. Max., IX, 11, 2; Zon., VIII, 7. Сведения этих авторов и Флора, видимо, восходят к несохранившейся книге «Римской истории» Тита Ливия, в свою очередь, пользовавшегося произведениями анналистов. Падение Вольсиний датируется 264 г. до н. э. Город был разрушен, а часть его населения переселена в новое место.

⁷⁷ П. Постумий Альбин Регилл, военный трибун с консульской властью 414 г. до н. э., убитый в том же году воинами (Liv., IV, 50, 1).

⁷⁸ Аппий Клавдий Красс Сабин, консул 471 г. до н. э. совместно с Т. Квицием Капитолином Барбатом.

⁷⁹ Публилий Валерон, народный трибун 471 г. до н. э., инициатор закона о

выборах народных трибунов на трибунных комициях (Liv., II, 56, 2—57, 4; Dion. Hal., IX, 41—49).

⁸⁰ Гн. Марций Кориолан, полубогородный полководец и герой римской истории, будто бы получивший имя от завоеванного в 493 г. до н. э. города вольсков Кориолы, непримиримый противник плебеев, перебежавший к вольскам и во главе их двинувшийся против Рима (489—488 гг. до н. э.). Поддавшись уговорам матери и жены, отступил от Города и был убит вольсками. Судьба Кориолана привлекала внимание историков Рима (Ливий, Дионисий Галикарнасский, Аппиан). Его биография изложена Плутархом.

⁸¹ Менений Агриппа, консул 503 г. до н. э., посланец сената к восставшим плебеям.

⁸² Другие авторы не связывают беспорядки, вызванные народным трибуном 445 г. до н. э. Г. Канулеем, с Яникулом (Liv., V, 36, 12).

⁸³ М. Фабий Амбуст, военный трибун с консульской властью 381 и 369 гг. до н. э. (Liv., VI, 34, 6—11).

⁸⁴ Очевидно, Кв. Сульпиций Лонг, трибун с консульской властью 390 г. до н. э. (Liv., V, 36, 12).

⁸⁵ Г. Лициний Столон, народный трибун 376—367 гг. до н. э., соавтор аграрных законов Лициния — Секстия (Liv., VI, 35, 3).

⁸⁶ Спурий Мелий, народный трибун 439 г. до н. э. (Liv., IV, 13, 1).

⁸⁷ Спурий Кассий, консул 502, 493, 486 гг. до н. э., автор аграрного законодательства 486 г. до н. э.

⁸⁸ Т. Квинкий Цинциннат, диктатор 439 г. до н. э. По его приказу был убит не Спурий Кассий, а Спурий Мелий (Liv., IV, 13—15).

⁸⁹ Кв. Сервилий Агала, начальник конницы при диктаторе Т. Квинкций Цинциннате (Liv., IV, 13, 14).

⁹⁰ М. Манлий Капитолийский, консул 392 г. до н. э. Казнен в 384 г. до н. э. по обвинению в государственной измене (Liv., IV, 20, 9).

⁹¹ Имеется в виду Сицилия.

⁹² Аппий Клавдий Кавдекс, консул 264 г. до н. э.

⁹³ Имеются в виду Сцилла и Харибда.

⁹⁴ Г. Дуиллий и Гн. Корнелий Сципион Азина, консулы 260 г. до н. э.

⁹⁵ Имеются в виду так называемые «вороны», сооружения с железным клювом, впивающиеся в палубу при падении, и «гарпагоны» — абордажные крючья.

⁹⁶ Самый крупный из Эолийских островов к северу от Сицилии. Обычно сообщается о морской победе римлян у Мил (Polyb., I, 23, 2).

⁹⁷ Капитуляция Гн. Корнелия Сципиона Азины произошла до битвы при Милах. Впоследствии он был выкуплен римлянами.

^{97a} Авл Атилий Каллатин (Кайатин), консул 258 г., диктатор 247 г. до н. э. Согласно Полибию (I, 24, 8—13), у Панорма Атилий потерпел неудачу.

⁹⁸ Краткое изложение этого эпизода см. в: Liv., XXII, 40, 11; Frontin., I, 5, 15; IV, 5, 10. Флор спутал Леонида с другим спартанским полководцем Отриадом, сражавшимся с аргивянами за обладание Фиреей. Смертельно раненный, он написал своей кровью, что Фирея принадлежит Спарте (Herod., I, 82).

⁹⁹ Консульство Л. Корнелия Сципиона, сына Марка, относится к 259 г. до н. э. Его коллега — Г. Аквиллий, сын Марка. В надписи на стенах Регии, являющейся фрагментом перечня триумфаторов, сообщается: «Луций Корнелий Сципион, сын Луция, внук Гнея, консул, справил триумф в честь победы над пунийцами, Сардинией и Корсикой за 5 дней до Мартовских ид 494 г.» (= 11 марта 259 г. до н. э.).

¹⁰⁰ Ольвия — портовый город на северо-востоке Сардинии. Согласно сообщению современника Флора Павсания, Ольвия была основана в незапамятные времена отрядом переселенцев из числа феспийцев и воинов Аттики, во главе которых стоял Иолай (X, 17, 4).

¹⁰¹ Алерия (Алалия) — фокейская колония на тирренском побережье Корсики, основанная в 564 г. до н. э. (Herod., I, 165 и сл.).

¹⁰² *Pugnavit*, согласно конъектуре Салмасия; в рукописях — *repugnavit*.

¹⁰³ Экспедиция Регула в 256 г. до н. э.; см. Polyb., I, 31—37; Liv., per. 18, A. Gell., VII, 4, 1; Frontin., II, 3.

¹⁰⁴ В рукописях — *primapremium belli*; согласно чтению Россбаха, *prooemium belli*.

¹⁰⁵ *Caecidisset* («В» — *coepisset*).

¹⁰⁶ Также как Флор, и Аппиан рассматривает Ксантиппа как полководца Спарты (Liv., 4). Полибий считает его наемником лаконского происхождения (I, 32).

¹⁰⁷ Л. Цецилий Метелл, консул 251 г. до н. э., совместно с Гаем Фурием, триумфатор (видимо, 250 г.). Захват слонов превратил изображение этого животного в герб Метеллов. В 249 г. Метелл — начальник конницы при диктаторе А. Атилии Каллатине. К 247 г. относится его второе консульство. В 241 г. он спас палладий из горящего храма Весты и, по некоторым данным, ослеп; см. о нем Dion. Hal., II, 66, 4; Plin. N. H., VII, 139-й сл.

¹⁰⁸ Ап. Клавдий Пульхр, сын Аппия Клавдия Слепого, курульный эдил 259 г. до н. э., консул 249 г. О его поражении при Дрепане см. Polyb., I, 49, 3—51, 12; Cic. Nat. deor., II, 7.

¹⁰⁹ М. Фабий Бутеон, консул 245 г. до н. э. совместно с Г. Атилием Бульбом, цензор 241 г., дожил до битвы при Каннах, являясь принцепсом сената.

¹¹⁰ Эгимур — остров в Карфагенском заливе, в 230 стадиях от Карфагена, видимо, состоящий из двух скал. Плиний Старший говорит о двух Эгимурах, называя их алтарями (V, 42). Сервий, разъясняя строку «Энсиды», сообщает, что на Эгимурах жрецы Карфагена совершали молебствие (I, 108).

¹¹¹ Эгадские острова — группа островов у западной оконечности Сицилии. Полибий именует их *Ἰγρὸυβῆαι* (I, 44, 2). Морская битва при этих островах в 242 г. до н. э. решила исход Первой Пунической войны.

¹¹² Вар (Варус) — река, считавшаяся границей между Цизальпийской и Трансальпийской Галлиями (Caes. Civ., I, 86, 3; 87, I, 5; App. B. C., II, 43). Магра — река между Лигурией и Этрурией.

¹¹³ Кв. Фульвий Флакк, выдающийся полководец эпохи Второй Пунической войны, четыре раза занимавший консульскую должность. Он воевал в Северной Италии против лигуров и кельтов в годы первого и второго консульства (237 и 224 гг. до н. э.). Гн. Бебий Памфил, проконсул 181 г. Авл Постумий Альбин Луск, консул 180 г. до н. э.

¹¹⁴ Речь идет о победе консула 225 г. до н. э. Л. Эмилия Папа над галлами-инсубрами. Бриттомар — вождь этого племени, с которым римляне столкнулись за полвека до этой победы (App. Celt., 11). Под «опоясаниями» имеются в виду *torques* — знаки отличия воинов, которыми награждали наряду с фалерами, металлическими бляхами.

¹¹⁵ Г. Фламиний, консул 223 г. до н. э., ставленник всадничества и плебса, победитель галлов в битве при р. Адда, получивший триумф вопреки воле сената; см. Polyb., II, 32—33.

¹¹⁶ М. Клавдий Марцелл, самый знаменитый представитель рода Марцеллов. Его победа над галлами в битве при Кластидии относится к первому консульству, в 222 г. до н. э. (Polyb., II, 34, 2—35, 1). О единоборстве Марцелла с Виридомаром см. Cic. Tusc., IV, 49.

¹¹⁷ Флор излагает события, известные в научной литературе как Первая Иллирийская война. Главные ее источники: Polyb., II, 8; 11—12; App. III, 7. Версии этих авторов значительно расходятся.

¹¹⁸ Гн. Фульвий Центумал, консул 229 г. до н. э. и триумфатор.

¹¹⁹ Между Первой и Второй Пуническими войнами был промежуток в 23 года, заполненный войнами с другими народами, которые Флор описал в главах XIX—XXI. Четырехлетний, свободный от войн промежуток — между 222 и 218 г. до н. э.

¹²⁰ В главе о Первой Пунической войне отец Ганнибала Гамилькар Барка, выдающийся карфагенский полководец, даже не упомянут.

¹²¹ Поскольку римляне не оказали Сагунту, своему союзнику, военной помощи.

¹²² П. Корнелий Сципион, консул 218 г. до н. э. После поражения под Тицином и Требией переправился в Испанию, где, объединившись со своим братом Гнеем, вел успешные военные действия против карфагенян; см. ниже XXXIII, 6.

¹²³ Тиберий Семпроний Лонг, консул 218 г. до н. э. После объявления Карфагену войны находился в Сицилии, готовясь к переправе с легионами в Африку. Известие о переходе Ганнибалом Альп вынудило его выступить на север Италии на помощь коллеге по консульству П. Корнелию Сципиону. В битве при Тицине оба консула были разбиты.

¹²⁴ Г. Фламиний, консул 223 и 217 гг. до н. э., выдающийся оппонент римского нобилитета, в области внутренней политики — предшественник Гракхов. Погиб вместе с легионами в битве при Тразименском озере; см. Polyb., III, 75, 5—8, 77, 80; Liv., XXII, 3, 6, 7. День разгрома под Тразименским озером (23 июня) отмечался впоследствии как *dies ater* — черный день.

¹²⁵ Битва при Каннах, в которой против Ганнибала сражались легионы консулов Л. Эмилия Павла и П. Теренция Варрона — величайшее из сражений древности, окончившееся разгромом римлян (216 г. до н. э.). Главные источники: Polyb., III, 107 сл.; Liv., XXII, 43 сл.; App. Hann., 17 и сл. Риторическое выражение о римском поражении, прославившем Канны, впервые у Плиния Старшего (III, 105). Канны находились на берегу р. Луфид.

¹²⁶ М. Клавдий Марцелл и М. Валерий Лэвин, консулы 210 г. до н. э.

¹²⁷ Кв. Фабий Максим Кунктатор (Медлительный), претор 214 г., консул 233, 228, 215, 214, 209 гг. до н. э. После разгрома под Тразименским озером диктатор.

¹²⁸ Тиберий Семпроний Грах, консул 215 и 213 гг. до н. э. Во время его проконсульства в 214 г. римлянам удалось несколько отгеснить карфагенян.

¹²⁹ Согласно Ливию (XXIII, 34, 15; 41, 7), остров был захвачен в проконсульство Т. Манлия Торквата.

¹³⁰ Новый Карфаген в Испании, ныне Картахена. Флор преуменьшает трудности, которые пришлось преодолеть Сципиону. Ливий описывает взятие Нового Карфагена как длительную операцию (XXVI, 42—46).

¹³¹ Имеется в виду мыс Бруттий, куда отступил Ганнибал для осуществления там операций по захвату греческих городов; см. Liv., XXVII, 40.

¹³² В 207 г. до н. э.

¹³³ Г. Клавдий Нерон, М. Ливий Салинатор, консулы 207 г. до н. э.

¹³⁴ Сифакс, царь нумидийского племени масасилиев со столицей Сига, поначалу союзник римлян, супруг дочери карфагенского полководца Газдрубала Софонибы. Женитьба на ней привела его в стан карфагенян.

¹³⁵ Филипп V, царь Македонии в 220—179 гг. до н. э.

¹³⁶ М. Валерий Лэвин, претор 227 г. до н. э., первый наместник Сардинии, консул 210 г. Однако, вопреки сообщению Флора, морская экспедиция Лэвина была осуществлена за год до его консульства, при консулах П. Сульпиция Гальбе и Гн. Фульвии Центумале.

¹³⁷ Аттал I Сотер, царь Пергамского царства (241—197). Придерживаясь римской ориентации, лавируя между Сирией и Македонией, добился территориального расширения и укрепления своего царства и высочайшего расцвета культуры, превратив Пергам в соперника Александрии и Антиохи.

¹³⁸ Т. Квинций Фламиний, консул 198 г. до н. э. Указан маршрут его похода от побережья Адриатики, через владения эпирского племени хаонов, долиной р. Лой (Лоос), берущей начало в отрогах горного хребта Пинд.

¹³⁹ Битва при Киноскефалах в Фессалии в 197 г. до н. э., решающее сражение Первой Македонской войны, обеспечившее Риму господство на Балканах. Главные источники: Polyb., XVIII, 20—26; Liv., XXXIII, 6, 11—10, 10 Plut. Tit., 8.

¹⁴⁰ Весной 196 г. до н. э. (Polyb., XVIII, 46; Liv., XXXIV, 41). Вопреки Флору, объявлялись свободными греки не только Балканского полуострова, но и Малой Азии, что вело к военному конфликту с державой Селевкидов.

¹⁴¹ М. Ацилий Глабрион, консул 191 г. до н. э. совместно с П. Корнелием Сципионом Назикой.

¹⁴² Л. Эмилий Регилл, претор 190 г. до н. э., командовавший римским флотом и одержавший в битве при острове Мионесс победу над Антиохом III. Триумфатор 189 г. (Liv., XXXVII, 14—31).

¹⁴³ Амбракия, колония Коринфа, ставшая столицей государства царя Пирра. С 229 г. до н. э. принадлежала Этолийскому союзу. В 189 г. до н. э. была завоевана М. Фульвием Нибилиором (Liv., XXXVIII, 4).

¹⁴⁴ Северная горная цепь Эпира с глубоко вдающимся в море мысом Акрокеравния; см. Strab., VI, 3, 5.

¹⁴⁵ Горы на южной оконечности Пелопоннеса (Лаконики).

¹⁴⁶ Истрийцы, обитатели полуострова Истрия (Histria), на севере Адриатического моря, иллирийского происхождения, считавшиеся римлянами пиратами. Первое столкновение Рима с истрийцами относится ко времени между Первой и Второй Пуническими войнами. Под Истрийской войной Флора имеются в виду военные операции 178—177 гг. до н. э. Войны с истрийцами велись и позднее.

¹⁴⁷ А. Манлий Вулсон, консул 178 г. до н. э. совместно с М. Юнием Брутом. В личном имени консула Флор ошибся.

¹⁴⁸ Имеется в виду Клавдий Пульхр, сын Аппия, консул следующего, 177 г. до н. э.

¹⁴⁹ Галлогреция (Галатия) — внутренняя часть Малой Азии, заселенная кельтами (галлами), перешедшими Геллеспонт в 278 г. до н. э. После битвы при Магнезии римляне осуществили карательную экспедицию против галатов, предводитель которой сделал все, чтобы преувеличить масштабы военных действий и получить разрешение сената на проведение триумфа, см. Polyb., XXI, 33 и сл.; Liv., XXXVIII, 18 и сл., 23, 6. Отсюда расхождения в источниках в оценке потерь галатов: Клавдий Кваригарий говорил о 40 тысячах павших, Валерий Антиат называл цифру 10 тысяч.

¹⁵⁰ Один из предводителей кельтских племен во время их похода на Грецию.

¹⁵¹ У Аппиана (Syr., 32; 42) — толистобой.

¹⁵² Горная цепь (ныне Кали-Даги) в 60 км к югу от Анкары.

¹⁵³ Магаба — гора в 17 км восточнее Анкары.

¹⁵⁴ В рабство после карательной экспедиции было продано 60 тысяч галатов.

¹⁵⁵ Полибий называет его Артиагоном, а героиню Хиоमारой (XXI, 38).

¹⁵⁶ Персей, сын Филиппа (179—168).

¹⁵⁷ Кв. Марций Филипп, консул 169 г. до н. э., совместно с Гн. Сервилием Цепионом. О его участии в военной кампании см. Liv., XLIV, 3, 2.

¹⁵⁸ Аскуридское озеро между Фессалией и Македонией. Перребские горы — горная цепь в Фессалии, в области долины перробо.

¹⁵⁹ Л. Эмилий Павел Македонский, сын консула 216 г. до н. э., павшего в битве при Каннах, отец П. Сципиона Эмилиана. Он одержал победу над Персеем в 168 г. до н. э. Главные сведения о нем сохранились в труде историка Полибия, жившего в римском доме Эмилия Павла в качестве заложника и воспитателя его детей.

¹⁶⁰ Озеро Ютурны, пруд на римском форуме, одно из древнейших мест почитания водных источников на римских холмах.

¹⁶¹ Л. Аниций Галл, городской претор 168 г. до н. э., которому были поручены военные действия против иллирийцев, оказывавших помощь Персею. Аниций осадил город Скодру и коварством захватил иллирийского царя Гентия. Война была закончена в течение 30 дней; см. Liv., XLIV, 21, 4—10; 30—32, 5, XLV, 3, 1 и сл.

¹⁶² У Евтропия (IV, 3) — П. Пансей.

¹⁶³ Кв. Цецилий Метелл, претор 148 г. до н. э., подавивший мощное выступление македонян во главе с Андриском, самозванцем, объявившим себя сыном покойного царя Персея Филиппом.

- ¹⁶⁴ М. Манилий и Л. Марций Цензорин, консулы 149 г. до н. э.
- ¹⁶⁵ В 148 г. до н. э. Гостилий Манцин был не консулом, а легатом консула Кальпурния Пизона.
- ¹⁶⁶ Ср. выше I, 22, 36—40.
- ¹⁶⁷ Неточность. Сципионы не переправлялись через Пиренеи, а высадились с флотом: Гней — в Эмпории, Публий — в Таррагоне.
- ¹⁶⁸ М. Порций Катон вел войны в Испании, будучи консулом 195 г. до н. э.
- ¹⁶⁹ Тиб. Семпроний Грах в должности претора воевал в Испании в 180 г. до н. э.
- ¹⁷⁰ Кв. Цецилий Метелл Македонский воевал с кельтиберами в 142 г. до н. э.
- ¹⁷¹ Контребия — крепость племени лузонов, служившая убежищем другим кельтиберийским племенам. Она часто упоминается в связи с кельтиберийскими войнами римлян; см. Val. Max., VII, 4, 5; Vell., II, 5x, 2; Liv., XL, 33. У Аппиана она фигурирует как Комплега — недавно построенный, сильно укрепленный и быстро разросшийся город (Hispr., 42). Местоположение Контребии-Комплеги не выяснено.
- ¹⁷² Нертобрига (кельт. «сильная крепость») — крепость кельтиберов в 30 км к северо-востоку от Билбила, захваченная консулом М. Клавдием Марцеллом в 152 г. до н. э.; см. App. Hispr., 48; 50.
- ¹⁷³ Л. Лициний Лукулл, выходец из патрицианского рода, претор 151 г. до н. э., консул 151 г. совместно с А. Постумием Альбином. Под его командованием впервые отличился будущий разрушитель Карфагена и Нумантии Сципион Младший, вступив в единоборство с вождем племени ваккеев.
- ¹⁷⁴ Децим Юний Брут, консул 138 г. до н. э. совместно с П. Корнелием Сципионом Назикой. Воевал в Испании в 136 г. в качестве проконсула. За покорение Каллекии получил почетный когномен Каллекийский.
- ¹⁷⁵ Река Лета, текущая из страны кельтиберов. Считалась одной из самых крупных рек Лузитании; см. Strab., III, 3, 4.
- ¹⁷⁶ Флор присоединил к восстанию Вириата (147—138 гг. до н. э.) предшествующие войны против лузитан со 154 г. Отсюда — цифра 14.
- ¹⁷⁷ Наместник одной из испанских провинций.
- ¹⁷⁸ Кв. Фабий Максим, консул 142 г. до н. э. совместно с Л. Цецилием Метеллом.
- ¹⁷⁹ М. Попилий Ленат, консул 139 г. до н. э. совместно с Гн. Кальпурнием Писоном.
- ¹⁸⁰ Сегида (Сегеда), город кельтиберов. Аппиан называет его большим и сильным, принявшим условия Граххова мира (Hispr., 44).
- ¹⁸¹ А. Помпей, консул 141 г. до н. э.; см. Liv. Per., 54; App. Hispr., 64; 76; 79; 83.
- ¹⁸² Г. Гостилий Манцин, консул 137 г. до н. э. совместно с М. Эмилием Лепидом.
- ¹⁸³ П. Корнелий Сципион Эмилиан, сын Эмилия Павла, консул 134 г. до н. э.
- ¹⁸⁴ Согласно Аппиану (Hispr., 97—98), Сципион сохранил для триумфа 50 нумантийцев.
- ¹⁸⁵ Неточность Флора. От Первой Пунической войны до взятия Нумантии — 130 лет.
- ¹⁸⁶ Аристоник, внебрачный сын Эвмена, предводитель восстания в Пергаме, вспыхнувшего в связи с передачей царства Риму. Восставшие добивались восстановления Пергамского царства и передачи короны Аристонику, именовавшему себя Эвменом III.
- ¹⁸⁷ П. Лициний Красс Муциан, консул 131 г. до н. э. совместно с Л. Валерием Флакком. Он был по рождению Муцием, выходцем из рода, давшего Муция Сцевола.
- ¹⁸⁸ М. Перперна, консул 130 г. до н. э. совместно с Л. Корнелием Лентулом.
- ¹⁸⁹ Маний Аквиллий, консул 129 г. до н. э.; победитель Аристоники, триумфатор 126 г.
- ¹⁹⁰ М. Эмилий Скавр, консул 115 г. до н. э. совместно с М. Цецилием Метеллом. Привлекался к ответственности по обвинению в коррупции.
- ¹⁹¹ Л. Кальпурний Бестия, консул 111 г. до н. э. совместно с П. Сципионом Назикой.

- ¹⁹² Спурий Постумий Албин, консул 110 г. до н. э.
- ¹⁹³ Авл Альбин, командовавший легионами в Африке в качестве пропретора.
- ¹⁹⁴ Кв. Цецилий Метелл Нумидийский, консул 109 г. до н. э., выдающийся представитель рода Метеллов.
- ¹⁹⁵ Нумидийская крепость в пустыне (Sall. Jug., 57, 2).
- ¹⁹⁶ Древний город в Малом Сирте, превращенный Югуртой в крепость. Взят Г. Марием в 106 г. до н. э.
- ¹⁹⁷ Город на реке Мулуха, разделявшей владения Югурты и Бокха. Взят Г. Марием в 106 г. до н. э. (Sall. Jug. 91,6; Strab. XVII, 3, 12).
- ¹⁹⁸ Испорченное место.
- ¹⁹⁹ Флор объединяет войны Рима с лигурийским племенем (салувиями) и кельтскими племенами (аллоброгами и арвернами) в одну войну.
- ²⁰⁰ Маловероятно, что римляне применили в войне против кельтов слонов. Очевидно, автор путает переход Ганнибала через земли аллоброгов в 219 г. до н. э. с кампанией римлян.
- ²⁰¹ Сын Луерия, царь арвернов, побежденный римлянами в 121 г. до н. э.
- ²⁰² Гн. Домиций Агенобарб, консул 122 г. до н. э., см. Vell. II. 10,2.
- ²⁰³ Консул 121 г. до н. э., получивший за свои победы прозвище Аллоброгский.
- ²⁰⁴ В словах Флора, возможно, звучит осуждение поведения Траяна, воздвигнувшего трофеи в землях даков.
- ²⁰⁵ М. Юний Силан, консул 109 г. до н. э. совместно с Кв. Цецилием Метеллом.
- ²⁰⁶ Настоящее имя Гн. Маллий Максим, консул 105 г. до н. э. совместно с П. Рутилием Руфом.
- ²⁰⁷ Гн. Цепион, проконсул, разбитый кимврами в Южной Галлии у Араузиона в 105 г. до н. э.
- ²⁰⁸ Место близ Массилии, где произошло сражение с тевтонами в 102 г. до н. э.
- ²⁰⁹ Атесис — река в Северной Италии (ныне Эч) у подножия Тридентских Альп.
- ²¹⁰ Равдинские поля близ Верцелл, место сражения в 101 г. до н. э.
- ²¹¹ По Орозию (V, 16, 66) и Евтропию (V, 2), пало 60 тысяч германцев и 60 тысяч взято в плен. Согласно Веллею Патеркулу (II, 12, 5), германцы потеряли более 100 тысяч убитыми и пленными.
- ²¹² *Laureatae litterae* — послания, украшенные лавром.
- ²¹³ *Victoriae cimbricae feliciter*. Согласно Яну и Россбаху, после *cimbricae* — лакуна. Э. Мальковати, чье чтение мы принимаем, не находит смыслового нарушения и отрицает наличие лакуны.
- ²¹⁴ Скордиски были кельтским племенем, занявшим в IV в. до н. э. горы над долиной Савы, на границе с Паннонией. Флор ошибочно называет их фракийцами.
- ²¹⁵ Г. Порций Катон, консул 114 г. до н. э.
- ²¹⁶ Тит Дидий, претор 101 г. до н. э., консул 98 г. до н. э., наместник Македонии. Получил триумф за победу над скордисками.
- ²¹⁷ М. Ливий Друз Старший, противник Г. Гракха, консул 112 г. до н. э. Получил триумф за победу над скордисками в 111 — 110 гг. до н. э.
- ²¹⁸ М. Минуций Руф, консул 110 г. до н. э. совместно со Сп. Постумием Альбином.
- ²¹⁹ Манлий Вулсон, один из римских преторов начала I в. до н. э.
- ²²⁰ Грубая ошибка. Римляне в это время не доходили до Кавказа, не подвластного фракийцам.
- ²²¹ Г. Скрибоний Курион, консул 76 г. до н. э.; в 75—73 гг. до н. э. — наместник Македонии.
- ²²² Аппий Клавдий Пульхр, консул 79 г. до н. э., отец известного народного трибуна 58 г. до н. э. Клодия Пульхра.
- ²²³ М. Теренций Варрон Лукулл, консул 73 г. до н. э. Воевал с фракийцами и мезийцами в 73—71 гг. до н. э.

- ²²⁴ Риторическое преувеличение. Во времена Флора Танаис (Дон) и Меотийское озеро (Азовское море) уже не считались пределами населенной земли.
- ²²⁵ Легендарный царь Аий (Колхиды), отец Медеи.
- ²²⁶ Участник заговора персидской знати 522 г. до н. э., против Камбиза. К нему возводили династию понтийских царей (Polyb., 43, 2; Herod., III, 61).
- ²²⁷ Л. Кассий Лонгин, наместник Азии, член сенатского посольства к Митридату Евпатору в 89 г. до н. э.
- ²²⁸ Никомед IV Филопатор. Царствовал около 94 — 74 гг. до н. э.
- ²²⁹ *Nudum latus imperii*, т. е. гражданские войны показали незащищенность восточных границ Рима.
- ²³⁰ Л. Корнелий Сулла, консул 88 г. до н. э., позднее диктатор.
- ²³¹ *Frugum parentem* — вероятно, потому, что в Элевсине почиталась Деметра.
- ²³² Дарданский мир 85 г. до н. э.
- ²³³ Никомед IV Филопатор вернулся на трон согласно Дарданскому миру 84 г. до н. э.
- ²³⁴ Ариобарзан I, царь Каппадокии (95—63 гг. до н. э.).
- ²³⁵ Начало осады Кизика Митридатом — 73 г. до н. э.
- ²³⁶ Л. Лициний Лукулл, известный сулланец, консул 74 г. до н. э.
- ²³⁷ Граник и Эзеп впадают в Пропонтиду (Мраморное море).
- ²³⁸ Это относится ко времени сражения при Кабире.
- ²³⁹ Племя, помещаемое писателями I в. на берегу Каспийского моря, рядом с амазонками-савроматидами.
- ²⁴⁰ Великая и Малая Армении.
- ²⁴¹ Переправу через Евфрат совершил не Помпей, а Лукулл.
- ²⁴² Битва при Дастейре в 66 г. до н. э.
- ²⁴³ Место, трудное для интерпретации.
- ²⁴⁴ Малей — мыс юго-восточной оконечности Лаконики, внушавший страх древним мореплавателям из-за сильных ветров в этом районе.
- ²⁴⁵ П. Сервилий Ватия Исаврийский, консул 79 г. до н. э., воевал с пиратами в 78—74 гг. до н. э. в качестве проконсула Киликии.
- ²⁴⁶ Фаселис — древняя родосская колония на ликийском побережье, служившая базой для пиратов.
- ²⁴⁷ Олимп — горная крепость киликийцев.
- ²⁴⁸ Горная страна внутри М. Азии между Киликией Ликаонией и Писидией.
- ²⁴⁹ Л. Геллий Публикола, консул 79 г. до н. э., воевал с пиратами в 78—74 гг. до н. э.
- ²⁵⁰ Л. Плоций Вар, народный трибун 54 г. до н. э.
- ²⁵¹ В рукописях — Гратил, Гратилий. Согласно конъектуре Гроновия, — Атилиий. Остается неясным, кто именно командовал флотом в Лигурийском заливе.
- ²⁵² Л. Манлий Торкват, консул 65 г. до н. э.
- ²⁵³ Тиберий Клавдий Нерон, легат Помпея, дядя будущего императора Тиберия.
- ²⁵⁴ Гн. Корнелий Лентул Марцеллин, консул 56 г. до н. э.
- ²⁵⁵ М. Теренций Варрон далее известный ученый-энциклопедист.
- ²⁵⁶ В рукописях — *Ponticum et...* Ормерод (*Liverpool Annals of archaeology* X, p. 46) предлагает читать далее *Ionicum*.
- ²⁵⁷ Кв. Цецилий Метелл Непот, консул 27 г. до н. э.
- ²⁵⁸ Цепион — неизвестное лицо.
- ²⁵⁹ Очевидно, М. Порций Катон Утический, квестор 65 г. до н. э., претор 54 г. до н. э., консул 51 г. до н. э.
- ²⁶⁰ М. Антоний Критский, претор 75 г. до н. э., воевал против критян в 74 г. до н. э.
- ²⁶¹ Кв. Цецилий Метелл Критский, консул 69 г. до н. э.
- ²⁶² Ошибка. Препфектом был послан Л. Октавий. *Plut. Rom.* 29,4.
- ²⁶³ Кв. Цецилий Метелл Балеарик, консул 123 г. до н. э. Так что вопреки

утверждению Флора, прозвище Балеарик (Балеарский) в роду Метеллов появилось ранее прозвища Кретик (Критский). Завоевание Крита было изложено Титом Ливием в 60-й книге, охватывающей события 128—124 г. до н. э. Приведа известные данные об удивительной меткости балеарских пращников, Флор опускает содержащиеся в сообщении Ливия сведения о происхождении этого народа, именовавшегося греками гимнесийцами.

²⁶⁴ Птолемей (Птоломей), сын египетского царя Птолемея IX. Изгнанный в 80 г. до н. э. жителями Александрии, он правил Кипром до присоединения острова к Риму в 58 г. до н. э.

²⁶⁵ Известный цезарианец, народный трибун 58 г. до н. э., П. Клодий Пульхр сам был инициатором закона, обиженный тем, что царь Кипра не оказал ему помощи и не внес выкупа захватившим Клодия пиратам. Узнав об этом законе, Птолемей покончил жизнь самоубийством; см. *Strab.*, XIV, 6,6.

²⁶⁶ Посылка М. Порция Катона Утического на Кипр была осуществлена по инициативе того же Клодия. Под видом почетного поручения был таким путем удален из Рима виднейший политический противник Цезаря. Катон распродал царское имущество, обогатив римскую казну. Кипр был превращен в провинцию, управляемую посылаемым из Рима претором; см. *Plut. Cat.*, 25—27.

²⁶⁷ П. Корнелий Долабелла не был легатом Цезаря в Галльских войнах. Индутиомар был побежден легатом П. Атием Лабиемом; см. *Caes. B. G.*, V, 58.

²⁶⁸ Восстание под руководством Амбиорига и разгром легатов Цезаря в 54 г. до н. э.; см. *Caes. B. G.*, V, 26—37.

²⁶⁹ 55 г. до н. э.; см. *Caes. B. G.*, IV, 20—28.

²⁷⁰ Согласно Цезарю (*B. G.*, V, 22), несмотря на победу над главнокомандующим войск бриттов Кассивеллауном, с последним был заключен мир.

²⁷¹ Восстание под руководством Верцингеторига в 52 г. до н. э.; см. *Caes. B. G.*, VII, 4, 9; 12—21; 33, 36.

²⁷² Главные источники, относящиеся к походу триумвира М. Лициния Красса на Парфию — биография Красса, написанная Плутархом, и главы «Римской истории» Диона Кассия (XXXVII—XXXII, XL, 12 — 27). Наиболее обстоятельные изложения парфянского похода Красса, труды Тита Ливия и современников Флора Арриана и Аппиана не сохранились.

²⁷³ Зевгма, город на правом берегу р. Евфрат, место переправы армии Красса в 53 г. до н. э. Зевгма идентична городу Селевкии, основанному Селевком I.

²⁷⁴ Царь Парфии Ород II (58—39 г. до н. э.).

²⁷⁵ См. ту же мысль *App. Proom.* VII, 27.

Книга II

¹ В дошедшей рукописи текста оба мятежа Гракхов приводятся в одной главе. Поэтому в оригинале имеются расхождения нумерации глав между перечнем и текстом.

² В тексте глава имеет другое название: «Положение при Цезаре Августе».

³ Вместо Далматийская (*Dalmaticum*). Так же у *Vell. Pat.*, II, 115, 1.

⁴ Эта фраза свидетельствует о прямом или косвенном знакомстве Флора со знаменитой речью Тиберия Гракха.

⁵ Г. Октавий, народный трибун, в прошлом друг Гракха, был подкуплен крупными землевладельцами (*App. B. C.*, I, 12). Ливий, Плутарх и Аппиан называют его Марком.

⁶ Аттал III, царь Пергама, см. выше I, 25, 2. Флор ошибочно приписывает раздел наследства Аттала Гаю Гракху. Раздел был осуществлен Тиберием (*Plut. Tib. Gr.*, 14).

⁷ М. Минуций Руф, народный трибун 122 г. до н. э., консул 110 г. до н. э., см. выше I, 39. Другие античные авторы главную роль в борьбе за отмену законов Г. Гракха отводят Ливию Друзу Старшему (*Plut. G. Gr.*, 7; *Cic. Brut.*, 28, 109).

⁸ Это намек на известный автору, но опущенный в тексте эпизод: тело Тиберия Гракха было брошено в Тибр (App. В. С., I, 16).

⁹ Его называют также А. Нуннием (Liv. Per., LXIX, Val. Max., IX, 7, 3), Понием (Plut. Mar., 29; App. В. С., I, 28) и Пунием (Oros., V, 17, 3).

¹⁰ В действительности это был некий вольноотпущенник Л. Эквитий (Val. Max., III, 8, 6).

¹¹ Кв. Цецилий Метелл Нумидийский, ранее, в 109 г. до н. э., консул, принцепс сената, не желавший поклясться в верности предложенному Л. Апулеем Сатурнином земельному закону, вынужден был покинуть Рим; см. Liv. Per., 69; Cic. in Pison., 20; pro Sesio, 37 — 38; pra Plansa, 89; Plut. Mar., 29, 9 — 12; App. В. С., I, 136 — 141.

¹² Г. Сервилий Главция, автор закона, передававшего всадникам судебную власть (видимо, в 104 г. до н. э.) и примерно с этого же времени приверженец Л. Апулса Сатурнина; в 100 г. до н. э. претор, союзник Мария, домогавшийся консульской власти на выборах.

¹³ М. Ливий Друз Младший, плебейский трибун 91 г. до н. э., сын трибуна 122 г., противника Г. Гракха. Выступив с программой, в которой был заинтересован сенат, Друз на самом деле осуществлял политику, выгодную плебсу и италикам, союзникам римлян. Он возобновил действие земельных законов братьев Гракхов, закона о выведении колоний, обещал права гражданства италикам. Его судебный закон, согласно которому судебная власть возвращалась сенату, был своего рода приманкой, с помощью которой он обеспечил себе на некоторое время поддержку сената.

¹⁴ См. сноску 11.

¹⁵ П. Рутилий Руф, консул 105 г. до н. э., друг Сципиона Эмилиана, философ-стоик, приверженец нобилитета. Был осужден в 92 г. до н. э. всадническим судом как вымогатель («взяточник»), а на самом деле по политическим мотивам. Изгнание Рутилия Руфа было одним из толчков к конфликту, результатом которого была деятельность Ливия Друза Младшего и Союзническая война.

¹⁶ Кв. Сервилий Цепион, городской претор 100 г. до н. э., первоначально один из руководителей партии оптиматов. Поддержка сенатом Ливия Друза стала причиной изменения политической ориентации Сервилия и перехода его на сторону всадничества.

¹⁷ М. Эмилий Скавр, принцепс сената, консул 115 г. до н. э., цензор 109 г. совместно с Ливием Друзом Старшим, строитель Эмилиевой дороги, доведенной до Генуи, восстановитель Мульвиева моста в Риме.

¹⁸ Л. Марций Филипп, один из вождей партии оптиматов, противник Сатурнина, консул 91 г. до н. э. совместно с Секстом Юлием Цезарем. В начале Союзнической войны он блокируется с прежними своими политическими противниками, выступая как ярый враг Ливия Друза.

¹⁹ Так мы переводим игру слов: *aut caelum dividere vellet aut caelum*.

²⁰ Ср. Val. Max., IX, 5, 2; De vir. ill., 66, 6.

²¹ Большинство древних авторов называют его Кв. Помпедий Силен (Vell. Pat., II, 16, 1).

²² Корфиний — город племени пелигнов, в долине р. Атерн, избранный восставшими столицей вновь образовавшегося государства и получивший имя Италика; см. App. В. С., II, 38; Vell. Pat., II, 50.

²³ Секст Юлий Цезарь и Л. Марций Филипп, консулы 91 г. до н. э.

^{23a} Аскул — город Пицены на р. Трусенте. О его роли в годы Союзнической войны см. App. В. С., I, 47 и сл.

^{23b} Окрикул — город, основанный этрусками в Умбрии, у 44-го милевого столба от центра Рима.

²⁴ Грумент — город в Лукании, игравший важную роль в Союзнической войне; см. App. В. С., I, 41.

²⁵ Карсеолы — город племени эквикулов на сооруженной позднее Валериевой дороге.

- ^{25a} Реате — город сабинян.
- ²⁶ Эзерния — город самнитов, с 263 г. до н. э. латинская колония.
- ²⁷ Нуцерия — значительный город в Кампании, на пересечении дорог, ведущих в Нолу, Помпеи, Беневент, Салерн. Видимо, основан этрусками.
- ^{27a} Пицентий — город Пицены.
- ²⁸ П. Рутилий Луп, претор 93 г. до н. э., консул 90 г. Попал в подготовленную марсами ловушку при г. Толене и пал вместе с войском; см. Arr. В. С., I, 43; I, 191 и сл.
- ^{28a} Кв. Сервилий Цепион, противник Ливия Друза; см. сн. 16.
- ^{28b} Испорченное место. Перевод дан по Россбаху.
- ^{28в} Л. Порций Катон, консул 89 г. до н. э., внук Катона Цензорина.
- ²⁹ Авл Габиний, видимо, тот из Габиниев, который впоследствии отличился как восный трибун Суллы в битве при Херонее и участвовал в посольстве Л. Мурены в Азию.
- ³⁰ Г. Папирий Карбон, народный трибун 89 г. до н. э., претор 81 г. Был убит солдатами Суллы во время мятежа.
- ³¹ Гн. Помпей Страбон, отец Гн. Помпея Магна, претор 90 г. до н. э., консул 89 г., получивший задание подавить восстание союзников в Северной Италии, где у него были крупные земельные владения. Отстраненный от власти сенатом, он подговорил своих солдат убить назначенного ему преемника и перешел на сторону марианцев.
- ³² В кодексе «В» — in Italia urbis. Согласно поправке К. Яна — inter initia libertatis. Мы принимаем чтение Россбаха: inter initia urbis.
- ³³ 458 г. до н. э. (Liv., III, 15; Dion. Halic., X, 16).
- ³⁴ Трясение волосами — часть мистического обряда в честь сирийской богини Атаргитис, известной также под именами Астарты, Кибелы. Ср. Suet. Nero, 56.
- ³⁵ Лишь Флор сообщает о разгроме восставшими рабами войск четырех преторов. Диодору известно только поражение претора Луция Гипсея. Согласно П. Жалю (sub loc.), слово «претор» здесь надо понимать как «полководец» и примыкать как к Гипсею, претору, так и к консулам или их легатам.
- ³⁶ М. Перперна, консул 130 г. до н. э. Диодор и Орозий приписывают окончательный разгром восставших консулу 131 г. Рупилию. Однако здесь не следует видеть ошибку Флора: Перперна мог в одном и том же году подавить движения и рабов и Аристоника.
- ³⁷ Согласно Диодору — при преторе П. Лицинии Нерве. Претор Сервилий в связи со II Сицилийским восстанием рабов другими авторами не упоминается.
- ³⁸ Л. Лициний Лукулл, претор 104 г. до н. э., пропрегтор 103 г. За поражение отправлен в изгнание.
- ³⁹ На самом деле Маний Аквиллий, консул 101 г. до н. э. Будучи проконсулом, завершил разгром II Сицилийского восстания рабов.
- ⁴⁰ Диодор сообщает иную версию — об убийстве Афениона Аквилием в героическом единоборстве (XXXVI, 10).
- ⁴¹ Согласно Ливию — с 74 (Per., XCV), Аппиану — с около 70 (В. С., I, 116).
- ⁴² В рукописи В — velut araviris mons. Согласно конъектуре Зеебодия, — vellut belluis mons. Мы принимаем чтение П. Жалю (sub loc.): velut ara Veneris. Рабы получали освобождение у алтаря Венеры.
- ⁴³ В более подробном рассказе Плутарха о пребывании Спартака на Везувии упущена эта важная деталь, позволяющая считать, что Спартак и его люди спустились по внутренней стороне кратера (Plut. Crass., 9).
- ⁴⁴ На самом деле П. Вариний Глабр, претор 73 г. до н. э., разбитый Спартаком. Ср. Sall. Hist., III, 96.
- ⁴⁵ На самом деле Г. Тораний — квестор 73 г. до н. э. (Sall. Hist., III, 96, 15).
- ⁴⁶ Деталь, неизвестная другим авторам. Так мы узнаем, что Спартак ходил в консульском одеянии.

- ⁴⁷ Гн. Корнелий Лентул, консул 72 г. до н. э.
- ⁴⁸ Г. Кассий, наместник провинции Цизальпинской Галлии.
- ⁴⁹ П. Сульпиций Руф, народный трибун 88 г. до н. э., марианец.
- ⁵⁰ Мы вслед за П. Жалем принимаем поправку *consuli* вместо *consules*, поскольку Сульпиций и Альбинован никогда не были консулами. Первый из них был народным трибуном, второй, возможно, — претором.
- ⁵¹ В 87 г. до н. э. Первый из них был сторонником популяров, второй — оптиматов.
- ⁵² Испеводимая игра слов — *profugus patria confugit ad partes*.
- ⁵³ Гн. Папирий Карбон, видный марианец, консул 85 г. до н. э.
- ⁵⁴ М. Антоний, консул 99 г. до н. э., знаменитый оратор, дед триумвира.
- ⁵⁵ Г. Юлий Цезарь Страбон Вописк, консул 88 г. до н. э.
- ⁵⁶ Г. Флавий Фимбрия, народный трибун 104 г. до н. э.
- ⁵⁷ Красс-отец — П. Лициний Красс Дивес, консул 97 г. до н. э.
- ⁵⁸ Очевидно, Г. Бебий, преемник Секста Юлия Цезаря по консулату 90 г. до н. э. Нумиторий — неизвестное лицо.
- ⁵⁹ Кв. Лутаций Катул, консул 102 г. до н. э.
- ⁶⁰ Л. Корнелий Мерула, консул-суффект 87 г. до н. э. Сходный рассказ о его самоубийстве — у Веллея Патеркула (II, 22, 2).
- ⁶¹ Кв. Анхарий, претор 88 г. до н. э.
- ⁶² Л. Корнелий Сципион и Г. Норбан, консулы 82 г. до н. э.
- ⁶³ Г. Марий (Младший) и Гн. Папирий Карбон, консулы 82 гг. до н. э.
- ⁶⁴ Кв. Муций Сцевола, консул 95 г. до н. э., известный знаток права. О его гибели ср. *Vell. Pat.*, II, 26, 2.
- ⁶⁵ М. Лампоний и П. Телезин, вожди восставших италиков, *App. V. C.*, I, 40; 90; 93.
- ⁶⁶ Местность в Лациуме, близ Пренесте.
- ⁶⁷ *Villa publica* — здание на Марсовом поле, в котором обычно принимали послов.
- ⁶⁸ Согласно Плутарху (*Sulla*, 30), было убито шесть тысяч человек.
- ⁶⁹ Л. Фуфидий — сулланец, запрос которого о времени прекращения беспорядочных убийств дал повод к началу упорядоченных казней — проскрипциям (Ср. *Plut. Sulla*, 31, 3).
- ⁷⁰ Папирий Карбон, см. выше, II, 9, 13; 21.
- ⁷¹ Кв. Валерий Соран, претор 93 г. до н. э., народный трибун 82 г., убитый Помпеем в этом же году. Поэт и эрудит, друг юности Цицерона и Варрона (*Plut. Quest. Rom.*, 61).
- ⁷² Плетории и Венулси — жертвы Суллы. См. *Val. Max.*, IX, 2, 1; *Oros.*, V, 21, 8; *August. C. D.*, III, 28.
- ⁷³ Ошибка Флора. М. Бебий был убит марианцами при их вступлении в Рим. См. выше, II, 9, 14.
- ⁷⁴ Кв. Лутаций Катул, претор 109 г. до н. э., безуспешно добивавшийся консульства в 107, 106 и 105 гг. Стал консулом в 102 г. совместно с Г. Марием.
- ⁷⁵ Сполеций (ныне Сполето) — сильно укрепленный город Умбрии, в долине р. Клитумн. С 241 г. до н. э. латинская колония.
- ⁷⁶ Интерамна — город в Умбрии между реками Наром и Велином.
- ⁷⁷ Флоренция — римская колония в среднем течении р. Арно, расположенная под древним этрусским городом Фезулами (Фьезоле).
- ⁷⁸ Из текста неясно, имеется ли в виду Сульмон — город италийского племени пелигнов (родина Овидия) или Сульмон в стране вольсков.
- ⁷⁹ Скорее всего, имеются в виду два острова из числа Канарских — Мадейра и Порто-Санто; ср. *Plut. Sert.* 8.
- ⁸⁰ Кв. Цецилий Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского, консул 80 г. до н. э. (совместно с Суллой). В 79 — 71 гг. он вел войны в Крайней Испании в качестве проконсула.

- ⁸¹ М. Домиций Кальвин, претор 80 г. до н. э., пропретор Ближней Испании 79 г.; Торий Бальб, известный философ-эпикурец, легат Метелла.
- ⁸² А. Гиртулей, видный сторонник Сертория, претор 79 г. до н. э., прославившийся умением устраивать засады (Frontin. Strat. I, 5, 8).
- ⁸³ Сеговия — укрепленное поселение кельтиберов в Северной Испании, впервые упоминаемое в связи с войнами Вириата (Frontin. Strat. IV, 5, 22).
- ⁸⁴ Ана (Анас), река в Иберии (ныне Гвадиана), в римское время служила границей между Лузитанией и Бетикой.
- ⁸⁵ Лаврон, город иберов между Сагунтом и Валенцией, впоследствии римская колония. Разрушен в ходе Серторианских войн. См. Plut. Sert. 18; App. B. C. I, 510.
- ⁸⁶ Сукрон — река, впадающая в Средиземное море между Валенцией и Лавроном, район обитания племени эдетанов.
- ⁸⁷ В рукописях разночтения. Перевод дан по Россбаху — *populationes*.
- ⁸⁸ М. Перперна Вентон — глава марианской партии в Испании после гибели Сертория.
- ⁸⁹ Города в Таррагонской Испании.
- ⁹⁰ Калагуррис — город в землях астуриев.
- ⁹¹ М. Эмилий Лепид и Кв. Лутаций Катул — консулы 78 г. до н. э. Первый из них — отец будущего триумвира.
- ⁹² Гн. Помпей Магн.
- ⁹³ В 77 г. до н. э.
- ⁹⁴ П. Корнелий Лентул Сура, консул 71 г. до н. э., исключенный Суллою из сената, претор 63 г. до н. э.
- ^{94a} Консульство М. Туллия Цицерона и Г. Антония в 63 г. до н. э.
- ⁹⁵ Эта фраза восходит к Цицерону (*Pro Murena*, 25, 51) и Саллюстию (*Cat.*, 31, 9).
- ⁹⁶ Г. Манлий, видный сулланец, возглавивший в Этрυрии ветеранов Суллы.
- ⁹⁷ Претор Т. Волтурций был задержан с письмом Лентула, но содержание письма стало известно консулу от аллоброгов.
- ⁹⁸ Отрывок, начиная со слова «никто», обнаруживает текстуальную близость с рассказом Саллюстия об исходе битвы при Пистории (*Cat.*, 61, 4), поэтому многие старые издатели считали его интерполяцией.
- ⁹⁹ *Plus quam bellum* — сходное выражение у Лукана (*Phars.*, I, 1).
- ¹⁰⁰ Дейотар — правитель галатского племени толлстобойев, союзник Рима в Митридатских войнах.
- ¹⁰¹ Ариобарзан III — правитель союзной Риму Каппадокии в 52—41 гг. до н. э.
- ¹⁰² Таркондимот I Филантоний, царь Киликии, римский союзник, принявший сначала сторону Помпея, затем Антония и павший в битве при Акции (*Plut. Ant.*, 61, 2; *Dio Cass.*, XL I, 63, 1).
- ¹⁰³ Котис, сын Садалы, царь фракийских племен астов и одрисов, отправивший на помощь Помпею отряд, возглавляемый сыном Садалой. Правил до 45 г. до н. э.
- ¹⁰⁴ Правильнее Раскупор I (*Rhascuporis*), сын Котиса, царь фракийцев, сражавшийся при Фарсалах на стороне Помпея. Впоследствии стал союзником Августа (*App. B. C.*, IV, 87).
- ¹⁰⁵ Кв. Цецилий Метелл Целер и Л. Афраний, консулы 60 г. до н. э.
- ¹⁰⁶ Анахронизм. Театр Помпея был открыт пятью годами позднее.
- ¹⁰⁷ Помпей воспрепятствовал Метеллу провести по Риму пленных критян, что считалось главной частью триумфальной церемонии (*Vell. Pat.*, II, 40, 5).
- ¹⁰⁸ Первый триумвират 60 г. до н. э.
- ¹⁰⁹ Сходное выражение у Лукана (*Phars.*, I, 125—126).
- ¹¹⁰ Типичное рассуждение современника Империи, не допускающего, что Помпей мог вести борьбу в защиту республики против единовластия как принципа.
- ¹¹¹ Корнелий Лентул Крус и Г. Клавдий Марцелл — консулы 49 г. до н. э.

- ¹¹² Пограничный город Италии перед Цизальпинской Галлией, первый из городов, занятых Цезарем после перехода через Рубикон.
- ¹¹³ Г. Скрибоний Либон, легат Помпея, в то время претор.
- ¹¹⁴ Кв. Минуций Терм, легат Помпея.
- ¹¹⁵ Л. Домиций Агенобарб, консул 54 г. до н. э., бежал из Корфиния, бросив свое войско на произвол судьбы, погиб при Фарсалах в 48 г. до н. э.
- ¹¹⁶ *Fuga turpior* — согласно поправке Грутера. В рукописях BNL — *fugatur prior*.
- ¹¹⁷ На самом деле он был «избран» консулом вместе с П. Сервилием Исаврийским в качестве коллеги.
- ¹¹⁸ Священный, потому что находился в храме Сатурна.
- ¹¹⁹ Децим Юний Альбин Брут, один из легатов Цезаря, принявший участие в его убийстве.
- ¹²⁰ Массилия сопротивлялась 5 месяцев (июнь — октябрь 45 г. до н. э.), см. *Caes. Civ.*, I, 56—58; II, 11—16.
- ¹²¹ М. Петрей, в свое время один из противников Катилины. Л. Афраний, командующий тремя легионами в Испании.
- ¹²² Илерда (ныне Лерида), городок в Иберии на реке Сикорисе, притоке Ибера (Эбро).
- ¹²³ Покорение всей Испании заняло 40 дней.
- ¹²⁴ Теренций Варрон, номпеянец, известный ученый. Командовал легионом, стоявшим в Гадесе.
- ¹²⁵ П. Корнелий Долабелла, командующий флотом Цезаря в Адриатическом море, консул-суффект 44 г. до н. э.
- ¹²⁶ Г. Антоний, наместник Цезаря в Иллирии, брат триумвира, претор 44 г. до н. э.
- ¹²⁷ Берег острова Курикты в Адриатическом море, где высадился Г. Антоний с двумя легионами.
- ¹²⁸ Испорченное место. М. Октавий, командующий флотом Помпея в гражданских войнах (*Caes. V. C.*, III, 5, 9). Л. Скрибоний Либон — другое лицо (см. *Caes. Civ.*, I, 26; III, 5; 15; 16; 18; *App. V. C.*, III, 77).
- ¹²⁹ Минуций Базиль, командир легиона, цезарианец. Вместе с Базилем в военных действиях против Октавия и Либона участвовал Г. Саллюстий Крисп, будущий историк.
- ¹³⁰ Жители Опитергия, римской колонии близ Равенны. Эпизод, по всей видимости, заимствован из недошедшей книги Ливия, не преминувшего отметить героизм своих земляков. Изложение этого эпизода есть также у Лукана (*Phars.*, IV, 402—581).
- ¹³¹ Г. Скрибоний Курион, видный сторонник Цезаря, народный трибун 50 г. до н. э.
- ¹³² П. Аттий Вар, претор, наместник Африки 52 г.; см. *Caes. Civ.*, I, 31.
- ¹³³ Юба I, нумидийский царь, союзник Помпея, ок. 50—46 гг. до н. э.
- ¹³⁴ Город в южном Эпире, напротив Брундизия.
- ¹³⁵ В рукописях В и Δ — *Scevae*. Это чтение принимает П. Жаль (*Florus*, II, p. 39). Ср. *Luc. Phars.*, 6, 144 sqq.
- ¹³⁶ Гомфы — пограничная крепость Фессалии, ныне Палео-Эпископи.
- ¹³⁷ Флор ошибочно полагает, что битва при Фарсале произошла на том же месте, что и более поздняя битва при Филиппах. Такую же ошибку допускает Вергилий (*Georg.*, I, 490). Об этой традиционной путанице см. J a l P. *La guerre...*, p. 66.
- ¹³⁸ Ср. *Caes. V. G.*, III, 91, 2; *Plut. Caes.*, 44.
- ¹³⁹ В рукописях: V — *hedris*, В — *hebrius*. По предположению первого комментатора Флора нидерландского гуманиста К. Салмасия на основании *Luc. Phars.*, VIII, 259, — *Syedris*.
- ¹⁴⁰ Город в Египте; см. сн. 179.
- ¹⁴¹ Фраза имеет разночтения. Перевод дан по Россбаху.
- ¹⁴² Игра слов в оригинале: *ante hostem victum esse, quam visum*.
- ¹⁴³ В том смысле, что присяга добавляла обязательство мести за него.

- ¹⁴⁴ *Bellum Africanum* (96, 2) и Периохи Ливия (114) не содержат этой детали. Сципион бросился в море.
- ¹⁴⁵ Ср. *Liv. Erit.*, 114., App. В. С., II, 100.
- ¹⁴⁶ Речь идет о диалоге «Федон».
- ¹⁴⁷ Имеется в виду Гибралтар. То же выражение см. выше I, 41, 8.
- ¹⁴⁸ Г. Дидий, командующий эскадрой Цезаря в Гадесе. П. Аттий Вар — см. сноску 132.
- ¹⁴⁹ Город близ Кордубы, известный как место последнего сражения Цезаря в марте 45 г. до н. э.
- ¹⁵⁰ Т. Аттий Лабиев, первоначально сторонник Цезаря и его легат в Галлии, перешедший в 49 г. до н. э. на сторону Помпея.
- ¹⁵¹ В рукописях: В — *invictos*, С — *investus*, согласно предложению Яна и Россбаха, — *iam victos*. Мы вслед за П. Жалем принимаем чтение рукописи С.
- ¹⁵² Арсиноя, сестра египетской царицы Клеопатры. О том, что она была проведена в триумфальной профессии, см. *Dio Cass.*, XLIII, 19.
- ¹⁵³ Фауст Корнелий Сулла был действительно женат на дочери Помпея, но не от Юлии, дочери Цезаря.
- ¹⁵⁴ *parvulus*, согласно поправке Перизония, принятой П. Жалем.
- ¹⁵⁵ Гиртий (*De bell. Afr.*, 95, 3) утверждает, вопреки Флору, что Цезарь простил дочь Помпея и ее детей. Ср. *Suet. Caes.*, 75; *Dio Cass.*, XLIII, 12, 3.
- ¹⁵⁶ Очевидно, имеется в виду дом с фронтоном (J a I P. Florus, sub. loc.).
- ¹⁵⁷ В рукописи В после слова *regem* промежуток примерно для восьми букв. П. Жаль резонно считает, что фраза носит незавершенный характер.
- ¹⁵⁸ Ср. эту же мысль у Сенеки (*De benef.*, V, 16, 4).
- ¹⁵⁹ На самом деле Октавий в апреле 43 г. до н. э. был пропретором.
- ¹⁶⁰ Перузинская война (конец 41 — начало 40 г. до н. э.). Флор нарушает последовательность событий, рассказывая о Перузинской войне прежде, чем о II триумвирате. Объяснение этой аномалии см.: J a I P. Florus, p. XXXIV.
- ¹⁶¹ В рукописях — *virilis militiae*. Согласно поправке А. Фабри, принятой П. Жалем, — *virilis audaciae*. Мы приняли эту поправку.
- ¹⁶² Флор ошибается. В этой войне участвовал не триумвир Марк Антоний, а его брат Луций Антоний.
- ¹⁶³ Триумвират был заключен в ноябре 43 г. до н. э. на виду войск близ слияния рек Лавина и Рена около Бононии (Болоньи). Перузия названа Флором ошибочно.
- ¹⁶⁴ Октавиану.
- ¹⁶⁵ Антонию (*Plut. Ant.*, 28).
- ¹⁶⁶ Брут, которому принадлежат эти слова, употребил *virtus* в смысле моральной добродетели, Флор же ошибочно истолковал его как военное счастье (см. примечание Е. Форстера в *Epitome of Roman History*. L., 1929, p. 30).
- ¹⁶⁷ Энария (ныне Искья) — вулканический остров в Неаполитанском заливе.
- ¹⁶⁸ Мыс на севере Сицилии, у Мессинского пролива.
- ¹⁶⁹ Игра слов. *Carina* — киль корабля и название фешенебельного района Рима. Тот же рассказ в сходных выражениях приводит Веллей Патеркул (II, 77).
- ¹⁷⁰ Некоторые комментаторы считают, что перстни были брошены Секстом Помпеем в море из опасения быть узнанным врагами, но скорее всего это какое-то гадание.
- ¹⁷¹ Л. Децидий Сакса, наместник Сирии, потеряв лагерь, в действительности бежал в Киликию, где вскоре был убит.
- ¹⁷² П. Вентидий Басс, консул 43 г. до н. э., римский военачальник, разбивший в 40 г. до н. э. парфян (*Plut. Ant.*, 33—34).
- ¹⁷³ Согласно Диону Кассию (XLIX, 22), Антоний заключил договор не с Парфией, а с Антиохом, царем Коммагены.
- ¹⁷⁴ Начало войны в 36 г. до н. э.
- ¹⁷⁵ По Веллею Патеркулу (II, 82), — четвертая часть.

¹⁷⁶ Короткий меч.

¹⁷⁷ Эти символы власти, изображение которых мы частично находим на монетах Антония, свидетельствуют о его монархических устремлениях.

¹⁷⁸ Плутарх (Ant., 69) говорит о намерении Клеопатры перетаскать волоком суда через Суэцкий перешеек в Красное море для основания нового царства. Орозий также сообщает о попытке бегства Клеопатры через Красное море (VI, 19, 13).

¹⁷⁹ Паретоний — гавань в 280 км к западу от Нила. Пелузий — крепость на самом восточном устьи Нила, на границе с пустыней.

¹⁸⁰ Клавдий Нерон Друз Германик, брат будущего императора Тиберия, вел войны с альпийскими племенами в 34—15 гг. до н. э.

¹⁸¹ В рукописи В — brepnos, sepnos. Согласно Россбаху, на основе сопоставления Plin., N. II. (III, 137) и CIL (V, 7817) — brepnos, usepnos.

¹⁸² Иллирийская экспедиция Октавиана относится к 35—33 гг. до н. э., см. подробное ее изложение App. III. 15—26.

¹⁸³ Флор употребляет слово *augustior*, намекая на имя Augustus, которое Октавиан получил позднее.

¹⁸⁴ Легат Октавиана Августа Т. Винний Руф.

¹⁸⁵ Г. Марций Фигул, консул 156 г. до н. э. (Liv. Erit., 47; App. III, 11).

¹⁸⁶ Азиний Поллион получил за победу над далматами триумф в 30 г. до н. э.

¹⁸⁷ Второй, т. е. после Цицерона. Некоторые комментаторы считают это место интерполяцией, но П. Жаль полагает, что Флор хотел подчеркнуть, что полководец и оратор — одно и то же лицо (Florus, p. 65).

¹⁸⁸ Г. Вибий Постум, консул 5 г. до н. э., наместник Далмации в 6—9 гг. до н. э. Ср. Vell. Pat., II, 116, 2.

¹⁸⁹ М. Лициний Красс, наместник Македонии 29 г. до н. э. Завоевал Мезию, подчинил фракийцев (Dio Cass., I, 23; CIL, 12, 50, 77, 180).

¹⁹⁰ Пришел к власти при поддержке Рима около 11 г. до н. э.

¹⁹¹ Л. Кальпурний Пизон Фруги, консул 15 г. до н. э., воевал с фракийцами в 13—11 или 12—10 гг. до н. э. (Vell. Pat., II, 98, 1—3).

¹⁹² Сообщение Флора о Котисоне как царе даков расходится со сведениями Светония о нем как фракийском царе (Aug., 63, 2). Котисон был разбит М. Лицинием Крассом.

¹⁹³ Гн. Корнелий Лентул, консул 14 г. до н. э. Дата экспедиции за Дунай точно не установлена — возможно, между 9 г. до н. э. и 6 г. н. э.

¹⁹⁴ Это место лишний раз подтверждает, что труд Флора создавался после дакийских побед Траяна.

¹⁹⁵ Согласно П. Жалю, около 12 г. до н. э.

¹⁹⁶ Борм — место на Рейне, Гезориак — на р. Лиана близ Булони. Перевод дается по П. Жалю.

¹⁹⁷ В рукописях — *ipsi. Ipse* — согласно поправке Перизония.

¹⁹⁸ П. Квинтилий Вар, консул 13 г. до н. э. В отличие от других авторов, Флор подчеркивает его суровость и жестокость. Веллей Патеркул (II, 117) указывает на легкомыслие Вара.

¹⁹⁹ Неясное место. Некоторые издатели вместо *incauto* рукописи В принимают чтение *in Catthos* — против хаттов.

²⁰⁰ Имеется в виду Арминий, князь племени херусков.

²⁰¹ Сегест — тесть и злейший враг Арминия. Ср. Vell. Pat., II, 118.

²⁰² Очевидно, к тем, которые были приглашены Варом для улаживания споров.

²⁰³ Согласно Тациту (Ann., 160, 4), П. Стерций отыскал одного орла, Германик — другого, третий орел был отнят у германцев П. Габинием (Dio Cass., XL, 8). Допущенный Флором анахронизм дал основание некоторым старым издателям считать, что труд его написан во времена Августа.

²⁰⁴ Мусулы — берберийское племя на границе между Цумидией и Гетулией. Гетулы — наиболее крупное из племен Ливии, обитавшее в глубине страны, южнее мармаридов.

²⁰⁵ Гн. Корнелий Лентул Косс Гетулийский, консул 1 г. до н. э. С гетулами восвал в 5—6 гг. (Dio Cass. LV, 28, 3 sqq.).

²⁰⁶ Мармариды, точнее мармарики, — племя, обитавшее между Египтом и Киренаикой. App. Proom 3.

²⁰⁷ Гараманты — берберийская народность, обитавшая в глубине Ливии.

²⁰⁸ П. Сульпиций Квирий, консул 12 г. до н. э. В 21—20 гг. до н. э. вел войну с гарамантами (Tac. Ann., III, 48).

²⁰⁹ Неточно. Гай умер в Ликий, в городе Лимире (Vell. Pat., II, 102).

²¹⁰ Дон — правитель армянской крепости Артагериды. Другим древним авторам известен как Адор и Аддон.

²¹¹ В N — Artaxatis, L — Artasatis. Artageris предпочтительнее, поскольку Страбон (XI, 14, 6) сообщает о восстании армянского города Артагериды на Евфрате под руководством Адора и его подавлении полководцами Августа.

²¹² Ваккеи — народность в Испании к востоку от лузитанов.

²¹³ Турмоги — неизвестное другим авторам племя Испании. Одноименный город находился близ современного Бургоса.

²¹⁴ Аутригоны — согласно поправке Салмасия. В рукописях: В — aurigantes, С — aurigonas.

²¹⁵ Имеется в виду Август, возглавивший поход против кантабров.

²¹⁶ Город ваккеев к западу от современного Бургоса.

²¹⁷ Этот город другим авторам неизвестен. Но Ливий упоминает племя бергистанов в Таррагонской Испании в рассказе о событиях 195 г. до н. э. (Liv., XXXIV, 16, 9; 17, 5).

²¹⁸ Известен также Плинию Старшему (NH, III, 24). У Орозия — Раций (VI, 21, 4).

²¹⁹ Г. Антистий Вет, видный цезарианец, консул 30 г. до н. э., легат 25 г. до н. э. (Vell. Pat., II, 90, 4).

²²⁰ Г. Фурний, в 25 г. до н. э. легат Августа в Испании, в 22 г. до н. э. — консул.

²²¹ М. Випсаний Агриппа, сподвижник Августа. Воевал в Испании в свое третье консульство.

²²² Военнопленный, продаваемый в рабство, имел на голове венки.

²²³ Т. Каризий, будучи легатом Августа с полномочиями пропретора, в 25 г. до н. э. разбил асгуров и захватил крепость Ланцию (Dio Cass., III, 25, 8).

²²⁴ Город в земле асгуров в 20 км к юго-востоку от Леона.

²²⁵ То же выражение см. в: Oros., VI, 21, 10.

²²⁶ Хризоколла — зеленая краска.

²²⁷ Кир (современная Кура) указан как северный предел восточных владений Рима.

²²⁸ Почти дословное повторение в RgDA. 31, 1, 2. Ср. Suet. Aug., 21, 3.

²²⁹ О посольстве серов (поставщиков китайского шелка) к Августу другие авторы не сообщают, но упоминание серов появляется у латинских авторов впервые при Августе. Плиний Старший описывает серов как рослых, рыжеволосых, голубоглазых людей (N. H. VI, 88).

²³⁰ Об индийском посольстве к Августу см. RgDA, 31; Strab., XV, 1, 4.

²³¹ Неточно. Август говорит о возвращении знамен трех римских полководцев (RgDA, 29). Веллей Патеркул сообщает о возвращении знамен Красса и Антония (II, 91, 1).

²³² Неточно. Август закрывал храм Януса трижды: в 29 г. до н. э., в 25 г. до н. э., третья дата неизвестна (Suet. Aug., 22).

²³³ Расхождение со всеми авторами, утверждающими, что Август не принял предложенную ему диктатуру.

²³⁴ Ср. Suet. Aug. (7; 2), где дается та же мотивировка присвоения имени Август.

ЛУЦИЙ АМПЕЛИЙ

¹ Мы переводим *circuli* как «зоны», поскольку эти термины синонимичны: см. Serv. Georg., 233: *Zonae id est plagae vel circuli*.

² Объединение наблюдаемых с земли звезд в определенные фигуры (знаки) в виде животных и образование вокруг этих изображений различного рода легенд восходит к глубочайшей древности. Существовавшие в античной астрономии и астрологии представления о знаках Зодиака, излагаемые Ампелием, а до него в Риме Гигином (Fab., II, 20; 21; 22; 24; 28; 29; 30; 130; 138; 224), Нигидием Фигулом (frg. 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100 и P. Nig. Fig. *Operum reliquiae*, 1889) были выработаны в конечном счете на Древнем Востоке — в Вавилонии и Египте, на что прямо указывает Диодор Сицилийский, давший обзор халдейской астрологии (II, 30; 1). Это стало очевидным после дешифровки иероглифов, клинописи и открытия огромного количества памятников с изображениями знаков Зодиака и соответствующими подписями.

³ Знак Овна (греч. Κριόϛ, лат. Aries). Согласно Плинию Старшему (N. H. II, 8), был впервые введен ок. 520 г. Клеостратом. Овен был связан с греческим богом плодородия Дионисом, которому соответствует латинский Либер.

⁴ Знак Быка (греч. Ταύρος, лат. Taurus). Согласно схолиям к «Илиаде» (XVIII, 486), был введен в греческий мир (то есть перенесен с Востока) мифографом и космографом VI в. до н. э. Ферекидом из Сироса.

⁵ Знак Близнецов (греч. Διδύμοι, лат. Gemini). Под тем же именем он существовал у древних вавилонян. Как явствует из пояснения Ампелия, не было единства мнений по вопросу отождествления со звездными близнецами мифологических персонажей. Астрологи считали также, что близнецы — это Геракл и Аполлон.

⁶ Знак Рака (греч. Karkinos, лат. Cancer). Введение этого знака греки приписывали греческому астроному и метеорологу Эвктемону, около 432 г. до н. э.

⁷ Знак Льва (греч. Λέων, лат. Leo). У древних вавилонян он зафиксирован под этим же именем с III тысячелетия до н. э. Главной звездой его считалась «Шарра», соответствующая латинской Regulus — царь. Созвездие Льва считалось благоприятным для носителей царской власти.

⁸ Знак Девы (греч. Parthenos, лат. Virgo). Ей в вавилонской астрологии соответствует женское божество, изображаемое со снопом колосьев. Это богиня плодородия Иштар.

⁹ Арктур, полярная звезда; Каникула — Сириус. Это же объяснение происхождения созвездия Девы, Арктура и Пса см.: Hug. Fab., 130; Astr. II, 4; Non. Dion., XLVII 257 sq. По другой мифологической версии происхождение Большой и Малой Медведиц связывалось с царем Аркадии Аркасом и его матерью Калисто. — Hug. Astr., II. 1. 4; Ovid. Met., II. 414 sqq.

¹⁰ Знак Весов (греч. ygas, Chelai, лат. Brachia, Libra). Знак этот известен в текстах Ашурбанипала под именем «цибаниту». В греческой литературе созвездие Весов упомянуто впервые у Гомера (II., XVIII, 485) — в описании изображений на

щите Ахилла. Рационалистическое объяснение происхождения Весов, даваемое Ам-пелием, может восходить к эпохе развития торговли и выделения торговой прослойки в греческих полисах.

¹¹ Знак Скорпиона (греч. *Skorpias*, лат. *Scorpio*), самая крупная звезда которого Антар, был известен вавилонянам (халдеям) под именем «Гиртаб» и имел тот же образ ядовитого насекомого с двумя клешнями и хвостом. В астрологических текстах его называли «господином неба и земли». Считалось, что он рожден богиней Иштар — «владычицей жизни». Греки заменили Иштар Артемидой (рим. Диана) и связали ее с мифическим охотником и великаном, известным уже Гомеру и связываемым с о. Хиос (*Od.*, XI, 310; V, 539). О смерти Ориона от укуса скорпиона см. у Арата (*Phain.*, 636 sqq.).

¹² Знак Стрельца (греч. *Toξο'της*, лат. *Sagittarius*), во времена вавилонского царя Ашурбанипала именовался «каккаб» и имел облик конного или пешего лучника. На вавилонских пограничных камнях около 1300 г. до н. э. Стрелец и Скорпион объединились в одно существо, напоминающее греческого кентавра. Греки отождествили Стрельца с Кротосом, согласно Гигину (*Fab.*, 224), сыном Пана и Евфемы, обитавшим на Геликоне вместе с Музами и по их просьбе вознесенными на небо. Представление вавилонян о соединении Стрельца и Скорпиона породило образ кентавра Хирона, наставника Эскулапа и Ахилла. Согласно Плинию Старшему (II, 8), знак Стрельца был дан грекам Клеостратом.

¹³ Знак Козерога (греч. *Argocheros*, лат. *Capricornus*) у вавилонян имел облик козла с туловищем и хвостом рыбы. В рукописи Ампелия упомянут отождествленный с Козерогом Пифон (Пан). Некоторые издатели резонно предлагают заменить имя Пифон на Тифон (чудовище, родившееся после победы богов над титанами). Мы сохраняем Пифона, поскольку подобная же ошибка имеется в тексте Нигидия Фигула и от него она перекочевала к Ампелию.

¹⁴ Знак Водолея (греч. *Υδροχο'ος*, лат. *Aquarius*) соответствует в вавилонских знаках Зодиака богине с именем Гула, а в египетских — мужчине с двумя амфорами в руках, откуда изливается вода на рыбу. Видимо, созвездие получило это название по сходству расположения звезд с сосудом. Отсюда же упоминание о Девкалионе и его жене Пирре, единственных людях, уцелевших во время потопа.

¹⁵ Знак Рыбы (греч. *Ιχθυ'ες*, лат. *Pisces*) известен уже вавилонянам. В текстах Ашурбанипала он назван «Рыбой Эа». Водное божество Эа соответствует греческой Афродите и римской Венере. Из этого соответствия и исходит рассказ Ампелия о Венере, превратившейся в рыбу, и место рождения этой рыбы р. Евфрат (т. е. Евфрат). Непонятные из текста Ампелия две рыбы находят свое объяснение в вавилонских текстах о двух рыбах, северной и южной, которые отождествлялись астрологами с Евфратом и Тигром. Греческие авторы ввели в небесную географию мифическую реку Эридан, которую уже Гесиод поставил в связь с падением сына Гелиоса Фазтона (*Theog.* 338). Не исключено, что и эта фантастическая река связана с вавилонским Эриду («городом в устье двух рек»).

¹⁶ Под «Септентрионами» имеются в виду две группы звезд северного направления — Большая и Малая Медведицы. Малая Медведица, называемая греками также *Kypououga*, по сообщению Каллимаха (*frg.*, 191, 55) была введена как «путеводная звезда» Фалесом, заимствовавшим ее у финикийцев, отсюда ее название «Финикиянка». Большая Медведица (греч. *Arktos Megale*, лат. *Ursa Maior*), известная у греков также как *Anaza* («Воз») и «Гелика» (*Helice*), упомянута Гомером (II, XVIII, 489; *Od.*, V, 272).

¹⁷ Созвездие южного направления, упомянутое уже Гомером (II, XVIII, 486 и сл.; *Od.*, V, 274). С ним после Гомера был связан миф о великане Орионе.

¹⁸ Плеяды (также «грозди» — греч. *Botreis* — «веточки», лат. *Vergilliae*) созвездие из семи видимых звезд в знаке Быка, известное уже Гомеру (II, XVIII, 486; *Od.*, V, 272). По Гесиоду, они дочери Атласа и Плеоны (*Erg.*, 383).

^{18a} Гиады, скопление звезд в созвездии Тельца. Согласно астрологическим пред-

ставления древних, под Гиадами рождались скитальцы и мятежники. Римский поэт-астролог Манилий писал: «Родившиеся в это время не находят радости в покое, не ищут досуга, но вращаются в толпах, в гражданских смутах» (Astr., 5).

¹⁸⁶ Каникула (лат. «собачка»), латинское обозначение звезды, известной грекам как Сириус (греч. «пылающий», «источающий жар»).

¹⁹ Установление Семи могущественных звезд, то есть планет — наследие вавилонской науки, неотделимой от религии. Поэтому астрономия и астрология со времен Древнего Вавилона идут нога в ногу. Для понимания текста о планетах окажется полезным текст Диодора Сицилийского, посвященный вкладу халдеев в изучение звездного неба и в гаданиях о будущем человечества и отдельных людей: «Важнейшим у них является учение о движении пяти звезд, которые называются планетами. Они у них называются «возвестителями», также как мы называем Кроном [Сатурн]... Другие же четыре звезды называются у них так же, как у наших астрологов, — Арес (Марс), Афродита (Венера), Гермес (Меркурий), Зевс (Юпитер). «Возвестителями» же они называют планеты потому, что, в отличие от других звезд, у которых нет строго определенного пути, эти следуют каждая своей дорогой, одновременно возвещая будущее и являя людям милость богов. Предсказание, говорят халдеи, может быть узнано как при восхождении, так и при нисхождении звезд, также и по их цвету, если наблюдать внимательно» (Diod., II, 30, 3 — 4). Сопоставление текста Диодора и Ампелия показывает, что число «семь» возникало из присоединения к пяти «возвестителям» Солнца и Луны. Сатурн в списке Ампелия занимает первое место, потому что он считался первым из «возвестителей» у вавилонян (халдеев). День Сатурна считался первым днем недели и у древних евреев (суббота).

²⁰ Параграф содержит распределение ветров в соответствии со знаками Зодиака. О ветрах Апелиоте, Зефире, Африке, Австре, Евре, см. ниже (5, 1 — 2) и комментарии. Аргест — северо-восточный ветер, считавшийся сухим, холодным, порывистым. В Аттике его называли Скироном, в Сицилии греки — Япигом. У Варрона и Сенеки он именуется Кором.

²¹ Евр, согласно гомеровской схеме ветров, юго-восточный ветер, бурный, но теплый. Афелиот — ионийское обозначение того же ветра. Волтурн (правильнее Вултур), в Италии, — ветер, дующий с Апеннин по направлению к Тирренскому морю. Зефир со времени Гомера — обозначение западного ветра, Кор (от греч. Хорос) — северо-западный ветер. Фавоний (лат. «благоприятный») аналог Зефира. Аквилон, Борей Апарктий — латинское и греческое названия северного ветра.

^{21a} Этесси, от греч. «годовой», «ежегодный», — пассатные северные ветры, дующие летом в Эгейском море в течение примерно сорока дней.

²² Вместо обычного *hispanus*. *Hispania* здесь и ниже (6, 7; 10, 2) *spanus*, *Spania*. Вряд ли это нововведение Ампелия. *Spania* вместо классического *Hispania* встречается в одном месте у Флора (II, 40, 10) и постоянно у Исидора Севильского.

²³ Гетулы — народ Северо-Западной Ливии, между Атлантическим океаном на западе, Мавретанией и Пумидией на севере, гарамантами на востоке, р. Пигером на юге (Strab., II, 33). Согласно Саллустию, гетулы — народ смешанного происхождения, состоящий из ливийцев и выходцев из Азии (Jug., 18).

²⁴ Гараманты — берберская народность внутренней Ливии; упоминаются их города — Гарамы и Гира, которые; стали лучше известны римлянам благодаря походу Корнелия Бальбы в 21 г. до н. э. (Tac. Ann., III, 74).

²⁵ Пасамоны — народ Северной Африки, обитавший первоначально вдоль Большого Сирта, но оттесненный в 85 г. римлянами к югу (Dion. Per., 209; Zon., IX, 19).

²⁶ Эмод — восточная часть Гималайского хребта.

²⁷ Акрокеравния — горная гряда вдоль побережья Эпира, считавшаяся наиболее опасным местом из-за постоянных бурь (отсюда выражение *Acroceravnia vita* — Ovid. Rem. Am., 739).

²⁸ Менал — тридцатикилометровая горная цепь в Аркадии, считавшаяся местом

обитания Пана, которого часто называли «Менальским». С этими же горами связаны предания об охоте Аталанты и Артемиды.

²⁹ Гидасп, самая западная из рек Пенджаба (Пятиречья). Ее индийское название Витаста. Она стала известна в античности со времени похода Александра, основавшего на этой реке город в честь своего коня — Букефала. Аракс, река в Армении (Арас, Рас). До 1897 г. она соединялась с р. Кир (ныне Кура), но теперь имеет отдельный выход в Каспийское море. Фермодон — ныне р. Терме-Чай в Турции; течет в той ее части, которая примыкает к Колхиде. В нижнем течении она образует обширную долину, где находился город Фемискира, согласно мифу, обиталище амазонок. Фазис — скорее всего Рион.

³⁰ Танаис — Дон, река, считавшаяся границей между Европой и Азией, главная торговая артерия, соединяющая побережье Понта Евксинского с Севером и Востоком. Стримон — ныне Струма, в Болгарии. Сперхий — река Греции, сохранившая ныне древнее название. Герм — река в Малой Азии, впервые упомянутая Гомером. Пактол — ныне Сарт-Чай в Турции. Меандр — самая протяженная река на северо-западе Малой Азии, известная уже Гомеру, ныне Мендерес в Турции. Каик — река на западе Малой Азии, впервые упомянутая Эсхилом, ныне Бакир-Чай в Турции. Кидн — река в западной части Малой Азии.

^{30a} Оронт — река средиземноморского побережья Азии, ныне Нар-эль-Асси. В ее плодородной долине в древности находились города Эмесса, Эпифанея, Антиохия, Селевкия. Симоис — приток Скамандра, впервые упомянут Гомером; ныне Думрек-Чай в Турции. Ксанф — река в Лидии, ранее имевшая название Сербий. Эврот — самая крупная река Пелопоннеса, делящая его на две части. Алфей — река в западной части Пелопоннеса. Ладон — приток Алфея. Ахелой — самая длинная из греческих рек, берущая начало в Эпире и впадающая в Коринфский залив. Инах — вопреки утверждению Ампелия, река Аргюлиды. Сав — река Паннонии, сохранившая ныне древнее название. Данаубий — Дунай. Идентичность Данаубия и Истра была установлена во время завоеваний Иллирии Октавианом Августом. Эридан — мифическая река Запада, в существовании которой сомневался уже Геродот. Иногда ее отождествляли с Роданом. Ампелий, очевидно, под Эриданом имеет в виду р. Пад (По). Тиберин — поэтическое обозначение р. Тибра (Tiberis) по имени речного бога или царя. Тимав — река Иллирии, впадающая в Адриатическое море семью или девятью устьями. Родан — Рона; Ибер — Эбро, Бетис — Гвадалквивир, реки Испании.

^{30b} Баграда (ныне Меджерда) — главная река северо-восточной Африки, впадающая в Средиземное море близ Утики. Тритон — название многих рек и озер в Северной Африке, скорее всего данное им греками. Даяя точное указание места протекания Тритона (Гетулия, горная область, параллельная владениям гарамантов), Ампелий лишней раз показывает хорошую осведомленность во всем, что касается Африки.

³¹ Тапробана — о. Цейлон, известный грекам со времени походов Александра Македонского. Первые описания даны Онесикритом, затем Мегасфеном, Эратосфеном. Более поздние: Strab., XV, 690—691; Periopl. M. Rubr., 61; Plin., N. H., VI, 81—92; Ptol. Geogr., VI, 4. Дипломатические отношения между Тапробаной и Римом были установлены в середине I в.

³² Филе, по описанию Пифея из Массилии, остров, расположенный в шести днях пути от Британии, поблизости от Полярного круга (Исландия, Шетландские острова?). Наряду с формой Thyle (Plin., N. H., II, 186) в римскую эпоху употреблялась также и форма Фуле (Tac. Agr., 10).

³³ На самом деле Киклады составляли 31 остров, не считая мелких и мельчайших. В Списке Скилака 19 островов (48, 58), но некоторые из них не входят в список Ампелия.

³⁴ Эхинады — каменистые островки к востоку от Закинфа и Кефаллени (Strab., X.2.18). Строфады — два островка в 400 стадиях от города в Мессении Кипариссии, владениями которой они считались.

³⁵ Стоихады — пять островов перед южным берегом Нарбонской Галлии. Керкина и Меникс — острова примерно одинаковых размеров в Сиртском море. Меникс отождествляли с гомеровской страной лотофагов, поскольку там имелся алтарь Одиссею (Polyb., I, 39; Strab., XVII, 3, 16—17). Гирба — остров с одноименным городом.

³⁶ Учение Эратосфена о четырех морях — заливах Океана в римскую эпоху развивали Помпий Мела (III, 39), Плиний Старший (VI, 9, 28). Тезис Птолемея о замкнутости Каспийского моря (VII, 5, 4) не получил распространения.

³⁷ Вопреки утверждению Ампелия о происхождении названия Миртойского моря от Миртила (возничего Эномая), оно его получило от острова Мирто.

³⁸ Большой и Малый Сирты — два полуострова Ливии, выступающие в Средиземное море и образующие обширный залив, именованный в древности Сиртским морем или Сиртами. Подробнее об опасностях, ожидавших в Сиртском море мореходов, см. в: Lucan. IX, 303 sqq. Танаитское море — необычное название Меотидского озера. Как и многие другие древние авторы, Ампелий преувеличивает размеры Меотиды, делая ее границей между Европой и Азией.

³⁹ Испорченное место. Восстанавливается с помощью Arist. Mir., 36; 127; Strab., VIII, 5, 8. Топоним Athamantia связан с эпирским племенем «афаманов».

⁴⁰ Возможно, Кастора, Поллукса и Елену усмотрели в рисунке первобытного художника на стене пещеры.

⁴¹ Место в рукописи испорчено; издатель К. Тжукке предлагает чтение Hippoboton — «взрачивающий коней».

⁴² + styphonis вызвало уже в XIX в. самые различные попытки толкования, обобщенные Э. Роде (Rhode E. Psyche. Tübingen, 1902, P. 121) — Typhonis, Tychonis, Trophonii. Обычно в изданиях Ампелия предлагается Typhonis. Но Юпитер (Зевс) Тифоний в античной традиции неизвестен. Существовал культ Зевса Трофония и его оракул (Paus., IX, 37, 5), но не в Аргосе, а в Беотийской Лебадее. Если Ампелий имеет в виду этот культ, то под «некоторыми, видевшими самого Юпитера», мог иметься в виду Аполлоний, спускавшийся в пещеру и будто бы говоривший с богом (Phil. Apoll., VIII, 19). Таким образом, мы обладаем скрытой ссылкой на Филострата (170—244 гг.), которая подкрепляет принятую нами датировку «Памятной книжицы».

⁴³ Левка (Левкада) — остров в Ионийском море, получивший название от белых известняковых скал в западной части острова. Левкада уже известна Гомеру как этап на пути душ в царство мертвых (Od. XXIV, 11). На вершине круто обрывающегося к морю высокого мыса Левкады имелся храм Аполлона, откуда сбрасывали преступников для отвращения гнева богов. При этом к жертве привязывали перья, чтобы облегчить падение. Сброшенного вылавливали в море рыбаки и переправляли за пределы острова (Strab., X, 2, 9). С этого же места, называвшегося «Прыжок», первой бросилась Саффо, страстно влюбленная в Фаона, или, как считали другие авторы, Кефал, влюбленный в Птерела, сына Деионея (Strab., X, 2, 9).

⁴⁴ Сикион — древнейший микенский центр близ Коринфа. Названный Ампелием храм Аполлона соответствует упомянутому Павсанием храму богини Убеждения (Πειθώ), где в древности отправлялся культ Аполлона (Paus., II, 7, 7—9). В числе приношений этого храма из названных Ампелием даров у Павсания присутствует флейта Марсия (кроме них еще копы Мелеагра). При этом Павсаний сообщает, что к его времени храм вместе со всеми приношениями сгорел. Отсюда явствует, что Ампелий заимствует сведения из источника, относящегося ко времени до пожара. Впервые о Паламее как изобретателе письмен см. в: Стесихор, фр. 213 (Poetae Melici graeci/Ed. Page. Oxf., 1962).

⁴⁵ О храме Геры в Арголиде см. в: Paus., II, 17, 1—3.

⁴⁶ Ср. Strab., IX, 8, 3; Paus., I, 34, 2, II, 23, 2. Амфиарай — локальное божество Беотии эгейско-догреческого происхождения. Имя его засвидетельствовано в микен-

скую эпоху (a-pi-ja-re-wo — Кп X, 94). Легенда о гибели Амфиарая — свидетельство хтонического характера божества.

⁴⁷ Ср. Arist. Mir., 155; Val. Max., XIII, 14, 6. Упоминание о том, что Дедал изображен на щите Афины в Парфеноне, — ложная информация (см. Preishofen F. Phidias-Daedalus aus dem Schild Athena Parthenos. — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, 1974, 68, S. 50—69).

⁴⁸ Роетеон (Ροίτεον) — небольшой город в Троеде, к северо-востоку от Трои, на холме Ески — Кале (по-тур. «Старая крепость»). О его древностях см. в: Strab., XIV, 1, 22; Plin., N. II., V, 30, 125.

⁴⁹ Речь идет о знаменитом храме Артемиды, расположенном в цитадели Эфеса на горе Пион. Воздвигнутый около 560 г. до н. э., он уже тогда был крупнейшим из архаических святилищ — 115 × 55 м. Вокруг храма шла двойная колоннада ионийского ордера. Сожженный в 356 г. до н. э. Геростратом, храм был восстановлен эфесцами на том же фундаменте. В украшении восстановленного храма приняли участие художник Апеллес, скульпторы Скопас и Пракситель. В центре наоса находилась статуя Артемиды. Храм был снова разрушен в 263 г. н. э. готами, а позднее окончательно уничтожен победившими христианами. Упоминание храма Дианы-Артемиды как существующего служит свидетельством написания «Памятной книжицы» до 263 г. н. э. Ампелий указывает точное устройство и размеры входной двери. Сообщение обрывается на упоминании ступеней лестницы, ведущей к храму. К чему относится число 140 000, неясно; возможно, это стоимость работ.

⁵⁰ Имеется в виду храм Геры (Герайон) на о. Самос. Храм был расположен в 5 км к западу от порта. Древнейшую храмовую постройку датируют VIII в. до н. э. Между 600 и 550 гг. храм был перестроен, окружен колоннадой из известняка местными архитекторами Феодором и Роиком, которым кроме того приписывают открытие техники бронзового литья с использованием воска, секрет которой считается утраченным. В 530 г. до н. э. при Поликрате храм был разрушен землетрясением и затем восстановлен на более высоком фундаменте. В ходе раскопок на территории храма было обнаружено значительное количество памятников так называемого «самосского стиля» из бронзы, камня, слоновой кости геометрического периода и классической эпохи. Видимо, описанный Ампелием сосуд с головками баранов принадлежал к этому же стилю.

⁵¹ Уникальное в античности описание знаменитого Пергамского алтаря. Пользуясь им, в 1878 г. Карл Гуман раскопал этот памятник на фундаменте 36 × 44 × 34,2 м. Алтарь Зевса был воздвигнут царем Пергама Эвменом II в память о победе, одержанной им около 230 г. до н. э. над вторгшимися галатами.

⁵² Иас — город в Кари, в 40 км к юго-востоку от Милета. Согласно легенде, он был основан эллинами, прибывшими из Аргоса. В V в. до н. э. Иас — член Делосского союза. Остатки города находятся на полуострове длиной в 5 км, сужающемся до ширины в 2 м. Во времена Августа Иас — городок земледельцев и торговцев (Strab., XIV, 1, 22). Судя по сообщению Полибия (XVI, 12, 4) и надписям, в Иасе среди других богов и богинь почиталась Артемиды (Диана). В ходе раскопок были обнаружены конструкции из блоков различной формы. Одна из них служила основанием для статуи Артемиды, о которой другие древние авторы не сообщают.

⁵³ Баргил (Баргилия) — прибрежный город в Кари. Полибий сообщает о том же чуде, но связывает его с храмом Артемиды Кандиадской (XVI, 12, 3).

⁵⁴ Называя город «Магнезией у Сипила», Ампелий тем самым уточняет, что речь идет о городе, расположенном в долине р. Герм, а не о Магнезии на р. Меандр, в 15 км к югу от Эфеса. Близ Магнезии у Сипила римляне в 190 г. до н. э. разбили вдребезги армию Антиоха III Великого, обеспечив себе господство на всем восточномсредиземноморском побережье. Возможно, описанный Ампелием памятник Виктории, использующий свойство магнетизма, находился на месте победы, одержанной братьями Сципионами.

⁵⁵ В последней фразе речь идет о статуе Сатира. Ср. Apollod., II, 1, 4.

⁵⁶ Речь в этом плохо сохранившемся параграфе идет о двух статуях Юпитера (Зевса): одной — на острове Кипр, другой — в Олимпии работы Фидия. Возможно, кипрская статуя — копия той, которая находилась в Олимпии.

⁵⁷ Испорченное место. Дается детальное описание дворца Кира в Экбатанах, который, по словам Полибия (X, 27, 8), «весьма пригоден для тех писателей, которые любят составлять поразительные рассказы и привыкли украшать преувеличениями свои пространные повествования». Впрочем, в деталях описание Ампелия ближе к данному Полибием (X, 27, 9—11), чем к имеющемуся у Геродота (I, 98).

⁵⁸ Видимо, слова «Сооружение Мемнона» должны быть отнесены к предшествующему описанию дворца в Экбатанах, ибо Мемнон известен как архитектор Кира. Впервые описание стен Вавилона как одного из чудес света дано Геродотом (I, 178—181). Возможно, разница в ширине и высоте Вавилонской стены у Геродота и Ампелия (50—30, 130—200) объясняется тем, что Ампелий (точнее, его источник) перевел царские локти как меры длины в греческие — согласно Геродоту, царский локоть на три пальца больше обыкновенного. Также и Геродот называет Семирамиду (у Ампелия — «Самарамид») одной из строительниц Вавилонской стены (I, 184).

⁵⁹ Описание египетских пирамид утрачено. Их строитель Агарт — лицо неизвестное.

⁶⁰ Речь идет о статуе Нила, почитавшегося под именем Хапи еще во времена фараонов. Отрывочность текста не позволяет отождествить описанную Ампелием статую с каким-либо известным из античной литературы памятником.

⁶¹ Излагаемые в этой главе сведения восходят к несохранившимся трудам александрийских филологов, занимавшихся классификацией знаний, в том числе и представлений о богах. Детальный разбор этой главы см. в: *Colonna V. Sul car. 9 de Liber memorialis di Lucio Ampelio.* — AFLB, 1972, XV, p. 67—104.

⁶² О трех Юпитерах (Зевсах), двух аркадских и одном критском, до Ампелия писал Цицерон (*Nat. Deor.*, III, 21, 53) и другие древние авторы (см. Лосев А. Ф. *Античная мифология.* М., 1957, с. 95; *Della Casa A. Quot fuere Ioves.* — *Muthos. Scripta in honorem U. Untersteiner.* Genova, 1970, p. 127—156).

⁶³ В рукописи *εχενωριζω*. Видимо, это не понятое переписчиком греческое слово эпитет от *ἑξενωρίζω* — «совлекаяю одежды с убитого». Ср. *Hes. Scut.*, 192 — «доспехосовлеченный Арес» (перев. О. П. Цыбенко).

⁶⁴ Ср. *Cic. Nat. Deor.* с тем различием, что у Цицерона вместо одного сына родосского Гелиоса Сминфея — четыре сына: Иамис, Камир, Линд и Род (эпонимы Родоса и трех его главных городов); вместо Кирки, Медеи и Фазтона у колхского Гелиоса, по Цицерону, двое детей — Кирка и Эет (Айт).

⁶⁵ В рукописи *primus Crio Aethiope natus*. Предлагались чтения *Caelo et Ore*; *Crio et Iurre*. Мы принимаем последнее. Крий (Крейос) — один из титанов. Иопа, дочь Эола, с именем которой связывалось название города филистимлян Яфы (*Steph. Byz. s. v.*). У Цицерона (*Nat. Deor.*, III, 55) также приводится генеалогия четырех Вулканов, но она не совпадает с генеалогией Ампелия. Примечательно, что четвертый Вулкан у обоих авторов локализуется в Сицилии. Отцом его Цицерон называет Мамалия, Ампелий называет лишь мать Мелиту. Предполагаемый источник обоих авторов Эвгемер, на которого Ампелий ссылается в той же главе.

⁶⁶ У Цицерона (*Nat. Deor.*, III, 56) не четыре, а пять Меркуриев: четвертый и пятый Меркурии — египетские. У Ампелия и Цицерона совпадают родословные лишь первого из Меркуриев.

⁶⁷ У Цицерона (*Nat. Deor.*, III, 57) не пять, а четыре Аполлона. Отсутствует Аполлон, сын Амона, рожденный в Ливии. Корибант, отец второго Аполлона, один из вооруженных служителей Реи, данных ей титанами. В критских преданиях корибанты, отождествлявшиеся с куретами, считались свитой Реи и воспитателями младенца Зевса (*Acus. ap. Strab.*, X, 472).

⁶⁸ Сведения Ампелия и Цицерона (*Nat. Deor.*, III, 58) о Дианах совпадают по числу богинь, но расходятся в их родословных. У Цицерона первая Диана — дочь

Юпитера, а не Крона; отцом второй Дианы Цицерон называет критского Юпитера, а матерью — Латону. Матерью третьей Дианы Цицерон и Ампелий называют Главку. Но она у Ампелия именуется Упой, Цицерон же называет Уписа отцом этой Дианы. Скорее всего ошибку допустил Цицерон (или его источник).

⁶⁹ Число Эскулапов у Ампелия и Цицерона (Nat. Deog., III, 57) совпадает, но сходится генеалогия лишь первого из Эскулапов. Имя Елат носили кентавр, вытащивший ядовитую стрелу у Геракла и одновременно ранивший Хирона, и царь лапифов из Ларисы, а также царь Аркадии. Аристет — имя, другим авторам неизвестное. Алкиппа — дочь Ареса.

⁷⁰ Сведения Ампелия и Цицерона о них совпадают (ср. Cic. Nat. Deog., III, 59), но Ампелий не сообщает о родителях третьей и четвертой Венер.

⁷¹ Сведения Ампелия и Цицерона (Nat. Deog., III, 59) совпадают.

⁷² Совпадают сведения о первом и пятом Дионисе (Либере) у Ампелия и Цицерона (Nat. Deog., III, 58). Отец второго Либера Мелон — древнее божество растительности, связанное с Гераклом. Упоминание в связи со вторым Либером реки Граник дает основание думать, что речь идет о фригийском речном или горном божестве. Нис фигурирует и у Цицерона как отец четвертого Диониса. Идентичность его с Нисом, сыном царя Афин Пандеона II или Ареса (Hug. Fab., 198), проблематична. Фиона — второе имя матери Диониса Семелы.

⁷³ Под именем «Крон» скрывается семитское божество Ваал Хамон (Эл?). «Картера», по-видимому, — перевод на греческий пунийского эпитета в значении стойкости — καρτερία. Иааб, очевидно, Иао — финикийское имя Диониса (Lyd. Mens., IV, 38). Алкемена — дочь Электриона, царя Микен. По преданию, она родила близнецов: от бога — Геракла, от смертного — Ификла; см. Hom. Od., XI, 266; Hes. Aspis., 1—56.

⁷⁴ В начале списка ассирийских царей у Ампелия поставлен Бел, тогда как у Александра Полистора первым назван Иин, а Бел, сын Деркетады, последний из царей до Семирамиды (FHG., III. Al. Polyh., 2). Традиция Ампелия восходит к «Хронике» Кастора из Фанагории (I в. до н. э.), где Бел — первый из ассирийских царей, современник Огига. Бел — форма имени финикийско-ханаанского Баала (Paus., I, 16, 3; Arr. Anab., III, 16, 4).

⁷⁵ Со времени историка Ктесия (конец V — начало IV в. до н. э.) Иин в античной историографии рассматривается как основатель Ассирийской державы; см. подробную версию у Диодора Сицилийского (II, 1—20). В ассирийском списке царей, состоящем из 121 имени, нет царя Нина, но присутствуют имена с основой «нин» — Кидин-Нинлу (ок. 1633—1620 г. до н. э.), Тукульти-Нинурта I (1244—1208 г. до н. э.). В ветхозаветной мифологии соответствием легендарному Нину является Нимрод, богатырь и охотник, сын Куша и внук Хама.

⁷⁶ «Семирамида» — взамен обычного написания «Семирамида». Легендарная вавилонская царица, впервые упомянута Геродотом (I, 184; III, 154). Деркет — искаженное имя сирийской богини Атаргитис. Отсюда же имя предпоследнего мифического царя Ассирии Деркетада, потомка Семирамиды (FHG., III. Polyhist. fr., 1, 2).

⁷⁷ Сарданапал, легендарный ассирийский царь, впервые упомянутый Геродотом (II, 150) как царь Нина. В античной историографии (Ктесий, Диодор, Афиней и др.) — воплощение роскоши, погубившей могущественную державу.

⁷⁸ Арбак — легендарный полководец мидян и разрушитель Ниневии; ср. Just., I, 3; Nic. Dam., Hist., 8—9.

⁷⁹ Астиаг — последний царь Мидии; ср. Herod., I, 73—75; 107—112; 114—130; Just., I, 6, 16; Strab., XV, 3, 8.

⁸⁰ Об основании Камбизом Мерое см. также в: Strab., XVII, 1, 5; Diod., I, 33, 1; Joseph. A. Jud., II, 10, 2. Это свидетельство недостоверно.

⁸¹ Имя Ксеркс (Xerxis) в разных частях труда имеет особую транскрипцию: в 13, 4 — Serses, в 14, 7 — serxis, в 15, 1 — Xersis. В переводе мы не сохраняем этих особенностей написания.

⁸² Эврисфен и Прокл — спартанские цари, сыновья Аристодема. Эврисфен был прауродителем Агиадов (Herod., IV, 147; VI, 52; VII, 204; Paus., III, 1, 7; Cic. Div., II, 90). Согласно Плутарху (Лук., I), Прокл-дед (по другим данным — отец) Эврипона, прауродителя Эврипontiдов (Herod., IV, 147; VII, 131). После промежуточного правления своего родственника Фера, происходившего из рода Кадама (Herod., IV, 147; Paus., IV, 34) Эврисфен и Прокл дали спартанцам законы и определили им места для поселения (FHG, I, Hellan., f. 91; FHG, I, Ephor., frg. 18).

⁸³ Феопомп из рода Эврипontiдов (ок. 785—738 г. до н. э.) и Полидор из рода Агиадов — спартанские цари, ведшие первую Мессенскую войну, в ходе которой была завоевана Мессения, а мессенцы превращены в илотов.

^{83a} Офриад, один из трехсот спартанских воинов, участвовавших около 550 г. до н. э. вместе с тремя сотнями аргосцев-изгнанников в войне за область Аргоса Фиреатиду; см. Herod., I, 182; Paus., II, 20, 7; 38, 5.

^{83b} Тиртей, сын Археброта, спартанский полководец и поэт, автор пяти книг элегий, участник второй Мессенской войны. Легенда о его афинском происхождении не заслуживает доверия.

^{83в} Леонид, царь Спарты, командовавший союзным войском в битве при Фермопилах (480 г. до н. э.). Героически сражался с превосходящими силами персов до конца.

^{83r} Павсаний, царь Спарты (480 — ок. 467 г. до н. э.), племянник и преемник царя Леонида, командовавший союзным войском в битве при Платеях (479 г. до н. э.). Приписав победу себе, он вызвал недовольство не только союзников, но и спартанцев. После других успешных операций в войне с персами был обвинен в коррупции, сношениях с илотами с целью захвата власти. Отстраненный от должности эфорами, был приговорен к смерти.

⁸⁴ Лисандр — спартанский военачальник-наварх эпохи Пелопоннесской войны. Нанес поражение афинянам в битве у мыса Нотия (407 г. до н. э.) и у Эгоспотамов (405 г. до н. э.). Осуществил блокаду Афин и принял их капитуляцию.

⁸⁵ Ксантип — предводитель спартанских наемников, прибывший вместе с отрядом в Карфаген в 256 г. до н. э. и умелой тактикой и энергичными действиями добившийся перелома в ходе военных действий в Африке. Затем Ксантип служил в армии Птолемея III Эвергета (Polyb., I, 32; 36; Diod., XXIII, 14—15).

⁸⁶ Спартанский царь Агесилай III, сын Архидама II (444—360 г. до н. э.). Как военачальник он впервые прославился в Малой Азии (396—394 г. до н. э.), где ему удалось разбить войско персидского сатрапа и на некоторое время захватить Фригию. Отозванный Спартой, он в 394 г. до н. э. разбил при Коронее беотийцев (Хеп. Hell., III, 3; Plut. Ages. passim.).

⁸⁷ Вероятный источник сведений Ампелия в этой главе: Юстин (II, 6, 7; 12, 14; 15, 19), Корнелий Непот (Milt., 15; Arist., 1, 2; Sim., 2, 2; Alc., 1, 13; Thras., 1, 2, 5; Iph., 1, 1). Список афинских царей у Ампелия фрагментарен. В списке «Паросского мрамора» насчитывается 11 имен, в списке Кастора — 30 имен царей.

⁸⁸ Кекропс, змееподобный бог, почитавшийся на акрополе в Афинах и превращенный легендой в родоначальника афинских царей. Одна из 10 аттических фил называлась «Кекропида». Кекропсу приписывалось создание Двенадцатиградья для отражения возникшей для Атики опасности со стороны карийцев и беотян (FHG., I, fr. Philoch., 11), учреждение культа Кроноса и Реи. Ко времени его царствования был отнесен спор между Посейдоном и Афиной за обладание Аттикой (Apollo., III, 178).

⁸⁹ В полных списках афинских царей Эрихтоний занимает четвертое место. Преемник Амфиктиона, которого он изгнал, Эрихтоний считался сыном Гефеста от дочери второго царя Краная или же Гефеста и Афины (Paus., I, 2, 6). Келей (по одной из версий отец Эрихтония) большинством авторов считался наряду с Триптолемом, Диоклом, Эвмолпом, Поликсеном и Долихом автохтонным базилевсом Элевсина (Not. h. V, 154 sq., 474 sq.).

⁹⁰ В «Паросском мраморе» (*Marmor Parium*.— *FgrH.*, Bd. II, № 239) присутствуют два Пандиона, первый из которых занимает в списке афинских царей пятое место и идентичен Пандиону Ампелия. Этот Пандион считался сыном Эрихтония, отцом Эрехфея, Бута, Филомелы и Прокны. Ампелий (или его источник) дает сказке о превращениях девушек в птиц политическое толкование.

⁹¹ Демофонт, сын Тесея и Федры. Гомеру участие Демофонта и его брата Акаманта в Троянской войне неизвестно. Как самостоятельные предводители воинского отряда, участвовавшего в Троянской войне, Демофонт и Акамант появляются впервые, по-видимому, в аттической трагедии. В числе афинских царей Демофонт включен как преемник Менесфея в сравнительно позднее время: *Diod.*, IV, 62; *Plut. Thes.*, 35. Алтари Демофонта и Акаманта находились в гавани Фалерона (*Paus.*, I, 1, 4).

⁹² Убит, вопреки утверждению Ампелия, был один Гиппарх.

⁹³ Битва при Книде в августе 394 г. до н. э.

⁹⁴ Арбела — город в Вавилонии (*Strab.*, XVI, 1, 3).

⁹⁵ Примечательно отнесение Бактры к числу четырех знаменитых городов Азии. Более ранним авторам столица Бактрии известна под именем Зариаспа (*Polub.*, X, 49; *Ag.*, IV, 1, 5) или Зариаста (*Plin.*, N. H., VI, 48).

⁹⁶ С помощью текстов Флора (I, 28, 3) и Ливия (XLII, 52, 11) лакуна заполняется следующим образом: *ferocissimis auxiliis Thracum et Gallogum cum* («с невероятно дикими вспомогательными отрядами фракийцев и галлов») — см. вступ. статью Э. Ассмана к тойберновскому изданию Ампелия (с. XXV).

⁹⁷ Л. Эмилиий Павел Македонский, сын консула 216 г. до н. э., носившего то же имя. Будучи консулом в 168 г. до н. э., он одержал победу над македонским царем Персеем. В рукописи Ампелия болото названо *sgiriam. Ascyridam* восстановлено Ассманом с помощью текстов Ливия (XLIV, 5, 6) и Флора (I, 28, 5). Об упоминаемых здесь слонах и сокровищах см. в: *Liv.*, XLIV, 10 и 41—42.

⁹⁸ Вследствие утраты соответствующих книг исторических трудов Полибия и Ливия рассказ Ампелия о Лже-Филиппе (Андриске) является одним из наиболее обстоятельных в античной историографии. См. *Liv. Per.*, 49; *Diod.*, XXXII, 9, 15. Сообщения Ливия, Диодора и Ампелия скорее всего восходят к одной из несохранившихся книг «Всеобщей истории» Полибия.

⁹⁹ Кв. Цецилий Метелл, победитель воцарившегося в Македонии самозванца Андриска, получивший за эту победу когномен «Македонский». Война его с кельтиберами относится к 144—143 гг. до н. э.; подробнее см. *Vell. Pat.*, I, 15.

¹⁰⁰ Т. Манлий Торкват, трижды консул (347, 344, 340 гг. до н. э.). Образец римской доблести и неумолимой отцовской власти (*Liv.*, VIII, 6).

¹⁰¹ Т. Квинций Цинциннат, диктатор 458 г. до н. э., которому, согласно легенде, командование в войне с эквами было вручено во время сельскохозяйственных работ (*Plin.*, N. H., XVIII, 20).

¹⁰² Г. Папирий Курсор (Быстроногий) римский полководец, прославившийся в Самнитской войне 326—313 гг. до н. э. и, согласно легенде, отомстивший самнитам за позор Кавдинского ущелья.

¹⁰³ Маний Курий Дентат, победитель Пирра и самнитов в битве у Таренпа (273 г. до н. э.), в римской традиции — образец римской доблести и неподкупности.

¹⁰⁴ П. Корнелий Руфин, консул 290 и 277 гг. до н. э. Был изгнан из сената в 275 г. до н. э. Г. Фабрицием Лусцином, сыном Гая (*Flor.*, I, 13, 22).

¹⁰⁵ М. Клавдий Марцелл, сын Марка, консул 222, 215 и 214 гг. до н. э. Его командование в Кампании относится к 215—214 гг. до н. э.

¹⁰⁶ Г. Клавдий Нерон во время своего консульства в 207 г. до н. э. нанес поражение Гасдрубалу у р. Метавр.

¹⁰⁷ Утверждение об установлении Августом диктатуры, а не о восстановлении им республики, как гласила инспирированная диктатором официальная пропаганда, разумеется, не ошибка Ампелия, а отражение враждебной Августу линии в римской

историографии. Также и Флор (II, 34, 66) утверждает, что «Август был провозглашен диктатором».

¹⁰⁸ Аппий Клавдий Цек (Слепой), цензор 312 г. до н. э.

¹⁰⁹ Кв. Лутаций Катул, консул 78 г. до н. э., оказавший сопротивление попыткам своего коллеги М. Эмилия Лепида отменить законы Суллы.

¹¹⁰ М. Эмилий Скавр, консул 115 г. до н. э., цензор 109 г. до н. э., триумфатор в войне с лигурами и гангисками.

¹¹¹ Имеется в виду уничтожение 300 Фабиев в битве при Кремере (Liv., II, 49, 4; Dion. Hal., IX, 15).

¹¹² Г. Муций Корд Сцевола, римский герой времени войн римлян с Порсенной (258 г. до н. э.).

¹¹³ Эпизод из истории Первой Пунической войны. Вероятный источник — Флор (I, 18, 13). Ср. Liv., XXII, 60, 11.

¹¹⁴ Г. Фабий Дорсуон, понтифик 390 г. до н. э. Ср. Liv., V, 16, 52.

¹¹⁵ Г. Эмилий Регул, консул 250 г. до н. э. Ср. Cic. Off., I, 39; Liv. Per., 18.

¹¹⁶ Спурий Постумий Альбин, консул 334 и 321 гг. до н. э. Вместе с окруженными римскими легионами он был проведен под ярмом не Телезином, а Гавием Понтием. Телезин — командир самнитов в гражданской войне 82 г. до н. э. Та же ошибка у Ампелия ниже (28, 2), ее повторяют Евтропий (X, 17, 2) и автор De vir. ill., 30, I.

¹¹⁷ Луций Цецилий Метелл, консул 251 и 247 гг. до н. э., великий понтифик с 243 г. до н. э. Спасение Палладия относится к 241 г. до н. э.

¹¹⁸ Т. Ливию имя Агрона неизвестно. Оно появляется у Валерия Максима (III, 33) и Флора (I, 1, 11).

¹¹⁹ Очевидно, М. Клавдий Марцелл, первый зять Августа. В этом случае Виридомар — царь испанских кельтов.

¹²⁰ Консульство Кв. Лутация Катула (совместно с Г. Марием) относится к 102 г. до н. э. Неясно, какой из Опимиев был участником единоборства с кимвром. Во всяком случае, им не мог быть Л. Опимий, консул 121 г. до н. э., изгнанник со 109 г. до н. э.

¹²¹ Когномен Африканский получили два Сципиона — П. Корнелий Сципион за победу над Ганнибалом и П. Корнелий Сципион Эмилиан за разрушение Карфагена; последний получил также имя Нумантийский за разрушение Нуманции. П. Сервилий Ватия получил имя Исаврийский за победу над киликийским племенем исавров, известных разбойничьими набегами на суше и на море (75 г. до н. э.). Имя Галлекийский было присвоено Дециму Юнию Бруту, консулу 138 г. до н. э. за победу над галлеками, племенами северо-западной Испании (впрочем, через год триумфатор потерпел от них сокрушительное поражение). Имя Македонский впервые было получено Л. Эмилием Павлом (родным отцом П. Корнелия Сципиона Африканского и Нумантийского) за победу над македонским царем Персеем в 168 г. до н. э. Вторым его получил Кв. Цецилий Метелл в 146 г. до н. э. за победу над Андриском — самозванцем, принявшим имя сына Персея Филиппа. Когномен Германик (Германский) был получен Г. Клавдием Нероном Друзом и стал наследственным в фамилии Юлиев-Клавдиев. Впоследствии римские легионы на Рейне сами присваивали своим полководцам когномен Германик; его носили императоры Тиберий, Вителлий, Домициан, Марк Аврелий, Коммод. Согласно легенде, первым получил когномен «за свои деяния» Гн. Марций за победу над городом Кориолы (Кориолан). Ампелий вполне разумно опустил этот случай, не заслуживающий доверия. Но им также опущен когномен Британик (Британский). Его получил Тиберий Клавдий Нерон Цезарь Германик (император Клавдий) и тут же передал его своему двухлетнему сыну, который, будучи позднее убит Нероном, не смог его передать никому.

¹²² Ампелий употребляет выражение de Antiocho triumphavit, поскольку победителем Антиоха был брат Луция Сципиона Азиатского Публий, сопровождавший Луция в Сирийском походе.

¹²³ П. Корнелий Сципион Назика Коркул, великий понтифик с 150 г. до н. э.

¹²⁴ Кв. Метелл Пий Сципион, консул 52 г. до н. э. Был разбит в битве при Тапсе.

¹²⁵ Первая (легендарная) сецессия 494 г. до н. э. (иногда называемая также *seeditio* — «Мятеж») была, согласно древнейшей традиции, уходом плебеев на соседний холм Авентин, согласно же более поздней традиции — на отдаленную Священную гору. Вторая сецессия 449 г. до н. э. была результатом ликвидации триумвирами народного трибуната (к этому присочинили насилие, якобы совершенное главой триумвиров над дочерью плебея девицей Виргинией). Третья сецессия 287 г. до н. э. была удалением плебеев на Яникул в связи с непризнанием патрицианской общиной решения собраний плебеев (плебисцитов). Сецессии, фигурирующие у Ампелия как третья и четвертая, — поздние конструкции.

¹²⁶ Гай Канулей, народный трибун 445 г. до н. э. Его закон о браке составлял важнейший этап борьбы плебеев; см. *Cic. Rep.*, II, 61; *Flog.*, I, 17.

¹²⁷ На самом деле — Г. Лицинием Столоном, народным трибуном с 376 по 367 г. до н. э.; ср. *Flog.*, I, 17, 26. Имя Сульпиций носил шурин народного трибуна, патриций Кв. Сульпиций Лонг, соперничеством с которым Ливий и Флор объясняют ожесточение Лициния против патрицианского сената.

¹²⁸ *Sр. Liv.*, II.

¹²⁹ С. Спурий Мелий, народный трибун 439 г. до н. э., убитый начальником конницы Г. Сервилием Агалой во время раздачи хлеба неимущим.

¹³⁰ Очевидно, имеется в виду Спурий Торий, народный трибун 111 (или 118) г. до н. э., земельный закон которого, запрещая дальнейший передел земель, положил конец аграрной реформе Гракхов; см. *Cic. De or.*, II, 284; *Brut.*, 136; *App. BC*, I, 121—124.

¹³¹ М. Манлий Капитолийский, консул 392 г. до н. э., защитник Капитолия во время нашествия галлов на Рим в 390 г. до н. э.

¹³² Изложение событий, предшествующих образованию державы Митридатидов, дается по Геродоту (III, 61) и Юстину (1, 9, 3).

¹³³ Имена семи персов у Ампелия не совпадают с именами у Геродота (III, 68). Саферн, видимо, вариант имени Артаферн, а не ошибка Ампелия, так как Саферн упомянут в схолиях к «Персам» Эсхила (778 г. до н. э.) и у Георгия Синкелла (р. 246 с).

¹³⁴ У Геродота Эбар. Превращение его в Ибера, видимо, результат сближения с этнонимом Кавказа «иберь».

¹³⁵ Селевк Никатор (311—281 гг. до н. э.), видимо, включен в список царей Парфии потому, что его сатрапия Вавилония впоследствии стала территорией Парфянской державы. Также эра Селевка использовалась для датировки документов в Парфии. Арридей, слабоумный сводный брат Александра был провозглашен наследником Александра под именем Филиппа III, но реальной власти не имел.

¹³⁶ Это персидское имя носил основатель династии Арсакидов (или Аршакидов) Арсак I (ок. 248—215 гг. до н. э.). Согласно Страбону (XI, 9, 2), в древности не было ясности, был ли Арсак I скифом или бактрийцем. Ближе всего к Ампелию свидетельство Юстина: «Арсак — человек неизвестного происхождения, но испытанной доблести» (XLI, 4, 7). Тот Арсак, с которым заключил мир Сулла, считался восьмым в списке парфянских царей.

¹³⁷ Царь Парфии Ород II (58—39 гг. до н. э.).

¹³⁸ Имеется в виду Пакор I, сын Орода, современник Г. Юлия Цезаря. Его нападение на Сирию относится к 51 г. до н. э., а гибель — к 38 г. до н. э.

¹³⁹ Глава сохранилась в виде обрывков. При этом вместе с царями Каппадокии и Армении речь идет в ней также о тиранах Самоса и Коринфа.

¹⁴⁰ Царь Армении под именем Белл неизвестен. Возможно, Белл (Баал) — имя вавилонско-ханаанского божества, истолкованное как царское имя под влиянием Эвгемера или заимствованное Ампелием у Эвгемера.

¹⁴¹ Поликрат, тиран Самоса, убитый сатрапом Камбиза Оройтом в 522 г. до н. э. Если фраза об убийстве по приказу Дария относится к Поликрату, то это ошибка.

¹⁴² Периаандр, сын Кипсела, тиран Коринфа, около 600—560 гг. до н. э. Фраза «Подчинил всю сушу и моря до римлян» может быть понята в свете сообщения Николая Дамасского (58,3) о господстве Периаандра на западных морях и в Эгеиде.

¹⁴³ Тимолеонт убил своего брата Тимофана, тирана Коринфа (Plut. Timol., 3, 4; Nep. Timol., 1; Diod. XVI, 25, 6) и изгнал из Сиракуз тирана Дионисия Младшего в 344 г. до н. э. (Plut. Timol., 25; Nep. Timol., 2, 4), после чего тот поселился в Коринфе и жил там в изгнании до времени Александра Македонского. Вместо «царя Сирии», очевидно, следует читать «царя Сиракуз».

¹⁴⁴ В лакуне после «Филиппа» можно ожидать слово *scriba* — «секретарь, писец», эквивалент греческого *οὐραγράφων*.

¹⁴⁵ Имеется в виду Эвмен II (197—160 гг. до н. э.), см. Nep. Eum., I, 1, 13, 2.

¹⁴⁶ Аттал III (160—133 гг. до н. э.), ср. Flor., I, 35, 2.

¹⁴⁷ Фарнак II, царь Понта и Боспора (63—47 гг. до н. э.), подчинивший племена за Танаисом и Гипанисом, принявший титул «царя царей». После битвы при Зеле с Цезарем, в которой Фарнак потерпел поражение, он бежал в Боспорское царство, где вскоре погиб в войне против Асандра. Вифиния, вопреки утверждению Ампелия, не вошла в восстановленное Фарнаком Понтийское царство.

¹⁴⁸ Имеется в виду Пруссия I — царь Вифинии в 230—182 гг. до н. э. Ганнибал после бегства из Антиохии возглавлял флот Пруссии, ведшего войну с Эвменом (188—183 гг. до н. э.). См. Nep. Hann., 122.

¹⁴⁹ Никомед IV Филопатор (ок. 94—74 гг. до н. э.), у которого юный Цезарь спасался после бегства из Рима в 80—79 гг. до н. э. В 74 г. до н. э. Никомед передал свое царство Риму по завещанию.

¹⁵⁰ Птолемей I Сотер, сын Лага, первоначально бывший телохранителем Александра Македонского. Оксидраки — прославленная доблестью народность Индии. Арриану известна версия о спасении Александра Птолемеем Лагом, но он ее отвергает, относя к числу баснословных историй. При этом Арриан ссылается на самого Птолемея, писавшего, что «он бился в других местах» (Arr. Anab., VI, 11, 7).

¹⁵¹ Птолемей II, сын Птолемея I и Береники (283—246 гг. до н. э.). В более подробных сообщениях других авторов о Птолемее II говорится о его покровительстве наукам, но не о написании им множества греческих книг. Не исключено, что Ампелий приписал Птолемею II книги Клавдия Птолемея, современника Марка Аврелия.

¹⁵² Птолемей III Эвергет царствовал с 246 по 222 г. до н. э. Другим авторам победа его над Родосом неизвестна.

¹⁵³ Птолемей VIII с тронным именем Эвергет II и прозвищем Фискон (Толстобрюхий), 146—117 гг. до н. э. О кровавой расправе Фискона с жителями Александрии, очевидно, первым писал Полибий, посетивший Египет в годы царствования там Фискона. Изложенные Полибием (или другим греческим историком) факты донесли Валерий Максим (IX, 2, 5) и Ампелий. Старший сын Птолемея VIII, которого Ампелий называет «Киприем», Птолемей IX, сначала вместе с матерью Клеопатрой III правил Египтом (116—107 гг. до н. э.), затем был изгнан и правил Кипром. Сообщение о войнах Птолемея IX против гарамантов, которые он вел в интересах Рима, уникально. Другие авторы сообщают лишь о его помощи Риму в войне с Митридатом VI Евпатором и пиратами.

¹⁵⁴ Последний из названных царей Египта — Птолемей XIII, его тронное имя Филопатор Филадельф. «Пупилл» означает сирота. Он царствовал совместно с сестрой Клеопатрой с 51 по 48 г. до н. э. и единолично, находясь во власти могущественного евнуха Потина, с 48 по 47 г. до н. э.; во время так называемой Александрийской войны погиб в сражении с Цезарем.

¹⁵⁵ Имеется в виду консул 260 г. до н. э. Гн. Корнелий Сципион Азина. Его противником в битве при Липарских островах Полибий (1, 21, 7) называет Ганнона,

до того сдавшего римлянам Акрагант. Имя Магона другим авторам неизвестно. Сообщение Флора (1, 18, 11) о том, что Корнелий Азина был изменнически приглашен на переговоры карфагенянами и убит,— выдумка. Сведения о Гн. Корнелии Азине как консуле 254 г. до н. э., напротив, свидетельствуют о том, что карфагеняне отпустили его из плена.

¹⁵⁶ У знаменитого карфагенского полководца Гамилькара, судя по Полибию (I, 64, 6) и другим авторам, было прозвище «Барка» (ср. финикийское *Вагад* — «молния»). Возможно, когномен Боккор у Ампелия не ошибка, а отражение местной традиции. Также никому, кроме Ампелия, не известен четвертый сын Гамилькара — Гамилькар. Возможно, это тот Гамилькар, который во время Второй Пунической войны командовал карфагенским флотом в Иберии (Polyb., III, 95, 2; VIII, 3, 8).

¹⁵⁷ Сифакс — царь масасилиев в западной части Нумидии с главным городом Сига, первоначально действовавший в союзе с римлянами против Карфагена, но впоследствии, когда получил руку карфагенянки Софонисбы, перешел на сторону Карфагена и был разбит П. Корнелием Сципионом.

¹⁵⁸ Юба I, сын Гиempсала II, ставший около 53 г. до н. э. царем Нумидии. Будучи союзником Помпея Магна, Юба уничтожил войско Г. Скрибония Куриона, посланное Цезарем для захвата Африки. После победы Цезаря под Тапсом (46 г. до н. э.) покончил жизнь самоубийством вместе с римлянином М. Петреем. Ср. Liv. Per., 113; Flor., II, 13, 65—68.

¹⁵⁹ Юба II, сын Юбы I, был проведен Цезарем в триумфе и воспитывался в Италии, получил от Августа римские гражданские права и власть над Мавретанией и частью Гетулии. Им написаны труды «Об Ассирии», «О Ливии», «Об Аравии», «Римская история», «История музыки» и др. От этих трудов, частично основывавшихся на пунийской традиции, сохранились лишь фрагменты. Ср. Plut., Ant., 87; Caes., 55.

¹⁶⁰ У античных авторов Фуфетий Меттий (Verg. Aen., VIII, 642 — Mettus) — последний диктатор или царь Альбы Лонги, бывший инициатором поединка Горациев и Куриациев, подговоривший Фидену и Вейи к отпадению от Рима. В тексте Л. Ампелия форма имени Sufetius, может быть, ошибка, характерная для африканца, по созвучию с *sufes*, *sufetis*.

¹⁶¹ Изложение Ампелием гражданских войн обнаруживает текстуальную близость с более пространным рассказом Флора. Первая гражданская война — в 88 г. до н. э. между Марием и Суллой, вторая — между М. Эмилием Лепидом, консулом 78 г. до н. э., и его коллегой по консулату Кв. Лутацием Катулом за отмену законодательства Суллы.

¹⁶² Имеется в виду Тиридат, сын Вонона II, утвержденный на армянском престоле парфянским царем Вологезом I в 52 г. н. э. и свергнутый римским полководцем Гн. Домитием Корбулоном в 60 г. После свержения Тиридат успешно воевал против Рима. Ср. Tac. Ann., XIII, 9, 37 sq.; Dio Cass. LXII, 23; Suet. Nero, 13, 2.

¹⁶³ Изложение гражданских войн у Л. Ампелия обнаруживает текстуальную близость с более пространным рассказом Флора (II, 6—9).

¹⁶⁴ Законы Сульпиция Руфа и занятие Рима Л. Корнелием Суллой относятся к 88 г. до н. э.

¹⁶⁵ Барбар Эскулан — неизвестное античной традиции лицо. Кв. Лутаций Катул, возможно, сын консула Кв. Лутация Катула.

¹⁶⁶ Видимо, полное название главы — «В каких войнах римляне терпели поражение».

¹⁶⁷ Тридентинские Альпы — названы так по кельтскому или ретийскому горному поселению Tridentinum. Также и Флор сообщает, что «кимвры — кто может в это поверить? — как лавина обрушились с тридентинских хребтов» (1, 38, 11).

¹⁶⁸ Аппий Клавдий Кавдекс, консул 264 г. до н. э. Sol. Epp. App., VII, 223; Pol., I, 10—15. Авл Геллий ошибочно считает его братом Аппия Клавдия Слепого (gell., XVII, 21, 40).

¹⁶⁹ Ошибка Ампелия: Сципион Эмилиан не воевал с Вириатом. Против испанских

племен во главе с Вириатом в 145—141 гг. воевал брат Ципиона Эмилиана Кв. Фабий Максим Эмилиан.

¹⁷⁰ Об Этолийской войне и захвате Амбракии см. у Флора (I, 25).

¹⁷¹ Сообщение Ампелия, насколько нам известно, не привлекло внимание историков географических открытий в древности. Ни один из других авторов не упоминает о плавании римлян при Г. Помпее по Индийскому океану. Известно лишь, что Помпей, ведя войну в Сирии, совершил поход в направлении к Индийскому океану и дошел до Петры. С сообщением Ампелия может быть поставлено в связь свидетельство Помпония Мелы (III, 5) о том, что современник Помпея Квинт Корнелий Метелл во время своего проконсульства в Галлии (6 г. до н. э.) встретился с индийцами, корабль которых был занесен бурей в Галлию из южных морей. На этом основании античные географы пришли к выводу, что из Индии можно было добраться морским путем до Германии. Возможно, сведения об Индийском океане, полученные этим или иным путем, были истолкованы каким-либо из предшественников Ампелия в том смысле, что сами римляне вышли к Индийскому океану и даже плавали по нему.

¹⁷² Траян не получал триумфа за победу над скифами и сарматами. Но появление в этом перечне побежденных народов сарматов может служить дополнительным указанием на то, что Ампелий писал после правления Марка Аврелия, Коммода и Максимиана Фракийца, получивших почетный когномен сарматик (Сарматский).

¹⁷³ На самом деле они названы так по месту сбора — *comitium, qui locus a coeundo, i. e. insimul venendo dictus* (Fest., 34, 13).

¹⁷⁴ Характеристика Римской республики как смешанной формы правления восходит через Цицерона (Ер., II, 41) к Полибию.

Словарь

Авентин — один из семи холмов Рима, в глубокой древности заселенный плебеями.
Анналы — первоначально запись событий на деревянных досках, находящаяся в ведении понтификов, затем форма историописания, историческая хроника, летопись.
Атриум — в старину главная часть римского дома, оспещаемая через прямоугольное отверстие в потолке; позднее — прихожая, аванзал.

Базилика — у римлян торговое и судебное помещение.

Баллиста — метательное оружие, выбрасывавшее тяжелые камни и бревна под определенным углом.

Булла — амулет римского ребенка, охранявший его, как считалось, от злых сил и служивший знаком свободного происхождения.

Веста — римская и итальянская богиня домашнего очага.

Вестибул — первоначально открытое место перед домом, позднее его преддверие.

Всадники — второе сословие в Риме, обладавшее особыми правами и почетными привилегиями. Его члены не входили в сенат, будучи крупными землевладельцами, откупщиками, ростовщиками.

Гений — у римлян дух — покровитель мужчины и его жизненной силы.

Грекул — презрительное название эллина (грека) у римлян.

Децемвиры — члены коллегии из десяти должностных лиц или жрецов.

Диана — римская богиня плодородия, покровительница рожениц.

Диктатор — в Римской республике выборное должностное лицо с чрезвычайными полномочиями, назначавшееся на срок не свыше 6 месяцев.

Долий — бочка.

Иды — 15-й день римского месяца для марта, мая, июля и октября. Для остальных месяцев иды приходились на 13-й день лунного месяца.

Империй — полнота власти, неограниченная власть высших должностных лиц, внешним знаком которой были фасции.

Когномен (лат. «прибавление к имени») — третья часть римского имени, например «Цицерон».

Курия — единица племенного деления римского народа; место заседания сената.

Лары — домашние божества, олицетворяющие души предков, боги-покровители дома, земельного участка, рода и семьи.

Легат — 1) посол римского или иностранного государства; 2) помощник полководца, претора, консула, а также командующий легионом.

- Либурна — тип легкого военного или сторожевого судна, получивший имя по иллирийскому племени либурнов, занимавшемуся пиратством.
- Ликтор — телохранитель царя, а в республиканскую эпоху — высших должностных лиц. Обязанностью ликтора было расчищать путь в толпе и приводить в исполнение приговоры.
- Маны — в римской мифологии божества загробного мира, интерпретированные как души предков. На погребальных римских памятниках имелось посвящение «богам манам».
- Миопарона — легкое судно, обычно использовавшееся пиратами.
- Мирмиллон — гладиатор в гальском вооружении с изображением рыбки на острие шлема.
- Муниципий — италийский город, жители которого пользовались ограниченными правами римского гражданства.
- Нобилитет — правящий слой знати в Римской республике, состоявший из патрицианских и плебейских родов.
- Ноны — в древнеримском лунном календаре девятый день месяца.
- Овация — малый триумф, предоставлявшийся римскому полководцу, если его деяния не удовлетворяли требованиям для триумфальной процессии.
- Палатин — один из семи римских холмов, древнейшая обитаемая часть Рима.
- Палес — римское пастушеское божество. Его праздник парилии, или палилии (21 апреля), считался днем основания Рима.
- <п>Палла — верхняя, длинная женская одежда.
- Пенаты — боги римлян, почитавшиеся у домашнего очага.
- Понтифик — жрец, ведавший вопросами культа.
- Претекста — окаямленная пурпуром тога, которую носили магистраты и жрецы, а также мальчики свободных сословий.
- Принцип — в ранние времена Рима гражданин третьего разряда зрелого возраста, занимавший первое место в строю. После реорганизации римского войска в III в. до н. э. принципы составляли второй боевой строй.
- Провинция — в первоначальном значении слова — то, что входило в компетенцию высшего должностного лица, то, что подлежало завоеванию. Впоследствии под провинцией понимали завоеванную территорию, управляемую римскими должностными лицами.
- Проскрипции — публичное объявление вне закона лиц, подлежащих уничтожению без суда.
- Публиканы — откупщики налогов, портовых сборов, строительных работ в Италии и провинциях.
- Салии — коллегия из двенадцати жрецов, ведавших культом бога Марса.
- Сессия — раскол, удаление (плебеев из Рима).
- Стиль — палочка для письма из кости, металла, дерева с заостренным концом.
- Суффект — консул, избранный дополнительно, взамен выбывшего.
- Таберна — у римлян торговое, ремесленное помещение, лавка.
- Таблин — комната, расположенная между атриумом и перестилем (внутренним двориком, окруженным колоннадой); первоначально столовая, затем деловая комната хозяина дома.
- Термин — бог межей и границ у римлян.
- Трабея — белый плащ с пурпурными полосами, надеваемый царями, консулами, а в торжественных случаях и жрецами-авгурами.
- Триба — единица племенного, а впоследствии территориального деления Рима.
- Турма — конный отряд.

Фалера — металлическая бляха, составлявшая часть конской сбруи. Иногда фалеры делались из драгоценных металлов и украшались чеканкой и инкрустацией.

Фасты — календарь с записями важнейших событий.

Фасции (дословно — «связка, пучок розог, перевитый лентой») — знак отличия царей и должностных лиц.

Фламин — жрец какого-либо божества.

Фурии (лат. «неистовые») — в римской мифологии богини мести и угрызений совести.

Цензоры — римские должностные лица, избиравшиеся каждые пять лет сроком на 18 месяцев для проведения ценза и ревизии списков сенаторов и римских всадников.

В их обязанности входило также управление государственным бюджетом и имуществом.

Центурия (лат. «сотня») — единица имущественно-возрастной классификации римских граждан; в древнейшую эпоху центурия выставляла сто воинов, подчинявшихся центуриону. Позднее центурион — младший командир в легионе.

Яникул — один из семи холмов Рима, на правом берегу Тибра.

Указатель имен в текстах¹

- Август, см. Г. Юлий Октавиан Август
Г. Аврелий Котта, консул 75 г. до н. э.
44, 47
Л. Аврелий Котта, консул 65 г. до н. э. 41
М. Аврелий Максим Котта Мессалин 84
М. Аврелий Скавр 28, 29
П. Автроний 166
Агамемнон 11
Агесилай III 203
Агриппа, см. М. Випсаний Агриппа и М.
Агриппа Постум
Ман. Агриппа, консул 503 г. до н. э. 208
М. Агриппа Постум 80, 85
Агрон 102
Адгербал 140, 141
Аддуй 79
Азийный Поллион 44, 59, 64, 66, 71, 94, 184
Айет, см. Эет
Ман. Аквиллий, консул 129 г. до н. э. 25, 140
Ман. Аквиллий, сын предыдущего, легат 33
Ман. Аквиллий, консул 101 г. до н. э. 161
Акций 28
Алет 12, 18
Александр Великий 14, 17, 47, 128, 205,
213—215
Алквивиад 130, 204
Алкман, поэт 22
Алкмеон 15
Л. Альбиний 110
П. Альбинован, консул 163
Аминта 70, 205
Амбиориг 151
Т. Ампий Бальб 46
Амулий 101
Андриск (Лже-Филипп) 17, 133, 134,
206, 218
Л. Аниций Галл 16, 133
Анк Марций, царь 103, 105, 206
Т. Анний Милон 43, 51, 61, 62
Анния 47
Антигон 212
Антиох, царь Македонии 14
Антиох III Великий 45, 129—131, 210,
214, 215, 219
Антиох IV Эпифан 16
П. Антистий, народный трибун 38
Г. Антистий, консул 30 г. до н. э. 188
Г. Антистий Вет, претор 48, 72, 73
Г. Антистий Вет, консул 6 г. до н. э. 48
Г. Антоний, брат триумвира 62, 170, 171
Г. Антоний Гибрида, консул 63 г. до н. э.
167
Л. Антоний 65
М. Антоний, триумvir 56—67, 69—71,
176—183, 217
М. Антоний, консул 99 г. до н. э. 28,
35, 163
М. Антоний Критский, отец триумвира
149, 211
Антоний Юл 78
Кв. Анхарий 164
Анхиз 46
Аппий, см. Ап. Клавдий
Л. Апроний 87
Л. Апулей Сатурнин 30, 31, 154, 157,
158, 207, 211
С. Апулей 92
Арбак 14, 202
Ариобарзан I 146
Ариобарзан III 168
Ариовист 122, 151
Аристид 204
Аристокбул 147
Аристокитон 204
Аристодем 11
Аристоник 25, 45, 140
Аристотель 21
Аристофан 21
Арминий, царь германцев 88, 186
Аррид [ей] (Филипп III) 213
Аррунт, см. Тарквиний Аррунт
Л. Аррунций 66, 70, 71
Арсак I 213
Арсиноя 175
Артабаз 145, 213
Артавазд (Артабаз), царь Армении 69, 75
Артаферн 204
Артока 147
Арторий 63
Архелай 145
Архилох 13
Архимед 126
Аспафин 213
Аспренат, см. Л. Ноний Аспренат
Астиаг 202
А. Атилиий Каллатин 119

¹ Теонимы опущены.

- М. Атилий Регул 44, 116, 120, 203, 218
 Г. Атилий Серран 54
 Атия 57
 Атрей 15
 Аттал I Сотер 128, 140
 Аттал III Филометор 25, 140, 154, 157, 214
 П. Аттий Вар 170, 174
 Т. Аттий Лабин 175
 Аурункулей Котта 151
 Афенион 161
 Афраний, поэт 21, 28
 Л. Афраний, консул 168
 Л. Афраний, легат 51, 53, 170, 175
 Т. Афраний, вождь латин 159
 Ахилл 11, 14
 Ахилла 54
 Ман. Ацилий Глабрион 130
- Базиль, см. Минуций Базиль
 Байорикс 144
 Батон 83, 86
 Г. Бебий 164, 165
 Гн. Бебий Памфил 122
 Бел 202
 Белл, царь Армении 214
 Бестия, см. Л. Кальпурний Бестия
 Бибул, см. М. Кальпурний Бибул
 Битуит 142
 Блез, см. Юний Блез
 Бокх, царь Мавретании 29, 141
 Бомилькар 124
 Брени 131, 214
 Бриттомар 122
 Брут, см. М. Юний Брут
 Д. Брут, см. Д. Юний Брут
- Вала, см. Г. Нумоний Вала
 Валерий Антиат 28
 Г. Валерий Катулл 44
 М. Валерий Корвин 111, 210
 М. Валерий Лэвин 114, 125, 128
 М. Валерий Мессала Корвин 44, 63, 70, 84
 М. Валерий Мессала Мессалин 84
 Валерий Публикола (Попликола) 106,
 206
 Кв. Валерий Соран 165
 Л. Валерий Флакк 36
 М. Валерий Флакк 21
 Вар, см. П. Квинтилий Вар и П. Аттий
 Вар
 Варгунтей, сторонник Катилины 166
 П. Вариний Глабр 161
 Варрон, см. П. Теренций Варрон
 Варрон, см. П. Теренций Варрон Гамба
- П. Ватиний 62
 Вейи, род 209
 Г. Веллей 65
 П. Венгидий Басс 60, 66, 181, 214
 Ветулей 165
 Вергилий 44
 Верцингеториг 152
 Вет, см. Г. Ангистий Вет
 Ветурия 116
 Т. Ветурий Кальвин 19, 112
 Г. Вибий Панса 56, 58, 59
 Г. Вибий Постум 87, 184
 Вибиллий 67
 М. Виниций, консул 19 г. до н. э. 76
 М. Виниций, консул 30 г. до н. э. 15,
 18, 19, 27, 52, 60, 78, 85, 96
 П. Виниций 79, 80
 Винний 184
 М. Випсаний Агриппа 57, 62, 67, 68,
 70—72, 75, 76, 94, 188
 М. Випсаний Постум 184
 Виргиний 117, 211
 Вириат 23, 73, 137, 219
 Виридомар 122, 210
 Волтурций 167
 Вультей 170
- А. Габиний 41, 160
 Гамилькар 215
 Ганимед 173
 Ганнибал 20, 32, 38, 39, 123—130, 140,
 143, 145, 159, 164, 166, 207, 210,
 212, 215, 218, 219
 Ганнон 136, 215
 Гармодий 204
 Гасдрубал 127, 128, 135, 136, 207, 215
 Л. Геллий Публикола (Попликола) 70,
 148
 Гентий 16
 Геренний 112
 Герий Азиний 31
 Германик, см. Клавдий Германик Цезарь
 Гермiona 11
 Гердоний Сабинянин 160
 Гесиод 14
 Гидарн 213
 Гиempсал 140
 Гиерон 119
 Гиппарх 204
 Гиппий 204
 Гиппокл 13
 Гиппот 12, 18
 Л. Гипсей 160
 Гиркан 147

- А. Гиртулей 165
 А. Гирций 56, 58, 59
 Главция, см. Г. Сервилий Главция
 Гобрий 213
 Гомер 12, 13, 14
 Горации, род 103, 209
 Гораций Коклес 26, 106, 209
 Кв. Гортензий Горгал, консул 69 г. до н. э. 32, 44, 52
 Кв. Гортензий, сын предыдущего 63
 Г. Гостилий Манцин 23, 24, 73, 134, 138, 156
 Гракх, см. Семпроний Гракх
 Гракхи, братья 21, 28, 30
- Дарий I 129, 202, 213, 214
 Дарий III 205
 Дамасипп, см. Л. Юний Брут
 Датис 204
 Дедал 199
 Кв. Деиллий (Деилий) 70
 Дейотар 168
 Деметрий, сын Филиппа V 205
 Деметрий Фалерский 205
 Демофонт 204
 Л. Децидий Сакса 181
 Деций 209
 П. Деций Мус 20, 111, 113
 Г. Дидий 144, 174
 Т. Дидий 32
 Дидона 14
 Дион 204
 Дионисий II, царь Сиракуз 204, 214
 Дифил, поэт 21
 Диэй 135
 Гн. Домиций Агенобарб, консул 122 г. до н. э. 29, 45, 142
 Гн. Домиций Агенобарб, народный трибун, консул 104 г. до н. э. 30
 Гн. Домиций Агенобарб, консул 32 г. н. э. 64, 66, 70
 Гн. Домиций Агенобарб, отец императора Нерона 64
 Л. Домиций Агенобарб, консул 97 г. до н. э. 38
 Л. Домиций Агенобарб, консул 54 г. до н. э. 52, 169
 Л. Домиций Агенобарб, консул 16 г. до н. э. 64
 Гн. Домиций Кальвин, консул 67
 М. Домиций Кальвин, претор 165
 Гн. Домиций Корбулон 216
 Дон, царь Артагериды 188
 Друз, см. М. Ливий Друз
- М. Скрибоний Либон Друз 95, 96
 Г. Дуиллий, консул 260 г. до н. э. 119, 218
- Евн 160
 Елена 11
- Ибер 213
 Индутиомар 151
 Инстей Катон 31
 Ион 13
 Исидор 148
 Исократ 21
 Ификрат 205
 Ифит 15
- Каллатин, см. А. Атилий Каллатин и Л. Тарквиний Каллатин
 М. Калидий 214
 Кальв, см. Г. Лициний Кальв
 Л. Кальпурний Бестия 38, 141
 М. Кальпурний Бибул 49
 Гн. Кальпурний Пизон 77, 96
 Л. Кальпурний Пизон Фруги 24, 185
 Кальпурний Фламма 119, 209
 Кальпурния, дочь Л. Кальпурния Бестии 38
 Кальпурния, жена Юлия Цезаря 56
 Камбиз 202, 213
 Камел 59
 Камилл, см. М. Фурий Камилл
 П. Канидий Красс 70, 71
 Л. Канидий Галл 78
 Г. Канулей 117, 211
 Тиб. Каннуций 60
 Капитон 62
 Каран 14
 Карбон, см. Папирий Карбон
 Сп. Карвилий 94
 Г. Кассий, наместник Цизальпинской Галии 162
 Г. Кассий Лонгин, цензор 154 г. до н. э. 20
 Г. Кассий Лонгин, консул 124 г. до н. э. 20
 Г. Кассий Лонгин, зачинщик заговора против Цезаря 50, 55, 56, 58, 60, 62—64, 70, 71, 176—179, 181, 217
 Л. Кассий Лонгин, наместник Азии 145
 Л. Кассий Лонгин, союзник Катилины 166
 Л. Кассий Лонгин Равилла 28
 Г. Кассий Пармский 71
 Кат, см. С. Элий Кат
 Катилина, см. Л. Сергий Катилина

- Катон, см. Порций Катон
Катулл, см. Г. Валерий Катулл
Т. Квинкций Фламинин 129, 205, 212, 218, 219
Т. Квинкций Цинциннат (Серран) 108, 118, 212
П. Квинтилий Вар 88—91, 186, 187
С. Квинтилий Вар 63
Г. Квинций Криспин Сульпициан, любовник Юлии Старшей 78
Квириний, см. Сульпиций Квириний
Кекропс 203
Келей 204
Кимон 15, 204
Кир 202, 213
Ап. Клавдий, любовник Юлии Старшей 78
Ап. Клавдий, консул 127
Тиб. Клавдий 212
Клавдий Германик Цезарь 91—93, 95, 210
Клавдий Друз, см. Г. Клавдий Нерон
Друз Германик Цезарь
Ап. Клавдий Кавдекс 100, 119, 218
Ап. Клавдий Канина 20
Клавдий Квадригарий 28
Ап. Клавдий Красс Сабин 116, 117
Г. Клавдий Марцелл, консул 49 г. до н. э. 52, 169
М. Клавдий Марцелл, консул 222, 215 и 214 гг. до н. э. 44, 122, 125, 126, 207, 212, 219
М. Клавдий Марцелл, сын Октавии 75
Г. Клавдий Нерон, консул 207 г. до н. э. 127, 206, 215, 219
Тиб. Клавдий Нерон, полководец, дядя императора Тиберия 75, 148
Тиб. Клавдий Нерон, отец императора Тиберия 65—67, 75
Тиб. Клавдий Нерон Цезарь, см. Юлий Цезарь Тиберий Август
Г. Клавдий Нерон Друз Германик Цезарь, брат императора Тиберия 75, 184, 186
Ап. Клавдий Пульхр, консул 249 г. до н. э. 121
Ап. Клавдий Пульхр, тесть Тиб. Гракха 24, 145
Ап. Клавдий Руф, сын Ап. Клавдия Цека 20
Клавдий Униман 137
Ап. Клавдий Цека (слепой) 20, 115, 208
Клелия 106, 107
Клеопатра 69—71, 172, 176, 182, 183, 217
П. Клодий Пульхр 49, 51, 62, 150
Кодр 11, 12, 204
Коклес, см. Горацій Коклес
Конон 204
Г. Копоний 69
Корвины, род 111
Кориолан, см. Гн. Марций Кориолан
Л. Корнелий Бальб 53
Гн. Корнелий Долабелла, консул 81 г. до н. э. 48
П. Корнелий Долабелла Максим, консул 283 г. до н. э. 111
П. Корнелий Долабелла, консул 10 г. до н. э. 93, 151
Г. Корнелий Долабелла, консул-суффект 44 г. до н. э. 56—58, 62, 70, 170
П. Корнелий Долабелла, консул 44 г. до н. э. 176
Гн. Корнелий Лентул, консул 146 г. до н. э. 18
Гн. Корнелий Лентул, консул 72 г. до н. э. 162
Гн. Корнелий Лентул, консул 14 г. до н. э. 185
А. Корнелий Косс, консул 428 г. до н. э. 210
Гн. Корнелий Лентул Косс Гетульский 87, 187
Л. Корнелий Лентул Крус, консул 49 г. до н. э. 52, 53, 169
Гн. Корнелий Лентул Марцеллин 148
П. Корнелий Лентул Спинтер 54
П. Корнелий Лентул Сура 43, 166
Л. Корнелий Мерула 34, 35, 164
П. Корнелий Руфин 20, 32, 115, 207
Л. Корнелий Сизенна 28
Л. Корнелий Сулла Феликс, диктатор 29, 31—34, 36, 37—41, 47, 48, 58, 60, 139, 141, 145, 146, 153, 160, 162—166, 207, 208, 214, 216, 217, 219
Корнелий Сулла Фауст 175
Корнелий Сципион, любовник Юлии Старшей 78
Л. Корнелий Сципион, консул 259 г. до н. э. 119
Л. Корнелий Сципион, консул 82 г. до н. э. 164
П. Корнелий Сципион, полководец и консул 218 г. до н. э., отец Африканского 45, 73, 123, 124, 212, 218

- Л. Корнелий Сципион Азиатский, брат Африканского, консул 190 г. до н. э. 45, 190, 208, 210, 219
- Г. Корнелий Сципион, дядя Африканского 126, 136
- П. Корнелий Сципион, помпезнец 173, 211
- Гн. Корнелий Сципион Азина 119, 215, 216
- П. Корнелий Сципион Африканский Старший 18, 19, 24, 27, 126—128, 130, 207, 210, 215, 216, 218, 219
- П. Корнелий Сципион Эмилиан, консул 134 г. до н. э. 138
- П. Корнелий Сципион Эмилиан Африканский и Нумантийский Младший 16, 18, 22, 25, 28, 45, 135, 137, 138, 207, 210, 214, 219
- П. Корнелий Сципион Кальв, консул 222 г. до н. э., дядя Африканского 45
- П. Корнелий Сципион Назика, консул 191 г. до н. э. 134
- П. Корнелий Сципион Назика Коркул (Наилучший), консул 162 г. до н. э. 23, 209, 211
- П. Корнелий Сципион Назика Серапион, консул 138 г. до н. э. 24, 157, 211
- Г. Корнелий Цетег 43, 166, 209
- Л. Корнелий Цинна 34—37, 47, 163, 167, 217
- Корнелия, мать братьев Гракхов 27
- Корнелия, жена Гн. Помпея Магна 54
- Корнидий 185
- Л. Корнифиций 67
- Тиб. Корунканий 94
- Косс, см. Гн. Корнелий Лентул Косс
- Ав. Косс 107
- Котис 95, 168
- Котисон 185
- Котта, см. Г. Аврелий Котта
- Красс, см. М. Лициний Красс
- П. Красс, см. П. Лициний Красс Муциан
- Крастин 171
- Кратин, поэт 21
- Креон 15
- Кресфонт 11
- Крикс 161, 217, 218
- Крисп, см. Кв. Марций Крисп
- Криспин, см. Г. Квинций Криспин
- Критолай 135
- Ксантип 120, 203
- Ксеркс 129, 130, 180, 202—204
- Куриации, род 103, 209
- Кв. Курий, сторонник Катилины 166
- Ман. Курий Дентат 20, 111, 114, 115, 207, 212
- Курион, см. Г. Скрибоний Курион
- Т. Лабиен, народный трибун 46
- Тиб. Лабиен, сын предыдущего 66
- Кв. Лабиен 181
- Ламия, см. Л. Элий Ламия
- М. Лампоний Телезин 164
- Ласфон 42
- Латеренс, см. М. Ювенций Латеренс
- Латин 15
- Ленат, см. Попилий Ленат
- Леонид 119, 203
- Лентул, см. Л. Корнелий Лентул
- Лепид, см. М. Эмилиий Лепид
- Лелии 94
- Г. Лелий Мудрый 22, 28
- Лже-Филипп, см. Андриск
- Тит Ливий 21, 44
- М. Ливий Друз Старший, народный трибун, противник Г. Гракха 144
- М. Ливий Друз Младший, народный трибун, законодатель 30, 31, 154, 158, 159, 208, 211
- М. Ливий Друз Клавдиан 63, 65
- М. Ливий Салинатор 127
- Ливия, см. Юлия Августа (Ливия)
- Лид 11
- Ликург 14, 203
- Лисандр 203
- Лисипп 17
- С. Лициний 36
- Г. Лициний Кальв 44
- Л. Лициний Красс 28, 44
- М. Лициний Красс, наместник Македонии 29 г. до н. э. 185
- М. Лициний Красс, претор 72 г. до н. э. 40
- М. Лициний Красс, триумvir 48, 50, 73, 89, 153, 162, 168, 181, 182, 189, 217
- П. Лициний Красс Дивес, консул 97 г. до н. э., отец триумвира 164, 214
- П. Лициний Красс Муциан 22, 25, 140
- Л. Лициний Лукулл, консул 151 г. до н. э. 137
- Л. Лициний Лукулл, претор 104 г. до н. э. 161
- Л. Лициний Лукулл Понтийский, консул 74 г. до н. э. 42, 44, 46, 52, 146, 208, 219
- Л. Лициний Лукулл, сын предыдущего 63
- М. Лициний Лукулл 39, 52
- А. Лициний Нерва Силиан 87

- Г. Лициний Столон 26, 117, 211
 М. Лоллий 76, 79
 Лукреций 44
 Кв. Лукреций Оффелла 39
 Лукреция 105, 106
 Лукулл, см. Лициний Лукулл
 М. Лурий 70
 Г. Лутаций Катул, консул 242 г. до н. э.
     121, 218
 Кв. Лутаций Катул, консул 102 г. до н.
     э. 30, 35, 164, 165, 210
 Кв. Лутаций Катул, консул 78 г. до н.
     э. 41, 48, 52, 166, 208, 216, 217
 Г. Луцилий 28
 Луцилия 39
 Лэвин, см. М. Валерий Лэвин
- Магарбал 124
 Магий Целер Велеян 86
 Магон 215
 Мадзара 153
 Мамилий Октавий 107
 А. Манилий (Маллий) Максим 29, 142
 Г. Манилий 42
 М. Манилий 134, 219
 А. Манлий, консул 256 г. до н. э. 218
 А. Манлий Торкват 20
 Г. Манлий Вулсон 20, 45, 131, 144
 Г. Манлий, сторонник Суллы 167
 Л. Манлий Ацидин Фульвиан 28
 Л. Манлий Торкват 148
 Л. Манлий (Маллий) Торкват 111, 206, 210
 М. Манлий Капитолийский 110, 111, 118,
     212
 Т. Манлий 45
 Манцин, см. Г. Гостилий Манцин
 Мардоний 203
 Г. Марий, полководец, консул, противник
     Суллы 28—35, 37—39, 47, 49, 94,
     139, 141—145, 158, 162—164, 167,
     207, 211, 217, 219
 Г. Марий Младший, консул, сын пре-
     дыдущего 37, 164, 217
 Марий Эгнаций 31
 Маробод 82, 83, 89, 95
 Марцелл, см. М. Клавдий Марцелл
 Гн. Марций Кориолан 108, 116, 211
 Кв. Марций Крисп 62
 Кв. Марций Рекс 20, 27
 Г. Марций Фигул 184
 Кв. Марций Филипп, консул 169 г. до
     н. э. 132, 205
 Л. Марций Филипп, консул 91 г. до н. э.
     158, 159, 208, 211
- Г. Марций Цензорин, консул 8 г. до н. э.
     79
 Л. Марций Цензорин, консул 149 г. до
     н. э. 134
 Л. Марций Цензорин, консул 39 г. до н. э. 31
 Масинисса 134, 140, 215, 216
 Массива 141
 Маципса 140
 Мегабой 213
 Мегаравик 138
 Мегасфен 13
 Медон 12
 Медонтиды 12
 Меланф 11
 М. Мелий 212
 Мена 64, 66, 180
 Менандр 21
 Менеkrat 64, 66, 180
 Менелай 11
 Менений Агриппа 117
 Г. Месмий 158
 Мессала, Мессалин, см. Валерий Мессала
     Мессалин и Валерий Мессала Корвин
 Метта Фуфетий (Метгий Суффетий) 103,
     216
 Метелл, см. Цецилий Метелл
 Р. Меценат 72
 Милон, см. Т. Анний Милон
 Мильгиад 15, 202, 204
 Минаций Магий 32
 Минуций Базиль 170
 М. Минуций Руф 28, 144, 157
 Кв. Минуций Терм 169
 Митридат 32, 33, 36, 42, 44, 46, 145—149,
     165, 173, 212, 214, 217, 219
 Л. Муммий Ахейский 17—19, 45, 94,
     135, 210, 219
 Л. Мунаций Планк 59, 61, 65, 66, 69,
     74, 76
 Г. Муций Корд Сцевола 106, 107, 209
 Кв. Муций Сцевола, консул 95 г. до н.
     э. 164
 Кв. Муций Сцевола, консул 117 г. до
     н. э. 28, 38
 П. Муций Сцевола, консул 133 г. до н. э.
     24
 Г. Мэний 108
- Набис 129
 Назон, см. П. Овидий Назон
 Наутий 120
 Невий Аттий
 Неоптолем 145
 Нерон, см. Тиб. Клавдий Нерон Друз и

- Юлий Цезарь Тиберий Август, император
 Нестор 11
 Никомед III Филопатор 25, 45
 Никомед IV Филопатор 145, 146, 215
 Нин 13, 14, 202
 А. Ниний 157
 Л. Ноний Аспренат 90
 Г. Норбан 164
 Нума Помпилий 102, 103, 105, 121, 190, 206
 Нумитор 101
 Г. Нумиций 114
 Г. Нумоний Вала 89
- Обсидий 114
 П. Овидий Назон 44
 Г. Октавий, народный трибун 156
 Г. Октавий, отец императора Августа 56
 Г. Октавий (Октавиан), см. Г. Юлий Цезарь Октавиан Август, император
 Гн. Октавий, консул 165 г. до н. э. 16, 23
 Гн. Октавий, консул 87 г. до н. э. 35, 163, 217
 М. Октавий, народный трибун 24
 М. Октавий 170
 Октавия 66
 Олимпиада 205
 Олиндик 137
 Л. Опимий 26, 27, 157, 210, 211
 М. Опий Статиан 69
 Оргиаконт 132
 Орест 11, 12
 Ород II 147, 153, 214
 Отон, см. Л. Росций Отон
 Офриад 203
 Орхоз 147
- Павел, см. Эмилий Павел
 Павсаний 203
 Пакор I 67, 181, 214
 Пакувий 28
 Панар 42
 Пандион 204
 Панетий 19
 Панса, см. Г. Вибий Панса
 Папий Мутил 31
 Г. Папирий Карбон, народный трибун, консул 120 г. до н. э. 25, 28
 Г. Папирий Карбон, претор 81 г. до н. э. 160
 Гн. Папирий Карбон, консул 113 г. до н. э. 29
 Гн. Папирий Карбон, консул 85, 84 и 82 гг. до н. э. 37, 38, 163—165
- Л. Папирий Курсор (Быстроногий) 112, 206
 Л. Пассиен Руф 87
 Патибата, маг. 213
 Кв. Педий 60, 62
 Пенфил, сын Ореста 11
 Периандр 214
 М. Перперна, консул 130 г. 25, 45, 140, 161
 М. Перперна Вентон 165
 Персей, царь Македонии 15—17, 132, 133, 205, 218, 219
 М. Петрей 51, 53, 170, 174
 Пизон 47
 Пиндар 22
 Пиннет 83, 86
 Пирр, сын Ахилла 11
 Пирр, царь Эпира 20, 113—115, 131, 145, 159, 164, 212, 218
 Писистрат 204
 М. Плавций Сильван 84
 Планк, см. Л. Мунаций Планк
 Платон 21, 174
 Плеторий 165
 Л. Плоций Вар 148
 Л. Плоций Планк 61
 Полибий 19
 Полидор 203
 Поликрат 214
 Поликсенид 130
 А. Помпей 138
 Гн. Помпей, отец триумвира 31, 32, 34, 35, 39
 Гн. Помпей, сын триумвира 55, 175
 Кв. Помпей, консул 141 г. до н. э. 23, 35, 73
 С. Помпей, сын триумвира 53, 64, 66, 71, 175, 180, 217
 С. Помпей, консул 114 г. н. э. 92
 Гн. Помпей Магн (Великий), триумvir 31, 33, 39, 41—46, 48—53, 58, 65—68, 75, 95, 139, 145, 147—150, 153, 154, 165—176, 179, 180, 187, 211, 213—216, 219
 Кв. Помпей Руф, консул 8 г. до н. э. 32—34
 Гн. Помпей Страбон, отец триумвира 34, 160
 Л. Помпоний 28
 Л. Помпоний Флакк 95
 М. Помпоний 26
 Г. Понтидий 31
 Понтий Телезин, вождь италиков 31, 38, 39, 112, 159, 164, 210, 212

- М. Попилий Ленат 16, 137
 П. Попилий Ленат, консул 132 г. до н. э. 27
 П. Попилий Ленат, народный трибун 86 г. до н. э. 36
 Кв. Попедий Силон 31, 159
 Полликола, см. Геллий Публикола
 Порсенна 106, 216, 218
 Г. Порций Катон, консул 114 г. до н. э. 27, 144
 Л. Порций Катон, консул 89 г. до н. э. 160
 М. Порций Катон Цензорин Старший, консул 185 г. до н. э. 14, 18, 22, 27, 94, 134, 137, 209
 М. Порций Катон, консул 118 г. до н. э. 20, 27
 М. Порций Катон Утический Младший, претор 54 г. до н. э. 43, 45, 49, 54, 148, 150, 167, 168, 173, 174, 209, 216
 М. Порций Катон, сын предыдущего 63
 Постум, см. Вибий Постум и Випсаний Постум
 Сп. Постумий Альбин, консул 110 г. до н. э. 141
 Сп. Постумий Альбин Кавдинский, консул 334 и 321 гг. до н. э. 19, 112, 210
 А. Постумий Альбин Луск 17, 122
 П. Постумий Альбин Регилл 116
 Потан 213
 Потин 173, 215
 Прокл 203
 Прокна 204
 Пруссия I 214
 Птолемей I Сотер 215
 Птолемей II Филадельф 215
 Птолемей III Эвергет 215
 Птолемей VI Филометор 16
 Птолемей VIII Фискон 215
 Птолемей IX, царь Египта, позднее Кипра 49, 150, 215
 Птолемей XII 54, 172
 Птолемей XIII Пупилл 215
 Публилий Валерон 116
 Кв. Публилий Филон 19
 Публикола, см. Гелий Публикола
 М. Пупий Пизон Кальпурниан 47
 Рабирий 44
 Раскупол 95, 168
 Регул, см. М. Атилий Регул
 Рекоген 139
 Рем 101
 Реметалк 84, 185
 Ромул 15, 100—102, 105, 110, 137, 190, 206, 210, 212, 216
 Л. Росций Отон 41
 П. Рупилий 27
 П. Рутилий Луп 31, 32, 159
 П. Рутилий Руф 28, 30, 31, 158
 Сакровир 95
 Г. Саллюстий Крисп 44, 213
 Кв. Сальвидиен Руф 57, 66
 Сапфо 191
 Сарданалал 13, 202
 Сатурнин, см. Г. Сентий Сатурнин
 Саферн 213
 Сегест 89, 187
 Г. Секстий Кальвин 20
 Селевк 213
 Семирамида (Самирамида) 13
 Г. Семпроний Блез 20
 Г. Семпроний Грах, народный трибун 123 и 122 гг. до н. э. 24—27, 41, 157, 211
 Тиб. Семпроний Грах, отец братьев Гракхов, законодатель 24, 137, 208
 Тиб. Семпроний Грах, брат Г. Семпрония Граха, народный трибун 133 г. до н. э., законодатель 24—27, 156, 157, 211
 Тиб. Семпроний Грах, консул 215 и 213 гг. до н. э. 125, 126, 212
 Тиб. Семпроний Грах, народный трибун 2 г. до н. э. 78
 Тиб. Семпроний Лонг 73, 124
 П. Семпроний Соон 20, 116
 Г. Семпроний Тудитан 25
 Г. Сентий Сатурнин, консул 19 г. до н. э. 66, 74, 79, 80, 83
 Г. Сентий, консул 4 г. н. э. 79
 Л. Септимий 172
 Сервий Сульпиций Гальба 22, 28
 Сервий Туллий, царь 104, 105, 206, 212
 Кв. Сервилий Агала 118
 П. Сервилий Ватия Исаврийский 45, 148, 210
 Г. Сервилий Главция 30, 158, 211
 Гн. Сервилий Цепион, консул 169 г. до н. э. 20, 31
 Гн. Сервилий Цепион, консул 141 г. до н. э. 28, 35
 Кв. Сервилий Цепион, консул 140 г. до н. э. 23
 Кв. Сервилий Цепион, претор 158, 159, 161, 211

- Сервилия 72
 Л. Сергей Катилина 43, 154, 166, 167, 212
 Кв. Серторий 40, 145, 163, 165, 207
 Сеян, см. Л. Элий Сеян
 Сигимер 88
 Сизенна, см. Л. Корнелий Сизенна и Т. Стабий Сизенна
 Силак 153
 П. Сирий 78, 87
 Г. Сирий Цецина Ларг 96
 П. Сирий Нерва 69, 73
 Сифак (Сифакс) 128, 215, 216
 Скавр, см. Аврелий Скавр и Эмилий Скавр
 Г. Скрибоний Либон 169, 170
 М. Скрибоний Либон Друз 95, 96
 Г. Скрибоний Курион 51, 55, 61, 144, 170, 212, 216
 Скрибония 78
 Смерд (Бардия), царь персов и самозванец 213
 Г. Сосий 70, 71
 Сократ 21
 Софокл 21
 Спартак 40, 161, 162, 217, 218
 Спурий Кассий 118
 С. Спурий Мелий 118, 212
 Спурий Торий 212
 Оп. Статиан 69
 Т. Стабий Сизенна 31
 Т. Стабий Тавр 70, 94
 Стаций Мурк 62, 64, 66
 Страбон, см. Г. Юлий Цезарь Страбон
 Стратон 63
 Сулла, см. П. Корнелий Сулла
 Г. Сульпиций Гальба 44
 Кв. Сульпиций Лонг 117
 П. Сульпиций Квириний 187
 П. Сульпиций Руф 28, 33, 34, 163, 216, 217
 Сурена 153
 Сцева 171
 Сцевола, см. Муций Сцевола
 Сципион, см. Корнелий Сципион
- Тавр, см. Т. Стабий Тавр
 Танаквиль 104
 Тарквинии, род 106, 107, 206, 216
 Тарквиний Аррунт 107
 Л. Тарквиний Коллатин 100, 105
 Тарквиний Приск 103, 104, 206
 Тарквиний Суперб (Гордый) 104, 105, 178, 206, 212
- Таркондимот 168
 Гарпея 102
 Т. Таций 111, 216
 Тевкр 11
 Тевтана 122
 Тевтобад 143
 Теламон 11
 Телезин, см. М. Лампоний Телезин, Понтий Телезин
 Темен 11
 Теофан 33
 Теренций, поэт 21
 П. Теренций Афер 21
 М. Теренций Варрон Лукулл 145
 А.(Л.) Теренций Варрон Мурена 74, 75
 М. Теренций Варрон, легат и ученый 148, 170
 Г. Теренций Варрон 124, 212, 218
 М. Теренций Варрон Гальба, народный трибун 43
 Терм, см. Кв. Минуций Терм
 Тесей 204
 Тиберий Цезарь, см. Юлий Цезарь Тиберий Август, император
 Тибулл 44
 Тигран, царь Армении 42, 44, 147, 187, 214, 219
 Тимолеонт 214
 Тиридат 216
 Тиррен 11
 Тиртей 203
 Тисамен 11
 М. Титий 66, 67, 69
 Титурий Сабин 151
 Тоас (Фоант) 129
 Л. Толумний 108, 210
 Томира 202
 Г. Тораний 161
 Торий Бальб 165
 Торкват, см. Манлий Торкват
 Траян, см. М. Ульпий Траян, император
 Г. Требоний 56, 62, 71
 Триптолем 204
 М. Туллий Цицерон 22, 31, 43, 44, 49, 51, 56, 58—61, 94, 167, 178, 209, 212
 Тулл (Туллий), см. Сервий Туллий
 Тулл Гостилий 103, 206, 216
- М. Ульпий Траян, император 101, 210, 219
- Фабии, род 108, 209
 Фабий, патриций 110

- Кв. Фабий Амбуст, трибун 390 г. до н. э. 109
- М. Фабий Амбуст, трибун 381 и 369 гг. до н. э. 117
- М. Фабий Бутеон 121
- Г. Фабий Дорсуон 20, 209
- Кв. Фабий Максим, претор 181 г. до н. э. 16
- Кв. Фабий Максим Кунктатор (Медлитель) 125, 206, 219
- Кв. Фабий Максим Аллоброгский, консул 121 г. до н. э. 29, 45, 142
- Кв. Фабий Максим Гургес 116
- Кв. Фабий Максим Руллиан 20, 112, 206
- Фабий Максим Сервилиан, консул 142 г. до н. э. 137
- Кв. Фабий Максим Эмилиан, консул 145 г. до н. э. 16, 26
- Л. Фабий 123
- Г. Фабриций Лусцин 114, 115, 207, 212
- М. Фавоний 54
- Г. Фанний Страбон 22, 28
- Г. Фанний 28, 29
- Фанний Цепион 74, 75
- Фарнак 46, 55, 147, 173, 214, 215
- Фаустул 101
- Федима 213
- Феодот 54, 173
- Феопомп 203
- Фессал, сын Геракла 12
- Фидий 200
- Фидипп 11
- Филемон 21
- Филипп, консул, см. Л. Марций Филипп
- Филипп II Македонский, отец Александра Великого 14, 205
- Филипп V 128, 129, 132, 205, 218
- Филомела 204
- Г. Флавий Фимбрия 164
- Г. Фламиний 122, 124, 212, 219
- Флор, см. Юлий Флор
- Фокион 205
- Фонтей 31
- Фраат 73
- Фрасибул 204
- Фукидид 44
- М. Фульвий Нобилиор, консул 189 г. до н. э. 20, 45, 131, 219
- Кв. Фульвий Флакк, полководец и четырёхжды консул в III в. до н. э. 100, 122, 127, 218
- Г. Фульвий Флакк, военачальник 36
- Гн. Фульвий Флакк, консул 179 г. до н. э. 17
- М. Фульвий Флакк, консул 125 г. до н. э. 26, 27
- Кв. Фульвий Флакк, консул 212 г. до н. э. 28
- Гн. Фульвий Центумал 122
- Фульвия 65, 66, 167, 177
- М. Фурий Камилл 110, 111, 116, 206
- Г. Фурний 188
- Л. Фуфидий 164
- Хабрия 205
- Харопс 12, 15
- Цезарь, см. Юлий Цезарь
- Л. Цезций Флав 62
- Г. Цезоний 175
- Цейоний 89
- Целер, см. Магий Целер Велеян
- Л. Целий Антипатр 28
- Л. Целий Кальд 90
- М. Целий Руф 44, 61
- Цензорин, см. Марций Цензорин
- Цепион, см. Фанний Цепион и Кв. Сервилиус Цепион
- Гн. Цепион 142
- Цетег, см. Г. Корнелий Цетег
- Л. Цецидий 90
- Л. Цецилий Метелл, консул 251 и 247 гг. до н. э. 120, 210
- М. Цецилий Метелл 28
- Г. Цецилий Метелл 28
- Кв. Цецилий Метелл Балеарский 149
- Кв. Цецилий Метелл Капрарий (Капрейский) 28
- Кв. Цецилий Метелл Критский 42, 45, 46, 52, 149, 210
- Кв. Цецилий Метелл Македонский 17, 26, 133, 135, 137, 149, 206, 207, 218
- Кв. Цецилий Метелл Непот 148
- Кв. Цецилий Метелл Нумидийский 28, 29, 31, 45, 49, 141, 158, 207
- Кв. Цецилий Метелл Пий, консул 80 г. до н. э. 31, 39, 40, 165
- Кв. Цецилий Метелл Пий Сципион 173, 211
- Кв. Цецилий Метелл Целер 52, 168
- Цецилий Стаций 21
- А. Цецина 84
- Цинна, см. Л. Корнелий Цинна
- Цицерон, см. М. Тулий Цицерон
- Эвандр 101
- Эвгмер 200

- Эвмен I 214
Эвмен II 15, 140, 145, 214
Эвмолп 204
Эвполид, поэт 21
Эврипид 21
Эврисфен 203
Эгей 204
Л. Эггий 89
Эгисф 11
Эгнаций, вождь этрусков 159
М. Эгнаций Руф 74, 75
Эет (Айет) 145
Электра 11
С. Элий Кат, консул 4 г. н. э. 79
Л. Элий Ламия, консул 3 г. н. э. 87
Л. Элий Сеян 94
М. Эмилий Лепид, консул 78 г. до н. э.,
отец триумвира 166, 208, 216
М. Эмилий Лепид, триумvir 59, 60, 68,
178, 179
М. Эмилий Лепид, сын триумвира 71, 72
М. Эмилий Лепид, внучатый племянник
триумвира 86, 93
М. Эмилий Лепид Порцина 28
Л. Эмилий Павел, консул 219 и 216 гг.
до н. э. 124, 187, 212, 219
Л. Эмилий Павел, брат триумвира Ле-
пида 61, 178
Л. Эмилий Павел Македонский 15, 16,
45, 46, 132, 135, 206, 207, 210, 218,
219
Л. Эмилий Пап 122
Л. Эмилий Регилл 130
Г. Эмилий Регул 209
М. Эмилий Савр 28, 141, 158, 209
Эмилий Сура 14
Эней 101
Эномай 161, 217, 218
Эпаминонд 214
Эпей 11
Л. Эпидий Марулл 62
Эриксиас 15
Эрихтоний 204
Эсхил 21
Юба I 54, 170, 173—175, 216
Юба II 216
М. Ювенций Латеренс 59
Югурта 28, 29, 140, 141, 216, 219
Юл 101
Юлии, род 177
Юлий Прокул 102
Юлий Сакровир 95
Юлий Флор 95
Г. Юлий Цезарь, внук (приемный сын)
Августа 76—79, 187, 188
Г. Юлий Цезарь, диктатор 40, 44—58,
62, 139, 150—154, 167—178, 180,
186, 208, 213—217
Г. Юлий Цезарь Октавиан Август, им-
ператор 43, 45, 56—60, 63—79, 83,
84, 90—92, 94, 100, 101, 136, 176—
181, 183—190, 208, 216, 217, 219
Л. Юлий Цезарь, консул 90 г. до н. э. 31
Л. Юлий Цезарь, внук Августа 76, 187
Л. Юлий Цезарь, дядя М. Антония, триум-
вира 61, 178
С. Юлий Цезарь, консул 159
Г. Юлий Цезарь Страбон Вописк, консул
88 г. до н. э. 28, 163
Юлий Цезарь Тиберий Август (Тиб.
Клавдий Нерон Цезарь Тиберий),
император 45, 65, 75—92, 94, 95
Юлия, сестра Юлия Цезаря 56, 57
Юлия, дочь Юлия Цезаря, жена Помпея
50, 168
Юлия Августа (Ливия) 63, 67
Юлия Старшая, дочь Августа 76, 78, 80
Юний Блез 93
Л. Юний Брут, консул 509 г. 100, 105—
107
Л. Юний Брут Дамасипп 38
М. Юний Брут, зачинщик заговора
против Юлия Цезаря 44, 55, 58—60,
62—66, 71, 176, 178, 179, 181, 208,
217
Децим Юний Альбин Брут 170
Д. Юний Брут Каллекийский (Галлекий-
ский) 25, 56—59, 71, 137, 177, 208,
210, 211, 219
М. Юний Силан 29, 66, 142
Юния 71
Юнк 47

Содержание

От редакции	5
ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ. РИМСКАЯ ИСТОРИЯ	
Книга I. Перев. А. Немировского	11
Книга II. Перев. А. Немировского, М. Дашковой	23
АННЕЙ ФЛОР. ДВЕ КНИГИ РИМСКИХ ВОЙН	
Книга I. Перев. А. Немировского, М. Дашковой	99
Книга II. Перев. А. Немировского	155
ЛУЦИЙ АМПЕЛИЙ. ПАМЯТНАЯ КНИЖИЦА.	
Перев. А. Немировского	191
ПРИЛОЖЕНИЯ	
А. НЕМИРОВСКИЙ. ТРИ МАЛЫХ РИМСКИХ ИСТОРИКА	
Веллей Патеркул	223
Луций Анней Флор	267
Луций Ампелий	302
Комментарии. А. Немировский	311
Словарь	373
Указатель имен в текстах сост. Ю. А. Магидсон	376

Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица. Пер. с лат./Изд. подгот. А. Немировским.— М.: Ладомир, 1995.— 387с.

ISBN 5-86218-125-3

Настоящий том серии «Малые римские историки» составлен из произведений авторов I—III вв. Публия Веллея Патеркула, Луция Аннея Флора и Луция Ампелия. Первый труд содержит изложение событий от гибели Трои до правления императора Тиберия, данное в хронологическом порядке с включением разделов, посвященных колонизации и греко-римской истории. Второй историк предлагает блестящий по художественной форме и глубокий по мысли рассказ о внешних и внутренних гражданских войнах Рима, доведенный до времени Августа. Третий труд привлекает внимание сведениями по греческой и восточной истории, данными естественных наук, персчем античных «чудес света». «Триумvirат» малых историков Рима, дополняющих друг друга, дает в целом уникальную информацию об исторических судьбах античного мира, о полной трагизма борьбе, итогом которой была Римская империя.

Рассчитана на научных работников, преподавателей, студентов, а также всех серьезно интересующихся античностью.

МАЛЫЕ РИМСКИЕ ИСТОРИКИ

Редактор *Ю. А. Магидсон*

Художественный редактор *Е. В. Гаврилин*

Технический редактор *М. А. Страшнова*

Корректор *О.Г. Наренкова*

ЛР №063160 от 14.12.93 г.

Сдано в набор 13.10.95. Подписано в печать 18.12.95.
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 25. Усл. печ. л. 25.
Тираж 3000 экз. С 044. Зак. № 2007

Научно-издательский центр «Ладомир»,
103617, Москва, К-617, кор. 1435.
При участии ТОО «ВРС».

Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Шубинский пер., 6